

Французская
Эрета

L'Élégie française
des XVIIIe - XIXe
siècles
Traduite par des poètes
russes de l'époque
de Pouchkine

MOSCOU
EDITIONS «RADOUGA»
1989

Французская эрелня
XVIII ~ XIX
веков
в переводах поэтос
пушкинской
поэмы

МОСКВА
«РАДУГА»
1989

Составление *В. Э. Вацуро*
Вступительные статьи *В. Э. Вацуро* и *В. А. Мильчиной*
Комментарии *В. Э. Вацуро* и *В. А. Мильчиной*
Художник *И. С. Захаров*
Редактор *К. Н. Агарова*

Французская элегия XVIII—XIX вв. в переводах поэтов пушкинской поры: Сборник / Сост. В. Э. Вацуро. — М.: Радуга, 1989. — На франц. яз. с параллельным русским текстом. — 688 с.

В сборнике представлены оригиналы лирических произведений французских поэтов XVIII—XIX веков — Н. Жильбера, Э. Парни, А. Бертена, А. Шенье, А. Арно, Ш. Мильвуа, А. Ламартина — и их переводы-интерпретации, созданные В. А. Жуковским, К. Н. Батюшковым, А. С. Пушкиным, Е. А. Баратынским, Д. В. Давыдовым, А. И. Полежаевым и другими русскими поэтами первой половины XIX века.

Издание сопровождается богатым научным аппаратом, включающим вступительные статьи, справки о французских и русских поэтах, библиографические сведения и комментарии к текстам.

© Составление, вступительные статьи
и комментарии издательство «Радуга», 1989

Ф $\frac{4703000000-250}{031(01)-89}$ 435-88

ISBN 5-05-001529-4

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В европейской поэзии нового времени мы знаем не так уж много жанровых форм, которые находились бы в столь сложных и динамичных отношениях с русской поэзией, как французская элегия от Парни до Ламартина.

Ее усваивали и отвергали, в ней выбирали одно и отбрасывали другое и противопоставляли одни явления другим. Она активно жила в активном же художественном сознании, что-то меняя в нем, и сама менялась сообразно его законам. И ее переводили, то подчиняя себя оригиналу, то изменяя его до неузнаваемости, — но и в том, и в другом случае переводили не просто на чужой язык, но на язык чужой поэзии и чужого эстетического сознания.

Эта книга должна дать представление о живом взаимодействии двух поэтических культур. В нее вошли переводы стихов шести французских поэтов, чье творчество было особенно популярно в России пушкинского времени: Н. Жильбера, Э. Парни, А. Бертена, Ш. Мильвуа, А. Шенье, А. Ламартина; к ним добавлены переводы «Листка» А. Арно, имевшего в русской поэзии особую судьбу. Почти все эти стихи — элегии или тяготеют к элегическому жанру, — но жанровые границы в конце XVIII века уже размывались, а на чужой литературной почве могли и вовсе изменить свою жанровую природу: так, ода Жильбера приобретала иной раз элегический колорит, а элегия Ламартина под пером наследника одической традиции XVIII века приобретала жанровые очертания оды. Два поэтических ряда взаимодействовали друг с другом: они то шли параллельно, то соприкасались, то расходились, — и чтобы читатель мог уловить законы взаимодействия и взглянуть на первый глазами второго, в книге собраны только переводы пушкинской поры. По ним можно судить, что из творчества французских лириков нашло отклик в русской поэзии, что было оставлено без

внимания, что переводилось точно, что перерабатывалось полностью. В этом хоре поэтических голосов звучат голоса и великих поэтов, и безвестных эпигонов, ибо только совокупность шедевров и «массовой литературы» может дать представление о реальном движении поэзии. Читатель сможет сравнить между собою довольно многочисленные варианты переводов одной и той же элегии. Полный репертуар представить было бы невозможно, — он даже не выявлен до конца, — да, вероятно, и не нужно, ибо не все, что пишется и забывается, заслуживает воскрешения. Тем не менее книга включает абсолютное большинство переводов и переложений, что в целом создает, как мы надеемся, довольно полную картину. Современный читатель легко заметит ее особенности. Ее отличает некий общий стилиевой колорит, свойственный поэзии пушкинской эпохи, ясно ощущаемый на некоторой временной дистанции. Переводчик нашего времени, стремясь передать своеобразие оригинала, должен стилизовать свой поэтический язык, сохраняя при этом его современную основу. Для поэта-переводчика пушкинского времени чаще всего такой проблемы не возникало, но через полтора столетия с лишним его стихотворение, иной раз слабое, само сделалось фактом истории поэтической культуры: оно доносит до нас аромат закрепленного в языке исторического времени — того же или приблизительно того же, к какому принадлежит и иноязычный оригинал. Отсюда и ощущение убедительности, иллюзия достоверности нередко неточных переводов. Раскрыть этот феномен исторического бытия поэзии — одна из основных задач настоящего сборника.

Книга делится на корпус и дополнительные материалы. В корпусе печатаются параллельно оригинал и перевод. Сюда включены переводы, наиболее значительные в эстетическом и историческом отношениях; лишь в отдельных случаях приходилось отступать от этого общего принципа, предпочитая перевод более точный или равновеликий оригиналу по объему. Кроме того, в книгу включены другие переводы того же текста и ряд материалов, непосредственно связанных с темой книги (например, стихи русских поэтов об А. Шенье и его биография, написанная А. Латушем, — основной источник сведений о нем в пушкинское время). В примечаниях сообщаются историко-литературные, лингвистические и исторические сведения, необходимые для по-

нимания оригинала и перевода, а также данные о переводах, не включенных в книгу. При составлении корпуса и примечаний были учтены как сведения, имеющиеся в печатных источниках, так и материалы рукописного библиографического указателя Н. Н. Бахтина (рукописный отдел Института русской литературы) и картотека переводов, составленная А. Д. Умикян (Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина); ряд разысканий предпринят впервые для настоящего издания.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЭЛЕГИЯ КОНЦА XVIII — ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

В XVIII столетии поэзия была неотъемлемой частью жизни образованного французского общества; она сопровождала французов с самого детства; существовал даже учебник всемирной истории, где важнейшие события были зарифмованы — чтобы прочнее запомнились; не было, казалось, такого светского человека, который не мог бы при случае сочинить изящный мадригал.

Всякое стихотворение по тогдашним нормам относилось к определенному поэтическому жанру; сочинялись эпические поэмы, поэмы описательные, трагедии, оды, послания, стансы, мадригалы, эпиграммы...

Однако XVIII век часто и не без оснований называют веком непоэтическим. По словам О. Э. Мандельштама, «музам было невесело около Разума»; поэтому в век Просвещения ценились более всего либо стихи, основанные на каламбурах, антитезах и прочих изъяснениях острого ума, либо описательные поэмы, прославлявшие человеческий разум и его новые завоевания. Лишь в последней трети XVIII столетия, когда в общественном сознании заняли свое место рядом с разумом (при этом сильно потеснив его) такие категории, как чувствительность, меланхолия, способность сострадать ближнему, началось постепенное «возрождение» французской лирической поэзии в стихах крупнейших поэтов-элегиков — Н. Ж. Леонара, Э. Парни, А. Шенье.

Процесс этот, однако, был довольно длительным, и вплоть до начала 20-х годов XIX века элегия считалась жанром далеко не самым престижным. И Парни, и Шенье, и Мильвуа, и Ламартин, памятные нам едва ли не в первую очередь своими элегиями, были убеждены, что подлинную

славу может им принести только создание поэмы или трагедии, и не раз пробовали свои силы в этих жанрах.

От прочих поэтических жанров французскую элегию отличают две особенности: отсутствие стабильной формы и разнообразие тематики. Если сонет или мадригал задавали сочинителю четкие формальные ограничения (объем, строфика и т. д.), то элегии во Франции сочинялись самые разнообразные — от коротких стихов Парни до пространных, в несколько сот строк, «медитаций» Ламартина. Столь же разнообразным было и содержание элегий. Жанр этот уже при своем рождении в древнегреческой поэзии не был скован тематическими ограничениями; один из французских теоретиков литературы XVIII века, Мармонтель, так характеризовал античную элегию: «Серьезная или легкомысленная, нежная или шутливая, страстная или покойная, веселая или жалобная, она способна брать самые различные ноты, повествовать и о героическом, и об обыденном. Проперций походя излагает в элегии происхождение мира»¹.

Правда, в том же XVIII веке были попытки свести элегию исключительно к стихам о любви (такую точку зрения высказал, например, в «Рассуждении об элегии», 1743, поэт Л. Ж. Б. де Нивернуа), но история развития жанра во второй половине XVIII — первой четверти XIX века опровергла эту теорию. Любовь, разумеется, одна из главных тем элегий (как заметил русский литератор С. П. Шевырев, все сочинители элегий исходят из того, что «человек в первый раз был поэтом у запертых дверей своей возлюбленной»²), но если элегии двух крупнейших поэтов рассматриваемого периода, Э. Парни и А. Шенье, полностью подходят под определение «стихи о любви», то два других элегика, Мильвуа и Ламартин, существенно расширяют круг тем: Мильвуа меланхолически размышляет в своих элегиях о самых различных печальных предметах, не связанных впрямую с историей чувственной страсти, — «срубленной роще», «оставленном жилище» и проч., черпает сюжеты из исторических преданий и насыщает стихотворное повествование приметам «местного колорита»; Ламартин «скрещивает» элегию с философской, описательной поэмой — жанром, который совре-

¹ Marmontel J. F. *Éléments de littérature*. P., 1857. Т. 2. P. 22.

² Шевырев С. П. История поэзии. М., 1835. С. 117.

менный исследователь назвал «эпопеей нового времени по преимуществу, эпопеей критического сознания»³, — и делает проблематику философских поэм и трактатов (таких, например, как «О религии» Луи Расина или «Гений христианства» Шатобриана) предметом тревоги и раздумий лирического «я», ставя самое любовь в тесную связь с поисками идеала и вселенскими тревогами.

Современники остро ощущали новизну элегий Мильвуа и Ламартина; по поводу стихов Мильвуа автор анонимной статьи в журнале «Меркюр» (февраль 1815 г.) замечал, что они с таким же успехом могли быть названы и эклогами, и идиллиями⁴; Ламартин сам поспешил застраховаться от упреков, назвав свой сборник не «Элегии», а «Поэтические размышления» и тем подчеркнув их медитативную природу, но все равно не избег критических нападков⁵. Элегии Мильвуа и Ламартина отличались от канонических представлений о жанре, но, как сказал сам Мильвуа, «бесполезно искать им иное определение, ибо элегия нового рода — все равно элегия»⁶.

Что же в таком случае обуславливает единство жанра элегии, если у него нет строгих формальных и тематических ограничений? Почему, несмотря на все их различия, «эротические стихотворения» Парни, «элегические повествования и песни» Мильвуа и «медитации» Ламартина мы относим к одному и тому же жанру? Объединяет разные элегии общая

³ Menant S. *La Chute d'Icare. La Crise de la poésie française. 1700—1750*. Genève—Paris, 1981. P. 342.

⁴ Ladoué P. *Un précurseur du romantisme. Millevoye*. P., 1912. P. 196.

⁵ Поэт Ш. Луазон неодобрительно писал о названии первого сборника Ламартина: «К чему оповещать публику о том, что поэт размышлял? Разве есть в этом нечто исключительное, и стоит ли предупреждать о том, что вы исполнили первейшую обязанность всякого, кто берется за перо? Рассуждения, послания, оды, стансы, элегии — таковы обозначения, которые ставили обычно наши учителя перед своими сочинениями; остальное призваны были сказать стихи» (Séché L. *Lamartine de 1816 à 1830*. P., 1905. P. 134).

⁶ Millevoye Ch. *Oeuvres complètes*. P., 1823. T. 4. P. 74. Введению в элегию новых тем способствовал характерный и для французской, и для русской литературы в начале XIX века процесс расшатывания жанрового мышления классицизма, совершавшийся, впрочем, медленно и трудно (о судьбе жанровой системы в поэзии см.: Гинзбург Л. Я. О лирике. Л., 1974. С. 22—25).

интонация, которую лучше всего определил Ф. Шиллер, назвав элегию «поэтической жалобой». Именно эта «элегическая» интонация, нежная и печальная, позволяла литераторам и читателям XVIII—XIX веков причислять к элегиям не только те стихи, у которых это жанровое определение стояло в подзаголовке, но и произведения, формально относящиеся к совсем другим жанрам. Так, Мильвуа полагал, что элегию можно найти в *басне* Лафонтена «Два голубя», в *трагедии* Ж. Расина «Береника», в *стансах* Вольтера *Si vous voulez que j'aime encore...* и в предсмертной *оде* Жильбера⁷. Поэтому и в наш сборник вошли, помимо «чистых» элегий, стихи, формально причисленные их авторами к другим жанрам («ямб» Шенье, упомянутая уже «ода» Жильбера).

Итак, разные по форме и тематике элегии от Жильбера и Парни до Мильвуа и Ламартина роднит одна и та же интонация «поэтической жалобы» (будь то жалоба на измену возлюбленной или на несовершенство мироздания). Роднит их и другая важная черта, характерная для эпохи в целом, — особый поэтический язык. Это язык классицизма и постклассицизма (то есть «вырождающегося» классицизма конца XVIII — начала XIX века), куда допускаются только возвышенные слова, а те предметы, которые возвышенных названий не имеют, обозначаются иносказательно, перифрастически. Перифрастический язык, на котором изъясняются элегические поэты, включая и Ламартина, — такой язык, где, по словам литератора романтической эпохи Э. Дешана, сменяют друг друга «шарады из восьми строк александрийского стиха, разгадкой которых оказывается *морковь* или *пырей*»⁸, где изобилуют мифологические образы и аллегории. «Aux fastes sanglants de l'altière Bellone» («На кровавом празднестве надменной Беллоны») в «Элегии» Ламартина означает, что речь идет о войне. «Deux fois l'écho nocturne a répété les heures, // Depuis que devant vous mes larmes ont coulé» («Ночное эхо дважды повторило удар колокола с тех пор, // как перед вами пролились мои слезы») в стихотворении «Храм» того же Ламартина означает, что прошло два часа; сходной и даже гораздо более пространной перифразой обозначает единицу времени

⁷ Millevoye Ch. *Oeuvres complètes*. P., 1823. T. 4. P. 52—58.

⁸ Цит. по: Ségé L. *Lamartine de 1816 à 1830*. P., 1905. P. 319.

А. Шенье в своем «предсмертном ямбе» (см. наст. изд., с. 232). «*Le char vaporeux de la reine des ombres*» или «*Reine des nuits*» («Воздушная колесница царицы теней»; «Царица ночи») упоминается, когда речь идет о луне; на той же колеснице (*char*) разъезжает и солнце (*roi du jour*). Перифразы, мифологемы и образы с закрепленной семантикой переходят из стихотворения в стихотворение. Таков, например, образ утлого челна в море жизни, возникающий в элегиях Жильбера, Парни, Ламартина, таков образ чаши жизни, образ цветка или листка как символ бренности, «краткодневности» человеческой жизни, восходящий еще к Библии, и многие другие поэтические клише, характерные для элегии.

Поэтическому языку элегии — особенно элегии XVIII века — присуще и еще одно свойство, которое романтики, вознамерившиеся обновить стихотворный язык, ощущали как ненужный архаизм. Это свойство, роднящее элегию с мадригалом, — обилие антитез и пристрастие к игре словами. На антитезах нередко строит элегию Парни:

...j'irai te souhaiter ta fête,
Ne pouvant plus te la donner.
(*Le Bouquet de l'Amour*)

Уже на заре XIX века в трактате «О литературе» (1800) госпожа де Сталь возражала против обыкновения французских поэтов вслед за итальянцами вносить в поэзию стихию светского остроумия, *bel esprit*, ярким проявлением которого она считала антитезы. Романтики разделяли эту точку зрения. Характерна реакция молодого В. Гюго на стихи Шенье, воспринятые как исключение на общем фоне поэзии XVIII века: «Вы найдете у Шенье широкую и открытую манеру древних, изредка — пустые противопоставления, чаще — мысли естественные и живые картины...»⁹; заметим, что сходным образом и Пушкин одобрительно писал о том, что Шенье освободился от «итальянских *concetti* и французских *antithèses*»¹⁰.

Традиционность, формульность поэтического языка от-

⁹ Цит. по: S  ch   L. *Lamartine de 1816   1830*. P. 315.

¹⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1979. Т. 10. С. 508; черновик письма к Вяземскому от 4 ноября 1823 г.

нюдь не смущала элегических поэтов и их критиков; скорее, настораживали отклонения от нее, поэтому, когда Ламартин, не изменив радикально характер поэтических образов, попытался слегка изменить источники реминисценций и клише и черпать их не столько из Овидия и Тибулла, сколько из Оссиана и Шатобриана, это уже создало ощущение большой новизны, и критики-пуристы немедленно высказали свое неодобрение, указав поэту на отсутствие «точности и ясности»¹¹. Поиск в самом деле новых, неслыханных, придуманных именно данным поэтом метафор начнется во французской поэзии позже, когда Мюссе, например, будет сравнивать луну с точкой над буквой *i*.

Для Ламартина же, не говоря о более ранних элегиках, луна — царица ночи, и использование этого клише вовсе не мешает ему изливать в стихах душу и неподдельную страсть (по словам знатока культуры XVIII века Д. Морне, в ту пору «люди не боялись показаться банальными, если двигавшее ими чувство было искренним»¹²).

В пределах постклассицистического поэтического языка остается в общем и Андре Шенье. Вовсе не подверженный влиянию «северной» литературы, туманных и сумрачных пейзажей Оссиана, Шенье питал пристрастие к пейзажам и образам «южным» — ясным, светлым, четким. Один из теоретиков романтизма в поэзии, Ш. О. Сент-Бёв, несомненно, преувеличивал, когда устами своего альтер эго, Жозефа Делорма, утверждал в 1829 г., что именно Шенье осуществил ту реформу, о которой мечтали романтики, — стал «вместо слов неопределенных и абстрактных (...) употреблять слова точные и живописные, то есть, например, писать не «разгневанное небо», а «черное и застланное тучами небо»¹³. Язык Шенье гораздо более традиционен, чем решили озабоченные поиском союзников и предшественников романтики.

Итак. язык элегии от Жильбера и Парни до Ламарти-

¹¹ См., напр., критические замечания госпожи де Жанлис (Lamartine A. de *Méditations poétiques*. P., 1915. T. 1. P. CXII).

¹² Mornet D. *Le Sentiment de la nature en France de J. J. Rousseau à Bernardin de Saint-Pierre*. P., 1907. P. 280.

¹³ Сент-Бёв Ш. Жизнь, стихотворения и мысли Жозефа Делорма. Л., 1986. С. 212.

на — это по преимуществу один и тот же перифрастический, возвышенный, мифологический и аллегорический язык, и великий поэт отличается здесь от посредственного не характером поэтических средств, но мерой таланта, виртуозностью версификации и гармоничностью звучания¹⁴. Тем не менее история французской элегии конца XVIII — первой четверти XIX века очень динамична, ибо развитие элегии было неразрывно связано с теми глубинными процессами, которые происходили в культуре «века Просвещения» — века, когда идеология эволюционировала быстрее поэтического языка. В элегиях этого периода можно разглядеть духовный портрет эпохи.

Последняя треть XVIII столетия во Франции — эпоха, получившая впоследствии название предромантической, время, когда культура и литература развивались под влиянием Жан-Жака Руссо и английской («северной») литературы. Оба эти влияния расшатывали французскую светскую культуру, светский, «общежительный», как выражались в начале XIX века, уклад жизни, издавна считавшийся чисто французским¹⁵. На смену светской легкости и светскому остроумию пришли явления иного плана: литераторы начали восхвалять жизнь частную, семейственную, исчислять достоинства людей, чуждых светским условностям и риторике, прославлять чувствительность, способность растрогаться и проливать слезы над чужим несчастьем, наконец, превозносить любовь к природе, описывать прелести сельской жизни. Из литературы культ чувствительности, природы и жизни семейственной проник в быт: «естественные» английские парки вместо регулярных французских, беседки с трогательными надписями, светские дамы, проливающие слезы над

¹⁴ Исключение составляют, пожалуй, лишь попытки А. Шенье разнообразить классический александрийский стих с помощью «переносов» и смещений цезуры — попытки, особенно импонировавшие романтикам.

¹⁵ Итог всем этим процессам подвела госпожа де Сталь, выдвинувшая в своих книгах «О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями» (1800) и «О Германии» (1810, изд. 1813) идею противостояния двух литератур — «северной» и «южной» — и указавшая французской (южной) литературе пути обновления, важнейшим из которых является дальнейшее заимствование лучших качеств северных литератур.

страницами «Новой Элоизы», — всё это характерные черты последней трети «века Просвещения» во Франции. Конечно, зачастую и любовь к природе, и культ чувствительности были лишь игрой, стилизацией, наподобие «сельских» домиков, выстроенных по приказу Марии-Антуанетты в Версале, — но важна сама тенденция, важны изменения в оценках. Тенденция эта сказалась и на развитии элегии.

Прежде всего важнейшую роль в восприятии и оценке элегического творчества начинает играть категория чувствительности. Элегического поэта ценят постольку, поскольку в его стихах выразилась его душа, причем душа страдающая и сострадающая. Собственно говоря, о том, что поэт должен описывать чувства в самом деле им испытанные, а не надуманные, писали еще Гораций (Наука поэзии, 102—103) и Буало (Поэтическое искусство, II, 44). Элегии «малых поэтов» XVIII века не имели недостатка в деталях из биографии автора; из стихов герцога де Ниверне, Дора, Бакуляра д'Арно можно узнать об их ссорах с женами, болезнях, родственниках, семейных делах¹⁶, однако глубокого, выстраданного чувства в них не различишь. Любовь здесь скорее земная, плотская, чем идеальная, небесная. Это сознавали подчас и сами поэты; так, признанный лидер французской «легкой поэзии» XVIII столетия К. Ж. Дора писал в своих «Размышлениях о поэзии эротической»: «...вечно рассеянные, вечно подвластные чужим влияниям, мы не настолько владеем собственной душой, чтобы принимать в нее впечатления тягостные. {...} Все скользит мимо нас: мы смотрим и не видим; воображение наше занято, а сердце свободно»¹⁷. Так обстояло дело до выхода в свет «Эротических стихотворений» Парни.

«И вот пришел Парни...» — эта перефразировка известной строки «Поэтического искусства» Буало («И вот пришел Малерб...») лучше всего выражает отношение современников к «певцу Элеоноры». Поэт и критик Женгене писал в «Послании к Парни» (1790):

¹⁶ См.: Barat E. *Le Style poétique et la révolution romantique...* P., 1904. P. 86—88.

¹⁷ Цит. по: Potez H. *L'Élégie en France avant le romantisme*. P., 1898. P. 10.

L'esprit et l'art avaient proscrit le sentiment:
L'ironique jargon, l'indécent persiflage
Prenaient, en grimaçant, le nom de bel usage. <...>
Tu vins; tu fis parler le véritable amour,
Ses transports, ses regrets...¹⁸

(«Остроумие и изощренность изгнали чувство: // Иронический жаргон, непристойные шутки // С кривлянием притворялись хорошими манерами. // <...> Пришел ты; твоими устами заговорила истинная любовь, // Ее порывы, ее сожаления...». — Курсив наш. — В. М.)

Парни поразили страстностью и выношенностью чувства; его элегии оказались не разрозненными признаниями в любви многочисленным (и весьма часто сменяющим одна другую) легкомысленным красавицам, а историей любви, романом (и в литературном, и в бытовом смысле слова) в стихах. Как писал в том же послании Женгене, «власти остроумия пришел конец: кто же сверг его? Природа и Парни».

Пожалуй, сейчас нелегко понять, что же так поразило первых читателей Парни и почему они в один голос толкуют о его исключительной искренности. С современной точки зрения в его элегиях — особенно тех, что составляют первые три книги «Эротических стихотворений», — предостаточно литературных клише. Пожалуй, дело тут прежде всего в ближайшем «фоне», на котором воспринималась лирика Парни, — в легкой поэзии XVIII века. Здесь любовь редко воспринималась всерьез, она представляла забавой, маскарадом (это впечатление усугублялось обилием мифологических имен). Как писал в 1785 г. философ и литератор Д. Ж. Гара, поэты до Парни «были всего лишь франтами, они в развеселых стишках повествовали о женщинах, которых они привели в отчаяние, которым они дали отставку <...> о мужьях, которых обманывают для их же собственного блага»¹⁹, и о прочих столь же увлекательных материях. Поэтому, когда во французскую поэзию «пришел Парни» и объяснился в страстной любви одной и единственной в целом свете Элеоноре, это было воспринято как революция в поэзии. Причем надо отметить, что, напечатанные разроз-

¹⁸ Potez H. *Op. cit.* P. 120.

¹⁹ Цит. по: Sainte-Beuve Ch. A. *Portraits contemporains*. P., 1870. Т. 4. P. 433.

ненно, те же самые стихи Парни производят гораздо меньшее впечатление; их сила — в циклизации, в показе «истории любви», ибо наличие истории укрупняет и одухотворяет саму любовь.

Благодаря Парни образ поэта — энциклопедиста и остролова, вольнодумца и циника, который встает за строками стихотворцев середины XVIII века, начал постепенно заменяться иным образом — образом человека, поглощенного единой страстью, внимательного к мельчайшим переменам в своем и чужом душевном состоянии, знающего, что такое страдание (разумеется, все эти качества у Парни только намечены; во французской элегии они зазвучали в полную силу лишь у Ламартина). После Парни оценка элегических поэтов смотря по тому, насколько полно и ясно воплотилась в стихах их *душа*, стала своеобразным «общим местом» в критике. В. Гюго писал о Шенье, что в стихах его «повсюду отпечаталась та глубокая чувствительность, без которой не бывает гения и которая, быть может, сама и есть гений»²⁰, Ш. Луазон в 1820 г. так отозвался о Ламартине: «Он сам — важнейшая часть его творений, и если они вызывают восхищение и сочувствие, то лишь оттого, что он живет в написанных им стихах, одухотворяет их и с их помощью проникает в самую глубь наших сердец»²¹. Итоги этим поискам в элегии души автора подвел Ламартин в своем предисловии к «Поэтическим размышлениям» в издании 1849 г. «Публика, — пишет он о своих стихах, — услышала душу автора, не видя ее; вместо книги перед ней предстал человек. Со времен Ж.-Ж. Руссо, Бернарден де Сен-Пьера и Шатобриана она ждала поэта. Поэт был молод, неумел, зауряден, но он был искренен. Он затронул сердца читателей, ответом ему были вздохи, аплодисментами — слезы»²².

Так повлияла на развитие элегии важнейшая для второй половины XVIII столетия категория чувствительности. Другое «наследство» XVIII века, имеющее непосредственное отношение к элегии, — новое отношение к природе, восходящее к Ж.-Ж. Руссо, швейцарцу Геснеру, автору «Идиллий» (1756, франц. пер. 1762), и поэмам Оссиана, сочинен-

²⁰ Цит. по: Séché L. *Lamartine de 1816 à 1830...* P. 315.

²¹ Séché L. *Op. cit.* P. 330—331.

²² Lamartine A. de. *Méditations poétiques.* P., 1915. Т. 2. P. 366.

ным Макферсоном. «Важнейшим литературным открытием Геснера был лирический пейзаж. Связь человеческой души с природой стала благодаря швейцарскому автору одной из самых популярных тем в искусстве»²³; эти слова исследователя в еще большей степени относятся к Руссо. Влиянию Оссиана французская литература обязана появлением пейзажей мрачных, меланхолических, сумеречных. Все это усваивает элегия Ламартина. Характерно для нее и еще одно качество — восприятие пейзажа вне мифологических «посредников», описание дерева и ручья как дерева и ручья, а не как обиталищ дриад и наяд. Конечно, в XVIII веке никто уже не верил в существование этих древних божеств, однако казалось, что красиво и возвышенно изобразить лес или озеро, не прибегая к их помощи, невозможно²⁴. Не случайно авторы, оказавшие наибольшее влияние на духовную и литературную ситуацию начала XIX века во Франции, — Шатобриан и госпожа де Сталь — подчеркивали важность того периода в истории европейской культуры, когда на смену античной мифологии пришло христианство, — в эту пору «бесчисленные фавны, сатиры и нимфы» были изгнаны из литературы, благодаря чему «пустыни стали печальнее, таинственнее и величественнее, свод лесной листвы поднялся выше»²⁵.

Именно такова природа в стихах Ламартина: поэт здесь поверяет свои меланхолические чувства озеру, лесу, небу. И пейзаж оказывается для него самым лучшим и близким собеседником. Разумеется, подобное встречалось в поэзии и до Ламартина (см., напр., «Элегию VI» Парни, «Элегию XIV» А. Шенье или «Падение листьев» Мильвуа), однако лишь у Ламартина исключения стали правилом. Выразительно сравнение двух элегий — «Возвращения» Мильвуа и «Вечера» Ламартина. Из одной и той же начальной ситуации (наступления сумерек) у Мильвуа вытекает продолжение «галантное», а у Ламартина — меланхолическое, у Мильвуа

²³ Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII—XIX вв. Л., 1984. С. 61.

²⁴ Так, в «Вырубленной роще» Мильвуа не может выразить охватившую его печаль, не упомянув бога лесов и садов, который повелевает амурами и зефирами.

²⁵ Ш а т о б р и а н Ф. Р. Гений христианства // Эстетика раннего французского романтизма. М., 1982. С. 157.

развивается любовная история, а у Ламартина — история души, вопрошающей и созерцающей природу²⁶. Так непривычна была атмосфера, в которую Ламартин погружал своих читателей, что они не уставали удивляться новизне его картин природы, а подчас и возмущаться ею, не замечая всех многочисленных уз, связывавших Ламартина с предшествующей традицией (в особенности в том, что касается стиля). Выразительное свидетельство этой читательской реакции оставил Бальзак в романе «Крестьяне» (1844—1855). Здесь бездарный провинциальный «гений» сообщает землякам новость: в Бургундии объявился новый поэт. «Но вам никогда не вообразить, *чем он занимается!* Он воспеваает облака в стихах (...) Прямо какая-то дьявольская тарабарщина! Тут и озера, и звезды, и волны... Ни одного осмысленного образа, никакой назидательности»²⁷.

Новаторство Ламартина в сфере изображения природы встречало довольно резкое неприятие критиков традиционной ориентации; в частности, один из них, Э. Дюпати, писал в 1821 г.: «А что вы скажете о предложении поэта *Озеру* сохранить воспоминание о некоей ночи? *Да останется оно в твоём покое, в твоих бурях, в твоих сияющих берегах, в светилах с серебристым челом!*.. Не знаю, останется ли это воспоминание на луне, но я сильно ошибся бы, предположив, что оно останется в памяти людей со вкусом»²⁸. А между тем оказалось, что будущее французской поэзии — именно за таким способом «общения» поэта с пейзажем; не случайно строки «Озера», издевательски помянутые «классиком» Дюпати, отозвались позже в прославленных стихах В. Гюго и А. де Мюссе.

Идиллии Геснера, а также руссоистский культ природы и естественной жизни оказались весьма важны для развития элегии и еще в одном отношении: они натолкнули А. Шенье на создание его *буколик*. Геснер попытался изобразить в своих идиллиях жизнь людей простых, не затронутых городской цивилизацией и чуждых ее условностям, отойти от

²⁶ Сент-Бёв в 1837 г. назвал талант Мильвуа «эпикурейским наброском платонического и христианского гения Ламартина» (цит. по: Ladoué P. *Op. cit.* P. 337).

²⁷ Бальзак О. Собр. соч.: В 15 т. М., 1954. Т. 12. С. 458.

²⁸ Цит. по: Lamartine A. de. *Méditations*. P., 1968. P. 559.

искусственного мира галантных пасторалей, где манерными чувствами светских дам и кавалеров поэты наделяли выдуманных пастушков и пастушек. Геснеру источником обновления идиллий служили быт и нравы родной Швейцарии, Шенье же в поисках простых нравов и чувств обращается к античности (в этом он следовал традиции чисто французской: во Франции еще в конце XVII — начале XVIII века в «Споре о древних и новых» представители «древних» прославляли Гомера как поэта, рисовавшего нравы простые, безыскусные и далекие от светских условностей). В буколичках Шенье не меньшую — если не большую — роль, чем собственно пейзажи, играет изображение чувств, прежде всего чувства любовного. Поэтому буколики Шенье очень тесно связаны с его элегиями (едва ли не главные отличия — в колорите, в античных именах), и провести границу между теми и другими невозможно²⁹. Рисуя в буколичках сцены из античной жизни, Шенье обогащал элегию изображением чувств простых, сильных, «несветских».

Шенье остался в основном чужд тех тенденций предромантической эпохи, которые были связаны с понятиями «разочарованность», «меланхолия», «смутность страстей» (последний термин был предложен Шатобрианом в «Гении христианства», 1802)³⁰.

Как уже говорилось, элегия изначально связана с печалью, с воспоминаниями об ушедшем, с горестным ощущением потери. «Ничто так не пристало элегии, как воспоминание о том, чего уже нет», — сказал Мильвуа в примечании к «Вырубленной роще»³¹; Шиллер считал сутью элегии

²⁹ То, что у одних издателей попадает в раздел идиллий, оказывается у других в разделе элегий, и наоборот.

³⁰ Современные представления о Шенье как поэте по преимуществу печальному и меланхолическому во многом внушены не самими его стихами, а их восприятием литераторами первой трети XIX века, то есть времени, когда поэзия Шенье стала известна широкой публике. Дело в том, что литераторы, способствовавшие «возрождению» поэзии Шенье, в соответствии с духом послереволюционной эпохи выбирали в его творчестве те стихотворения, которые проникнуты печалью и тоской, близкими преромантической и романтической меланхолии; не случайно читающей публике Шенье стал известен прежде всего как автор элегии *Souvent, las d'être esclave...* (в изд. 1819 — *Élégie XXXVI*), опубликованной — не полностью — в 1802 г. Шатобрианом; это во многом предопределило его литературную репутацию.

³¹ Millevoye Ch. *Oeuvres complètes*. P., 1823. Т. 4. P. 224.

печаль об утраченной природе и недостижимом идеале³².

В элегиях XVIII века жалобы, причем жалобы не только личные, вызванные холодностью или изменой возлюбленной, но и «философические», связанные с горестным ощущением быстротечности бытия и бренности человеческой жизни, занимали значительное место³³. Однако элегия XVIII века — по преимуществу любовная, а не философская. И если у Парни (особенно в IV книге «Эротических стихотворений») или у Шенье есть элегии, исполненные горечи подлинно трагической, то причины страдания здесь — в личных обстоятельствах, в измене возлюбленной, а не в несовершенстве мироздания. «Женщины на пьедестале, а мы перед ними в позе Пигмалиона перед лицом высшей красоты» — так, по словам его биографа Тиссо, определял Парни суть «эротической поэзии»³⁴. Основное «лекарство» от тоски в этих элегиях — эпикурейские советы наслаждаться любовью и молодостью, пока то и другое вас не покинуло.

В XVIII веке печаль, беспричинная тоска и меланхолия были вопросом личного темперамента, частной судьбы, нередко данью литературной моде (влияние мрачного Оссиана). Однако на переломе двух веков, после Великой французской революции, сменился духовный строй нации, и меланхолия стала болезнью общества, недугом целого поколения, вырванного из привычных условий, из традиционной жизненной колеи. Наибольший успех во Франции в начале XIX столетия имели произведения, где симптомы этой социальной болезни были вскрыты настолько ярко и сильно, что всякий читатель узнавал в книге собственные чувства.

В предисловии к одиннадцатому изданию «Поэтических размышлений» Ламартина (1824) Ш. Нодье писал: «В ту пору, когда Ламартин сочинял «Поэтические размышления», поэзия так прочно утратила доверие публики, что издатели не желали покупать стихи, и все, казалось, были уверены в том, что благородная, размеренная, мелодичная проза — единственный язык, который пристал новой шко-

³² Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т. М., 1957. Т. 6. С. 421—423.

³³ См.: Томашевский Б. В. Французские поэты XVIII века // Аполлон. 1915. № 6—7. С. 83.

³⁴ Рагну Е. *Œuvres complètes et inédites*. P., 1827. Т. 1. P. XXVII.

ле»³⁵. Ламартин опроверг своими элегиями это представление; он нашел стихотворную форму, в которой выразились чувства жителей послереволюционной Франции — страны, измученной войнами, сменой властей, столкновениями политических и философских учений. Элегия Ламартина, по словам поэта-современника, «рождена руинами Революции»³⁶.

Конечно, меланхолические размышления о смерти и бессмертии довольно скоро стали избитыми клише (в июне 1824 г. поэт Э. Дешан писал в «Мюз франсэз», что следует надолго запретить поэтам описание агоний и болезней, поскольку стихотворная галерея хилых калек уже давно вызывает скуку у людей крепкого здоровья), конечно, в чисто литературном плане Ламартин очень многим обязан английскому («северному») влиянию, стихам Юнга и поэмам Оссиана, и критики имели основания упрекать его в измене исконной французской «ясности» ради северной «туманности» и «смутности»³⁷.

Однако, если бы в элегиях Ламартина не было ничего, кроме подражательности и следования моде, или если бы чувства автора, пусть даже вполне искренние и самобытные, были знакомы лишь ему одному, «Поэтические размышления» не произвели бы такого ошеломляющего впечатления на первых читателей.

Руссо написал в «Новой Элоизе»: «О, что за гибельный дар небес — чувствительная душа!» (ч. 1, письмо 26), и все, кто обнаружил у себя эту чувствительную душу, полюбили его роман так страстно, что он стал для них своего рода библией. Нечто подобное произошло и с «медитациями» Ламартина. Вот свидетельство светской дамы: Ламартин, вспоминает она, «бесспорно, был виновен в половине наших безумств; все женщины хотели быть Эльвирами; сколько раз простужались мы, созерцая луну на берегу озера или под высоким деревом ясной и холодной ночью»³⁸. Вот свидетельство поэта Виньи, далеко не самого сентиментального

³⁵ Цит. по: Lamartine A. de. *Méditations poétiques*. P., 1915. Т. 2. P. 578.

³⁶ Séché L. *Le Sénacle de la «Muse Française»*. 1823—1827. P., 1909. P. 311.

³⁷ См., напр.: Lamartine A. de. *Méditations poétiques*. P., 1915. Т. 1. P. CV—CVII.

³⁸ Dash G. A. *Mémoires des autres*. P., 1896. Т. II. P. 42.

из французских поэтов: «Я никогда не мог прочесть двух «Гармоний» или «Размышлений» Ламартина, не прослезившись. Если я читаю их вслух, слезы текут у меня по щекам. Какое счастье, когда я вижу, что слезы выступают и на глазах у других! Святые, благодетельные слезы преклонения, восхищения и любви»³⁹. Вот, наконец, свидетельство человека, которого мы ни за что не заподозрим в беспричинной чувствительности, — гения дипломатии Талейрана, написавшего по прочтении «Поэтических размышлений» своей приятельнице принцессе Тальмон: «Я не мог заснуть и до четырех часов утра читал и перечитывал {...} В этих стихах виден человек»⁴⁰.

Так читают далеко не всякую литературную новинку. У каждого читателя были свои основания принять элегии Ламартина «близко к сердцу», но, очевидно, всеобщий интерес к его сборнику объясняется тем, что он сумел выразить в нем душевные движения, важные не для него одного. «Вначале, — писал французский критик Д. Низар, — Ламартин был поэтом для всех; его история была в большей или меньшей степени историей всех тонких и образованных умов его времени»⁴¹. Оставаясь в том, что касается стиля, в рамках постклассицистической поэтической системы, Ламартин раздвинул границы элегии и сумел претворить чувство личной утраты (смерть его возлюбленной Жюли Шарль) в печаль целого поколения, которое утратило веру в жизнь и, «воссев среди развалин», внимало «поэзии траура и сожалений», близкой всем сердцам⁴². Благодаря Ламартину элегия обрела то философское, можно даже сказать, общественное, а не только чисто литературное влияние, какого никогда не имела раньше; из события в «царстве словесности» она сделалась событием в духовной жизни общества.

Исполненная тяги к идеалу элегическая поэзия Ламартина в начале 1820-х годов пришлась во Франции так кстати

³⁹ Vigny A. de. *Journal d'un poète*. P., 1882. P. 64—65 (запись 1832 г.).

⁴⁰ Цит. по: Reyssié F. *La Jeunesse de Lamartine d'après les documents nouveaux et des lettres inédites*. P., 1892. P. 308.

⁴¹ Цит. по: Lamartine A. de. *Méditations poétiques*. P., 1915. Т. 1. P. CXXV.

⁴² Setbon R. *Liberté d'une écriture critique*. Charles Nodier. P., 1979. P. 128 (рецензия Ш. Нодье 1820 г. на *Etudes poétiques* Шендоле).

еще и потому, что в начале эпохи Реставрации здесь совершился решительный разрыв с материализмом XVIII века, традиции которого продолжали в начале XIX века философы из группы так называемых «идеологов» (сенсуалисты и физиологи, последователи Кондильяка и Гельвеция); после падения Империи «идеологов» окончательно потеснили различные спиритуалистические течения в философии (в частности, «эклектизм» В. Кузена), и эта ситуация своеобразно отразилась и в расстановке литературных сил: Парни в эту пору ассоциировался с материализмом XVIII века, Ламартин же сделался как бы глашатаем новых, спиритуалистических веяний (которые, впрочем, были отнюдь не так уж новы, ибо восходили к сочинениям Руссо, Шатобриана, госпожи де Сталь)⁴³.

Почти одновременно с Ламартином, всего на год раньше, французская публика узнала элегии и буколики другого поэта, написанные три десятилетия назад, но не увидевшие в ту пору света. Речь идет об Андре Шенье. Поборники нарождающегося романтизма увидели в нем своего предшественника: их привлекала и пластичность описаний, и новизна версификации, и — что также весьма немаловажно — репутация Шенье как «мученика», жертвы террора (в начале эпохи Реставрации она, безусловно, способствовала популярности поэта). Между тем стихи Шенье — «плоть от плоти» поэзии конца XVIII века; как замечает современный исследователь, «только неизъяснимое изящество стиха отличает Шенье от Делиля, Парни или Лебрена», с которыми, однако, роднит его любовь к перифразам, «высоким» словам и мифологическим образам⁴⁴. Но читатели 1819 г. воспринимали стихи Шенье не так, как восприняли бы их чита-

⁴³ Наскучившие вольными признаниями и чересчур откровенными описаниями «малых поэтов» XVIII века, читатели Ламартина ценили его за возвышенность и целомудренность чувств, выразившихся в стихах. Любопытно, однако, что впоследствии это привело к некоему сужению круга его читателей (читательниц); Э. Золя в статье 1877 г. свидетельствовал: «Долгое время женщины читали одного Ламартина. Затем Ламартин стал поэтом для юных девушек, единственным поэтом, которого позволительно читать воспитанницам пансиона; зато на следующий день после свадьбы всякая молодая дама уже упивалась стихами Мюссе» (цит. по: Jeune S. Musset et sa fortune littéraire. Bordeaux, 1970. P. 34).

⁴⁴ См.: *Histoire des littératures*. P., 1958. Т. III. P. 889.

тели дореволюционные. В издание 1819 г. вошли стихи по большей части неоконченные, фрагментарные (Латуш в предисловии просит прощения за эту неоконченность). Сам Шенье, вероятно, ужаснулся бы, если бы узнал, что его творения увидели свет в столь неотделанном виде (хотя в работе над рукописями постоянно переходил от одного замысла к другому, сочинял кусками, фрагментами и мелкие стихотворения, и большие поэмы, а музу свою называл «бродягой», которая осуществляет одновременно целую сотню замыслов⁴⁵). Но эта-то фрагментарность, незавершенность, отрывочность стихов Шенье оказалась для романтической школы очень продуктивной — она способствовала расшатыванию классицистической поэтики с ее культом отделанности и гладкости. Сент-Бёв в «Мыслях Жозефа Делорма» назвал элегию Шенье аналитической. Шенье с его пристрастием к репликам, восклицаниям (он, например, любит начинать элегию с возражения⁴⁶), делающим отдельное стихотворение отрывком какого-то диалога, открывал поэтическому изъяснению чувства новые перспективы, превращая элегию в «светское любовное письмо, утонченно-непринужденное и взволнованное, где эпистолярная форма почти освобождается от мифологических условностей, и течет свободно живая разговорная речь романтически мыслящего и чувствующего человека»⁴⁷.

Шенье шел иным путем, нежели Ламартин, но именно творчество этих двух поэтов располагается, как было очевидно уже в конце 1820-х годов, на том рубеже французской поэзии, за которым — стихи романтические. И если «классик» Баур-Лормиан в 1825 г. в диалоге «Классик и романтик» язвительно писал, обращаясь к представителям «новой школы»:

Nous, nous datons d'Homère,
Et vous, d'André Chénier.

(«Мы ведем свой род от Гомера, а вы — от Андре Шенье»),

⁴⁵ См.: Dimoff P. *La Vie et l'œuvre d'André Chénier jusqu'à la Révolution française*. P., 1936. Т. 2. P. 5.

⁴⁶ См. наблюдения А. А. Ахматовой: Вопросы литературы. 1978. № 1. С. 196.

⁴⁷ М а н д е л ь ш т а м О. Э. Слово и культура. М., 1987. С. 98.

то он был не так уж не прав, хотя Гомер был в числе тех поэтов, у которых сам Шенье многому научился. Французские поэты-романтики в самом деле «вели свой род» от Ламартина и Шенье, хотя оба эти автора, создавая свои элегии, и не помышляли о романтизме. Так элегия — в XVIII веке стихотворный жанр с не слишком громкой репутацией — превращалась благодаря поэтам первой четверти XIX века в один из важнейших источников эволюции поэзии, так зрели в ней перемены ближайшего будущего.

* * *

В нашей статье речь шла преимущественно о крупнейших элегических поэтах Франции конца XVIII — начала XIX века. Разумеется, элегическая поэзия во Франции имела немало представителей и среди «малых поэтов», однако мы почти не касались их творчества и потому, что наш очерк развития французской элегии был по необходимости краток, и потому, что именно крупнейших элегиков — Парни, Шенье, Мильвуа, Ламартина — переводили в первую очередь их русские собратья по перу⁴⁸.

В. А. Мильчина

⁴⁸ Этим объясняется отсутствие в статье имени такой талантливой поэтессы, как Марселина Деборд-Вальмор, выпустившей свой первый сборник элегий на два года раньше Ламартина.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЭЛЕГИЯ XVIII—XIX ВЕКОВ И РУССКАЯ ЛИРИКА ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ

1

К началу XIX века элегия была для русской литературы не новым, а скорее старым жанром: она замкнула в XVIII веке цикл своего развития. Новая, преромантическая элегия началась «Сельским кладбищем» Жуковского (1802), ориентированным не на французскую, а на английскую сентиментальную традицию. Однако самая элегия была жанром общеевропейским и довольно традиционным, и в наследии русского XVIII века было многое, что оставалось живым и в пушкинскую эпоху. Именно восемнадцатый век и начинает осваивать творчество «кавалера де Парни», Эвариста Парни, которое открывает собой интересующий нас литературный ряд французских элегиков. В 1796 г. П. Ю. Львов, а затем и П. А. Пельский переводят «Мадагаскарские песни» — этот манифест руссоистского экзотизма, воспринимающийся как подлинное выражение чувств «естественного человека»¹.

Элегии Парни приходят в русскую литературу несколькими годами позднее. Первые известные нам переводы были сделаны Батюшковым и И. И. Дмитриевым в 1804 или 1805 гг., — это была «Элегия XI» книги IV и дмитриевское переложение «Элегии VIII». Через год А. Ф. Мерзляков и В. А. Жуковский одновременно обращаются к «Элегии VI» той же книги (1806); за ними следуют В. В. Измайлов (1808), юный Н. Д. Иванчин-Писарев (1809) и В. Л. Пушкин (1810). Парни осваивала поэзия русского сентиментализма.

Почти все эти ранние переводчики были органически связаны с классической традицией XVIII столетия, включавшей в себя и гедонистическую «легкую поэзию» и анакреонтиче-

¹ Муза. 1796. Ч. II, апрель. С. 14—27; Пельский П. А. Мое кое-что. М., 1808. Ср.: Парни Э. Война богов. Л., 1970. С. 195.

скую лирику, получившую мощный импульс с выходом «Анакреонтических песен» Г. Р. Державина (1804). Эта традиция имела значение и для поэтического творчества учителей — Дмитриева и Карамзина. Сентиментализм Карамзина нельзя представить вне его рационалистической, просветительской основы; приверженец Руссо и Бонне остается тем не менее и ценителем Вольтера.

В 1790-е годы он сам пишет послания-элегии «К неверной» и «К верной», обозначив их как переводы с французского. Страстность любовного переживания и откровенность признаний в этих стихах смущали даже Державина, и считается, видимо, не без оснований, что указания на переводной характер стихов — попытка скрыть их автобиографический характер. Но при всех обстоятельствах помета «с французского» — любопытный ориентир: он указывает на тип элегического, интроспективного послания, анализирующего чувство. При полном отсутствии каких-либо конкретных реминисценций из Парни, они были очень близки к самому типу его элегии, которые тоже могут при желании быть рассмотрены именно как послания, — с прямыми обращениями, признаниями, жалобами, прихотливым и парадоксальным движением лирической эмоции. Это, конечно, «чувствительность», — но не медитативного склада; над ней не тяготеют запреты, которые наложат романтики на галантное «остроумие» поэзии предшествующего века. «Чувство» здесь еще не противопоставлено рациональному началу и не исключает чувственности, — скорее напротив. Здесь звучит голос либертина, прошедшего школу вольтеровского скептицизма и не чуждого свободы нравов эпохи «fin du siècle». «Неверность» — беда, несчастье, но не порок; «измена» — не преступление, а порыв чувственной страсти — скорее добродетель, чем грех, ибо он есть торжество духовного влечения, естественности и свободы. Лирический герой такой элегии «руссоист» только в определенном смысле: в «естественности» своего чувства, — но при этом он остается человеком цивилизованного мира; он живет в сфере культурных ассоциаций и интересов и не собирается от них отказываться. Именно такой или подобный тип лирического героя, обрисованный в элегиях Парни, и появляется в посланиях Карамзина, а вслед за ним и в стихах его последователей, переводивших Парни или писавших по его мотивам. «Скромность» (1810) В. Л. Пушкина или «Любить и не

любить» (1808) В. В. Измайлова вполне органичны для их собственной поэзии, где унаследованные от XVIII века «кончетти», антитезы, ирония не вступают в противоречие с новыми, руссоистскими, преромантическими настроениями, а как бы прорастают ими изнутри.

Исключение составляет Жуковский. Либертинаж, «вольтерьянство», иронический скептицизм ему органически чужды и даже враждебны, и лирический герой его элегий — прямая противоположность героям Парни. Он обращается к французскому элегику в том году, когда в его поэтическом сознании теснится целый ряд сменяющих друг друга элегических замыслов, и выбирает из книг Парни ту элегию, в которой более всего сказались преромантические и руссоистские симпатии и эстетика мрачной и величественной природы, внушающей «сладкий ужас» и меланхолию. Но и этот перевод («В разлуке я искал смягченья тяжких бед...») он не оканчивает, уступив славу «русского Парни» одному из своих ближайших соратников и антиподов — К. Н. Батюшкову.

2

В декабрьском письме 1810 г. Н. И. Гнедичу Батюшков вспоминал, как в возрасте семнадцати лет написал к нему послание, взяв эпиграфом «стихи из Парни, всем известные»: «Le ciel qui volait mon bonheur, / Avait mis au fond de mon cœur / La paresse et insouciance» и проч.: «небо, которое желало моего счастья, вложило мне в сердце лень и беззаботность», — и как Николай Назарьевич Муравьев счел это самопризнанием, объясняющим, почему юнец не хочет трудиться в канцелярии². Эпиграф (из стихотворного письма Парни к брату от сентября 1785 г.) свидетельствовал о довольно основательном знакомстве с собранием сочинений Парни. Перевод «Элегии XI» появляется, по-видимому, несколько позднее; устойчивые же и осознанные формы тяготение к Парни принимает у Батюшкова к 1810—1811 гг.: в это время он переводит стихами «Мадага-

² Батюшков К. Н. Сочинения. Т. III. СПб., 1886. С. 64. Соображения о возможном времени этого эпизода см.: Кошелев В. А. К биографии К. Н. Батюшкова // Рус. литература. 1987. № 1. С. 178—179.

скарские песни», отрывки из «Иснеля и Аслеги», «персидскую идиллию», «Источник» (также стихами) и две элегии (I, 10 и IV, 9), озаглавленные им «Привидение» и «Мщение». Есть основания думать, что и знаменитая «Вакханка» (из «Превращений Венеры») написана тогда же или немногим позднее.

К этому времени Батюшков окончательно определяет свою позицию в борьбе литературных групп. Это позиция будущего «арзамасца», сторонника литературной реформы Карамзина и решительного противника архаистов из «Беседы любителей русского слова». Батюшков разделяет основное требование эстетики «новаторов»: преобразование литературного (в том числе поэтического) языка на основе законов «вкуса» и приближения его к разговорной речи «хорошего общества», то есть образованной элиты. Теперь работа над языком малых форм лирической поэзии, к которой тяготел Батюшков по свойству своего дарования, приобретает значение эстетического принципа; Парни же был признанным образцом «легкого рода» поэзии, искусства не менее «трудного», нежели поэзия «высокая». Батюшков готов признать эстетическую равноценность той и другой, — что являлось безусловной крамолрой в глазах не только архаистов «Беседы любителей русского слова», — но и Гнедича, архаика более умеренных позиций, к тому же давнего друга и постоянного поэтического конфидента Батюшкова. «Однажды положив на суде, что я родился для отличных дел, для стихотворений эпических, важных, для исправления государственных должностей, для бессмертия, наконец, ты, любезный друг, решил и подписал, что я враль, ибо перевожу Парни», — так резюмировал Батюшков в письме Гнедичу существо их расхождений и свое твердое намерение остаться на прежних позициях³. Он отвечает своим оппонентам речью «О влиянии легкой поэзии на язык» (опубл. 1816).

Переводы из Парни включаются в круг его оригинального творчества, становясь частью создаваемого им поэтического мира, в центре которого стоит человек, освобожденный духовно от официальных пут общества, наслажда-

³ Б а т ю ш к о в. Т. III. С. 116—117 (письмо от первой половины апреля 1811 г.).

ющийся поэтической праздностью, любовью, дружбой и созданиями искусства. Чувственность, эротика — это форма эстетизации мира, культурный знак, отсылающий читателя к галантной поэтике искусства рококо, к живописи Буше и Фрагонара. Эротические детали Батюшков обычно опускает; ему нужны детали обобщенно-символические. И он охотно пользуется перифрастическим и условно-метафорическим языком французской элегии, потому что создает русский вариант такого языка, организованного по законам «вкуса». Отсюда, между прочим, постоянный у Батюшкова мотив «соревнования» с Парни: воссозданная заново на русском языке модель должна быть совершеннее своего оригинала; она должна добавлять к Парни то, что французский поэт добавил к Тибуллу и Проперцию.

Художественный мир раннего Батюшкова подчинен закону гармонии, проникающему все его элементы и уровни: лирический сюжет, эмоциональный рисунок, мелодику стиха, образную сферу, язык. Даже экстатическое буйство вакхического праздника в «Вакханке», бешеная стихия освобождающейся плоти у него «красивы» — эстетически упорядочены. И Парни для Батюшкова — не психолог, не автор первого «романа в элегиях», — а воплощение легкости, артистизма, духовной свободы, противостоящей тяжелым и натужным имитациям таланта. Когда — после 1812 года — мир этот разрушится, уступив место душевной дисгармонии и психологической углубленности, — Батюшков уже не будет переводить Парни. Правда, он сохранит интерес к личности самого поэта и станет сожалеть, что не сумел увидеть его в Париже в 1814 г.

Но для следующих поколений — прежде всего для лицейского Пушкина — он останется «Батюшковым-Парни»; самый литературный облик его будет стилизован.

Психолога же Парни едва ли не первым оценит Денис Давыдов, перебросивший мост от Батюшкова к Пушкину. Давыдова и Батюшкова — на первый взгляд столь различных — сближало многое, — и вряд ли случайно, что Давыдов буквально по следам Батюшкова переводит романс из «Иснеля и Аслеги» («Сижу на берегу потока...») и «Элегию IX» четвертой книги. Здесь уже нет и следа изящной и смягченной гармоничности любовного чувства — здесь полным голосом говорят страсть и ревность: здесь эмоция лирического героя движется от болезненного воспоминания

о прежних радостях к негодованию на измену, к мгновенно вскипающему гневному порыву, разрешающемуся упреком и бессильной угрозой. Именно эта эмоциональная энергия привлекла в давыдовских элегиях юного Пушкина, который, нужно думать, заметил в них и эту противоречиво развивающуюся эмоцию. Сам Давыдов позже невысоко ценил свои ранние элегии, находя в них зависимость от традиции XVIII века, — но как раз эта традиция оказалась жизнеспособной в период господства «унылой элегии». Давыдов, действительно, многое взял от нее; его любовные жалобы, выражающиеся то в негодующей инвективе, то в элегическом пассаже, опираются и на Парни, и на друга и ученика его Бертена.

Судьба элегий Бертена на русской почве совершенно не исследована, — между тем опыт Д. Давыдова, положившего модель «Элегии VI» из книги I *Les Amours* в основу своей «Элегии II» («Пусть бога-мстителя могучая рука») есть факт не просто знакомства, но активного восприятия. В Бертене находили «движение, теплоту, силу, голос страсти, поэзии». В 1820 г. П. А. Вяземский просит А. И. Тургенева купить ему где-нибудь *Les Elégies de Bertin*⁴; без сомнения, элегии Бертена знал и Пушкин еще в лицейские годы⁵. В сознании Д. Давыдова, — и, конечно, не только его, элегии Парни и Бертена были явлениями одного порядка; весьма любопытно, однако, что в эту литературную амальгаму у Давыдова включаются и уже известные нам русские образцы: в его элегиях есть прямые реминисценции из посланий «К верной» и «К неверной» Карамзина.

Вслед за Парни и Бертеном Давыдов циклизует свои элегии (в том числе и обращенные к разным адресатам), добиваясь ощущения единого противоречиво протекающего романа. Элегический цикл он создает одновременно с Батюшковым, но строже выдерживает психологическое единство книги. И почти одновременно с ним то же делает лицеист Пушкин, выстраивая единый сюжет из элегий 1816—1817 гг.

⁴ Остафьевский архив. Т. II. СПб., 1899. С. 39.

⁵ На это указывал, в частности, Б. В. Томашевский (Пушкин и Франция. С. 95, 147).

Воздействие Парни на раннего Пушкина несомненно, хотя дореволюционными исследователями и было несколько преувеличено. Оно сказалось не только в самом принципе циклизации, но и в довольно многочисленных реминисценциях — заимствованных образах, поэтических фразеологизмах, ситуациях. Пушкин в ранние годы почти не переводил Парни; как и Батюшков, он пользовался его художественным арсеналом для создания своего элегического языка. Парни для него — своего рода модель новейшей любовной элегии, и точки соприкосновения возникают там, где определяются «общие места», «*loci communes*» элегического жанра; таковы сцены с любовником, тщетно взывающим в разлуке к своей возлюбленной, имя которой повторяет эхо; таковы вариации мотивов Парни в элегии «К друзьям» («Опять я ваш, веселые друзья...») или в концовке стихотворения «К живописцу». В 1817—1818 гг. Пушкина особенно привлекает напряженность любовного чувства и эротическая откровенность Парни: он отталкивается в эти годы от элегического «мечтательства», которое не без основания связывает с наследием сентиментальной литературы. Тогда-то и появляется у него прямой перевод — уже не элегии, а откровенно-чувственного фрагмента из *Coup d'œil sur Cythère* (1819). Совершенно закономерно поэтому, что книга прямых и нередко очень удачных переводов из Парни выходит из-под пера поэта, который шел буквально по следам лицейских поисков Пушкина; мы имеем в виду Н. А. Маркевича, приятеля Левушки Пушкина и однокашника его по Благородному пансиону, попавшего в орбиту пушкинского воздействия еще в 1817 г. и тогда же пережившего острый интерес к французскому поэту.

3

Между тем в русской поэзии вначале скрыто, а затем более явно начинается переоценка наследия Парни. Она была связана с нарастающей борьбой против мировоззренческого сенсуализма, «вольтерьянства», религиозного скептицизма, вместе с которыми изгонялась из поэзии и гедонистическая чувственность. Парни не имел «истинной чувственности»; ему следовало бы направить свой дар, подобно Петrarке, на прославление «предметов и чувствований,

более возвышенных»; он оскорбляет стыдливость⁶. С этой оценкой, последовательно сентименталистской (или ранне-романтической), неожиданно солидаризировались литераторы, требовавшие «высоких» и граждански значительных тем.

Парни не удовлетворял ни ранних романтиков, ни «архаистов», ни сторонников гражданской поэзии. Кюхельбекер в 1824 г. будет сожалеть, что Батюшков взял себе в образцы «двух пигмеев французской словесности: Парни и Мильвуа»⁷.

Исторически нельзя было ставить рядом Парни и Мильвуа, — потому что именно к Мильвуа обратились как к своего рода «противоядию».

«Падение листьев» этого ученика и последователя Парни потому-то и получило такую популярность — как на родине, так и в России, — что оно давало почти совершенную модель новой элегии, освобожденной от сенсуализма и гедонизма XVIII столетия. В «Падении листьев» словно сконцентрировалось все то, что будет характерно для «унылого» ответвления элегического жанра: «осенняя» экспозиция, метафора угасания жизни, прощальный монолог умирающего героя-юноши — «*novissima verba*» древних элегиков, но без малейших следов «земной» античной чувственности, идеальная, спиритуалистическая любовь и драматизирующий мотив: посмертная измена возлюбленной. Концовка элегии — описание забытой могилы — вскоре в русской литературе станет элегическим штампом.

«Падение листьев» переводилось «унылыми элегиками», к которым примкнули и молодой Баратынский, и зрелый Батюшков, прощающийся со своей ранней привязанностью к Парни. Но это была лишь одна сторона рецепции Мильвуа.

Мильвуа сознательно стремился расширить пределы элегии, — и эта идея была подхвачена русскими поэтами. Пушкинская эпоха редко удерживалась в пределах лирической субъективности; она охотнее оперировала объективированными образами с расширительным, символическим

⁶ Новости литературы. 1823, № 43. С. 58. См. также отзыв Д. П. Глебова в наст. изд. (прим. к переводу «К Делии» А. Бергена).

⁷ Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 455.

смыслом, — тем более, что такие образы уже имелись в художественном репертуаре.

Одним из них был образ Гомера — нищего гения, символ независимой поэзии, отвергнутой властями и обществом. Уже демократическая поэзия начала века знала целую галерею подобных же символов. Фигура «бедного поэта» появляется даже ранее — например, у Карамзина; теперь же, в эпоху роста гражданских настроений, она приобретает ярко выраженный общественный смысл.

Батюшков, будущий автор «Умиряющего Тасса», переводит из Мильвуа «элегическую песнь» о состязании Гомера и Гесиода, подчеркивая в ней идею непризнанности гения. Дм. Глебов, испытавший сильное влияние Батюшкова, выбирает сюжет о странствующем Гомере.

Тот же Глебов, а за ним и Александр Крылов, элегик, близкий к либеральным кругам Вольного общества любителей российской словесности, приятель Плетнева, Дельвига, Баратынского, Кюхельбекера, переводят «Могилу персидского поэта» — биографическую легенду о Фирдоуси, чей шедевр «Шахнаме» не был оценен по достоинству шахом, после чего поэт удалился от двора, и шахские посланные нашли только его труп.

История социальной мифологемы «бедного поэта» ясно показывает, что вызов тем и сюжетов в чужую литературную среду идет изнутри самой этой среды, из недр ее социального и художественного сознания. Русской поэзии был нужен этот образ — она «вызвала» Гомера, Тассо, Фирдоуси и, наконец, Н. Жильбера.

Еще в 1809 г., когда умирал поэт и критик А. Бенитцкий, Батюшков сожалел о раннем конце и неосуществившихся надеждах: «Жильберт в нем воскрес и умер!⁸» Жильбер венчал в новой литературе исторический ряд «поэтов-несчастливцев», задушенных обществом. Биографическая легенда, — как мы знаем сейчас, во многом неосновательная, — предопределила популярность не только его имени, но и творчества, — в той мере, конечно, в какой оно высветляло эту легенду. М. В. Милонов, элегик и сатирик, рано опустившийся и умерший, имел некоторые субъективные основания проецировать «легенду о Жильбере». на

⁸ Б а т ю ш к о в. Т. III. С. 43.

собственную судьбу; он перевел «Бедного поэта» (1816); перевел очень свободно, усилив элегические мотивы и введя в текст свои этические и гражданские идеи; этот перевод считался позднее, уже после смерти Милонова, одним из значительных его произведений, дававшим ему известное право на титул «русского Жильбера». В эпоху формирования гражданской лирики декабризма творчество Жильбера предстало русским поэтам своей элегической ипостасью с социальной окраской; Н. И. Гнедич, Ф. Н. Глинка обращаются к его «Оде, выбранной из многих псалмов», рассматривая ее как раз в этом ключе; вплоть до Лермонтова и даже позднее образ «ненужного гостя на людском пиру» держится как сквозной и устойчивый элегический мотив, варьируясь у Пушкина, Вяземского, А. А. Шишкова, Лермонтова, Э. Губера; как приметку поэзии 1830-х годов его цитирует Достоевский.

Возьмемся, однако, к Мильвуа, который обогатил русскую поэзию не только образами «бедных» и непризнанных поэтов. Антикрепостнические тенденции в лирике 1820-х годов находили себе опору в «Бедном негре»; антиитиранические — в «Манцениле». «Манценил» переводят поэты декабристской периферии — А. Ф. Раевский, В. И. Туманский, который обращается заново и к аболиционистским сюжетам в «Мадагаскарских песнях» Парни. Наконец, Мильвуа дает импульс античным и в особенности ориентальным темам.

Как и во многих других случаях, первооткрывателем здесь выступает Жуковский. Вклад Жуковского в освоение французской элегии был незначителен и несоизмерим с его ролью в пересоздании английских поэтов или Шиллера, но в одном случае он породил традицию. «Песнь араба над могилою коня» Мильвуа в его интерпретации легла в основание целого пласта русской ориентальной лирики: найденный им стилистический ключ к изображению «восточной психологии», эквиваленты метафорической восточной образности, наконец, изобретенная им строфа четырехстопного амфибрахия с расположением рифм ааВВссDD стали образцом для русских «стихов о Востоке», вплоть до IX «Подражания Корану» Пушкина и «Трех пальм» Лермонтова⁹.

⁹ См.: Заборов П. Р. Шарль Мильвуа в русских переводах и подражаниях первой трети XIX века // Взаимосвязи русской и зарубежных литератур. Л., 1983. С. 100—128.

Популярность Мильвуа идет на убыль в начале 1820-х годов; его сменяют новые имена. В 1819 г. до русского читателя доходит имя А. Шенье. Первый перевод из него появляется еще до издания Латуша: Н. Д. Иванчин-Писарев, эрудит и коллекционер, внимательный читатель французской литературы, переводит из «Гения христианства» Шатобриана фрагмент элегии *O nécessité dure! ô pesant esclavage*, — тот самый, который позднее ляжет в основу блистательного пересоздания Баратынского. За четыре-пять лет творчество Шенье и его трагическая судьба прочно входят в сознание русского читающего общества. В. Туманский с 1820 г. не расстается с томиком Шенье; И. И. Козлов сообщает Пушкину детали его биографии, которых нет у Латуша. Но — и в этом заключался один из парадоксальных для потомства фактов литературного развития — в двадцатые годы его почти не переводят. Творческий интерес к Шенье обнаруживают лишь поэты, специально культивирующие античные темы, — как Гнедич, превосходно переведший *Élégie XX (Dans le goût ancien)*, и Авраам Норов, рассматривавший античность сквозь призму анакреонтической традиции. Интерпретация творчества и биографии Шенье в начале десятилетия связана с именем лишь одного русского поэта, — но этим поэтом был Пушкин.

Тема «Пушкин и Шенье» настолько обширна и многообразна, что здесь можно только обозначить ее общие контуры¹⁰. Следы знакомства Пушкина с лирикой Шенье обнаруживаются еще в петербургских антологических стихах 1820 г. — и они показывают, что самые «подражания древ-

¹⁰ См.: Веселовский Ю. Пушкин и Шенье // Пушкин. Под ред. С. А. Венгерова. Т. III. СПб., 1909. С. 581—584; Гроссман Л. Пушкин и Андрэ Шенье // Гроссман Л. От Пушкина до Блока. Л., 1926. С. 15—51; Томашевский Б. В. Пушкин и Франция, по указ.; Сандомирская В. Б. 1) Первый перевод Пушкина из Андрэ Шенье // Пушкин. Исследования и материалы. Т. VII. Л., 1974. С. 167—184; 2) Переводы и переложения Пушкина из А. Шенье // Там же. Т. VIII. Л., 1978. С. 90—106; 3) «Отрывок» в поэзии Пушкина двадцатых годов // Там же. Т. IX. Л., 1979. С. 69—82; Слонимский А. Л. О каком «возвышенном галле» говорится в оде Пушкина «Вольность»? // Там же. Т. IV. М. — Л., 1962. С. 327—335.

ним» уже в это время Пушкин ориентирует на буколики Шенье. «Истинный грек», «из классиков классик», от которого «так и пашет Феокрытом и Анфологиею», — так определял его Пушкин, — давал образцы современной интерпретации античности: гармоническое равновесие всех элементов стихотворения, «ничего напряженного в чувствах; тонкого, запутанного в мыслях; лишнего, неестественного в описаниях» (Пушкин. Т. XIII. С. 380—381; т. XI. С. 58). Эти принципы Пушкин сознательно применяет в южных антологических стихах, — и на юге он заново переживает волну острого интереса к Шенье, которого изучает в близком общении с Н. Н. Раевским.

В 1823 г. он начинает переводить «Слепца», используя уже не александрийский стих, как у Шенье, а гекзаметр и погружая перевод в архаическую языковую стихию гомеровского эпоса. Архаизмами он будет пользоваться и при переводе другого стихотворения Шенье на античную тему — буколики *Oeta, mont ennobli* («Покров, упитанный язвительной кровью...», 1825). В переводах элегий они будут исчезать; в стихотворении «Ты вынешь и молчишь: печаль тебя снедает...» (1824) — переводе элегии *Jeune fille, ton cœur avec nous veut se taire...* останутся только те элементы строения текста, которые уже определились в его собственных «подражаниях древним». Но быть может, еще важнее, чем переводы, оказывалась для Пушкина интерпретация фигуры самого Шенье, которая включила в себя и концепцию его элегического творчества.

Дело в том, что в южный период Пушкин начинает переоценивать французскую элегию с позиций формирующегося романтизма. Он критически пересматривает Батюшкова и решительно восстает против «унылой элегии» в целом. Но он не отбрасывает ее, как вообще ничего не отбрасывает: он ее переосмысляет.

Более того: он словно стремится удержать в своем творчестве то, что сохраняет цену во французской элегической традиции: изображение парадоксальной противоречивости любовного чувства, «диалектики души». И его оценки поэтов в это время отмечены печатью диалектики. «Millevoye ни то ни сё, но хорош только в мелочах элегиче<ских>» (Пушкин. Т. XIII. С. 381). Одну из таких «элегических мелочей» — *L'Inquiétude* — он кладет в основу собственной элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты» (1823) — о

верной и разделенной любви, создающей себе фантомы неверности и измены.

Он обращается заново к *Les Déguisements de Vénus* Парни и обрабатывает сюжет о Прозерпине, предающейся любовным утехам из ревности, скуки и желания вкусить запретный плод измены богу-супругу.

И, наконец, он делает решительно отвергнутую им «унылую элегию» средством характерологическим.

Так происходит в «элегии Ленского» в VI главе «Онегина», — но еще раньше в элегии «Андрей Шенье».

В «Андрее Шенье», законченном в 1825 г., за несколько месяцев до восстания 14 декабря, современники искали актуального смысла, вплоть до прямых аллюзий. В 1826 г. фрагмент стихотворения, исключенный цензурой из сборника «Стихотворения Александра Пушкина», начал распространяться с надписью «На 14 декабря»; возникло политическое дело, и Пушкину пришлось давать объяснения. Но если стихотворение и не содержало прямой аллегории, то самое изображение поэта, принявшего ближайшее участие в революционных событиях и ставшего жертвой тирании (а именно так рассматривал Пушкин якобинский террор), делало «Андрея Шенье» очень ярким явлением гражданской поэзии декабристской эпохи. Стихи, без сомнения, имели и автобиографическую подоснову, на которую ссыльный Пушкин достаточно прозрачно намекал в письмах к друзьям.

При всем том «Андрей Шенье» был очень важным для Пушкина — как и для всей русской поэзии — опытом исторической элегии, содержащим как художественную концепцию творчества французского поэта, так в известном смысле и концепцию жанра.

Переводя или варьируя Шенье, Пушкин интересовался почти исключительно его стихами в античном духе. В характерологических целях он выбирает его элегии и ямбы, — субъективную лирику, раскрывающую душевное состояние ее творца. Реминисценции, отсылки к стихам, образы Шенье становятся здесь материалом художественного исследования, основанного на принципе историзма.

Пушкин пользуется не только материалом лирики Шенье. Композиционная структура «Андрея Шенье» — элегия об «умирающем поэте»: экспозиция, элегический монолог, развязка, в которой есть даже характерная деталь: угасающая лампада (ср. в *Poète mourant* Мильвуа и Ламар-

тина). Таких элегий у Шенье нет: это наследие «унылой элегии», но переосмысленное.

Переосмыслен и сам Шенье. Тюремная лирика его совершенно иная. Пушкин не сохранил ноток горечи и неверия в человеческие (в том числе дружеские) связи, звучащих, например, в потрясающем по своей силе ямбе *Quand au mouton bêlant...*. В предсмертном монологе его Андрея Шенье соединены разные жанровые формы и ведущие эмоции, — но дружба, любовь, поэзия проходят по нему как непоколебленные этические ценности. Построив первую часть на мотивах и идеях гимна *Le Jeu de paume* с его апологией начального периода Революции и, может быть, воспользовавшись ямбом *Sur les suisses...*, Пушкин предлагает далее резко контрастный по тональности элегический фрагмент, опирающийся на ранние дружеские послания. Нам важно отметить здесь, что, сохраняя их общий тон и идеи, Пушкин заставляет своего Шенье подчеркнуть в них литературную условность элегического мотива «умирания» в реальной ситуации ожидания казни: «место наших урн заранее назначали» — это прямая парафраза элегического описания своей воображаемой смерти в послании братьям де Панж (*Aujourd'hui qu'à tombeau je suis prêt à descendre...*). Вторая часть элегии, организованная мотивом «сожаления» и построенная на контрасте между идиллическим прошлым и трагическим настоящим, обозначает кризис, душевный спад (может быть, здесь в подтексте и присутствуют тюремные стихи), преодолеваемый в заключительной части монолога резкой инвективой, полной гражданского воодушевления¹¹.

Такая концепция характера принципиально противостояла той, которая сложилась и в «унылой» и в «гражданской» элегии типа рылеевских «Дум». Прежде всего, Пушкин снимает противопоставление любви и гражданской поэзии. Это две ипостаси единого поэтического облика, взаимно обуславливающие друг друга. Подлинный поэт не может остаться равнодушным к страданиям человечества, быть «не гражданином». Концовка стихотворения производит впечатление почти полемической переклички. IV пред-

¹¹ См.: С а н д о м и р с к а я В. Б. Андрей Шенье // Стихотворения Пушкина 1820—1830-х годов. Л., 1974. С. 8—34.

смертный ямб Шенье оканчивается словами: «Toi, Vertu, pleure si je meurs» («Ты, Добродетель, плачь, коль я умру»). У Пушкина — «Плачь, Муза, плачь!» — не Добродетель, а именно Поэзия, которая, перефразируя Жуковского, сама «есть добродетель». В отличие от героя «унылой элегии» — умирающий поэт у Пушкина «дышит любовью и всеми страстями», как сказал он сам, критикуя батюшковского «Умирающего Тасса», а вместе с ним и всю традицию «унылой элегии», — в предыстории поэта — и чувственная любовь, и измены, и вакхические пиры, и неосуществленное стремление к славе, — а не только сожаление об утраченной молодости и любви или спиритуализм «умирающего христианина», как это будет у Ламартина и отчасти было уже у Мильвуа.

Но Пушкин делает и следующий шаг по пути переоценки «унылой элегии». Он вкладывает в уста своему Ленскому характерный ее образец, пастиш, с вариациями формул из «Падения листьев» и «Бедного поэта» в переводах Милонова и «Идеалов» Шиллера в переводе Жуковского, — как пример «темного и вялого» псевдоромантизма, обнаруживающего свою несостоятельность при столкновении с реальностью. Однако и здесь «унылая элегия» становится средством характеристики душевного мира — на этот раз элегического мечтателя. Абсолютная ценность этой литературы невелика, относительная — гораздо выше, ибо она — может стать условной формой выражения истинного чувства. И Пушкин с поразительной художественной смелостью берет для описания реальной могилы Ленского переосмысленный элегический штамп «забытой могилы»¹².

Что же касается Андре Шенье, то созданный Пушкиным образ глубоко вошел в поэтическое сознание современников. Предсмертный монолог поэта перед казнью, в героическом и трагическом ореоле, многократно отразится в юношеской лирике Лермонтова. Интерес же к подлинной лирике Шенье явно растет с середины 1820-х годов, и, конечно, не без воздействия Пушкина В. И. Туманский, И. И. Козлов и менее значительные поэты начинают переводить именно его интимную элегическую лирику — более всего «Молодую узницу», а затем и стихи, ярче всего отмеченные автобиогра-

¹² Савченко С. В. Элегия Ленского и французская элегия // Пушкин в мировой литературе. Сб. статей. Л., 1926. С. 64—98.

фическим началом. Только с начала 1840-х годов наступит полоса интереса к антологической поэзии в целом — а вместе с ней и к буколикам Андре Шенье, — тогда появляются во множестве переводы Н. П. Грекова, И. П. Крешева, А. И. Пальма и, может быть, переводы В. Г. Бенедиктова, не имеющие точной датировки. Эти последние включены в настоящий сборник как превосходные образцы поэзии, зародившейся еще в пушкинскую эпоху¹³.

В середине же двадцатых годов приходит звездный час нового кумира русской публики — Альфонса Ламартина.

5

Выход в свет *Les Méditations poétiques* в 1820 г. вызвал в России вспышку острого интереса. Уже летом книга становится известной в Петербурге; в конце июня Вяземский требует ее у А. Тургенева, а в сентябре—октябре К. С. Сербинович усиленно читает ее с друзьями и беседует о ней с А. И. Одоевским¹⁴. В следующем же году издание перепечатывается в Петербурге. К этому времени уже существуют русские переводы, первым из которых было «Воспоминание» П. А. Вяземского.

15 января 1821 г. А. И. Тургенев пишет брату Сергею: «О Батюшкове слышали мы, что он подружился с Lamartin'ом, своим товарищем по поэзии, но не по таланту, ибо наш перецеголяет француза»¹⁵. В пушкинском окружении интерес к новому поэту был не лишен доли критицизма. Между тем в литературных кругах он нарастает; если по числу переводов в 1820 г. в русской поэзии безраздельно царит Мильвуа, то уже в 1822 г. Ламартин начинает вытеснять его, а на протяжении 1824—1826 гг. утверждает свое абсолютное господство на страницах русских журналов. Ламартином зачитываются в петербургских салонах. Пушкин в «Графе Нулине» приведет его в пример «модного

¹³ См.: Stremoukhoff D. *André Chénier en Russie // Revue de littérature comparée*. 1957. N 4 (oct.-déc.). P. 529—549.

¹⁴ Литературное наследство. Т. 58. М., 1952. С. 249; Остафьевский архив. Т. II. С. 39. Значительный материал по этой теме собран в статье Н. Суриной «Русский Ламартин» (Русская поэзия XIX века. Л., 1929); см. также: Корбе Ш. Ламартин в России // Русско-европейские литературные связи. М. — Л., 1966.

¹⁵ ИРЛИ, ф. 309, № 2379, л. 89.

писателя». Свидетельства его читательской популярности оставляют Вяземский, Полевой, Киреевский, писавший о «безусловном обожании» Ламартина, Погодин, сетовавший, что русские дамы ничего не хотят знать, кроме известий о модах и элегий Ламартина¹⁶. П. А. Плетнев пишет свой обзор современной русской поэзии для «Северных цветов на 1825 год» как ответ светской даме (С. И. Соллогуб), сказавшей ему, что ни один русский поэт не заменяет ей удовольствия от чтения Ламартина.

Медитации Ламартина являлись в Россию как последнее слово новой французской поэзии, причем поэзии романтической.

Парадокс восприятия заключался в том, что в России Ламартин сразу же стал достоянием «классиков», пронизательно почувствовавших в нем доромантическую литературную основу.

В 1822 г. в Вольное общество любителей российской словесности С. И. Висковатов представляет переводы «Одиночества» и «Осени», граф Д. И. Хвостов — «Восторга» (*L'Enthousiasme*), А. П. Бунина — «Долины»¹⁷. В собрание своих сочинений Хвостов включил «Восторг» и медитацию «О бессмертии». Глубокие архаики, «беседисты», с литературным воспитанием XVIII века, приветствовали возрожденные элементы описательной поэзии и философско-дидактической медитации деистического толка, а «Восторг» Хвостов понял как утверждение одического лиризма и даже перевел его одической строфой.

Систематически переводит Ламартина московский поэт А. А. Волков, который даже для Хвостова и И. И. Дмитриева был «классиком», о чем заявлял совершенно демонстративно.

В 1828 г. Н. И. Надеждин, последовательный противник «сатанинского» романтизма байроновского извода, сделает одной из своих деклараций перевод медитации «Промысл человеку» с ее идеей подчинения личной воли всеобщим законам провидения, — а в дальнейшем будет противопо-

¹⁶ Киреевский И. В. Обзорение русской словесности 1829 года // Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 69; Московский вестник. 1827. № 2. С. 148.

¹⁷ Базанов В. Г. Ученая республика. С. 410—411, 427.

ставлять его «христианскую» поэзию «макабрской пляске» «Байронов», «Сутеев» (Саути) и Гюго¹⁸, — и с этим отзывом почти буквально совпадет отзыв клерикала А. С. Стурдзы, который в 1835 г. станет искать в Ламартине противоядия против неистового романтизма «беснующейся Франции»¹⁹. Ламартин давал повод к такому толкованию и знаменитой медитацией «Человек. К Байрону», интерпретацией Байрона как мощного таланта, поставленного на службу силам зла.

Все это появляется в русских переводах. Интерпретация предопределяла отбор. Медитации, где звучали ноты религиозного сомнения или даже бунта, где демонстрировались симпатии к новейшей поэзии, не переводились или почти не переводились.

Зато пышным цветом расцветает пересаженная на русскую почву любовная и религиозная медитация Ламартина. «Одиночество» насчитывает около десятка переводов, немногим менее — «Вечер» и «Воззвание». Эти стихи переводят эпигоны-элегики, воспитанные на Оссиане, немецких преромантиках, — такие, как П. А. Межаков, Д. П. Глебов, Пл. Г. Волков, И. П. Бороздна, В. Н. Олин, А. Н. Глебов, В. Н. Григорьев, И. Е. Тюрин. Им был близок меланхолический лирический герой Ламартина — он представлял как модифицированный герой привычной «унылой элегии».

Поэтому на Ламартина ополчаются все те литературные силы, которые — по разным причинам и с разных позиций — вели борьбу против «унылых электиков»: Греч и Булгарин в «Сыне отечества» и «Литературных листках» в 1824—1825 гг., Кюхельбекер и позже издатели «Московского вестника»²⁰.

И. А. Крылов, со своей обычной уклончивостью в оценках, пролистав «Медитации» у Дельвига, сказал только: «Да, стихи довольно густы»²¹.

¹⁸ Надеждин Н. И. Письма в Киев (1834) // Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. М., 1972. С. 390.

¹⁹ Русская старина. 1903. № 5. С. 398 и след.

²⁰ См., напр.: *Сын отечества*. 1825. № 2. С. 200—202 («Д.Р.К.»); *Литературные листки*. 1824, август. № 16. С. 97 (Ф. В. Булгарин); *Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи*. С. 495; *Московский вестник*. 1828. № 14 (С. П. Шевырев).

²¹ Плетнев П. А. *Сочинения и письма*. Т. II. СПб., 1885. С. 87.

Популярность Ламартина была последней, но яркой вспышкой «элегической школы».

Именно так рассматривает ее Пушкин. Первое впечатление его скорее положительно: «Первые думы Ламарт(ина) в св(оём) роде едва ли не лучше «Дум Рыл(еева)», последние прочел я недавно и еще не опомнился — так он вдруг вырос» (письмо П. А. Вяземскому, 4 ноября 1823 г. — Пушкин. Т. XIII. С. 381). «Ламартин хорош в «Наполеоне», в «Умиравшем поэте» — вообще хорош какой-то новой гармонией» (П. А. Вяземскому, 5 июля 1824 г. — там же. С. 102). Отталкивание увеличивается с ростом числа безусловно восторженных отзывов; в июне 1827 г. он говорит у Карамзиных, что Ламартин «n'a pas beaucoup d'esprit» (не очень умен) и хотел отличиться противоположностью Байрону, — и вновь подтверждает свое предпочтение второй книги медитаций²². Причисление Ламартина к романтикам вызывает у него резкое раздражение; вся элегическая школа для Пушкина несовместима с романтизмом. Эта мысль составляет пафос его письма к Плетневу по поводу статьи о русских поэтах²³.

В начале тридцатых годов он говорит о «сладкозвучии, но однообразии» и «утомительности» ламартиновых элегий и об отсутствии искренности в его вдохновении и религиозном чувстве (Пушкин. Т. XV. С. 175, 201, 417).

Почти все эти мысли были развиты Вяземским в статье «О Ламартине и современной французской поэзии» в «Литературной газете» 1830 г. Эта статья была своего рода итогом в истории отношений к Ламартину пушкинского круга писателей.

Не отказывая Ламартину в звании истинного поэта, критик искал причины его успеха в нравственном состоянии общества, уставшего от политических бурь и готового погрузиться в дремоту и самосозерцание. Он проникательно уловил близость Ламартина к Шатобриану; подобно тому, как второй был «благвестником религии», первый — певец «любви, полной мистицизма, любви религиозной, равно чуждой волокитства и утонченной порочности Франции

²² Литературное наследство. Т. 58. М., 1952. С. 255.

²³ В а ц у р о В. Опыт прямодушия // Лит. обозрение. 1987. № 2. С. 4—7.

Регентства» и «чистой, непорочной чувственности древнего классицизма», возродившейся в «блестящих и свежих формах» в поэзии Шенье. Вслед за Пушкиным первый русский переводчик Ламартина в 1830 г. адресовал ему упрек в однообразии; как и Пушкин, он отдавал предпочтение второй книге медитаций²⁴. Наконец, подобно Пушкину, он ставил под сомнение искренность ламартиновской религиозности. Скептик и «вольтерьянец», он давал в своих письмах волю насмешкам над христианским спиритуализмом автора «Медитаций», не находя в них «истинной религии», «души», «истины».

«Я давно характеризовал поэзию Ламартина бесконечным «Господи, помилуй!», которое само по себе прекрасно и лучшее выражение немощи нашей; но не менее того наводит тоску на душу, когда повторяется сорок раз сряду однозвучным и сонным напевом приходского дьячка»²⁵. Но как раз эта раздражавшая Вяземского особенность неожиданно продлила жизнь «русского Ламартина» в московских литературно-философских кругах 1830-х годов.

6

Позднеромантическая эпоха, не в пример предшествующей, выдвинула на передний план те действительно романтические черты, которые обеспечили Ламартину популярность на родине.

Это был романтизм философский, враждебный сенсуализму XVIII столетия, господству чувственного начала и телесности, романтизм спиритуалистический, проникнутый идеями платонизма и христианской религии, вполне созвучный настроениям поэзии послепушкинского времени.

Медитативная, рефлексивная, философическая поэзия вызревала в среде, близкой Московскому университету.

Мы уже говорили о Надеждине, который был чужд не всякому романтизму и искания которого шли параллельно работе московских шеллингианцев. Еще в 1834 г. Надеждин

²⁴ Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 120—121.

²⁵ Письмо к А. И. Тургеневу от 7 марта 1836 г. // Остафьевский архив. Т. III. СПб., 1899. С. 309—310.

читает Ламартина со своей ученицей Е. В. Сухово-Кобылиной, вкладывая в чтение особый, интимный смысл, — и тогда же печатает в «Телескопе» трактат Ламартина «Судьбы поэзии» с требованием «философического, религиозного, общественного» искусства²⁶.

Николай Полевой, будущий непримиримый противник Надеждина и пропагандист романтизма Гюго, в 1825 г. переводит «Одиночество» и предоставляет страницы «Московского телеграфа» новому поколению переводчиков, например И. Е. Тюрину или Н. П. Грекову, пансионским или университетским питомцам.

В университете читает профессор И. И. Давыдов, страстный поклонник Ламартина²⁷.

Из пансионской среды выходит перевод «Одиночества», сделанный юным Ф. И. Тютчевым, которому предстоит поддержать здание русской философской поэзии, — и в его последующем творчестве останется след этого раннего увлечения²⁸.

Пансионер, а затем и студент Московского университета, шестнадцатилетний М. Лермонтов декламирует Ламартина своим приятельницам — Е. А. Сушковой и Верещагиной, — и, подобно Тютчеву, воспринимает некоторые элементы его поэтики²⁹.

Эти беглые справки объясняют, почему в университетской среде появился поэт новой, послепушкинской эпохи, систематически переводивший Ламартина и, подобно Лермонтову, соединявший его со столь, казалось бы, чуждой французскому лирику «демонической» и байронической традицией. Этим поэтом был А. И. Полежаев, яркое и талантливое порождение эпохи поэтического брожения тридцатых годов, объединивший в своей поэзии гедонизм со спиритуализмом, религиозные идеи со скепсисом и отрицанием,

²⁶ Козмин Н. К. Н. И. Надеждин. СПб., 1912. С. 459, 461, 478; Телескоп. 1834. Т. 20; ср.: Тынянов Ю. Н. Пушкин и Тютчев // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 170—171.

²⁷ Вестник Европы. 1899. № 3. С. 153—198.

²⁸ См.: Сурина Н. Тютчев и Ламартин // Поэтика. Сб. статей. Л., 1927. С. 148—167.

²⁹ М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников (М.), 1972. С. 84; Гаспаров М. Л. Лермонтов и Ламартин. Семантическая композиция стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива» // Историко-филологические исследования. Сб. статей. Памяти акад. Н. И. Конрада. М., 1974. С. 113—120.

философию с натуралистическим бытом. Под его пером Ламартин иной раз менялся до неузнаваемости, — но это было наиболее значительное в художественном смысле поэтическое перевоплощение французского романтика на языке романтической поэзии последнего пушкинского десятилетия.

К концу 1830-х годов Белинский будет удивляться, почему Полежаев избрал для перевода столь малоинтересный и не созвучный себе образец.

В это время Ламартин уходит с авансены русской поэзии. Белинский, свидетель его успеха в кругу, с которым он тесно общался сам, отказывает ему даже в творческом даре, объявляя, подобно Вяземскому, его «мечтания» «водяными и надутыми» образцами «фразерского направления»³⁰. Ему придется еще выслушать резкую отповедь Н. М. Сатина, обвинявшего его в отсутствии вкуса, неосновательности и опрометчивости³¹, — но уже ничто не сможет вернуть Ламартину былой его славы, — ни даже пылкое, но кратковременное увлечение им молодых Фета и Аполлона Григорьева³². Время его кончилось — и с ним вместе окончилась активная история французской элегии XVIII—XIX веков на русской литературной почве. Далее могло происходить только воскрешение.

Но это уже другая эпоха и другая история.

В. Э. Вацуро

³⁰ Белинский. Т. II. С. 465; т. III. С. 30, 33, 301, 398—399, 432; т. IV. С. 421.

³¹ Белинский и его корреспонденты. М., 1948. С. 265.

³² Григорьев А. Воспоминания. Л., 1980. С. 317.

Французская элегия
XVIII ~ XIX

веков

в переводных поэм
пушкинской

поэмы

L'Élégie française

des XVIIIe ~ XIXe
siècles

Traduite par
des poètes russes
de l'époque de Pouchkine

NICOLAS GILBERT

LE POÈTE MALHEUREUX.
OU
LE GÉNIE AUX PRISES AVEC LA FORTUNE

*Barbarus hic ego sum, quia non
intelligor illis.*

Vous que l'on vit toujours, chéris de la fortune,
De succès en succès promener vos désirs,
Un moment, vains mortels, suspendez vos plaisirs :
Malheureux... Ce mot seul déjà vous importune !
On craint d'être forcé d'adoucir mes destins !
Rassurez-vous, cruels; environné d'alarmes,
J'appris à dédaigner vos bienfaits incertains,
Et je ne viens ici demander que des larmes.

Savez-vous quel trésor eût satisfait mon cœur ?
La gloire : mais la gloire est rebelle au malheur,
Et le cours de mes maux remonte à ma naissance.
Avant que, dégagé des ombres de l'enfance,
Je pusse voir l'abîme où j'étais descendu,
Père, mère, fortune, oui, j'avais tout perdu.
Du moins l'homme éclairé, prévoyant sa misère,
Enrichit l'avenir de ses travaux présents ;
L'enfant croit qu'il vivra comme a vécu son père,
Et tranquille s'endort entre les bras du Temps.
La raison luit enfin, quoique tardive à naître.
Surpris, il se réveille, et, chargé de revers,
Il se voit sans appui dans un monde pervers,
Forcé de haïr l'homme avant de le connaître.

НИКОЛА ЖИЛЬБЕР

БЕДНЫЙ ПОЭТ

Вольный перевод из Жильберта

О дней моих весна! куда сокрылась ты?
Едва твой след примечу,
Как сна пленительна мечты,
Вотще лечу к тебе — тебя вовек не встречу!

Полжизни, может быть, моей,
В себе ты заключила;
Но ах, жалеть ли мне о ней?
Восход моей зари ты скорбью омрачила
И скрылась от меня,
Как кроется от глаз, предвестник
бурна дня,
В туманных облаках померкшее светило!

Но блеск отрадных дней твоих
Еще прельщенное воображенье ловит,
Кто знает, что судьба в грядущем
нам готовит?
Обрекши, может быть, для горестей иных,

Saison de l'ignorance, ô printemps de mes jours !
 Faut-il que, tourmenté par un instinct perfide,
 J'aie, à force de soins, précipité ton cours,
 Trop lent pour mes désirs, mais déjà si rapide !
 Ou faut-il qu'aujourd'hui, sans gloire et malheureux,
 Jusqu'à te désirer je rabaisse mes vœux !
 Pareil à cet aiglon qui, de son nid tranquille,
 Voyant près du soleil son père transporté
 Nager avec orgueil dans des flots de clarté,
 S'élève, bat les airs de son aile indocile,
 Retombe, et, ne pouvant le suivre que des yeux,
 En accuse son nid, et, d'un bec furieux,
 Le disperse brisé, mais en vain le regrette,
 Quand, égaré dans l'ombre, il erre sans retraite.

Mais on admire, on aime, on soutient les talents;
 C'est en vain qu'on voudrait repousser leurs élans :
 Sur ses pâles rivaux renversant la barrière,
 Le génie à grands pas marche dans la carrière.
 C'est vous qui l'assurez ; et moi, que les destins
 Ont toujours promené sur la scène du monde,
 Je dis (et ma jeunesse, en naufrages féconde,
 Etudia longtemps les perfides humains,
 Apprit où s'arrêtaient les forces du génie) :
 « Le talent rampe et meurt s'il n'a des ailes d'or,
 Ou, vendant ses vertus, rare et noble trésor,
 Lève un front couronné de gloire et d'infamie. »

Que ne puis-je, ô mortels, être accusé d'erreur !
 Quel que soit mon orgueil, oui, j'aimerais à croire
 Que j'ai par trop d'audace irrité mon malheur ;
 Que je frappais sans titre aux portes de la gloire.
 Il en coûte à mon cœur de vous croire méchants ;
 Mais expliquez, cruels, l'énigme de ma vie,
 Ou rendez-moi raison de votre barbarie.
 Dieu plaça mon berceau dans la poudre des champs ;
 Je n'en ai point rougi : maître du diadème,
 De mon dernier sujet j'eusse envié le rang,
 Et, honteux de devoir quelque chose à mon sang,
 Voulu renaître obscur pour m'élever moi-même.
 A l'âge où la raison sommeille, oisive encor,
 La mienne impatiente ose prendre l'essor :

О скорбь! в юдоли сей изгнания,
Готовила она жестокою рукой,
Чтоб шел тернистою стезей я испытанья
И силы укреплял души моей тобой!
Так, ты мою стезю в сем мире
начертала!

Я уст от твоего не отклонял фиала,
С начала бытия тобою уловлен;

Едва страдальческих пелен
Младенчества освободился,
Первейших благ земных — ласк матери
лишился —

И колыбель моя явилась гробом ей!
Младенцем я познал условие жизни сей —
И первый мой урок была ее могила!
С тех пор меня, ты, скорбь, себе
усыновила!

Лишь пылкой юности светильник
возблистал,
И славы призраком мой дух обворожился,
Я вслед за нею устремился —
И что ж, безумец, я сыскал?

Несчастному о ней и мысль уже преступна;
Как злато, хладная, ничтожная, как дым,
Единой хитрости ласкательства доступна —
И чуждая сердцам незлобным и простым!..
Не устыжусь изречь, что жребий всемогущий
Извел меня на свет среди простыя кущи,
И бедность лишь одну в наследье
дал отец;

Au nom seul d'un grand homme on voit couler mes larmes.
Grand Dieu ! ne puis-je encor m'élançer sur ses pas !
Condé bégaie à peine, il demande des armes,
Et, déjà plein de Mars, respire les combats ...
Donnez-moi des pinceaux. — Qu'exiges-tu d'un père ?
Mon fils, crois-moi, surmonte un penchant téméraire :
Tu veux chercher la gloire ? eh ! ne sais-tu donc pas
Que les plus grands talents y montent avec peine ;
Que, noircis par l'envie, accablés par la haine,
Tous ont vu le bonheur s'échapper de leurs bras ?
Songe au sort de Milton, songe au destin d'Homère :
L'homme, ingrat de leur temps, a-t-il changé depuis ?
Ah ! mon fils, je suis pauvre, et tu n'as plus de mère ;
Bientôt tu vas me perdre : où seront tes appuis ?
Mon fils, crois-moi, mon fils, sors de ton indigence ;
Et vers la gloire alors dirige tes travaux.
Au nom de tous les soins qu'on prend de ton enfance,
Par mes cheveux blanchis... — *Donnez-moi des pinceaux.*
Eh bien ! vis à ton gré. Je te livre à toi-même,
Ingrat ; mais en suivant ta folle passion,
Crains ton père, reçois sa malédiction.
Vous pleurez... ah ! mon fils, votre père vous aime ;
Ecoutez. — *Des pinceaux !* Moi, sillonnant les mers,
J'aurais donc, sur la foi du zéphyr infidèle,
Poursuivi la fortune au bout de l'univers ;
Et peut-être, pour prix de mon avare zèle,
Enterré sous les flots, en revenant au port,
Et mes jours, et mon nom qui peut vaincre la mort !
Qu'à son gré l'opulence, injuste et vile amante,
Berce sur le damas ce parvenu grossier,
Et laisse le poète, à l'ombre d'un laurier,
Charmer par ses concerts le sort qui le tourmente.
Il n'est qu'un vrai malheur, c'est de vivre ignoré.
L'homme brille un moment, et la tombe dévore
Les titres fastueux dont on fut décoré,
Nos maux, et ces plaisirs que le vulgaire adore ;
Tout périt sous la faux de la Mort ou du Temps :
Mais la gloire du moins que l'homme a méritée
Survit à son trépas, et s'accroît par les ans ;
Et, loin de les flétrir, la fortune irritée
Ajoute un nouveau lustre aux talents glorieux.
Racine, dieu des vers ! Corneille, esprit sublime !

Родившись царем — я презрел бы венец
 И, одолженным быть стыдяся в чем породе,
 Последнему б в моем завидовал народе,
 Желав родиться вновь, чтоб вознестись
 собой!..

О скорбный мой отец! я слышу голос твой:
 Родительских полей почто, в ожесточенье,
 Мой сын, забыв меня, бежишь — за кем
 вослед? —

«Ко Славе!» — Позабудь безумное стремленье,
 Я дряхл, а ты едва по слуху знаешь свет,
 В печальной старости останься мне
 отрадой:

Мой день почти угас, живу не для меня,
 И светом слабого колеблема огня,
 Хочу светить тебе последнею лампадой! —
 «Ко Славе!» — Если так, ступай! — Мне,
 в цвете дней,

Как юность пылкая зовет во храм честей,
 Мне дале не видать отеческих полей!
 Тот мертвый человек, кто в обществе
 не славен!

И вот — корабль готов и парус мой
 направлен,

И в пристани Творец меня не удержал!
 Взял в руки опыт руль — и скоро мне
 сказал:

Ты мене чем один, ты кровными оставлен! —
 Для ней, для ней всем жертвовать хочу!
 И Слава ль не пленит дух прямо
 благородный?

Я гражданин, за жизнь я обществу плачу,
 Вей ветер — и лети корабль по бездне водной!
 Ни бурей, ни грозой,
 Судьба коварная его не поглотила,

Vous pouvez effrayer un cœur pusillanime ;
 Peut-être avec dédain vos mânes radieux
 Du haut des monts sacrés regardent qui nous sommes ;
 Mais, si j'en crois mon cœur, on peut vous égaler :
 Le ciel, en vous formant, voulut se signaler,
 J'y consens ; mais enfin vous n'êtes que des hommes.

Ainsi je m'abusais. Sans guide, sans secours,
 J'abandonne, insensé, mon paisible village,
 Et les champs où mon père avait fini ses jours.
 Cieux, tonnez contre moi ; vents, armez votre rage ;
 Que, vide d'aliments, mon vaisseau mutilé
 Vole au port sur la foi d'une étoile incertaine,
 Et par vous loin du port soit toujours exilé.
 Mon asile est partout où l'orage m'entraîne.
 Qu'importe que les flots s'abîment sous mes pieds ;
 Que la mort en grondant s'étende sur ma tête ;
 Sa présence m'entoure, et, loin d'être effrayés,
 Mes yeux avec plaisir regardent la tempête :
 Du sommet de la poupe, armé de mon pinceau,
 Tranquille, en l'admirant, j'en trace le tableau.

Je n'avais point alors essuyé de naufrage ;
 Mon génie abusé croyait à la vertu,
 Et, contre les destins rassemblant son courage,
 Se nourrissait des maux qui l'avaient combattu.
 Mon sort est d'être grand, il faut qu'il s'accomplisse ;
 Oui, j'en crois mon orgueil, tout, jusqu'à mes revers.
 Qui de ceux dont la voix éclaire l'univers
 N'a point de la fortune éprouvé l'injustice ?
 Un dieu, sans doute un dieu m'a forgé ces malheurs,
 Comme des instruments qui peuvent à ma vue
 Ouvrir du cœur humain les sombres profondeurs,
 Source de vérités, au vulgaire inconnue.
 Rentrez dans le néant, présomptueux rivaux ;
 Ainsi que le soleil, dans sa lumière immense,
 Cache ces astres vains levés en son absence,
 Je vais vous effacer par mes nobles travaux.
 Mon âme (quel orgueil, grand Dieu, l'avait séduite !)
 Dévorait des talents le trône révééré,
 Et dans tous les objets dont je marche entouré,
 Ma gloire en traits de feu déjà me semble écrite.

Но тайною своей рукой
Путь дерзкого ума на влаге волн хранила! — —
Он прибыл — он один. — Кто вы? где ваш отец?
— Он жив еще, но я, увы! теперь безроден!
— Зачем? полезным быть? права?
— Я благороден.

— А ваше ремесло? — *Беднейшее* — певец.
Таланты любят здесь, здесь уважают знанья,
Здесь музам алтари — наукам здесь приют,
Что может выше быть поэтов достоянья?
Они бессмертие согражданам дают;
Похитив от богов волшебные глаголы,
Как возвещатели величия людей,
Они передают потомству блеск царей
И кроют славою иль клятвами престолы!
Они, паря к Творцу крылатым их умом,
И долу естества проникнувши уставы,
Оправдывают здесь, жрецы ума и славы,
Ничтожность смертного пред горним
Божеством;

Оракулы судеб, таинственники неба,
Вотще, змеиною подъямляся главой,
Стремится зависть к ним,
дочь Злобы и Эреба;

Оставя для других попать ее пятой,
Завистников своих талант не примечает!
Так солнце, восходя на тверди голубой,
Мерцанье слабых звезд собою помрачает!
Для Гения преград и не было и нет!

Смелей в свой путь, поэт,
Достоинству, уму отверсто здесь паренье, —
Убийственный обман! так думаете вы,

Prestiges que bientôt je vis s'évanouir !
 Doux espoir de l'honneur, trop sublime délire !
 Ah ! revenez encor, revenez me séduire :
 Pour les infortunés, espérer c'est jouir.
 Je n'ai donc en travaux épuisé mon enfance
 Que pour m'environner d'une affreuse clarté
 Qui me montrât l'abîme où je meurs arrêté.
 Ne valait-il pas mieux garder mon ignorance ?

Trop heureux Philémon, s'il connaît son bonheur !
 Fidèle au rang obscur qu'il reçut de ses pères,
 Longtemps de sa jeunesse il voit briller la fleur ;
 Et, cultivant en paix ses champs héréditaires,
 Ne craint pas que toujours ses efforts abusés
 Laissent tomber son corps privé de nourriture :
 La terre au jour marqué lui rend avec usure
 Les trésors qu'en ses flancs il avait déposés.
 Il n'a point, il est vrai, vu nos cités immondes,
 D'où le grand, étonné de ses vastes besoins,
 De leurs productions épuise les deux mondes.
 Nos sciences, nos arts, étrangers à ses soins,
 Ne l'ont point dépouillé de ses mœurs ingénues.
 Roulez en char brillant votre heureux déshonneur,
 Jamais de Philémon vous ne serez connues,
 Beautés dont on nourrit les vices sans horreur,
 Tandis que les talents, amis de l'innocence,
 Méconnus, repoussés dans leur premier essor,
 Tombent découragés, et meurent d'indigence
 Sous l'ombre d'un laurier qu'on leur dispute encor.
 Ce protecteur qui marche en semant les promesses,
 Même en trompant ses vœux l'abaissa-t-il jamais ?
 Burrhus, qui va comptant les ingrats qu'il a faits,
 Lui vient-il reprocher ses honteuses largesses ?
 Aux malheureux toujours on trouve des forfaits,
 Et les plus généreux vendent cher leurs bienfaits.
 Pour qui les verts bosquets ouvrent-ils leurs ombrages ?
 Les tranquilles étangs, les tortueux vallons,
 Les antres toujours frais, les ruisseaux vagabonds,
 Les chants du peuple ailé, ses jeux dans les feuillages,
 Le paisible sommeil sur des lits de gazon,
 La justice, la paix, tout rit à Philémon.

А я, в начале быв ничтожного стремленья,
Не славы жертвою, но жертвою молвы,
К терзанию своему людей коварство зная,
Я понял, где талант себе преграду зрит,
Где, с нежною душой, бежит от вас Пиит —
И лира вернется, навеки умолкая!
Здесь Гений лишь парит на крыльях златых
И низостью одной венки свой покупает;
Поэт давно лишен за то здесь прав своих,
Что языком богов меж смертными вещает!
Прочь, призрак пагубный! прочь, глас
звующих лир!

Угасни навсегда в душе желанье Славы!
Явитесь вспять ко мне, о юности забавы,
И сердца прежнего бесценный, чистый мир!
Блажен, стократ блажен, ему кто цену знает,
Заране усмиря страстей своих порыв,
Кто в отческом дому живет себя сокрыв:
Цвет юности его не рано опадает,
И радость, спутница на жизненном пути,
Не скоро чувствовать дает ему измену;
Годичны времена, в свою урочну смену,
Как дань, спешат ему плоды свои нести,
Доволен он во всем, в сне самом не смущенный
Ужасной мыслию, что в наш кичливый век
На лоно матери возможен человек
Под игом бед упасть, никем не подкрепленный!
Нет нужды, что не зрел он пышности столиц,
Где сильных насытить не могут оба света,
Бесчестных гордецов блестящих колесниц,
На кои смотрит чернь, толпясь, едва одета,
Где подлость и обман — достоинство сердец;
Где дарования, едва-едва развиты,
Нуждою в пеленах жестокою убиты!
О сколько счастлив он, когда хранит отец

Oh! combien j'eusse aimé cette beauté naïve,
Qui, d'un époux absent pressentant le retour,
Rassemble tous les fruits de son fertile amour,
Dirige des aînés la marche encor tardive,
Et, portant dans ses bras le plus jeune de tous,
Vole au bout du sentier par où descend leur père !
Elle le voit : grand Dieu, dérobe à ma misère
L'aspect de leurs plaisirs dont mon cœur est jaloux...
N'est-ce donc point assez des tourments que j'endure ?
Quoi ! je porte un cœur noble, et d'un œil plein d'effroi
Je lis sur tous les fronts le mépris et l'injure !
Le dernier des mortels est plus heureux que moi !
Ah ! brisons ces pinceaux ! tombe, lyre inutile !
Périssent un monde injuste ! et toi qui m'as perdu,
Gloire, fantôme ingrat, à la brigade vendu,
Va, je perds sans regret ta couronne futile :
C'est le prix de l'intrigue, et je ne puis ramper.

Si pourtant les destins cessaient de me frapper...
Des hommes quelquefois l'injustice se lasse...
Je puis être du moins fameux par mon audace.
Oui, tremblez, fiers rivaux, détournez vos mépris ;
L'intrépide lion dans un piège surpris
S'irrite du danger, et de sa dent tenace
Ronge, en grondant, la toile où lui-même s'enlace,
Se roule, et peut enfin, par un dernier effort,
La briser, s'échapper, et, prodiguant la mort
Au peuple de chasseurs qui l'attaque et le brave,
Marcher, roi des forêts qui le virent esclave.
Vain espoir ! qu'ai-je dit ? hélas ! sans de longs jours
Le poète languit dans la foule commune,
Et s'il fut en naissant chargé de l'infortune,
Si l'homme, pour lui seul avare de secours,
Refuse à ses travaux même un juste salaire,
Que peut-il lui rester ?... Oh ! pardonnez, mon père,
Vous me l'aviez prédit... Je ne vous croyais pas :
Ce qui peut lui rester ? La honte et le trépas.

C'en est donc fait : déjà la perfide espérance
Laisse de mes longs jours vaciller le flambeau ;
A peine il luit encore, et la pâle indigence
M'entrouvre lentement les portes du tombeau.

И мать, в закате дней, его златые годы;
Коль, чувств небесных рай, — о верх даров
природы!

Коль самая любовь хранит его покой
В прелестном образе подруги молодой!
С каким восторгом зрит, по кратком
разлучены,

Свиданья сладкого ее предупрежденье,
Счастливыя любви благословенный плод!
Старейших чад она к нему тут правит ход
И, младшего неся, идет по скатам схода,
Прекрасна, как сама весенняя природа!
Все, все, что смертным дал блаженного
Творец,

Обилье, тишина, веселие сердец,
Невозмутимый кров и счастья полно ложе...
Их взоры встретились, — о скрой, великий боже,
Сей вид разительный для горести моей!
Но если бы судьба еще ко мне смягчилась
И ярость злых сердец на время утомилась,
Я мог бы славен быть хоть смелостью своей!
Так, гордые враги! в моих цветущих летах
Я многое у вас похитить бы умел;
Неукротимый лев, застигнутый в тенетах,
Вспомнив, разъярясь, свободу — свой удел,
Сверкая на ловцов грозящими очами,
Терзает гнусну вервь — и гордыми стопами
Идет, царем лесов, в которых плен
познал!..

Но что в мечтаниях напрасных я вещал?
Прости, родитель мой! над бездною готовой
Еще пророческий мне слышится твой глас;
Малейшей ветвию я льстил себя лавровой —
И та отъемлетя в последний, грозный час!
Со вздохом факел свой надежда погашает!

Mon génie est vaincu. Voyez ce mercenaire,
 Qui, marchant à pas lourds dans un sentier scabreux,
 Tombe sous son fardeau ; longtemps le malheureux
 Se débat sous le poids, lutte, se désespère,
 Cherchant au loin des yeux un bras compatissant ;
 Seul il soutient la masse à demi soulevée ;
 Qu'on lui tende la main, et sa vie est sauvée :
 Nul ne vient, il succombe, il meurt en frémissant :
 Tel est mon sort. Bientôt je rejoindrai ma mère,
 Et l'ombre de l'oubli va tous deux nous couvrir.

O rives de la Saône, où ma faible paupière
 A la clarté des cieus commença de s'ouvrir,
 Lieux où l'on sait au moins respecter l'innocence,
 Vous ne me verrez plus ! mon dernier jour s'avance ;
 Mes yeux se fermeront sous un ciel inhumain.
 Amis !... vous me fuyez, cruels ! je vous implore,
 Rendez-moi ces pinceaux échappés de ma main...
 Je meurs... Ce que je sens, je le veux peindre encore.

ODE IX,
 IMITÉE DE PLUSIEURS PSAUMES

J'ai révélé mon cœur au Dieu de l'innocence ;
 Il a vu mes pleurs pénitents ;
 Il guérit mes remords, il m'arme de constance :
 Les malheureux sont ses enfants.

Mes ennemis, riant, ont dit dans leur colère :
 Qu'il meure, et sa gloire avec lui !
 Mais à mon cœur calmé le Seigneur dit en père :
 Leur haine sera ton appui.

A tes plus chers amis ils ont prêté leur rage :
 Tout trompe ta simplicité ;
 Celui que tu nourris court vendre ton image,
 Noire de sa méchanceté.

Mais Dieu t'entend gémir, Dieu vers qui te ramène
 Un vrai remords, né des douleurs ;
 Dieu qui pardonne enfin à la nature humaine
 D'être faible dans les malheurs.

Мой дух, как дым его, мгновенно отлетит;
Страданье гроба верх пред мною поднимает —
И взор, твой даже взор, его не отличит!
Так путник, изнурен под бременем ужасным,
Один, среди лесов, в глухой полночной тьме,
О помощи зовет молением напрасным
И стон передает единой тишине.
Я зрю его: он пал, превозможенный роком,
Вотще, с отчаяньем ужасным на челе,
Он небо укорять дерзает скорбным оком,
И — смертью пригвожден безжалостной к земле.
А ты, которой я, под игом скорби лютой,
О, дружба, мой кумир! всем жертвовал собой,
Где ты, жестокая? пожертвуй мне минутой —
Одр смерти есть алтарь для дружества святой!..

М. В. Милонов

К ПРОВИДЕНИЮ

Пред богом милости я сердце обнажил:
Он призрел на мое крушенье;
Уврачевал мой дух и сердце укрепил;
Несчастных любит провиденье.

Уже я слышал крик враждебных мне сердец:
Погибни он во мраке гроба!
Но милосердный бог воззвал мне как отец:
«Хвала тебе, презренных злоба!

Друзья твои — льстецы, коварство — их язык,
Обман невинности смиренной;
Тот, с кем ты хлеб делил, бежит продать твой лик,
Его коварством очерненный.

Но за тебя на них восстановлю я суд
Необольстимого потомства;
И на челе своем злодеи не сотрут
Печати черной вероломства».

J'éveillerai pour toi la pitié, la justice
De l'incorruptible avenir ;
Eux-mêmes épureront, par leur long artifice,
Ton honneur qu'ils pensent ternir.

Soyez béni, mon Dieu, vous qui daignez me rendre
L'innocence et son noble orgueil ;
Vous qui, pour protéger le repos de ma cendre,
Veillerez près de mon cercueil.

Au banquet de la vie, infortuné convive,
J'apparus un jour, et je meurs :
Je meurs, et sur ma tombe, où lentement j'arrive,
Nul ne viendra verser des pleurs.

Salut, champs que j'aimais, et vous, douce verdure,
Et vous, riant exil des bois !
Ciel, pavillon de l'homme, admirable nature,
Salut pour la dernière fois !

Ah ! puissent voir longtemps votre beauté sacrée
Tant d'amis sourds à mes adieux !
Qu'ils meurent pleins de jours ! que leur mort soit pleurée !
Qu'un ami leur ferme les yeux !

Я сердце чистое, как жертву для небес,
Хранил любви в груди суровой;
И за годы тоски, страдания и слез
Я ждал любви, как жизни новой.

И что ж? произнося обет ее святой,
Коварно в грудь мне нож вонзали;
И, оттолкнув меня, убитого тоской,
На гроб с улыбкой указали.

Увы, минутный гость я на земном пиру,
Испивши горькую отраву,
Уже главу склонял ко смертному одру,
Возненавидя жизнь и славу.

Уже в последний раз приветствовать я мнил
Великолепную природу.
Хвала тебе, мой бог! ты жизнь мне возвратил
И сердцу гордость и свободу!

Спасительная длань, почий еще на мне!
Страх тайный все еще со мною:
От бури спасшийся пловец и по земле
Ступает робкою стопою;

А я еще плыву, и бездны подо мной!
Быть может, вновь гроза их взроет;
Синеющийся брег вновь затуманит мглой
И свет звезды моей сокроет.

О провидение! ты, ты мой зыбкий челн
Спасало, бурями гонимый;
Не брось еще его, средь новых жизни волн
До пристани — уже мне зримой.

Н. И. Гнедич

ÉVARISTE PARNY

POÉSIES ÉROTIQUES

Livre I

1. LE LENDEMAIN

A ÉLÉONORE

Enfin, ma chère Eléonore,
Tu l'as connu ce péché si charmant,
Que tu craignais, même en le désirant ;
En le goûtant, tu le craignais encore.
Eh bien ! dis-moi : qu'a-t-il donc d'effrayant ?
Que laisse-t-il après lui dans ton âme ?
Un léger trouble, un tendre souvenir,
L'étonnement de sa nouvelle flamme,
Un doux regret, et surtout un désir.
Déjà la rose aux lis de ton visage
Mêle ses brillantes couleurs ;
Dans tes beaux yeux, à la pudeur sauvage
Succèdent les molles langueurs,
Qui de nos plaisirs enchanteurs
Sont à la fois la suite et le présage.
Ton sein, doucement agité,
Avec moins de timidité
Repousse la gaze légère
Qu'arrangea la main d'une mère,
Et que la main du tendre Amour,
Moins discrète et plus familière,
Saura déranger à son tour.
Une agréable rêverie
Remplace enfin cet enjouement,
Cette piquante étourderie,

ЭВАРИСТ ПАРНИ

ЭРОТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Книга I

ЕЛЕОНОРЕ

(Из Парни)

О милый друг, ты наконец узнала
Привет любви, прелестный и немой,
Его боялась ты и пламенно желала,
Им наслаждаясь, трепетала, —
Скажи, что страшного влечет он за собой?
Приятное в душе воспоминанье,
Минутный вздох и новое желанье,
И новость страсти молодой!
Уже свой роза блеск сливает
С твоею бледностью лилейною ланит,
В очах пленительных суровость исчезает
И нега томная горит...
Смелее дышит грудь под легкой пеленою,
Накрытой матери рукой,
Любовь придет своей чредою
И лаской резвой и живую
Расстроит вновь убор вечернею порой!
Тебе улыбка изменила,
Прошла беспечность прежних дней,
И томность нежная их место заступила;
Но ты прелестней и милей!

Qui désespéraient ton amant ;
Et ton âme plus attendrie
S'abandonne nonchalamment
Au délicieux sentiment
D'une douce mélancolie.

.

2. ÉGLOGUE

〈Fragment〉

.

« Salut à vous,
Mon inhumaine ;
N'ayez courroux
Qu'on vous surprenne.
A vos chansons
Nous vous prenons
Pour Philomèle.
Aussi bien qu'elle
Vous cadenciez,
Ma toute belle ;
Mais mieux feriez,
Si vous aimiez
Aussi bien qu'elle. »
— « J'ai quatorze ans,
Répond Nicette ;
Suis trop jeune
Pour les amants. »
— « Crois-moi, ma chère ;
Quand on sait plaire,
On peut aimer.
Plaire, charmer,
Surtout aimer,
C'est le partage,
C'est le savoir
Et le devoir
Du premier âge. »
— « Oui ; mais cet âge,
Du moins chez vous,
Est dans ses goûts
Toujours volage.
Sur un buisson
Le papillon

Ты пылкую любовь и тайной неги сладость
Узнала пламенной душой
И резвую сдружила младость
С своей задумчивой мечтой.

Д. П. Ознобишин

БОЯЗНЬ ЛЮБВИ

(Отрывок из Парни)

Зачем одной
С самой собой
Тебе все быть?
Зачем губить
Прелестный цвет
Беспечных лет?
Дружка себе
Давно б тебе
Пора найти.
Жестокой ты
У всех слывешь.
Ты все поешь,
Как соловей,
Забавой сей
Прельщая всех;
Но для утех
Других должна
Твоя весна
Тебе служить:
Плениать, любить
Есть твой удел;
Сам рок велел
Нам знать любовь.
Зачем же кровь
В сердцах течет?
Зачем же льнет
К цветку цветок
И мотылек
К дружку летит? —

Voit-il la rose ?
Il s'y repose.
Est-il heureux ?
Amant frivole,
Soudain il vole
A d'autres jeux.
Mais la pauvrete,
Seule et muette,
Ne peut voler... »

.

3. LA DISCRÉTION

O la plus belle des maîtresses !
Fuyons dans nos plaisirs la lumière et le bruit ;
Ne disons point au jour les secrets de la nuit ;
Aux regards inquiets dérobons nos caresses.

L'amour heureux se trahit aisément.
Je crains pour toi les yeux d'une mère attentive
Je crains ce vieil Argus, au cœur de diamant,

«В пятнадцать лет
Любви предмет
Мне рано знать;
Мужчин понять
Я не решусь:
Я их боюсь;
Мне моя мать
Не доверять
Велела им;
Словам своим
Рабами быть
И их хранить
Отнюдь они
Не созданы.
Жилец лугов
Среди цветов
Утеху пьет;
Он к розе льнет,
Как нежный друг;
Но после вдруг,
Утехой сыт,
Он прочь летит
К другим цветам
И счастлив там;
Но бедный цвет
За ним вослед
Не полетит».

А. Н. Глебов

СКРОМНОСТЬ

Подражание Парни

Сокроемся, мой друг, от солнечных лучей,
От шума светского, от зависти людей,
Чтоб не могли коварны очи
Восторгов наших отравить!
Не скажем дню мы тайны ночи —
Счастливую любовь не мудрено открыть...
О милая Элеонора!

Dont la vertu brusque et rétive
Ne s'adoucit qu'à prix d'argent.

Durant le jour tu n'es plus mon amante.
Si je m'offre à tes yeux, garde-toi de rougir;
Défends à ton amour le plus léger soupir ;
Affecte un air distrait ; que ta voix séduisante
Evite de frapper mon oreille et mon cœur ;
Ne mets dans tes regards ni trouble ni langueur.

Hélas ! de mes conseils je me repens d'avance.
Ma chère Eléonore, au nom de nos amours,
N'imité pas trop bien cet air d'indifférence :
Je dirais : « C'est un jeu » ; mais je craindrais toujours.

4. BILLET

Dès que la nuit sur nos demeures
Planera plus obscurément,
Dès que sur l'airain gémissant
Le marteau frappera douze heures,
Sur les pas du fidèle Amour
Alors les Plaisirs par centaine
Voleront chez ma souveraine,
Et les Voluptés tour à tour
Prendront soin d'amuser leur reine.
Ils y resteront jusqu'au jour :
Et si la matineuse aurore
Oubliait d'ouvrir au soleil
Ses larges portes de vermeil,
Le soir ils y seraient encore.

Я строгой матери твоей страшуся взора,
Страшуся Аргуса с свирепою душой,
Который, златом обольщенный,
Мне позволяет быть с тобой.
Увы, настанет день — я не любовник твой!
Забудь ты ночи час блаженный,
Все сладости любви, утечи все забудь!
В присутствии моем ты равнодушна будь:
Чтоб розы на щеках прелестных не играли,
Когда нечаянно ты встретишься со мной;
Чтоб красота твоя, чтоб нежный голос твой
Меня нимало не смущали!
Сокрой любовь свою ты в пламенной груди
И даже на меня с суровостью гляди!
Совет полезный, но ужасный:
Бесценный, милый друг, раскаиваюсь в нем!
Чтоб видел я, несчастный,
Холодность на лице твоём?
Нет, нет! Ты не должна так много притворяться!
Скажу себе: обман, но буду все бояться.

В. Л. Пушкин

ИЗВЕЩЕНИЕ

(Из Парни)

Лишь свою ризой темной
Ночь сокроет свет от глаз,
Лишь на башне отдаленной
Полночи ударит час,
Удовольствия толпою
Соберутся в терем твой
И утечи чередою
Все явятся пред тобой,
И пробудут до рассвета
У тебя, моя Лилета!
Но когда бы день златой
Нам заря не возвещала,
То другая б ночь застала,
Верно, их еще с тобой.

А. В. Бестужев (?)

5. LA FRAYEUR

Te souvient-il, ma charmante maîtresse,
De cette nuit où mon heureuse adresse
Trompa l'Argus qui garde tes appas ?
Furtivement j'arrivai dans tes bras :
Tu résistais ; mais ta bouche vermeille
A mes baisers se dérobaient en vain ;
Chaque refus amenait un larcin.
Un bruit subit effraya ton oreille,
Et d'un flambeau tu vis l'éclat lointain.
Des voluptés tu passas à la crainte ;
L'étonnement vint resserrer soudain
Ton faible cœur palpitant sous ma main ;
Tu murmurais ; je riais de ta plainte ;
Je savais trop que le dieu des amants
Sur nos plaisirs veillait dans ces moments.
Il vit tes pleurs ; Morphée, à sa prière,
Du vieil Argus que réveillaient nos jeux
Ferma bientôt et l'oreille et les yeux,
Et de son aile enveloppa ta mère.
L'Aurore vint, plus tôt qu'à l'ordinaire,
De nos baisers interrompre le cours ;
Elle chassa les timides Amours :
Mais ton souris, peut-être involontaire,
Leur accorda le rendez-vous du soir.
Ah ! si les dieux me laissaient le pouvoir
De dispenser la nuit et la lumière,
Du jour naissant la jeune avant-courrière
Viendrait bien tard annoncer le Soleil ;
Et celui-ci, dans sa course légère,
Ne ferait voir au haut de l'hémisphère
Qu'une heure ou deux son visage vermeil.
L'ombre des nuits durerait davantage,

ЛОЖНЫЙ СТРАХ

Подражание Парни

Помнишь ли, мой друг бесценный!
Как с амурами тишком,
Мраком ночи окруженный,
Я к тебе прокрался в дом?
Помнишь ли, о друг мой нежный!
Как дрожащая рука
От победы неизбежной
Защищалась — но слегка?
Слышен шум! — ты испугалась!
Свет блеснул и вмиг погас;
Ты к груди моей прижалась,
Чуть дыша... блаженный час!
Ты пугалась — я смеялся.
«Нам ли ведать, Хлоя, страх!
Гименей за все ручался,
И амуры на часах.
Всё в безмолвии глубоком,
Всё почило сладким сном!
Дремлет Аргус томным оком
Под Морфеевым крылом!»
Рано утренние розы
Запылали в небесах...
Но любви бесценны слезы,
Но улыбка на устах,
Томно персей волнованье
Под прозрачным полотном —
Молча новое свиданье
Обещали вечерком.
Если б Зевсова десница
Мне вручила ночь и день, —
Поздно б юная денница
Прогоняла черну тень!
Поздно б солнце выходило
На восточное крыльцо:
Чуть блеснуло б и сокрыло
За лес рдяное лицо;
Долго б тени пролежали
Влажной ночи на полях;

Et les amours auraient plus de loisir.
De mes instants l'agréable partage
Serait toujours au profit du plaisir.
Dans un accord réglé par la sagesse,
A mes amis j'en donnerais un quart ;
Le doux sommeil aurait semblable part,
Et la moitié serait pour ma maîtresse.

6. VERS GRAVÉS SUR UN ORANGER

Oranger, dont la voûte épaisse
Sert à cacher nos amours,
Reçois et conserve toujours
Ces vers, enfants de ma tendresse ;
Et dis à ceux qu'un doux loisir
Amènera dans ce bocage,
Que si l'on mourait de plaisir,
Je serais mort sous ton ombrage.

9. DEMAIN

Vous m'amusez par des caresses,
Vous promettez incessamment,
Et vous reculez le moment
Qui doit accomplir vos promesses.
Demain, dites-vous tous les jours.
L'impatience me dévore ;
L'heure qu'attendent les amours
Sonne enfin, près de vous j'accours ;
Demain, répétez-vous encore.

Rendez grâce au dieu bienfaisant
Qui vous donna jusqu'à présent
L'art d'être tous les jours nouvelle :

Долго б смертные вкушали
Сладострастие в мечтах.
Дружбе дам я час единой,
Вакху час и сну другой,
Остальною ж половиной
Поделюсь, мой друг, с тобой!

К. Н. Батюшков

К ДУБУ

О дуб, столетний дуб! ты зеленью густою
Когда-то сокрывал восторг любви моей,
Скажи же путнику, который здесь порою
Приляжет отдохнуть от солнечных лучей,
Что ты всех прелестей здесь видел совершенства,
Что милая моя здесь провождала дни,
Что если б умирать возможно от блаженства. —
Я умер бы в твоей тени.

Н. А. Маркевич

ЗАВТРА!

к лиле

(Из Парни)

Меня ты лаской забавляешь
И беспрестанно обещаешь...
Но обещанья, как листок,
Резвясь, уносит ветерок.
Ты всякий день твердишь, Лилета:
Приду я *завтра* до рассвета.
Но, как наступит мрачна ночь,
Утехи и любовь стыдливость гонит прочь.
Ты снова *завтра* повторяешь,
Теперь ты даром обладаешь
Казаться новой с каждым днем.
Но время быстрое крылом
Тебя коснется мимоходом —

Mais le temps, du bout de son aile,
Touchera vos traits en passant ;
Dès *demain* vous serez moins belle,
Et moi peut-être moins pressant.

10. LE REVENANT

Ma santé fuit : cette infidèle
Ne promet pas de revenir,
Et la nature qui chancelle
A déjà su me prévenir
De ne pas trop compter sur elle.
Au second acte brusquement
Finira donc ma comédie :
Vite je passe au dénouement ;
La toile tombe, et l'on m'oublie.

J'ignore ce qu'on fait là-bas.
Si du sein de la nuit profonde
On peut revenir en ce monde,
Je reviendrai, n'en doutez pas.
Mais je n'aurai jamais l'allure
De ces revenants indiscrets,
Qui, précédés d'un long murmure,
Se plaisent à pâlir leurs traits,
Et dont la funèbre parure,
Inspirant toujours la frayeur,
Ajoute encore à la laideur
Qu'on reçoit dans la sépulture.
De vous plaire je suis jaloux,
Et je veux rester invisible.
Souvent du zéphyr le plus doux
Je prendrai l'haleine insensible ;
Tous mes soupirs seront pour vous :
Ils feront vaciller la plume
Sur vos cheveux noués sans art,

Дурнеть ты будешь с каждым годом;
Ты *завтра* ж станешь увядать,
И *завтра* же тебя начну я забывать.

А. В. Бестужев (?)

ПРИВИДЕНИЕ

Из Парни

Посмотрите! в двадцать лет
Бледность щеки покрывает;
С утром вянет жизни цвет:
Парка дни мои считает
И отсрочки не дает.
Что же медлить! Ведь Зевеса
Плач и стон не укротит.
Смерти мрачной занавеса
Упадет — и я забыт!
Я забыт... но из могилы,
Если можно воскресать,
Я не стану, друг мой милый,
Как мертвец тебя пугать.
В час полуночных явлений
Я не стану в виде тени,
То внезапно, то тишком,
С воплем в твой являться дом.
Нет, по смерти невидимкой
Буду вкруг тебя летать;
На груди твоей под дымкой
Тайны прелести лобзать;
Стану всюду развевать
Легким уст прикосновеньем,
Как зефира дуновеньем,
От каштановых волос
Тонкий запах свежих роз.
Если лилия листьями
Ко груди твоей прильнет,
Если яркими лучами
В камельке огонь блеснет,

Et disperseront au hasard
La faible odeur qui les parfume.
Si la rose que vous aimez
Renaît sur son trône de verre ;
Si de vos flambeaux rallumés
Sort une plus vive lumière ;
Si l'éclat d'un nouveau carmin
Colore soudain votre joue,
Et si souvent d'un joli sein
Le nœud trop serré se dénoue ;
Si le sofa plus mollement
Cède au poids de votre paresse,
Donnez un souris seulement
A tous ces soins de ma tendresse.
Quand je reverrai les attraits
Qu'effleura ma main caressante,
Ma voix amoureuse et touchante
Pourra murmurer des regrets ;
Et vous croirez alors entendre
Cette harpe qui, sous mes doigts,
Sut vous redire quelquefois
Ce que mon cœur savait m'apprendre.
Aux douceurs de votre sommeil
Je joindrai celles du mensonge ;
Moi-même, sous les traits d'un songe,
Je causerai votre réveil.
Charmes nus, fraîcheur du bel âge,
Contours parfaits, grâce, embonpoint,
Je verrai tout : mais, quel dommage !
Les morts ne ressuscitent point.

13. PLAN D'ÉTUDES

De vos projets je blâme l'imprudence :
Trop de savoir dépare la beauté.
Ne perdez point votre aimable ignorance,
Et conservez cette naïveté
Qui vous ramène aux jeux de votre enfance.

Le dieu du goût vous donna des leçons
Dans l'art chéri qu'inventa Terpsichore ;

Если пламень потаенный
По ланитам пробежал,
Если пояс сокровенный
Развязался и упал, —
Улыбнися, друг бесценный,
Это я! — Когда же ты,
Сном закрыв прелестны очи,
Обнажишь во мраке ночи
Роз и лилий красоты,
Я вздохну... и глас мой томный,
Арфы голосу подобный,
Тихо в воздухе умрет.
Если ж легкими крылами
Сон глаза твой сомкнет,
Я невидимо с мечтами
Стану плавать над тобой.
Сон твой, Хлоя, будет долог...
Но когда блеснет сквозь полог
Луч денницы золотой,
Ты проснешься... о, блаженство!
Я увижу совершенство...
Тайны прелести красот,
Где сам пламенный Эрот
Оттенил рукой своею
Розой девственну лилею.
Всё опять в моих глазах!
Все покровы исчезают;
Час блаженнейший!.. Но, ах!
Мертвые не воскресают.

К. Н. Батюшков

КУРС НАУК

Могу ль хвалить твои желанья,
Ничтожность их и суету?
Через обширные познанья
Ты потеряешь красоту
И с нею все очарованья.
Ты столько уж награждена
Искусством пылким Терпсихоры,
Тебе природой власть дана

Un tendre amant vous apprend les chansons
 Qu'on chante à Gnide ; et vous savez encore
 Aux doux accents de votre voix sonore
 De la guitare entremêler les sons.

Des préjugés repoussant l'esclavage,
 Conformez-vous à ma religion ;
 Soyez païenne ; on doit l'être à votre âge.
 Croyez au dieu qu'on nommait Cupidon.
 Ce dieu charmant prêche la tolérance,
 Et permet tout, excepté l'inconstance.

N'apprenez point ce qu'il faut oublier,
 Et des erreurs de la moderne histoire
 Ne chargez point votre faible mémoire ;
 Mais dans Ovide il faut étudier
 Des premiers temps l'histoire fabuleuse,
 Et de Paphos la chronique amoureuse.

Sur cette carte, où l'habile graveur
 Du monde entier resserra l'étendue,
 Ne cherchez point quelle rive inconnue
 Voit l'Ottoman fuir devant son vainqueur :
 Mais connaissez Amathonte, Idalie,
 Les tristes bords par Léandre habités,
 Ceux où Didon a terminé sa vie,
 Et de Tempé les vallons enchantés.
 Egarez-vous dans le pays des fables ;
 N'ignorez point les divers changements
 Qu'ont éprouvés ces lieux jadis aimables :
 Leur nom toujours sera cher aux amants.

Voilà l'étude amusante et facile
 Qui doit parfois occuper vos loisirs
 Et précéder l'heure de nos plaisirs.
 Mais la science est pour vous inutile.
 Vous possédez le talent de charmer ;
 Vous saurez tout, quand vous saurez aimer.

Гремящей арфой двигать горы,
Ты услаждаешь слух и взоры.

И так отвергни суеты,
С сих пор моей предайся вере
И лучше будь подвластна ты
Эроту, пламенной Венере,
Будь счастлива, живи в Цитере,
Люби прелестные мечты.

Поверь мне! Истин, сердцу внятных,
В преданиях Плутарха нет;
В часы досугов благодатных
Взгляни на повесть давних лет,
Овидия волшебный свет.

На карте, где рукою смелой
Художник мир изобразил
И на пространстве тесном — целый
Огромный шар земной вместил,
Султана мрачную обитель
Не любопытствуй узнавать,
На что тебе, мой ангел, знать,
Где под Москвой стояла рать,
Где пал Европы победитель?
Найди пещеру, где Плутон
Скрывал младую Прозерпину;
Найди Темпейскую долину
И те места, где Аполлон
За Дафной робкой, молодою
С любовью пылкою бежал
И где с мучительной тоскою
Он к сердцу дерево прижал.
Красы тех мест не истребятся
В сердцах горящих никогда,
В Элладу древнюю туда
Мечтой любовники стремятся.
Когда бы, добрый ангел мой,
Ты так любить еще умела,
Как восхищаешь красотой,
Ты все познания б имела.

Н. А. Маркевич

14. PROJET DE SOLITUDE

Fuyons ces tristes lieux, ô maîtresse adorée !
Nous perdons en espoir la moitié de nos jours,
Et la crainte importune y trouble nos amours.
Non loin de ce rivage est une île ignorée,
Interdite aux vaisseaux, et d'écueils entourée.
Un zéphyr éternel y rafraîchit les airs.
Libre et nouvelle encor, la prodigue nature
Embellit de ses dons ce point de l'univers :
Des ruisseaux argentés roulent sur la verdure,
Et vont en serpentant se perdre au sein des mers ;
Une main favorable y reproduit sans cesse
L'ananas parfumé des plus douces odeurs ;
Et l'oranger touffu, courbé sous sa richesse,
Se couvre en même temps et de fruits et de fleurs.
Que nous faut-il de plus ? Cette île fortunée
Semble par la nature aux amants destinée.
L'Océan la resserre, et deux fois en un jour
De cet asile étroit on achève le tour.
Là, je ne craindrai plus un père inexorable.
C'est là qu'en liberté tu pourras être aimable,
Et couronner l'amant qui t'a donné son cœur.
Vous coulerez alqrs, mes paisibles journées,
Par les nœuds du plaisir l'une à l'autre enchaînées :
Laissez-moi peu de gloire et beaucoup de bonheur.
Viens ; la nuit est obscure et le ciel sans nuage ;
D'un éternel adieu saluons ce rivage,
Où par toi seule encor mes pas sont retenus.
Je vois à l'horizon l'étoile de Vénus :
Vénus dirigera notre course incertaine.
Eole exprès pour nous vient d'enchaîner les vents ;
Sur les flots aplanis Zéphyre souffle à peine.
Viens ; l'Amour jusqu'au port conduira deux amants.

ПРИСТАНЬ ЛЮБВИ

Оставим, ангел мой, оставим те места,
Где нас тревожит страх и где любовь мечта.
Когда б из сей страны мы удалились прежде,
Не тратили б мы дней, вверяясь надежде.
Умчимся, полетим, о друг души моей!
Вдали от здешних мест есть остров неизвестный!
Скала подводная хранит сей брег прелестный,
Он недоступен был всегда для кораблей.
Там воздух свеж и чист от вечного зефира,
Природа щедрая свободна и сильна,
Дары несметные рассыпала она
Неведомой стране подсолнечного мира.
Там, к морю синему спускаясь от гор,
Катится и шумит источник серебристый,
Там сочный апельсин и ананас душистый
И цветом, и плодом манят и вкус, и взор.
Чего желать еще? Природою самую
Казалось, для любви сей остров сотворен,
И крутизною гор, и моря глубиною
Для смертных брег его отвсюду огражден.
С тобою, ангел мой, довольный новосельем,
Там непреклонного я не страшусь отца,
Забудем рабство мы, свободные с весельем
Там мирных дней своих дождемся мы конца.
Приди! Как ночь темна! Уж небо с берегами
Слилось на западе, не видно облаков,
Уж ослабел борей под тяжестью оков,
Венера светлая блистает нам лучами,
На утлый челн она сияние прольет
И к пристани любви нас тихо приведет.

Н. А. Маркевич

15. BILLET

Apprenez, ma belle,
Qu'à minuit sonnant,
Une main fidèle,
Une main d'amant
Ira doucement,
Se glissant dans l'ombre,
Tourner les verrous
Qui dès la nuit sombre
Sont tirés sur vous.
Apprenez encore
Qu'un amant abhorre
Tout voile jaloux.
Pour être plus tendre,
Soyez sans atours,
Et songez à prendre
L'habit des amours.

Livre II

1. LE REFROIDISSEMENT

Ils ne sont plus ces jours délicieux,
Où mon amour respectueux et tendre
A votre cœur savait se faire entendre,
Où vous m'aimiez, où nous étions heureux !
Vous adorer, vous le dire et vous plaire,

К ЛАИСЕ

Из Парни

Только час полночи
Тихо прозвучит
И ревнивцев очи
Сон обременит —
Тенью незаметной
В уголок приветный
Я прокрадусь твой,
И спадут запоры
Тихо предо мной.
Ты откроешь взоры,
Томные от сна,
Улыбнешься нежно
И рукою снежной
Обовьешь меня.
Миг очарованья!
Я твое дыханье,
Страстный, буду пить!
Но, мой друг стыдливый,
Сбрось покров ревнивый!
Чтоб милее быть
В тайное свиданье
В тишине ночной,
Будь всегда со мной
В легком одеянье
Грации младой.

Д. П. Ознобишин

Книга II

ОХЛАЖДЕНИЕ

Они прошли, их нет, веселых, светлых дней,
Когда любви моей почтительность и сила
Казались чистыми тебе, душе твоей,
Когда я счастлив был и ты меня любила.
Любовью жить, дышать и нравиться тебе,

Sur vos désirs régler tous mes désirs,
C'était mon sort; j'y bornais mes plaisirs.
Aimé de vous, quels vœux pouvais-je faire ?
Tout est changé. Quand je suis près de vous,
Triste et sans voix, vous n'avez rien à dire ;
Si quelquefois je tombe à vos genoux,
Vous m'arrêtez avec un froid sourire,
Et dans vos yeux s'allume le courroux.
Il fut un temps, vous l'oubliez peut-être,
Où j'y trouvais cette molle langueur,
Ce tendre feu que le désir fait naître,
Et qui survit au moment du bonheur.
Tout est changé, tout, excepté mon cœur !

2. A LA NUIT

Toujours le malheureux t'appelle,
O nuit, favorable aux chagrins !
Viens donc, et porte sur ton aile
L'oubli des perfides humains.
Voile ma douleur solitaire ;
Et, lorsque la main du Sommeil
Fermera ma triste paupière,
O dieux ! reculez mon réveil ;
Qu'à pas lents l'aurore s'avance
Pour ouvrir les portes du jour :
Importuns, gardez le silence,
Et laissez dormir mon amour.

Напомянуть о ней, не зная других желаний —
Вот жизнь тогдашняя, вот цель моих мечтаний —
И я, блаженствуя, покорен был судьбе.
Все изменилось! Безмолвна и сурова,
Всегда скучаешь ты, бываю ль я с тобой —
Не смотришь на меня, не говоришь ни слова,
Меня не радует ни взгляд, ни голос твой,
Меня встречаешь ты улыбкой вечно хладной,
Когда к стопам твоим в тоске я упаду,
Всегда я гнев один в очах твоих найду!
Ах, были, были дни! Мы негою отрадной
В забвеньи, в роскоши теряя солнца свет,
Пылали, таяли... блаженство!.. но их нет!
Те дни прошли уже, не верю я надежде,
Не верю радости, не для меня любовь!
Что было, никогда не возвратится вновь!
Все изменилось! все... один лишь я, как прежде.

Н. А. Маркевич

К НОЧИ

Пока восток блеснет лучами
И загорится небо вновь,
Пускай уснет моя любовь
С воспоминаньем и мечтами.
О ночь! в отчаяньи, в слезах
Тебя несчастный призывает;
На отуманенных крылах
С тобой забвеньи прилетает,
Забвеньи смертных и земли;
Сокрой печаль, смежи зеницы,
Не допусти ко мне денницы
И пробужденье отдали.

Н. А. Маркевич

3. LA RECHUTE

C'en est fait, j'ai brisé mes chaînes !
Amis, je reviens dans vos bras.
Les belles ne vous valent pas ;
Leurs faveurs coûtent trop de peines.
Jouet de leur volage humeur,
J'ai rougi de ma dépendance :
Je reprends mon indifférence,
Et je retrouve le bonheur.
Le dieu joufflu de la vendange
Va m'inspirer d'autres chansons ;
C'est le seul plaisir sans mélange ;
Il est de toutes les saisons ;
Lui seul nous console et nous venge
Des maîtresses que nous perdons.
Que dis-je, malheureux? ah ! qu'il est difficile
De feindre la gaieté dans le sein des douleurs !
La bouche sourit mal, quand les yeux sont en pleurs.
Repoussons loin de nous ce nectar inutile.
Et toi, tendre Amitié, plaisir pur et divin,
Non, tu ne suffis plus à mon âme égarée.
Au cri des passions qui grondent dans mon sein
En vain tu veux mêler ta voix douce et sacrée :
Tu gémisses de mes maux qu'il fallait prévenir ;
Tu m'offres ton appui lorsque la chute est faite,
Et tu sondes ma plaie, au lieu de la guérir.
Va, ne m'apporte plus ta prudence inquiète ;
Laisse-moi m'étourdir sur la réalité ;
Laisse-moi m'enfoncer dans le sein des chimères,
Tout courbé sous les fers chanter la liberté,
Saisir avec transport des ombres passagères,
Et parler de félicité
En versant des larmes amères.

Ils viendront ces paisibles jours,
Ces moments du réveil, où la raison sévère
Dans la nuit des erreurs fait briller sa lumière,
Et dissipe à nos yeux le songe des Amours.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Опять я ваш, мои друзья,
 Друзей красавицы не стоят;
 Их ласки душу беспокоят,
 Я не хочу любить; любовь покинул я.
 Не встретив радостей столь долго мною жданных,
 Игرافيще непостоянных,
 Сверканьем глаз и звуком слов
 Обманутый — краснеть готов.
 У вас искать мне вдохновений.
 Сильваны, бог садов, румяный Вакх мой гений!
 Они, они меня вдохнут!
 Да будет в них моя услада!
 Они бокал мне подадут
 И лиру с кистью винограда.
 Забуду с ними тяжкий плен,
 Не испытаю в них измен!
 О заблуждение! что я сказал, несчастный?
 Улыбка пасмурна с слезами на глазах;
 Нет, трудно пить вино, когда в тоске ужасной
 Пылают вздохи на устах.
 Отвергнем нектар бесполезный;
 В душе спокойствия он мне не поселит;
 О дружба! тщетен глас твой тихий и прелестный:
 Мне он любви не заменит.
 От сна не пробужден рассудок омраченный,
 Напрасно дружбы глас священный
 Мне утешения дает в тоске моей,
 Он слаб, он заглушен грозой моих страстей.
 Меня не излечив, он растравляет раны,
 Страдая обо мне, бессилен мне помочь;
 Кто может отдалить забвения обманы?
 Кто может отогнать от сердца хлад и ночь?
 Забыл я все: друзей, природу, —
 Печалью измеряю день,
 Гоняюсь за мечтой, обнять желаю тень,
 Железом отягчен, хочу воспеть свободу,
 И утопающий в слезах,
 О золотых мечтаю днях,
 Они придут, дни пробужденья;

Le Temps, qui d'une aile légère
Emporte en se jouant nos goûts et nos penchants,
Mettra bientôt le terme à mes égarements.
O mes amis ! alors, échappé de ses chaînes,
Et guéri de ses longues peines,
Ce cœur qui vous trahit revolera vers vous.
Sur votre expérience appuyant ma faiblesse,
Peut-être je pourrai d'une folle tendresse
Prévenir les retours jaloux.
Sur les plaisirs de mon aurore
Vous me verrez tourner des yeux mouillés de pleurs,
Soupirer malgré moi, rougir de mes erreurs,
Et, même en rougissant, les regretter encore.

5. DÉPIT

Oui, pour jamais
Chassons l'image
De la volage
Que j'adorais.
A l'infidèle
Cachons nos pleurs,
Aimons ailleurs ;
Trompons comme elle.
De sa beauté
Qui vient d'éclorre
Son cœur encore
Est trop flatté.
Vaine et coquette,
Elle rejette
Mes simples vœux :
Fausse et légère,
Elle veut plaire
A d'autres yeux.
Qu'elle jouisse
De mes regrets ;
A ses attraits
Qu'elle applaudisse.

Рассудок строгостью рассеет заблужденья,
Мне истину покажет он,
С очей слетит любовный сон,
Так! Время легкими крылами,
Свежая, унося наклонности с мечтами,
Моим мученьям даст предел,
И дружба и покой тогда мне будут новы,
Забуду я любви оковы,
Забуду взоры те, которые воспел;
Кто знает?.. Может быть, — ручаться я не смею, —
Вспомнив о заре протекших лет моих,
Невольню я вздохну, невольню покраснею
И, может быть, к стыду, начну жалеть о них.

Н. А. Маркевич

ДОСАДА

Нет, навсегда от этих пор
Ее любить я перестану,
Пленительный забуду взор,
Свои скрывать я слезы стану,
И заживлю сердечну рану
И буду ветрен, как она,
И отгоню мечты обманы,
Как грустное забвенье сна;
Какой любовник легковёрный
Блаженство может ей вручить?
Своей улыбкой лицемерной
Она желает мир пленить:
Сегодня любит, изменяет,
А завтра — завтра любит вновь,
И простодушную любовь
Мою с презреньем отвергает,
Пускай у ней не сердце, сталь;
Пусть ей тягчить меня приятно
И растравлять мою печаль.
Умчатся годы невозвратно
И граций перелетный рой
Вспорхнет и навсегда увьется,

L'âge viendra ;
L'essaim des Grâces
S'envolera,
Et sur leurs traces
L'Amour fuira.
Fuite cruelle !
Adieu l'espoir
Et le pouvoir
D'être infidèle.
Dans cet instant,
Libre et content,
Passant près d'elle,
Je sourirai,
Et je dirai :
« Elle fut belle. »

6. A UN AMI, TRAHI PAR SA MAÎTRESSE

Quoi ! tu gémis d'une inconstance ?
Tu pleures, nouveau Céladon ?
Ah ! le trouble de ta raison
Fait honte à ton expérience.
Es-tu donc assez imprudent
Pour vouloir fixer une femme ?
Trop simple et trop crédule amant,
Quelle erreur aveugle ton âme !
Plus aisément tu fixerais
Des arbres le tremblant feuillage,
Les flots agités par l'orage,
Et l'or ondoyant des guérets
Que balance un zéphyr volage.

Elle t'aimait de bonne foi ;
Mais pouvait-elle aimer sans cesse ?
Un rival obtient sa tendresse ;
Un autre l'avait avant toi ;
Et, dès demain, je le parie,
Un troisième, plus insensé,
Remplacera dans sa folie
L'imprudent qui t'a remplacé.

И младость с шумною семьей
Амуров легких унесется,
Тогда — тогда скажи: прости!
Любви, весельям и надежде;
Исчезнет радость; не найти
Толпы любовников, как прежде;
Тогда свободен буду я;
Тогда блаженство мне, друзья;
Она не будет мне опасна;
Пройду с улыбкой мимо ней
И, обратясь к толпе друзей,
Скажу: она была прекрасна!

Н. А. Маркевич

ИЗМЕНА

Что вздохнул ты о неверной?
Не о ней ли плачешь ты?
О любовник легковерный,
Образумся, брось мечты! —
Обойди земли пространство,
Где тот смертный, полубог,
Кто бы женщине дать мог
В ум и в сердце постоянство?
Легче нам остановить
Листья шепчущей осины,
Легче бурю прекратить,
Удержать поток с стремнины
Или океана вой,
Я скорее, может статья,
Не позволю волноваться
Класам нивы золотой.

С нею был ты неразлучен?
Но любви до гроба нет.
Вечный пламень вечно скупен,
Веселей любить весь свет.
Твой предшественник давно ли
Был любим и был забыт?

Il faut au pays de Cythère
A fripon fripon et demi.
Trahis, pour n'être point trahi ;
Prévien même la plus légère ;
Que ta tendresse passagère
S'arrête où commence l'ennui.
Mais que fais-je ? et dans ta faiblesse
Devrais-je ainsi te secourir ?
Ami, garde-toi d'en guérir :
L'erreur sied bien à la jeunesse.
Va, l'on se console aisément
De ses disgrâces amoureuses.
Les amours sont un jeu d'enfant ;
Et, crois-moi, dans ce jeu charmant,
Les dupes même sont heureuses.

8. A MES AMIS

Rions, chantons, ô mes amis !
Occupons-nous à ne rien faire.
Laissons murmurer le vulgaire :
Le plaisir est toujours permis.
Que notre existence légère
S'évanouisse dans les jeux.
Vivons pour nous, soyons heureux,
N'importe de quelle manière.
Un jour il faudra nous courber
Sous la main du temps qui nous presse ;
Mais jouissons dans la jeunesse,
Et dérobons à la vieillesse
Tout ce qu'on peut lui dérober.

9. AUX INFIDÈLES

A vous qui savez être belles,
Favorites du dieu d'amour ;
A vous, maîtresses infidèles,
Qu'on cherche et qu'on fuit tour
à tour :

Твой соперник той же доли
Ждет — блаженство изменит!
Кто из нас без заблуждений
На заре весенних лет?
Позабыли? что в ответ?
«В свете много утешений!» —
Изменяй, ищи измен,
Верь мне, до поры известной,
В страсти, в сей игре прелестной,
И обманутый блажен.

Н. А. Маркевич

ДОБРЫЙ СОВЕТ

Давайте пить и веселиться,
Давайте жизнь играть,
Пусть чернь слепая суетится,
Не нам безумной подражать.
Пусть наша ветреная младость
Потонет в неге и вине,
Пусть изменяющая радость
Нам улыбнется хоть во сне.
Когда же юность легким дымом
Умчит веселья юных дней,
Тогда у старости отыдем
Все, что отыметса у ней.

А. С. Пушкин

НЕВЕРНЫМ КРАСАВИЦАМ

Вам, прелестные сирены,
Вам, любимицы богов,
Частой в жертвах перемены
И здоровья и пиров
Я желаю. Наслаждайтесь!

Salut, tendre hommage, heureux
jour,
Et surtout voluptés nouvelles !
Ecoutez : Chacun à l'envi
Vous craint, vous adore et
vous gronde ;
Pour moi, je vous dis :
« Grand merci. »

Vous seules de ce triste monde
Avez l'art d'égayer l'ennui ;
Vous seules variez la scène
De nos goûts et de nos erreurs :
Vous piquez au jeu les acteurs ;
Vous agacez les spectateurs
Que la nouveauté vous amène ;
Le tourbillon qui vous entraîne
Vous prête des appas plus doux ;

Le lendemain d'un rendez-vous,
L'amant vous reconnaît à peine ;
Tous les yeux sont fixés sur vous,
Et n'aperçoivent que vos charmes ;
Près de vous naissent les alarmes,
Les plaintes, jamais les dégoûts.
En passant, Caton vous encense,
Heureux même par vos rigueurs.

Вечной негой упивайтесь,
Веселитесь средь измен!
Полюбите, разлюбите
И неопытность влеките
Цепью розовую в плен.

Пламенея знойной жаждой,
Слушайте! На свете каждый
Вас то ищет, то бежит,
Прославляет и бранит.
Я же — без тоски любовной,
Опытный и хладнокровный,
Я на вас давно смотрю,
И, признаюсь вам, я вечно
Искренно, чистосердечно
Вас за то благодарю,
Что в печальном нашем мире
Скуку разогнали вы;
В песнях, на гудке, на лире,
Хвалят вас без головы:
Вы прогнали нашу праздность,
Через вас разнообразность
Получил подлунный свет.
Вы смеетесь над актером,
Но и зритель вашим взором
Часто без вины задет.
Все обманы, заблужденья,
Радости и наслажденья,
Горе, слез тяжелый град, —
Все рождает милый взгляд.
Нас тревожа беспощадно,
Сожигая все сердца,
Вы прелестны до конца.
Мы глядим на вас так жадно,
Так пристрастно, ненаглядно;
Но кто друг ваш, тот подчас
Завтра не узнает вас.
Часто через вас досадно,
Грустно, тяжело иногда,
Но чтоб скучно? — никогда!
Все в вас действует: угрозы,
Гнев, и горечь, и укор,

Chacun poursuit votre inconstance,
Et, s'il n'obtient pas des faveurs,
Il obtient toujours l'espérance.

11. PALINODIE

Jadis, trahi par ma maîtresse,
J'osai calomnier l'Amour ;
J'ai dit qu'à ses plaisirs d'un jour
Succède un siècle de tristesse.
Alors, dans un accès d'humeur,
Je voulus prêcher l'inconstance.
J'étais démenti par mon cœur ;
L'esprit seul a commis l'offense.

Une amante m'avait quitté ;
Ma douleur s'en prit aux amantes.
Pour consoler ma vanité,
Je les crus toutes inconstantes.
Le dépit m'avait égaré.
Loin de moi le plus grand des crimes,
Celui de noircir par mes rimes
Un sexe toujours adoré,

Que l'amour a fait notre maître,
Qui seul peut donner le bonheur ;
Qui, sans notre exemple, peut-être
N'aurait jamais été trompeur.

И туманный, томный взор,
И сверкающие слезы.
Вы пленяете дитя
И Катона — мимоходом,
Он, как будто не хотя,
Вам кадит, и над уродом
Вы смеетесь. Даже мечь
Испытать от вас приятно!
Все проходит невозвратно,
Время может все унесть;
Но любить вас не наскучит:
Кто восторгов не получит,
У того надежда есть.

Н. А. Маркевич

ПАЛИНОДИЯ

Убит непостоянством милой,
Я женщин всех оклеветал;
Не верь надежде легкокрылой,
Не верь Эроту, я сказал,
Любовь считая за сирену,
Я был обманут и пленен,
И, проповедуя измену,
Я был рассудком обольщен.

Одной красавицей забытый,
На всех я гнев свой обратил;
И всех с улыбкою сердитой
От самолюбия бранил.
Я поступал неосторожно,
Я исповедую мой грех,
Ужасный грех! Как рифмой можно
Вдруг очернить красавиц всех.

Они прелестны, несравненны,
И целый мир покорен им;
Их взор один, — и мы блаженны,
И сердцем улетаем к ним.

Malheur à toi, lyre fidèle,
Où j'ai modulé tous mes airs,
Si jamais un seul de mes vers
Avait offensé quelque belle !

Sexe léger, sexe charmant,
Vos défauts sont votre parure.
Remerciez bien la Nature
Qui vous ébaucha seulement.
Sa main bizarre et favorable
Vous orne mieux que tous vos soins ;
Et vous plairiez peut-être moins,
Si vous étiez toujours aimable.

Liv re III

1. LES SERMENTS

Oui, j'en atteste la Nuit sombre,
Confidente de nos plaisirs,
Et qui verra toujours son ombre
Disparaître avant mes désirs ;
J'atteste l'étoile amoureuse,
Qui, pour voler aux rendez-vous,
Me prête sa clarté douteuse ;
Je prends à témoins ces verrous,
Qui souvent réveillaient ta mère,
Et cette parure étrangère,
Qui trompe les regards jaloux ;
Enfin, j'en jure par toi-même,
Je veux dire par tous mes dieux:
T'aimer est le bonheur suprême ;
Il n'en est point d'autre à mes yeux.
Viens donc, ô ma belle maîtresse,
Perdre tes soupçons dans mes bras ;
Viens t'assurer de ma tendresse,
Et du pouvoir de tes appas.

Умом, любезностью примерны,
 Прекрасны телом и душой,
 Они, быть может, были б верны,
 Когда б не наш пример дурной.

Пол восхитительный, пол нежный,
 Обласканный судьбы рукой,
 Прелестный в простоте небрежной!
 Вам служит слабость красотой;
 Но будучи всечасно милы,
 Кто знает? может быть, подчас
 Не столько вы б имели силы
 И менее б пленяли нас.

Н. А. Маркевич

Книга III

КЛЯТВЫ

К тебе, о друг, любви моей
 Свидетелем пора ночная;
 Она ведет меня, скрывая,
 От взоров матери твоей.
 К тебе, мой друг, любви моей
 Свидетелем сия златая
 В лазурных небесах звезда.
 Своим сиянием туманным
 К восторгам сладостным, желанным
 Она ведет меня всегда.
 И эти чуждые одежды,
 И скрип дверей, и стук замков, —
 Являет все мои надежды
 И пылкую мою любовь.
 Моя единственная радость,
 Любви тоска, мученье, сладость.
 Я всем клянусь: клянусь тобой,
 Клянусь сим взором потупленным,
 Что быть красой твоей плененным
 Мне счастье в жизни сей земной.

Aimons, ma chère Eléonore,
Aimons au moment du réveil,
Aimons au lever de l'aurore,
Aimons au coucher du soleil ;
Durant la nuit aimons encore.

3. LE SONGE

A M. DE F....

Corrigé par tes beaux discours,
J'avais résolu d'être sage ;
Et, dans un accès de courage,
Je congédiais les Amours
Et les chimères du bel âge.
La nuit vint. Un profond sommeil
Ferma mes paupières tranquilles ;
Tous mes songes, purs et faciles,
Promettaient un sage réveil.
Mais quand l'Aurore impatiente,
Blanchissant l'ombre de la nuit,
A la nature renaissante
Annonça le jour qui la suit,
L'Amour vint s'offrir à ma vue.
Le sourire le plus charmant
Errait sur sa bouche ingénue :
Je le reconnus aisément.
Il s'approcha de mon oreille.
« Tu dors, me dit-il doucement ;
Et tandis que ton cœur sommeille,
L'heure s'écoule incessamment.
Ici-bas tout se renouvelle ;
L'homme seul vieillit sans retour ;
Son existence n'est qu'un jour
Suivi d'une nuit éternelle,
Mais encore trop long sans amour. »

Люблю в минуту пробужденья,
Люблю пред утренней зарей,
Люблю при лунном восхожденьи
И в молчаливый час ночной!

Н. А. Маркевич

СОН

Мой друг! в минуты размышленья
Хотел я, вспомня твой совет,
Забуть Амура, обольщенья
И ветреность протекших лет!
Настала полночь. Сон чудесный
Мне очи томные сковал,
И привидений рой прелестный
Вкруг изголовия летал!
Когда ж заря по своду неба
Свой путь игривый начала,
И предвозвестницею Феба
Природе дремлющей была;
Тогда, порхая надо мною
На быстрых, пламенных крылах,
Амур, с колчаном за спиною,
С усмешкой хитрой на устах —
Шепнул мне на ухо приветно:
«Ты спишь, с тобой и сердце спит,
Меж тем, как время незаметно
Чредой обычною летит!
Всему есть в мире обновленье;
Лишь человек, игрушка бед,
Раз постарея, в утешенье,
Минувших не воротит лет!
Вся жизнь его есть день ненастный,
Доколь с надоблачных высот,
На небосклон его неясный
Любви светило не взойдет!»...

A ces mots j'ouvris la paupière.
 Adieu, sagesse ; adieu, projets.
 Revenez, enfants de Cythère,
 Je suis plus faible que jamais.

7. LE CABINET DE TOILETTE

Voici le cabinet charmant
 Où les Grâces font leur toilette.
 Dans cette amoureuse retraite
 J'éprouve un doux saisissement.
 Tout m'y rappelle ma maîtressé,
 Tout m'y parle de ses attraits ;
 Je crois l'entendre ; et mon ivresse
 La revoit dans tous les objets.
 Ce bouquet, dont l'éclat s'efface,
 Toucha l'albâtre de son sein ;
 Il se déranga sous ma main,
 Et mes lèvres prirent sa place.
 Ce chapeau, ces rubans, ces fleurs,
 Qui formaient hier sa parure,
 De sa flottante chevelure
 Conservent les douces odeurs.
 Voici l'inutile baleine
 Où ses charmes sont en prison.
 J'aperçois le soulier mignon
 Que son pied remplira sans peine.
 Ce lin, ce dernier vêtement...
 Il a couvert tout ce que j'aime :
 Ma bouche s'y colle ardemment,
 Et croit baiser dans ce moment
 Les attraits qu'il baisa lui-même.
 Cet asile mystérieux
 De Vénus sans doute est l'empire.
 Le jour n'y blesse point mes yeux ;
 Plus tendrement mon cœur soupire ;
 L'air et les parfums qu'on respire
 De l'amour allument les feux.

Я пробудился... прежней веры
Я власть увидел над собой...
Забыт обет недавний мой!
Приди, приди дитя Цитеры!
Опять я вечный пленник твой!

И. П. Бороздна

УБОРНАЯ ЛЮБВИ

Вот здесь уборная любви:
Сии ревнивые одежды
Рождают жар в моей крови
И сладкие в душе надежды.
Я вспоминаю красоты,
И от одной уже мечты
О радостях и наслажденьи
Я трепещу, я в упоеньи.
Сии поблекшие цветы
От взоров грудь ее скрывали,
Они от уст моих увяли;
Убор вчерашний головной,
Остаток ленты голубой
Приял жасминов запах нежный, —
От черных локонов, небрежной
По плечам брошенных рукой.
Вот и последние наряды,
В часы любви, в часы отрады
Здесь, часто таинством одет,
Я в упоении вздыхаю,
Я медленно тебя лобзаю,
Я забываю целый свет.
Но тень и воздух ароматный,
Как с неба ветер благодатный,
Мне ум наполнили мечтой;
И день угас, и тихо стало, —
Мой друг! накинув покрывало,
Спеши ко мне, побудь со мной,
Спеши — и не страшись нимало.

Parais, ô maîtresse adorée !
J'entends sonner l'heure sacrée
Qui nous ramène les plaisirs ;
Du temps viens connaître l'usage,
Et redoubler tous les désirs
Qu'a fait naître ta seule image.

9. MA MORT

De mes pensers confidente chérie,
Toi, dont les chants faciles et flatteurs
Viennent parfois suspendre les douleurs
Dont les Amours ont parsemé ma vie,
Lyre fidèle, où mes doigts paresseux
Trouvent sans art des sons mélodieux,
Prends aujourd'hui ta voix la plus touchante,
Et parle-moi de ma maîtresse absente.

Objet chéri, pourvu que dans tes bras
De mes accords j'amuse ton oreille,
Et qu'animé par le jus de la treille,
En les chantant, je baise tes appas ;
Si tes regards, dans un tendre délire,
Sur ton ami tombent languissamment ;
A mes accents si tu daignes sourire ;
Si tu fais plus, et si mon humble lyre
Sur tes genoux repose mollement ;
Qu'importe à moi le reste de la terre ?
Des beaux esprits qu'importe la rumeur,
Et du public la sentence sévère ?
Je suis amant, et ne suis point auteur.

Сама ты знаешь, ангел мой,
Сколь неоплатен миг свиданья!
Приди ж, удвой мои желанья,
Не отдаляй мечты златой!

Н. А. Маркевич

МОЯ КОНЧИНА

Элегия

Подражание Парни

Поверенная чувств и тайных впечатлений,
Пусть лира стройная досуг мой усладит
И повелитель струн, мой невидимый гений,
Унылому певцу песнь томную внушит.
О ты, чьи легкие и сладостные звуки
Передают сердцам те радости и муки,
Которыми любовь знакома стала мне,
О лира, пусть твой стон промчится в тишине —
И, струны перебрав ленивыми перстами,
Без принуждения на свой настрою лад:
Твои созвучия разлуку облегчат —
И к милой полечу крылатыми мечтами.

Бесценный друг! когда в объятиях твоих
Бряцаньем звонких струн твой нежный слух ласкаю,
Когда за чашею, в восторге чувств немых,
Я прелести твои пою и лобызаю,
Когда улыбкою, краснея, наградишь
Гармонию моей послушная цевницы...
И взоры томные сквозь длинные ресницы,
В смятеньи сладостном на друга устремишь...
И сладострастием певец твой упоенный
С умолкшей лирою падет к твоим ногам —
О друг мой! что тогда и в целой мне вселенной?
Я не завидую ни смертным, ни богам.
Что в пышной роскоши умершему для света?
С подругой счастлив я и в хижине моей:
Что строгий суд молвы для юного поэта,
Который вдохновен любовью своей?..

Je ne veux point d'une gloire pénible ;
 Trop de clarté fait peur au doux plaisir.
 Je ne suis rien, et ma Muse paisible
 Brave en riant son siècle et l'avenir.
 Je n'irai pas sacrifier ma vie
 Au fol espoir de vivre après ma mort.
 O ma maîtresse ! un jour l'arrêt du Sort
 Viendra fermer ma paupière affaiblie.
 Lorsque tes bras, entourant ton ami,
 Soulageront sa tête languissante,
 Et que ses yeux soulevés à demi
 Seront remplis d'une flamme mourante ;
 Lorsque mes doigts tâcheront d'essuyer
 Tes yeux fixés sur ma paisible couche,
 Et que mon cœur, s'échappant sur ma bouche,
 De tes baisers recevra le dernier ;
 Je ne veux point qu'une pompe indiscrete
 Vienne trahir ma douce obscurité,
 Ni qu'un airain à grand bruit agité
 Annonce à tous le convoi qui s'apprête.
 Dans mon asile, heureux et méconnu,
 Indifférent au reste de la terre,
 De mes plaisirs je lui fais un mystère :
 Je veux mourir comme j'aurai vécu.

11. RÉFLEXION AMOUREUSE

Je vais la voir, la presser dans mes bras.
 Mon cœur ému palpite avec vitesse ;
 Des voluptés je sens déjà l'ivresse ;
 Et le désir précipite mes pas.
 Sachons pourtant, près de celle que j'aime,
 Donner un frein aux transports du désir ;
 Sa folle ardeur abrège le plaisir,
 Et trop d'amour peut nuire à l'amour même.

Не слава, но любовь — вот цель моих желаний!
 Ни тягостных честей, ни лавров не ищу.
 Питомец тишины... страшусь рукоплесканий,
 Пусть в мире я ничто; на участь не ропщу:
 Благодарю в душе святое провиденье,
 Что не утрачу я сей жизни наслажденье
 Для гордой мысли жить — в преданьях... О, мой друг!
 Ударит некогда минута роковая —
 И вежди томные закроет твой супруг,
 И слабая глава, как ландыш, увядая,
 На трепетную грудь подруги упадет...
 Тогда... как нить мою Атропа допрядет,
 И, к милой устремясь, мой взор полуоткрытый
 Перед концом начнет, как искра, угасать,
 И руку слабую усилюсь приподнять,
 Чтоб ею отереть слезу с твоей ланиты...
 И чувств моих порыв, исчезнув на устах,
 Прощальный поцелуй навек запечатлеет...
 Тогда тщеславие людей да не посмеет
 Тревожить мой приют и мой безмолвный прах.
 Ни меди звучная унылые отзывы,
 Ни певчих томный хор, ни факлов дым густой
 Не будут возвещать кончины роковой.
 В своем убежище, безвестный — но счастливый,
 Покинутый людьми и шумною молвой...
 Я втайне радости свои от них скрываю:
 Как жил, так точно я и умереть желаю.

Ал. Норов

* * *

Она придет! к ее устам
 Прижмусь устами я моими;
 Приют укромный будет нам
 Под сими вязами густыми!
 Волненьем страстным я томим;
 Но близ любезной укротим
 Желаний пылких нетерпенье:
 Мы ими счастью вредим
 И сокращаем наслажденье.

Е. А. Баратынский

12. LE BOUQUET DE L'AMOUR

Dans ce moment les politesses,
Les souhaits vingt fois répétés,
Et les ennuyeuses caresses,
Pleuvent sans doute à tes côtés.
Après ces compliments sans nombre
L'Amour fidèle aura son tour ;
Car, dès qu'il verra la nuit sombre
Remplacer la clarté du jour,
Il s'en ira, sans autre escorte
Que le Plaisir tendre et discret,
Frappant doucement à ta porte,
T'offrir ses vœux et son bouquet.

Quand l'âge aura blanchi ma tête,
Réduit tristement à glaner,
J'irai te souhaiter ta fête,
Ne pouvant plus te la donner.

13. DÉLIRE

Il est passé ce moment des plaisirs
Dont la vitesse a trompé mes désirs,
Il est passé ; ma jeune et tendre amie,
Ta jouissance a doublé mon bonheur.
Ouvre tes yeux noyés dans la langueur,
Et qu'un baiser te rappelle à la vie.

Celui-là seul connaît la volupté,
Celui-là seul sentira son ivresse,

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Уже в честь именин твоих
Приветствия и поздравленья
Тебя выводят из терпенья,
Уже тоскуешь ты от них;
Тебе уже и слушать скучно,
Как за твое здоровье звучно
Бокалы ходят по столам;
Но очередь придет и нам:
Когда исчезнет день сей шумный,
Коль скоро станет ночь темна,
И клики все, и пир безумный
Собою прекратит она, —
К тебе любовь тайком, одна,
Водимая своей звездою,
Придет, мой ангел, наконец,
И праздник проведет с тобою
В роскошной неге для сердец.
Когда ж на лбу моем морщины
Меня приучат к пустякам,
Хотя приду на именины,
Но я уж праздника не дам.

Н. А. Маркевич

БЛАЖЕНСТВО

(Подражание Парни)

Увы! с какою быстротою
Сокрылся сей счастливый миг,
Как с страстною моею душою
Я, Нина, пламенел в объятиях твоих!
Как сердце у тебя в восторгах замирало,
И розою лицо стыдливости пылало!
Блажен, блажен стократ,
Кто, руша все преграды,

Qui peut enfin avec sécurité
Sur le duvet posséder sa maîtresse.
Le souvenir des obstacles passés
Donne au présent une douceur nouvelle ;
A ses regards son amante est plus belle ;
Tous les attraits sont vus et caressés.
Avec lenteur sa main voluptueuse
D'un sein de neige entrouvre la prison,
Et de la rose il baise le bouton
Qui se durcit sous sa bouche amoureuse.
Lorsque ses doigts égarés sur les lis
Viennent enfin au temple de Cypris,
De la pudeur prévenant la défense,
Par un baiser il la force au silence.
Il donne un frein aux aveugles désirs ;
La jouissance est longtemps différée ;
Il la prolonge, et son âme enivrée
Boit lentement la coupe des plaisirs.

Eléonore, amante fortunée,
Reste à jamais dans mes bras enchaînée.
Trouble charmant ! le bonheur qui n'est plus
D'un nouveau rouge a coloré ta joue :
De tes cheveux le ruban se dénoue,
Et du corset les liens sont rompus.
Ah ! garde-toi de ressaisir encore
Ce vêtement qu'ont dérangé nos jeux ;
Ne m'ôte point ces charmes que j'adore,
Et qu'à la fois tous mes sens soient heureux !
Nous sommes seuls ? je désire, et tu m'aimes ;
Reste sans voile, ô fille des Amours !
Ne rougis point : les Grâces elles-mêmes
De ce beau corps ont formé les contours.
Partout mes yeux reconnaissent l'albâtre,
Partout mes doigts effleurent le satin.
Faible Pudeur, tu résistes en vain,
Des voluptés je baise le théâtre.
Pardonne tout, et ne refuse rien,
Eléonore ; Amour est mon complice.
Mon corps frissonne en s'approchant du tien.
Plus près encore, je sens avec délice
Ton sein brûlant palpiter sous le mien.

На ложе роскоши, возлюбленной объят,
Вкушает в полноте любви все отрады!
Он скорбный мир забыл, восторгом упоясь.
То, взорам обнажить прелестну грудь стремясь,
Подобну снегу белизною,
Он робкой медленно рукою
Делит покровов тонких связь, —
И, полными гордясь
Лилейными холмами,
Лишенная своих защит,
Под страстными его устами,
Она твердеет и горит!..

То стан ее рукой роскошною обнявши,
Который у самой Киприды похищен,
И пояс, средь забав, украдкой развязавши,
Смущеньем красоты робеющей пленен,
Он пламенно уста стыдливые лобзает
И тихое на них роптанье умирает!
Чья участь на земли с счастливецем сим
равна?

Он медлит посреди сердечных упоений
И чашу восхищений
По капле пьет до дна!
О Нина, о мой друг, пребудь всегда
со мною!

Смятение любви! пленительный покой,
Который следует за счастья полнотою!
Пусть нежною моей развеяны рукой,
В сей милой простоте, любовью расплетенны,
Волнуются твои прелестные волосы,
И легкий твой покров, Эротом похищенный,
Не кроет от меня стыдливые красы!
О Нина! вся цена дней наших в наслажденье!
И райское одно мгновенье,
Когда, в восторге мы своем,

Ah ! laisse-moi, dans mes transports avides,
Boire l'amour sur tes lèvres humides.
Oui, ton haleine a coulé dans mon cœur ;
Des voluptés elle y porte la flamme :
Objet charmant de ma tendre fureur,
Dans ce baiser reçois toute mon âme.

A ces transports succède la douceur
D'un long repos. Délicieux silence,
Calme des sens, nouvelle jouissance,
Vous donnez seuls le suprême bonheur !

Puissent ainsi s'écouler nos journées,
Aux voluptés en secret destinées !
Qu'un long amour m'assure tes attraits ;
Qu'un long baiser nous unisse à jamais.
Laisse gronder la sagesse ennemie ;
Le plaisir seul donne un prix à la vie.
Plaisir, transports, doux présents de Vénus.
Il faut mourir quand on vous a perdus !

Livre IV

ÉLÉGIE I

Du plus malheureux des amants
Elle avait essuyé les larmes ;
Sur la foi des nouveaux serments
Ma tendresse était sans alarmes ;
J'en ai cru son dernier baiser ;
Mon aveuglement fut extrême.
Qu'il est facile d'abuser
L'amant qui s'abuse lui-même !

Des yeux timides et baissés,
Une voix naïve et qui touche,
Des bras autour du cou passés,
Un baiser donné sur la bouche,
Tout cela n'est point de l'amour.
J'y fus trompé jusqu'à ce jour.

Небесное о всем
Забвение прием —
Годичных есть забот и бедствий усладенье!
Жизнь смертных горести отравой полна:
Любовию одной красуется она.
Восторги первых встреч, горящи лобызанья,
Волнения души, любви очарованья!
Оставить должно свет,
Когда вас боле нет!..

М. В. Милонов

Книга IV

ЭЛЕГИЯ

(Подражание Парни)

Ко мне свой нежный взор склонила,
Велела слезы отереть
И клятвы снова подтвердила
Любовью вечною гореть.
Последний поцелуй свободно
Был дан мне в подтвержденье слов;
Как обмануть того удобно,
Кто быть обманутым готов!

И взоры, робко потупленны,
И нежности исполнен глас,
И на устах напечатленный
С восторгом поцелуй не раз, —
Все это не любовь — искусство;
Я им доднесь обманут был;

Je diviniais les faiblesses ;
Et ma sotte crédulité
N'osait des plus folles promesses
Soupçonner la sincérité ;
Je croyais surtout aux caresses.

Hélas ! en perdant mon erreur,
Je perds le charme de la vie.
J'ai partout cherché la candeur,
Partout j'ai vu la perfidie.
Le dégoût a flétri mon cœur.
Je renonce au plaisir trompeur,
Je renonce à mon infidèle ;
Et, dans ma tristesse mortelle,
Je me repens de mon bonheur.

ÉLÉGIE III

Bel arbre, pourquoi conserver
Ces deux noms qu'une main trop chère
Sur ton écorce solitaire
Voulut elle-même graver ?
Ne parle plus d'Eléonore ;
Rejette ces chiffres menteurs ;
Le temps a désuni les cœurs
Que ton écorce unit encore.

ÉLÉGIE IV

Dieu des amours, le plus puissant des dieux,
Le seul du moins qu'adora ma jeunesse,
Il m'en souvient, dans ce moment heureux

Ее с моим равнял я чувство.
 Я слабости боготворил;
 Обетов смелым подозреньем
 Не оскорблял я никогда;
 Ах! самым лучшим увереньем
 Казались ласки мне всегда.

Мое теряя заблужденье,
 Теряю прелесть жизни всей —
 И в сердце к людям отвращенье
 Со дня неверности твоей.
 Другим желать я предоставил
 Любви обманчивых забав —
 Ах! лучше бы я жизнь оставил,
 Заране, счастья не узнав!

П. Л<ихачев>

К КЛЕНУ

Подражание Парни

Слова любви, мой клен пустынный,
 Я на коре твоей писал;
 Но вижу с грустью, друг старинный,
 Что мне и ты неверен стал.
 Зачем ты память сохраняешь
 О счастье двух сердец молодых?
 Ты их еще соединишь,
 А время разлучило их!

А. А. Крылов

ИСПРАВЛЕНИЕ

О бог, сильнейший из богов,
 Кому свою всю жизнь отдать я был готов,
 Кому я одному всечасно поклонялся,
 Которым я дышал, которым наслаждался,

Où je fléchis mon ingrante maîtresse,
Mon cœur crédule, et trompé par vous deux,
Mon faible cœur jura d'aimer sans cesse.
Mais je révoque un serment indiscret.
Assez longtemps tu tourmentas ma vie,
Amour, Amour, séduisante folie !
Je t'abandonne, et même sans regret.
Loin de Paphos la Raison me rappelle ;
Je veux la suivre et ne plus suivre qu'elle.

Pour t'obéir je semblais être né :
Vers tes autels dès l'enfance entraîné,
Je me soumis sans peine à ta puissance.
Ton injustice a lassé ma constance :
Tu m'as puni de ma fidélité.
Ah ! j'aurais dû, moins tendre et plus volage,
User des droits accordés au jeune âge.
Oui, moins soumis, tu m'aurais mieux traité.
Bien insensé, celui qui près des belles
Perd en soupirs de précieux instants !
Tous les chagrins sont pour les cœurs fidèles
Tous les plaisirs sont pour les inconstants.

ÉLÉGIE V

D'un long sommeil j'ai goûté la douceur.
Sous un ciel pur, qu'elle embellit encore,
A mon réveil je vois briller l'Aurore ;
Le dieu du jour la suit avec lenteur.

И для кого навек я потерял покой!
 Я не забыл минуты той,
 Когда склонил я сердце милой,
 Когда я поклялся небесной всею силой
 Тебе всегда подвластным быть,
 Ее одну, одну любить;
 Хотя не вовремя, теперь я понимаю
 Надежды ложные твои;
 В слезах, в мучениях лета прошли мои,
 С сих пор навеки я все клятвы забываю,
 И никогда любовь мне в мысли не придет,
 Меня от страсти сей рассудок увлечет,
 И все мечты, все заблужденья
 Забуду я без сожаленья.

Любовь, любовь! я был рожден,
 Чтобы тебе повиноваться;
 Тобою в сети увлечен,
 Еще во младости тебе стал поклоняться!
 Теперь погибла страсть моя,
 Несправедливостью я утомлен твоею,
 Жестоко был обманут я
 Прелестницей моею!
 С другими чувствами, с душой
 Не столько пламенной, не столько постоянной,
 Я верно бы достиг сей цели столь желанной,
 Минуты счастья золотой.

О сколь несчастлив тот, кто, несмотря на младость,
 Вздыхает, вверившись мечтам,
 Судьба послала скорбь всем пламенным сердцам,
 И всем непостоянным — радость.

Н. А. Маркевич

<ЭЛЕГИЯ V>

Все тихо! и заря багряною чертой
 По синеве небес безмолвно побежала...
 И мгла, что гор хребты и рощи покрывала,
 Волнуясь, стелется туманною рекой

Moment heureux ! la nature est tranquille ;
Zéphyre dort sur la fleur immobile ;
L'air plus serein a repris sa fraîcheur,
Et le silence habite mon asile.
Mais quoi ! le calme est aussi dans mon cœur !
Je ne vois plus la triste et chère image
Qui s'offrait seule à ce cœur tourmenté ;
Et la raison, par sa douce clarté,
De mes ennuis dissipe le nuage.
Toi, que ma voix implorait chaque jour,
Tranquillité, si longtemps attendue,
Des cieux enfin te voilà descendue,
Pour remplacer l'impitoyable Amour.
J'allais périr ; au milieu de l'orage
Un sûr abri me sauve du naufrage ;
De l'aquilon j'ai trompé la fureur ;
Et je contemple, assis sur le rivage,
Des flots grondants la vaste profondeur.
Fatal objet, dont j'adorai les charmes,
A ton oubli je vais m'accoutumer.
Je t'obéis enfin ; sois sans alarmes ;
Je sens pour toi mon âme se fermer.
Je pleure encore ; mais j'ai cessé d'aimer,
Et mon bonheur fait seul couler mes larmes.

ÉLÉGIE VI

J'ai cherché dans l'absence un remède à mes maux ;
J'ai fui les lieux charmants qu'embellit l'infidèle,
Caché dans ces forêts dont l'ombre est éternelle,
J'ai trouvé le silence et jamais le repos.
Par les sombres détours d'une route inconnue
J'arrive sur ces monts qui divisent la nue :
De quel étonnement tous mes sens sont frappés !

По лугу пестрому и ниве молодой.
Блаженные часы! весь мир в отдохновенье!
Еще зефиры спят на дремлющих листьях,
Еще пернатые покоятся в кустах,
И все безмолвствует в моем уединенье...
Но боги! неужель вы с мира тишиной
И чувств души моей волненья усмирили;
Неужто и во мне господствует покой!..
Уже, о счастье! не вижу пред собой
 Я призрак грозный — вечно милый,
Которого нигде мой взор не покидал...
 Нигде! Ни в шумной сечи боя,
Ни в бранных игрищах военного покоя!
О ты, которое я в помощь призывал,
Бесчувствие! о дар рассудка драгоценный,
 Ты, вняв мольбе моей смиренной,
Нисходишь наконец спасителем моим.
 Я погибал! тобой одним
Достигнул берега, и с мирных вершины
Смотрю бестрепетно, грозою невредим,
На шумные валы обширные пучины!
А ты, с кем некогда делился я душой
И кем душа моя в мученьях истощилась...
 Утешься, ты забыта мной!
Но отчего слезой ланита окропилась?
О слезы пламенны, теките! Я свои
Минуты радости от сих минут считаю
 И вас не о любви,
 А от блаженства проливаю!

Д. В. Давыдов

ОТЧУЖДЕННЫЙ

Надеясь облегчить свой горестный удел,
Бежал я милых мест, неверной украшенных,
Но в вечном сумраке лесов уединенных,
Среди безмолвия — спокойствия не зрел.
Безвестною стезей достиг горы вершины,
Рассекшей облаков молниеносный свод,
Отколь пленяет вид безбрежные равнины

Quel calme ! quels objets ! quelle immense étendue !
La mer paraît sans borne à mes regards trompés,
Et dans l'azur des cieux est au loin confondue.
Le zéphyr en ce lieu tempère les chaleurs ;
De l'aquilon parfois on y sent les rigueurs ;
Et tandis que l'hiver habite ces montagnes,
Plus bas l'été brûlant dessèche les campagnes.

Le volcan dans sa course a dévoré ces champs ;
La pierre calcinée atteste son passage :
L'arbre y croît avec peine, et l'oiseau par ses chants
N'a jamais égayé ce lieu triste et sauvage.
Tout se tait, tout est mort. Mourez, honteux soupirs,
Mourez, importuns souvenirs
Qui me retracez l'infidèle,
Mourez, tumultueux désirs,
Ou soyez volages comme elle.
Ces bois ne peuvent me cacher ;
Ici même, avec tous ses charmes,
L'ingrate encore me vient chercher ;
Et son nom fait couler des larmes
Que le temps aurait dû sécher.
O dieux ! ô rendez-moi ma raison égarée ;
Arrachez de mon cœur cette image adorée
Eteignez cet amour qu'elle vient rallumer,
Et qui remplit encore mon âme tout entière.
Ah ! l'on devrait cesser d'aimer
Au moment qu'on cesse de plaire.

Tandis qu'avec mes pleurs la plainte et les regrets
Coulent de mon âme attendrie,
J'avance, et de nouveaux objets
Interrompent ma rêverie.
Je vois naître à mes pieds ces ruisseaux différents.
Qui, changés tout à coup en rapides torrents,
Traversent à grand bruit les ravines profondes,
Roulent avec leurs flots le ravage et l'horreur,
Fondent sur le rivage, et vont avec fureur
Dans l'Océan troublé précipiter leurs ondes.
Je vois des rocs noircis, dont le front orgueilleux

Необозримых вод,
 Вдали слиянных с небосклоном.
 Здесь царствует зима — в ущелья диких гор
 Свирепым дует Аквилоном.
 Там в низовых лугах встречает лето взор:
 Зефир играющий чуть зелень их лобзает;
 От зноя пажить засыхает,
 И дремлет тихий бор.
 Я вижу в сих полях следы опустошенья:
 Потоком пламенным гора обнажена;
 Томится дерево — не слышно птичек пенья;
 Повсюду мрачная в пустыне тишина.
 Все мертво, все молчит, — и ты, воспоминанье,
 Исчезни с образом изменницы моей.
 Умри, мятежное желанье!
 Иль будь непостоянным с ней.
 Не кроет мрачная дубрава
 Неблагодарной красоты:
 Повсюду милые черты
 Для сердца моего отравя!
 И вздохи томные волнуют грудь мою!
 И слезы жаркие, уединенный, лью!
 Благие небеса, страдальцу дайте силы
 Навек из памяти изгладить образ милый
 И пламень страсти угасить,
 Владеющей досель душою...
 Ах! должно б сердцу разлюбить
 С изменой друга роковую.

Под бременем тоски жестокой удручен,
 Излил я жалобы, растерзанный страданьем.
 Иду — и вновь очарованьем
 От размышленья увлечен:
 Сребристые ручьи, у ног моих рождаясь,
 Игриво резвятся в струях.
 Потом стремительно в потоки превращаясь,
 В свирепых падая волнах,
 Опустошение и страх несут в долину;
 Разлившись, наконец, в отлогих берегах,
 Усиливают волн кипящую стремнину
 И с шумом ринувшись быстрей,
 В необозримости теряются морей.

S'élève et va frapper les cieux.
Le temps a gravé sur leurs cimes
L'empreinte de la vétusté.
Mon œil rapidement porté
De torrents en torrents, d'abîmes en abîmes,
S'arrête épouvanté.
O nature ! qu'ici je ressens ton empire !
J'aime de ce désert la sauvage âpreté ;
De tes travaux hardis j'aime la majesté ;
Oui, ton horreur me plaît ; je frissonne et j'admire.

Dans ce séjour tranquille, aux regards des humains
Que ne puis-je cacher le reste de ma vie !
Que ne puis-je du moins y laisser mes chagrins !
Je venais oublier l'ingrate qui m'oublie,
Et ma bouche indiscreète a prononcé son nom ;
Je l'ai redit cent fois, et l'écho solitaire
De ma voix douloureuse a prolongé le son ;
Ma main l'a gravé sur la pierre ;
Au mien il est entrelacé.
Un jour le voyageur, sous la mousse légère,
De ces noms connus à Cythère
Verra quelque reste effacé.
Soudain il s'écriera : « Son amour fut extrême ;
Il chanta sa maîtresse au fond de ces déserts.
Pleurons sur ses malheurs et relisons les vers
Qu'il soupira dans ce lieu même. »

ÉLÉGIE VIII

Aimer est un destin charmant ;
C'est un bonheur qui nous enivre,
Et qui produit l'enchantement.
Avoir aimé, c'est ne plus vivre,
Hélas ! c'est avoir acheté
Cette accablante vérité,
Que les serments sont un mensonge,
Que l'amour trompe tôt ou tard,
Que l'innocence n'est qu'un art,
Et que le bonheur n'est qu'un songe.

Утесы гордые я вижу пред собою,
 Которых к небесам возносится чело,
 И время древностью седою,
 Где оттиск зрим веков, — гранит их облекло.
 Обозревая вокруг величия картину,
 Мой любопытный взор поспешно увлечен
 С потока на поток, с пучины на пучину, —
 И вдруг... недвижим, поражен!
 Природа! власть твою в местах сих постигаю;
 Пустынной дикостью твоею я пленен;
 Величье в смелости трудов твоих встречаю;
 И в ужасе самом... восторжен, изумлен!

Вот в сем убежище, уединен от света,
 Остаток дней моих желал я провести;
 Здесь думал сладкое спокойствие найти
 И образ позабыть бесценного предмета, —
 Но имя милое невольно я твердил,
 И эхо дальнее внимало за горою;
 Его ж на камне сем я трепетной рукою
 С моим сплетя, изобразил.
 Здесь странник некогда, еще под свежим мохом,
 Увидит имена истертые со вздохом
 И скажет так: он пламенно любил
 И пел в пустыне сей любви своей мученья;
 Я с ним печаль его делил
 И повторял... его же вдохновенья.

Д. П. Глебов

ЛЮБЛЮ И ЛЮБИЛ

Люблю — есть жизнью наслаждаться,
 Возможным счастьем упиваться,
 Всех чувств в обвороженьи быть.
Любил же — значит: *полно жить!*
 Яснее: испытать собою,
 Что клятвы — слов каких-то звон;
 Что нежность — хитрости игрою;
 Невинность — маска; счастье — сон!

И. И. Дмитриев

ÉLÉGIE IX

Toi, qu'importune ma présence,
A tes nouveaux plaisirs je laisse un libre cours ;
Je ne troublerai plus tes nouvelles amours ;
Je remets à ton cœur le soin de ma vengeance.
Ne crois pas m'oublier ; tout t'accuse en ces lieux ;
Ils savent tes serments, ils sont pleins de mes feux,
Ils sont pleins de ton inconstance.

Là, je te vis, pour mon malheur.

Belle de ta seule candeur,

Tu semblais une fleur nouvelle,

Qui, loin du zéphyr corrupteur,

Sous l'ombrage qui la recèle

S'épanouit avec lenteur.

C'est ici qu'un sourire approuva ma tendresse.
Plus loin, quand le trépas menaçait ta jeunesse,
Je promis à l'Amour de te suivre au tombeau.
Ta pudeur, en ce lieu, se montra moins farouche,
Et le premier baiser fut donné par ta bouche ;
Des jours de mon bonheur ce jour fut le plus beau.

Ici, je bravai la colère

D'un père indigné contre moi ;

Renonçant à tout sur la terre,

Je jurai de n'être qu'à toi.

Dans cette alcôve obscure... O touchantes alarmes !
O transports ! ô langueur qui fait couler des larmes !
Oubli de l'univers ! ivresse de l'amour !

O plaisirs passés sans retour !

De ces premiers plaisirs l'image séduisante

Incessamment te poursuivra ;

Et, loin de l'effacer, le temps l'embellira.

МЩЕНИЕ

Из Парни

Неверный друг и вечно милый!
Зарю моих счастливых дней
И слезы радости и клятвы легкокрылы —
Все время унесло с любовью твоей!
И все погибло невозвратно,
Как сладкая мечта, как утром сон приятный!
Но все любовью здесь исполнено моей
И клятвы страшные твои напоминает.
Их помнят и леса, их помнит и ручей,
И эхо томное их часто повторяет.
Взгляни: здесь в первый раз я встретился с тобой,
Ты здесь, подобная лилее белоснежной,
Взлелеянной в садах Авророй и весной,
 Под сенью безмятежной,
Цвела невинностью близ матери твоей.
Вот здесь я в первый раз вкусил надежды сладость;
Здесь жертвы приносил у мирных алтарей.
 Когда твою грозила младость
Болезнь жестокая во цвете погубить,
Здесь клялся, милый друг, тебя не пережить!
Но с новой прелестью ты к жизни воскресала
И в первый раз «люблю», краснеяся, сказала
(Тому сей дикий бор немой свидетель был).
Твоя рука в моей то млела, то пылала,
И первый поцелуй с душою душу слил.
Там взор потупленный назначил мне свиданье
В зеленом сумраке развесистых деревьев,
Где льется в воздухе сирен благоуханье
И облако цветов скрывает свод небес;
Там ночь ненастная спустила покрывало,
И страшно загредел над нами ярый гром;
Все небо в пламени зарделось кругом,
 И в роще сумрачной сверкало.
Напрасно! ты была в объятиях моих,
И к новым радостям ты воскресала в них!
О пламенный восторг! О страсти упоенье!
О сладострастие... себя, всего забвенье!
С ее любовью утраченны навек!

Toujours plus pure et plus touchante,
Elle empoisonnera ton coupable bonheur,
Et punira tes sens du crime de ton cœur.
Oui, tes yeux prévenus me reverront encore,
Non plus comme un amant tremblant à tes genoux,
Qui se plaint sans aigreur, menace sans courroux,
 Qui te pardonne et qui t'adore ;
 Mais comme un amant irrité,
Comme un amant jaloux qui tourmente le crime,
Qui ne pardonne plus, qui poursuit sa victime,
 Et punit l'infidélité.
Partout je te suivrai, dans l'enceinte des villes,
Au milieu des plaisirs, sous les forêts tranquilles,
Dans l'ombre de la nuit, dans les bras d'un rival.
Mon nom de tes remords deviendra le signal.
Eloigné pour jamais de cette île odieuse,
J'apprendrai ton destin, je saurai ta douleur ;
 Je dirai : « Qu'elle soit heureuse ! »
Et ce vœu ne pourra te donner le bonheur.

ÉLÉGIE XI

Que le bonheur arrive lentement !
Que le bonheur s'éloigne avec vitesse !
Durant le cours de ma triste jeunesse,
Si j'ai vécu, ce ne fut qu'un moment.
Je suis puni de ce moment d'ivresse.
L'espoir qui trompe a toujours sa douceur,
Et dans nos maux du moins il nous console ;
Mais loin de moi l'illusion s'envole,
Et l'espérance est morte dans mon cœur.
Ce cœur, hélas ! que le chagrin dévore,

Вы будете всегда изменнице упрек.

Воспоминанье ваше,

От времени еще прелестнее и краше,
Ее преступное блаженство помрачит
И сердцу за меня коварному отмстит
Неизлечимую, жестокою тоскою.

Так! всюду образ мой увидишь пред собою,
Не в виде прежнего любовника в цепях,
Который с нежностью сквозь слезы упрекает

И жребий с трепетом читает

В твоих потупленных очах.

Нет, в лютой ревности карая преступленье,
Явлюсь как бледное в полночь привиденье,
И всюду следовать я буду за тобой:
В безмолвии лесов, в полях уединенных,
В веселых пиршествах, тобой одушевленных,
Где юность пылкая и взор считает твой.
В глазах соперника, на ложе Гименея —
Ты будешь с ужасом о клятвах вспоминать;

При имени моем, бледнея,

Неволью трепетать.

Когда ж безвременно, с полей кровавой битвы,
К Коциту позовет меня судьбины глас,
Скажу: «Будь счастлива» в последний жизни час, —
И тщетны будут все любовника молитвы!

К. Н. Батюшков

ЭЛЕГИЯ

Как счастье медленно приходит,
Как скоро прочь от нас летит!
Блажен, за ним кто не бежит,
Но сам в себе его находит!
В печальной юности моей
Я был счастлив — одну минуту,
Зато, увы! и горесть люту
Терпел от рока и людей!
Обман надежды нам приятен,
Приятен нам хоть и на час!

Ce cœur malade et surchargé d'ennui,
Dans le passé veut ressaisir encore
De son bonheur la fugitive aurore,
Et tous les biens qu'il n'a plus aujourd'hui ;
Mais du présent l'image trop fidèle
Me suit toujours dans ces rêves trompeurs,
Et sans pitié la vérité cruelle
Vient m'avertir de répandre des pleurs
J'ai tout perdu ; délire, jouissance,
Transports brûlants, paisible volupté,
Douceurs erreurs, consolante espérance,
J'ai tout perdu : l'amour seul est resté.

ÉLÉGIE XIV

Cesse de m'affliger, importune Amitié.

C'est en vain que tu me rappelles
Dans ce monde frivole où je suis oublié ;
Ma raison se refuse à des erreurs nouvelles.
Oses-tu me parler d'amour et de plaisirs ?
Ai-je encore des projets ! ai-je encore des désirs ?
Ne me console point : ma tristesse m'est chère ;
Laisse gémir en paix ma douleur solitaire.

Hélas ! cette injuste douleur
De tes soins en secret murmure ;
Elle aigrit même la douceur
De ce baume consolateur
Que tu verses sur ma blessure.
Du tronc qui nourrit sa vigueur
La branche une fois détachée
Ne reprend jamais sa fraîcheur,
Et l'on arrose en vain la fleur,
Quand la racine est desséchée :
De mes jours le fil est usé ;
Le chagrin dévorant a flétri ma jeunesse,
Je suis mort au plaisir, et mort à la tendresse.

Блажен, кому надежды глас
В самом несчастьи сердцу внятен!
Но прочь уже теперь бежит
Мечта, что прежде сердцу льстила;
Надежда сердцу изменила,
И вздох за нею вслед летит!
Хочу я часто заблуждаться,
Забуть неверную... но нет!
Несносной правды вижу свет,
И должно мне с мечтой расстаться!
На свете всё я потерял,
Цвет юности моей увял:
Любовь, что счастьем мне мечталась,
Любовь одна во мне осталась!

К. Н. Батюшков

К ДРУЖБЕ

Не огорчай меня досадным попеченьем,
О дружба нежная! меня ль чем заманит
Свет суетный, где я давно от всех забыт,
Рассудок навсегда простился с заблужденьем.
И мне искать утех — жестокий твой совет!
Нет видов в будущем! желаний в сердце нет!
Не утешай меня: печаль мне дар бесценный!
Пускай я в тишине томлюсь, уединенный.

Твоей заботой отягчим,
Ропщу я в тайном нетерпеньи,
Меня сражает сожаленье:
Ты растравляешь только им
От ран сердечных исцеленье.

Так бурею ночной
Отторгнутая ветвь от древа погибает,
Коль сок живительный в ней силы не питает,
И цвет не оживлен росой,
Когда в нем корень иссыхает.

Изгладилась нить дней моих;
Увяла молодость от бурных напастей!
Я умер для утех! я умер и для страсти!

Hélas ! j'ai trop aimé ; dans mon cœur épuisé
Le sentiment ne peut renaître ;
Non, non : vous avez fui pour ne plus reparaître,
Première illusion de mes premiers beaux jours,
Céleste enchantement des premières amours,
O fraîcheur du plaisir, ô volupté suprême !
Je vous connus jadis, et dans ma douce erreur,
J'osai croire que le bonheur
Durait autant que l'amour même ;
Mais le bonheur fut court, et l'amour me trompait.
L'amour n'est plus, l'amour est éteint pour la vie ;
Il laisse un vide affreux dans mon âme affaiblie ;
Et la place qu'il occupait
Ne peut être jamais remplie.

CHANSONS MADÉCASSES

CHANSON II

Belle Nélahé, conduis cet étranger dans
la case voisine ; étends une natte sur la terre,
et qu'un lit de feuilles s'élève sur cette natte ;
laisse tomber ensuite la *pagne* qui entoure
tes jeunes attraits. Si tu vois dans ses yeux
un amoureux désir ; si sa main cherche la tienne,
et t'attire doucement vers lui ; s'il te dit :
Viens, belle Nélahé, passons la nuit ensemble ;
alors assieds-toi sur ses genoux. Que sa nuit
soit heureuse, que la tienne soit charmante ;

Я истощил любовь — и в сердце огонь затих;
 И чувство прежнее не внятно...
 Нет! нет! исчезли вы в протекшем невозвратно,
 Очарование небесное любви
 И первые мечты сердечных заблуждений!
 О свежесть чистых благ! о роскошь наслаждений!
 Восторг, волнение в крови!
 Я знал вас некогда — и в сладости забвенья
 Мечтал, что жребий смертным дан
 Быть вечно счастливым любви от упоенья!
 Но счастье только миг; любовь — один обман!
 Любви мне нет! любви у жизни нет в предмете!
 В слабеющей душе мрак грозный пустоты,
 И место праздное утраченной мечты
 Ничто не заменит на свете!

Д. П. Глебов

МАДАГАСКАРСКИЕ ПЕСНИ

МАДАГАСКАРСКАЯ ПЕСНЯ

В полях вечерний лег туман,
 Несутся тени над водою;
 Веди, прекрасная, с собою
 Пришельца из далеких стран.

Весенний луч блестит росой,
 Восходит месяц над рекой,
 Небес пустынных юный житель;
 И ждет смиренная обитель
 Пришельца с нимфой молодой.
 Там сделай ложе из цветов;
 Пусть с юных прелестей покров
 Падет пред ним, как сон мгновенный,
 Когда же взор его смущенный
 Желанья страстные зажжет,
 Когда рукою дерзновенной
 Он грудь твою к своей прижмет,

et ne reviens qu'au moment où le jour
renaissant te permettra de lire dans ses yeux
tout le plaisir qu'il aura goûté.

CHANSON III

Quel imprudent ose appeler aux combats
Ampanani ? Il prend sa zagaie armée
d'un os pointu, et traverse à grands pas la plaine.
Son fils marche à ses côtés ; il s'élève comme
un jeune palmier sur la montagne.
Vents orageux, respectez le jeune palmier de
la montagne.

Les ennemis sont nombreux. Ampanani n'en
cherche qu'un seul, et le trouve. Brave ennemi,
ta gloire est brillante : le premier coup
de ta zagaie a versé le sang d'Ampanani.
Mais ce sang n'a jamais coulé sans vengeance ;
tu tombes, et ta chute est pour tes soldats

Когда он скажет: «будь со мною,
Мы время сладко проведем!» —
Тогда склонись к нему главою,
Пусть огонь любви пылает в нем.
И ночь его приятна будет,
И в пылких ты уснешь мечтах;
Едва же утра глас пробудит
Нощные тени на полях
И след прошедшего украдкой
Прочтешь ты на его глазах,
Оставь его в дремоте сладкой
Мечтать о счастье на цветах.

В полях вечерний лег туман,
Несутся тени над водою;
Веди, прекрасная, с собою
Пришельца из далеких стран.

Д. П. Ознобишин

ПОВЕДИТЕЛЬ

Кто дерзкий вызвать смел на битву Ампанани?
Уже копье блестит в его могучей длани —
Ужасен быстрый ход — ужасен, грозен взор.
Прелестный сын его, как кедр зеленых гор,
Стремится вместе с ним, закону битв покорный.
О ветры бурные! щадите кедр нагорный.

Бесчислен сонм врагов — несметна мочь его —
Но сильный вождь в толпе лишь ищет одного;
Обрел — уже в полях крутится подвиг брани.
Враг первый поразил ударом Ампанани,
Но Ампанани кровь без мщенья не течет:
Погибни, юноша, во цвете славных лет!

Погиб — и в строй врагов помчалось смятенье,
Страх объял души всех и трепет все сердца:
Так в бурный час грозы колеблются леса.

le signal de l'épouvante ; ils regagnent en fuyant leurs cabanes ; la mort les y poursuit encore : les torches enflammées ont déjà réduit en cendres le village entier.

Le vainqueur s'en retourne paisiblement, et chasse devant lui les troupeaux mugissants, les prisonniers enchaînés et les femmes éplorées. Enfants innocents, vous souriez, et vous avez un maître !

CHANSON IV

AMPANANI

Mon fils a péri dans le combat.
O mes amis ! pleurez le fils de votre chef ;
portez son corps dans l'enceinte habitée
par les morts. Un mur élevé la protège ;
et sur ce mur sont rangées des têtes
de bœuf aux cornes menaçantes.
Respectez la demeure des morts ;
leur courroux est terrible, et leur vengeance
est cruelle. Pleurez mon fils.

LES HOMMES

Le sang des ennemis
ne rougira plus son bras.

LES FEMMES

Ses lèvres ne baiseront
plus d'autres lèvres.

Им бремя меч и щит — им бегство все спасенье,
Но смерть находит их и среди родимых стен —
И дома их во прах; и чады их во плен!

И победители с полей войны кровавой
Текут в дома свои с веселием и славой.
Добыча их — стада, отличные волной,
Отвагой пленники и девы красотой.
Повсюду слышен стон; Невинность, ты едина
Смеешься всякой час — и в узах властелина!

А. Д. Илличевский

СМЕРТЬ ЮНОШИ
Мадагаскарская песня
АМПАНАНИ

Мой сын пал в битве пораженный!
Друзья, восплачем мы о нем
И прах сей хладный пренесем
Во храм, умершим посвященный!
Мы вступим с ужасом в сердцах
В сию священную обитель,
Где вечно обитает страх,
Где пребывает дух отмститель,
Носяся грозно в облаках.
Почтим, друзья, героя прах!

ХОР МУЖЕЙ

Уже над вражескою силой
Он в дом с победой не придет.

ХОР ЖЕН

Уже к устам горящим милой
Он уст румяных не прижмет.

LES HOMMES

Les fruits ne mûrissent plus pour lui.

LES FEMMES

Ses mains ne presseront plus
un sein élastique et brûlant.

LES HOMMES

Il ne chantera plus étendu sous un arbre
à l'épais feuillage.

LES FEMMES

Il ne dira plus à l'oreille de sa maîtresse :
Recommençons, ma bien-aimée !

AMPANANI

C'est assez pleurer mon fils ;
que la gaieté succède à la tristesse :
demain peut-être nous irons où il est allé.

CHANSON VI

AMPANANI

Jeune prisonnière, quel est ton nom ?

МУЖИ

Плодов, манящих красотой,
Не будет более вкушать.

ЖЕНЫ

Не будет нежною рукою
Упругой груди он ласкать.

МУЖИ

Не ляжет он в тени древесной
При звуке песен отдохнуть.

ЖЕНЫ

Не скажет на ухо прелестной:
«Пойдем — и все со мной забудь!»

АМПАНАНИ

Друзья! прервите песнь унылу,
Оставьте хладную могилу,
Отрите ваших слез поток;
Весельем усладите горе!
Ах! может быть, нас также вскоре
Подобный ожидает рок!

П. А. Межаков

МАДЕКАССКАЯ ПЛЕННИЦА

АМПАНАНИ

Младая пленница! не проклинай войну;
Забудь отечество: не ты, но я в плену!
Твой взор мне столько ж мил, как первый луч денницы.
Но что! ты слезы льешь сквозь длинные ресницы?

VAÏNA

Je m'appelle Vaïna.

AMPANANI

Vaïna, tu es belle comme le premier rayon
du jour. Mais pourquoi tes longues paupières
laissent-elles échapper des larmes ?

VAÏNA

O roi ! j'avais un amant.

AMPANANI

Où est-il ?

VAÏNA

Peut-être a-t-il péri dans le combat,
peut-être a-t-il dû son salut à la fuite.

AMPANANI

Laisse-le fuir ou mourir ;
je serai ton amant.

VAÏNA

O roi ! prends pitié des pleurs
qui mouillent tes pieds !

AMPANANI

Que veux-tu ?

VAÏNA

Cet infortuné a baisé mes yeux,
il a baisé ma bouche, il a dormi sur mon sein ;
il est dans mon cœur,
rien ne peut l'en arracher...

AMPANANI

Prends ce voile et couvre tes charmes. Achève.

ВАЙНА

Жаль друга, государь!

АМПАНАНИ

А где же он?

ВАЙНА

Убит,
Иль, может быть, в сию минуту он бежит.

АМПАНАНИ

Я заменю его.

ВАЙНА

Ах, другу нет замены!
Зри слезы, царь, мои.

АМПАНАНИ

Они мне драгоценны!
Что хочешь ты сказать, небесна красота?

ВАЙНА

Он целовал меня и в очи и в уста;
Спал на груди моей... он в сердце и поныне.

АМПАНАНИ

Довольно: я хочу покорствовать судьбине;
Но, Вайна, вот покров: сокрой им от меня
Ты прелести свои!

VAINA

Permetts que j'aïlle le chercher parmi les morts,
ou parmi les fugitifs.

AMPANANI

Va, belle Vaïna. Périsses le barbare qui
se plaît à ravir des baisers mêlés à des larmes !

CHANSON VIII

Il est doux de se coucher durant
la chaleur sous un arbre touffu,
et d'attendre que le vent du soir
amène la fraîcheur.

Femmes, approchez. Tandis que
je me repose ici sous un arbre touffu,
occupez mon oreille par vos accents
prolongés ; répétez la chanson de
la jeune fille, lorsque ses doigts tressent
la natte, ou lorsque assise auprès
du riz, elle chasse les oiseaux avides.

Le chant plaît à mon âme ;
la danse est pour moi presque aussi
douce qu'un baiser. Que vos pas
soient lents ; qu'ils imitent
les attitudes du plaisir et l'abandon
de la volupté.

ВАЙНА

Пускай пойду, стена,
Дражайшего искать среди трупов убиенных
Или скитаться с ним в пустынях отдаленных.

АМПАНАНИ

Ступай, куда тебя звезда твоя ведет;
Да будет милая хранима небесами!
Да проклят тот, кому желание придет
Похитить поцелуй, уступленный с слезами!

И. И. Дмитриев

МАДАГАСКАРСКАЯ ПЕСНЯ

Как сладко спать в прохладной тени,
Пока долину зной палит
И ветер чуть в древесной сени
Дыханьем листья шевелит!

Приблизьтесь, жены, и, руками
Сплетяся дружно в легкий круг,
Протяжно, тихими словами
Царя возвеселите слух!

Воспойте песни мне девицы,
Плетущей сети для кошниц,
Или как, сидя у пшеницы,
Она пугает жадных птиц.

Как ваше пенье сердцу внятно,
Как негой утомляет дух!
Как, жены, издали приятно
Смотреть на ваш сплетенный круг!

Да тихи, медленны и страстны
Телодвиженья будут вновь,
Да всюду, с чувствами согласны,
Являют негу и любовь!

Le vent du soir se lève ; la lune
commence à briller au travers
des arbres de la montagne.
Allez, et préparez le repas.

CHANSON XII

Nahandove, ô belle Nahandove !
l'oiseau nocturne a commencé ses cris,
la pleine lune brille sur ma tête,
et la rosée naissante humecte mes cheveux.
Voici l'heure : qui peut t'arrêter,
Nahandove, ô belle Nahandove ?
Le lit de feuilles est préparé ;
je l'ai parsemé de fleurs et d'herbes
odoriférantes, il est digne de tes charmes,
Nahandove, ô belle Nahandove !

Elle vient. J'ai reconnu la respiration
précipitée que donne une marche rapide,
j'entends le froissement de la pagne qui
l'enveloppe : c'est elle, c'est Nahandove,
la belle Nahandove !

Reprends haleine, ma jeune amie ;
repose-toi sur mes genoux.
Que ton regard est enchanteur,
que le mouvement de ton sein est vif
et délicieux sous la main qui le presse !
Tu souris, Nahandove, ô belle Nahandove !

Tes baisers pénètrent jusqu'à l'âme ;
tes caresses brûlent tous mes sens:
arrête, ou je vais mourir. Meurt-on de volupté,
Nahandove, ô belle Nahandove !

Le plaisir passe comme un éclair ;
ta douce haleine s'affaiblit, tes yeux
humides se referment, ta tête
se penche mollement, et tes transports
s'éteignent dans la langueur. Jamais
tu ne fus si belle, Nahandove,
ô belle Nahandove !

Но ветер вечерний повеваает,
Уж светлый месяц над рекой,
И нас у кущи ожидает
Постель из листьев и покой.

К. Н. Батюшков

МАДАГАСКАРСКАЯ ПЕСНЬ

Уж в облаках луна плывет,
Блестит лучом, в волнах играя,
Ночная пташка уж поет,
И час желанный настает...
О Вайна, Вайна молодая!

Готово ложе из листов;
И ветерок, его лобзая,
Несет дыхание цветов!
Делить восторги я готов...
О Вайна, Вайна молодая!

Я слышу шум шагов твоих;
Кусты яминов пробегая,
С приветом радостей живых
Явилась ты в очах моих...
О Вайна, Вайна молодая!

Ты сбрось покров с груди своей;
Она волнуется, вздыхая!..
Ах! дай обнять тебя скорей,
Любовь моих счастливых дней...
О Вайна, Вайна молодая!

Ты мне отрадней блеска дня,
Когда, в любви ко мне сгорая,
Даришь лобзанием меня!
Твой поцелуй жарчей огня...
О Вайна, Вайна молодая!

Que le sommeil est délicieux
dans les bras d'une maîtresse !
moins délicieux pourtant que le réveil.
Tu pars, et je vais languir dans
les regrets et les désirs ; je languirai
jusqu'au soir ; tu reviendras ce soir,
Nahandove, ô belle Nahandove !

LES TABLEAUX

VII. LE LENDEMAIN

D'un air languissant et rêveur
Justine a repris son ouvrage ;
Elle brode ; mais le bonheur
Laissa sur son joli visage
L'étonnement et la pâleur.
Ses yeux, qui se couvrent d'un voile,
Au sommeil résistaient en vain ;
Sa main s'arrête sur la toile,
Et son front tombe sur sa main.
Dors, et fuis un monde malin :
Ta voix plus douce et moins sonore,
Ta bouche qui s'entrouvre encore,
Tes regards honteux ou distraits,
Ta démarche faible et gênée,
De cette nuit trop fortunée
Révéleraient tous les secrets

MÉLANGES

DIALOGUE

- Quel est ton nom, bizarre enfant ? — L'Amour.
— Toi l'Amour ? — Oui, c'est ainsi qu'on m'appelle.
— Qui t'a donné cette forme nouvelle ?

Своею ласкою живой
Восторги в сердце мне вливая,
Ты сильно властвуешь душой!
Я от любви умру с тобой...
О Вайна, Вайна молодая!

А. М. Редкин

КАРТИНЫ

УТРО

(Подр.<ажание> Парни)

Полузадумчива, скучна,
Лилета шить садится снова...
И вот иглу берет она;
Но удовольствия живого
Приметен след в ее чертах!
Их бледность томная покрыла!
И власть Морфея омрачила
Огонь в пленительных очах!
Рука на пальцы упадет,
Глава склоняется на грудь —
В мечтах Лилета засыпает...
Но, Лила! как скромна ни будь —
Твой вид рассеянный, стыдливый
И принужденные шаги
Открыли, тайные враги,
Восторги ночи молчаливой!..

А. М. Редкин

СМЕСЬ

РАЗГОВОР

«Как звать тебя, чудак? Кто ты?» — «Я бог Амур!»
«Обманывай других! Ты шутишь, балагур!»
«Ничуть! Свидетель бог! Амуром называюсь!»
«Быть так! Но кто тебе дал странный сей убор?» —

- Le temps, la mode, la ville, et la cour.
— Quel front cynique ! et quel air d'impudence !
— On les préfère aux grâces de l'enfance.
— Où sont tes traits, ton arc, et ton flambeau ?
— Je n'en ai plus ; je triomphe sans armes.
— Triste victoire ! Et l'utile bandeau
Que tes beaux yeux mouillaient souvent de larmes ?
— Il est tombé. — Pauvre Amour, je te plains.
Mais qu'aperçois-je ? un masque dans tes mains,
Des pieds de chèvre, et le poil d'un Satyre ?
Quel changement ! — Je lui dois mon empire.
— Tu règnes donc ? — Je suis encore un dieu.
— Non pas pour moi. — Pour tout Paris. — Adieu.

PORTRAIT D'UNE RELIGIEUSE

Peintre, qu'Hébé soit ton modèle.
Adoucit encore chaque trait ;
Donne-leur ce charme secret
Qui souvent manque à la plus belle.
Ton pinceau doit emprisonner
Ces cheveux flottant sous un voile ;
Couvre aussi d'une simple toile
Ce front qu'il faudrait couronner.
Cache sous la noire étamine
Un sein parfait dans sa rondeur ;
Et si tu voiles sa blancheur,
Que l'œil aisément la devine.
Sur les lèvres mets la candeur ;
Et dans les yeux qu'elle s'allie
A la douce mélancolie

«Кто дал? Весь божий свет! Обычай, город, двор».

«Какой бесстыдный взгляд! нахальности!

Удивляюсь!»

«Простак! невинности уж нынче негде взять!»

«Куда ты дел свой лук, колчан, светильник,

стрелы?»

«На что они, без них могу торжествовать!

Упорных больше нет! Мужчины стали смелы!»

«Какой переворот!.. А где же твой покров,

Омытый иногда прелестных глаз слезами?»

«Хватился!.. Потерял». — «О жалкий из богов!

Но что? Ты весь в шерсти! с козлиными ногами,

С гремушкой! маскою! в дурацком шушуне!

Зачем такой наряд? пожалуй, объяснися!»

«По милости его весь мир подвластен мне!»

«Ты царь?» — «Я бог!» — «Не мой!» — «Все вечный!

отвяжися!»

В. А. Жуковский

МОНАХИНЯ

Возьмись за кисть, художник милый,

И ткань немую оживи,

Вдохни в нее волшебной силой

Всю прелесть тайную любви.

Представь, что все дары природы

На ней рассыпаны равно;

Пусть сокрывает полотно

С непринужденною свободой

Златые кудри на плечах.

Старайся, чтоб во всех чертах

Невинность с младостью менялись,

Чтоб перси, гордые красой,

Своей пленяя белизной,

Под крепом тихо волновались.

От взоров тайны скрыть умей,

Чтоб угадать их можно было,

Чтоб в милой томности очей

Был виден след души унылой.

Изобрази в ее устах

Que donne le tourment du cœur.
Peins-nous la tristesse tranquille ;
Peins les soupirs du sentiment ;
Au bas de ce portrait charmant
J'écrirai le nom de...

LE TORRENT

Idylle persane

L'orage a grondé sur ces montagnes.
Les flots échappés des nuages ont
tout à coup enflé le torrent : il descend rapide et
fangeux et son mugissement va frapper
les échos des cavernes lointaines.

Viens, Zaphné ; il est doux de s'asseoir
après l'orage sur le bord du torrent
qui précipite avec fracas ses flots écumeux.

Ce lieu sauvage me plaît : j'y suis
seul avec toi, près de toi. Ton corps
délicat s'appuie sur mon bras étendu,
et ton front se penche sur mon sein.
Belle Zaphné, répète le chant d'amour
que ta bouche rend si mélodieux. Ta voix
est douce comme le souffle du matin
glissant sur les fleurs ; mais je l'entendrai,
oui, je l'entendrai malgré le torrent qui
précipite avec fracas ses flots écumeux.

Tes accents pénètrent jusqu'au cœur ;
mais le sourire qui les remplace est plus
délicieux encore. Oui, le sourire appelle
et promet le baiser... Ange d'amour
et de plaisir, la rose et le miel sont
sur tes lèvres. Sois discret, ô torrent,
qui précipite avec fracas tes flots écumeux.

Le baiser d'une maîtresse allume tous
les désirs. Quoi ! ta tendresse hésite !
elle voudrait retarder l'instant du bonheur !
Regarde ; je jette une fleur sur les ondes

Привет стыдливости бесценной
И вздох, навеки сокровенный
В забвенных, гибельных стенах;
Тогда умершая для света
Воскреснет снова для поэта.

Д. П. Ознобишин

ИСТОЧНИК

Буря умолкла, и в ясной лазури
Солнце явилось на западе нам;
Мутный источник, след яростной бури,
С ревом и с шумом бежит по полям!
Зафна! Приблизься: для девы невинной
Пальмы под тенью здесь роза цветет;
Падая с камня, источник пустынный
С ревом и с пеной сквозь дебри течет!

Дебри ты, Зафна, собой озарила!
Сладко с тобою в пустынных краях!
Песни любви ты мне повторила;
Ветер унес их на тихих крылах!
Голос твой, Зафна, как утра дыханье,
Сладостно шепчет, несясь по цветам.
Тише, источник! Прерви волнованье,
С ревом и с пеной стремясь по полям!

Голос твой, Зафна, в душе отозвался;
Вижу улыбку и радость в очах!..
Дева любви! — я к тебе прикасался,
С медом пил розы на влажных устах!
Зафна краснеет?.. О друг мой невинный,
Тихо прижмися устами к устами!..
Будь же ты скромн, источник пустынный,
С ревом и с шумом стремясь по полям!

Чувствую персей твоих волнованье,
Сердца биенье и слезы в очах;
Сладостно девы стыдливой роптанье!
Зафна, о Зафна!.. Смотри... там, в водах,

rapides ; elle fuit, elle a disparu.
O ma jeune amie ! tu ressembles à cette fleur ;
et le temps est plus rapide encore que
ce torrent qui précipite avec fracas
ses flots écumeux.

Belle Zaphné, un second sourire
m'enhardit ; tes refus expirent dans un
nouveau baiser ; mais tes regards semblent
inquiets ; que peux-tu craindre ?
Ce lieu solitaire n'est connu que
des tourterelles amoureuses ; les rameaux
entrelacés forment une voûte sur nos têtes ;
et les soupirs de la volupté se perdent
dans le fracas du torrent qui précipite
ses flots écumeux.

LÉDA

< Fragment >

.....
Dans la forêt silencieuse
Où l'Eurotas parmi les fleurs
Roule son onde paresseuse,
Léda, tranquille, mais rêveuse,
Du fleuve suivait les erreurs.
Bientôt une eau fraîche et limpide
Va recevoir tous ses appas,
Et déjà ses pieds délicats
Effleurent le cristal humide.
Imprudente ! sous les roseaux
Un dieu se dérobe à ta vue ;
Tremble, te voilà presque nue,
Et l'Amour a touché ces eaux.
Léda, dans cette solitude,
Ne craignait rien pour sa pudeur ;
Qui peut donc causer sa rougeur ?
Et d'où vient son inquiétude ?
Mais de son dernier vêtement
Enfin elle se débarrasse,
Et sur le liquide élément
Ses bras étendus avec grâce

Быстро несется цветок розмаринный;
Воды умчались — цветочка уж нет!
Время быстрее, чем ток сей пустынный,
С ревом который сквозь дебри течет!

Время погубит и прелесть и младость!..
Ты улыбнулась, о дева любви!
Чувствуешь в сердце томленье и сладость,
Сильны восторги и пламень в крови!..
Зафна, о Зафна! — там голубь невинный
С страстной подругой завидуют нам...
Вздохи любви — источник пустынный
С ревом и с шумом умчит по полям!

К. Н. Батюшков

ЛЕДА

В стране роскошной, благодатной,
Где Евротейский древний ток
Среди долины ароматной
Катится светел и широк,
Вдоль берега Леда молодая,
Еще не мысля, но мечтая,
Стопами тихими брела.
Уж близок полдень; небо знойно;
Кругом все пусто, все спокойно;
Река прохладна и светла;
Берега стрегут кусты густые...
Покровы пали на цветы,
И Леды прелести нагие
Прозрачной влагой приняты.
Легко возлегшая на волны,
Легко скользит по ним она;
Роскошно пенясь, перси полны
Лобзает жадная волна.

La font glisser légèrement.
Un cygne aussitôt se présente ;
Et sa blancheur éblouissante,
Et son cou dressé fièrement,
A l'imprudente qui l'admire
Caused un doux étonnement,
Qu'elle exprime par un sourire.
Les cygnes chantaient autrefois ;
Virgile a daigné nous l'apprendre ;
Le nôtre à Lédà fit entendre
Les accents flûtés de sa voix.
Tantôt, nageant avec vitesse,
Il s'égare en un long circuit ;
Tantôt sur le flot qui s'enfuit
Il se balance avec mollesse.
Souvent il plonge comme un trait ;
Caché sous l'onde il nage encore,
Et tout à coup il reparaît
Plus près de celle qu'il adore.
Lédà, conduite par l'Amour,
S'assied sur les fleurs du rivage,
Et le cygne y vole à son tour.
Elle ose sur son beau plumage
Passer et repasser la main,
Et de ce fréquent badinage
Toujours un baiser est la fin.
Le chant devient alors plus tendre,
Chaque baiser devient plus doux ;
De plus près on cherche à l'entendre,
Et le voilà sur les genoux.
Ce succès le rend téméraire ;
Lédà se penche sur son bras ;
Un mouvement involontaire
Vient d'exposer tous ses appas ;
Le dieu soudain change de place.
Elle murmure faiblement ;
A son cou penché mollement
Le cou du cygne s'entrelace ;
Sa bouche s'ouvre par degrés
Au bec amoureux qui la presse ;
Ses doigts lentement égarés
Flattent l'oiseau qui la caresse ;

Но зашумел тростник прибрежный,
И лебедь стройный, белоснежный
Из-за него явился ей.
Сначала он, чуть зримый оком,
Блуждает в оплыве широком
Кругом возлюбленной своей;
В пучине часто исчезает,
Но, сокрываясь от глаз,
Из вод глубоких выплывает
Все ближе к милой каждый раз.
И вот плывет он рядом с нею.
Ей смелость лебеда мила,
Рукою нежною своею
Его осанистую шею
Младая дева обняла;
Он жмет к деве, он украдкой
Ей перси нежные клюет;
Он в песне радостной и сладкой
Как бы красы ее поет,
Как бы поет живую негу!
Меж тем влечет ее ко берегу.
Выходит на берег она;
Устав, в тени густого древа,
На мураву ложится дева,
На длань главою склонена.
Меж тем не дремлет лебедь страстный:
Он на коленях у прекрасной
Нашел убежище свое;
Он сладкозвучно воздыхает,
Он влажным клевом вопрошает
Уста невинные ее...
В изнемогающую деву
Огонь желания проник:
Уста раскрылись; томно клеву
Уже отвечает язык;
Уж на глаза с живым томленьем
Набросив пышные волосы,
Она нечаянным движеньем
Раскрыла все свои красы...
Приют свой прежний покидает
Тогда нескромный лебедь мой;
Он томно шею обвивает

L'aile qui cache ses attraits
Sous sa main aussitôt frissonne,
Et des charmes qu'elle abandonne
L'albâtre est touché de plus près.
Bientôt ses baisers moins timides
Sont échauffés par le désir ;
Et précédé d'un long soupir,
Le gémissement du plaisir
Echappe à ses lèvres humides.

.

COUP D'ŒIL SUR CYTHÈRE

< Fragment >

.
Mais à vos soins je recommande,
Messieurs, la discrète Nœris ;
Ses vingt ans sont bien accomplis,
Et son impatience est grande.
Elle soupire quelquefois.
Soumise au pouvoir d'une mère,
Elle attend qu'à ces tristes lois
L'Hymen vienne enfin la soustraire.
Sa voix appelle tous les jours
Cet Hymen qui la fuit sans cesse.
Que faire donc ? dans sa détresse
Au plaisir Nœris a recours.

Ce dieu, pour voler auprès d'elle,
A pris une forme nouvelle.
Son air est timide et discret ;
Ses yeux redoutent la lumière ;
Toujours pensif et solitaire,
Il cherche l'ombre et le secret.
Il ne connaît point le partage ;
Il ne satisfait pas le cœur ;
Mais il laisse le nom de sage,
Et s'accommode avec l'honneur.

Вкруг шеи девы молодой;
Его напрасно отклоняет
Она дрожащею рукой:
Он завладел —
Затрепетал крылами он, —
И вырывается у Леды
И детства крик и неги стон.

Е. А. Баратынский

ПЛАТОНИЗМ

Я знаю, Лидинька, мой друг,
Кому в задумчивости сладкой
Ты посвящаешь свой досуг,
Кому ты жертвуешь — украдкой
От подозрительных подруг.
Тебя страшит проказник милый,
Очарователь легкокрылый,
И хладной важностью своей
Тебе несносен Гименей.
Ты молишься другому богу,
Своей покорствуя судьбе;
Восторги нежные к тебе
Нашли пустынную жар очей,
Я понял слабый жар очей,
Я понял взор полузакрытый,
И побледневшие ланиты,
И томность поступи твоей...
Твой бог не полною отрадой
Своих поклонников дарит;
Его таинственной наградой
Младая скромность дорожит;
Он любит сны воображенья,
Он терпит на дверях замок,
Он друг стыдливый наслажденья,
Он брат любви, но одинок.

A son culte sûr et facile
Nœris se livre sans frayeur,
Et d'une volupté tranquille
Elle savoure la douceur.
Mais la rose sur son visage
Par degrés a fait place au lis ;
Adieu ce brillant coloris,
Le premier charme du jeune âge ;
L'embonpoint manque à ses attraits ;
Ses yeux dont la flamme est éteinte
Sont toujours baissés ou distraits ;
Et déjà, malgré sa contrainte,
Sur son front on lit ses secrets.

Un amant prudent et fidèle,
Nœris, convient mieux à vos goûts :
Vos jeux en deviendront plus doux,
Et vous n'en serez pas moins belle.
S'il s'en présente un dès ce jour,
Ecoutez-le, fût-il volage ;
L'Hymen ensuite aura son tour,
Et viendra, suivant son usage,
Réparer les torts de l'Amour.

.

VERS SUR LA MORT D'UNE JEUNE FILLE

Son âge échappait à l'enfance.
Riante comme l'innocence,
Elle avait les traits de l'Amour.
Quelques mois, quelques jours encore,
Dans ce cœur pur et sans détour
Le sentiment allait éclore.
Mais le ciel avait au trépas
Condamné ses jeunes appas.
Au ciel elle a rendu sa vie,
Et doucement s'est endormie,
Sans murmurer contre ses lois.
Ainsi le sourire s'efface ;
Ainsi meurt, sans laisser de trace,
Le chant d'un oiseau dans les bois.

Когда бессонницей унылой
Во тьме ночной томишься ты,
Он оживляет тайной силой
Твои неясные мечты,
Вздыхает нежно с бедной Лидой
И гонит тихою рукой
И сны, внушенные Кипридой,
И сладкий, девственный покой.
В уединенном упоенье
Ты мыслишь обмануть любовь.
Напрасно! — в самом наслажденье
Тоскуешь и томишься вновь...
Амур ужели не заглянет
В неосвященный свой приют?
Твоя краса, как роза, вянет;
Минуты юности бегут.
Ужель мольба моя напрасна?
Забудь преступные мечты:
Не вечно будешь ты прекрасна,
Не для себя прекрасна ты.

А. С. Пушкин

СМЕРТЬ КРАСАВИЦЫ

Она едва из детства выходила,
Стыдливою пленяя красотой,
Любовь в устах ее, во взорах говорила!
Еще один бы год, и с новой весной,
Невинная душой,
И сердцем пламенным она бы полюбила.
Но к ранней смерти рок ее определил;
Прекрасная утасла без страданья,
И смертный час ее, как сон, приветлив был,
Без слез на промысл, без роптанья.
Так радость светлая очей
При вести горестной мгновенно исчезает;
Так в тихом сумраке ветвей
Поет весенний соловей,
И сладкий глас его в дубраве умирает.

Д. П. Ознобишин

ÉPHIMÉCIDE

Imitation du grec

«Combien l'homme est infortuné !
Le sort maîtrise sa faiblesse,
Et de l'enfance à la vieillesse
D'écueils il marche environné ;
Le temps l'entraîne avec vitesse ;
Il est mécontent du passé ;
Le présent l'afflige et le presse ;
Dans l'avenir toujours placé,
Son bonheur recule sans cesse ;
Il meurt en rêvant le repos.
Si quelque douceur passagère
Un moment encore console ses maux,
C'est une rose solitaire
Qui fleurit parmi les tombeaux.
Toi, dont la puissance ennemie
Sans choix nous condamne à la vie,
Et proscriit l'homme en le créant,
Jupiter, rends-moi le néant !»

Aux bords lointains de la Tauride,
Et seul sur des rochers déserts
Qui repoussent les flots amers,
Ainsi parlait Ephimécide.
Absorbé dans ce noir penser,
Il contemple l'onde orageuse ;
Puis d'une course impétueuse,
Dans l'abîme il veut s'élancer.
Tout à coup une voix divine
Lui dit : «Quel transport te domine ?
L'homme est le favori des cieux ;
Mais du bonheur la source est pure
Va, par un injuste murmure,
Ingrat, n'offense plus les dieux.»
Surpris et longtemps immobilé,
Il baisse un œil respectueux.
Soumis enfin et plus tranquille,
A pas lents il quitte ces lieux.

ЭПИМЕСИД

«О жребий смертного унылый!
Твой путь, — Зевес ему сказал, —
От колыбели до могилы
Между пучин и грозных скал;
Его уносит быстро время;
Врага в прошедшем видит он;
Влачить забот и скуки бремя
Он в настоящем осужден;
А счастья будущего сон
Все дале, дале улетает
И в гробе с жизнью исчезает;
И пусть случайно оживит
Он сердце радостью мгновенной —
То в бездне луч уединенный:
Он только бездну озарит.
О ты, который самовластно
Даришь нас жизнью ужасной,
Зевес, к тебе взываю я:
Пошли мне дар небытия».

В стране, забвенной от природы,
Где мертвый разрушенья вид,
Где с ревом бьют в утесы воды,
Так говорил Эпимесид.
Угрюмый, страшных мыслей полный,
Он пробегал очами волны,
Он в бездну броситься готов...
И грянул глас из облаков:
«Ты лжешь, хулитель провиденья,
Богам любезен человек:
Но благ источник наслажденья;
Отринь, слепец, что в буйстве рек,
И не гневи творца роптаньем».

Эпимесид простерся в прах.
Покорный, с тихим упованьем,
С благословеньем на устах,
Идет он с берега крутого.

Deux mois sont écoulés à peine,
Il retourne sur le rocher.
« Grands dieux ! votre voix souveraine
Au trépas daigna m'arracher ;
Bientôt votre main secourable
A mon cœur offrit un ami.
J'abjure un murmure coupable ;
Sur mon destin j'ai trop gémi.
Vous ouvrez un port dans l'orage ;
Souvent votre bras protecteur
S'étend sur l'homme ; et le malheur
N'est pas son unique héritage. »
Il se tait. Par les vents ployé,
Faible, sur son frère appuyé,
Un jeune pin frappe sa vue :
Auprès il place une statue,
Et la consacre à l'Amitié.

Il revient après une année.
Le plaisir brille dans ses yeux ;
La guirlande de l'hyménée
Couronne son front radieux.
« J'osai dans ma sombre folie
Blâmer les décrets éternels,
Dit-il ; mais j'ai vu Glycérie,
J'aime, et du bienfait de la vie
Je rends grâce aux dieux immortels. »
Son âme doucement émue
Soupire ; et dès le même jour
Sa main, non loin de la statue,
Elève un autel à l'Amour.

Deux ans après, la fraîche aurore
Sur le rocher le voit encore,
Ses regards sont doux et sereins ;
Vers le ciel il lève ses mains :
« Je t'adore, ô bonté suprême !
L'amitié, l'amour enchanteur,
Avaient commencé mon bonheur ;
Mais j'ai trouvé le bonheur même.

Два месяца не протекли —
На берег он приходит снова.
«О небеса! вы отвели
Меня от страшной сей пучины;
Хвала вам! тайный перст судьбины
Уже мне друга указал.
О, сколь безумно я роптал!
Не дремлют очи провиденья,
И часто посреди волненья
Оно являет пристань нам;
Мы живы под его рукою,
И смертный не к одним бедам
Приходит трудною стезею».
Умолк — и видит: невдали
Цветет у берега мирт зеленый,
На брата юного склоненный,
И бури ветви их сплели.
Под тенью их он воздвигает
Лик *Дружбы*, в честь благим богам.

Проходит год — опять он там;
Во взорах счастье пылает;
Гименов на челе венок.
«И я винил в безумстве рок!
И я терял к бессмертным веру!
Они послали мне Глисеру;
Люблю, о сладкий жизни дар!
О! как мне весь перед богами
Излить благодаренья жар?»
Он пал на землю со слезами;
Потом под юными древами,
Где *Дружбы* лик священный был,
Любви алтарь соорудил.

Свершился год — с лучом Авроры
Опять пришел он на утес,
И светлые сияли взоры
Святым спокойствием небес.
«Хвала вам, боги; вашей властью
Узнал в любви и в дружбе я
Все *наслажденья* бытия;
Но вы открыли путь ко *счастью*».

Périssent les mots odieux
Que prononça ma bouche impie !
Oui, l'homme dans sa courte vie
Peut encore égaler les dieux. »
Il dit ; sa piété s'empresse
De construire un temple en ces lieux.
Il en bannit avec sagesse
L'or et le marbre ambitieux,
Et les arts, enfants de la Grèce.
Le bois, le chaume, et le gazon
Remplacent leur vaine opulence ;
Et sur le modeste fronton
Il écrit : *A la Bienfaisance.*

ISNEL ET ASLÉGA

* * *

« Pardonne, Isnel ; un père inexorable
Donna ma main sans écouter mon cœur.
Ils sont passés les jours de mon bonheur ;
Ils sont passés, et le chagrin m'accable.
Console-toi ; seule je dois souffrir,
T'aimer encore, te pleurer, et mourir.

« Pardonne, hélas ! quand la rose nouvelle
De son calice échappe en rougissant,
Elle demande un souffle caressant :
Si tout à coup l'ouragan fond sur elle,
A peine éclore on la voit se flétrir,
Languissamment se pencher, et mourir.

« Pardonne, Isnel : sur l'arbre solitaire
Une colombe attendait son ami ;
Sa douce voix se plaignait à demi :
Un aigle étend sa redoutable serre ;
Faible, sous l'ongle on la voit tressaillir,
Aimer encore, palpiter, et mourir. »

Проклятье дерзостным хулам,
 Произнесенным в исступленьи!
 Наш в мире путь — одно мгновенье,
 Но можем быть равны богам».

И он воздвиг на бреге храм,
 Где все пленяло простотою:
 Столбы, обитые корою,
 Помост из дерна и цветов
 И скромный из соломы кров,
 Под той же дружественной сенью,
 Где был алтарь сооружен...
 И на простом фронтоне он
 Изобразил: *Благотворенью*.

В. А. Жуковский

ИСНЕЛЬ И АСЛЕГА

РОМАНС

Прости, Иснель! Отец неумолимый
 Велит отдать другому руку мне:
 О милый мой! лишь горести одне
 Остались душе, тоской томимой,
 Утешься, друг: мне суждено терпеть,
 Любить тебя, любить и умереть.

Прости, Иснель! Когда цветок прекрасный
 Природные оковы разорвет,
 Он кроткого дыханья ветра ждет;
 Но если вдруг засвищет вихрь ужасный,
 Едва расцвел, — и вянет нежный цвет —
 И к мураве склонился умереть.

Прости, Иснель! На дереве пустынном
 Голубка милого дружка ждала —
 В любви, в тоске, она его звала...
 Орел над ней — как вихрь в порыве сильном —
 Он налетел — спасенья бедной нет —
 Ей суждено: любить и умереть.

В. И. Туманский

* * *

« Belle Asléga, belle, mais trop coupable.
Pour arriver jusqu'à toi, du guerrier
J'ai déposé l'étincelant acier.
Je t'ai perdue, et le chagrin m'accable.
En d'autres lieux Isnel ira souffrir,
T'aimer encore, et combattre, et mourir.

« Jouis en paix de ta flamme nouvelle ;
Que le remords, ce poison des plaisirs,
N'attriste point tes volages désirs !
Seul je serai malheureux et fidèle.
Tu me trahis : je ne sais point trahir !
Je sais aimer, et combattre, et mourir.

« Mais le bonheur est-il fait pour le crime ?
Jeune Asléga, crains ton nouvel amour,
Crains sa douceur, crains la glace d'un jour ;
Fragile encore, elle cache un abîme.
Adieu, perfide, adieu, je vais te fuir,
T'aimer encore, et combattre, et mourir. »

* * *

« Je suis assis sur le bord du torrent.
Autour de moi tout dort, et seul je veille ;
Je veille, en proie au soupçon dévorant :
Les vents du nord sifflent à mon oreille,
Et mon épée effleure le torrent.

« Je suis assis sur le bord du torrent.
Fuis, jeune Isnel, ou retarde l'aurore.
Ton glaive heureux, redoutable un moment,
Vainquit Ornof ; mais Eric vit encore,
Et son épée effleure le torrent.

РОМАНС

Аслега, друг преступный, но прекрасный!
Увидеться с тобою я спешил;
Я бросил меч — и латы положил —
Но ах! забыт тобой Иснель несчастный.
Прощай — иду... в чужих странах терпеть,
Любить тебя, любить и умереть.

Вкушай иной любви наслажденья,
В веселии живи, забудь о мне;
Пусть буду я томиться в тишине,
Ты совести не чувствуй угрызенья!
Неверна ты — во мне измены нет,
И жребий мой любить и умереть!

Но счастье дано ли преступленью?..
Беспечная! страшись любви молодой:
Она как лед неверный — под собой
Пучину бед скрывает и мученья.
Прощай... спешу... надежды боле нет —
Мне суждено: любить и умереть!

В. И. Туманский

* * *

Сижу на берегу потока;
Бор дремлет в сумраке; все спит вокруг, а я
Сижу на берегу — и мыслю далеко,
Там, там... где жизнь моя!..
И меч в руке моей мутит струи потока.

Сижу на берегу потока,
Снедаем ревностью, задумчив, молчалив...
Не торжествуй еще, о ты, любимец рока!
Ты счастлив — но я жив...
И меч в руке моей мутит струи потока.

« Je suis assis sur le bord du torrent.
Sera-t-il plaint de ma coupable épouse ?
Est-il aimé ce rival insolent ?
Tremble, Asléga ; ma fureur est jalouse,
Et mon épée effleure le torrent ! »

LES DÉGUISEMENTS DE VÉNUS

TABLEAU IX

D'Erigone c'était la fête.
Les bacchantes sur les coteaux
Couraient sans ordre et sans repos.
La plus jeune pourtant s'arrête,
Nomme Myrtis, et fuit soudain
Sous l'ombrage du bois voisin.
Le lierre couronne sa tête ;
Ses cheveux flottent au hasard ;
Le voile qui la couvre à peine,
Et que des vents enfle l'haleine,
Sur son corps est jeté sans art ;
Le pampre forme sa ceinture,
Et de ses bras fait la parure ;
Sa main tient un thyrsé léger.
Sa bouche riante et vermeille
Présente à celle du berger
Le fruit coloré de la treille.
Son abandon, sa nudité,
Ses yeux lascifs, et son sourire,
Promettent l'amoureux délire
Et l'excès de la volupté.
Au loin ses bruyantes compagnes
De cymbales et de clairons
Fatiguent l'écho des montagnes,
Mêlant à leurs libres chansons
La danse qui peint avec grâce
L'embarras naissant du désir,
Et celle ensuite qui retrace
Tous les mouvements du plaisir.

Сижу на берегу потока...
Вздохнешь ли ты о нем, о друг, неверный друг?
И точно ль он любим? — Ах, эта мысль жестока!
Кипит отмщеньем дух,
И меч в руке моей мутит струи потока.

Д. В. Давыдов

ПРЕВРАЩЕНИЯ ВЕНЕРЫ

ВАКХАНКА

Все на праздник Эригоны
Жрицы Вакховы текли;
Ветры с шумом разнесли
Громкий вой их, плеск и стоны.
В чаще дикой и глухой
Нимфа юная отстала;
Я за ней — она бежала
Легче серны молодой.
Эвры волосы взвивали,
Перевитые плющом;
Нагло ризы поднимали
И свивали их клубком.
Стройный стан, кругом обвитый
Хмеля желтого венцом,
И пылающи ланиты
Розы ярким багрецом,
И уста, в которых тает
Пурпуровый виноград, —
Все в неистовой прельщает!
В сердце льет огонь и яд!
Я за ней... она бежала
Легче серны молодой;
Я настиг — она упала!
И тимпан под головой!
Жрицы Вакховы промчались
С громким воплем мимо нас;
И по роще раздавались
Эвоз! и неги глас!

К. Н. Батюшков

TABLEAU XXV

Du haut des airs qu'elle colore,
La jeune Iris descend encore.
Myrtis la reçoit dans ses bras.
Elle se livre à ses caresses,
Et pourtant elle dit tout bas :
« Si je tarde, les deux déesses
Pourront croire... Séparons-nous. »
Suivent des baisers longs et doux.
« Je ne puis prononcer entre elles, —
Dit enfin le berger. — Pourquoi ?
— Egalement elles sont belles ;
Et la plus aimable, c'est toi. »

TABLEAU XXVII

Le sombre Pluton sur la terre
Etait monté furtivement.
De quelque Nymphé solitaire
Il méditait l'enlèvement.
De loin le suivait son épouse :
Son indifférence est jalouse.
Sa main encore cueillait la fleur
Qui jadis causa son malheur :
Il renaissait dans sa pensée.
Myrtis passe ; il voit ses attraits,
Et la couronne de cyprès
A ses cheveux entrelacée.
Il se prosterne ; d'une main
Elle fait un signe ; et soudain
Remonte sur son char d'ébène.
Près d'elle est assis le berger.
Les coursiers noirs d'un saut léger
Ont déjà traversé la plaine.

МИРТИЛ

Богиня в розовых лучах
С небес на доли нисходила
И видит пастуха в полях —
Бежит в объятия Миртила,
Лобзает с нежностью Миртил,
Ириса с ласкою лобзает
И говорит: *ах! ты мне мил,*
Но гнев богинь меня пугает,
Подумать могут... знаешь сам,
Они всегда ревнивы были.
Лобзанья речи заменили,
Миртил прильнул к ее устам,
Потом сказал: *они не страшны,*
Поверь, их гнев одни мечты,
Богини все равно прекрасны,
Но всех милее сердцу — ты!..

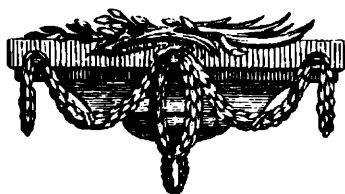
Д. И. Новиков

ПРОЗЕРПИНА

Плещут волны Флегетона,
Своды Тартара дрожат:
Кони бледного Плутона
Быстро к нимфам Пелиона
Из аида бога мчат.
Вдоль пустынного залива
Прозерпина вслед за ним,
Равнодушна и ревнива,
Потекла путем одним.
Пред богинею колена
Робко юноша склонил.
И богиням льстит измена:
Прозерпине смертный мил.
Ада гордая царица
Взором юношу зовет,
Обняла, и колесница
Уж к аиду их несет:
Мчатся, облаком одеты;

Ils volent ; des sentiers déserts
Les conduisent dans les enfers.
Du Styx ils franchissent les ondes :
Caron murmurait vainement ;
Et Cerbère sans aboiement
Ouvrait ses trois gueules profondes.
Le berger ne voit point Minos,
Du Destin l'urne redoutable,
D'Alecton le fouet implacable,
Ni l'affreux ciseau d'Atropos.
Avec prudence Proserpine
Le conduit dans un lieu secret,
Où Pluton, admis à regret,
Partage sa couche divine.
Myrtis baise ses blanches mains,
La presse d'une voix émue,
Et la déesse demi-nue
Se penche sur de noirs coussins.
Elle craint un époux barbare :
Le berger quitte le Tartare.
Par de longs sentiers ténébreux
Il remonte, et sa main profane
Ouvre la porte diaphane
D'où sortent les Songes heureux.

Видят вечные луга,
Элизей и томной Леты
Усыпленные брега.
Там бессмертье, там забвенье,
Там утехам нет конца.
Прозерпина в упоенье,
Без порфиры и венца,
Повинуется желаньям,
Предает его лобзаньям
Сокровенные красы,
В сладострастной неге тонет
И молчит и томно стонет...
Но бегут любви часы;
Плещут волны Флегетона,
Своды Тартара дрожат:
Кони бледного Плутона
Быстро мчат его назад.
И Кереры дочь уходит,
И счастливца за собой
Из Элизия выводит
Потаенную тропой;
И счастливец отпирает
Осторожною рукой
Дверь, откуда вылетает
Сновидений ложный рой.

А. С. Пушкин

ANTOINE de BERTIN

LES AMOURS

Livre I

ÉLÉGIE VI

Oui ! que des dieux vengeurs l'implacable courroux
Sur l'inferral rocher d'un nœud d'airain t'enchaîne,
O toi qui, le premier, inventas les verroux,
Et fis crier les gonds sous des portes de chêne !
On enferme Eucharis ; un injuste pouvoir
Dérobe à mon amour sa beauté gémissante.
Nuit et jour vainement je demande à la voir :
Lorsque j'entends ses pleurs, on dit qu'elle est absente.
Vous pleurez, Eucharis ; vous attestez les dieux
(Car les dieux à l'amante ont permis ce parjure) :
Vous pleurez, et peut-être un époux odieux
Joint l'injure au reproche, et l'outrage à l'injure.
Eh ! qui sait si l'ingrat, de son bras rigoureux
Saisissant la beauté dont je suis idolâtre,
N'a pas d'un ongle impie arraché ses cheveux,
Ou meurtri son beau sein plus poli que l'albâtre ?
Tombez, coupables murs ! Dieux immortels, tonnez !
Vengez-moi, vengez-vous de sa fureur extrême.
Quiconque a pu frapper la maîtresse que j'aime,
Un jour, n'en doutez pas, à vos yeux étonnés,
Sur vos autels détruits vous détruira vous-même.
O ma chère Eucharis, ces dieux veillent sur nous :
Ta beauté sur la terre est leur plus digne ouvrage.
Songe, songe du moins à tromper les jaloux :
Il faut oser. Vénus seconde le courage ;

АНТУАН де БЕРТЕН

ЛЮБОВНЫЕ ЭЛЕГИИ

Книга I

〈ЭЛЕГИЯ II〉

Пусть бога-мстителя могучая рука
На верх гранитных скал, под вечными
снегами
За ребра прикует чугунными цепями
Того, кто изобрел ревнивого замка
Заклепы звучные — и хладными стенами
Красавиц оградил в презрении к богам!
Где ты, рожденная к восторгам,
торжествам,
И к радостям сердец, и к счастью
юной страсти,
Где ты скрываешься во цвете
ранних лет,
Ты, дева горести, воспитанница бед,
Смиренная раба неумолимой власти!
Увижу ли тебя, услышу ль голос твой?
И долго ль в мрачности ночной
Мне с думой горестной, душой осиротелой
Угадывать окно обители твоей,
Когда снег вьюгою крутится средь полей
И свищет резкий ветер в власа оледенелы!

Vénus instruit l'amante, au milieu de la nuit,
A descendre en secret de sa couche paisible;
Vénus enseigne encore l'art de poser sans bruit
Sur des parquets mouvants un pied sûr et flexible.
Te souvient-il d'un soir, où dans des flots de vin
Tu pris soin d'endormir ta vigilante escorte ?
La déesse en sourit ; et son pouvoir divin
Entrouvrit tout à coup un battant de la porte,
Que ma juste colère injuriait en vain.
Tu parus, Eucharis, le front couvert d'un voile,
En long habit de lin, noué négligemment ;
Mais plus belle à mes yeux sous la modeste toile,
Que sous l'éclat trompeur du plus riche ornement.
Eh ! qui sous cet habit ne t'aurait méconnue ?
Il semblait étranger à nos tristes climats.
De mon bras amoureux tu marchais soutenue,
Et la terre fuyait sous tes pieds délicats.
O toit rustique et pauvre, atelier solitaire,
Par les plus vils travaux longtemps deshonoré,
A des travaux plus doux aujourd'hui consacré,
Tu couvris nos plaisirs des ombres du mystère !
Est-il d'horribles lieux pour le cœur d'un amant ?
Un lit étroit et dur, théâtre de ma gloire,
De ce temple nouveau formait l'ameublement :
Eh bien ! j'étais encore dans ton boudoir charmant,
Sous tes plafonds dorés et tes rideaux de moire.
Un feu pâle et tremblant, mourant à nos côtés,
Par intervalle à peine éclaircissait les ombres.
Eh ! que m'importe à moi, si les nuits les plus sombres
Invitent tous mes sens aux molles voluptés ?
Je craignais (tu le sais), ô ma belle maîtresse !
Que ce lit rigoureux ne blessât tes attraits :
J'oubliais que l'Amour, propice à ma tendresse,
De ses heureuses mains l'aplatit tout exprès.
Oh ! combien, croyez-moi, sur ces lits favorables,
L'amant ingénieux invente de combats !
Là naissent les fureurs, les plaintes, les débats,
Les doux enlacements et les plaisirs durables.
Eucharis, par moi-même instruite à m'enflammer,
Pour la première fois semblait encore se rendre ;
Affectait des rigueurs pour mieux se faire aimer,
Et disait toujours *non*, sans vouloir se défendre.

Le crépuscule seul interrompit nos jeux.
Le marteau sur l'airain avait frappé trois heures,
Il fallut tristement regagner nos demeures.
La foudre alors grondait sous un ciel orageux.
Loin de moi ces amants que Jupiter arrête,
Et qui courbent leurs fronts sous ses coups redoublés !
D'un œil audacieux défiant la tempête,
Je menais fièrement ma superbe conquête,
Et j'aurais bravé seul tous les dieux assemblés.
J'avançais cependant sous cet immense ombrage,
Qui couronne en jardins nos remparts orgueilleux ;
La maison d'Eucharis frappa bientôt mes yeux.
Cet aspect, je l'avoue, abattit mon courage :
Eh ! qui peut se résoudre à ces derniers adieux ?
Vingt fois je m'éloignai, saisi d'un trouble extrême,
Et vingt fois à ses pieds je revins malgré moi,
Je lui disais sans cesse : « O moitié de moi-même,
Je veux mourir, avant de cesser d'être à toi ! »
Après mille baisers, la matineuse Aurore
Nous surprit sous les murs de ce fatal séjour ;
Mes baisers sur le seuil la retenaient encore,
Et je ne la rendis qu'aux premiers feux du jour.

ÉLÉGIE XII

A EUCHARIS

Que peut demander aux dieux
L'amant qui baise tes yeux,
Et qui t'a donné sa vie ?
Il ne voit rien sous les cieux
Qu'il regrette ou qu'il envie.
Qu'un autre amasse en paix les épis jaunissants
Que la Beauce nourrit dans ses fertiles plaines ;
Qu'il range sous ses lois vingt troupeaux mugissants,
Que la pourpre de Tyr abreuve encore ses laines ;
Longtemps, avant l'aube du jour,
Que l'avidé marchand s'éveille,
Et quitte sans pitié le maternel séjour,
Amoureux des travaux qu'il détestait la veille ;

Qu'il brave et les sables brûlants,
Et les glaces hyperborées ;
Qu'il fatigue les mers, qu'il enchaîne les vents,
Pour boire le tokai dans des coupes dorées :
J'aime mieux du soleil éviter les chaleurs
Sous l'humble coudrier soumis à ma puissance.
Périssent les trésors, plutôt que mon absence,
O ma chère Eucharis, fasse couler tes pleurs !
Que me faut-il à moi ? des routes incertaines
Sous un ombrage frais, de limpides fontaines,
Un gazon toujours vert, des parfums et des fleurs,
Oui, ma divine maîtresse,
Pourvu que sur mon cœur je presse tes appas,
Qu'importe que la Gloire, accusant ma paresse,
Agite le laurier qui m'attend sur ses pas?
Loin du tumulte et des alarmes,
Je vivrais avec toi dans le fond des forêts.
Ce bras n'a jusqu'ici manié que des armes ;
Mais disciple, avec toi, de la blonde Cérés,
Je ne rougirais pas de dételer moi-même
Des bœufs fumants sous l'aiguillon,
De reprendre, le soir, un pénible sillon,
Et de suivre, à pas lents, le soc de Triptolème.
Je ne rougirais pas, sous mes doigts écumants,
De presser avec toi le nectar des abeilles,
D'écarter les voleurs et les oiseaux gourmands,
Ou de compter les fruits qui rompent tes corbeilles.
Avec toi, d'un front plus riant
J'accueillerais une aimable indigence,
Que si des dieux, sans toi, la barbare indulgence
Mettait à mes genoux l'Europe et l'Orient.
Que m'importe l'Euphrate et son luxe superbe ?
Que m'importe Paris et son art dangereux,
Si, tous deux enfoncés dans l'épaisseur de l'herbe,
Ou dans ces blés flottants, dont l'or sur tes cheveux,
Ornement importun, vient se courber en gerbe,
Je te trouve plus belle, et moi plus amoureux ?
Ah ! loin des faux plaisirs dont la richesse abonde,
Crois-moi, l'amant heureux, qui seul au fond du bois
Te caresse au doux bruit et des vents et de l'onde,
Est au-dessus des rois qui gouvernent le monde,
Est au-dessus des dieux qui gouvernent les rois.

Сносить охотно рад
Пески сыпучие, Гиперборейский клад,
На то лишь, чтобы мог он чашею златою
Токайское вино в беседах лить рекою.
Я более люблю хранительную тень
Простого дерева, которым я владею.
Погибни золото, чем с Делией моею
Расстанусь на единый день!
Мне много ль надобно? коль тихая дубрава,
Дерновый луг, цветы,
И мне подвластные прелестной красоты...
Я думать не хочу, что есть на свете слава.
Далеко шума бранных стрел,
Во глубине лесов готов я жить с тобою.
Цереры научен рукою,
Я тем не устыжусь, что тихий мой удел
Пройду в полях с тяжелым плугом,
Или с моим бесценным другом
Я стану нектар пчел собирать,
Прозрачные плоды считать.
С тобой — в противность рока
В смиренной нищете дни сладостно б провел, —
Но без тебя — богов жестокостью бы счел,
Когда б мне дали все сокровища Востока.
Не мне ток Лидии катит песок златой!
Бродя с тобой в траве высокой и густой,
Иль в класах, коими себя ты украшаешь,
Когда снопы с полей собираешь,
Ты все прелестнее — я более влюблен,
Могу ль тогда мечтой богатства быть пленен?

О друг единственный! в тени лесов сгущенной,
Вот там, где с ветерком лобзается ручей,
Прижав тебя к груди трепещущей своей,
Счастливей я царей — властителей вселенной,
Счастливее богов — властителей царей.

Д. П. Глебов

Livre II

ÉLÉGIE XI

LES VOYAGES. A MESSIEURS DE P.

J'ai souvent essayé de noyer dans le vin
Ma peine et mes tristes alarmes :
O Bacchus ! ton nectar divin
S'aigrissait sur mon cœur, et se tournait en larmes.
J'ai souvent essayé, dans la longueur des nuits,
D'accorder sous mes doigts la lyre de Chapelle :
Les vers n'ont pu distraire mes ennuis,
Et malgré moi je chantais l'infidèle.
Enfin (je l'avouerai) dans mes bras amoureux
J'ai tenu quelquefois une autre enchanteresse ;
Mais tout d'un coup, au fort de mon ivresse,
Quand je touchais au moment d'être heureux,
Le souvenir de ma maîtresse
Venait saisir mon cœur et glacer ma tendresse,
Et je sentais expirer tous mes feux.
Que n'ai-je point tenté ? Dieux ! qu'il est difficile
D'abjurer promptement de si longues amours !
Tant que le même mur servira d'asile,
Tant que le même ciel éclairera nos jours,
Hélas ! je le sens bien, je l'aimerai toujours.
Si vous voulez que je l'oublie,
O mes amis, partons ; ôtez-moi de ses yeux ;
Pour de lointains climats abandonnons ces lieux ;
Courons interroger les champs de l'Italie,
Et lui redemander ses héros et ses dieux ;
Fuyons. Adieu, remparts, superbe promenade,
Dont les ormes touffus environnent Paris ;
Adieu, bronze adoré du plus grand des Henris ;
Adieu, Louvre immortel, pompeuse colonnade ;
Adieu, surtout, adieu, trop ingrate Eucharis !
Je le verrai ce beau ciel de Provence,
Ces vallons adorants tout peuplés d'orangers,
Où l'on dit qu'autrefois des poètes bergers,
Les premiers dans leurs vers marquèrent la cadence.
Je verrai ce paisible port,
Et les antiques tours de la riche Marseilles.
Nos vaisseaux sont-ils prêts ? Poussez-nous loin du bord.

Книга II

ОТЪЕЗД

Напрасно я искал на пиршествах в вине
Мучительной тоски отрадного забвенья:
Мне взор мой изменял среди увеселенья,
Я от забав спешил лить слезы в тишине.

Напрасно, в час полночи скучный,
На лире прославлял свободный свой удел,
Изменницу невольно пел,
В мечтаньи с нею неразлучный.
Доколь с неверною в стране моих отцов
Под тем же небом жить я буду,
Дотоль ее не позабуду.

Но если кто из вас, друзья мои, готов
Страдальца оживить мечтательностью лъстивой,
Мы поплывем к полям Италии счастливой
Отыскивать следы героев и богов.

Итак, прости, о брег родимый,
Развейте резвый флаг! готовьте корабли!
Неситесь, странники, чрез путь необозримый,
В далекий край земли.

Зефир услужливый ветрила надувает,
Тяжелый руль браздой пучину рассекает,
И — приближаемся к желанным берегам.

Compagnons, courbez-vous sur des rames pareilles ;
Fendez légèrement le dos des flots amers ;
Abandonnez la voile au souffle qui l'entraîne.

Le zéphyr règne dans les airs ;
Et, mollement porté sur la mer de Tyrrhène,
Je découvre déjà la ville des Césars,
Rome, en guerriers fameux autrefois si féconde,
Rome, encore aujourd'hui l'empire des beaux-arts,
L'oracle de vingt rois et le temple du monde.
Voilà donc les foyers des fils de Scipion,
Et des fiers descendants du demi-dieu du Tibre !
Voilà ce Capitole, et ce beau Panthéon,
Où semble encore errer l'ombre d'un peuple libre !
Oh ! qui me nommera tous ces marbres épars,
Et ces grands monuments dont mon âme est frappée ?
Montons au Vatican ; courons au Champ-de-Mars,
Au portique d'Auguste, à celui de Pompée.
Sont-ce là les jardins où Catulle autrefois
Se promenait le soir à côté d'Hypsithille ?
Citoyens (s'il en est que réveille ma voix),
Montrez-moi la maison d'Horace et de Virgile.

Avec quel doux saisissement,
Ton livre en main, voluptueux Horace,
Je parcourrai ces bois et ce coteau charmant
Que ta muse a décrits dans des vers pleins de grâce,
De ton goût délicat éternel monument !

J'irai dans tes champs de Sabine,
Sous l'abri frais de ces longs peupliers
Qui couvrent encore la ruine
De tes modestes bains, de tes humbles celliers ;
J'irai chercher d'un œil avide
De leurs débris sacrés un reste enseveli,
Et, dans ce désert embelli
Par l'Anio grondant dans sa chute rapide,
Respirer la poussière humide
Des cascades de Tivoli.

Puissé-je hélas ! au doux bruit de leur onde
Finir mes jours, ainsi que mes revers !

Ce petit coin de l'univers
Rit plus à mes regards que le reste du monde.

Уже град Цесарей предстал моим очам,
 Рим древний, колыбель воспитанников славы,
 Времен остаток величавый,
 Рим, в наши дни еще искусств изящных храм.
 Вот Сципионовых сынов я зрю кладбище,
 Потомков Ромула роскошное гульбище;

 Вот Капитолий, Пантеон,
 Где, мнится, как сквозь сон,
 Еще блуждает тень великого народа,
 Кому хоругвь была отечества свобода.
 О кто священные места мне назовет
 И те развалины, где памятников боле!
 Пойдем ли в Ватикан; на Марсовое ль поле?
 Туда ль, где зрим еще великолепный вход
 Чертогов Августа, Помпея;
 Тот сад ли посетим, где Лесбии молодой
 Пел о любви Катулл, восторгом пламенея?..
 Граждане! если вы чувствительной душой
 Воспомяненья те со мною разделили,
 Скажите мне, где жил Гораций и Вергилий.

С каким восторгом буду там
 С твоею лирою, о сладостный Гораций,
 Бродить по тем дубравам и холмам,
 Которые ты пел, любимец муз и граций!
 Пойду в твои Сабинские поля,
 Где грустных тополей под тению сгущенной
 Развалины и мхом обросшая земля
 Напомнят мне твой кров смиренный.
 Я буду Анио стремленья созерцать,
 Внимать журчанью волн, пустыне жизнь дающих,
 И пылью влажною дышать
 Вод бурных Тиволи, с вершин утесов бьющих.

Счастлив, когда б судил мне рок
 Навеки обитать тот брег уединенный.
 Там мирный уголок
 Предпочитал бы я вселенной.

L'olive, le citron, la noix chère à Palès,
Y rompent de leur poids les branches gémissantes ;
Et sur le mont voisin les grappes mûrissantes
Ne portent point envie aux raisins de Calès.
Là, le printemps est long, et l'hiver sans froidure ;
Là, croissent des gazons d'éternelle verdure ;
Là, peut-être, l'étude, et l'absence et le temps
Pourront bannir de ma mémoire
Un amour insensé qui ternit trop ma gloire,
Et dont le vain délire abrégé mes instants.

Livre III

ÉLÉGIE XXII

ÉLOGE DE LA CAMPAGNE. A CATILIE

Laissons, ô mon aimable amie,
L'habitant des cités, en proie à ses désirs,
S'agiter tristement et tourmenter sa vie,
Pour se faire à grands frais d'insipides plaisirs.
Les champs du vrai bonheur sont le riant asile :
L'œil y voit sans regret naître et mourir le jour ;
Leur silence convient à la vertu tranquille,
Au noble esprit qui pense, et surtout à l'amour.
Dis-moi, quand sous l'épais ombrage
Tous deux assis, mon bras autour de toi passé,
Nous entendons du ciel soudain fondre un nuage,
Et la pluie, à grand bruit, inonder le feuillage
Qui garantit ton front vainement menacé ;
Quand, sous un antre frais que tapisse le lierre,
D'un soleil accablant évitant la chaleur,
Faible, les yeux remplis d'une tendre langueur,
Sans vouloir sommeiller tu fermes ta paupière,
Et viens nonchalamment reposer sur mon cœur :
Conçois-tu des moments plus heureux pour ma flamme,
Et de plus douces voluptés ?
Regretterons-nous, ô mon âme,
Le fracas, l'air impur et l'ennui des cités ?
Soit qu'errant le matin dans ce verger fertile
Dont les arbres touffus embarrassent tes pas,
J'élève sur ta tête une branche indocile,
Ou qu'en la ramenant, à tes doigts délicats
J'offre, esclave attentif, un prix doux et facile ;

Цветущих маслин лес там привлекает взгляд,
 Ветвь гибкую златый лимон отягощает
 И на горах янтарный виноград
 За труд обильную награду обещает.
 Там юная весна сокрыться не спешит,
 Суровая зимы жестокость не страшит.
 Там, может быть, изящные науки
 И время, врач страстей, и действие разлуки
 Успели б дни мои от Парки сохранить,
 Которая грозит их в цвете погубить.

Д. П. Глебов

Книга III

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

Оставим, милый друг,
 Тщеславцев городских на жертву сладострастья
 Которым заражен безумцев светских круг,
 В деревне мы найдем сень истинного счастья.
 Там взор без сожаленья зрит,
 Как светлый день в полях рождается, умирает,
 Для добродетели их безмятежный вид
 Приют отрадный обещает.
 Там благородный ум свободней рассуждает
 И сердце в нас сильней любовью горит.
 Скажи, когда в тени сгущенной
 Сижу, обняв тебя рукой,
 Удар раздастся громовой
 И градом дождь сопровождаемый
 Вотще низвергнется над нашею главой,
 Древ благодетельный покров тебя спасает
 И на челе твоём сияет
 Невинности покой...
 Иль как в усталости от зноя,
 Уйдя к прохладе в темный грот,
 Куда таинственный Эрот
 Тебя привел, сень отдыха устроая, —
 Ты, с нежной томностью в очах,
 Без сна забвения свои зеницы кроешь
 И, нежась, на груди моей себя покоишь...

Soit que, le jour tombant, à nos travaux chéris
 La cornemuse nous rappelle ;
Que dispersant les grains que ta robe recèle,
Ta voix se fasse entendre aux oiseaux de Cypris,
Ou que sur l'herbe enfin, plus touchante et plus belle,
Rangeant autour de toi tes sujets favoris,
Un lait pur à grands flots entre tes doigts ruisselle.
Heureux qui peut dormir à l'ombre des forêts,
Et sentir près de soi l'objet de sa tendresse !
Heureux qui, vers midi, par des détours secrets,
Peut sur le bord des eaux égarer sa maîtresse !
Si le ruisseau, roulant sur un lit de gravier,
Présente à son amour, au milieu du bocage,
Un endroit où le frêne et le souple alizier
Se plaisent à mêler leur fraternel ombrage,
 Quels vœux peut-il encor former ?
 Qu'il regarde : il est seul au monde ;
Tout l'invite à jouir, tout le presse d'aimer,
Le silence des bois, le murmure de l'onde,
La fraîcheur des gazons qui couronnent ses bords ;
Et le seul rossignol, témoin de ses transports,
Par ses chants redoublés lui-même les seconde.
O dieux ! ah ! donnez-moi souvent un tel bonheur,
Et portez, j'y consens, des trésors à l'avare,
A l'esclave des cours une longue faveur,
Aux cœurs ambitieux le sceptre ou la tiare !
Mais quels éclats joyeux ! quel tumulte au hameau !
J'entends déjà crier le violon champêtre ;
Le vin coule ; on se mêle, on danse sous l'ormeau ;
Les travaux ont cessé ; tous les jeux vont renaître.
Vois-tu, dans ces prés verts que la faux a tondus,
 En pyramides jaunissantes
S'élever jusqu'aux cieux ces herbes odorantes,
Et ces foins au soleil par trois fois étendus ?
Vois-tu, sous la richesse à leur zèle promise,
 Mes taureaux contents de plier,
Vers la grange apporter, d'une tête soumise,
Ces dons qu'un bras soigneux en faisceaux doit lier ?
Tout le char disparaît sous la moisson traînante,
Et, suivant à pas lents des sentiers mal tracés,
 Laisse, dans sa marche tremblante,
De sa dépouille au loin les arbres hérissés.

О милый друг! каких еще, в цветущих днях,
 Желать мне роскоши сердечных упоений,
 И будем ли, мой кроткий гений,
 О шумном городе вздыхать,
 Где в пресыщеньи чувств осуждены скучать!
 Счастлив, кто к тихой сени
 С подругой медленно идет
 Предаться сладости дневных отдохновений,
 Счастлив, когда на бреге светлых вод,
 Прекрасной указав путь в рощу незнакомый,
 Теряется по нем, любовью влекомый.
 Иль за ручьем все далее идет
 И, потеряв его в пути безвестном,
 Он зрит себя в убежище прелестном,
 Где, дружески обнявшись с дубом, клен
 На лоно вод склонен.

В часы те что еще ему иметь в предмете?
 Пусть смотрит: он один на свете.
 Все наслаждается, все страстью говорит:
 Безмолвие лесов, источника журчанье
 И негой дышащий полей спокойный вид,
 И Филомелы глас — лесов очарованье...
 Все, все любовь воспламенит!
 О боги! те часы вы чаще мне дарите,
 За эту цену пусть велите
 Сокровища земли дать алчущим глупцам,
 А блески почестей завистливым льстецам.

Но вот час вечера — работы прекратились,
 И с песнями к домам селяне возвратились.
 О друг! ты видишь ли на скошенных лугах
 Скирдов сей ряд огромный,
 Душистый коих злак на жар полудни знойный
 Был трижды выставлен в грядах?
 Ты зришь ли сих волов, Цереры дар везущих,
 В гумно с покорностью идущих,
 Согбенных тяжкою наградою трудов?..
 Идем! к себе зовет нас зелень сих лугов:
 Стогов верх гордый, величавый —
 Веселья поприще для юности живой.
 Вот сумрак — поспешим, невинные забавы
 Окончат день златой.

Viens, descendons dans la prairie :
Ces meulons orgueilleux sont dressés pour l'amour.
L'ombre croît : hâtons-nous ; donnons à la folie,
Aux plaisirs innocents ce reste d'un beau jour.
Qu'il est doux de gravir ces montagnes mobiles,
De forcer dans nos jeux leurs flancs à s'écrouler,
Et vainqueurs, arrivés aux sommets difficiles,
Sur la verdure au loin de se laisser rouler !
Doux jeux, plaisirs touchants, délicieuse ivresse,
Et vous, Grâces, Amours, charme de l'univers,
Tandis qu'il en est temps, entourez-moi sans cesse ;
Embellissez mes jours, dictez mes derniers vers.
La douce illusion ne sied qu'à la jeunesse ;
Et déjà l'austère Sagesse
Vient tout bas m'avertir que j'ai vu trente hivers.

Как весело всходить на подвижные горы
И рушить в резвостях густые недра их!
Как победители, склонить лишь долу взоры
И в луг скатиться вмиг!..
О игры сельские! о сердца упоенье!
И вы, кем свет нам мил,
Амуры, грации — доколе час не бил —
Вы сейте на пути сей жизни наслажденье;
Вам, вам я посвящу последний лиры звук.
В дни первой юности мы можем жить мечтою,
Но опытность, рассудка друг,
Уже вещает мне порою:
Спеши, спеши любить,
Утраченных часов любви не возвратить.

Д. П. Глебов

ANDRÉ CHÉNIER

IDYLLES

* * *

Accours, jeune Chromis, je t'aime et je suis belle ;
Blanche comme Diane et légère comme elle,
Comme elle grande et fière ; et les bergers, le soir,
Lorsque, les yeux baissés, je passe sans les voir,
Doutent si je ne suis qu'une simple mortelle,
Et, me suivant des yeux, disent: «Comme elle est belle !
Néère, ne vas point te confier aux flots
De peur d'être déesse ; et que les matelots
N'invoquent, au milieu de la tourmente amère,
La blanche Galatée et la blanche Néère. »

L'AVEUGLE

<Fragment>

« Dieu, dont l'arc est d'argent, Dieu de Claros, écoute,
O Sminthée-Apollon, je périrai sans doute,
Si tu ne sers de guide à cet aveugle errant. »
C'est ainsi qu'achevait l'aveugle en soupirant,
Et près des bois marchait, faible, et sur une pierre

АНДРЕ ШЕНЬЕ

ИДИЛЛИИ

ВОЛЬНОЕ ПОДРАЖАНИЕ АНДРЕЮ ШЕНЬЕ

Ко мне, стрелок молодой, спеши! любим ты мною,
Любим, а я равна Диане красою:
И так же я бела, и так же я стройна,
И в резвости живой стыдлива, как она.
И в час вечерний дня, с поникшими очами,
Долиной темною, теряясь меж кустами,
Как мимо пастухов я тихо прохожу,
И, дева робкая, на дерзких не гляжу, —
Тогда кажусь я им не смертною простою:
«О, как прелестна ты! — несется вслед за мною. —
Неера! берегись вверять себя волнам:
Ты новым божеством покажешься пловцам, —
И будут умолять от бури неизбежной
Богиню светлых вод с Неерой белоснежной».

И. И. Козлов

* * *

«Внѣмли, о Гелиѳс, серебряным луком звенящий,
Внѣмли, боже кларосский, молению старца, погибнет
Ныне, ежели ты не предыдешь слепому вожатым».
Рек и сел на камне слепец утомленный. — Но следом

S'asseyait. Trois pasteurs, enfants de cette terre,
Le suivaient, accourus aux abois turbulents
Des Molosses, gardiens de leurs troupeaux bêlants.
Ils avaient, retenant leur fureur indiscrète,
Protégé du vieillard la faiblesse inquiète ;
Ils l'écoutaient de loin, et s'approchant de lui :
« Quel est ce vieillard blanc, aveugle et sans appui ?
Serait-ce un habitant de l'empire céleste ?
Ses traits sont grands et fiers ; de sa ceinture agreste
Pend une lyre informe, et les sons de sa voix
Emeuvent l'air et l'onde et le ciel et les bois. »

Mais il entend leurs pas, prête l'oreille, espère,
Se trouble, et tend déjà les mains à la prière.
« Ne crains point, disent-ils, malheureux étranger ;
(Si plutôt sous un corps terrestre et passager
Tu n'es point quelque dieu protecteur de la Grèce,
Tant une grâce auguste ennoblit ta vieillesse !)
Si tu n'es qu'un mortel, vieillard infortuné,
Les humains près de qui les flots t'ont amené,
Aux mortels malheureux n'apportent point d'injures.
Les destins n'ont jamais de faveurs qui soient pures... »

· LYDÉ

Mon visage est flétri des regards du soleil.
Mon pied blanc sous la ronce est devenu vermeil.
J'ai suivi tout le jour le fond de la vallée ;
Des bêlements lointains partout m'ont appelée.
J'ai couru : tu fuyais sans doute loin de moi :
C'était d'autres pasteurs. Où te chercher, ô toi,
Le plus beau des humains ? Dis-moi, fais-moi connaître
Où sont donc tes troupeaux, où tu les mènes paître.

O jeune adolescent ! tu rougis devant moi.
Vois mes traits sans couleur ; ils pâlissent pour toi :
C'est ton front virginal, ta grâce, ta décence ;
Viens. Il est d'autres jeux que les jeux de l'enfance.
O jeune adolescent, viens savoir que mon cœur
N'a pu de ton visage oublier la douceur.
Bel enfant, sur ton front la volupté réside.

Шли за ним три пастыря, дети страны той пустынной,
Скоро сбежались на лай собак, их стада стерегущих.
Ярость уняв их, они защитили бессилие старца;
Издали внемля ему, приближались; и думали: «Кто же
Сей белоглавый старик, одинокий, слепой — уж не
бог ли?»

Горд и высок; висит на поясе бедном простая
Лира, и голос его возмущает волны и небо». —
Вот шаги он услышал, ухо клонит и, смутясь, уж
Руки простер для моленья странник несчастный. «Не
бойся,
Ежели только не скрыт в земном и дряхлеющем теле
Бог, покровитель Греции — столь величаявая прелесть
Старость твою украшает, — вещали они незнакомцу; —
Если ж ты смертный — то знай, что волны тебя
принесли
К людям дружелюбным».

А. С. Пушкин

ПЕСНЬ ВАКХАНКИ

Лицо мое горит на солнечных лучах,
И белая нога от терния страдает!
Ищу тебя давно в соседственных лугах,
Но только эхо гор призыв мой повторяет.
О милый юноша! меня стыдишься ты...
Зачем меня бежишь? взглядишь в мои черты!
Прочти мой томный взгляд, прочти мои мученья!
Приди скорей! тебя ждет прелесть наслажденья.
Брось игры детские, о юноша живой;
Узнай, — во мне навек остался образ твой.
Ах, на тебе печать беспечности счастливой,
И взор твоих очей как девы взор стыдливый;

Ton regard est celui d'une vierge timide.
Ton sein blanc, que ta robe ose cacher au jour,
Semble encore ignorer qu'on soupire d'amour.
Viens le savoir de moi. Viens, je veux te l'apprendre ;
Viens remettre en mes mains ton âme vierge et tendre,
Afin que mes leçons moins timides que toi
Te fassent soupirer et languir comme moi ;
Et qu'enfin rassuré, cette joue enfantine
Doive à mes seuls baisers cette rougeur divine.
O je voudrais qu'ici tu vinses un matin
Reposer mollement ta tête sur mon sein !
Je te verrais dormir, retenant mon haleine ;
De peur de t'éveiller, ne respirant qu'à peine.
Mon écharpe de lin que je ferais flotter,
Loin de ton beau visage aurait soin d'écarter
Les insectes volants et la jalouse abeille.

EUPHROSINE

Ah ! ce n'est point à moi qu'on s'occupe de plaire.
Ma sœur plus tôt que moi dut le jour à ma mère.
Si quelques beaux bergers apportent une fleur,
Je vois qu'en me l'offrant ils regardent ma sœur.
S'ils vantent les attraits dont brille mon visage,
Ils disent à ma sœur : *C'est ta vivante image.*
Ah ! pourquoi n'ai-je encore vu que douze moissons !
Nul amant ne me flatte en ses douces chansons.
Nul ne dit qu'il mourra si je suis infidèle.
Mais j'attends. L'âge vient. Je sais que je suis belle.
Je sais qu'on ne voit point d'attraits plus désirés
Qu'un visage arrondi, de longs cheveux dorés,
Dans une bouche étroite un double rang d'ivoire
Et sur de beaux yeux bleus une paupière noire.

Твоя молодая грудь не ведает огня
 Любви мучительной, который жжет меня.
 Приди, о юноша, прелестный, черноокий,
 Приди из рук моих принять любви уроки!
 Я научу тебя восторги разделять,
 И будем вместе млеть и сладостно вздыхать!..
 Пускай уверюсь я, что поцелуй мой страстный
 В тебе произведет румянца блеск прекрасный!
 О, если б ты пришел вечернею порой
 И задремал, склонясь на грудь мою главой,
 Тогда бы я тебе украдкой улыбалась!
 Тогда б я притаить дыхание старалась.

А. Г. Ротчев

ИДИЛЛИЯ

(Из Андрея Шенье)

Стремятся не ко мне с любовью и хвалами,
 И много от сестры отстала я годами.
 Душистый ли цветок мне юноша дарит,
 Он мне его дает, а на сестру глядит;
 Любуется ль моей младенческой красою,
 Всегда примолвит он: как сходна я с сестрою.
 Увы! двенадцать раз лишь мне весна цвела;
 Мне в песнях не поют, что я сердцам мила,
 Что я плененных мной изменой убиваю.
 Но что же, подождем, — мою красу я знаю;
 Я знаю, у меня, во блеске молодом,
 Есть алые уста с их ровным жемчугом,
 И розы на щеках, и кудри золотые,
 Ресницы черные, и очи голубые...

И. И. Козлов

FRAGMENTS D'IDYLLES

* * *

Ôta, mont ennobli par cette nuit ardente,
Quand l'infidèle époux d'une épouse imprudente
Reçut de son amour un présent trop jaloux,
Victime du centaure immolé par ses coups.
Il brise tes forêts : ta cime épaisse et sombre
En un bûcher immense amoncelle sans nombre
Les sapins résineux que son bras a ployés.
Il y porte la flamme ; il monte : sous ses pieds
Etend du vieux lion la dépouille héroïque ;
Et l'œil au ciel, la main sur sa massue antique,
Attend sa récompense et l'heure d'être un dieu.
Le vent souffle et mugit. Le bûcher tout en feu
Brille autour du héros ; et la flamme rapide
Porte aux palais divins l'âme du grand Alcide !

* * *

J'étais un faible enfant qu'elle était grande et belle.
Elle me souriait et m'appelait près d'elle.
Debout sur ses genoux, mon innocente main
Parcourait ses cheveux, son visage, son sein,
Et sa main quelquefois aimable et caressante
Feignait de châtier mon enfance imprudente.
C'est devant ses amants, auprès d'elle confus,
Que la fière beauté me caressait le plus.
Que de fois (mais hélas ! que sent-on à cet âge ?)
Les baisers de sa bouche ont pressé mon visage ;
Et les bergers disaient, me voyant triomphant :
« O que de biens perdus ! O trop heureux enfant ! »

ФРАГМЕНТЫ ИДИЛЛИЙ

ИЗ А. ШЕНЬЕ

Покров, упитанный язвительною кровью,
 Кентавра мстящий дар, ревнивою любовью
 Алкиду передан. Алкид его приял.
 В божественной крови яд быстрый побежал.
 Се — ярый мученик, в ночи скитаясь, воет;
 Стопами тяжкими вершину Эты роет;
 Гнет, ломит древеса; исторженные пни
 Высоко громоздит; его рукой они
 В костер навалены; он их зажег; он всходит;
 Недвижим на костре он в небо взор возводит;
 Под мышцей палица; в ногах немейский лев
 Разостлан. Дунул ветер; поднялся свист и рев;
 Треща горит костер; и вскоре пламя, воя,
 Уносит к небесам бессмертный дух героя.

А. С. Пушкин

ПОТЕРЯННЫЕ ПОЦЕЛУИ

(Из Шенье)

Я был малюткою, она ж в своей весне
 И девственной блистала красотою;
 Звала меня к себе и улыбалась мне.
 Склоняясь к ней на грудь, я смелою рукою
 Златые локоны прелестной развивал,
 И часто взгляд ее с стыдливостью немою
 Мне резвость детскую невинно упрекал.
 Но, гордая, она нежней меня ласкала
 При взорах юношей, вздыхающих вокруг ней.
 О сколько раз (но грудь еще любви не знала)
 Прекрасная, обняв меня рукой своей,
 Устами нежными приятно целовала;
 И говорили все, на мой триумф глядя:
 О, сколько благ на ветр! счастливое дитя!

Д. П. Ознобишин

* * *

Je sais, quand le midi leur fait désirer l'ombre,
Entrer à pas muets sous le roc frais et sombre,
D'où, parmi le cresson et l'humide gravier
La naïade se fraie un oblique sentier.
Là j'épie à loisir la nymphe blanche et nue,
Sur un banc de gazon mollement étendue,
Qui dort ; et sur sa main, au murmure des eaux,
Laisse tomber son front couronné de roseaux.

* * *

Fille du vieux pasteur, qui d'une main agile
Le soir emplis de lait trente vases d'argile,
Crains la génisse pourpre, au farouche regard,
Qui marche toujours seule et qui pâit à l'écart.
Libre, elle lutte et fuit intraitable et rebelle ;
Tu ne presseras point sa féconde mamelle,
A moins qu'avec adresse un de ses pieds lié
Sous un cuir souple et lent ne demeure plié.

(TIRÉ DE MOSCHUS)

Nouveau cultivateur, armé d'un aiguillon,
L'Amour guide le soc et trace le sillon ;
Il presse sous le joug les taureaux qu'il enchaîne.
Son bras porte le grain qu'il sème dans la plaine.
Levant le front, il crie au monarque des dieux :
« Toi, mûris mes moissons, de peur que loin des cieux
Au joug d'Europe encore ma vengeance puissante
Ne te fasse courber ta tête mugissante. »

* * *

Есть грот: Найда там в полдневные часы
 Дремоте предает усталые красы,
 И часто вижу я, как нимфа молодая
 На ложе лиственном покоится нагая,
 На руку белую, под говор ключевой,
 Склоняясь челом, венчанным осокой.

Е. А. Баратынский

* * *

Седого пастуха дочь юная! Слегка
 Ты тридцать пребольших кувшинов молока —
 Что вечер — надоишь. Но тут одна из стада
 Есть телка бурая: ее беречься надо;
 Она так зло глядит, — пасется все дичась —
 Поодаль от других. Пред нею наклонясь
 Не тронь, не нажимай сосцов ее обильных,
 Пока одной из ног брыкающих и сильных
 Не стянут ловко ей, опасность отклоня,
 Охранной петлею упругого ремня!

В. Г. Бенедиктов

* * *

Амур взялся за плуг — и, земледелец новый,
 Запряг в ярмо волов, на них взял бич суровый,
 И чуть лишь свежая бразда проведена —
 Он, щедрою рукой кидая семена,
 Властительно кричит к Юпитеру: «Послушай!
 Не порти жатву мне ни влагою, ни сушей!
 Не то — с Европой вновь явлюсь я — мститель твой —
 И вновь ты склонишься мычащей головой!»

В. Г. Бенедиктов

ÉLÉGIES

ÉLÉGIE V

Jeune fille, ton cœur, avec nous veut se taire.
Tu fuis, tu ne ris plus ; rien ne saurait te plaire.
La soie à tes travaux offre en vain des couleurs ;
L'aiguille sous tes doigts n'anime plus des fleurs.
Tu n'aimes qu'à rêver, muette, seule, errante ;
Et la rose pâlit sur ta bouche mourante.
Ah ! mon œil est savant et depuis plus d'un jour,
Et ce n'est pas à moi qu'on peut cacher l'amour.
Les belles font aimer. Elles aiment. Les belles
Nous charment tous. Heureux qui peut être aimé d'elles !
Sois tendre ; même faible ; on doit l'être un moment ;
Fidèle, si tu peux. Mais conte-moi comment,
Quel jeune homme aux yeux bleus, empressé, sans audace,
Aux cheveux noirs, au front plein de charme et de grâce ?...
Tu rougis ? on dirait que je t'ai dit son nom.
Je le connais pourtant. Autour de ta maison
C'est lui qui va, qui vient, et laissant ton ouvrage,
Tu cours, sans te montrer, épier son passage.
Il fuit vite ; et ton œil, sur sa trace accouru,
Le suit encore longtemps quand il a disparu.
Nul en ce bois voisin où trois fêtes brillantes
Font voler au printemps nos nymphes triomphantes,
Nul n'a sa noble aisance et son habile main
A soumettre un coursier aux volontés du frein.

ÉLÉGIE XI

Ah ! portons dans les bois ma triste inquiétude.
O Camille ! l'amour aime la solitude.
Ce qui n'est point Camille est un ennui
pour moi.
Là, seul, celui qui t'aime est encore avec toi.
Que dis-je ! Ah ! seul et loin d'une ingrate chérie,
Mon cœur sait se tromper. L'espoir,
la rêverie,
La belle illusion la rendent à mes feux ;
Mais sensible, mais tendre, et comme je la veux :

ЭЛЕГИИ

* * *

Ты вянешь и молчишь; печаль тебя сдает;
 На девственных устах улыбка замирает.
 Давно твоей иглой узоры и цветы
 Не оживлялися. Безмолвно любишь ты
 Грустить. О, я знаток в девической печали;
 Давно глаза мои в душе твоей читали.
 Любви не утайшь: мы любим, и как нас,
 Девицы нежные, любовь волнует вас.
 Счастливы юноши! Но кто, скажи, меж ими
 Красавец молодой с очами голубыми,
 С кудрями черными?.. Краснеешь? Я молчу,
 Но знаю, знаю все; и если захочу,
 То назову его. Не он ли вечно бродит
 Вкруг дома твоего и взор к окну возводит?
 Ты втайне ждешь его. Идет, и ты бежишь,
 И долго вслед за ним незримая глядишь.
 Никто на празднике блистательного мая,
 Меж колесницами роскошными летая,
 Никто из юношей свободней и смелей
 Не властвует конем по прихоти своей.

А. С. Пушкин

ПОДРАЖАНИЕ ШЕНЬЕ

Дорида! я спешу в безмолвный мрак лесов;
 С уединением сдружается любовь.
 Весь мир, как дар пустой, лежит передо мною;
 Лишь там любовник твой мечтает быть с тобою,
 Там, в одиночестве, коварную любя,
 Богат на вымыслы, я счастлив без тебя.
 Надежда светлая и сны воображенья
 Являют сердцу там волшебные виденья.
 Со мною снова ты; но пылкая любовь,
 Забыв и строгий взгляд, и звук холодных слов,

De ses refus d'apprêt oubliant l'artifice,
Indulgente à l'amour, sans fierté, sans caprice,
De son sexe cruel n'ayant que les appas.
Je la feins quelquefois attachée à mes pas ;
Je l'égare et l'entraîne en des routes secrètes.
Absente, je la tiens en des grottes muettes...
Mais présente, à ses pieds m'attendent les rigueurs
Et, pour des songes vains, de réelles douleurs.
Camille est un besoin dont rien ne me soulage.
Rien à mes yeux n'est beau que de sa seule image.
Près d'elle, tout comme elle est touchant, gracieux ;
Tout est aimable et doux et moins doux que ses yeux.
Sur l'herbe, sur la soie, au village, à la ville,
Partout, reine ou bergère, elle est toujours

Camille.

Et moi toujours l'amant, trop prompt à s'enflammer,
Qu'elle outrage, qui l'aime et veut toujours
l'aimer.

ÉLÉGIE XIII,
TIRÉE
D'UNE IDYLLE DE MOSCHUS

Bel astre de Vénus, de son front délicat
Puisque Diane encore voile le doux éclat,
Jusques à ce tilleul, au pied de la colline,
Prête à mes pas secrets ta lumière divine.
Je ne vais point tenter de nocturnes larcins,
Ni tendre au voyageur des pièges assassins.
J'aime : je vais trouver des ardeurs mutuelles,
Une nymphe adorée, et belle entre les belles
Comme parmi les feux que Diane conduit,
Brillent tes feux si purs, ornement de la nuit.

Любуясь девою чувствительной и томной,
 И ласкам нежности тогда лишь благосклонной,
 С ней бродит по тропам заброшенных дорог
 Иль укрывается в пустынный уголок,
 Куда ни дровосек, ни луч не проникает,
 Или прекрасную в объятья заключает
 Под сумраком немым муравчатых пещер.
 Когда ж у ног твоих безумный суевер
 Встречает наяву твой взор неоцененный,
 В замену сладких снов находит, обольщенный,
 Тоску всегдашнюю, мучительный обман;
 Какой таинственный, всеильный талисман,
 Скажи, Дорида, мне, глаза твои скрывают?
 Они лазурь небес и землю украшают.
 Лежишь ли ты в селе на полевых цветах
 Иль в пышном городе на шелковых коврах,
 Пастушка скромная, иль гордая Армида,
 Ты все владычица, ты все, ты все — Дорида;
 А я лишь раб любви, поклонник вечный твой,
 Плененный призраком, отверженный тобой!

И. А. Бек

ЭЛЕГИЯ

О ты, звезда любви, еще на небесах,
 Диана, не блистишь в пленительных лучах!
 В долины под холмом, где ток шумит игривый,
 Сияние пролей на путь мой торопливый.
 Нейду я похищать чужое в тьме ночной
 Иль путника губить преступною рукой,
 Но я люблю, любим, мое одно желанье —
 С прелестной нимфою в тиши найти свиданье;
 Она прекрасных всех прекраснее, милей,
 Как ты полночных звезд красою всех светлей.

И. И. Козлов

ÉLÉGIE XIV

<Fragment>

O muses, accourez ; solitaires divines,
Amantes des ruisseaux, des grottes, des collines.
Soit qu'en ses beaux vallons Nisme égare vos pas,
Soit que de doux pensers, en de rians climats,
Vous retiennent aux bords de Loire ou de Garonne ;
Soit que parmi les chœurs de ces nymphes du Rhône
La lune sur les prés où son flambeau vous luit,
Dansantes, vous admire au retour de la nuit.
Venez. J'ai fui la ville aux Muses si contraire,
Et l'écho fatigué des clameurs du vulgaire.
Sur les pavés poudreux d'un bruyant carrefour
Les poétiques fleurs n'ont jamais vu le jour.
Le tumulte et les cris font fuir avec la lyre
L'oisive rêverie au suave délire ;
Et les rapides chars et leurs cercles d'airain
Effarouchent les vers qui se taisent soudain.
Venez. Que vos bontés ne me soient point avares.
Mais, ô faisant de vous mes pénates, mes lares,
Quand pourrai-je habiter un champ qui soit à moi !
Et villageois tranquille, ayant pour tout emploi
Dormir et ne rien faire, inutile poète,
Goûter le doux oubli d'une vie inquiète ?
Vous savez si toujours dès mes plus jeunes ans
Mes rustiques souhaits m'ont porté vers les champs ;
Si mon cœur dévorait vos champêtres histoires ;
Cet âge d'or si cher à vos doctes mémoires ;
Ces fleuves, ces vergers, Eden aimé des cieux,
Et du premier humain berceau délicieux.
L'épouse de Booz, chaste et belle indigente,
Qui suit d'un pas tremblant la moisson opulente ;
Joseph qui dans Sichem cherche et retrouve, hélas !
Ses dix frères pasteurs qui ne l'attendaient pas.
Rachel, objet sans prix qu'un amoureux courage
N'a pas trop acheté de quinze ans d'esclavage.
Oh ! oui ; je veux un jour, en des bords retirés,
Sur un riche coteau ceint de bois et de prés,

К МУЗАМ

Les biens de l'âge d'or ne sont pas des chimères.

Saint Lambert

О вы, пустынноицы долин уединенных,
 Пещер таинственных и дремлющих лесов,
 О Музы! бродите ль в мечтаньях сокровенных,
 Внимая ропоту ленивых ручейков,
 Иль резвитесь в дугу веселыми толпами,
 Когда луч месяца поляны серебрит,
 И злак уступчивый с покорностью скользит,
 Склонясь под вашими воздушными стопами, —
 Явитесь... я зову вас пламенной душой!
 Средь града шумного, на пыльной мостовой,
 Вы мне не встретитесь, спокойствия подруги!
 Вам звонких колесниц противен шум колес,
 И вы скрываетесь, посланницы небес!
 Зову... явитесь мне, готов я к вам в услуги,
 Неистощимые в божественных дарах!
 О! будьте вы мои и Лары и Пенаты!
 В глухой безвестности, на отческих полях,
 Вы дайте мне в удел приют, хоть не богатый,
 Но где, счастливых дней незнаемый певец,
 С цевницею в руке я встречу дней конец.
 Вы знаете, что я и юности во цвете,
 Желаний далее своих не простирал,
 И счастье полей всему предпочитал.
 Да будет у меня и в сердце, и в предмете,
 Тот век, блаженный век, та смертных колыбель,
 Где были все их дни невинностью хранимы
 И добродетели одни боготворимы;
 Где чистая любовь была всей жизни цель.
 Наступит ли сей век беспечный и счастливый?
 Дадите ль, Музы, мне вы сей смиренный кров,
 Близь коего, резвясь по бархату лугов,
 Лазоревым серебром сверкнет ручей игривый?
 От зависти людской лесами огражден,
 И чуждый знатности высокомерной скуки,

Avoir un humble toit, une source d'eau vive
Qui parle, et dans sa fuite et féconde et plaintive
Nourrisse mon verger, abreuve mes troupeaux.
Là je veux, ignorant le monde et ses travaux,
Loin du superbe ennui que l'éclat environne,
Vivre comme jadis, aux champs de Babylone,
Ont vécu, nous dit-on, ces pères des humains
Dont le nom aux autels remplit nos fastes saints.
Avoir amis, enfants, épouse belle et sage ;
Errer, un livre en main, de bocage en bocage ;
Savourer sans remords, sans crainte, sans désirs,
Une paix dont nul bien n'égale les plaisirs.
Douce mélancolie ! aimable mensongère,
Des antres des forêts déesse tutélaire,
Qui vient d'une insensible et charmante langueur,
Saisir l'ami des champs et pénétrer son cœur :
Quand sorti vers le soir des grottes reculées
Il s'égaré à pas lents au penchant des vallées,
Et voit des derniers feux le ciel se colorer,
Et sur les monts lointains un beau jour expirer.
Dans sa volupté sage, et pensive et muette,
Il s'assied. Sur son sein laisse tomber sa tête.
Il regarde à ses pieds dans le liquide azur
Du fleuve qui s'étend comme lui calme et pur,
Se peindre les coteaux, les toits et les feuillages,
Et la pourpre en festons couronnant les nuages.
Il revoit près de lui, tout à coup animés,
Ces fantômes si beaux à nos pleurs tant aimés,
Dont la troupe immortelle habite sa mémoire.

.

ÉLÉGIE XX

DANS LE GOÛT ANCIEN

Pleurez, doux Alcyons, ô vous, oiseaux sacrés,
Oiseaux chers à Thétis ; doux Alcyons, pleurez !

Elle a vécu, Myrto, la jeune Tarentine !
Un vaisseau la portait aux bords de Camarine :

Не буду знать в глуши честолубивой муки.
 Подругой, милыми птенцами окружен,
 Я понесу в поля глубокие мечтанья, —
 И лиру оживит их творческий порыв!
 Пусть чашу радости, без страха и желанья,
 Я выпью всю до дна, по капле истощив.
 О сумрачных лесов присутственный хранитель,
 Отрада горестных и злополучных друг,
 Задумчивость! тобой полей спокойный житель
 Волненьем сладостным лелеет томный дух,
 Когда в час вечера, на берег осиянный
 Он медленной стопой невольно увлечен,
 И умолкает дол, и лес вдали туманный
 В последний раз лучом бегущим озарен...
 Воссев в безмолвии, роскошствует душою,
 И, полный дум, склонив в мечтании главу,
 Он смотрит, как ручей зеркальною струею
 Живописует лес, цветы и мураву,
 И древний храм, и луг, пестреющий стадами,
 И небо вечера златистыми грядами, —
 И незабвенный след своих протекших дней
 С былою радостью он чувствует сильней;
 И благ утраченных лишь видя пред собою
 Одну печальную, ничтожную тщету,
 Стремится в памяти осуществить мечту, —
 И невозвратное еще дарит слезою.

Д. П. Глебов

ТЕРЕНТИНСКАЯ ДЕВА

(Из Андр. Шенье)

Стенайте, алкионы!
 О птицы нежные, любимицы наяд,
 Стенайте! ваши стоны
 Окрестные брега и волны повторят.

Не стало, нет ее, прекрасной Эвфрозины!
 Младую нес корабль на берег Камарины;

Là l'hymen, les chansons, les flûtes, lentement
Devaient la reconduire au seuil de son amant.
Une clef vigilante a pour cette journée
Sous le cèdre enfermé sa robe d'hyménée,
Et l'or dont au festin ses bras seront parés,
Et pour ses blonds cheveux les parfums préparés.
Mais, seule sur la proue invoquant les étoiles,
Le vent impétueux qui soufflait dans les voiles
L'enveloppe : étonnée, et loin des matelots,
Elle tombe, elle crie, elle est au sein des flots.

Elle est au sein des flots, la jeune Tarentine !
Son beau corps a roulé sous la vague marine.
Thétis, les yeux en pleurs, dans le creux d'un rocher,
Aux monstres dévorants eut soin de le cacher.
Par son ordre bientôt les belles Néréides
S'élèvent au-dessus des demeures humides,
Le poussent au rivage, et dans ce monument
L'ont au cap du Zéphyr déposé mollement ;
Et de loin, à grands cris appelant leurs compagnes,
Et les nymphes des bois, des sources, des montagnes,
Toutes, frappant leur sein, et traînant un long deuil,
Répétèrent hélas ! autour de son cercueil.

Hélas ! chez ton amant tu n'es point ramenée,
Tu n'as point revêtu ta robe d'hyménée,
L'or autour de ton bras n'a point serré de nœuds,
Et le bandeau d'hymen n'orna point tes cheveux.

ÉLÉGIE XXIII

O nuit, nuit douloureuse ! ô toi, tardive aurore,
Viens-tu ? vas-tu venir ? es-tu bien loin encore ?
Ah ! tantôt sur un flanc, puis sur l'autre au hasard,
Je me tourne et m'agite, et ne peux nulle part
Trouver que l'insomnie amère, impatiente,

Туда ее Гимен с любовью призывал:
 Невесту там жених на праге дома ждал.
 При ней, на брачный день, хранил ковчег кедровый,
 Одежды светлые и девы пояс новый,
 И перлы для груди, и золото для перстов,
 И благовонные мастики для волос.
 Но, как Ниобы дочь, невинная душою,
 На путь покрытая одеждою простою,
 Фиалковым венком и ризою льняной,
 На палубе, одна, стояла, и мольбой
 Звала попутный ветер и мирные светила.
 Но вихорь налетел и, грянувши в ветрила,
 Невесту обхватил, корабль качнул: о страх!
 Она уже в волнах!..

Она уже в волнах, младая Эвфрозина!
 Помчала мертвую глубокая пучина.
 Фетида, сжалаяся, ее из бездн морских
 Выносит бледную в объятиях своих.
 На крик сестры, толпой, сквозь влажные громады,
 Всплывают юные поверх зыбей наяды;
 Несут бездушную, кладут под кипарис;
 Там — принял девы прах зефиров тихий мыс;
 Там — нимфы, воплями собрав подруг далеких,
 И нимф густых лесов, и нимф полей широких,
 И, распустив волосы, над холмом гробовым
 Весь огласили брег стенанием своим.

Увы! напрасно ждал тебя жених печальный;
 Ты не украсилась одеждою венчальной;
 Твой перстень с женихом тебя не сочетал,
 И кудрей девственных венец не увенчал!

Н. И. Гнедич

* * *

Мучительная ночь! Да скоро ли заря
 Взойдет? Скажите мне, дождусь ли утра я?
 Подумайте, всю ночь ворочаться — как сладко!
 Несносная тоска, истома, лихорадка!

Qu'un malaise inquiet et qu'une fièvre ardente.
Tu dors, belle Camille ; et c'est toi, mon amour
Qui retiens ma paupière ouverte jusqu'au jour.
Si tu l'avais voulu, dieux ! Cette nuit cruelle
Aurait pu s'écouler plus rapide et plus belle.
Mon âme comme un songe autour de ton sommeil
Voltage. En me lisant, demain à ton réveil
Tu verras, comme toi, si mon cœur est paisible.
J'ai soulevé, pour toi, sur ma couche pénible,
Ma tête appesantie. Assis, et plein de toi,
Le nocturne flambeau qui luit auprès de moi,
Me voit, en sons plaintifs et mêlés de caresses,
Verser sur le papier mon cœur et mes tendresses.
O Camille, tu dors ! tes doux yeux sont fermés.
Ton haleine de rose aux soupirs embaumés
Entrouvre mollement tes deux lèvres vermeilles.
Mais, si je me trompais ! dieux ! ô dieux ! si tu veilles !
Et lorsque loin de toi j'endure le tourment
D'une insomnie amère, aux bras d'un autre amant,
Pour toi, de cette nuit qui s'échappe trop vite,
Une douce insomnie embellissait la fuite !

Dieu d'oubli, viens fermer mes yeux. O dieu de paix !
Sommeil, viens ; fallût-il les fermer pour jamais.
Un autre dans ses bras ! ô douloureux outrage !
Un autre ! O honte ! ô mort ! ô désespoir ! ô rage !
Malheureux insensé ! pourquoi, pourquoi les dieux
A juger la beauté formèrent-ils mes yeux ?
Pourquoi cette âme faible et si molle aux blessures
De ces regards féconds en douces impostures ?
Une amante moins belle aime mieux, et du moins
Humble et timide à plaire, elle est pleine de soins ;
Elle est tendre ; elle a peur de pleurer votre absence.
Fidèle, peu d'amants attaquent sa constance ;
Et son égale humeur, sa facile gaieté,
L'habitude, à son front tiennent lieu de beauté.
Mais celle qui partout fait conquête nouvelle,
Celle qu'on ne voit point sans dire : « Qu'elle est belle ! »
Insulte, en son triomphe, aux soupirs de l'amour.

Камилла! Это ты — всему виной. Ты спишь,
 Камила, — а меня бессонницей томишь,
 Да, ты, моя любовь; — о, если б ты хотела —
 Ночь эта для меня б, как птица, пролетела.
 Средь сонных грез твоих душа моя, вяясь,
 Летаёт над тобой. Поутру пробудясь,
 Прочтешь мои стихи — узнаешь всё. О боги!
 С тяжелой головой привстав в ночной тревоге,
 Тобою полон весь, писал я; на меня
 Смотрел унылый свет лампадного огня,
 Когда со вздохами я слез обильных влагу
 И душу проливал и сердце на бумагу;
 А ты, Камила, спишь; закрыт твой ясный взор;
 Чрез нежных, алых уст немой полураствор
 Струится легкий пар спокойного дыханья —
 Пар, полный теплоты и роз благоуханья!
 Но, если ты не спишь, Камила, и когда
 Мне сладость отдыха полночного чужда,
 Ты в это время... ты — средь счастья земного
 Преступно бодрствуешь в объятиях другого,
 И между тем, как мне бессонница горька,
 Ты ночь бранишь за то, что слишком коротка!..

О бог забвения! Приди, закрой мне очи,
 Задерни их навек завесой смертной ночи!
 Она теперь... с другим. Гром! Молния! Гроза!
 О боги! для чего вы дали мне глаза,
 Способные судить о красоте? Напрасно
 Вы сердце дали мне, которое не властно
 Предохранить себя от ядовитых ран
 И вводится легко в прельстительный обман?
 Другая — с красотой скромнейшей — лучше любит,
 И, дорожа своим возлюбленным, не губит
 Его так ветрено; ей можно доверять:
 Она любовника боится потерять
 Затем, что ей не так легко найти другого.
 Она верна, — пред ней соблазна рокового
 Не ставят здесь и там; а кроткие черты,
 Веселость, ровный нрав — замена красоты.
 Красавица ж, когда неугомонно всюду
 О ней шумят, кричат: «вот красота! вот чудо!» —
 Готова оскорблять святыню чувства — да!

Souveraine au milieu d'une tremblante cour,
Dans son léger caprice, inégale et soudaine,
Tendre et douce aujourd'hui, demain froide et hautaine.
Si quelqu'un se dérobe à ses enchantements,
Qu'est-ce enfin qu'un de moins dans un peuple d'amants ?
On brigue ses regards, elle s'aime et s'admire,
Et ne connaît d'amour que celui qu'elle inspire.

ÉLÉGIE XXXVI

< Fragment >

.....

Souvent, las d'être esclave et de boire la lie
De ce calice amer que l'on nomme la vie,
Las du mépris des sots qui suit la pauvreté,
Je regarde la tombe, asile souhaité ;
Je souris à la mort volontaire et prochaine ;
Je me prie, en pleurant, d'oser rompre ma chaîne,
Le fer libérateur qui percerait mon sein
Déjà frappe mes yeux et frémit sous ma main,
Et puis mon cœur s'écoute et s'ouvre à la faiblesse ;
Mes parents, mes amis, l'avenir, ma jeunesse,
Mes écrits imparfaits ; car, à ses propres yeux
L'homme sait se cacher d'un voile spécieux.
A quelque noir destin qu'elle soit asservie,
D'une étreinte invincible il embrasse la vie ;
Et va chercher bien loin, plutôt que de mourir,
Quelque prétexte ami, de vivre et de souffrir.

.....

FRAGMENTS D'ÉLÉGIES

* * *

Tel j'étais autrefois et tel je suis encore :
Quand ma main imprudente a tari mon trésor ;
Ou la nuit, accourant au sortir de la table,
Si Fanni m'a fermé le seuil inexorable,
Je regagne mon toit. Là, lecteur studieux,

Она становится капризна и горда;
 Сегодня вам она оказывает нежность,
 А завтра — явную, обидную небрежность, —
 И коль у ней из рук иной и ускользнет —
 Беда не велика: у ней толпа, народ.
 Она любит наружностью своею
 И чувствует любовь, внушенную лишь ею.

В. Г. Бенедиктов

ИЗ А. ШЕНЬЕ

Под бурею судеб, унылый, часто я,
 Скучая тягостной неволей бытия,
 Нести ярмо мое утрачивая силу,
 Гляжу с отрадою на близкую могилу,
 Приветствую ее, покой ее люблю,
 И цепи отряхнуть я сам себя молю.
 Но вскоре мнимая решимость позабыта,
 И томной слабости душа моя открыта:
 Страшна могила мне; и ближние, друзья,
 Мое грядущее, и молодость моя,
 И обещания в груди сокрытой музы —
 Всё обольстительно скрепляет жизни узы,
 И далеко ищу, как жребий мой ни строг,
 Я жить и бедствовать услужливый предлог.

Е. А. Баратынский

ФРАГМЕНТЫ ЭЛЕГИЙ

ОТРЫВОК

...Таков я был, таков и буду я!
 Когда на прихоти, на сладкие обеды
 Казна растрочена моя;
 Когда наскучат мне жеманные беседы
 Жеманных барынь городских;

Content et sans désirs, je rends grâces
aux dieux.
Je crie : « Oh ! soins de l'homme, inquiétudes
vaines !
Oh ! que de vide, hélas ! dans les choses
humaines !
Faut-il ainsi poursuivre, au hasard emportés,
Et l'argent et l'amour, aveugles déités ? »
Mais si Plutus revient de sa source dorée
Conduire dans mes mains quelque veine égarée ;
A mes signes, du fond de son appartement,
Si ma blanche voisine a souri mollement ;
Adieu, les grands discours, et le volume
antique,
Et le sage lycée, et l'auguste portique ;
Et reviennent en foule et soupirs et billets,
Soins de plaire, parfums et fêtes
et banquets,
Et longs regards d'amour, et molles
élégies
Et jusques au matin amoureuses orgies.

* * *

Partons, la voile est prête, et Byzance m'appelle.
Je suis vaincu ; je suis au joug d'une cruelle.
Le temps, les longues mers peuvent seuls m'arracher
Ses traits que malgré moi je vais toujours chercher ;
Son image partout à mes yeux répandue,
Et les lieux qu'elle habite et ceux où je l'ai vue.
Son nom qui me poursuit, tout offre à tout moment,
Au feu qui me consume un funeste aliment.

Когда изменница-Лилета
 В гостях у богачей, на пышном ложе их
 Забудет бедный одр Поэта; —
 Сажуся дома я! Здесь, укрепясь душой,
 Я мыслю и учусь и славлю жребий мой!
 Кричу: «О светские заботы!
 О суета людей! безумные расчеты!
 Зачем преследовать, неверные, как сны,
 И злато и любовь, и славу и чины!»
 Но только серебряной струею
 Разгульные рубли польются в мой карман;
 Или придворною, сиятельной четою
 Я буду важно в гости зван;
 Но если вечерком дорожкой потайною
 Ко мне *Лилета* завернет,
 И сладостно меня любовью обнадежит,
 И взором усмирит, и взором привлечет
 И расцелует и разнежит,
 Не даст и слова молвить мне; —
 Прощайте, мудрецы, прощай, моя пустыня,
 И дум возвышенных богиня,
 И вольный труд наедине!
 Тут снова потекут и вздохи и лобзанья,
 Затеи резвые, наряды и катанья,
 И бредни нежные и тайные дары;
 И Вакху верные, всенощные пиры.

В. И. Туманский

* * *

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
 Куда б ни вздумали, готов за вами я
 Повсюду следовать, надменной убегая:
 К подножию ль стены далекого Китая,
 В кипящий ли Париж, туда ли наконец,
 Где Тасса не поет уже ночной гребец,
 Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
 Где кипарисные благоухают рощи,
 Повсюду я готов. Поедем... но, друзья,
 Скажите: в странствиях умрет ли страсть моя?

Ma chère liberté, mon unique héritage,
Trésor qu'on méconnaît tant qu'on en a l'usage,
Si doux à perdre, hélas ! et si tôt regretté,
M'attends-tu sur ces bords, ma chère liberté ?

* * *

Tout mortel se soulage à parler de ses maux.
Le suc que d'Amérique enfantent les roseaux
Tempère au moins un peu les breuvages d'absinthe.
Ainsi le fiel d'amour s'adoucit par la plainte ;
Soit que le jeune amant raconte son ennui
A quelque ami jadis agité comme lui ;
Soit que seul dans les bois, ses éloquentes peines
Ne s'adressent qu'aux vents, aux rochers, aux fontaines.

* * *

Sans parents, sans amis et sans concitoyens,
Oublié sur la terre, et loin de tous les miens,
Par les vagues jeté sur cette île farouche,
Le doux nom de la France est souvent sur ma bouche.
Après d'un noir foyer, seul, je me plains du sort.
Je compte les moments, je souhaite la mort.
Et pas un seul ami dont la voix m'encourage ;
Qui près de moi s'asseye, et, voyant mon visage

Забуду ль гордую, мучительную деву,
Или к ее ногам, ее младому гневу,
Как дань привычную, любовь я принесу?

А. С. Пушкин

УТЕШЕНИЕ

(Из А. Шенье)

Мы любим высказать страдания свои.
Как влага быстрых туч минутно освежает
Песчаной степи зной, так мученик любви
Целебной жалобой боль сердца улаждает:
Вверяет ли печаль он избранным друзьям,
Подобно, как и он, любившим в дни былые;
Внимают ли его болезненным словам
Одни скалы, леса иль волны голубые.

Н. И. Шибеев (?)

СТИХИ АНДРЕЯ ШЕНЬЕ
НА ПРЕБЫВАНИЕ ЕГО В АНГЛИИ

Вольное подражание

Простясь с родными и друзьями,
Лишен всего, что мило мне,
Живу я, брошенный волнами,
В туманной, дикой стороне.
Один, тоскою здесь томимый,
Сажу у мрачного огня, —
И память родины любимой
В уме и сердце у меня;
Ее я в думах обнимаю,
Стремлюсь туда перелететь,
Минуты горестно считаю,
Давно хотел бы умереть.
И что ж? в уделе мне враждебном

Se baigner de mes pleurs et tomber sur mon sein,
Me dise : «Qu'as-tu donc ?» et me presse la main.

* * *

La grâce, les talents, ni l'amour le plus tendre
D'un douloureux affront ne peuvent nous défendre.
Encore si vos yeux daignaient, pour nous trahir,
Chercher dans vos amants celui qu'on peut choisir ;
Qu'une belle ose aimer sans honte et sans scrupule,
Et qu'on ose soi-même avouer pour émule !
Mais dieux ! combien de fois notre orgueil ulcéré
A rougi du rival qui nous fut préféré !
Oui, Thersite souvent peut faire une inconstante.
Souvent l'appât du crime est tout ce qui vous tente.

* * *

Le courroux d'un amant n'est point inexorable.
Ah ! si tu la voyais cette belle coupable
Rougir, et s'accuser et se justifier,
Sans implorer sa grâce et sans s'humilier !
Pourtant de l'obtenir doucement inquiète,
Et les cheveux épars, immobile, muette,
Les bras, la gorge nus, en un mol abandon,
Tourner sur toi des yeux qui demandent pardon !
Crois qu'abjurant soudain le reproche farouche,
Tes baisers porteraient son pardon sur sa bouche.

Здесь нет со мною никого,
 Кто б, на лице заметя бледном
 Тревогу сердца моего
 И слезы, — сам моей тоскою
 Душевно тронутый, сказал:
 «Что, друг мой милый, что с тобою?»
 И руку мне приветно сжал.

И. И. Козлов

* * *

Измена милой нам всегда горька, обидна,
 Хотя б тот избранный, что ею стал любим,
 Достоин так, что ей возлюбленным не стыдно
 Признать его, а нам — соперником своим.
 Но часто... о судьба!.. счастливцев тот любимый
 Таков, что за него краснеть принуждены мы, —
 А делать нечего! Предание гласит,
 Что соблазнителем не раз бывал Ферсит.
 Порой для женщины причиною паденья
 Бывает лишь одна приманка преступленья.

В. Г. Бенедиктов

* * *

Нет, гнев любовника не стоек. Если б ты
 Увидел милую, когда в слезах сознанья
 Она, горя огнем стыдливой красоты,
 Сама себя винит и сыплет оправданья, —
 Когда, без низких просьб, твоей пощады весть
 Ей хочется скорей в глазах твоих прочесть,
 И, косы распустив, открыв уста, без речи,
 Как будто невзначай приобнажая плечи,
 По-видимому, вновь еще сильней любя,
 Она возводит взор молящий на тебя, —
 Ты б вмиг, чтобы ее избавить от терзаний,
 Прощенье пролил ей потоками лобзаний.

В. Г. Бенедиктов

* * *

Viens près d'elle au matin ; quand le dieu du repos
Verse au mol oreiller de plus légers pavots,
Voir, sur sa couche-encor du soleil ennemie,
Errer nonchalamment une main endormie ;
Ses yeux prêts à s'ouvrir, et sur son teint vermeil,
Se reposer encor les ailes du sommeil.

POESIES DIVERSES

* * *

Près des bords où Venise est reine de la mer,
Le gondolier nocturne au retour de Vesper
D'un léger aviron bat la vague aplanie,
Chante Renaud, Tancrède et la belle Herminie.
Il aime ses chansons, il chante sans désir,
Sans gloire, sans projets, sans craindre l'avenir ;
Il chante — et plein de Dieu, qui doucement l'anime
Sait égarer du moins sa route sur l'abîme,
Comme lui, sans écho je me plais à chanter ;
Et les vers inconnus que j'aime à méditer
Adoucissent pour moi la route de la vie
Où de tant d'Aquilons ma voile est poursuivie.

* * *

L'impur et fier époux que la chèvre désire
Baisse le front, se dresse, et cherche le satyre.
Le satyre averti de cette inimitié
Affermit sur le sol la corne de son pié ;
Et leurs obliques fronts lancés tous deux ensemble
Se choquent ; l'air frémit ; le bois s'agite et tremble.

* * *

Приблизься утром к ней, когда Морфей снотворно
Свой подсыпает мак, цветы его и зерна,
В подушку мягкую, и томная рука
Красавицы, скользя, блуждает, и слегка
Луч солнца крадется под пух ресниц закрытых,
И тени снов дрожат на розовых ланитах!

В. Г. Бенедиктов

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Близ мест, где царствует Венеция златая,
Один, ночной гребец, гондолой управляя,
При свете Веспера по взморью плывет,
Ринальда, Годфреда, Эрминию поет.
Он любит песнь свою, поет он для забавы,
Без дальних умыслов; не ведает ни славы,
Ни страха, ни надежд, и, тихой музыки полн,
Умеет усладить свой путь над бездной волн.
На море жизненном, где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокой,
Как он, без отзыва утешно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

А. С. Пушкин

* * *

Влюбленных коз супруг брадатый и зловонный
Сатира поразить напряг свой лоб наклонный.
Сатир, предусмотрев миг стычки роковой,
Стал против, упершись копытною ногой.
Наметились — и вдруг — лоб в лоб! Удар раздался —
И воздух застонал, и лес поколебался.

В. Г. Бенедиктов

* * *

Toi ! de Mopsus ami ! Non loin de Bérécynthe
Certain satyre un jour trouva la flûte sainte
Dont Hyagnis calmait ou rendait furieux
Le cortège énérvé de la mère des Dieux.
Il appelle aussitôt, des fanges du Méandre,
Les Nymphes de l'Asie, et leur dit de l'entendre ;
Que tout l'art d'Hyagnis n'était que dans ce bui ;
Qu'il a, grâce au destin, des doigts tout comme lui.
On s'assied. Le voilà qui se travaille et sue,
Souffle, agite ses doigts, tord sa lèvre touffue,
Enfle sa joue épaisse, et fait tant qu'à la fin
Le buis résonne et pousse un cri rauque et chagrin.
L'auditoire étonné se lève, non sans rire.
Les éloges railleurs fondent sur le satyre
Qui pleure, et des chiens même, en fuyant vers le bois,
Evite, comme il peut, les dents et les abois.

* * *

Tout homme a ses douleurs. Mais aux yeux de ses frères
Chacun d'un front serein déguise ses misères.
Chacun ne plaint que soi. Chacun dans son ennui
Envie un autre humain qui se plaint comme lui.
Nul des autres mortels ne mesure les peines
Qu'ils savent tous cacher comme il cache les siennes ;
Et chacun, l'œil en pleurs, en son cœur douloureux
Se dit : « Excepté moi, tout le monde est heureux. »
Ils sont tous malheureux. Leur prière importune
Crie et demande au ciel de changer leur fortune.
Ils changent ; et bientôt, versant de nouveaux pleurs,
Ils trouvent qu'ils n'ont fait que changer de malheurs.

* * *

Раз, луга злачного переходя границу,
 Блуждающий сатир нашел в траве цевницу:
 Цевницу ту бог стад случайно потерял,
 А звуками ее он весь Олимп пленял.
 Чтоб показать себя в искусстве мусикийском,
 Сатир созвал всех нимф на берегу Азийском, —
 И почему ж чудес ему не произвести?
 Ведь у него и рот и пальцы также есть,
 А музыка сидит в орудии. Ни слова!
 Вся аудитория внимать ему готова.
 Сатир трудиться стал: приткнув мохнатый рот
 К отверстию одному, по скважинам он бьет
 Перстами, щеки вздул, в поту, весь предан мукам —
 И разразилась вдруг каким-то диким звуком
 Цевница. Общий смех раздался. Пристыжен,
 Вмиг из собрания сатир дал тягу; он
 Бежать пустился в лес, в слезах, гоним судьбами,
 Преследуем собак и лаем и зубами.

В. Г. Бенедиктов

* * *

Все страждут; но в глазах другого каждый рад,
 В притворстве горе скрыв, стать веселей на взгляд.
 Жаль каждому себя, и втайне все находят,
 Что прочие светлей и лучше жизнь проводят;
 Им, при своих бедах, бед ближних не видать, —
 И всяк свою печаль любя маскировать,
 Себе лишь говорит при переводе вздоха:
 Всем в мире хорошо, мне одному лишь — плохо!
 Всяк жребий свой клянет и каждый бы хотел
 На участь ближнего свой обменять удел;
 А между тем — все вздор! Исполнишь их желанье —
 Что вышло бы? — Промен страданья на страданье!

В. Г. Бенедиктов

* * *

Belles, le ciel a fait pour les mâles cerveaux
L'infatigable étude et les doctes travaux.
Pour vous sont les talents aimables et faciles.
Oh le sinistre emploi pour les grâces...
De poursuivre une sphère en ses cercles nombreux,
Ou du sec A plus B les sentiers ténébreux !
Quelle bouche immolée à leurs phrases si dures
Aura jamais, la nuit, de suaves murmures,
Et pourra s'amollir à soupirer : *mon cœur*,
Mon âme, et tous ces noms d'amoureuse langueur ?

* * *

Or venez maintenant, graves compilateurs,
Déployez pour mes vers vos balances critiques,
Flétrissez-les du sceau *des lettres italiques*.
.
Assurez que ma Muse est froide ou téméraire,
Que mes vers sont mauvais, que ma rime est vulgaire.
Je l'ai bien fait exprès ; votre chagrin m'est doux.
Je serais bien fâché qu'ils fussent bons pour vous.
Mon Dieu ! lorsque imitant ce bon roi de Phrygie,
Vous jugez ou le drame, ou l'ode, ou l'élégie,
Faut-il que nul démon, ami du genre humain,
Jamais à votre front ne porte votre main !
Vous sauriez une fois combien les doctes veilles
Sur votre tête auguste allongent les oreilles.

* * *

Красавицы! Мужским оставьте головам
 Науки тяжкий труд! А вы... Довольно вам
 Занятий женственных и легких дарований.
 Как видеть было б жаль созданий,
 С математическим анализом в борьбе,
 Согбенных над сухим, холодным $a+b!$
 И если б их уста те формулы шептали,
 То после, ночью, вряд они шептать бы стали,
 Так нежно, сладостно и трепетно дыша
 Средь вздрагиваний, ласк и стонов наслажденья:
 «О ангел мой! Люблю... мой друг!.. моя душа» —
 Все эти имена последнего томленья.

В. Г. Бенедиктов

* * *

Зоилы! Критики венчаные! Идите!
 Вот вам мои стихи: браните! говорите,
 Что Муза у меня дерзка иль холодна,
 Что стих мой нехорош, что рифма неполна!
 Я с умыслом грешил. Мне брань от вас — отрадна,
 А ваша похвала была бы мне досадна.
 В академических венцах вы иногда
 Похожи на царя фригийского, когда
 Трещит у вас в руках элегия иль ода.
 О если б демон — друг всего людского рода —
 Вам вздернул руку вверх в то время, чтобы вы
 Почуяли, своей коснувшись головы,
 Как черствый педантизм, оцепенив вам души,
 Меж листьями венцов вытягивает уши.

В. Г. Бенедиктов

ODES

Ode XI

LA JEUNE CAPTIVE

L'épi naissant mûrit de la faux respecté ;
Sans crainte du pressoir, le pampre tout l'été
 Boit les doux présents de l'aurore ;
Et moi, comme lui belle, et jeune comme lui,
Quoique l'heure présente ait de trouble et d'ennui,
 Je ne veux point mourir encore.

Qu'un stoïque aux yeux secs vole embrasser la mort,
Moi je pleure et j'espère ; au noir souffle du Nord
 Je plie et relève ma tête.
S'il est des jours amers, il en est de si doux !
Hélas ! quel miel jamais n'a laissé de dégoûts ?
 Quelle mer n'a point de tempête ?

L'illusion féconde habite dans mon sein.
D'une prison sur moi les murs pèsent en vain,
 J'ai les ailes de l'espérance :
Echappée aux réseaux de l'oiseleur cruel,
Plus vive, plus heureuse, aux campagnes du ciel
 Philomèle chante et s'élance.

Est-ce à moi de mourir ! Tranquille je m'endors,
Et tranquille je veille ; et ma veille aux remords
 Ni mon sommeil ne sont en proie.
Ma bienvenue au jour me rit dans tous les yeux ;
Sur des fronts abattus, mon aspect dans ces lieux
 Ranime presque de la joie.

Mon beau voyage encore est si loin de sa fin !
Je pars, et des ormeaux qui bordent le chemin
 J'ai passé les premiers à peine,
Au banquet de la vie à peine commencé,
Un instant seulement mes lèvres ont pressé
 La coupe en mes mains encor pleine.

ОДЫ

МОЛОДАЯ УЗНИЦА

В полях блестящий серп зеленых нив не жнет;
Янтарный виноград, в ту пору как цветет,
 Не должен хищных рук бояться!
А я лишь начала, красуясь, расцветать...
И пусть мне суждено слез много проливать —
 Я с жизнью не хочу расстаться.

Смотри, мудрец, на смерть с холодною душой!
Я плачу и молюсь, и жду, чтоб надо мной
 Сквозь тучи звезды проглянули.
Есть дни ненастные — но красен божий свет;
Не каждый сот душист; такого моря нет,
 Где б ветры бурные не дули. —

Надежда светлая и в доле роковой
Тревожит грудь мою пленительной мечтой,
 Как ни мрачна моя темница.
Так вдруг, освободясь от пагубных сетей,
В поля небесные счастливее, быстрее
 Летит дубравная певица.

Мне рано умирать: покой дарит мне ночь,
Покой приносит день, его не гонят прочь
 Ни страх, ни совести укору;
И здесь у всех привет встречаю я в очах,
Улыбку милую на пасмурных челах
 Всегда мои встречают взоры;

Прекрасный, дальний путь еще мне предстоит, —
И даль, в которую невольно все манит,
 Передо мной лишь развернулась;
На радостном пиру у жизни молодой
Устами жадными до чаши круговой
 Я только-только что коснулась.

Je ne suis qu'au printemps, je veux voir la moisson ;
Et comme le soleil, de saison en saison,
Je veux achever mon année.
Brillante sur ma tige et l'honneur du jardin,
Je n'ai vu luire encor que les feux du matin,
Je veux achever ma journée.

O mort ! tu peux attendre; éloigne, éloigne-toi ;
Va consoler les cœurs que la honte, l'effroi,
Le pâle désespoir dévore.
Pour moi Palès encore a des asiles verts;
Les amours des baisers, les Muses des concerts :
Je ne veux point mourir encore.

Ainsi, triste et captif, ma lyre, toutefois
S'éveillait ; écoutant ces plaintes, cette voix,
Ces vœux d'une jeune captive;
Et secouant le joug de mes jours languissants,
Aux douces lois des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve.

Ces chants, de ma prison témoins harmonieux,
Feront à quelque amant des loisirs studieux
Chercher quelle fut cette belle :
La grâce décorait son front et ses discours,
Et comme elles craindront de voir finir leurs jours
Ceux qui les passeront près d'elle.

IAMBES

IV

DERNIERS VERS DE L'AUTEUR

Comme un dernier rayon, comme un dernier zéphyre
Anime la fin d'un beau jour,
Au pied de l'échafaud j'essaie encor ma lyre.
Peut-être est-ce bientôt mon tour ;
Peut-être avant que l'heure en cercle promenée
Ait posé, sur l'émail brillant,
Dans les soixante pas où sa route est bornée,

Я видела весну, — хочу я испытать
 Палящий лета зной, и с солнцем довершать
 Теченье жизни я желаю;
 Лилея чистая, краса родных полей,
 Я только видела блеск утренних огней, —
 Зари вечерней ожидаю.

О смерть, не тронь меня! Пусть в мраке гробовом
 Злодеи бледные с отчаяньем, стыдом
 От бедствий думают скрываться;
 Меня ж, невинную, ждет радость на земли,
 И песни нежные, и поцелуй любви:
 Я с жизнью не хочу расстаться.

Так в узах я слышал, сам смерти обречен,
 Прелестной узницы и жалобы, и стон, —
 И думы сердце волновали.
 Я с лирой соглашал печальный голос мой,
 И стон, и жалобы страдалицы младой
 Невольно струны повторяли.

И лира сладкая, подруга тяжелых дней,
 Быть может, спрашивать об узнице моей
 Заставит песнию своею.
 О! знайте ж: радости пленительней она;
 И так же, как и ей, конечно, смерть страшна
 Тому, кто жизнь проводит с нею.

И. И. Козлов

ЯМБЫ

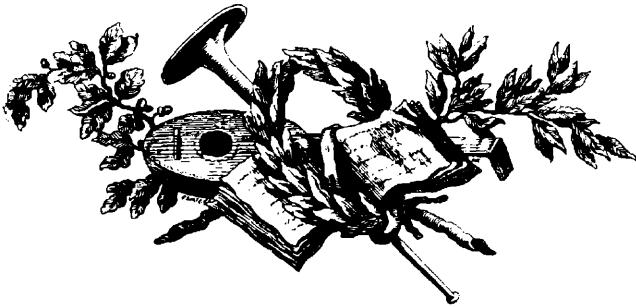
ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ А. ШЕНЬЕ

Как бледною зарей, как веяньем зефира
 Одушевлен конец безоблачного дня,
 Так перед плахою звучит еще мне лира!
 Быть может, что близка уже чреда моя —
 И прежде, может быть, чем стрелка золотая,
 Блестящую эмаль послушно обтекаая,
 Все шестьдесят шагов, весь путь свой круговой,

Son pied sonore et vigilant ;
Le sommeil du tombeau pressera mes paupières.
Avant que de ses deux moitiés
Ce vers que je commence ait atteint la dernière,
Peut-être en ces murs effrayés
Le messenger de mort, noir recruteur des ombres,
Escorté d'infâmes soldats,
Remplira de mon nom ces longs corridors sombres.

.....

Пройдет недремлющей и звонкою стопой, —
Глаза мои сомкнет тяжелый сон кончины...
Иль прежде, чем мой стих дойдет до половицы,
Посланник гибели, вербуя мертвецов
И гнусных стражей ряд ведя под эти своды,
Названием моим и шорохом шагов
Наполнит длинные темницы переходы...

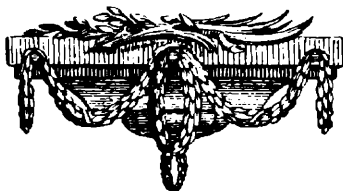
Н. И. Шибяев (?)

ANTOINE-VINCENT ARNAULT

LA FEUILLE

— De ta tige détachée,
Pauvre feuille desséchée,
Où vas-tu ? — Je n'en sais rien.
L'orage a frappé le chêne
Qui seul était mon soutien.
De son inconstante haleine,
Le zéphyr ou l'aquilon
Depuis ce jour me promène
De la forêt à la plaine,
De la montagne au vallon.
Je vais où le vent me mène.
Sans me plaindre ou m'effrayer,
Je vais où va toute chose,
Où va la feuille de rose
Et la feuille de laurier.

АНТУАН АРНО

ЛИСТОК

«Листок иссохший, одинокий,
Пролетный гость степи широкой,
Куда твой путь, голубчик мой?»
— «Как знать мне! Налетели тучи —
И дуб родимый, дуб могучий
Сломили вихрем и грозой.
С тех пор, игралище Борея,
Не сетуя и не робея,
Ношусь я, странник кочевой,
Из края в край земли чужой;
Несусь, куда несет суровый,
Всему неизбежимый рок,
Куда летит и лист лавровый —
И легкий розовый листок!»

Д. В. Давыдов

CHARLES-HUBERT MILLEVOYE

ÉLÉGIES

Livre I

LA CHUTE DES FEUILLES

(1811)

De la dépouille de nos bois
L'automne avait jonché la terre;
Le bocage était sans mystère,
Le rossignol était sans voix.
Triste, et mourant à son aurore,
Un jeune malade, à pas lents,
Parcourait, une fois encore,
Le bois cher à ses premiers ans.
« Bois que j'aime ! adieu... je succombe.
Ton deuil m'avertit de mon sort ;
Et, dans chaque feuille qui tombe,
Je vois un présage de mort.
Fatal oracle d'Epidaure,
Tu m'as dit : Les feuilles des bois
A tes yeux jauniront encore ;
Mais c'est pour la dernière fois.
L'éternel cyprès t'environne ;
Plus pâle que le pâle automne,
Tu t'inclines vers le tombeau ;
Ta jeunesse sera flétrie
Avant l'herbe de la prairie,
Avant les pampres du coteau.

ШАРЛЬ МИЛЬВУА

ЭЛЕГИИ

Книга I

ПАДЕНИЕ ЛИСТЬЕВ

Элегия

Рассыпан осени рукою,
Лежал поблекший лист кустов;
Зимы предтеча, страх с тоскою
Умолкших прогонял певцов;
Места сии опустошенны
Страдалец юный проходил;
Их вид, во дни его блаженны,
Очам его приятен был.
«Твое, о, роща, опустенье
Мне предвещает жребий мой,
И каждого листа в паденье
Я вижу смерть перед собой!
О Эпидавра прорицатель!
Ужасный твой мне внятен глас:
«Долин отцветших созерцатель,
Ты здесь уже в последний раз!
Твоя весна скорей промчится,
Чем пожелтеет лист в полях
И с стебля сельный цвет свалится» —

Et je meurs ! De sa froide haleine
Le vent funeste m'a touché,
Et mon hiver s'est approché
Quand mon printemps s'achève à peine.
Faible arbuste en un jour détruit,
Quelques fleurs étaient ma parure :
Mais ma languissante verdure
Ne laisse après elle aucun fruit.
Tombe, tombe, feuille éphémère,
Voile aux yeux ce triste chemin ;
Cache au désespoir de ma mère
La place où je serais demain.
Mais, vers la solitaire allée,
Si mon amante échevelée
Venait pleurer quand le jour fuit,
Eveille par ton léger bruit
Mon ombre un instant consolée. »
Il dit, s'éloigne... et sans retour !
La dernière feuille qui tombe
A signalé son dernier jour.
Sous le chêne on creusa sa tombe...
Mais son amante ne vint pas
Visiter la pierre isolée ;
Et le pâtre de la vallée
Troubla seul du bruit de ses pas
Le silence du mausolée.

LA CHUTE DES FEUILLES

(1815, 2-me variante)

De la dépouille de nos bois
L'automne avait jonché la terre ;
Et, sur la branche solitaire,
Le rossignol était sans voix.

И гроб отверст в моих очах!
Осени ветры восшумели
И дышат хладом средь полей,
Как призрак легкий, улетели
Златые дни весны моей!
Вались, валися, лист мгновенный,
И скорбной матери моей
Мой завтра гроб уединенный
Сокрой от слезных ты очей!
Когда ж к нему с тоской, с слезами
И с распущенными придет
Вокруг лилейных плеч власами
Моих подруга юных лет,
В безмолвьи осени угрюмом,
Как станет помрачаться день,
Тогда буди ты легким шумом
Мою утешенную тень!»
Сказал — и в путь свой устремился,
Назад уже не приходил;
Последний с древа лист сронился,
Последний час его пробил.
Близь дуба юноши могила;
Но, с скорбию в душе своей,
Подруга к ней не приходила,
Лишь пастырь, гость нагих полей,
Порой вечерняя зарницы,
Гоня стада свои с лугов,
Глубокий мир его гробницы
Тревожит шорохом шагов.

М. В. Милонов

ПАДЕНИЕ ЛИСТЬЕВ

Желтел печально знак полей,
Брега взрывал источник мутный,
И голосистый соловей
Умолкнул в роще бесприютной.

Mourant à la fleur de son âge,
Un jeune habitant du vallon
Parcourait un jour le bocage
Où sifflait le triste aiglon.
« Doux bocage, adieu... je succombe.
Tu m'avertis de mon destin ;
De ma mort la feuille qui tombe
Est le présage trop certain...
Fatal oracle d'Epidaure,
Tu l'as dit : Les feuilles des bois
A ses yeux jauniront encore ;
Mais c'est pour la dernière fois.
Rien de sa languissante vie
Ne peut ranimer le flambeau.
Sa jeunesse sera flétrie
Avant l'herbe de la prairie,
Avant le pampre du coteau.
Et je meurs ! De sa froide haleine,
Le vent funeste m'a touché.
Mon printemps commençait à peine
Et mon hiver s'est approché.
Tombez, tombez, feuilles légères,
Et pour la plus tendre des mères
Couvrez quelque temps ce chemin.
Qu'elle ne puisse reconnaître
Le funeste asile où peut-être
Son fils reposera demain.
Mais si, d'un long crêpe voilée,
Mon amante, dans la vallée,
Venait pleurer quand le jour fuit,
Eveillez par un faible bruit
Mon ombre un instant consolée. »
Et le lendemain, vers la nuit,
Son âme s'était exhalée.

На преждевременный конец
Суровым роком обреченный,
Прощался так молодой певец
С дубравой, сердцу драгоценной:

«Судьба исполнилась моя,
Прости, убежище драгое!
О прорицанье роковое!
Твой страшный голос помню я:
— Готовься, юноша несчастный!
Во мраке осени ненастной
Глубокий мрак тебе грозит,
Уж он зияет из Эрева,
Последний лист падет со древа,
Твой час последний прозвучит!
И вяну я: лучи дневные
Вседневно тягче для очей;
Вы улетели, сны златые
Минутной юности моей!
Покину все, что сердцу мило.
Уж мглою небо обложило,
Уж поздних ветров слышен свист!
Что медлить? время наступило:
Вались, вались, поблекший лист!
Судьбе противиться бессильный,
Я жажду ночи гробовой.
Вались, вались! мой холм могильный
От грустной матери сокрой!
Когда ж вечернею порою
К нему пустынною тропюю,
Вдоль незабвенного ручья,
Придет поплакать надо мною.
Подруга нежная моя,
Твой легкий шорох в чуткой сени,
На берегах Стигийских вод,
Моей обрадованной тени
Да возвестит ее приход!»

Сбылось! Увы! судьбины гнева
Покорством бедный не смягчил,
Последний лист упал со древа,
Последний час его пробил.

Sa mère, peu de temps, hélas,
Vint tous les soirs dans la vallée
Visiter la tombe isolée,
Et son amante ne vint pas.

LA DEMEURE ABANDONNÉE

Elle est partie ! hélas ! peut-être sans retour !
Elle est partie ; et mon amour
Redemande en vain sa présence.
Lieux qu'elle embellissait, j'irai du moins
vous voir !
A sa place j'irai m'asseoir,
Et lui parler en son absence.

De sa demeure alors je reprends le chemin ;
La clef mystérieuse a tourné sous ma main.
J'ouvre... elle n'est plus là : je m'arrête, j'écoute...
Tout est paisible sous la voûte
De ce séjour abandonné.

De tout ce qu'elle aimait je reste environné.
L'aiguille qui du temps, dans ses douze
demeures,
Ne marque plus les pas, ne fixe plus le cours,
Laisse en silence fuir ces heures
Qu'il faut retrancher de mes jours.

Plus loin, dans l'angle obscur, une harpe
isolée,
Désormais muette et voilée,
Dort, et ne redit plus le doux chant des amours.
Sous ces rideaux légers, les songes, autour d'elle
Balançant leur vol incertain,
Des souvenirs du soir charmaient, jusqu'au
matin,
Le paisible sommeil qui la rendait plus belle.

Близ рощи той его могила!
С кручиной тяжкою своей
К ней часто мать приходила...
Не приходила дева к ней!

Е. А. Баратынский

ОСТАВЛЕННОЕ ЖИЛИЩЕ

Увы! *ее* уж нет со мною!
Давно печальный час разлуки прозвучал!
И знать, с изменницей-мечтою
Мне изменило все, чем сердце обольщал!..

Но, горестный, в жилище Нины
Пойду я робкою стопой!
Там, милая, забыв жестокости судьбины, —
Я наслажусь еще беседою с тобой!
И я достиг обители знакомой!..
Уж ключ таинственный мне двери отворил!
Вхожу. Нет Нины там! Унынием влекомый,
Я всюду взорами туманными бродил —
И спят окрестности средь тишины ночных!
Лишь стрекоза под муравой жужжит,
И, взлетя порой на сосны вековые,
Пустынная сова песнь полночи гласит!
О, сколь печальное в жилище сем молчанье!
Остановилась здесь стрелка на часах,
Чтобы не воскрешать в душе воспоминанье
О прошлых, невозвратных днях!
Здесь арфа звучная, с ослабшими струнами,
Безмолвствуя, висит в забвеньи на стене...
Ах! Нина некогда прелестными перстами
Играла песнь любви, столь памятную мне...
И может быть, уж оной арфы звуки
Не отзовутся в сем приюте никогда!
Их не услышу я... и только сердца муки
Останутся со мною навсегда!
И где ты, Нина, друг, со мною разлученный!
В каких живешь странах небесных иль земных?

Sur ce divan, étoilé d'or,
Qu'inventa l'opulente Asie,
De ses cheveux je crois encor
Respirer la pure ambrosie.

Je revois le flambeau qui près d'elle veillait
A l'instant où sa main chérie
Traça dans un dernier billet
Ces mots : «C'est pour toute la vie...»
Mots charmants ! Oh ! déjà seriez-vous effacés ?
Ne resterait-il plus à mon âme flétrie
Qu'un regret douloureux de mes plaisirs
passés ?

LE BOIS DÉTRUIT

Nymphes, pleurez ! Pleurez : l'antique bois
De son enceinte a perdu le mystère.
Pleurez, amours ! le chêne solitaire
Vous a voilés pour la dernière fois.
Je n'entends plus sous les vertes allées
Des passereaux les joyeuses volées.
De ce séjour hôtes charmants et doux,
Est-il aussi des proscrits parmi vous ?

Где дни прекрасные, стезей невозмущенной,
Текут, как ручеек, меж берегов родных?
Мои глаза, еще все полные слезами,
Когда утешатся твоею красотой?
Когда ты, милый друг, невинными устами
Мне снова повторишь любви обет святой?..

Но новый друг уже в чужбине
Навек тобой, быть может, завладел!

Увы! жестокосердой Нине
Уже не жалостен плачевный мой удел!
Я ж, как цветок, с восшедшею зарею
Мгновенно вянущий на отческих полях,

Забытый, милая, тобою —
Быть может, с жизнью прощусь в младых годах,
И мой могильный холм, печально-одинокий
Близь незабвенных обители твоей,
Пришельца привлечет — и в думе он глубокой
Наверно посвятит мне вздох души своей!

И я, любовью окриленный,
Примчусь из вечности святой;
Невидимо сей кров, о друг бесценный!
Я буду охранять, как страж надежный твой!
А ты, ведомая таинственной судьбою,
Вновь посети страну твоих отцов,
Ужели не почтишь мой хладный прах слезою
И не украсишь гроб и горстию цветов!..

И. П. Бороздна

ИСТРЕБЛЕННАЯ РОЩА

Из Мильвуа

Нимфы! скрывайтесь, бегите толпою:
Древнюю рощу злодей истребил!
Плачьте, амуры! под тенью густою
Он ваш алтарь навсегда сокрушил!
Птицы умолкли и тихо стадами
Вдаль понеслись от знакомых ветвей.
Милые гости лесов и полей,
Видно, изгнанники есть и меж вами!

Le voyageur, trompé dans son attente,
Redouble en vain sa marche haletante,
Implore en vain contre les feux du jour
L'ombrage épais, disparu sans retour.
La jeune amante, à qui ce lieu retrace
Le souvenir de l'amant trop aimé,
Cherche de l'œil l'asile accoutumé,
Ne le voit plus, se tait, soupire, et passe.
Malheur à toi, destructeur inhumain !
D'un dieu vengeur sur toi pèse la main.
Il est un dieu qui préside aux campagnes,
Dieu des coteaux, des bois et des vergers ;
Il règne assis sur les hautes montagnes,
Et ne reçoit que les vœux des bergers,
Que les présents de leurs douces compagnes
A son signal, d'aimables messagers,
Prenant l'essor, vont couvrir de leurs ailes
La fleur naissante ou la tige nouvelle.
A la clarté des célestes flambeaux,
Il veille au loin. Familles des oiseaux,
Il recommande aux brises du bocage
De balancer vos paisibles berceaux,
Dans la fraîcheur du mobile feuillage.
Il ne veut pas que le froid aquilon
Avant le temps jaunisse les fougères ;
Il ne veut pas que les lis du vallon
Tombent foulés sous le pied des bergères.
Ce même dieu doit te punir un jour :
Il remettra sa vengeance à l'Amour ;
Et le zéphyr, exilé du feuillage,
De la beauté dont ton cœur a fait choix
Emportera la promesse volage,
Comme son souffle emportait autrefois
La feuille errante au sein profond des bois
Dont ta fureur a profané l'ombrage.

Странник усталый в далеком пути,
Пот отирая, с надеждой отрадной
В полдень торопится к сени прохладной,
Ищет ее — и не может найти!
Тщетно любовник зовет на свиданье
Милую в рощу вечерней порой;
Дева придет, поглядит — и с тоской
Издали другу промолвит прощанье;
Взоры потупит и мимо пройдет.
Горе тебе, истребитель жестокий!
Мстительный бог на тебя восстает.
Он на горах неприступных живет,
Дикой пустыни хранитель высокий!
Он принимает дары пастухов,
Внемлет обетам пастушек стыдливых;
Глас его слышен в полях молчаливых;
Видны следы на тропинках лугов.
Он, рассылая воздушных послов,
Им повелел укрывать в непогоды
Стебель зеленый и цвет молодой;
В сумраке ночи, отвергнув покой,
Бодрствует он для блаженства Природы;
Легким зефирам велит на лугах
Звук разносить сладкогласной свирели,
Веять в лесу и качать на ветвях
Тихо пернатых певцов. колыбели.
Буря ль с деревьев листы оборвет,
Или красавица резвой ногою
Первые ландыши в поле сомнет,
Бог благотворный кропит их слезою.
Знай, истребитель! сей бог над тобою
Суд произнес. За него Купидон
Грозной рукою злодея накажет:
Он для отмщенья колчан свой развяжет —
Ты на страданья любви осужден!
Тщетно поверишь подруге прелестной —
Клятву ее унесет ветерок
Так же, как в роще под тенью древесной
Прежде кружил он летучий листок!

А. А. Крылов

LA FLEUR

Fleur charmante et solitaire,
Qui fus l'orgueil du vallon,
Tes débris jonchent la terre,
Dispersés par l'aquilon.

La même faux nous moissonne ;
Nous cédon's au même dieu ;
Une feuille t'abandonne,
Un plaisir nous dit adieu.

L'homme, perdant sa chimère,
Se demande, avec douleur,
Quelle est la plus éphémère,
De la vie ou de la fleur ?

L'INQUIÉTUDE

Sais-tu pourquoi cet inquiet tourment
De mon bonheur empoisonne l'ivresse ?
Sais-tu pourquoi dans le plus doux moment
Mon œil distrait se voile de tristesse ?
Pourquoi souvent à ta main qui la presse
Ma froide main répond négligemment ?
Le sais-tu ? Non. Connais donc ma faiblesse.
Ris, tu le peux, de mes travers nouveaux :
Je suis jaloux, et jaloux sans rivaux !
Quand le présent m'enivre de délices,
Dans le passé je cherche des supplices.

ЦВЕТОК

Романс

Минутная краса полей,
Цветок увядший, одинокой,
Лишен ты прелести своей
Рукою осени жестокой.

Увы! нам тот же дан удел,
И тот же рок нас угнетает:
С тебя листочек облетел —
От нас веселье отлетает.

Отъемлет каждый день у нас
Или мечту, иль наслажденье.
И каждый разрушает час
Драгое сердцу заблужденье.

Смотри... очарованья нет;
Звезда надежды угасает...
Увы! кто скажет: жизнь иль цвет
Быстрее в мире исчезает?

В. А. Жуковский

К ДЕЛИИ

(Подражание Мильвуа)

Ты знаешь ли вину ужасного мученья,
Которым счастливый восторг мой отравлен? —
Ты знаешь ли, зачем в минуту наслажденья,
Мой взор подчас печалью омрачен?
Зачем руки твоей на нежно пожиманье
Я иногда не отвечал?
И наших уст при пламенном слиянье
Зачем свои уста я часто отвращал?
Не знаешь? — Так познай мои ты заблужденья
И смейся, смейся им:
Не зря соперника, я то же, что пред ним.

Ton cœur, réponds sans nul déguisement,
N'a-t-il battu que pour moi seulement ?
Durant les nuits, à l'heure où tout sommeille,
Jamais, dis-moi, les traits d'un autre amant
N'ont-ils troublé tes songes ni ta veille ?
Le regard fixe et le sein oppressé,
Te rappelant une image trop chère,
N'as-tu jamais, le soir, près de ta mère,
Laisse tomber le travail commencé ?
Tu me dis *j'aime*, et d'une voix si tendre !
Ce mot charmant, pour moi seul l'as-tu dit ?
Que sais-je ? Un autre avant moi l'entendit
Peut-être !... Eh bien ! je ne puis plus l'entendre.
Pardonne, hélas ! dans mon trouble fatal,
Je te parais injuste, ingrat ; mais j'aime !
Ah ! songe bien que pour l'amour extrême
Un souvenir est encore un rival.

LE RETOUR

Sur le chaume de ces demeures
Déjà le soir s'est abaissé.
Sortons de l'asile où les heures
Comme des instants ont passé.
Souris, amour, si la bergère,
Quittant la grotte bocagère,
En rapporte, selon mes vœux,
Un doux souvenir dans son âme,
Dans ses yeux une douce flamme,
Une feuille dans ses cheveux.

Коль настоящее... восторга упоенье,
Ищу в прошедшем заблужденья;
И сердце Делии — скажи открыто мне —
Ужели для меня лишь только трепетало?
И воспоминание, представивши тебе
Любезные черты, твой сон не возмушало?
Как с матерью сидела ты
В безмолвный ночи час, со взором потупленным
И с сердцем отягченным,
О милом призраке мечты,
Являясь в туманной дали,
Веретено твое ужель не затмевали? —
Богами счастье мне дано:
Люблю — сказала ты с улыбкой наслажденья;
Кто знает? — Это же прелестно изреченье,
Быть может, было уж к другим обращено...
Кто знает?.. Если так... его я отвергаю...
Прости, о Делия, меня!..
В мученьи пагубном, что я претерпеваю,
Кажусь неблагодарным я. —
Но я люблю — и вот мое все оправданье...
Соперник мой — есть даже Вспоминанье.

...й

* * *

На кровы ближнего селенья
Нисходит вечер, день погас.
Покинем рошу, где для нас
Часы летели как мгновенья!
Лель, улыбнись, когда из ней
Случится девице моей
Унести во взорах пламень томный,
Мечту любви в душе своей
И в волосах листок нескромный.

Е. А. Баратынский

LE POÈTE MOURANT

Le poète chantait : de sa lampe fidèle
S'éteignaient par degrés les rayons pâissants ;
Et lui, prêt à mourir comme elle,
Exhalait ces tristes accents :

«La fleur de ma vie est fanée ;
Il fut rapide, mon destin !
De mon orageuse journée
Le soir toucha presque'au matin.

«Il est, sur un lointain rivage,
Un arbre où le Plaisir habite avec la Mort.
Sous ses rameaux trompeurs malheureux qui s'endort !
Volupté des amours ! cet arbre est ton image.
Et moi, j'ai reposé sous le mortel ombrage ;
Voyageur imprudent, j'ai mérité mon sort.

«Brise-toi, lyre tant aimée !
Tu ne survivras point à mon dernier sommeil ;
Et tes hymnes sans renommée,
Sous la tombe, avec moi, dormiront sans réveil.
Je ne paraîtrai pas devant le trône austère
Où la postérité, d'une inflexible voix,
Juge les gloires de la terre,
Comme l'Egypte, aux bords de son lac solitaire,
Jugeait les ombres de ses rois.

« Compagnons dispersés de mon triste voyage,
O mes amis ! ô vous qui me fûtes si chers !
De mes chants imparfaits recueillez l'héritage,
Et sauvez de l'oubli quelques-uns de mes vers.

УМИРАЮЩИЙ ПОЭТ

(Из Мильвуа)

Поэт пел песнь свою предсмертную — и верной
Лампады тусклый луч едва-едва мерцал;
А он, готовый в гроб сойти, больной и бледный,
Печальные слова печально напевал.

«Цвет жизни моя завял; мой век несчастный
Быстролетящею мелькнул в глазах стрелой:
Зарю вечернюю мой бурный день ненастный
С передрабасветною соединил зарей.

Есть край далекий: там смерть братски с наслажденьем
На дереве одном нашла себе приют.
Несчастливы те, кто с сладким восхищеньем
Под сению его обманчивой заснут.

О наслаждение! Оно тебе подобно;
И, путешественник неопытный, я в злобной
Тени его не раз беспечно отдыхал —
И рок губительный постиг меня достойно!

Разбейся же в куски, возлюбленная лира!
Тебе не пережить мой смертный, скорбный час.
И песнопения, забвенные от мира,
Улягутся в мой гроб, земля где скроет нас.

Я не приду пред трон и строгий, и правдивый
Потомства, где оно и славе, и людям
Свой произносит суд, сей суд неумолимый,
Как древле приговор египтян их царям
Усопшим, в тишине у вод произносимый.

Простите же, друзья! Моей вы скоро жизни
Увидите закат; хоть несколько стихов
Прочтете вы моих при отправленьи тризны
И сохраните их на память обо мне.

Et vous par qui je meurs, vous à qui je pardonne,
Femmes ! vos traits encore, à mon œil incertain,
S'offrent comme un rayon d'automne,
Ou comme un songe de matin.
Doux fantômes ! venez ! Mon ombre vous demande
Un dernier souvenir de douleur et d'amour :
Au pied de mon cyprès, effeuillez pour offrande
Les roses qui vivent un jour. »

Le poète chantait : quand la lyre fidèle
S'échappa tout à coup de sa débile main ;
Sa lampe mourut, et comme elle,
Il s'éteignit le lendemain.

LivRE II

COMBAT D'HOMÈRE ET D'HÉSIODE

C'était dans la Calcide. A ses festins funèbres
Ganictor, appelant tous les chantres célèbres,
Pleurait Amphidamas ; et des jeux solennels
Achevaient d'apaiser les mânes paternels.
Trois fois la nuit sacrée a fait place à l'aurore,
Et le cirque poudreux vient de s'ouvrir encore.
Les lutteurs sont armés de leurs cestes pesants ;
L'huile coule à flots d'or sur leurs membres luisants,
Cependant que, jaloux d'un glorieux salaire,
Les chars ont déployé leur course circulaire.

Mais les derniers rayons du troisième soleil
Vont d'un combat plus noble éclairer l'appareil :
Nouveaux Automédons ! d'une main empressée
Sur les essieux brûlants jetez l'onde glacée ;
Vers la crèche abondante emmenez les coursiers,

А вы, кем жил, дышал, а ныне умираю,
О женщины! и днесь, как луч осенний в мгле,
Или сон утренний, ваш образ созерцаю.

Призраки милые! прошу в последний раз
В воспоминание любви и слез от вас,
К поэту-мертвецу толпой придите, девы,
Пучки нарвите роз мгновенных... где вы?»

Поэт не кончил песнь, а лира уж из рук
Бессильных выпала; затих унылый звук,
Лампада умерла, — назавтре и поэт
Угаснул на заре румяных, юных лет.

П. И. Хотяинцов

Книга II

ГЕЗИОД И ОМИР — СОПЕРНИКИ

Посвящено А. Н. О., любителю древности

Народы, как волны, в Халкиду текли,
Народы счастливой Эллады!
Там сильный владыка, над прахом отца
Оконча печальны обряды,
Ристалище славы бойцам отверзал.
Три раза с румяной денницей
Бойцы выступали с бойцами на бой;
Три раза стремили возницы
Коней легконогих по звонким полям,
И трижды владетель Халкиды
Достойным оливны венки раздавал.
Но солнце на лоно Фетиды
Склонялось, и новый готовился бой. —
Очистите поле, возницы!
Спешите! Залейте студеной струей
Пылающи оси и спицы,
Коней отрешите от тягостных уз
И в стойлы прохладны ведите;

Et séchez vos sueurs aux flammes des foyers.
Que de ses longs efforts l'athlète enfin respire.
Et vous, peuple ! écoutez: les maîtres de la lyre,
Hésiode encor jeune, Homère déjà vieux,
Se disputent le prix des chants harmonieux.
Du laurier d'Hippocrène une branche sacrée
S'agite dans la main du poète d'Ascrée ;
En ces mots il commence, et ses nobles chansons
De la lyre jamais n'empruntèrent les sons.

HÉSIODE

« Sur le mont des neuf Sœurs je portais la houlette :
Elles vinrent un jour, au milieu des troupeaux,
Saluer le pasteur du doux nom de poète ;
Je visitai leur temple et portai leurs bandeaux.

HOMÈRE

« Une nuit, je rêvai que l'oiseau du tonnerre,
Vers les bords du Mèlès se jouant avec moi,
M'emportait aux confins des cieux et de la terre,
Et me disait : « La terre et les cieux sont à toi. »

HÉSIODE

« Filles de Mnémosyne, augustes immortelles,
O Muses ! vous serez mes dernières amours.
Heureuse est la demeure où reposent vos ailes !
La palme et l'olivier l'ombrageront toujours.

HOMÈRE

« Honneur au roi des Dieux ! Autant le haut Gargare
Surpasse les rochers enfoncés dans la mer ;
Autant l'Olympe altier surmonte le Tartare ;
Autant parmi les Dieux domine Jupiter.

HÉSIODE

« Les Muses, vers le soir, entrelaçant leur danse,
Couronnent l'Hélicon de leur groupe joyeux :

Вы, пылью и потом покрыты, бойцы,
При пламени светлом вздохните,
Внемлите народы, Эллады сыны,
Высокие песни внемлите!

Пройдя из края в край гостеприимный мир,
Летами древними и роком удрученный,
Здесь песней царь Омир
И юный Гезиод, Каменам драгоценный,
Вступают в славный бой.
Колебя ма́слину священную рукой,
Певец Аскреи гимн высокий начинает
(Он с лирой никогда свой глас не сочетает).

ГЕЗИОД

Безвестный юноша, с стадами я бродил
Под тенью пальмовой близ чистой Иппокрены,
Там пастыря нашли прелестные Камены,
И я в обитель их священную вступил.

ОМИР

Мне снилось в юности: орел-громометатель
От Мелеса меня играючи унес
На край земли, на край небес,
Вещая: ты земли и неба обладатель.

ГЕЗИОД

Там лавры хижину простую осенят,
В пустынях процветут Темпейские долины,
Куда вы бросите свой благотворный взгляд,
О нежны дочери суровой Мнемозины!

ОМИР

Хвала отцу богов! Как ясный свод небес
Над царством высится плачевного Эреба,
Как радостный Олимп стоит превыше неба —
Так выше всех богов властитель их, Зевес!..

ГЕЗИОД

В священном сумраке, в сиянии Дианы,
Вы, Музы, любите сплетаться в хоровод

Ou, montant vers l'Olympe, elles vont en cadence
Savourer le nectar dans la coupe des Dieux.

HOMÈRE

« Jupiter ne meurt point : le sang de l'hécatombe
Jamais ne rougira le marbre de sa tombe ;
Sur sa tombe jamais les coursiers indomptés
N'iront briser les chars dans la lice emportés.

HÉSIODE

« Et nous, mortels promis à l'empire des ombres,
Nous verrons avant peu le nocher des enfers,
Et les dormantes eaux du fleuve aux rives sombres,
Qui seul de son tribut n'enrichit point les mers.

HOMÈRE

« Au terme inévitable à grands pas je m'avance :
Des Travaux et des Jours tu chantas l'ordonnance ;
Pour moi, faible vieillard que le temps a glacé,
Les travaux sont finis et les jours ont cessé.

HÉSIODE

« Fils du Mélès ! ta voix, prodige d'harmonie,
Est celle du vieux cygne aux sons mélodieux ;
L'Olympe est ton domaine, et ton puissant génie
Pénètre librement dans le conseil des Dieux.
Et toutefois, des maux épuisant l'urne amère,
Mendiant repoussé de palais en palais,
Tu maudiras la vie et le jour où ta mère
Reçut l'embrassement de l'amoureux Mélès.

HOMÈRE

« Pontife d'Hélicon ! tes vers sont l'ambrosie
Que la charmante Hébé verse aux banquets du ciel ;
Aux rives d'Olmus, la docte Poésie
A laissé sur ta bouche un rayon de son miel.
Redoute cependant les fêtes d'Ariane ;
Crains l'Amour, crains l'Eubée et ses flots ennemis !
Ta dernière heure est proche : invoqué par Diane,
Jupiter Néméen aux Parques t'a promis. »

Или, торжественный в Олимп свершая ход,
С бессмертными вкушать напиток Гебы рьяный...

ОМИР

Не знает смерти он: кровь алая тельцов
Не брызнет под ножом над Зевсовой гробницей;
И кони бурные со звонкой колесницей
Пред ней не будут прах крутить до облаков.

ГЕЗИОД

А мы все смертные, все паркам обреченны,
Увидим области подземного царя
И реки спящие, Тенаром заключенны,
Не льючи дань свою в бездонные моря.

ОМИР

Я приближаюсь к мете сей неизбежной.
Внемли, о юноша! Ты пел «Труды и дни»...
Для старца ветхого уж кончились они!

ГЕЗИОД

Сын дивный Мелеса! И лебедь белоснежный
На синем Стримоне, провидя страшный час,
Не слаще твоего поет в последний раз!
Твой гений проникнул в Олимп: и вечны боги
Отверзли для тебя заоблачны чертоги.
И что ж? В юдоли сей страдалец искони,
Ты роком обречен в печалях кончить дни.
Певец божественный, скитаяся, как нищий,
В печальном рубище, без крова и без пищи,
Слепец всевидящий! ты будешь проклинать
И день, когда на свет тебя родила мать!

ОМИР

Твой глас подобится амврозии небесной,
Что Геба юная сапфирной чашей лет.
Певец! в устах твоих поэзии прелестной
Сладчайший Ольмия благоухает мед.
Но... Муз любимый жрец!.. страшись руки злодейской,
Страшись любви, страшись Эвбеи берегов:
Твой близок час: увы! тебя Зевес Немейской
Как жертву славную готовит для врагов.

Ils cessaient ; mais la foule autour d'eux réunie
Se plut à prolonger ce combat d'harmonie.
Homère alors chanta d'une sublime voix
Les peuples immolés aux querelles des rois,
La Discorde attelant les coursiers de la guerre,
L'injure aux pieds d'airain foulant au loin la terre,
Et la Grèce, d'Achille embrassant les genoux.
Hésiode redit sur un mode plus doux
Le gai printemps séchant les larmes des Hyades ;
Les sept filles d'Atlas, les timides Pléiades
Sur le front du taureau s'élevant dans les airs ;
Le Soleil en vainqueur parcourant l'univers,
Et les Mois, les Saisons, dans leur marche ordonnée,
Suivant à pas égaux la route de l'année.
Il rappelait à l'homme instruit par ses leçons
Les jours chéris des Dieux, les soins dus aux moissons,
Le prix du temps, les fruits de l'austère sagesse,
Et les dons renaissants de la Bonne Déesse.

Ganictor, né timide, et dans la paix nourri,
Aux belliqueux accords n'était point aguerri ;
Il décerna la palme aux hymnes pacifiques :
Une noire brebis, deux trépieds magnifiques
Du prêtre d'Apollon payèrent les talents.
Homère, un vain laurier ceignit tes cheveux
blancs !...

Le vainqueur, aux regards de la foule
assemblée,
Du sang de la brebis dans le cirque immolée
Apaise avant le temps la Junon des enfers ;
Et les riches trépieds aux Muses sont offerts.
Le vieillard se dérobe aux louanges stériles.

Умолкли. Облако печали
Покрыло очи их... Народ рукоплескал.
Но снова сладкий бой поэты начинали
При шуме радостных похвал.
Омир, возвыся глас, воспел народов брани,
Народов, гибнущих по прихоти царей;
Приама древнего, с мольбой несуща дани
Убийце грозному и кровных, и детей;
Мольбу смиренную и быструю Обиду,
Харит и легких Ор, и страшную Эгиду,
Нептуна области, Олимп и дикий Ад.
А юный Гезиод, взлелеянный Парнасом,
С чудесной прелестью воспел веселым гласом
Весну роскошную — сопутницу Гиад;
Как Феб торжественно вселенну обтекает,
Как дни и месяцы рождаются в небесах;
Как нивой золотой Церера награждает
Труды годовичные оратая в полях.
Заботы сладкие при сборе винограда;
Тебя, желанный Мир, лелеятель долин,
Благословенных сел, и пастырей, и стада
Он пел. И слабый царь, Халкиды властелин,
От самой юности воспитанный среди мира,
Презрел высокий гимн бессмертного Омира
И пальму первенства сопернику вручил.
Счастливым Гезиод в награду получил
За песни, мирною Каменной вдохновенны,
Сосуды серебряны, треножник позлащенный
И черного овна, красу веселых стад.
За ним, пред ним сыны ахейские, как волны,
На край ристалища обширного спешат,
Где победитель сам, благоговенья полный,
При возлияниях, овна младую кровь
Довременно богам подземным посвящает
И Музам светлые сосуды предлагает
Как дар, усердный дар певца за их любовь.
До самой старости преследуемый роком,
Но духом царь, не раб разгневанной судьбы,
Омир скрывается от суетной толпы,
Снедая грусть свою в молчании глубоком.

Un enfant de Samos guide ses pas débiles ;
Et tous deux, sans regrets quittant ces bords
ingrats,
Vont chercher des amis, qu'ils ne trouveront pas.

HOMÈRE MENDIANT

« Beau séjour où l'Hermus épand ses flots sacrés,
Ville chère à Junon, ville aux coteaux dorés,
Dont la haute Sardène et son ombrage antique
Couronnent les vallons et l'autre prophétique,
Cumes ! je te salue. Au sein profond des nuits,
Trois fois un heureux songe a flatté mes ennuis :
Tout songe vient des cieus ; et Jupiter sans doute
De tes remparts divins m'a fait prendre la route.
Seul avec cet enfant que Samos a nourri,
Depuis douze soleils, sans secours, sans abri,
Je me traîne à pas lents sur l'inculte rivage.
Quelques fruits dédaignés de la brute sauvage,
L'herbage impur, vomé par le flot écumant,
De nos corps épuisés sont l'unique aliment.
Verra-t-on cet enfant, l'appui de ma misère,
Mourir à mes côtés en appelant sa mère ;
Verra-t-on le vieillard, de rocher en rocher,
Errer tel qu'un vaisseau privé de son nocher ?
Mon guide m'a conduit au seuil de l'opulence :
Au nom de ce rameau qu'en ma main je balance,
Laissez-vous attendrir à mes tristes accents,
Portes d'airain ! tournez sur vos gonds gémissants ;
Et mon guide ce soir, aux prochaines prairies,
Enlacera pour vous les guirlandes fleuries. »
Ainsi parle, accablé de ses cruels destins,
Un vieillard dont les yeux pour jamais sont éteints ;
C'est Homère ! A Lycus appartient cette enceinte
Où l'art des Doriens le dispute à Corinthe :
Pour les parvis des Dieux le marbre réservé
Soutient de son palais le portique élevé ;

Рожденный в Самосе убогий сирота
Слепца из края в край, как сын усердный, водит;
Он с ним пристанища в Элладе не находит...
И где найдут его талант и нищета?

К. Н. Батюшков

СТРАНСТВУЮЩИЙ ГОМЕР

Элегия в древнем вкусе

«О Кумы славные! Юноне град бесценный,
Где тихо Гермуса журчит поток священный,
Где к тучным пажитям склоняясь, древний лес
Скрывает таинства пророческих чудес,
Приветствую тебя. Во тьме глубокой ночи
Трикраты сладкий сон польстил страдальца очи.
Посланник Неба он — и в мирный твой предел,
Конечно, сам Зевес несчастного привел.
Дитя из Самоса одно в пути со мною:
Дванадцать денниц с ним, медленной стопою,
Брожу без помощи по диким берегам.
Плоды, противные и алчущим зверям,
Или нечистый знак, изверженный стремниной,
Усталым странникам был пищею единой.
Ужель товарищ мой, младенец нежный сей,
Лишенный матери, увянет в цвете дней?
Ужели, как корабль, вдруг кормчего лишенный,
С утеса на утес помчусь я, увлеченный?
Вот к прагу роскоши я приведен в тоске.
Дрожащей ветвью в слабеющей руке
Вас, медные врата, несчастный умоляет,
Пусть сострадание затворы отверзает —
И к украшению, в долине луговой,
Вам вязь цветущую сплетет вожатый мой».
Так старец говорит, несчастьем удрученный,
Так сетует слепец, с денницей разлученный.
Страдалец сей — Гомер! Вблизи чертог стоит,
Где вкус дорический Коринфа блеск мрачит.
В притворах мраморных — богам приличны входы;
Колонны гордые поддерживают своды.

Cent vierges, qu'enfanta l'Inde voluptueuse,
Couvrent de mets choisis sa table fastueuse,
Et dans les coupes d'or épanchent en ruisseaux
Les vins délicieux de Chypre et de Naxos,
Jusqu'à l'heure où, lassé de la bruyante orgie,
Il s'endort aux doux sons des flûtes de Phrygie.

Le vieillard, sur le seuil, aux nombreux serviteurs
Atteste du foyer les Lares protecteurs,
Le nom de suppliant, son âge et sa misère.
De Lycus qui déjà s'arme d'un front sévère,
Il s'approche, et, fidèle au signe accoutumé,
Baise humblement les bords du manteau parfumé :
« O Lycus ! l'homme heureux, tel qu'un dieu sur la terre,
Des biens de l'indigence est le dépositaire ;
Un favorable sort m'amène vers ces lieux :
L'étranger, tu le sais, vient de la part des Dieux ;
Ne me dédaigne pas. La Prière, éplorée,
Du puissant Jupiter est la fille sacrée.
Ne me dédaigne pas, Lycus ; mon seul trésor,
Cette lyre envers toi peut m'acquitter encor.
J'ai visité du Nil les campagnes fécondes ;
J'ai traversé la terre et parcouru les ondes :
Les peuples m'entouraient ; et les trépieds dorés
Furent souvent le prix de mes vers inspirés.
En écoutant mes vers, la docte Méonie
Croyait d'Apollon même entendre l'harmonie ;
Et les vieillards charmés se levaient devant moi.
J'ai chanté pour les Dieux, je chanterai pour toi.
Puisse ma voix monter à la voûte étoilée !
Puisse de Jupiter la faveur signalée
De jours délicieux composer tes destins !
Que l'ambre le plus pur s'exhale à tes festins ;
Que les Plaisirs, fixés dans tes belles demeures,
Précipitent pour toi les pas légers des Heures ;
Que le char des moissons fatigue tes taureaux ;
De tes saules nombreux que les souples rameaux
Ne suffisent qu'à peine à tresser les corbeilles
Qui rompent sous le poids des vendanges vermeilles !
Et moi, je reviendrai sous ces toits éclatants,
Ainsi que l'hirondelle au souffle du printemps,

Сто дев из Индии блестящей красотой
Одушевляют пир счастливица дорогой,
И кипрское вино гостям, за круговую,
Из золота чистого в сосуды льют рекою,
Дотоль, как утомясь, при звуке томных лир,
Хозяин сладким сном кончает шумный пир.

На праге, сонму слуг, пришельцем недовольных
Страдалец вспомянул о ларах, благосклонных
Ко жребью странника, лишённого очей.
Ликуса, — чье чело угрюмостью своей
Презренье гордое к несчастью знаменует, —
Слепец воскрылья риз, покорствуя, целует.
«Сын счастья, — он изрек, — подобен ты богам.
Ты тайный их глагол бескровным сиротам.
Счастлив, что я нашел чертог благоприемный:
Ты знаешь, от богов к нам шлется чужеземный,
Ты не отринь его. Лиющая ток слез,
Печальная Мольба есть дочь благих Небес.
Ах! не отринь слепца... и лирой вдохновенной
С тобою расплачусь — перед лицом вселенной.
Я зрел, как светлый Нил долины утучнял,
Я земли преходил, пучины преплывал,
Народов слышал плеск: восторги их святые
Несли мне часто в дар треножники златые.
Певцы Меонии, при звуке струн моих,
Мечтали, что сам Феб пленяет чувства их,
И старцев сонм я зрел, встающий предо мною.
Я пел богов — тебя превознесу хвалою.
Пускай мой громкий глас проникнет свод небес,
И милосердием подвигнутый Зевес
Велит — да жизнь твоя без горестей прядется.
На пиршествах твоих пусть амбры запах льется,
И сонмы Игр, Утех, одушевив твой кров,
Потщатся ускорить тебе полет часов.
Пускай волов твоих гнетет богатство нивы;
Да ветви гибкие многорастущей ивы
Несчетное число кошниц тебе дарят,
Которые чрез край наполнит виноград...
А я — я возвращусь под сень любви и мира,
Подобно ласточке, с дыханием зефира

Saluer de nouveau tes sonores portiques,
Et consacrer un hymne à tes dieux domestiques. »

« — Etranger, dit Lycus, porte ailleurs tes accords :
Fais entendre ton hymne au sombre dieu des morts ;
Il t'attend. Aussi bien ta plainte m'importune ;
J'eus toujours en horreur l'aspect de l'infortune. »
Triste, le cœur navré, le sublime vieillard
Au ciel qu'il ne voit plus lève encor son regard ;
Il sort ; mais près du seuil un instant il s'arrête :
« Que mes maux, ô Lycus ! retombent sur ta tête !
Puissent les immortels, justement irrités,
Borner enfin le cours de tes prospérités !
Puisse ta dernière heure amener à ta porte
D'héritiers à l'œil sec un avide cohorte
Qui, dévorant tes biens, semble te reprocher
L'obole que la mort paie au fatal nocher !
Toi, ville sans pitié, sourde aux chants du poète,
Que pour tes murs ingrats la lyre soit muette !
Et qu'elle-même un jour la sévère Junon
Abandonne à l'oubli ta poussière sans nom ! »
Aussitôt de l'enfant la main compatissante
Le guida vers les bords de la mer blanchissante ;
Et, sur la grève assis, le vieillard en ces mots
Chanta son dernier chant, au bruit mourant des flots :

« O fleuve paternel ! beau Mèlès ! doux rivage
Où Chritéis, ma mère, éleva mon jeune âge,
Quand Jupiter encor permettait à mes yeux
De voir les traits de l'homme et la clarté des cieux !
Frais vallons ! bois sacrés ! verdoyantes prairies !
Laissez, laissez du moins vos Nymphes attendries
Aux fidèles échos redire quelque jour
Votre Méléligène exilé sans retour.
Et vous, dont je n'obtins pour ombrager ma tête
Qu'un stérile laurier, jouet de la tempête,
Muses, filles du ciel ! recevez mes adieux.
Je ne chanterai plus les héros, ni les Dieux,
Ni les tours d'Ilion par les Grecs menacées ;
Ni l'épouse d'Hector devant les portes Scées ;
Ni d'Achille outragé l'inflexible repos ;
Ni le fils de Laërte au loin battu des flots.

Приветствовать тебя, веселья звучный храм,
И гимны посвятить отеческим богам».

«Пришлец, — вещал Ликус, — прерви свое ты пенье;
Плутону обреки свой дар и вдохновенье.
Он ждет тебя. Сердец не тронешь здесь, стена,
Страданья зрелище противно для меня». —
Певец божественный, вняв с горестью укоры,
К незримым небесам возвел в мечтании взоры,
И рек он, отходя, с разгневанным челом:
«Пусть боги, в праведном отмщении своем,
Ликус, тебе сберут в грядущем наказанья,
И на главу твою низвергнут все страданья.
Пусть счастья твоего золотые дни прервут;
Пусть в твой смертный час наследники придут,
Сокровища твои заране пожирая;
Вручат Харону дань, тебе в ней упекая.
А ты — не внемлющий несчастного судьбе,
Неблагодарный град! я смолкну о тебе.
Да мать самих богов к тебе сурова будет,
И прах твой на земле и с именем забудет». —
Потом, предавшись он младенческим рукам,
Пошел на брег крутой, к пенящимся волнам,
И внемля, как вдали их ропот замирает,
Так песнь последнюю он тихо начинает:

«Прости, о Мелеса родимый берег мой,
Где я близь матери цвел жизнью молодой,
Когда Юпитера всемошною десницею
Отверст мне был весь мир с блестящею денницею.
Поля цветущие! сенистые леса!
Увянет ваших нимф в стенаниях краса,
И Эхо повторит их жалобы стократно,
Что изгнан ваш певец в чужбину невозвратно!
А вы, от коих я был лавром осенен,
Кем оный грозных бурь был в жертву обречен,
О Музы! вы певца внемлите глас прощанья.
Героев и богов не мне уж петь деянья;
Ни осаждаемый от греков Иллион,
Ни Гектора молодой супруги тщетный стон,
Ни дух возвышенный Ахилла пред врагами,
Ни все Улиссовы напасти за морями;

Déjà ma voix ressemble à la voix monotone
De la faible cigale aux premiers jours d'automne ;
Déjà cessent pour moi les sons mélodieux :
Muses, filles du ciel ! recevez mes adieux. »

Homère ainsi chantait, quand le dieu de la lyre
Fit entendre ces mots au fond du sombre empire :
« O Parques, arrêtez ! L'arbitre souverain
Ravit les jours d'Homère à vos ciseaux d'airain. »
Il dit, et l'enleva dans le sein du nuage ;
Et l'enfant de Samos resta seul sur la plage.
Les Sirènes, dit-on, ces Muses de la mer,
Recueillirent le chantre aimé de Jupiter ;
Et quand, la lyre en main, belles Achéloïdes,
Il charme de sa voix vos demeures humides,
Le nocher se dérobe à vos enchantements ;
Thétis même, du fond des gouffres écumants,
L'écoute ; et, célébré par le divin Homère,
Le nom d'Achille encor fait soupirer sa mère.

LES ADIEUX D'HÉLÈNE

Tu dors, ô Ménélas ! et la liquide plaine
Balance le vaisseau qui doit ravir Hélène.
Sur les parquets de cèdre, effleurés en tremblant,
Elle posait dans l'ombre un pied furtif et lent ;
Un obstacle imprévu l'arrête... elle frissonne...
Hélas ! ses mains touchaient le berceau d'Hermione.
Le ciel pour la punir lui gardait ces adieux.
« O ma jeune Hermione, ô fille aimable et chère !
Dit-elle, ma faveur te demandait aux Dieux ;
Et je pars ! et demain tu n'auras plus de mère ! »

A ces mots, l'œil baissé, tout entière à son deuil,
Du palais conjugal elle passe le seuil,
Et répète, en gagnant les rives écartées :
« O Pudeur ! où fuis-tu quand tu nous as quittées ? »

Теперь лишь слух томит унылый голос мой,
 Как насекомого осеннею порой.
 Исчезли для меня все чувств очарованья,
 О Музы! вы певца внимлите глас прощанья!»

Так пел Гомер. Как вдруг могущий Аполлон
 Тенара в области изрек судеб закон:
 «Всесильный бог богов для славного примера
 От Парков вретена похитил дни Гомера». —
 Изрек — и с ним исчез в прозрачных облаках,
 Младенца-спутника оставя на брегах.
 Сирены в торжестве струями всплескали
 И в лоно вод певца Юпитера прияли.
 Когда ж любимцу Муз, пучины в глубине,
 Все царство влажное внимает в тишине,
 Пловцам не пагубны в пути Ахелоиды.
 В пенистой пропасти пленен и слух Фетиды,
 Коль подвиги Гомер Ахилловы звучит, —
 И к сыну милому вздох матери летит.

Д. П. Глебов

БЕГСТВО ЕЛЕНЫ

(Из Мильвуа)

Ты спишь, о Менелай! а парус окрыленный
 Готов на чуждый брег лететь с твоей Еленой!
 По кедровым полам, сокрыта ночи тьмой,
 Тая дыхание, трепещущей стопой
 Идет она — и вдруг едва удержит стоны:
 Пред нею колыбель невинной Гермियोны!
 Сей вид был казнию разгневанных небес!
 «Почто внимал, — гласит, — мольбам моим Зевес?
 Почто, дочь милая, дана ты мне судьбою?
 Мгновенье — и навек расстанусь я с тобою!»
 Сказала, и спешит, потупив дикий взор,
 Оставить нежну дочь, супруга, царский двор,
 Спешит найти корабль от града в удаленье.
 Но счастья не найдет ценою преступленья!

Des astres de la nuit brillaient les feux naissants :
Hélène, à leurs clartés, contemple cette terre,
Ces prés, ces eaux, témoins de sa fuite adultère ;
Et sa douleur s'exhale en ces tristes accents :
« Couvrez-vous d'un long deuil, odorantes prairies
Qu'au jour de mon hymen mes compagnes chéries,
La corbeille à la main, dépouillèrent de fleurs !
Péris, arbre sacré, qui fus l'arbre d'Hélène,
Péris ! que des autans l'impétueuse haleine
Sèche ton vert feuillage et fane tes couleurs !
Je ne reverrai plus ton fortuné rivage,
Bel Eurotas ! adieu. Vous, cygnes de ces bords,
Dont un dieu pour ma mère emprunta le plumage !
Formez avant le temps d'harmonieux accords ;
Que d'échos en échos votre chant se répète,
Et porte mes regrets aux nymphes du Taygète. »

Elle aperçoit alors ces platanes nombreux
Qui du long Céramique ornent le sein poudreux.
C'est là que devant elle une foule en extase
Oubliait pour la voir les combats du gymnase ;
C'est là que les vieillards se redisaient entre eux :
« Qu'elle est belle ! et combien Ménélas est heureux ! »
Plus loin, à ses regards, sur la haute colline,
De Minerve apparaît la demeure divine.
Elle rougit ; baissant la tête sur son sein,
Elle tourne ses pas vers le temple prochain :
Ce temple est à Vénus, mais à Vénus armée.
Hélène alors s'arrête : interdite, alarmée,
Elle croit que déjà la déesse en fureur
De ses futurs destins lui présage l'horreur ;
Elle croit, dans l'effroi dont son âme est saisie,
Voir les feux de l'autel s'élançant vers l'Asie.
Soudain Pâris accourt, d'espérance enflammé ;
Autour de lui s'exhale un nuage embaumé :
« Viens, tout est prêt ; Thétis a reçu mon offrande ;
Le zéphyr nous appelle, et la mer te demande.
Viens, ô ma belle amante, ô fille de Lédà !
Vénus veille sur nous des hauteurs de l'Ida,
Des mortels ni des dieux ne crains plus la colère :

Унылый свет луны свод неба серебрил.
При полном свете сем царицы взор бродил
По рощам, по водам, которых убегает,
И мрачну скорбь души в сих звуках изливает:
«Да кроет вечный мрак благоуханный луг,
Руками обнажен младых моих подруг
Для брачного венка невесте восхищенной!
Погибни, нежный мирт, Елене посвященный!
Да листвиен лишен дыханьем грозных бурь,
Поблекнет навсегда цветов твоих лазурь!
Прости, Европы брег, брег тихий, безмятежный,
Прости навек! А ты, о лебедь белоснежный,
В чей вид облекся бог для матери моей,
Воспой — и песню предвременной своей
Из края в край неси Елены преступленья!
Да нимфы Тайгета познают сожаленье!»

Вблизи ряд яворов встречает скорбный взгляд,
Которые вокруг ристалища шумят.
Там юноши пред ней, в безмолвном изумленьи,
Позабывали бег, борьбу, коней стремленье;
И старцы, красоту своей царицы зря,
В слезах дивились ей и счастью царя!
Вдали представился гор диких на вершине
Великолепный храм премудрости богине;
Елена смутная, склонив главу на грудь,
Бежит сих мест, другой избрала путь, —
И видит пред собой храм мстящей Афродиты!
Моленья замер глас в устах полуоткрытых:
Мнит зреть разгневанну богиню пред собой,
Зреть будущность — и с ней ужасный жребий свой,
Священный видеть огонь, во храме сем горящий,
К Азийским берегам за нею вслед летящий!
Но вдруг предстал Парис, надеждой окрылен;
Как амброю вокруг стал воздух растворен.
«Приди! все ждет тебя; к нам боги благодатны,
Корабль готов, и ветер подул благоприятный.
Приди, укрась собой троянцев пышный двор!
Над нами, Леды дочь, Венеры мощный взор!
Но утренней звездой сребрится моря пена.
Не страшно мщенье нам ни смертных, ни богов:
Приам родитель мой, Венера нам покров!»

Vénus est ma déesse, et Priam est mon père. »
Il dit ; la triste Hélène, en soupirant tout bas,
De son nouvel époux suit lentement les pas,
Non sans redire, au bruit des ondes agitées :
« O Pudeur ! où fuis-tu, quand tu nous as quittées ? »

LA NÉRÉIDE

Quittez pour l'Océan la source Aganippide,
Muses ! chantez Caltha, la blanche Néréide.

Vierge encor, de Doris et l'amour et l'espoir,
Des filles de Doris elle était la plus belle.
Thétis l'aimait, Thétis se plaisait à la voir ;
Les grands dieux de la mer s'empresaient autour d'elle.
Les Nymphes l'admiraient ; les Tritons complaisants
A ses pieds, chaque jour, apportaient leurs présents ;
Même on dit qu'une fois le pasteur de Nérée,
Pour elle répétant la chanson désirée,
Oublia de veiller sur ses phoques pesants.

Quittez pour l'Océan la source Aganippide,
Muses ! chantez Caltha, la blanche Néréide.

Monarque aux flèches d'or, que révère Délos !
A l'heure où tes coursiers se plongent dans les flots,
Tu la vis, tu l'aimas ; et la Nympe charmante
T'apparaissait, les nuits, sur la vague écumante.

Sur la vague, une nuit, dans le calme des airs,
Des oiseaux de Thétis écoutant les concerts,
Elle vit un nocher, dont la barque sans voiles
Voguaît légèrement aux rayons des étoiles,
Tandis que l'aviron, de son bruit mesuré,
Accompagnait ce chant par l'amour inspiré :

Сказал, — и скорбная, смущенная Елена
Стремится нового супруга по следам.
Когда ж приблизилась к Троянским берегам,
Не в силах скрыть была души оцепененья!
Ах! счастья не найдет ценою преступленья!

А. Ф. Раевский

НЕРЕИДА

Элегия

(Из сочинений Мильвуа)

О музы! оставьте шумящие воды Пермесса
И Кальфу воспойте, морей белогрудую нимфу!

Дориды отрада, любимица гордой Фетиды,
Из дочерей Нерея была всех прелестнее Кальфа.
В восторге дивились ей боги. Влюбленны тритоны
Ей каждое утро сокровища в дар приносили;
И сам повелитель морей, сын могущий Сатурна,
Нередко, оставив украдкой объятья супруги,
Смотрел и смущался, любуясь на юную Кальфу.

О музы! оставьте шумящие воды Пермесса
И Кальфу воспойте, морей белогрудую нимфу!

О царь златострелый природы! кончая путь горный
И в область пролады уставших коней погружая,
Ты видел прекрасную, видел — и образ бессмертной
Навеки с любовью остался в трепещущем сердце.

Однажды, прельстясь приятной прохладой ночи,
Она, разметавшись, на светлых водах отдыхала.
Вдруг видит сквозь сумрак: вдали там в ладье без

ветрила

Пловец незнакомый сидит одинок и задумчив,
Небрежно раскинувши сети. Окрестные волны,
Хребтами ладью колыхая и с шумом невнятным
Волнуясь, вторили песне, любовью внушенной:

« Accours, hôte léger de la plaine liquide !
De mes filets tendus ne crains plus les réseaux,
Ni l'hameçon qui flotte à la ligne perfide :
Typhis est amoureux d'une fille des eaux ;
Amoureux sans espoir ! De quel œil verrait-elle
Un simple nautonnier chérir une immortelle ?
Je n'ose de son nom charmer l'écho des mers,
De peur qu'en se jouant Zéphyre sur son aile
Ne le porte à Doris ; et mon cœur le recèle,
Caché comme la perle au sein des flots amers. »

Quittez pour l'Océan la source Aganippide,
Muses ! chantez Caltha, la blanche Néréide.

Chaste Nymphé ! ta voix fit entendre ces mots :
« Jeune et beau nautonnier, que ton cœur se rassure.
Du chasseur de Vénus tu connais l'aventure.
Lorsque Diane, un jour, s'égara vers Lathmos,
Un pasteur dénoua sa pudique ceinture.
Le nautonnier doit plaire à la fille des eaux :
Les dieux eurent souvent des mortels pour rivaux ;
Et peut-être, ô Typhis ! la beauté qui t'est chère
A l'azuré Glaucus en secret te préfère. »
Une main sur la poupe, elle tient ces discours :
Et cependant la barque avait suivi son cours ;
Et Typhis, s'inclinant sur la rame agitée,
Abordait en silence à la dune écartée.
« O déesse ! a-t-il dit, que vos pas immortels
Daignent toucher le seuil de mon humble cabane !
Dès demain ce séjour ne sera plus profane ;
Je veux, en votre honneur, y dresser des autels. »
Elle cède... O surprise ! ô piège inévitable !
Typhis est Apollon : de son front radieux
La splendeur éblouit la Néréide aimable !
Et le cri virginal retentit jusqu'aux cieux.
Doris l'entend ; Doris, par sa fille implorée,
Assiste, mais trop tard, la pudeur explorée.
Le Dieu cherche la Nymphé ; il ne voit qu'une fleur,
Fleur triste, et des regrets infortuné symbole.
Il décore du moins de sa vive couleur
L'épouse d'un moment que sa pitié console,
Et le nom de souci rappelle sa douleur.

«Играйте, безмолвные жители светлой равнины!
 Не бойтесь сетей сих, незлобно раскинутых в море!
 Тифис не мечтает о ловле. Тифис обожает
 Прекрасную нимфу. Почто не рожден я бессмертным?
 Томясь безнадежно, мой голос не смеет поверить
 Волнам ее имя, боясь, чтоб Зефир легкокрылый,
 Кружась над водой, не шепнул его строгой Дориде.
 И в сердце моем оно скрыто с несчастной любовью,
 Как перл драгоценный на дне безызвестной пучины».

О музы! оставьте шумящие воды Пермесса
 И Кальфу воспойте, морей белогрудую нимфу!

О нимфа! ты песне внимала Тифиса и, сжалась
 Над бедным, с слезами несчастного так утешала:
 «О юноша милый! что рано знакомиться с грустью?
 И песнью унылой смущая надводное эхо,
 С надеждой прощаться? Ты знаешь любовь Адониса,
 Ты помнишь, как в мрачной пещере Латмоса Диана
 Сронила свой девственный пояс? Как часто от смертных
 Зависело счастье богов. И быть может, что нимфа,
 Прельстившая сердце Тифиса, невольно пылает
 К нему потаенной любовью». — Так Кальфа вещала,
 На челн опершился рукою. Тифис же, в молчаньи
 К веслу приклонясь, плыл тихо к ближайшему берегу.
 «О нимфа! — сказал он, — почтишь ли жилище Тифиса?
 Сойди на пустынный сей остров! Он дик и бесплоден;
 Но ты, появяся, дохнешь в него новою жизнью,
 И завтра ж с зарею алтарь я воздвигну бессмертной!»
 Она согласилась. Беспечно ступает на землю.
 Отпрыгнула лодка — и что же? О чудо! В Тифисе
 Явился ей сам Аполлон. От чела запылала
 Окрестность, и девственный крик до небес отозвался!
 Дорида, Дорида спешит к ней (на помощь) — но
 поздно.

Счастливым бог света в восторге зовет еще нимфу,
 Зовет — но молчанье кругом, и на месте прекрасной
 Один ноготок лишь качается тихо на стебле.
 В унынии Феб отягченной главой преклонился.
 Потухло чело. Вся природа покрылася мраком.

N'éclairant qu'à demi les célestes campagnes,
A la terre, trois jours, il voila ses rayons ;
Et, trois jours, de Caltha les plaintives compagnes
Mêlèrent leurs soupirs aux voix des Alcyons.

Quittez pour l'Océan la source Aganippide,
Muses ! pleurez Caltha, la blanche Néréide.

LES DERNIERS MOMENTS
DE VIRGILE

Seul, loin de son pays, au fond d'une chaumière,
Près de fermer ses yeux à la douce lumière,
Virgile prit sa lyre, et sa touchante voix
Se fit entendre ; hélas ! pour la dernière fois :

« Noble Auguste ! sans moi poursuis ton beau voyage.
Le mien est terminé. Je succombe avant l'âge ;
Et déjà de la mort le trouble avant-coureur
Fait tressaillir mon sein d'une vague terreur.
En vain tu m'as rendu le doux sol de mes pères,
Je n'en jouirai pas ; et des mains étrangères
Déposeront ma cendre en des champs ignorés.
Charmante Parthénope ! heureux bords ! monts sacrés !
Vous que je choisissais pour dernière patrie !
O ! sous vos frais coteaux à la pente fleurie
Combien ma cendre un jour eût dormi mollement !
Les Nymphes de vos bords sur l'humble monument,
Le soir, eussent posé leur couronne champêtre,
Et plus d'un voyageur l'eût visité peut-être.
Adieu, séjour natal, terre où je fus nourri !
Adieu, toit paternel, héritage chéri !
Humble Mantoue ! adieu. Que Mars enfin pardonne
A tes champs trop voisins de la triste Crémone !

Vous que j'ai tant aimés, je ne vous verrai plus,
Tibulle, Horace, Ovide, et toi tendre Gallus !
Songez à moi : plaignez mon destin trop rapide.
Trois fois à vos banquets laissez ma place vide ;

Три дни сокрывался от мира луч света отрадный,
И три дни подруги печальные Кальфы, сливая
Свой голос с унылою песнью ночной Гальционы,
Стенаньем своим оглашали смущенную землю.

О музы! оставьте шумящие воды Пермесса
И Кальфу оплачьте, морей белогрудую нимфу!

И. Е. Великопольский

УМИРАЮЩИЙ ВИРГИЛИЙ

В убогой хижине, один среди чужбины,
Виргилий, на одре болезненной кончины,
Взял лиру — и его прощальный, томный глас
Раздался так, увы! уже в последний раз:
«О Август! продолжай ко славе путь прекрасный!
Мой кончен. Уж судьба меня не пощадит!
И рано, лютых Парк предшественник ужасный,
Безвестный некий клад всю грудь мою теснит!
Напрасно возвращен тобою и богами
Мне уголок земли на отческих брегах!
Меня не примет он — и чуждыми руками
Я буду погребен в незнаемых полях!
О Партенопа! град, которого равнины
Своим пристанищем последним я считал!
О, сколь завидны мне холмов твоих вершины!
Сколь мирно бы мой прах под ними почивал!
И нимфы оных мест на памятник смиренный
Носили бы цветы вечернею порой,
И странник, может быть молвою привлеченный,
Не раз бы посещал приют спокойный мой!
Прости ж, о Мантуа, наследие родное,
Прости, блаженный кров моих безвестных дней!
Кремоны горестной соседство роковое
Да не страшит моих отческих полей!..
Вы, други милые, я расстаюся с вами!
Тибулл, Овидий, Флакк и ты, о нежный Галл,
Восплачьте обо мне! и трижды за пирами
То место, где меж вас я, други, заседал,

Que vos coupes, trois fois, épanchent de leurs bords
La libation sainte aux déesses des morts ;
Et, pour prix de vos soins et de votre tendresse,
Je dirai vos beaux vers aux chantres de la Grèce.
Plus malheureux, je meurs, à ma gloire arraché,
Et mon plus digne ouvrage est à peine ébauché !»

Il reprend, à ces mots, l'immortelle Enéide ;
Et d'instant en instant son regard plus rigide
D'une froide ordonnance accuse la langueur :
« Faible étude ! a-t-il dit, esquisse sans vigueur,
Périssez ! A mon nom vous feriez trop d'outrage,
Et je lègue au bûcher mon imparfait ouvrage.
Approchez, Almédon, et recueillez mes vœux.
Quand je ne serai plus, jetez au sein des feux
Ces timides essais, fruits d'un talent novice,
Et dites : « Aux neuf Sœurs j'offre ce sacrifice. »

Tel est son vœu suprême et son dernier accent.
Il s'endort ; et du jour le rayon renaissant
Ne viendra point rouvrir sa pesante paupière.
Bientôt, de vastes feux éclairant la chaumière,
Almédon, trop fidèle aux souhaits d'un mourant,
Embrase et le sapin et le cèdre odorant.
Belle Enéide ! adieu ; c'en est fait. Mais que dis-je !
La flamme tourbillonne, et s'éteint par prodige.
De ce prodige heureux, quatre fois accompli,
Le vieillard fut frappé : d'un saint effroi rempli,
Il reconnut des cieux la volonté propice ;
Et, dès lors affranchi d'un fatal sacrifice,
Il transmet aux Romains avec un soin pieux
Ce poème immortel protégé par les Dieux.

LE BÛCHER DE LA LYRE

A la fière Cléis tes chants ont pu déplaire ;
Elle a maudit tes chants, ô lyre des amours !
Il faut qu'un sacrifice apaise sa colère :
Tu dois périr ; adieu, Lyre, adieu pour toujours !

Да будет пусто. Вы ж свершите возлиянье
Плутоновой страны всесильным божествам;
И ваши я стихи, чувств дружных в воздаянье,
Протекших лет певцам Еллады передам!
Но смерть, меня навек от славы увлекая,
Близка — а подвиг мой еще недовершен!...
При сих словах, глаза кругом себя вращая,
Хладеющей рукой взял Энеиду он,
И вдруг воскликнул так, недугом изнурен:
«Прочь, слабое дитя, ничтожный мира житель!
Лишь имени певца упреком будешь ты!
Погибни на костре! Пусть пламень-истребитель
Разрушит юных лет безумные мечты!
Когда ж угасну я, о Альмедон любезный,
Молю, не позабудь обет единый мой:
Сожги ты в жертву муз сей труд, столь бесполезный,
Давно, давно уже им обреченный мной!..»
И с гимном сим его прервалося дыханье,
И замер на струнах плачевный лиры звон.
Но вот — чтобы свершить Поэта завещанье, —
С благоговением усердный Альмедон
Средь хижины возжег и ель и кедр душистый...
«О Энеида! твой последний близок час!»
Сказал... но перед ним мгновенно пламень чистый,
Как очарованный, рассеявшись, погас!
Трикраты обновлен, огонь, старца пред очами,
Все гаснул. Альмедон исполнен страха был;
И римлянам, как дар благих небес, вручил
Поэму дивную, спасенную богами!..

И. П. Бороздна

ЛИРА, ПРИНЕСЕННАЯ В ЖЕРТВУ

(Из Мильвуа)

Аминту гордую ты, лира, прогневляешь;
Твой каждый страстный звук — жестокий ей упрек;
Но ты во пламени гнев ярый утоляешь:
Погибнуть ты должна: прости, прости навек!

« O Nymphes des coteaux, Oréades légères,
Venez ; venez aussi, déités des forêts !
Apportez les parfums des plantes bocagères,
Quelques lauriers, un myrte, et de jeunes cyprès.

« Les dieux aiment les fleurs qui parent la victime ;
Couronne-toi de fleurs une dernière fois,
Lyre ! au suprême instant que ta voix se ranime. »
Et la Lyre en ces mots fit entendre sa voix :

« Toi que j'ai consolé, songes-y bien, dit-elle,
Les Dieux, les justes Dieux punissent les ingrats.
L'amour vit peu d'instant, la gloire est immortelle :
Quelque jour, mais en vain, tu me regretteras.

« A tes doigts répondaient mes cordes poétiques ;
Je m'éveillais pour toi dans le calme des nuits :
J'aurais fait plus encor ; sous les cyprès antiques,
L'Elégie en tes vers eût pleuré ses ennuis.

« Vers les bords du Mélès, pour toi du Méonide
J'eusse été recueillir quelque chant commencé,
Ou chercher à Céos du touchant Simonide
Les nobles vers, perdus dans la nuit du passé.

« J'ouvrirais à tes pas la grotte accoutumée
Où rêvait Théocrite, où ses chants tous les soirs
Retentissaient, plus purs que l'huile parfumée
Dont l'or, dans Sicyone, inonde les pressoirs.

« Un jour je sommeillais dans les bois d'Aonie :
La muse me toucha d'un magique rameau,
Et d'un mode inconnu m'enseigna l'harmonie ;
Mais j'emporte avec moi ses secrets au tombeau. »

Elle a cessé. Les feux, qu'allume le zéphyre,
A travers les parfums emportent ces adieux ;
Et toutefois, dit-on, des cendres de la Lyre
S'exhala jusqu'au soir un son mélodieux.

О нимфы сих долин, резвясь, ко мне бегите,
И сонм лесных богов, толпою соберись;
Кошницу алых роз для жертвы принесите,
Немного лавров, мирт и юный кипарис.

Вот жертва на костре и убрана цветами.
О лира, ты теперь обречена богам;
Греми в последний раз волшебными струнами!..
И тихо пробежал звук томный по струнам:

«Остановись... о ты, чью жизнь я услаждала;
Ты звал богов — их гнев неблагоприятным мстит.
Любовь есть миг; а я — бессмертие стяжала;
Раскаешься... но вопль меня не воскресит.

Я пробуждалась твоим прикосновеньем,
Делила грусть твою, одна, в глуши ночной;
И впредь, во мраке сосн, питаюсь вдохновеньем,
Элегии тоску воспела бы с тобой.

Там, где плескается младая Касталида,
Внушила б я тебе пленительный предмет;
Иль воскресила бы дух скорбный Симонида
В стихах, потерянных во тьме минувших лет.

Открыла бы в горах те мрачные ущелья,
Где Теокрит мечтал; где звук его стихов,
Тревожа сон озер и эхо подземелья,
Как нектар сладостный, пленял самих богов.

Однажды в рощах я Аонии дремала;
И муза, пробудив молчание в лесу,
Созвучий новых мне согласие показала;
Но тайну их с собой в могилу понесу».

Затихла... огонь блеснул — и, вспыхнув от зефира,
Умчал прощальный гимн сквозь тонкий пар цветов.
И звоном жалобным перед кончиной лира
За гибель мщенья просила у богов.

Ал. Норов

Livre III
Chants élégiaques

L'ARABE AU TOMBEAU DE SON COURSIER

Ce noble ami, plus léger que les vents,
Il dort couché sous les sables mouvants.

O voyageur ! partage ma tristesse ;
Mêle tes cris à mes cris superflus.
Il est tombé, le roi de la vitesse !
L'air des combats ne le réveille plus.
Il est tombé dans l'éclat de sa course :
Le trait fatal a tremblé sur son flanc ;
Et les flots noirs de son généreux sang
Ont altéré le cristal de la source.

Ce noble ami, plus léger que les vents,
Il dort couché sous les sables mouvants.

Du meurtrier j'ai puni l'insolence ;
Sa tête horrible aussitôt a roulé :
J'ai de son sang abreuvé cette lance,
Et sous mes pieds je l'ai longtemps foulé.
Puis, contemplant mon coursier sans haleine,
Morne et pensif, je l'appelai trois fois ;
En vain, hélas !... il fut sourd à ma voix ;
Et j'élevai sa tombe dans la plaine.

Ce noble ami, plus léger que les vents,
Il dort couché sous les sables mouvants.

Depuis ce jour, tourment de ma mémoire,
Nul doux soleil sur ma tête n'a lui :
Mort au plaisir, insensible à la gloire,
Dans le désert je traîne un long ennui.
Cette Arabie, autrefois tant aimée,
N'est plus pour moi qu'un immense tombeau :
On me voit fuir le sentier du chameau,
L'arbre d'encens et la plaine embaumée.

Книга III

Элегические песни

ПЕСНЬ АРАБА НАД МОГИЛОЮ КОНЯ

Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит — на зыбкий одр песков пустынных пал.

О путник, со мною страданья дели:
Царь быстрого бега простерт на земли;
И воздухом брани уже он не дышит;
И грозного ржанья пустыня не слышит;
В стремленье погибель его нагнала;
Вонзенная в шею, дрожала стрела;
И кровь благородна струею бежала;
И влагу потока струя обагряла.

Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит — на зыбкий одр песков пустынных пал.

Убийцу сразила моя булава:
На прах отделенна скатилась глава;
Железо вкусило напиток кровавый,
И труп истлевает в пустыне без славы...
Но спит он, со мною летавший на брань;
Трикраты воззвал я: сопутник мой, встань!
Воззвал... безответен... угаснула сила...
И бранные кости одела могила.

Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит — на зыбкий одр песков пустынных пал.

С того ненавистного, страшного дня
И солнце не светит с небес для меня;
Забыл о победе, и в мышцах нет силы;
Брожу одинокий, задумчив, унылый;
Имена доселе драгие края
Уже не отчизна — могила моя;
И мною дорога верблюда забвенна,
И дерево амвры, и куща священна.

Ce noble ami, plus léger que les vents,
Il dort couché sous les sables mouvants.

Quand du midi le rayon nous dévore,
Il me guidait vers l'arbre hospitalier ;
A mes côtés il combattait le More,
Et sa poitrine était mon bouclier.
De mes travaux compagnon intrépide !
Fier, et debout dès le réveil du jour,
Au rendez-vous et de guerre et d'amour
Tu m'emportais comme l'éclair rapide.

Mais, noble ami, plus léger que les vents,
Tu dors couché sous les sables mouvants.

Tu vis souvent cette jeune Azéide,
Trésor d'amour, miracle de beauté ;
Tu fus vanté de sa bouche perfide ;
Ton cou nerveux de sa main fut flatté.
Moins douce était la timide gazelle ;
Des verts palmiers elle avait la fraîcheur...
Un beau Persan me déroba son cœur ;
Elle partit !... tu me restas fidèle.

Mais, noble ami, plus léger que les vents,
Tu dors couché sous les sables mouvants.

Entends du moins ton maître qui te pleure !...
Il te suivra : réunis dans la mort,
Nous dormirons dans la même demeure...
Glisse sur nous, fraîche haleine du nord !
Tu sortiras de la tombe poudreuse,
Et sans ton maître, au jour du grand réveil,
Tranquille et fier, dans les champs du soleil,
Tu poursuivras ta route lumineuse.

Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит — на зыбкий одр песков пустынных пал.

В час зноя и жажды скакал он со мной
Ко древу прохлады, к струе ключевой;
И мавра топтали могучи копыта;
И грудь от противных была мне защита;
Мой верный соратник в бою и трудах,
Он, бодрый, при первых денницы лучах,
Стрелюю, покорен велению длани,
Летал на свиданья любви и брани.

О друг! кого и ветер в полях не обгонял,
Ты спишь — на зыбкий одр песков пустынных пал.

Ты видел и Зару — блаженны часы!
Сокровище сердца и чудо красы;
Уста вероломны тебя величали,
И нежные длани хребет твой ласкали;
Ах! Зара, как серна, стыдлива была;
Как юная пальма долины, цвела;
Но Зара пришельца пленилась красою
И скрылась... ты, спутник, остался со мною.

Сей друг, кого и ветер в полях не обгонял,
Он спит — на зыбкий одр песков пустынных пал.

О спутник! тоскует твой друг над тобой;
Но скоро, покрыты могилой одной,
Мы вкупе воздремлем в жилище отрады;
Над нами повеет дыханье прохлады;
И скоро, при глазе великого дня,
Из пыльного гроба исторгнув меня,
Величествен, гордый, с бессмертной красою,
Ты пламенной солнца помчишься стезею.

В. А. Жуковский

LE MANCENILLIER *

< Fragment >

« Qu'il serait doux le baiser de ta bouche,
O Zarina !... Je t'aime, et je suis roi. »
Ainsi parlait le chef au cœur farouche
A Zarina qui pâissait d'effroi.

« — Fier Nélusko ! Zarina te révère ;
Mais Zéphaldi lui seul est tout pour moi. »
Jetant sur elle un regard de colère,
Il répéta : « Je t'aime, et je suis roi. »

Puis affectant un visage tranquille :
« O Zarina ! ce soir je t'attendrai
Dans le bocage, au couchant de notre île. »
Et Zarina répondit : « J'y serai. »

Il s'éloigna. L'insulaire tremblante
Alla s'asseoir sous le mancenillier,
Et commença, d'une voix faible et lente,
Ce chant lugubre, et qui fut le dernier :

« Viens, Nélusko ! La feuille balancée
Frémit au loin sous les vents en courroux.
Ta nuit d'amour sera triste et glacée,
Et mon sommeil sera paisible et doux.

« O charme pur ! ô voluptés nouvelles !
Esprit de l'air, est-ce toi que j'entends ?
Viens-tu déjà m'emporter sur tes ailes
Vers les bosquets de l'éternel printemps ?

* Le Mancenillier, arbre des Antilles, faisait, dit-on, passer du sommeil à la mort quiconque reposait sous son ombrage. On ajoute, je ne sais sur quel témoignage, que ce genre de mort était précédé de sensations délicieuses.

МАНЦЕНИЛ*

Из Мильвуа

«Давно манит меня твой поцелуй отрадный,
Зарина! я люблю, и я владыка твой!»
Так в страсти говорил властитель беспощадный
Зарине трепетной, Зарине молодой.

«Нелуско! выслушай: тебе подвластна дева,
Но милый Зораим — один любимец мой!»
Ответом раздражен, затрепетав от гнева,
Он молвил: «Я люблю, и я владыка твой!»

Потом, с улыбкою склонясь к плечу Зарины:
«Во тьме ночной тебя, красавица, я жду...
Там у источника полуденной долины...»
И дева горестно воскликнула: «Приду!»

И, удалив царя, в молчании унылом
Ко древу смертному Зарина побрела
И гласом медленным, воссев под манценилом,
Своей кончины песнь, младая, начала:

«Приди теперь, приди, Нелуско! в роще дальней
Под бурей слышится дерев протяжный стон,
Бессонна будет ночь любви твоей печальной,
И будет сладостен мой непорочный сон.

О чувство новое, неведомая радость!
Ты ль это, легкий дух надзвездной стороны?
Ты ль это прилетел гонимой девы младость
Унести с собой в края счастливейшей весны?..

* Манценил, дерево Антильских островов, усыпляет, говорят, навеки — неосторожного, который станет отдыхать под его тенью. Уверяют также, неизвестно по чьим наблюдениям, что сей род смерти бывает предшествуем сладчайшими ощущениями.

« Je t'ai gardé le baiser de ma bouche,
Mon jeune ami ! viens te rejoindre à moi
Dans ce séjour où le maître farouche
Ne dira plus : Je t'aime, et je suis roi. »

.

LE TOMBEAU
DU POÈTE PERSAN

« Ta voix, Zaïde, est celle du Zéphyre ;
D'un charme pur elle enivre mes sens :
Mais apprends-moi quelle savante lyre
De ces beaux vers enfanta les accents.
Oh non, jamais roses de poésie,
Trésors charmants de grâce et de fraîcheur,
De tels parfums n'embaumèrent l'Asie ;
Ton baiser même aurait moins de douceur.

— De Bénamar cet hymne fut l'ouvrage,
Noble sultan ! Chantre de la valeur,
Il fit briller la consolante image
Du jour sans fin dans un monde meilleur.
Ses chants perdus furent sans récompense :
Il s'en alla vers les sables d'Iran
Avec sa fille, étoile d'innocence,
Toucher la lyre au bruit de l'ouragan.

— Fidèle émir ! prends ma noire cavale ;
Ses pieds légers sont l'aile de l'oiseau.
Vole au désert, plus prompt que la rafale ;
A Bénamar va porter cet anneau.
Oui, j'en atteste et la nuit et ses voiles :
De mes bienfaits je prétends le combler ;
Du firmament les nombreuses étoiles
A ses trésors ne pourront s'égal.

Que sur tes pas sa fille consolée
Viennne avec lui former d'heureux concerts !

Я сберегла тебе невинных уст лобзанье,
О юный, милый друг! мы свидимся с тобой
В стране, где гордый царь в надменном упованье
Не скажет: „Я люблю, и я владыка твой“».

В. И. Туманский

МОГИЛА ПЕРСИДСКОГО ПОЭТА

Из Мильвуа

«Заида, твой голос пленяет мой слух,
И в душу вливается арфы бряцанье!
Не тише весеннего утра дыханье
Волнует цветами усыпанный луг.
Твои песнопенья прелестны, как розы,
И сладки, как пламенный твой поцелуй;
Но кто их творец?.. О поэт, торжествуй!
Я пролил восторга невольные слезы!»

«Тебе ль, государь, неизвестен певец,
Пленивший твой слух, Бенамар вдохновенный?
Он пел без награды и, светом забвенный,
Платил нищетой за лавровый венец.
В отчаяньи с дочерью нежной блуждает
Несчастный средь знойных Ирана песков;
Он двигает струны при шуме ветров —
И сладостным звукам пустыня внимает!»

«Эмир, оседлай вороного коня:
Он в битвах, как вихорь, летал подо мною!
Помчися в Иранские степи стрелую
И перстень поэту вручи от меня!
Бесчисленны звезды на тверди небесной —
Бесчисленны будут богатства его.
Алмаз драгоценный венца моего
Не скроется в прахе пустыни безвестной!»

Иль дочь Бенамара навек отцветет,
Как дикая пальма, в стране отдаленной?

Loin des regards cette palme isolée
A trop longtemps fleuri pour les déserts. »
L'émir, pressant la cavale légère,
Part comme un trait qui s'élançe et qui fuit ;
Et sur sa route une jeune étrangère,
Pâle et charmante, apparut vers la nuit.

« O voyageur qui, seul et sans retraite,
Cours, égaré dans les sables d'Iran !
Que cherches-tu ? — Je cherche le poète,
Ce Bénamar, la gloire du sultan.
— O voyageur ! Bénamar fut mon père ;
Il a cessé de vivre et de souffrir :
Ces hauts cyprès ombragent sa poussière,
Et près de lui j'achève de mourir.

— Fleur de beauté ! que ton éclat renaisse ;
Viens, sors enfin de ton obscurité ;
Viens, et pour toi que rayonne sans cesse
L'astre éclatant de la prospérité !
— Tu vois la tombe où veille ma tristesse :
Tel est mon cœur : il ne peut se rouvrir.
Mon père est mort ; seul il fut ma richesse :
Pauvre il vécut, pauvre je veux mourir. »

Et, défaillante, elle embrasse en silence
Le sol funèbre, objet de tous ses vœux ;
Et du cyprès que la brise balance
L'ombre se mêle au noir de ses cheveux.
Sa voix mourante à son luth solitaire
Confie encore un chant délicieux ;
Mais ce doux chant, commencé sur la terre,
Devait, hélas ! s'achever dans les cieux.

LE PAUVRE NÈGRE

Ravi naguère aux côtes de Guinée,
Le pauvre Nègre, accablé de ses maux,
Pleurait un jour sa triste destinée,

Да вступит она в мой чертог позлащенный
И счастья светило над нею взойдет!»
Эмир на коня — и, как вран сизокрылый,
Под облаком пыли в пустыне летит
И вдруг близь дороги красавицу зрит
В венке кипарисном над свежей могилой.

«О путник, ты скоро в безводных степях
Погибнешь, как злак от палящего жара!
Куда ты спешишь?» — «Я ищу Бенамара;
Но тщетно: нет следу в песчаных волнах!»
— «О путник, ты дочь его зришь пред собою;
Во гробе лежит мой несчастный отец:
Он встретил страданьям желанный конец,
И смерти рука поднята надо мною!»

«Утешься, печальная дева красы!
Владетель Востока тебя призывает,
И счастье твое как цветок оживает,
Осыпанный влажным жемчугом росы!»
— «Ты видишь могилу, где спит мой родитель, —
О путник, не может раскрыться она!
Вот сердце мое — я всего лишена;
Мне счастье во гробе, мне смерть утешитель!»

И дева печально смотрела вокруг;
Могилу отца обнимала с рыданьем,
И грудь, утомленная тяжким страданьем,
Вздыхалась, как пены серебряный пух.
Вдруг арфы красавица тихо коснулась;
В пустыне раздался пленительный глас,
И, весело встретив последний свой час,
Певица как будто сквозь сон улыбнулась!

А. А. Крылов

НЕГР В НЕВОЛЕ

С полей родимых похищенный,
С Нигерских, злачных берегов,
Судьбы гоненьем отягченный,

Et de soupirs accompagnait ces mots :
« Qu'ai-je donc fait au dieu de la nature,
Pour qu'il m'impose esclavage et douleur ?
Ne suis-je pas aussi sa créature ?
Est-ce forfait que ma noire couleur ?

« Comme le blanc, dont la rigueur m'opprime,
N'étais-je pas formé pour le bonheur ?
J'aimais Nelzi ; seule, elle eut ma tendresse,
Et son regard faisait battre mon cœur.
Heureux époux, j'allais devenir père.
O cher enfant, gage de notre amour,
Respires-tu pour consoler ta mère ?
As-tu péri sans connaître le jour ?

« Je ne pourrai te bercer dans ta couche,
Enfant aimé, que n'ont point vu mes yeux !
Ni te sourire, en pressant sur ta bouche
De l'oranger les fruits délicieux ;
Ni t'enseigner, dès ta robuste enfance,
L'art d'assoupir un serpent venimeux,
Ou de surprendre un lion sans défense,
Ou de plonger sous les flots écumeux !

« Oh ! jamais plus je ne verrai l'ombrage
Des bananiers que je plantais pour toi ;
Ni l'ancre sombre où, par un jour d'orage,
O ma Nelzi ! je te dis : « Sois à moi ! »
Ni ma cabane, à mon cœur toujours chère,
Qu'en ses vieux ans mon père me transmet ;
Ni le ruisseau de la roche où ma mère
Du grand sommeil dans mes bras s'endormit !

« Un soir (c'était à cette même source)
Je reposais sous le vert citronnier :
Les blancs cruels revinrent de leur course ;
A mon réveil, j'étais leur prisonnier.
Je résistais : l'un d'eux fit sur ma tête
Tomber les coups de la verge de fer.
Désespéré, j'invoquai la tempête ;
Et je pleurais en regardant la mer. »

Пел Негр, страдая от оков:
«Почто, скажи, о мать-Природа,
Тоска и рабство — жребий мой?
Иль не для всех дана свобода,
И черный винен пред тобой?

Ужель Европы житель белый
Один для счастья рожден?
Любил я Нельзи — мир веселый
Ее был взором оживлен,
Счастлив, в объятиях прекрасной,
Залога ждал любви своей;
Иль ты погибнул, сын несчастный,
В утробе матери твоей?

Тебя, младенец мой безвестный,
Мне в колыбели не качать;
Плодов душистых сок прелестный
Не мне в уста твои вливать.
Теперь тебе не научиться,
Как змия усыплять в песках,
Иль как от тигров защититься,
Иль плыть бестрепетно в волнах.

Не буду там, где я к покою
Тростник для Нельзи насадил,
Где, под шумящею грозюю,
Любви обеты ей твердил.
Не буду отдыхать в ночлеге,
Близь праха матери, отца;
Ни у потока, где на бреге
Я был свидетель их конца.

Под сенью раз плодов созревших
Забылся сном в золотых мечтах;
Вдруг окружен был сонмом белых
И пробудился я... в цепях!
Врагам противлюсь: но ударом
На землю я повержен стал,
И увлеченный, в гневе яром,
К волнам все бури призывал».

Comme il chantait sa chanson d'esclavage,
Le négrier sur ces bords descendit
Un habitant de son lointain rivage.
Zabbi l'appelle, et, l'embrassant, lui dit :
« De ma Nelzi, frère, quelle nouvelle ? »
L'autre se tait, mais il montre les cieux.
« Je t'entends : morte. Et l'enfant ? — Mort comme elle.
— Bien. » Et la joie éclata dans ses yeux.

Deux jours entiers, jetant sa nourriture,
Il haleta sous un ciel embrasé ;
Et, du matin jusqu'à la nuit obscure,
De ses sueurs le sol fut arrosé.
Vers le retour de la troisième aurore ;
La verge en main, le maître reparut :
« Lève-toi ! — Non ; je puis dormir encore ;
Je deviens libre. » Et sur l'heure il mourut.

BALLADES

LA FLEUR DU SOUVENIR

On m'a conté qu'en Helvétie,
Louise, une fleur à la main,
Avec Lisbeth, sa douce amie,
Un jour s'était mise en chemin :
« Bon ermite, assis sur la pierre.
Disait-elle, dans ta prière
Souviens-toi
De moi ! »

Advint qu'en sa route orageuse
Je ne sais quel pressentiment
Troubla la belle voyageuse,
Qui soupira profondément :
« Hélas ! dit-elle à son amie,
Avant toi si je perds la vie,
Souviens-toi
De moi ! »

Умолк — и песен звук печальный
В степях пустынных лишь исчез,
Корабль, пришедший в край сей дальный,
К нему товарища принес.
«Где мать, дитя?» — вскричал несчастный. —
Пришлец молчит — взор в небесах!
«Погибли!.. жребий их прекрасный!» —
И радость Негра на очах!

Два дни он, пищи не вкушая,
Под небом знойным чуть дышал;
И потом землю орошая,
До ночи отдыха не знал.
На третий день, бесчеловечный
Злодей еще терзает раз...
Но Негр в ответ: «Мой отдых вечный!
Я стал свободен!» — И — угас.

Д. П. Глебов

БАЛЛАДЫ

РОМАНС

Там, далеко за горами,
Нина с Лизой молодой,
В алых лентах и с цветами,
Шли путем рука с рукой.
Старец с длинной бородою
Вслед кричит: «Счастливым путь!»
«Добрый старец, бог с тобою!
Нас в молитвах не забудь!»

«Сердце часто предвещает
Иль беды, иль счастье нам.
Солнце скрылось. Наступает
Темна ночь. Ах, горе нам», —
Воздохнув, сказала Нина,
Слезка капнула на грудь. —
«Умереть — моя судьбина:
Ты подруги не забудь!»

Soudain l'avalanche sauvage
Roule et l'entraîne dans son sein.
Jetant alors sur le rivage
La fleur qu'elle tenait en main :
« Adieu, dit-elle, mon amie ;
Garde bien cette fleur chérie ;
Souviens-toi
De moi ! »

Lisbeth veut suivre son amie :
Au trépas elle veut courir ;
Mais on la retient à la vie :
Vivre, ah ! pour elle c'est mourir
Elle garda la fleur fidèle,
Et, depuis, cette fleur s'appelle
Souviens-toi
De moi ! »

DIZAINS ET HUITAINS

LE FLEUVE D'OUBLI

Onde fâcheuse, onde mal avisée,
Dont le murmure assoupit l'Elysée,
Et qui, sans choix, engloutis dans tes eaux
Le souvenir et des biens et des maux,

Вдруг несутся черны тучи,
Дуб столетний затрещал;
Воет страшно лес дремучий,
Свод небесный запылал.
«Горе!» — Нина повторяет.
«Горе мне — час смерти бьет!»
С головы цветок срывает
И подруге отдает.

«Будь, цветочек мой, залогом
Нежной, искренней любви!
Я предстану перед богом;
Лиза, счастливо живи!»
Гром ударил над горою:
Нина пала на утес,
И кипящею волною
Водопад ее унес.

Ветер буйный утихает,
И печальная луна
Лес и горы освещает.
Лиза, в трепете, одна,
Смотрит на нее уныло,
Над цветочком слезы льет —
И с тех пор цветочек милый
Незабудочкой слывет.

В. Л. Пушкин

ДЕСЯТИСТИШИЯ И ВОСЬМИСТИШИЯ ЛЕТА

Душ холодных упованье,
Неприятный ручей,
Чье докучное журчанье
Усыпляет Элизей!
Так! достоин ты укора:
Для чего в твоих водах
Погибает без разбора

Retire-toi ; ta faveur inhumaine
Ne sera point l'objet de mon désir ;
Et je renonce à l'oubli de la peine
Qu'il faut payer par l'oubli du plaisir.

ROMANCES

PRIEZ POUR MOI

Dans la solitaire bourgade,
Rêvant à ses maux tristement,
Languissait un pauvre malade
D'un long mal qui va consumant.
Il disait: « Gens de la chaumière,
Voici l'heure de la prière
Et les tintements du beffroi ;
Vous qui priez, priez pour moi. »

Mais quand vous verrez la cascade
Se couvrir de sombres rameaux,
Vous direz : « Le jeune malade
Est délivré de tous ses maux ! »
Lors revenez sur cette rive
Chanter la complainte naïve ;
Et quand tintera le beffroi,
Vous qui priez, priez pour moi.

Quand à la haine, à l'imposture,
J'opposais mes mœurs et le temps,
D'une vie honorable et pure
Le terme approche, je l'attends.
Il fut court mon pèlerinage !
Je meurs au printemps de mon âge,
Mais du sort je subis la loi :
Vous qui priez, priez pour moi.

Ma compagne, ma seule amie,
Digne objet d'un constant amour !

Память горестей и благ?
Прочь с нещадным утешеньем!
Я минувшее люблю
И вовек утех забвеньем
Мук забвенья не куплю.

Е. А. Баратынский

РОМАНСЫ

СЕЛЬСКАЯ ЭЛЕГИЯ

В тиши села уединенной
Младой страдалец грустно жил,
И, долгой мукой утомленный,
Он добрым людям говорил:
«Уж в церковь нашего селенья
Вас призывают на моления,
В вечерний колокол звоня;
Молитесь богу за меня.

Когда ж начнет дубрава тмиться,
Туманы лягут над водой,
Тогда скажите: «Не томится
Теперь страдалец молодой».
Но вы меня не забывайте,
В унывных песнях поминайте,
И, слыша звон с кончиной дня,
Молитесь богу за меня.

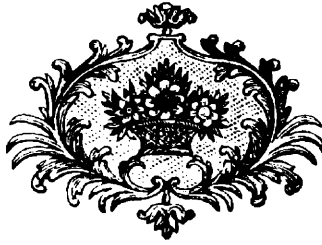
Пред хитрой, злобной клеветой
Я дам всю жизнь мою в ответ,
И с непорочною душою
Без страха я покину свет.
Не долог был мой путь унылый, —
В моей весне уж над могилой
Стою в слезах; к ней взор склоня,
Молитесь богу за меня.

Мой милый друг, мой друг прекрасный!
Я думал долго жить с тобой;

Charles-Hubert Millevoye

Je t'avais consacré ma vie,
Hélas ! et je ne vis qu'un jour.
Plaignez-la, gens de la chaumière,
Lorsqu'à l'heure de la prière
Elle viendra sous le beffroi
Vous dire aussi : « Priez pour moi. »

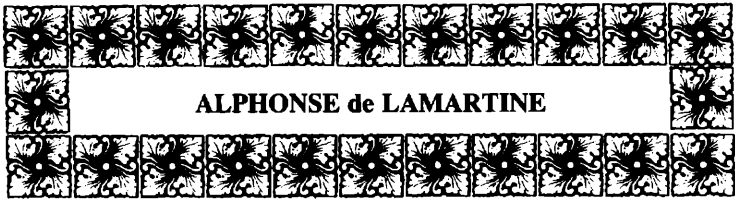

Но, жертвою мечты напрасной,
Мой век минутой был одной.
О! сердца нежного тревогу
Простите ей; молитесь богу,
Услыша звон в мерцанье дня,
И за нее, и за меня».

И. И. Козлов

ALPHONSE de LAMARTINE

MÉDITATIONS POÉTIQUES

I. L'ISOLEMENT

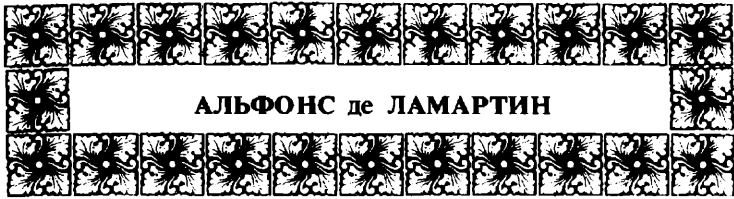
Souvent sur la montagne, à l'ombre du vieux chêne,
Au coucher du soleil, tristement je m'assieds ;
Je promène au hasard mes regards sur la plaine,
Dont le tableau changeant se déroule à mes pieds.

Ici, gronde le fleuve aux vagues écumantes,
Il serpente, et s'enfonce en un lointain obscur ;
Là, le lac immobile étend ses eaux dormantes
Où l'étoile du soir se lève dans l'azur.

Au sommet de ces monts couronnés de bois sombres,
Le crépuscule encor jette un dernier rayon,
Et le char vaporeux de la reine des ombres
Monte, et blanchit déjà les bords de l'horizon.

Cependant, s'élançant de la flèche gothique,
Un son religieux se répand dans les airs,
Le voyageur s'arrête, et la cloche rustique
Aux derniers bruits du jour mêle de saints concerts.

Mais à ces doux tableaux mon âme indifférente
N'éprouve devant eux ni charme, ni transports,
Je contemple la terre, ainsi qu'une ombre errante :
Le soleil des vivants n'échauffe plus les morts.

АЛЬФОНС де ЛАМАРТИН

ПОЭТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

ОДИНОЧЕСТВО

Как часто, бросив взор с утесистой вершины,
Сажусь задумчивый в тени древес густой,
 И развиваются передо мной
Разнообразные вечерние картины!
Здесь пенится река, долины красота,
И тщетно в мрачну даль за ней стремится око;
Там дремлющая зыбь лазурного пруда
 Светлеет в тишине глубокой.
 По темной зелени дерев
Зари последний луч еще приметно бродит,
Луна медлительно с полуночи восходит
 На колеснице облаков,
 И с колокольни одинокой
Разнесся благовест протяжный и глухой;
Прохожий слушает, — и колокол далекий
С последним шумом дня сливает голос свой.
 Прекрасен мир! Но восхищенью
 В иссохшем сердце места нет!..
По чуждой мне земле скитаюсь сирой тенью,
И мертвого согреть бессилен солнца свет.

De colline en colline en vain portant ma vue,
Du sud à l'aquilon, de l'aurore au couchant,
Je parcours tous les points de l'immense étendue,
Et je dis : Nulle part le bonheur ne m'attend.

Que me font ces vallons, ces palais, ces chaumières ?
Vains objets dont pour moi le charme est envolé ;
Fleuves, rochers, forêts, solitudes si chères,
Un seul être vous manque, et tout est dépeuplé.

Que le tour du soleil ou commence ou s'achève,
D'un œil indifférent je le suis dans son cours ;
En un ciel sombre ou pur qu'il se couche ou se lève,
Qu'importe le soleil ? je n'attends rien des jours.

Quand je pourrais le suivre en sa vaste carrière,
Mes yeux verraient partout le vide et les déserts ;
Je ne désire rien de tout ce qu'il éclaire,
Je ne demande rien à l'immense univers.

Mais peut-être au-delà des bornes de sa sphère,
Lieux où le vrai soleil éclaire d'autres cieux,
Si je pouvais laisser ma dépouille à la terre,
Ce que j'ai tant rêvé paraîtrait à mes yeux ?

Là, je m'enivrerais à la source où j'aspire,
Là, je retrouverais et l'espoir et l'amour,
Et ce bien idéal que toute âme désire,
Et qui n'a pas de nom au terrestre séjour !

Que ne puis-je, porté sur le char de l'aurore,
Vague objet de mes vœux, m'élancer jusqu'à toi,
Sur la terre d'exil pourquoi resté-je encore ?
Il n'est rien de commun entre la terre et moi.

Quand la feuille des bois tombe dans la prairie,
Le vent du soir s'élève et l'arrache aux vallons ;
Et moi, je suis semblable à la feuille flétrie :
Emportez-moi comme elle, orageux aquilons !

С холма на холм скользит мой взор унылый
И гаснет медленно в ужасной пустоте;
Но ах, где стречу то, что б взор остановило?
И счастья нет, при всей природы красоте!..
И вы, мои поля, и рощи, и долины,
Вы мертвы! И от вас дух жизни улетел!
И что мне в вас теперь, бездушные картины!..
Нет в мире одного — и мир весь опустел!
 Встает ли день, ночные ль сходят тени, —
 И мрак и свет противны мне...
 Моя судьба не знает изменений —
И горесть вечная в душевной глубине!
Но долго ль страннику томиться в заточенье?
Когда на лучший мир покину дольний прах,
Тот мир, где нет сирот, где вере исполненье;
Где солнца истины в нетленных небесах?..
 Тогда, быть может, прояснится
Надежд таинственных спасительный предмет,
 К чему душа и здесь еще стремится,
 И токмо там, в отчизне, обоймет...
Как светло сонмы звезд пылают надо мною,
 Живые мысли божества!
 Какая ночь сгустилась над землею,
 И как земля, в виду небес, мертва!..
Встают гроза и вихрь и лист крутят пустынный!
 И мне, и мне, как мертвому листу,
 Пора из жизненной долины, —
Умчите ж, бурные, умчите сироту!..

Ф. И. Тютчев

II. L'HOMME

A Lord Byron.

Toi, dont le monde encore ignore le vrai nom,
Esprit mystérieux, mortel, ange, ou démon,
Qui que tu sois, Byron, bon ou fatal génie,
J'aime de tes concerts la sauvage harmonie,
Comme j'aime le bruit de la foudre et des vents
Se mêlant dans l'orage à la voix des torrents !
La nuit est ton séjour, l'horreur est ton domaine :
L'aigle, roi des déserts, dédaigne ainsi la plaine ;
Il ne veut, comme toi, que des rocs escarpés
Que l'hiver a blanchis, que la foudre a frappés ;
Des rivages couverts des débris du naufrage,
Ou des champs tout noircis des restes du carnage ;
Et, tandis que l'oiseau qui chante ses douleurs
Bâtit au bord des eaux son nid parmi les fleurs,
Lui, des sommets d'Athos franchit l'horrible cime,
Suspend aux flancs des monts son aire sur l'abîme,
Et là, seul, entouré de membres palpitants,
De rochers d'un sang noir sans cesse dégouttants,
Trouvant sa volupté dans les cris de sa proie,
Bercé par la tempête, il s'endort dans sa joie.

Et toi, Byron, semblable à ce brigand des airs,
Les cris du désespoir sont tes plus doux concerts.
Le mal est ton spectacle, et l'homme est ta victime.
Ton œil, comme Satan, a mesuré l'abîme,
Et ton âme, y plongeant loin du jour et de Dieu,
A dit à l'espérance un éternel adieu !
Comme lui, maintenant, régnaient dans les ténèbres,
Ton génie invincible éclate en chants funèbres ;
Il triomphe, et ta voix, sur un mode infernal,
Chante l'hymne de gloire au sombre dieu du mal.
Mais que sert de lutter contre sa destinée ?
Que peut contre le sort la raison mutinée ?
Elle n'a comme l'œil qu'un étroit horizon.
Ne porte pas plus loin tes yeux ni ta raison :
Hors de là tout nous fuit, tout s'éteint, tout s'efface ;
Dans ce cercle borné Dieu t'a marqué ta place.
Comment ? pourquoi ? qui sait ? De ses puissantes mains

ЧЕЛОВЕК

К БАЙРОНУ

(Из Ламартина)

О ты, таинственный властитель наших дум —
Не дух, не человек — непостижимый ум!
Кто б ни был ты, Байрón, иль злой, иль добрый гений,
Люблю порыв твоих печальных песнопений,
Как бури вой, как вихрь, как гром во мраке туч,
Как моря грозный рев, как молний яркий луч.
Тебя пленяет стон, отчаянье, страданье;
Твоя стихия — ночь; смерть, ужас — достоянье...
Так царь степей — орел, презрев цветы долин,
Парит превыше звезд, утесов и стремнин;
Как ты — сын мощный гор, свирепый, кровожадный,
Он ищет ужасов зимы немой и холодной,
Низринутых волной отломков кораблей,
Костьми и трупами усеянных полей...
И, между тем, когда певица наслажденья
Поет своей любви и муки, и томленья,
Под сенью пальм, у вод смеющейся реки, —
Он видит под собой кавказские верхи,
Несется в облака, летит в пучине звездной,
Простерся и плывет стремительно над бездной,
И там один среди туманов и снегов,
Свершивши радостный и гибельный свой лов,
Терзая с алчностью трепещущие члены,
Смыкает очи он, грозою усыпленный...
И ты, Байрón, паришь, презревши жалкий мир:
Зло — зрелище твое, отчаянье — твой пир.
Твой взор, твой смертный взор, измерил злоключенья;
В душе твоей не бог, но демон искушенья:
Как он, ты движешь всё, ты — мрака властелин,
Надежды кроткий луч отвергнул ты один;
Вопль смертных для тебя — приятная отрада;
Неистовый, как ад, поешь ты в славу ада...
Но что против судеб могучий гений твой?
Всевышнего устав не рушится тобой:
Всеведение его премудро и глубоко.
Имеют свой предел и разум наш, и око, —
За сим пределом мы не видим ничего...

Il a laissé tomber le monde et les humains,
Comme il a dans nos champs répandu la poussière,
Ou semé dans les airs la nuit et la lumière ;
Il le sait, il suffit : l'univers est à lui,
Et nous n'avons à nous que le jour d'aujourd'hui !

Notre crime est d'être homme et de vouloir connaître :
Ignorer et servir, c'est la loi de notre être.
Byron, ce mot est dur : longtemps j'en ai douté ;
Mais pourquoi reculer devant la vérité ?
Ton titre devant Dieu c'est d'être son ouvrage !
De sentir, d'adorer ton divin esclavage ;
Dans l'ordre universel, faible atome emporté,
D'unir à ses desseins ta libre volonté,
D'avoir été conçu par son intelligence,
De le glorifier par ta seule existence !
Voilà, voilà ton sort. Ah ! loin de l'accuser,
Baise plutôt le joug que tu voudrais briser ;
Descends du rang des dieux qu'usurpait ton audace ;
Tout est bien, tout est bon, tout est grand à sa place ;
Aux regards de celui qui fit l'immensité,
L'insecte vaut un monde : ils ont autant coûté !

Mais cette loi, dis-tu, révolte ta justice ;
Elle n'est à tes yeux qu'un bizarre caprice,
Un piège où la raison trébuche à chaque pas.
Confessons-la, Byron, et ne la jugeons pas !
Comme toi, ma raison en ténèbres abonde,
Et ce n'est pas à moi de t'expliquer le monde.
Que celui qui l'a fait t'explique l'univers !
Plus je sonde l'abîme, hélas ! plus je m'y perds.
Ici-bas, la douleur à la douleur s'enchaîne,
Le jour succède au jour, et la peine à la peine.
Borné dans sa nature, infini dans ses vœux,
L'homme est un dieu tombé qui se souvient des cieux ;
Soit que déshérité de son antique gloire,
De ses destins perdus il garde la mémoire ;
Soit que de ses désirs l'immense profondeur
Lui présage de loin sa future grandeur :
Imparfait ou déchu, l'homme est le grand mystère.
Dans la prison des sens enchaîné sur la terre,

Я жизнью одарен; но, как и для чего —
Постигнуть не могу — в руках творца могучих
Образовался мир, как сонмы вод зыбучих,
Как ветер, как легкий прах поверх земли разлил,
Как синий свод небес звездами населил?
Вселенная — его; а мрак, недоуменье,
Безумство, слепота, ничтожность и надменье —
Вот наш единственный и горестный удел...
Байрон! сей истине не верить ты посмел!
Бессмысленный атом! исполнить назначенье,
К которому тебя воззвало провиденье,
Хранить в душе своей закон его святой
И петь хвалу ему — вот долг, вот жребий твой!
Природа в красотах изящна, совершенна;
Как бог, она мудра, как время — неизменна.
Смирись пред ней, роптать напрасно не дерзай,
Разящую тебя десницу лобызай!
Свята и милует она во гневе строгом;
Ты былие, ты прах, ты червь пред мощным богом.
И ты, и червь равны пред взорами его,
И ты произошел, как червь, из ничего...
Ты возражаешь мне: «Закон уму ужасный
И с промыслом души всемирной несогласный!
Не сущность вижу в нем, но льстивую тщету,
Чтоб в смертных вкоренить о счастья мечту, —
Тогда как горестей не в силах мы исчислить...»
Байрон! Возможно ль так о непостижном мыслить,
О связи всех вещей, превыспреннем уме?
Мы слабы. Как и ты, блуждаю я во тьме;
Творец — художник наш, а мы — его махины;
Проникнем ли его начальные причины?
Единый тот, кто мог все словом сотворить,
Возможет мудрый план природы изъяснить!
Я вижу лабиринт, вступаю — и теряюсь;
Ищу конца его — и тщетно покушаюсь;
Текут дни, месяцы унылой чередой,
Тоска сменяется лютейшею тоской...
В границы тесные природой заключенный,
Свободный, мыслящий, возвышенный, надменный,
Неограниченный в желаньях властелин, —
Кто смертный есть, (скажи?) — Эдема падший сын,
Сраженный полубог!.. Лишась небес державы,

Esclave, il sent un cœur né pour la liberté ;
Malheureux, il aspire à la félicité ;
Il veut sonder le monde, et son œil est débile ;
Il veut aimer toujours, ce qu'il aime est fragile !
Tout mortel est semblable à l'exilé d'Eden :
Lorsque Dieu l'eut banni du céleste jardin,
Mesurant d'un regard les fatales limites,
Il s'assit en pleurant aux portes interdites.
Il entendit de loin dans le divin séjour
L'harmonieux soupir de l'éternel amour,
Les accents du bonheur, les saints concerts des anges
Qui, dans le sein de Dieu, célébraient ses louanges ;
Et, s'arrachant du ciel dans un pénible effort,
Son œil avec effroi retomba sur son sort.

Malheur à qui du fond de l'exil de la vie
Entendit ces concerts d'un monde qu'il envie !
Du nectar idéal sitôt qu'elle a goûté,
La nature répugne à la réalité :
Dans le sein du possible en songe elle s'élançe ;
Le réel est étroit, le possible est immense ;
L'âme avec ses désirs s'y bâtit un séjour,
Où l'on puise à jamais la science et l'amour ;
Où, dans des océans de beauté, de lumière,
L'homme, altéré toujours, toujours se désaltère ;
Et, de songes si beaux enivrant son sommeil,
Ne se reconnaît plus au moment du réveil.

Hélas ! tel fut ton sort, telle est ma destinée.
J'ai vidé comme toi la coupe empoisonnée ;
Mes yeux, comme les tiens, sans voir se sont ouverts ;
J'ai cherché vainement le mot de l'univers.
J'ai demandé sa cause à toute la nature,
J'ai demandé sa fin à toute créature ;
Dans l'abîme sans fond mon regard a plongé ;
De l'atome au soleil, j'ai tout interrogé ;
J'ai devancé les temps, j'ai remonté les âges.
Tantôt passant les mers pour écouter les sages,
Mais le monde à l'orgueil est un livre fermé !
Tantôt, pour deviner le monde inanimé,
Fuyant avec mon âme au sein de la nature,
J'ai cru trouver un sens à cette langue obscure.

Он не забыл еще своей минувшей славы;
Он помнит прежний рай, клянет себя и рок;
Он неба потерять из памяти не мог...
Могущий — он парит душой в протекши годы,
Бессильный — чувствует все прелести свободы,
Несчастный — ловит луч надежды золотой
И сердце веселит отрадною мечтой;
Печальный, горестью, унынием убитый,
Он схож с тобой, он — ты, изгнанник знаменитый!
Увы, обманутый коварством сатаны,
Когда ты исходил из милой стороны,
С отчаяньем в груди, с растерзанной душою, —
В последний раз тогда горячею слезою
Ты орошал, Адам, эдемские цветы.
Бесчувствен, полумертв, у врат повергся ты,
В последний раз взглянул на милое селенье,
Где счастье ты вкусил, приял твое рожденье,
Услышал ангелов поющих сладкий хор —
И, отвортив главу, склонил печальный взор.
Еще невольно раз к Эдему обратился,
Заплакал, зарыдал и быстро удалился...

О жертва бедная раскаянья и мук!
Какому пению внимал твой робкий слух?
Могло ль что выразить порыв твоих волнений
При виде мест едва минувших наслаждений?
Увы, потерянный прелестный вертоград!
Ты в душу падшего вливал невольно яд.
Полна волшебного о счастье воспоминанья,
Она, как тень, в жару забвенья и мечтанья
Перелетала вновь в заветные сады
И упивалась вновь всем блеском красоты;
Но исчезали сны, и пламенные розы
Адамовых ланит, как дождь, кропили слезы...
Когда прошедшее нам сердце тяготит,
И настоящее отрадою не льстит, —
Мы жаждем более счастливого удела.
Тогда желанья бывают без предела;
Мы в мыслях воскресим блаженство прежних дней,
И снова вспыхнет огонь погаснувших страстей.
Таков был жребий твой в жестокий час паденья...
Увы, и я испил из чаши злочюченья,
И я, как ты, смотрел, не видя ничего,

J'étudiai la loi par qui roulent les cieux :
Dans leurs brillants déserts Newton guida mes yeux,
Des empires détruits je méditai la cendre :
Dans ses sacrés tombeaux Rome m'a vu descendre ;
Des mânes les plus saints troublant le froid repos,
J'ai pesé dans mes mains la cendre des héros.
J'allais redemander à leur vaine poussière
Cette immortalité que tout mortel espère !
Que dis-je ? suspendu sur le lit des mourants,
Mes regards la cherchaient dans des yeux expirants ;
Sur ces sommets noircis par d'éternels nuages,
Sur ces flots sillonnés par d'éternels orages,
J'appelais, je bravais le choc des éléments.
Semblable à la sibylle en ses emportements,
J'ai cru que la nature en ces rares spectacles
Laisait tomber pour nous quelque'un de ses oracles ;
J'aimais à m'enfoncer dans ces sombres horreurs.
Mais en vain dans son calme, en vain dans ses fureurs,
Cherchant ce grand secret sans pouvoir le surprendre,
J'ai vu partout un Dieu sans jamais le comprendre !
J'ai vu le bien, le mal, sans choix et sans dessein,
Tomber comme au hasard, échappés de son sein ;
J'ai vu partout le mal où le mieux pouvait être,
Et je l'ai blasphémé, ne pouvant le connaître ;
Et ma voix, se brisant contre ce ciel d'airain,
N'a pas même eu l'honneur d'irriter le destin.

Mais, un jour que, plongé dans ma propre infortune,
J'avais lassé le ciel d'une plainte importune,
Une clarté d'en haut dans mon sein descendit,
Me tenta de bénir ce que j'avais maudit,
Et cédant sans combattre au souffle qui m'inspire,
L'hymne de la raison s'élança de ma lyre.

— « Gloire à toi, dans les temps et dans l'éternité !
Eternelle raison, suprême volonté !
Toi, dont l'immensité reconnaît la présence !
Toi, dont chaque matin annonce l'existence !
Ton souffle créateur s'est abaissé sur moi ;
Celui qui n'était pas a paru devant toi !

И так же быть хотел толковником всего.
Напрасно я искал сокрытого начала,
Природу вопрошал, — она не отвечала.
От праха до небес парил мой гордый ум
И — слабый — ниспадал, терялся в бездне дум.
Надеждою дыша, уверенностью полный,
Бесстрашно рассекал я гибельные волны
И истины искал в советах мудрецов;
С Ньютоном я летал превыше облаков
И время оставлял, строптивый, за собою,
И в мраках дальних лет я бодрствовал душою,
Во прахе падших царств, в останках вековых
Катонов, Цезарей — свидетелей немых
Неумолимого, как время, разрушенья —
Хотел рассеять я унылые сомненья;
Священных теней их тревожил я покой.
Бессмертия искал я в урне гробовой —
И признаков его, никем не постижимых,
Искал во взорах жертв, недугами томимых,
В очах, исполненных и смерти, и тоски,
В последнем трепете хладающей руки;
Пылал обрести его в желаниях надежных,
На мрачных высотах туманных гор и снежных,
В струях зеркальных вод, в клубящихся волнах,
В гармонии стихий, в раскатистых громах:
Я мнил, что грозная, в порывах изменений,
В часы таинственных небесных вдохновений,
Природа изречет пророческий глагол:
Бог блага мог ли быть бог бедствия и зол?
Все промыслы его судеб непостижимы,
И в мире и добро, и зло необходимы.
Но тщетно льстился я... Он есть, сей дивный бог;
Но, зря его во всем, — постичь я не возмог.
Я видел: зло с добром — и, мнилось, без цели —
Смешавшись на земле, повсюду свирепели;
Я видел океан губительного зла,
Где капля блага быть излита не могла;
Я видел торжество блестящее порока —
И добродетель, ах, плачевной жертвой рока!
Во всем я видел зло, добра не понимал,
И все живущее в природе осуждал,
Однажды, тягостной тоскою удрученный,

J'ai reconnu ta voix avant de me connaître,
Je me suis élancé jusqu'aux portes de l'être :
Me voici ! le néant te salue en naissant ;
Me voici ! mais que suis-je ? un atome pensant !
Qui peut entre nous deux mesurer la distance ?
Moi, qui respire en toi ma rapide existence,
A l'insu de moi-même à ton gré façonné,
Que me dois-tu, Seigneur, quand je ne suis pas né ?
Rien avant, rien après : Gloire à la fin suprême :
Qui tira tout de soi se doit tout à soi-même !
Jouis, grand artisan, de l'œuvre de tes mains :
Je suis, pour accomplir tes ordres souverains,
Dispose, ordonne, agis ; dans les temps, dans l'espace,
Marque-moi pour ta gloire et mon jour et ma place ;
Mon être, sans se plaindre, et sans t'interroger,
De soi-même, en silence, accourra s'y ranger.
Comme ces globes d'or qui dans les champs du vide
Suivent avec amour ton ombre qui les guide,
Noyé dans la lumière, ou perdu dans la nuit,
Je marcherai comme eux où ton doigt me conduit ;
Soit que choisi par toi pour éclairer les mondes,
Réfléchissant sur eux les feux dont tu m'inondes,
Je m'élance entouré d'esclaves radieux,
Et franchisse d'un pas tout l'abîme des cieux ;
Soit que, me reléguant loin, bien loin de ta vue,
Tu ne fasses de moi, créature inconnue,
Qu'un atome oublié sur les bords du néant,
Ou qu'un grain de poussière emporté par le vent,
Glorieux de mon sort, puisqu'il est ton ouvrage,
J'irai, j'irai partout te rendre un même hommage,
Et, d'un égal amour accomplissant ma loi,
Jusqu'aux bords du néant murmurer : Gloire à toi !

— « Ni si haut, ni si bas ! simple enfant de la terre,
Mon sort est un problème, et ma fin un mystère ;
Je ressemble, Seigneur, au globe de la nuit
Qui, dans la route obscure où ton doigt le conduit,
Réfléchit d'un côté les clartés éternelles,
Et de l'autre est plongé dans les ombres mortelles.
L'homme est le point fatal où les deux infinis
Par la toute-puissance ont été réunis.

Я к небу простирал свой ропот дерзновенный —
И вдруг с эфира луч блеснул передо мной
И овладел моей трепещущей душой.
Подвигнутый его таинственным влеченьем,
Расстался я навек с мучительным сомненьем,
Забыв на вышнего презренную хулу,
И так ему воспел невольную хвалу:

«Хвала тебе, творец могучий, бесконечный,
Верховный разум, дух незримый и предвечный!
Кто не был, тот восстал из праха пред тобой.
Не бывши бытием, я слышал голос твой,
Я здесь! Хаос тебя рожденный славословит,
И мыслящий атом — твой взор творящий ловит.
Могу ль измерить я в сей благодатный час
Неизмеримое пространство между нас?
Я — дело рук твоих — я, дышащий тобою,
Приявший жизнь мою невольною судьбою, —
Могу ли за нее возмездия просить?
Не ты обязан — я! мой долг — тебя хвалить!
Вели, располагай, о, ты, неизреченный!
Готов исполнить твой закон всесовершенный.
Назначь, определи, мудрейший властелин,
Пространству, времени — порядок, ход и чин;
Без тайных ропотов, с слепым повиновеньем,
Доволен буду я твоим определеньем.
Как сонмы светлые блистательных кругов
В эфирных высотах, как тысячи миров
Вращаются, текут в связи непостижимой, —
Я буду шествовать, тобой руководимый.
Избранный ли тобой, сын персти, воспарю
В пределы неба я, и, гордый, там узрю
В лазурных облаках престол твой величавый
И самого тебя, одеянного славой,
В сиянье радужных, божественных лучей;
Или, трепещущий всевидящих очей,
Во мраке хаоса атом, тобой забвенный,
Несчастный, страждущий и смертными презренный, —
Я буду жалкий член живого бытия, —
Всегда хвала тебе, господь! воскликну я.
Ты сотворил меня, твое я есмь созданье,
Пошли мне на главу и гнев, и наказанье,
Я — сын, ты — мой отец! Кипит в груди восторг!

A tout autre degré, moins malheureux peut-être,
J'eusse été... Mais je suis ce que je devais être,
J'adore sans la voir ta suprême raison,
Gloire à toi qui m'as fait ! Ce que tu fais est bon !

— « Cependant, accablé sous le poids de ma chaîne,
Du néant au tombeau l'adversité m'entraîne ;
Je marche dans la nuit par un chemin mauvais,
Ignorant d'où je viens, incertain où je vais,
Et je rappelle en vain ma jeunesse écoulée,
Comme l'eau du torrent dans sa source troublée.
Gloire à toi ! Le malheur en naissant m'a choisi ;
Comme un jouet vivant, ta droite m'a saisi ;
J'ai mangé dans les pleurs le pain de ma misère,
Et tu m'as abreuvé des eaux de ta colère.
Gloire à toi ! J'ai crié, tu n'as pas répondu ;
J'ai jeté sur la terre un regard confondu.
J'ai cherché dans le ciel le jour de ta justice ;
Il s'est levé, Seigneur, et c'est pour mon supplice !
Gloire à toi ! L'innocence est coupable à tes yeux :
Un seul être, du moins, me restait sous les cieux ;
Toi-même de nos jours avais mêlé la trame,
Sa vie était ma vie, et son âme mon âme ;
Comme un fruit encor vert du rameau détaché,
Je l'ai vu de mon sein avant l'âge arraché !
Ce coup, que tu voulais me rendre plus terrible,
La frappa lentement pour m'être plus sensible ;
Dans ses traits expirants, où je lisais mon sort,
J'ai vu lutter ensemble et l'amour et la mort ;
J'ai vu dans ses regards la flamme de la vie,
Sous la main du trépas par degrés assoupie,
Se ranimer encore au souffle de l'amour !
Je disais chaque jour : Soleil ! encore un jour !
Semblable au criminel qui, plongé dans les ombres,
Et descendu vivant dans les demeures sombres,
Près du dernier flambeau qui doit l'éclairer,
Se penche sur sa lampe et la voit expirer,
Je voulais retenir l'âme qui s'évapore ;
Dans son dernier regard je la cherchais encore !
Ce soupir, ô mon Dieu ! dans ton sein s'exhala ;
Hors du monde avec lui mon espoir s'envola !
Pardonne au désespoir un moment de blasphème,

И снова я скажу: хвала тебе, мой бог!..
Сын праха, воздержись! Святое провиденье
Сокрыло от тебя твой рок и назначенье.
Как яркая звезда, как месяц молодой
Плывет и сыплет блеск по тучам золотой
И кроет юный рог за рощею ночною, —
Так шествуешь и ты неверною стопою
В юдоли жизни сей. Ты слабым создан был;
Две крайности в тебе творец соединил.
Быть может, с ними я невольно стал несчастен,
Но благодати твоей и славе я причастен.
Ты мудр — немудрого не можешь произвести:
Склоняюсь пред тобой... хвала тебе и честь!..
Но, между тем, тоска сменила в сердце радость;
Погасла навсегда смеющаяся младость...
Угрюмый, одинок, прошедшим удручен,
Я вижу: пролетит существенный мой сон;
Престанет гнать меня завистливая злоба!
Полуразрушенный, стою при дверях гроба:
Хвала тебе! Вражды и горести змия
Терзала грудь мою; в слезах родился я,
Слезами обливал мой хлеб приобретенный,
В слезах всю жизнь провел, тобою пораженный:
Хвала тебе! Терпел невинно я, страдал,
До дна испил я бед и горестей фиал,
У праведных небес просил себе защиты —
И пал, перунами всевышнего убитый:
Хвала тебе! Тобой невинность сражена!..
Был друг души моей — отрада мне одна!
Ты сам соединил нас узами любви,
И ты запечатлел союз священной крови —
Вся жизнь его была лишь жизнью моей,
И душу я его считал душой своей...
Как юный, нежный цвет, от стебля отделенный,
Увял он на груди моей окамененной!..
Я видел смерть в его хладеющих чертах;
Любовь боролась с ней, и в гаснущих очах
Изображалось все души его томленье...
О солнце, я молил, продли твое течение!
Как жертва палача, в час смерти роковой,
Преступник зрит топор, взнесенный над головой,
Бесчувствен, падает в отчаянье и страхе

J'osai... Je me repens : Gloire au maître suprême !
Il fit l'eau pour couler, l'aquilon pour courir,
Les soleils pour brûler, et l'homme pour souffrir !

— « Que j'ai bien accompli cette loi de mon être !
La nature insensible obéit sans connaître ;
Moi seul, te découvrant sous la nécessité,
J'immole avec amour ma propre volonté,
Moi seul, je t'obéis avec intelligence ;
Moi seul, je me complais dans cette obéissance ;
Je jouis de remplir, en tout temps, en tout lieu,
La loi de ma nature et l'ordre de mon Dieu ;
J'adore en mes destins ta sagesse suprême,
J'aime ta volonté dans mes supplices même,
Gloire à toi ! Gloire à toi ! Frappe, anéantis-moi !
Tu n'entendras qu'un cri : Gloire à jamais à toi ! »
Ainsi ma voix monta vers la voûte céleste :
Je rendis gloire au ciel, et le ciel fit le reste.

Fais silence, ô ma lyre ! Et toi, qui dans tes mains
Tiens le cœur palpitant des sensibles humains,
Byron, viens en tirer des torrents d'harmonie :
C'est pour la vérité que Dieu fit le génie.
Jette un cri vers le ciel, ô chantre des enfers !
Le ciel même aux damnés enviera tes concerts !
Peut-être qu'à ta voix, de la vivante flamme
Un rayon descendra dans l'ombre de ton âme ?
Peut-être que ton cœur, ému de saints transports,
S'apaisera soi-même à tes propres accords,
Et qu'un éclair d'en haut perçant ta nuit profonde,
Tu verseras sur nous la clarté qui t'inonde ?

Ah ! si jamais ton luth, amolli par tes pleurs,
Soupirait sous tes doigts l'hymne de tes douleurs,
Ou si, du sein profond des ombres éternelles,
Comme un ange tombé, tu secouais tes ailes,
Et prenant vers le jour un lumineux essor,
Parmi les chœurs sacrés tu t'asseyais encor ;
Jamais, jamais l'écho de la céleste voûte,

И ловит бытия последний миг на плахе —
Так, бледен, быстр как взор, внимателен как слух,
Я рвался удержать его последний дух...
Он излетел!.. О бог правдивый, милосердный!
Простишь ли мне?.. Роптал в несчастиях нетвердый,
Роптал против тебя, судил твои пути...
Непостижимый бог! прости меня, прости!..
Ты прав!.. безумен я... достоин наказанья...
Ты смертным создал мир — и дал в удел страданья.
Так!.. я не нарушал закона твоего!
Лишился милого душе моей всего,
Лишился радости, покоя невозвратно:
Но что ж? Твои дары я возвратил обратно..
Противиться нельзя таинственной судьбе,
Желаньем, волею я жертвую тебе!
Я полон на тебя незыблемой надежды,
И с верою она мои закроет вежды.
Люблю тебя, творец, во мраке грозных туч,
Когда ты в молниях, ужасен и могуч,
Устав преподаешь природе уstraшенной,
Иль кроткия весны дыханьем облеченный,
На землю низведешь гармонию небес!
Хвала тебе! скажу, лия потоки слез,
Хвала, верховный ум, порядок неразрывный!
Рази, карай меня!.. Хвала тебе, бог дивный!..»
Так мыслил я тогда, так небом пламенел
И так, восторженный, царя природы пел.
О ты, неопытных коварный искуситель,
Неистовый сердец чувствительных мучитель!
Познай, Байрон, мечту твоих печальных дум,
Познай — и устрями ко благу пылкий ум!
Наперсник ужасов, певец ожесточенья,
Ужель твоя душа не знает умиленья?
Простри на небеса задумчивый твой взор:
Не зришь ли в них творцу согласный, стройный хор?
Не чувствуешь ли ты невольного восторга?
Дерзнешь ли не признать и власть, и силу бога,
Таинственный устав, непостижимый перст
В премудром чертеже миров, планет и звезд?
Ах, если б, смерти сын, из мрака вечной ночи,
Ты оросил слезой раскаяния очи,
Надеждой окрилен, оставил ада свод

Jamais ces harpes d'or que Dieu lui-même écoute,
Jamais des séraphins les chœurs mélodieux,
De plus divins accords n'auraient ravi les cieux !
Courage ! enfant déchu d'une race divine !
Tu portes sur ton front ta superbe origine !
Tout homme en te voyant reconnaît dans tes yeux
Un rayon éclipsé de la splendeur des cieux !
Roi des chants immortels, reconnais-toi toi-même !
Laisse aux fils de la nuit le doute et le blasphème ;
Dédaigne un faux encens qu'on t'offre de si bas,
La gloire ne peut être où la vertu n'est pas.
Viens reprendre ton rang dans ta splendeur première,
Parmi ces purs enfants de gloire et de lumière,
Que d'un souffle choisi Dieu voulut animer,
Et qu'il fit pour chanter, pour croire et pour aimer !

III. A ELVIRE

Oui, l'Anio murmure encore
Le doux nom de Cynthie aux rochers de Tibur,
Vaucluse a retenu le nom chéri de Laure,
Et Ferrare au siècle futur
Murmurera toujours celui d'Eléonore !
Heureuse la beauté que le poète adore !
Heureux le nom qu'il a chanté !
Toi, qu'en secret son culte honore,
Tu peux, tu peux mourir ! dans la postérité
Il lègue à ce qu'il aime une éternelle vie,
Et l'amante et l'amant sur l'aile du génie
Montent, d'un vol égal, à l'immortalité !
Ah ! si mon frêle esquif, battu par la tempête,
Grâce à des vents plus doux, pouvait surgir au port ?
Si des soleils plus beaux se levaient sur ma tête ?
Si les pleurs d'une amante, attendrissant le sort,
Ecartaient de mon front les ombres de la mort ?

И к свету горнему направил свой полет
 И в сонме ангелов твоя взгремела лира, —
 Нет, никогда б еще во области эфира,
 Никто возвышенной, приятней и сильней
 Не выразил хвалы владыке всех царей!
 Мужайся, падший дух! божественные знаки
 Ты носишь на челе. Как легкие призраки,
 Как сон, как ветерок, исчезнет славы дым;
 Ты адом, гордостью, ты злом боготворим.
 Царь песней, презри лесть: она — твоя отрава;
 С одною истиной прочна бывает слава.
 Склони пред ней главу, надменный великан!
 Теки, спеши занять потерянный твой сан
 Среди сынов, благим отцом благословенных,
 Для радости, любви, для счастья сотворенных!..

А. И. Полежаев

К ЭЛЬВИРЕ

(Из Ламартина, посвящено П. Н. Ж. л. б. вой)

Так! Анио среди скал Тибура
 О милой Цинтии поднесь еще твердит;
 В долинах, где Воклюз журчит,
 Еще присутствует Лаура;
 Векам Феррара передаст
 Певца Ринальдова к Элеоноре страсть!
 Счастлива красота, воспетая поэтом!
 Счастлива смертная, любимая певцом!..
 Пусть время гибельным серпом
 Его любезную разлучит с здешним светом —
 Он имя милое навеки сохранит
 В потомстве от забвенья
 И в храм бессмертия с ней вместе возлетит
 На крыльях вдохновенья!..

Когда б попутный ветр к желанным берегам
 Примчал мой утлый челн, носимый по волнам,
 Когда б отрадного светила
 Лучи блеснули надо мной,

Peut-être ?... oui, pardonne, ô maître de la lyre !
Peut-être j'oserais, et que n'ose un amant ?
Egaler mon audace à l'amour qui m'inspire,
Et, dans des chants rivaux célébrant mon délire,
De notre amour aussi laisser un monument !
Ainsi le voyageur qui dans son court passage
Se repose un moment à l'abri du vallon,
Sur l'arbre hospitalier dont il goûta l'ombrage
Avant que de partir, aime à graver son nom !

Vois-tu comme tout change ou meurt dans la nature ?
La terre perd ses fruits, les forêts leur parure ;
Le fleuve perd son onde au vaste sein des mers ;
Par un souffle des vents la prairie est fanée,
Et le char de l'automne, au penchant de l'année,
Roule, déjà poussé par la main des hivers !
Comme un géant armé d'un glaive inévitable,
Atteignant au hasard tous les êtres divers,
Le temps avec la mort, d'un vol infatigable
Renouvelle en fuyant ce mobile univers !
Dans l'éternel oubli tombe ce qu'il moissonne :
Tel un rapide été voit tomber sa couronne
 Dans la corbeille des glaneurs !
Tel un pampre jauni voit la féconde automne
Livrer ses fruits dorés au char des vendangeurs !
Vous tomberez ainsi, courtes fleurs de la vie !
Jeunesse, amour, plaisir, fugitive beauté !
Beauté, présent d'un jour que le ciel nous envie,
Ainsi vous tomberez, si la main du génie
 Ne vous rend l'immortalité !

Vois d'un œil de pitié la vulgaire jeunesse,
Brillante de beauté, s'enivrant de plaisir !
Quand elle aura tari sa coupe enchanteresse,
Que restera-t-il d'elle ? à peine un souvenir :
Le tombeau qui l'attend l'engloutit tout entière,
Un silence éternel succède à ses amours ;
Mais les siècles auront passé sur ta poussière,
 Elvire, et tu vivras toujours !

И от главы моей, слезами и тоской,
Подруга нежная мрак смерти отдалила, —
Тогда бы я, быть может, уравнил
Со страстью пламенной поэта дерзновенье
И, лире передав восторг и упоенье,
Нетленный памятник любви соорудил!
Так странник отдохнуть полдневною порою
Под тень густых берез садится на горе
И, отправляясь в путь знакомую стезею,
Чертит свое там имя на коре.
Смотри, как в мире все проходит, умирает!
Земля лишается плодов,
Срывает ветр листы с лесов;
Река струи свои в волнах морей теряет;
И осень, вестница метелей, непогод,
К нам зиму хладную ведет!
Сатурн, как исполин, мечом вооруженный,
Неся на плечах смерть, парит;
Косою меткою в пути своем разит
И, изменяя вид вселенны,
Во мрак забвения уносит все с собой!
Так с лета быстрого венец его золотой
Серпы блестящие снимают;
Так с виноградных лоз в кошицы упадают
Осеннею порой румяные плоды!
Так вы погибнете, вы, жизни сей цветы!
Любовь и молодость, и блеск красы мгновенной,
Красы, на краткий срок от неба данной нам!
Так вы погибнете, коль лирой вдохновенной
Певец не даст бессмертья вам!

На юность пылкую брось взор ты состраданья:
Как чашу радости спешит испить она!
Когда ж осушит всю до дна, —
Что ей останется? — едва воспоминанье!
Могила тесная ее поглотит прах,
И время след любви запорошит забвеньем!
Тебе ж другой удел назначен провиденьем:
Ты будешь вечно жить, Эльвира, в сих стихах!

П. Г. Сиянов

IV. LE SOIR

Le soir ramène le silence.
Assis sur ces rochers déserts,
Je suis dans le vague des airs
Le char de la nuit qui s'avance.

Vénus se lève à l'horizon ;
A mes pieds l'étoile amoureuse
De sa lueur mystérieuse
Blanchit les tapis de gazon.

De ce hêtre au feuillage sombre
J'entends frissonner les rameaux :
On dirait autour des tombeaux
Qu'on entend voltiger une ombre.

Tout à coup détaché des cieux,
Un rayon de l'astre nocturne,
Glissant sur mon front taciturne,
Vient mollement toucher mes yeux.

Doux reflet d'un globe de flamme,
Charmant rayon, que me veux-tu ?
Viens-tu dans mon sein abattu
Porter la lumière à mon âme ?

Descends-tu pour me révéler
Des mondes le divin mystère ?
Ces secrets cachés dans la sphère
Où le jour va te rappeler ?

Une secrète intelligence
T'adresse-t-elle aux malheureux ?
Viens-tu la nuit briller sur eux
Comme un rayon de l'espérance ?

Viens-tu dévoiler l'avenir
Au cœur fatigué qui t'implore ?
Rayon divin, es-tu l'aurore
Du jour qui ne doit pas finir ?

ВЕЧЕР

(Из Ламартина)

Нисходит вечер с тишиной;
Один, на сей скале угрюмой,
Я следую сердечной думой
За омрачающею мглой!

На небе сумрачном горит
Звезда любви; она лучами
Зеленый дерн с его цветами
Унылым блеском серебрит.

Поколебалась дуба сень:
Я слышу листьев трепетанье;
И, мнится, в мертвом сем молчанье
Незримая летает тень!

И от приветливой звезды
Спустился луч отрадный, милый;
Коснулся глаз моих уныло
И бледно озарил черты!

Скажи мне, пламенных миров
Приветный блеск! твое сиянье
Несет ли в грудь мою желанье,
Ей отдает ли радость вновь?

Иль хочешь ты передо мной
Открыть, прекрасный луч эфира, —
Все таинства другого мира,
Куда ты скроешься с зарей?

Иль, тайной силою ведом,
Являешься, ночной порою,
Блестать отрадою живою,
Надежды радостным лучом!

Или, собой нас озаря,
Грядущее нам открываешь?
Или о вечном возвещаешь?
Не ты ли вечного заря?

Mon cœur à ta clarté s'enflamme,
Je sens des transports inconnus,
Je songe à ceux qui ne sont plus :
Douce lumière, es-tu leur âme ?

Peut-être ces mânes heureux
Glissent ainsi sur le bocage ?
Enveloppé de leur image,
Je crois me sentir plus près d'eux !

Ah ! si c'est vous, ombres chéries !
Loin de la foule et loin du bruit,
Revenez ainsi chaque nuit
Vous mêler à mes rêveries.

Ramenez la paix et l'amour
Au sein de mon âme épuisée,
Comme la nocturne rosée
Qui tombe après les feux du jour.

Venez !... mais des vapeurs funèbres
Montent des bords de l'horizon :
Elles voilent le doux rayon,
Et tout rentre dans les ténèbres.

V. L'IMMORTALITÉ

Le soleil de nos jours pâlit dès son aurore,
Sur nos fronts languissants à peine il jette encore
Quelques rayons tremblants qui combattent la nuit ;
L'ombre croît, le jour meurt, tout s'efface et tout fuit !
Qu'un autre à cet aspect frissonne et s'attendrisse,
Qu'il recule en tremblant des bords du précipice,
Qu'il ne puisse de loin entendre sans frémir
Le triste chant des morts tout prêt à retentir,
Les soupirs étouffés d'une amante ou d'un frère

Но что ж забилося сердце вдруг;
Восторг в груди моей пылает?
Оно о милых вспоминает!
Небесный луч — не ты ль их дух?..

Быть может, в милых мне чертах,
Летают легкие их тени...
Быть может, здесь, в сей мрачной сени,
Быть может, у меня в очах!..

Ах! прилетайте же ко мне,
О тени, сердцу дорогие,
Беседовать, в часы ночные,
Со мной в безмолвной тишине!

Пролейте в душу мне покой,
Отдайте образ ваш бесценный —
Я оживу, как окропленный
Цветок вечернею росой!

Отдайте... но отрадный луч
Сокрылся вдруг в дали туманной,
За дикою скалою дальней,
За мрачною грядою туч!

Н. П. Греков

БЕССМЕРТИЕ

Подражание Ламартину

(К БРАТУ)

Как рано дней моих склоняется светило!
На бледное чело ложится ночи тень;
Едва сквозь сумерки проглядывает день —
И гаснет. Он погас... Исчезло все, что было!

Пусть с ужаса иной отступит, охладев
От факлов гробовых, блеснувших в церкви мрачной;
Пусть дрогнет злой богач за трапезою брачной,
Прислушав шестивия прощального напев...

Suspendus sur les bords de son lit funéraire,
Ou l'airain gémissant, dont les sons éperdus
Annoncent aux mortels qu'un malheureux n'est plus !

Je te salue, ô mort ! Libérateur céleste,
Tu ne m'apparais point sous cet aspect funeste
Que t'a prêté longtemps l'épouvante ou l'erreur ;
Ton bras n'est point armé d'un glaive destructeur,
Ton front n'est point cruel, ton œil n'est point perfide,
Au secours des douleurs un Dieu clément te guide ;
Tu n'anéantis pas, tu délivres ! ta main,
Céleste messenger, porte un flambeau divin ;
Quand mon œil fatigué se ferme à la lumière,
Tu viens d'un jour plus pur inonder ma paupière ;
Et l'espoir près de toi, rêvant sur un tombeau,
Appuyé sur la foi, m'ouvre un monde plus beau !

Viens donc, viens détacher mes chaînes corporelles,
Viens, ouvre ma prison ; viens, prête-moi tes ailes ;
Que tardes-tu ? Parais ; que je m'élançe enfin
Vers cet être inconnu, mon principe et ma fin !

Qui m'en a détaché ? qui suis-je, et que dois-je être ?
Je meurs et ne sais pas ce que c'est que de naître.
Toi, qu'en vain j'interroge, esprit, hôte inconnu,
Avant de m'animer, quel ciel habitais-tu ?
Quel pouvoir t'a jeté sur ce globe fragile ?
Quelle main t'enferma dans ta prison d'argile ?
Par quels nœuds étonnants, par quels secrets rapports
Le corps tient-il à toi comme tu tiens au corps ?
Quel jour séparera l'âme de la matière ?
Pour quel nouveau palais quitteras-tu la terre ?
As-tu tout oublié ? Par delà le tombeau,
Vas-tu renaître encor dans un oubli nouveau ?
Vas-tu recommencer une semblable vie ?
Ou dans le sein de Dieu, ta source et ta patrie,
Affranchi pour jamais de tes liens mortels,
Vas-tu jouir enfin de tes droits éternels ?

Oui, tel est mon espoir, ô moitié de ma vie !
C'est par lui que déjà mon âme raffermie
A pu voir sans effroi sur tes traits enchanteurs
Se faner du printemps les brillantes couleurs.
C'est par lui que percé du trait qui me déchire,
Jeune encore, en mourant vous me verrez sourire,
Et que des pleurs de joie à nos derniers adieux,

Пусть дрогнет, если вран, смерть криком вызывая,
Добычи чуткий страж, на кровле замка сел;
Иль фимиам кадил, из окон вылетая,
Разносит весть, что дух от жизни отлетел!..
Пусть он, пусть он бежит от встречи погребальной!

Как узник, жду тебя, кончины час печальный!
Пусть совесть черная и суеверный страх
Отравленную жизнь рассеют на пирах!
Твой отзыв страшен им: ты скрыт и неизбежен;
Не устроишь меня — я в жизни безнадежен!
Предвестник вечности — ты разрушаешь прах!
Неумолим, как рок... лети, посланник рая!
О спутники мои! Час горький настает...
Друзья, не жизнь люблю, но вас: есть жизнь другая!
Мой ангел, в путь звезду бессмертья зажигаю,
Над краем гроба крест спасенья подает.

Нет, ангел смерти, нет: еще одно мгновенье!
Отсрочь и дай взглянуть еще на свет родной:
Я пропаду на нем, как дым, как сновиденье...
Я жил — умру, не зная, что жизнь и что рожденье.

Скажи: узнаю ли, дух, житель неземной,
Когда был не во мне, где был ты? Где та сфера,
В которой плавал ты?.. И мир оставя свой,
Зачем ты здесь, где скорбь лишь услаждает вера?
Кто заключил тебя в сей чувственный состав?
Что будет дух, свою темницу разорвав?
Душа! В какой эфир твоя стремится сила?
Изгнанница небес, ужель ты их забыла?
В тебе осталась лишь невнятная тоска
И, как звезда, упав на землю свысока,
Небесной искрою ты пыль одушевила!

О горний дух! Скажи: за темным краем жизни,
Жизнь первую забыв, начнешь другую ль вновь?
Иль полетишь в свой мир, в отрадный мир отчизны,
Где обоймут тебя и вечность и любовь?

Так, неизменный друг! С сей искрой упованья
Без ужаса свой лик встречаю на стекле,

A ton dernier regard, brilleront dans mes yeux.
« Vain espoir ! » s'écriera le troupeau d'Epicure,
Et celui dont la main disséquant la nature,
Dans un coin du cerveau nouvellement décrit,
Voit penser la matière et végéter l'esprit ;
Insensé ! diront-ils, que trop d'orgueil abuse,
Regarde autour de toi : tout commence et tout s'use,
Tout marche vers un terme, et tout naît pour mourir ;
Dans ces prés jaunissants tu vois la fleur languir ;
Tu vois dans ces forêts le cèdre au front superbe
Sous le poids de ses ans tomber, ramper sous l'herbe ;
Dans leurs lits desséchés tu vois les mers tarir ;
Les cieux même, les cieux commencent à pâlir ;
Cet astre dont le temps a caché la naissance,
Le soleil, comme nous, marche à sa décadence,
Et dans les cieux déserts les mortels éperdus
Le chercheront un jour et ne le verront plus !
Tu vois autour de toi dans la nature entière
Les siècles entasser poussière sur poussière,
Et le temps, d'un seul pas confondant ton orgueil,
De tout ce qu'il produit devenir le cercueil.
Et l'homme, et l'homme seul, ô sublime folie !
Au fond de son tombeau croit retrouver la vie,
Et dans le tourbillon au néant emporté,
Abattu par le temps, rêve l'éternité !
Qu'un autre vous réponde, ô sages de la terre !
Laissez-moi mon erreur : j'aime, il faut que j'espère ;
Notre faible raison se trouble et se confond.
Oui, la raison se tait : mais l'instinct vous répond.
Pour moi, quand je verrais dans les célestes plaines,
Les astres, s'écartant de leurs routes certaines,
Dans les champs de l'éther l'un par l'autre heurtés,
Parcourir au hasard les cieux épouvantés ;
Quand j'entendrais gémir et se briser la terre ;
Quand je verrais son globe errant et solitaire
Flottant loin des soleils, pleurant l'homme détruit,
Se perdre dans les champs de l'éternelle nuit ;
Et quand, dernier témoin de ces scènes funèbres,
Entouré du chaos, de la mort, des ténèbres,
Seul je serais debout : seul, malgré mon effroi,
Etre infailible et bon, j'espérerais en toi,
Et, certain du retour de l'éternelle aurore,

Символе истины: с сей верой, без роптанья,
 День каждый вижу я на пасмурном челе,
 Как жизни ранний цвет ежеминутно вянет...
 В сей вере сладостной, мой друг, прощусь с тобой,
 Когда по членам смерть распространяться станет...
 Я мало жил — но я с бессмертною душой!

Постой... Окинь весь круг Природы беглым взглядом!
 Что видишь вкруг себя? Начало и конец.
 Всему чреда: цветок, сей утренний жилец,
 Он к вечеру исчез... но заменился братом.
 Отцвел — цветет другой — и вечно в цвете луг.
 Но каждому свой миг: пропал — и невозвратно.
 День, ночь, зима, весна: вот бесконечный круг!
 В Природе все идет вперед, но не обратно.
 Ах! безотраден мир бездушных мудрецов!
 Взгляни: вокруг тебя все чахнет, все слабеет,
 И гордый кедр упал под бременем годов!
 Река иссякнула; от древних берегов
 Отхлынул Океан, и глубь морей мелеет;
 Жизнь срочную земли уводит каждый год,
 И даже медленно бледнеет неба свод.
 Светило, чье в веках теряется начало,
 И солнце, как и мы, к кончине ближе стало,
 И, в мертвых небесах пустой оставя путь,
 От нас закатится навек когда-нибудь.
 Столетия крадутся невидимым теченьем
 И оставляют вслед — истленье за истленьем.
 Взгляни, как времени река из века в век
 Уносит все, что здесь живет... А человек,
 А человек один, минутное создание!..

Уничтожение! О слова страшный звук!
 Не пробежало ли по сердцу содроганье
 И мрачным ужасом не захватило ль дух?..

Как? как?.. Моя душа с земным, бездушным телом
 Рассеется, как пыль? Иль, как летучий звон,
 Погибнет в тишине под сводом опустелым?..
 Иль в ночи вечной нас обнимет вечный сон?
 К чему любить, к чему?.. Друзья, супруги, братья,

Sur les mondes détruits je t'attendrais encore !
Souvent, tu t'en souviens, dans cet heureux séjour
Où naquit d'un regard notre immortel amour,
Tantôt sur les sommets de ces rochers antiques,
Tantôt aux bords déserts des lacs mélancoliques,
Sur l'aile du désir, loin du monde emportés,
Je plongeais avec toi dans ces obscurités.
Les ombres à longs plis descendant des montagnes,
Un moment à nos yeux dérobaient les campagnes :
Mais bientôt s'avançant sans éclat et sans bruit
Le chœur mystérieux des astres de la nuit,
Nous rendant les objets voilés à notre vue,
De ses molles lueurs revêtait l'étendue ;
Telle, en nos temples saints par le jour éclairés,
Quand les rayons du soir pâlisent par degrés,
La lampe, répandant sa pieuse lumière,
D'un jour plus recueilli remplit le sanctuaire.

Dans ton ivresse alors tu ramenaï mes yeux,
Et des cieus à la terre, et de la terre aux cieus ;
Dieu caché, disais-tu, la nature est ton temple !
L'esprit te voit partout quand notre œil la contemple ;
De tes perfections, qu'il cherche à concevoir,
Ce monde est le reflet, l'image, le miroir ;
Le jour est ton regard, la beauté ton sourire :
Partout le cœur t'adore et l'âme te respire ;
Eternel, infini, tout-puissant et tout bon,
Ces vastes attributs n'achèvent pas ton nom ;
Et l'esprit, accablé sous ta sublime essence,
Célèbre ta grandeur jusque dans son silence.
Et cependant, ô Dieu ! par sa sublime loi,
Cet esprit abattu s'élance encore à toi,
Et sentant que l'amour est la fin de son être,
Impatient d'aimer, brûle de te connaître.

Tu disais : et nos cœurs unissaient leurs soupirs
Vers cet être inconnu qu'attestaient nos désirs ;
A genoux devant lui, l'aimant dans ses ouvrages,
Et l'aurore et le soir lui portaient nos hommages,
Et nos yeux enivrés contemplaient tour à tour
La terre notre exil, et le ciel son séjour.

Ah ! si dans ces instants où l'âme fugitive
S'élance et veut briser le sein qui la captive,
Ce Dieu, du haut du ciel répondant à nos vœux,

Там нет свидания?.. И злой, и добрый — мы...

О друг моей души! Пусть грянет гром проклятья
Над суемудрыми учителями тьмы!
Возненавидел я систем коварных ложность,
Упрек из века в век для мудрости земной,
Но вечность обличит их гордую ничтожность!..

Как? Умиравший твой друг перед тобой,
Вздых тщетный испустив, край жизни переступит,
И в том, кто так любил, уж в нем ничто не любит?..

Прочь, мысль безумия! Кто верил, кто любил,
Тому Природы всей не страшно разрушенья!

Когда б я видеть мог падение светил
С небес испуганных и смертный час творенья;
Когда из стройных сфер вдруг выступят миры
И, заблудясь во тьме, громадные шары
Столкнутся край об край в расстроенном побеге;
Когда б, услышав треск родной своей земли,
Осиротелый шар узнал бы я вдали,
Пустой, тоскующий о падшем человеке;
Когда б его удар кометы раздробил
И пережил бы я земли уничтоженья...
Один, свидетелем последним разрушенья,
Забывтый в хаосе потухнувших светил, —
Творец! и в ужасе тебя бы я любил!
С надеждой встретить луч всемирного рассвета
Я стал бы ждать тебя и на обломках света!
Как часто... Помнишь ли?.. С громад лесистых гор
Иль с диких берегов задумчивых озер —
Одни в земном кругу; на крыльях дум с вершины
Спускались мы, как вихрь, в дремучие долины.
О дни отрадные, где вы?.. Ах! я мечтал!
Их нет!.. Но и теперь их отзыва я внемлю!
Теряясь в радости, наш взгляд перелетал
С земли на небеса, с небес опять на землю.
«Творец! — зывали мы. — Вселенная твой храм;
Ты в нем сокрыт от нас, ты необъятен нам;
Но красота твоя в рассвете утра дышит.
Невидимый! Тебя душа повсюду слышит!

D'un trait libérateur nous eût frappés tous deux !
Nos âmes, d'un seul bond remontant vers leur source,
Ensemble auraient franchi les mondes dans leur course ;
A travers l'infini, sur l'aile de l'amour,
Elles auraient monté comme un rayon du jour,
Et, jusqu'à Dieu lui-même arrivant éperduës,
Se seraient dans son sein pour jamais confonduës !
Ces vœux nous trompaient-ils ? Au néant destinés,
Est-ce pour le néant que les êtres sont nés ?
Partageant le destin du corps qui la recèle,
Dans la nuit du tombeau l'âme s'engloutit-elle ?
Tombe-t-elle en poussière ? ou, prête à s'envoler,
Comme un son qui n'est plus va-t-elle s'exhaler ?
Après un vain soupir, après l'adieu suprême
De tout ce qui t'aimait, n'est-il plus rien qui t'aime ?
Ah ! sur ce grand secret n'interroge que toi !
Vois mourir ce qui t'aime, Elvire, et réponds-moi !

VI. LE VALLON

Mon cœur, lassé de tout, même de l'espérance,
N'ira plus de ses vœux importuner le sort ;
Prêtez-moi seulement, vallon de mon enfance,
Un asile d'un jour pour attendre la mort.

Voici l'étroit sentier de l'obscurë vallée :
Du flanc de ces coteaux pendent des bois épais
Qui, courbant sur mon front leur ombre entremêlée,
Me couvrent tout entier de silence et de paix.

Là, deux ruisseaux cachés sous des ponts de verdure
Tracent en serpentant les contours du vallon ;

Превечен, всемогущ, весь кротость, весь любовь...
 Нет! чтоб тебя назвать, все звуки тщетны слов,
 И ум теряется в величии безбрежном,
 Как человека жизнь в бессмертии веков!
 Но дух сей, о творец! влеченьем неизбежным
 Сей сокрушенный дух, он просится к тебе
 И, чувствуя к любви свое предназначенье,
 Горит желанием вместить ее в себе!»

Так восклицали мы, и дружное моление,
 Как легкий фимиам, взлетало к небесам,
 И в пламенных очах блистало умиление:
 Мы были на земле, но духом были — там!

Ах! Иногда душа, в небесные мгновенья,
 Нетерпеливая, как пламень, как эфир,
 Желает вырваться: ей душен дольний мир!
 О смерти дух! В сей миг святого исступленья
 Взмахни своей косою и цепи разорви!
 Из мира в мир стремясь к отцу миров и света,
 По беспредельности, на крыльях любви,
 Она бы вознеслась, как тонкий луч рассвета!

Ал. Норов

ДОЛИНА

(Из Альфонса Ламартина)

Мой изнемогший дух, не веря и надежде,
 Мольбою небесам не станет докучать.
 О, будь, долина, мне пристанищем, как прежде,
 И на день дай приют, чтоб смерти подождать!

Уныл долины вид — тропа к ней в запустеньи;
 Из ребр ее восстал дремучий лес грядой
 И, над челом моим склоня густые тени,
 Безмолвием меня одел и тишиной.

Два скрытых ручейка, вивясь сквозь темны своды,
 Долину облекли, как рамой, в свой кристалл;

Ils mêlent un moment leur onde et leur murmure,
Et non loin de leur source ils se perdent sans nom.

La source de mes jours comme eux s'est écoulée,
Elle a passé sans bruit, sans nom, et sans retour :
Mais leur onde est limpide, et mon âme troublée
N'aura pas réfléchi les clartés d'un beau jour.

La fraîcheur de leurs lits, l'ombre qui les couronne,
M'enchaînent tout le jour sur les bords des ruisseaux ;
Comme un enfant bercé par un chant monotone,
Mon âme s'assoupit au murmure des eaux.

Ah ! c'est là qu'entouré d'un rempart de verdure,
D'un horizon borné qui suffit à mes yeux,
J'aime à fixer mes pas, et, seul dans la nature,
A n'entendre que l'onde, à ne voir que les cieux.

J'ai trop vu, trop senti, trop aimé dans ma vie,
Je viens chercher vivant le calme du Léthé ;
Beaux lieux, soyez pour moi ces bords où l'on oublie :
L'oubli seul désormais est ma félicité.

Mon cœur est en repos, mon âme est en silence !
Le bruit lointain du monde expire en arrivant,
Comme un son éloigné qu'affaiblit la distance,
A l'oreille incertaine apporté par le vent.

D'ici je vois la vie, à travers un nuage,
S'évanouir pour moi dans l'ombre du passé ;
L'amour seul est resté : comme une grande image
Survit seule au réveil dans un songe effacé.

Repose-toi, mon âme, en ce dernier asile,
Ainsi qu'un voyageur, qui, le cœur plein d'espoir,
S'assied avant d'entrer aux portes de la ville,
Et respire un moment l'air embaumé du soir.

Comme lui, de nos pieds secouons la poussière ;
L'homme par ce chemin ne repasse jamais :
Comme lui, respirons au bout de la carrière
Ce calme avant-coureur de l'éternelle paix.

С минутным ропотом лиют минутны воды
И гибнут без имян у самых их начал.

Так дней моих поток без имени, без шума,
Погибши в вечности, подобно им, иссяк!
Но светел образ их; душа моя угрюма,
И отблеск ясных дней в ее не входит мрак.

Прохлада ложа их, венчаючи их ели
И их бегущая зовет меня волна.
Как усыпляет песнь младенца в колыбели,
Журчаньем их моя душа усыплена.

Ах! здесь, зеленою стеною огражденный,
В юдоль себе избрав чуть зримый небосклон,
Хочу, скитаяся, забытый всей вселенной,
Лишь видеть твердь небес — лишь слышать плески волн.

Я видел, чувствовал, любил превыше силы!
Отныне благом чту забвение моим!
Мне нужен Леты мир до мирных недр могилы;
О, будь, прелестный дол, забвенья брегом сим!

Спокоилась душа, и сердце замолчало,
И дальний света шум, притекши, в слухе мрет!
Так умирает звук, которого начало,
Рассеясь ветрами, до слуха не дойдет!

Здесь жизнь мне предстоит как тьмою сон одетый,
В мечтах прошедшего мелькая, будто тень.
Любовь, сей И с п о л и н, покрыв собой предметы,
Одна пережила те сны, что свеял день.

Вкуси у пристани, душа, успокоенье!
Так путник, утомясь, у градских седши врат,
До входа чающий вкусить отдохновенье,
Вдыхает в грудь свою вечерний аромат!

Как он, и мы, прах ног своих отрясши, сядем!
Неведом смертному вход дикой сей страны!
Как он, оконча путь, и мы упиться жаждем
Предтечей вечности: покоя, тишины!

Tes jours, sombres et courts comme des jours d'automne,
Déclinent comme l'ombre au penchant des coteaux ;
L'amitié te trahit, la pitié t'abandonne,
Et, seule, tu descends le sentier des tombeaux.

Mais la nature est là qui t'invite et qui t'aime ;
Plonge-toi dans son sein qu'elle t'ouvre toujours ;
Quand tout change pour toi, la nature est la même,
Et le même soleil se lève sur tes jours.

De lumière et d'ombrage elle t'entoure encore ;
Détache ton amour des faux biens que tu perds ;
Adore ici l'écho qu'adorait Pythagore,
Prête avec lui l'oreille aux célestes concerts.

Suis le jour dans le ciel, suis l'ombre sur la terre,
Dans les plaines de l'air vole avec l'aiglon,
Avec les doux rayons de l'astre du mystère
Glisse à travers les bois dans l'ombre du vallon.

Dieu, pour le concevoir, a fait l'intelligence ;
Sous la nature enfin découvre son auteur !
Une voix à l'esprit parle dans son silence,
Qui n'a pas entendu cette voix dans son cœur ?

VIII. LA PROVIDENCE A L'HOMME

Quoi ! le fils du néant a maudit l'existence !
Quoi ! tu peux m'accuser de mes propres bienfaits !
Tu peux fermer tes yeux à la magnificence
Des dons que je t'ai faits !

Tu n'étais pas encor, créature insensée,
Déjà de ton bonheur j'enfantais le dessein ;
Déjà, comme son fruit, l'éternelle pensée
Te portait dans son sein.

Oui, ton être futur vivait dans ma mémoire ;
Je préparais les temps selon ma volonté.

Мерцают, дни мои, подобно дням осенним,
Скользнули, так как тень скользит по скату гор!
Один ко гробу я иду путем последним —
И дружба от меня, и жалость кроют взор.

А. П. Бунина

ПРОВИДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКУ

(Из Ламартина)

Не ты ли, о мой сын, восстал против меня?
Не ты ли порицал мои благодеянья
И, очи отвратя от прелести созданья,
Проклял отраду бытия?
Еще ты в прахе был, безумец своенравный,
А я уже радел о счастье твоём,
Растил тебя, как плод, и в промысле святом
Тебе удел готовил славный.
В совете вековом твой век образовал,
И времена текли моим произволеньем,
И рек я: появись и чистым наслажденьем
Почти мой горний трибунал!

Enfin ce jour parut ; je dis : Nais pour ma gloire
Et ta félicité !

Tu naquis : ma tendresse, invisible et présente,
Ne livra pas mon œuvre aux chances du hasard ;
J'échauffai de tes sens la sève languissante,
Des feux de mon regard.

D'un lait mystérieux je remplis la mamelle ;
Tu t'enivras sans peine à ces sources d'amour.
J'affermis les ressorts, j'arrondis la prunelle
Où se peignit le jour.

Ton âme, quelque temps par les sens éclipsee,
Comme tes yeux au jour, s'ouvrit à la raison :
Tu pensas ; la parole acheva ta pensée,
Et j'y gravai mon nom.

En quel éclatant caractère
Ce grand nom s'offrit à tes yeux !
Tu vis ma bonté sur la terre,
Tu lus ma grandeur dans les cieux !
L'ordre était mon intelligence ;
La nature, ma providence ;
L'espace, mon immensité !
Et, de mon être ombre altérée,
Le temps te peignit ma durée,
Et le destin, ma volonté !

Tu m'adoras dans ma puissance,
Tu me bénis dans ton bonheur,
Et tu marchas en ma présence
Dans la simplicité du cœur ;
Mais aujourd'hui que l'infortune
A couvert d'une ombre importune
Ces vives clartés du réveil,
Ta voix m'interroge et me blâme,
Le nuage couvre ton âme,
Et tu ne crois plus au soleil.

« Non, tu n'es plus qu'un grand problème
Que le sort offre à la raison ;

И ты возник. Мое благое попеченье
Не обрекло тебя игралищем судьбе,
Огнем моих очей посеял я в тебе

С началом жизни вдохновенье.

Из груди я воззвал млеко твоим устам,
И сладко ты прильнул к источнику любви,
И ты впивал в себя и жар, и силу крови,
И свет мелькнул твоим очам.

И — искра божества под бранным покрывалом —
Свободная душа невидимо зажглась,
Младенческая мысль словами излилась, —

И имя *бог* служило ей началом.

В каком великом торжестве

Перед тобой оно сияло!

Везде и все напоминало

Тебе о тайном божестве.

На небе в солнце лучезарном

Мое величье ты читал;

Когда же с чувством благодарным

На землю очи обращал,

То всюду зрел мои деянья

Во всей красе благодеянья;

В природе зрел ты образ мой,

В порядке — предопределенье,

В пространстве мира — провиденье,

В судьбе послушной и слепой —

Мое могучее веленье.

И ты почтил во мне царя

Твоих душевных наслаждений,

И, то забывшись, то горя

Огнем приятных впечатлений,

В своей невинной простоте

Ты шел к таинственной мете;

Но между тем, как грозный опыт

Твой свежий ум окаменял,

Ты произнес безумный ропот,

Ты укорять меня дерзал.

Душа твоя одета мглою,

Чело бледнее мертвеца,

И ты, терзаясь думой злою,

Уже не веруешь в творца.

«Он есть великая проблема,

Si ce monde était ton emblème,
Ce monde serait juste et bon. »
Arrête, orgueilleuse pensée ;
A la loi que je t'ai tracée
Tu prétends comparer ma loi ?
Connais leur différence auguste :
Tu n'as qu'un jour pour être juste,
J'ai l'éternité devant moi !

Quand les voiles de ma sagesse
A tes yeux seront abattus,
Ces maux, dont gémit ta faiblesse,
Seront transformés en vertus.
De ces obscurités cessantes
Tu verras sortir triomphantes
Ma justice et ta liberté ;
C'est la flamme qui purifie
Le creuset divin où la vie
Se change en immortalité !

Mais ton cœur endurci doute et murmure encore ;
Ce jour ne suffit pas à tes yeux révoltés,
Et dans la nuit des sens tu voudrais voir éclore
De l'éternelle aurore
Les célestes clartés !

Attends ; ce demi-jour, mêlé d'une ombre obscure,
Suffit pour te guider en ce terrestre lieu :
Regarde qui je suis, et marche sans murmure,
Comme fait la nature
Sur la foi de son Dieu.

La terre ne sait pas la loi qui la féconde ;
L'océan, refoulé sous mon bras tout-puissant,
Sait-il comment au gré du nocturne croissant
De sa prison profonde
La mer vomit son onde,
Et des bords qu'elle inonde
Reculé en mugissant ?

Ce soleil éclatant, ombre de ma lumière,
Sait-il où le conduit le signe de ma main ?

Рассудку данная судьбой;
Когда весь мир его эмблема,
То, наподобие Эдема,
Правдивый был бы и благой».

Умолкни, гордое мечтанье!
Я начертал тебе закон,
Но для тебя ничтожен он!
О, как велико расстоянье! —
Перед тобою — миг один,
Я — миллионов властелин!
Когда спадут перед тобою
Покровы мудрости моей,
Тогда измученный борьбою
Недоумений и страстей,
Ты озаришься совершенством
Неизреченной правоты
И вкусишь с праведным блаженством
От чаши благ и доброты;
Познаешь горнего участия
Дотоле скрытые плоды
И миновавшие несчастья
Благословишь в восторге ты.

Но ропот не умолк в душе ожесточенной:
Ты жаждешь до времен узреть великий день
И дивный вертоград, всевышним насажденный,

Где никогда ночная тень

Не омрачит святую сень.

Безумный! Малый свет и темнота ночная —
Вожатые к нему. Надейся и иди,
Природу и меня постигнуть не дерзая;

Подобно ей, мои пути

Слепой покорностью почти!

Открыл ли я земле законы управленья?
Свирепый океан, великий царь морей,
Окован навсегда десницею моей,

И, в час урочного явленья,

Он силой бурного стремленья

Наводит ужас потопленья

И снова хлынет от степей.

И — тень моих лучей в лазури необъятной —
Узнал ли этот шар закон моих путей?
Куда б он полетел без помощи моей?

S'est-il tracé soi-même un glorieux chemin ?
Au bout de sa carrière,
Quand j'éteins sa lumière,
Promet-il à la terre
Le soleil de demain ?

Cependant tout subsiste et marche en assurance.
Ma voix chaque matin réveille l'univers !
J'appelle le soleil du fond de ses déserts :
Franchissant la distance,
Il monte en ma présence,
Me répond, et s'élançe
Sur le trône des airs !

Et toi, dont mon souffle est la vie ;
Toi, sur qui mes yeux sont ouverts,
Peux-tu craindre que je t'oublie,
Homme, roi de cet univers ?
Crois-tu que ma vertu sommeille ?
Non, mon regard immense veille
Sur tous les mondes à la fois !
La mer qui fuit à ma parole,
Ou la poussière qui s'envole,
Suivent et comprennent mes lois.

Marche au flambeau de l'espérance
Jusque dans l'ombre du trépas,
Assuré que ma providence
Ne tend point de piège à tes pas.
Chaque aurore la justifie,

Кончая подвиг благодатный,
Улыбкой тихой и приятной
Не обещает он обратно
Заутра радужных огней.

И царствует везде порядок неразрывный:
Я утром возбужу вселенную от сна,
И вечером взойдет сребристая луна.

И вот, из тишины пустынной
Она, на голос мой призывный,
Стремится с легкостью дивной —
И ночи мгла озарена.

А ты, прекрасное творенье,
Кого создал для неба я,
Ты впал в ужасное сомненье
О мудрой цели бытия,
Ты, человек и царь вселенной,
Дерзнул роптать — и на кого?
Ты смел в душе ожесточенной
Хулить владыку своего!
Я твой владыка — благодетель,
Моя святая добродетель.
Тебя спасает и хранит,
Я твой незыблемый гранит.
Не мнишь ли ты, что в мраке ночи
Я беззаботно опочил?
О, нет! Внимательные очи
Я с действий мира не сводил.
Моря в волнении суровом,
Летучий прах и ветров стон,
Все движу я великим словом,
Всему в природе есть закон.
Иди с светильником надежды
За провидением вослед,
Ты не умрешь, смыкая вежды:
Тебе за гробом — новый свет!
И знай, правдиво провиденье,
В его путях обмана нет.
Зари румяной восхожденье,
Природы целой уверенье
Твердят о нем из века в век, —
Один не верит человек!
Но брось, о смертный, безнадежность:

L'univers entier s'y confie,
Et l'homme seul en a douté !
Mais ma vengeance paternelle
Confondra ce doute infidèle
Dans l'abîme de ma bonté.

IX. SOUVENIR

En vain le jour succède au jour,
Ils glissent sans laisser de trace ;
Dans mon âme rien ne t'efface,
O dernier songe de l'amour !

Je vois mes rapides années
S'accumuler derrière moi,
Comme le chêne autour de soi
Voit tomber ses feuilles fanées.

Mon front est blanchi par le temps ;
Mon sang refroidi coule à peine,
Semblable à cette onde qu'enchaîne
Le souffle glacé des autants.

Mais ta jeune et brillante image,
Que le regret vient embellir,
Dans mon sein ne saurait vieillir :
Comme l'âme, elle n'a point d'âge.

Non, tu n'as pas quitté mes yeux ;
Et quand mon regard solitaire
Cessa de te voir sur la terre,
Soudain je te vis dans les cieux.

Là, tu m'apparais telle encore
Que tu fus à ce dernier jour,
Quand vers ton céleste séjour
Tu t'envolas avec l'aurore.

Моя родительская нежность
Твое сомненье постыдит
И за безумное роптанье
Свое преступное создание
Любовью вечной наградит!

А. И. Полежаев

ВОСПОМИНАНИЕ

Пусть времени полет стремится
И все с собой уносит он;
В душе тоскующей хранится
Любви моей последний сон.
День каждый падает за мною,
Как, близких бурь послыша свист,
Угрюмой осени порою
Валится с дуба мертвый лист,
Уже весны моей не стало,
Уже полсердца отцвело,
И на лице печали жало
Следы глубоко провело.
Но памяти волшебной силой
Еще присутствен прошлый час,
И образ незабвенно-милый
В воображеньи не угас.
Как в день счастливой первой встречи,
Небесный госты! я зрю тебя,
Мне языком любви, без речи,
Сказавший тайну бытия.
Еще невыразимым взглядом,
Восторгами волнует грудь
И по долине жизни рядом
Со мной свершает тяжкий путь.

Ta pure et touchante beauté
Dans les cieux même t'a suivie ;
Tes yeux, où s'éteignait la vie,
Rayonnent d'immortalité !

Du zéphyr l'amoureuse haleine
Soulève encor tes longs cheveux.
Sur ton sein leurs flots onduleux
Retombent en tresses d'ébène.

L'ombre de ce voile incertain
Adoucit encor ton image,
Comme l'aube qui se dégage
Des derniers voiles du matin.

Du soleil la céleste flamme
Avec les jours revient et fuit ;
Mais mon amour n'a pas de nuit,
Et tu luis toujours sur mon âme.

C'est toi que j'entends, que je vois,
Dans le désert, dans le nuage ;
L'onde réfléchit ton image ;
Le zéphyr m'apporte ta voix.

Tandis que la terre sommeille,
Si j'entends le vent soupirer,
Je crois t'entendre murmurer
Des mots sacrés à mon oreille.

Si j'admire ces feux épars
Qui des nuits parsèment le voile,
Je crois te voir dans chaque étoile
Qui plaît le plus à mes regards.

Et si le souffle du zéphyre
M'enivre du parfum des fleurs,
Dans ses plus suaves odeurs
C'est ton souffle que je respire.

C'est ta main qui sèche mes pleurs,
Quand je vais, triste et solitaire,

Глаза любуются прилежно
Струями черными волос,
Которые зефир небрежно
По мраморным плечам разнес.
На голове твоей прелестной
Из свежих яхонтов наряд,
В одежде синевы небесной
Твой стройный стан красиво сжат.
Как мягкое, струисто злато,
Роскошного Востока дань,
Волнуясь, падает богато
На плечи брошенная ткань.
Еще я при тебе, печальный,
Тоской окованный, стою
И жадно голос твой прощальный
В пустынном воздухе ловлю.
Все, что похитил жребий гневный,
Все, что ни взвидел взор слепый,
Я перенес в тайник душевный
От глаз завистливой толпы.
Там поклоненьем нераздельным
Боготворю любви кумир,
И там желаньям беспредельным
Открыт мечты безбрежный мир.
Друг верный, неизменной думе,
Везде сопутствуешь ты мне:
С одной тобой я в светском шуме,
С одной тобой наедине.
Во всех явлениях природы
Зрю отпечаток красоты:
Твой образ отражают воды
И в чистом утре светишь ты!
Роскошно пью твое дыханье
В душистом веянии цветов,
Твой голос слышен мне в шептанье
Перепорхнувших ветерков.
Ты сострадательной рукою
Стираешь слезы с влажных глаз,

Répandre en secret ma prière
Près des autels consolateurs.

Quand je dors, tu veilles dans l'ombre ;
Tes ailes reposent sur moi ;
Tous mes songes viennent de toi,
Doux comme le regard d'une ombre.

Pendant mon sommeil, si ta main
De mes jours déliait la trame,
Céleste moitié de mon âme,
J'irais m'éveiller dans ton sein !

Comme deux rayons de l'aurore,
Comme deux soupirs confondus,
Nos deux âmes ne forment plus
Qu'une âme, et je soupire encore !

XI. L'ENTHOUSIASME

Ainsi, quand l'aigle du tonnerre
Enlevait Ganymède aux cieux,
L'enfant, s'attachant à la terre,
Luttait contre l'oiseau des dieux ;
Mais entre ses serres rapides
L'aigle pressant ses flancs timides,
L'arrachait aux champs paternels ;
Et, sourd à la voix qui l'implore,
Il le jetait, tremblant encore,
Jusques aux pieds des immortels.

Ainsi quand tu fonds sur mon âme,
Enthousiasme, aigle vainqueur,
Au bruit de tes ailes de flamme
Je frémis d'une sainte horreur ;
Je me débats sous ta puissance,
Je fuis, je crains que ta présence
N'anéantisse un cœur mortel,
Comme un feu que la foudre allume,
Qui ne s'éteint plus, et consume
Le bûcher, le temple et l'autel.

Когда к Незримому, с душою
Я возношу молящий глас.
Когда, как сеткою горящей,
Небес обложится шатер,
В звезде, приветнее блестящей,
Тебя отыскивает взор.
Когда слетает тихий гений
На ложе свежей тишины,
Игрой таинственных видений
Ты очаровываешь сны,
Давно умолкнувшую радость
Нашептываешь сердцу вновь,
Надежды пробуждаешь сладость,
Лелея сирую любовь.

П. А. Вяземский

ВОСТОРГ

Когда громовых стрел блюститель
Отселе отрока унес,
То Ганимед — юдольный житель
Противился послу небес.
Орел, паря над облаками,
Добычу сильно сжав когтями,
Унес ее с родных лугов;
Мольбе он тщетной не внимает,
Младенца трепетна бросает
К подножию самих богов.

Когда восторг — орел парящий
Ко мне на сердце налетит,
Я зрю огонь от крыл шумящих,
Священный ужас мысль разит;
Могуществу сопротивляясь,
Хочу укрыться, опасаясь,
Что истощится слабый дух.
Не гаснет небом огонь вспаленный,
Доколе им не истребленны
Храм, жертвенник и жертва вдруг.

Mais à l'essor de la pensée
 L'instinct des sens s'oppose en vain ;
 Sous le dieu, mon âme oppressée
 Bondit, s'élançe, et bat mon sein.
 La foudre en mes veines circule :
 Etonné du feu qui me brûle,
 Je l'irrite en le combattant,
 Et la lave de mon génie
 Déborde en torrents d'harmonie,
 Et me consume en s'échappant.

Muse, contemple ta victime !
 Ce n'est plus ce front inspiré,
 Ce n'est plus ce regard sublime
 Qui lançait un rayon sacré :
 Sous ta dévorante influence,
 A peine un reste d'existence
 A ma jeunesse est échappé.
 Mon front, que la pâleur efface,
 Ne conserve plus que la trace
 De la foudre qui m'a frappé.

Heureux le poète insensible !
 Son luth n'est point baigné de pleurs,
 Son enthousiasme paisible
 N'a point ces tragiques fureurs.
 De sa veine féconde et pure
 Coulent, avec nombre et mesure,
 Des ruisseaux de lait et de miel ;
 Et ce pusillanime Icare,
 Trahi par l'aile de Pindare,
 Ne retombe jamais du ciel.

Mais nous, pour embraser les âmes,
 Il faut brûler, il faut ravir
 Au ciel jaloux ses triples flammes.
 Pour tout peindre, il faut tout sentir.
 Foyers brûlants de la lumière,
 Nos cœurs de la nature entière

Полет ума и волнованье
Свершают дерзновенно путь;
Восторг, стесня мое дыханье,
Вспрянул, парит и давит грудь,
По жилам громом пробегает,
Внезапно сердце сожигает;
Туша, сугублю пыл огня.
Течет, стремится он грядю;
Гармонию пролив рекою,
Поверг в бессилие меня.

Зри, муза! жертвы рок жестокий!
Не вдохновенное чело,
Не дальновидный взгляд высокий,
Отколе много искр текло
(Твоих присутствий след не краток), —
Лишь бытия один остаток
Я в юность сохранить успел;
Мое чело, мои ланиты
Уныньем, бледностью покрыты, —
Неложный знак громовых стрел.

Певцы безогненны счастливы;
Им на Парнассе спутник — мир,
Восторга кроткого порывы
Слезой не орошают лир.
От арфы их, согласной, звучной,
С порядком, мерой неразлучной
Родится множество чудес.
Крылом Пиндара облеченны,
Икары, мужества лишены,
Уже не падают с небес.

Восторга пламенем объятый,
Наш жребий — смертных восхищать,
Похитить свыше огонь трикраты
И, чувствуя, живописать.
Душа великого поэта —
Горнило пламенное света,

Doivent concentrer les rayons ;
Et l'on accuse notre vie !
Mais ce flambeau qu'on nous envie
S'allume au feu des passions.

Non, jamais un sein pacifique
N'enfanta ces divins élans,
Ni ce désordre sympathique
Qui soumet le monde à nos chants.
Non, non, quand l'Apollon d'Homère,
Pour lancer ses traits sur la terre,
Descendait des sommets d'Eryx,
Volant aux rives infernales,
Il trempait ses armes fatales
Dans les eaux bouillantes du Styx.

Descendez de l'auguste cime
Qu'indigent de lâches transports !
Ce n'est que d'un luth magnanime
Que partent les divins accords.
Le cœur des enfants de la lyre
Ressemble au marbre qui soupire
Sur le sépulcre de Memnon ;
Pour lui donner la voix et l'âme,
Il faut que de sa chaste flamme
L'œil du jour lui lance un rayon..

Et tu veux qu'éveillant encore
Des feux sous la cendre couverts,
Mon reste d'âme s'évapore
En accents perdus dans les airs !
La gloire est le rêve d'une ombre ;
Elle a trop retranché le nombre
Des jours qu'elle devait charmer.
Tu veux que je lui sacrifie
Ce dernier souffle de ma vie !
Je veux le garder pour aimer.

Природы целой центр лучей.
Пусть нас клянет Зоил коварный,
Но мы огонь богато-дарный
Из бури черпаем страстей.

Не может чувств и дум высоких
Из уст пролить спокойный дух;
Доходит от времен глубоких
Восторга песнь потомства в слух.
Ахиллова певца — Омира
Открыла нам золотая лира.
Когда Пифона Феб сразил,
Стремясь в край ада с гор Эрикса,
Он в роковые волны Стикса
Свои орудья погрузил.

Не смей ступить на холм священный,
Певец, коль робок, слаб восторг;
На лире смелой, вдохновенной
Привык играть поэтов бог.
Сердца прямых чад Аполлона —
Как мрамор гробовый Мемнона,
Который стоны испускал,
Когда ему, вступя в теченье,
Феб голос, жизни дуновенье
С лучом чистейшим посылал.

Ты, муза, ждешь, чтобы взыгрался
Огонь, под пеплом кроясь, вмиг,
Души остаток изливался
На воздух в звуках лишь пустых.
Что слава? — дым; ее здесь сила
Кому к блаженству путь открыла?
Кому она рекла: живи?
Последней искры воспаленье
Не славе в жертву приношенье
Я посвящаю, но любви.

Д. И. Хвостов

XII. LA RETRAITE

*A M. de C***.*

Aux bords de ton lac enchanté,
Loin des sots préjugés que l'erreur déifie,
Couvert du bouclier de ta philosophie,
Le temps n'emporte rien de ta félicité ;
Ton matin fut brillant ; et ma jeunesse envie
L'azur calme et serein du beau soir de ta vie !

Ce qu'on appelle nos beaux jours
N'est qu'un éclair brillant dans une nuit d'orage,
Et rien, excepté nos amours,
N'y mérite un regret du sage ;
Mais, que dis-je ? on aime à tout âge :
Ce feu durable et doux, dans l'âme renfermé,
Donne plus de chaleur en jetant moins de flamme ;
C'est le souffle divin dont tout l'homme est formé,
Il ne s'éteint qu'avec son âme.

Etendre son esprit, resserrer ses désirs,
C'est là ce grand secret ignoré du vulgaire :
Tu le connais, ami ; cet heureux coin de terre
Renferme tes amours, tes goûts et tes plaisirs ;
Tes vœux ne passent point ton champêtre domaine,
Mais ton esprit plus vaste étend son horizon,
Et, du monde embrassant la scène,
Le flambeau de l'étude éclaire ta raison.

Tu vois qu'aux bords du Tibre, et du Nil et du Gange,
En tous lieux, en tous temps, sous des masques divers,
L'homme partout est l'homme, et qu'en cet univers
Dans un ordre éternel tout passe et rien ne change ;
Tu vois les nations s'éclipser tour à tour
Comme les astres dans l'espace,
De mains en mains le sceptre passe,
Chaque peuple a son siècle, et chaque homme a son jour ;
Sujets à cette loi suprême,
Empire, gloire, liberté,
Tout est par le temps emporté,

СЧАСТЛИВЕЦ

(Посвящается Г. Г. К. К....ому)

На мирном берегу вод любимых,
Покрытый мудрости щитом
И чужд пустых сует, толпой боготворимых,
Смиренно ты живешь в наследии родном,
Где время мчится с быстротою,
Блаженства твоего не унося с собою!
Рассвет твой ясен был, и на заре моей
Завиден мне закат твоих прекрасных дней!
Земные радости, отрады, наслажденья
Летят, как молнии под бурю ночной,
И лишь любви одной
Мы навсегда храним святыя впечатленья!
Кто, кто из нас не предан им?
Сей вечный, чистый огонь, внутри души горящий
И смертного животворящий,
Рождается и гаснет вместе с ним!..
Возвысить разум наш, смирить страстей порывы —
Вот тайна бытия, сокрытая от всех!
Друг! ты постиг ее: твой уголок счастливый
Есть для тебя предел веселий и утех!
За отческий рубеж ты не стремишь желанья;
Но всеобъемлющей, свободною душой
Паришь над сферой мирозданья —
И знаний горний свет сияет над тобой!..
Ты зришь, что Гангеса иль Тибра на берегах
Все люди были те ж, всегда, во всех странах,
Лишь в разных образах, и что среди вселенной
В порядке вечном все кружилось беспременно!
Ты зришь сквозь тайный мрак времен
Затменья тысячи племен,
Как звезд в надоблачном эфире!
От прошлого лишь остается тень...
Так! сроком бытия назначено в сем мире:
Народу век, а человеку день!
И время, оправдав закон сей неизменный,
Низвергло троны всех веков!
Оно с собой умчало дерзновенно

Le temps emporta les dieux même
De la crédule antiquité,
Et ce que des mortels dans leur orgueil extrême
Osaient nommer la vérité.

Au milieu de ce grand nuage,
Réponds-moi : que fera le sage
Toujours entre le doute et l'erreur combattu ?
Content du peu de jours qu'il saisit au passage,
Il se hâte d'en faire usage
Pour le bonheur et la vertu.

J'ai vu ce sage heureux ; dans ses belles demeures
J'ai goûté l'hospitalité,
A l'ombre du jardin que ses mains ont planté,
Aux doux sons de sa lyre il endormait les heures
En chantant sa félicité.
Soyez touché, grand Dieu, de sa reconnaissance.
Il ne vous lasse point d'un inutile vœu ;
Gardez-lui seulement sa rustique opulence,
Donnez tout à celui qui vous demande peu.
Des doux objets de sa tendresse
Qu'à son riant foyer toujours environné,
Sa femme et ses enfants couronnent sa vieillesse,
Comme de ses fruits mûrs un arbre est couronné.
Que sous l'or des épis ses collines jaunissent ;
Qu'au pied de son rocher son lac soit toujours pur ;
Que de ses beaux jasmins les ombres s'épaississent ;
Que son soleil soit doux, que son ciel soit d'azur,
Et que pour l'étranger toujours ses vins mûrissent.

Pour moi, loin de ce port de la félicité,
Hélas ! par la jeunesse et l'espoir emporté,
Je vais tenter encore et les flots et l'orage ;
Mais, ballotté par l'onde et fatigué du vent,
Au pied de ton rocher sauvage,
Ami, je reviendrai souvent
Rattacher, vers le soir, ma barque à ton rivage.

И самых Древности богов!..
Средь сих всеобщих разрушений,
Под мрачной тучей заблуждений,
Скажи: безбедно ли пройдет своим путем
Мудрец — мирских превратностей свидетель,
Доколе он себе не изберет вождем
Спасительную добродетель?..
Ты истинный мудрец! В твоих стенах,
В прелестных рощах и садах,
Твоей рукою насажденных,
О! сколько дней я проводил блаженных,
Гостеприимством услажденных!..
Творец! всегда внемли ему,
Когда, в жару святого исступленья,
К тебе возносит он смиренные моления:
Кто просит малого, все ниспошли тому!
Пусть он с подругою веселыми очами
В дни мирной старости своей
Любуется красой детей,
Как древо юными плодами!
Пусть златом жатв блестят поля его всегда,
Пусть воды озера яснеют,
Пусть тополи его густеют,
Пусть небосклон его не тмится никогда!..
А я, надеждами и юностью влекомый,
На утлом челноке в путь дальний незнакомый
Пускаюсь против бурь и яростных валов...
И счастлив, если я, от бедствия спасенный,
Свой брошу якорь притупленный
Близ сих приветных берегов!..

И. П. Бороздна

XIII. LE LAC

Ainsi, toujours poussés vers de nouveaux rivages,
Dans la nuit éternelle emportés sans retour,
Ne pourrons-nous jamais sur l'océan des âges
Jeter l'ancre un seul jour ?

O lac ! l'année à peine a fini sa carrière,
Et près des flots chéris qu'elle devait revoir,
Regarde ! je viens seul m'asseoir sur cette pierre
Où tu la vis s'asseoir !

Tu mugissais ainsi sous ces roches profondes,
Ainsi tu te brisais sur leurs flancs déchirés,
Ainsi le vent jetait l'écume de tes ondes
Sur ses pieds adorés.

Un soir, t'en souvient-il ? nous voguions en silence ;
On n'entendait au loin, sur l'onde et sous les cieux,
Que le bruit des rameurs qui frappaient en cadence
Tes flots harmonieux.

Tout à coup des accents inconnus à la terre
Du rivage charmé frappèrent les échos :
Le flot fut attentif, et la voix qui m'est chère
Laissa tomber ces mots :

« O temps ! suspends ton vol, et vous, heures propices !
Suspendez votre cours :
Laissez-nous savourer les rapides délices
Des plus beaux de nos jours !

« Assez de malheureux ici-bas vous implorant,
Coulez, coulez pour eux ;
Prenez avec leurs jours les soins qui les dévorent,
Oubliez les heureux.

« Mais je demande en vain quelques moments encore,
Le temps m'échappe et fuit ;
Je dis à cette nuit : Sois plus lente ; et l'aurore
Va dissiper la nuit.

ОЗЕРО

(Подражание Ламартину)

Носимы бурю по влаге океана,
Ужель осуждены мы грозным божеством
До гроба странствовать неведомым путем
Во мгле сгущенного тумана?

Я здесь, у озера! но время легкокрыло
Едва умчало год в течении своем —
И я уже один сижу на камне том,
Где я сидел с подругой милой!..

Об острие скалы прибрежной раздробленный,
Сонм сих валов тогда, как и теперь, стонал
И ветер бушующий нам ноги орошал
Летучей влагой легкой пены.

Все то ж, но я не тот! Однажды мы здесь плыли
На легком челноке; в безмолвии ночном
Лишь волны зыбкие, дробимые веслом,
Чуть слышный плеск производили;

Но вдруг волшебный звук гармонии небесной
Раздался в тишине окрестных берегов —
И эхо ближних гор и дремлющих лесов
Внимало пению прелестной.

«О время! удержи бег быстротечный свой!
Часы! медлительней летите!
Хотя на миг один продлите
Блаженство дышащих любовью одной!

Сраженный роком злым, страдалец в скорбный час
С тяжелым вздохом к вам взывает:
Он бытие скончать желает —
Летите для него, и позабудьте нас!

Но кто переменит превечного закон?
Кто, силой дерзкия десницы,
Замедлить может бег денницы
Иль солнцу запретить взойти на небосклон?

« Aimons donc, aimons donc ! de l'heure fugitive,
Hâtons-nous, jouissons !
L'homme n'a point de port, le temps n'a point de rive ;
Il coule, et nous passons ! »

Temps jaloux, se peut-il que ces moments d'ivresse,
Où l'amour à longs flots nous verse le bonheur,
S'envolent loin de nous de la même vitesse
Que les jours de malheur ?

Eh quoi ! n'en pourrions-nous fixer au moins la trace ?
Quoi ! passés pour jamais ! quoi ! tout entiers perdus !
Ce temps qui les donna, ce temps qui les efface,
Ne nous les rendra plus !

Eternité, néant, passé, sombres abîmes,
Que faites-vous des jours que vous engloutissez ?
Parlez : nous rendrez-vous ces extases sublimes
Que vous nous ravissez ?

O lac ! rochers muets ! grottes ! forêt obscure !
Vous, que le temps épargne ou qu'il peut rajeunir,
Gardez de cette nuit, gardez, belle nature,
Au moins le souvenir !

Qu'il soit dans ton repos, qu'il soit dans tes orages,
Beau lac, et dans l'aspect de tes riants coteaux,
Et dans ces noirs sapins, et dans ces rocs sauvages
Qui pendent sur tes eaux.

Qu'il soit dans le zéphyr qui frémit et qui passe,
Dans les bruits de tes bords par tes bords répétés,
Dans l'astre au front d'argent qui blanchit ta surface
De ses molles clartés.

Que le vent qui gémit, le roseau qui soupire,
Que les parfums légers de ton air embaumé,
Que tout ce qu'on entend, l'on voit ou l'on respire,
Tout dise : Ils ont aimé !

Так! Смертный времени полета не прервет!..
Усеем же любви цветами
Путь жизни, проходимый нами, —
Забудем мир и то, что в будущем нас ждет!»

Увы! почто часы восторгов, наслаждений —
Для смертных страждущих дар неба золотой, —
Стремятся к вечности с такою ж быстротой,
Как дни печали и мучений?

Почто я не могу блаженства миг бесценный
Годами бедствия у неба искупить
Иль, жизнь мою отдав, прах хладный оживить
Моей Эльвиры незабвенной?

Она безвременно похищена могилой!..
Я мнил блаженствовать в волшебной сей стране,
Мечтал... но все прошло! одно осталось мне
Воспоминание об милой!

Места священные! свидетели безмолвны
Любови, радостей и горестей моих,
Скалы кремнистые берегов пустынных сих
И вы, пенящиеся волны!

Вы будьте памятник моей Эльвиры нежной!
Не может сокрушить вас времени рука —
Пусть здесь и тихое шептанье тростника,
Колеблема волной прибрежной,

И голос соловья на берегу кремнистом,
В час вечера, когда лазурный неба свод
Глядится в зыбкое зеркало спящих вод
При свете месяца сребристом,

И ветерки, что песнь Эльвиры разносили
По ближним берегам, и бури грозный рев,
И томный скрип грозой колеблемых дерев, —
Пусть все твердит: они любили!

М. П. Вронченко

XIV. LA GLOIRE

A un poète exilé.

Généreux favoris des filles de mémoire,
Deux sentiers différents devant vous vont s'ouvrir :
L'un conduit au bonheur, l'autre mène à la gloire ;
Mortels, il faut choisir.

Ton sort, ô Manoel, suivit la loi commune ;
La muse t'enivra de précoces faveurs ;
Tes jours furent tissus de gloire et d'infortune,
Et tu verses des pleurs !

Rougis plutôt, rougis d'envier au vulgaire
Le stérile repos dont son cœur est jaloux :
Les dieux ont fait pour lui tous les biens de la terre,
Mais la lyre est à nous.

Les siècles sont à toi, le monde est ta patrie.
Quand nous ne sommes plus, notre ombre a des autels,
Où le juste avenir prépare à ton génie
Des honneurs immortels.

Ainsi l'aigle superbe au séjour du tonnerre
S'élance ; et, soutenant son vol audacieux,
Semble dire aux mortels : Je suis né sur la terre,
Mais je vis dans les cieus.

Oui, la gloire t'attend ; mais arrête, et contemple
A quel prix on pénètre en ses parvis sacrés ;
Vois : l'infortune, assise à la porte du temple,
En garde les degrés.

Ici, c'est ce vieillard que l'ingrate Ionie
A vu de mers en mers promener ses malheurs :
Aveugle, il mendiait au prix de son génie
Un pain mouillé de pleurs.

Là, le Tasse, brûlé d'une flamme fatale,
Expiait dans les fers sa gloire et son amour,

СЛАВА

(Из Ламартина)

Две разные стези открыты перед вами,
Спешите избирать, питомцы Пиерид!
Здесь вас блаженство ждет; там — яркими венцами
Бессмертие блестит.

Певец! Ты выполнил всеобщие уставы;
Ты музы ранними дарами ущедрен,
И дни твои сплелись из горестей и славы:
К чему же скорбь и стон!

Стыдись завидовать бесплодному покою,
Которым дорожит ничтожный человек;
Все блага жизни сей даны ему судьбою,
Но лира наша век!

Твои ряды веков! Ты гражданин вселенной,
По смерти алтари потомство зиждет нам,
Где, беспристрастною рукою воскуренный,
Не гаснет фимиам.

Так к царству бурь орел взлетает в дерзновенье
И, с гордым торжеством ширясь в облаках, —
Вещает смертному: и я земли рожденье,
Но дом мой в небесах!

Так слава ждет тебя! Но тяжкою ценою
В ее священный храм купить ты должен вход;
Смотри: несчастье с поникшею главою
Врата его стрежет.

Слепец Ионии, томимый нищетою,
Блуждает по морям; под гнетом злых судеб,
Ценою гения, омоченный слезою
Вымаливает хлеб.

Торквато, роковым огнем воспламененный,
Страдающий в цепях за славу, за любовь,

Quand il va recueillir la palme triomphale,
Descend au noir séjour.

Partout des malheureux, des proscrits, des victimes,
Luttant contre le sort ou contre les bourreaux ;
On dirait que le ciel aux cœurs plus magnanimes
Mesure plus de maux.

Impose donc silence aux plaintes de ta lyre,
Des cœurs nés sans vertu l'infortune est l'écueil ;
Mais toi, roi détrôné, que ton malheur t'inspire
Un généreux orgueil !

Que t'importe après tout que cet ordre barbare
T'enchaîne loin des bords qui furent ton berceau ?
Que t'importe en quels lieux le destin te prépare
Un glorieux tombeau ?

Ni l'exil, ni les fers de ces tyrans du Tage
N'enchaîneront ta gloire aux bords où tu mourras :
Lisbonne la réclame, et voilà l'héritage
Que tu lui laisseras !

Ceux qui l'ont méconnu pleureront le grand homme ;
Athènes à des proscrits ouvre son Panthéon ;
Coriolan expire, et les enfants de Rome
Revendiquent son nom.

Aux rivages des morts avant que de descendre,
Ovide lève au ciel ses suppliantes mains :
Aux Sarmates grossiers il a légué sa cendre,
Et sa gloire aux Romains.

XVI. LA PRIÈRE

Le roi brillant du jour, se couchant dans sa gloire,
Descend avec lenteur de son char de victoire.
Le nuage éclatant qui le cache à nos yeux
Conserve en sillons d'or sa trace dans les cieux,

Готовый пальмою венчаться заслуженной —
Нисходит в сень гробов.
Везде изгнанники, страдалцы злополучны!
Тех сила грозная, тех зависть угнела;
И небо, кажется, сердцам великодушным
Готовит боле зла.
Престань же сетовать о лютом злоключенье;
Лишь сердце слабое несчастье страшит;
Но ты, ниспавший царь! Пусть гордое презренье
Оно тебе внушит.
Что нужды, что тебя жестокость удалила
От милых берегов страны твоей родной?
Что нужды, где тебе почтенная могила
Назначена судьбой.
Ни ссылка тяжкая, ни все гоненья бедства
К ней славы навсегда не прикуют твоей;
Ее востребует отчизна, как наследства,
Оставленного ей.
Восплачут варвары о злобе их неправой —
Афинский пантеон изгнанникам открыт;
Кориолан погиб, но Рим своею славой
Героя славу чтит.
Вступая в мрачную Плутонову державу,
Овидий к небесам десницу простирал:
Сармату оставлял он пепел свой; но славу
Он Риму завещал.

М. П. Загорский

НОЧНОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Свершив свой славный путь, усталый царь денницы
Нисходит медленно с блестящей колесницы;
Следы его еще в прозрачных облаках
Пылают яркою, волнистою браздою

Et d'un reflet de pourpre inonde l'étendue.
Comme une lampe d'or, dans l'azur suspendue,
La lune se balance aux bords de l'horizon ;
Ses rayons affaiblis dorment sur le gazon,
Et le voile des nuits sur les monts se déplie :
C'est l'heure où la nature, un moment recueillie,
Entre la nuit qui tombe et le jour qui s'enfuit,
S'élève au Créateur du jour et de la nuit,
Et semble offrir à Dieu, dans son brillant langage,
De la création le magnifique hommage.

Voilà le sacrifice immense, universel !
L'univers est le temple, et la terre est l'autel ;
Les cieux en sont le dôme : et ces astres sans nombre,
Ces feux demi-voilés, pâle ornement de l'ombre,
Dans la voûte d'azur avec ordre semés,
Sont les sacrés flambeaux pour ce temple allumés :
Et ces nuages purs qu'un jour mourant colore,
Et qu'un souffle léger, du couchant à l'aurore,
Dans les plaines de l'air, repliant mollement,
Roule en flocons de pourpre aux bords du firmament,
Sont les flots de l'encens qui monte et s'évapore
Jusqu'au trône du Dieu que la nature adore.

Mais ce temple est sans voix. Où sont les saints

concerts ?

D'où s'élèvera l'hymne au roi de l'univers ?
Tout se tait : mon cœur seul parle dans ce silence.
La voix de l'univers, c'est mon intelligence.
Sur les rayons du soir, sur les ailes du vent,
Elle s'élève à Dieu comme un parfum vivant ;
Et, donnant un langage à toute créature,
Prête pour l'adorer mon âme à la nature.
Seul, invoquant ici son regard paternel,
Je remplis le désert du nom de l'Eternel ;
Et celui qui, du sein de sa gloire infinie,
Des sphères qu'il ordonne écoute l'harmonie,
Ecoute aussi la voix de mon humble raison,
Qui contemple sa gloire et murmure son nom.

Salut, principe et fin de toi-même et du monde,
Toi qui rends d'un regard l'immensité féconde ;
Ame de l'univers, Dieu, père, créateur,
Sous tous ces noms divers je crois en toi, Seigneur ;

И с цветом пурпура льют золото рекою
В потухших небесах.

Луна стыдливая чуть брезжит из-за тучи,
Дрожащий луч скользит на холм и лес дремучий;
Природа, кажется, в торжественный сей час,
Между бегущим днем и падающей тенью,
Склонясь к глубокому, святому размышленью,
Небесным облеклась.

Се общей жертвы дар, Благому принесенный,
Ему вселенна — храм; земля — алтарь священный;
Свод храма — небеса; а сонмы звезд златых,
Полусокрытых нам и чуть для взора зримых,
Тьмы тем светильников пред ним неугасимых,
В преддвериях святых!

Сие восшедшее, полночное светило,
Как бы возжженное творением кадило,
Возносит в горний мир вечерний фимиам;
Свиваясь облака от тихих дуновений
И тая в воздухе, как легкий дым курений,
Плывут по небесам.

Но храм безмолвен сей! Где вдохновенья лики,
Гремящие хвалы, достойные Владыки?
Все тихо — сердца лишь я внемлю сильный глас, —
И умиленный дух, с природою слианный,
Горит, как жертвенник пред ним благоуханный,
В вечерний, тихий час.

Всесильного воззвать я с трепетом дерзаю,
Пустыни именем бессмертным оглашаю, —
И тот, кто с вечного престола своего
К гармонии миров склоняет сам вниманье,
И сердца слабое услышит лепетанье,
Хвалящее его.

О ты, несть коему начала и кончины,
Извлекший стройный мир из хаосной пучины,
Душа вселенная, Создатель, Бог, Отец!
Во всех сих именах тебя я обожаю;

Et, sans avoir besoin d'entendre ta parole,
 Je lis au front des cieux mon glorieux symbole.
 L'étendue à mes yeux révèle ta grandeur,
 La terre ta bonté, les astres ta splendeur.
 Tu t'es produit toi-même en ton brillant ouvrage ;
 L'univers tout entier réfléchit ton image,
 Et mon âme à son tour réfléchit l'univers.
 Ma pensée, embrassant tes attributs divers,
 Partout autour de soi te découvre et t'adore,
 Se contemple soi-même et t'y découvre encore :
 Ainsi l'astre du jour éclate dans les cieux,
 Se réfléchit dans l'onde et se peint à mes yeux.
 C'est peu de croire en toi, bonté, beauté suprême ;
 Je te cherche partout, j'aspire à toi, je t'aime ;
 Mon âme est un rayon de lumière et d'amour
 Qui, du foyer divin, détaché pour un jour,
 De désirs dévorants loin de toi consumée,
 Brûle de remonter à sa source enflammée.
 Je respire, je sens, je pense, j'aime en toi.
 Ce monde qui te cache est transparent pour moi ;
 C'est toi que je découvre au fond de la nature,
 C'est toi que je bénis dans toute créature.
 Pour m'approcher de toi, j'ai fui dans ces déserts ;
 Là, quand l'aube, agitant son voile dans les airs,
 Entrouvre l'horizon qu'un jour naissant colore,
 Et sème sur les monts les perles de l'aurore,
 Pour moi c'est ton regard qui, du divin séjour,
 S'entrouvre sur le monde et lui répand le jour :
 Quand l'astre à son midi, suspendant sa carrière,
 M'inonde de chaleur, de vie et de lumière,
 Dans ses puissants rayons, qui raniment mes sens,
 Seigneur, c'est ta vertu, ton souffle que je sens ;
 Et quand la nuit, guidant son cortège d'étoiles,
 Sur le monde endormi jette ses sombres voiles,
 Seul, au sein du désert et de l'obscurité,
 Méditant de la nuit la douce majesté,
 Enveloppé de calme, et d'ombre, et de silence,
 Mon âme, de plus près, adore ta présence ;
 D'un jour intérieur je me sens éclairer,
 Et j'entends une voix qui me dit d'espérer.
 Oui, j'espère, Seigneur, en ta magnificence :

По чувству своему — тебя я почитаю
Властителем сердец.

Читаю в небесах свой жребий знаменитый;
В пространстве сем твоё величие открыто;
Щедроты — на земле, а слава — в тверди сей!
Творенье рук твоих исполнено тобою;
Ты в мире всюду зрим, — а мир своей чредою
Весь зрим в душе моей.

Ко благодати ль твоей всещедрой возвышаюсь,
Иль в глубину души своей я обращаюсь:
Во всем я зрю твои предвечные черты.
Душа моя — любви и света луч небесный,
Повсюду без тебя встречает мрак безвестный
Ничтожной пустоты.

Сей луч, источника на время отлученный,
Горит желанием возврата, заключенный.
Я мыслю, чувствую, люблю, живу тобой;
Ты мне являешься везде сквозь мир прозрачный,
В пустыни ли бегу, в предел Природы мрачный,
Повсюду ты со мной.

Проглянет ли молодой денницы луч румяный,
Росою окропит блестящие поляны —
Мне мнится, обращен божественный твой взор
На мир, проснувшийся от сладкого забвенья,
И в солнце пламенном к нам льет благодотворенья,
Восшедшем из-за гор.

Слетит ли ночь, расстлав таинственные тени,
В мерцающих огнях лазурь небесной сени, —
Безмолвьем, темнотой и страхом окружен,
Тебя, Присутственный, я ближе ощущаю
И светом внутренним дух мрачный озаряю,
Надеждой окрилен.

Si tu dois, comme nous, achever ta carrière,
Sois mon appui, mon guide, et souffre qu'en tous lieux,
De tes pas adorés je baise la poussière.
Mais si tu prends ton vol, et si, loin de nos yeux,
Sœur des anges, bientôt tu remontes près d'eux,
Après m'avoir aimé quelques jours sur la terre,
Souviens-toi de moi dans les cieux.

XVIII. LA FOI

O néant ! ô seul Dieu que je puisse comprendre !
Silencieux abîme où je vais redescendre,
Pourquoi laissas-tu l'homme échapper de ta main ?
De quel sommeil profond je dormais dans ton sein !
Dans l'éternel oubli j'y dormirais encore ;
Mes yeux n'auraient pas vu ce faux jour que j'abhorre,
Et dans ta longue nuit, mon paisible sommeil
N'aurait jamais connu ni songes, ni réveil.
— Mais puisque je naquis, sans doute il fallait naître.
Si l'on m'eût consulté, j'aurais refusé l'être.
Vains regrets ! le destin me condamnait au jour,
Et je vins, ô soleil, te maudire à mon tour.
— Cependant, il est vrai, cette première aurore,
Ce réveil incertain d'un être qui s'ignore,
Cet espace infini s'ouvrant devant ses yeux,
Ce long regard de l'homme interrogeant les cieux,
Ce vague enchantement, ces torrents d'espérance,
Eblouissent les yeux au seuil de l'existence.
Salut, nouveau séjour où le temps m'a jeté,
Globe, témoin futur de ma félicité !
Salut, sacré flambeau qui nourris la nature !
Soleil, premier amour de toute créature !
Vastes cieux, qui cachez le Dieu qui vous a faits !
Terre, berceau de l'homme, admirable palais !
Homme, semblable à moi, mon compagnon, mon frère !
Toi plus belle à mes yeux, à mon âme plus chère !
Salut, objets, témoins, instruments du bonheur !
Remplissez vos destins, je vous apporte un cœur...

Будь мне вождем, внуши повсюду дерзновеье,
 Твоих шагов лобзать хотя единый прах;
 Когда же улетишь, на пламенных крылах,
 Подруга ангелов, в надзвездное селенье, —
 Здесь возлюбя меня хоть на мгновеье —
 О мне ты вспомни в небесах!..

И. П. Бороздна

ВЕРА

(Из Ламартина)

Ничтожество, одно, что в жизни постижимо,
 Одно, что в будущем для нас неотвратимо,
 Зачем исторгнут я из хладных недр твоих?
 Каким глубоким сном покоился я в них!
 В забвеньи вечном там я спал бы и поныне,
 Не знал бы горестей и бед в земной пустыне,
 Там не был бы в твою ночь долгую мой сон
 Ни пробуждением, ни грезой смущен.
 Но я рожден; итак, родиться было должно.
 Почто отвергнуть жизнь мне было невозможно!
 Напрасная печаль! я призван в бытие,
 Внемлите ж, небеса, роптание мое!

Однако, не таю, румяная аврора,
 Пространство дивное, открытое для взора,
 Рожденье чудное понятиям существа,
 Идея первая о власти божества,
 Восторги темные, роскошные надежды
 В начале бытия обворожают вежды.
 Приветствую ж тебя, златой светильник дня,
 К которому судьба забросила меня, —
 Свидетель будущий моих благополучий,
 О солнце, естества благодетель лучший!
 Тебя, небесный свод, где скрыт твой зодчий, бог!
 Мир — колыбель мою и пышный мой чертог!
 Тебя, о твердый муж, дарованный мне в братство!
 Тебя, о женщина, души моей богатство!
 Приветствую вас всех — творения красу!
 Все выполняйте долг, я сердце вам несу...

— Que ce rêve est brillant ! mais, hélas ! c'est un rêve.
Il commençait alors ; maintenant il s'achève.
La douleur lentement m'entrouvre le tombeau :
Salut, mon dernier jour ! sois mon jour le plus beau !
 J'ai vécu ; j'ai passé ce désert de la vie,
Où toujours sous mes pas chaque fleur s'est flétrie ;
Où toujours l'espérance, abusant ma raison,
Me montrait le bonheur dans un vague horizon.
Où du vent de la mort les brûlantes haleines
Sous mes lèvres toujours tarissaient les fontaines.
Qu'un autre, s'exhalant en regrets superflus,
Redemande au passé ses jours qui ne sont plus,
Pleure de son printemps l'aurore évanouie,
Et consente à revivre une seconde vie :
Pour moi, quand le destin m'offrirait à mon choix
Le sceptre du génie, ou le trône des rois,
La gloire, la beauté, les trésors, la sagesse,
Et joindrait à ses dons l'éternelle jeunesse,
J'en jure par la mort ; dans un monde pareil,
Non, je ne voudrais pas rajeunir d'un soleil.
Je ne veux pas d'un monde où tout change, où tout passe ;
Où, jusqu'au souvenir, tout s'use et tout s'efface ;
Où tout est fugitif, périssable, incertain ;
Où le jour du bonheur n'a pas de lendemain !
— Combien de fois ainsi, trompé par l'existence,
De mon sein pour jamais j'ai banni l'espérance !
Combien de fois ainsi mon esprit abattu
A cru s'envelopper d'une froide vertu,
Et, rêvant de Zénon la trompeuse sagesse,
Sous un manteau stoïque a caché sa faiblesse !
Dans son indifférence un jour enseveli,
Pour trouver le repos il invoquait l'oubli.
Vain repos ! faux sommeil ! — Tel qu'au pied des collines
Où Rome sort du sein de ses propres ruines,
L'œil voit dans ce chaos, confusément épars,
D'antiques monuments, de modernes remparts,
Des théâtres croulants, dont les frontons superbes
Dorment dans la poussière ou rampent sous les herbes,
Les palais des héros par les ronces couverts,

Как светел этот сон! но ах! он сновиденье;
Очаровал на миг и кончился в мгновенье.
Скорбь отверзает мне могилы тихой сень:
Приветствую тебя, последний, лучший день!

Я жил; я перешел степь жизни опустелой,
Где под пятой моей все вянуло и тлело;
Где упования мой ум всегда влекли,
Маня ко счастью — лжесущему вдали;
Где смерти алчущей явленье роковое
Губило близ меня все сердцу дорогое.
Другой пускай, в тоске бесплодной и сухой,
Дни прошлые зовет из вечности глухой,
Оплакивает срок весны своей приятной
И был бы рад прожить на свете век двукратный;
Что до меня, пусть рок отдаст на выбор мой
Престолы царские, клик славы вековой,
И мудрость, и красу, и честь, и горы злата,
И гения венец, и юность без заката —
Клянуся смертью, в подобном мире я
Отринул бы и день продленья бытия.
К чему мне жизнь, где все непрочно и превратно,
Все истощается, проходит невозвратно,
Где тускнет даже ум под ржавчиною лет,
Где дню счастливому дня завтрашнего нет.

Лишь по страданиям познав существованье,
Я часто изгонял из сердца упованье!
О, сколько раз мой дух, их тяжестью убит,
Напрасно прибегал к холодности под щит
И, суемудрствуя, предполагал, ничтожный,
Бессилие прикрыть бесчувственностью ложной!
В суровый мрак ее однажды погружен,
Чтобы найти покой, молил забвенья он.

Обманчивый покой! он грустен и печален,
Как там, где Рим встает из недр своих развалин,
Где, изумляясь, в смешеньи видит взгляд
Гробницы древние, оплотов новых ряд;
Театры гордые, в прах падшие главою,
Почившие на нем иль скрытые травой;
Дворцы богатые, одевшиеся в плющ;

Des dieux couchés au seuil de leurs temples déserts,
L'obélisque éternel ombrageant la chaumière,
La colonne portant une image étrangère,
L'herbe dans le forum, les fleurs dans les tombeaux,
Et ces vieux panthéons peuplés de dieux nouveaux ;
Tandis que, s'élevant de distance en distance,
Un faible bruit de vie interrompt ce silence ;
Telle est notre âme, après ces longs ébranlements ;
Secouant la raison jusqu'en ses fondements,
Le malheur n'en fait plus qu'une immense ruine,
Où comme un grand débris le désespoir domine !
De sentiments éteints silencieux chaos,
Éléments opposés, sans vie et sans repos,
Restes de passions par le temps effacées,
Combat désordonné de vœux et de pensées,
Souvenirs expirants, regrets, dégoûts, remords.
Si du moins ces débris nous attestaient sa mort !
Mais sous ce vaste deuil l'âme encore est vivante ;
Ce feu sans aliment soi-même s'alimente ;
Il renaît de sa cendre, et ce fatal flambeau
Craint de brûler encore au-delà du tombeau.

Ame ! qui donc es-tu ? flamme qui me dévore,
Dois-tu vivre après moi ? dois-tu souffrir encore ?
Hôte mystérieux, que vas-tu devenir ?
Au grand flambeau du jour vas-tu te réunir ?
Peut-être de ce feu tu n'es qu'une étincelle,
Qu'un rayon égaré, que cet astre rappelle.
Peut-être que, mourant lorsque l'homme est détruit,
Tu n'es qu'un suc plus pur que la terre a produit,
Une fange animée, une argile pensante...
Mais que vois-je ? à ce mot, tu frémis d'épouvante :
Redoutant le néant, et lasse de souffrir,
Hélas ! tu crains de vivre et trembles de mourir.
— Qui te révélera, redoutable mystère ?
J'écoute en vain la voix des sages de la terre :
Le doute égare aussi ces sublimes esprits,
Et de la même argile ils ont été pétris.
Rassemblant les rayons de l'antique sagesse,
Socrate te cherchait aux beaux jours de la Grèce ;

Бессмертный обелиск соседом бедных куш;
Колонны новых форм и видов чужестранных;
Богов, изверженных из храмов их, попранных,
Среди могил цветы; на торжищах траву;
Другие алтари — другому божеству!
И где лишь изредка живого содроганье
Смущает мертвого могильное молчанье.

Вот, после долгих бурь, покой души таков!
Гоненьями наш ум разруша до основ,
Несчастье его в руины превращает
И безнадежность в них со злобой воцаряет!
Воспоминания, раскаянье, грехи,
Остатки от страстей, как от борьбы стихий,
Угасших чувств хаос в безжизненном волненьи,
Желанья, помыслы в расстроенном бореньи,
Укоры совести, грызущие в тиши, —
Хоть в этом был бы знак скончания души!
Но и в развалинах, один средь пепелища,
Наш дух бескормный жив — он сам себе есть пища:
Из пепла своего рождается он вновь
И станет пламенеть за рубежом гробов.

Кто ж ты, душа? огонь небесного возжженья,
Ты с телом не умрешь! не кончены томленья!
Что будет, чудный гость? покинувши меня,
Не воспаришь ли ты ко пламеннику дня?
Быть может, искра ты иль луч его заблудший,
Которому он путь предназначает лучший,
Быть может, отделясь от тела моего,
Ты, мыслящий атом, ничтожный без него,
Ты пыль живущая иль сок растений праха.
Но что? при сих словах трепещешь ты от страха;
Боясь ничтожества и утомясь терпеть,
Увы! страшишься ты и жить, и умереть.

Кем будет решена святая тайна эта?
Напрасно я внимал сказанью мудрых света:
Сомненья тмят и их высокие умы,
Они составлены из праха, как и мы!
Свет древней мудрости собрав в свой ум державный,
Сократ ее решал в своей отчизне славной,

Platon à Sunium te cherchait après lui ;
Deux mille ans sont passés, je te cherche aujourd'hui ;
Deux mille ans passeront, et les enfants des hommes
S'agiteront encor dans la nuit où nous sommes.
La vérité rebelle échappe à nos regards,
Et Dieu seul réunit tous ses rayons épars.
— Ainsi, prêt à fermer mes yeux à la lumière,
Nul espoir ne viendra consoler ma paupière :
Mon âme aura passé, sans guide et sans flambeau
De la nuit d'ici-bas dans la nuit du tombeau,
Et j'emporte au hasard, au monde où je m'élançai,
Ma vertu sans espoir, mes maux sans récompense.
Réponds-moi, Dieu cruel ! S'il est vrai que tu sois,
J'ai donc le droit fatal de maudire tes lois !
Après le poids du jour, du moins le mercenaire
Le soir s'assied à l'ombre, et reçoit son salaire :
Et moi, quand je fléchis sous le fardeau du sort,
Quand mon jour est fini, mon salaire est la mort.

.
.

— Mais, tandis qu'exhalant le doute et le blasphème,
Les yeux sur mon tombeau, je pleure sur moi-même,
La foi, se réveillant, comme un doux souvenir,
Jette un rayon d'espoir sur mon pâle avenir,
Sous l'ombre de la mort me ranime et m'enflamme,
Et rend à mes vieux jours la jeunesse de l'âme.
Je remonte aux lueurs de ce flambeau divin,
Du couchant de ma vie à son riant matin ;
J'embrasse d'un regard la destinée humaine ;
A mes yeux satisfaits tout s'ordonne et s'enchaîne ;
Je lis dans l'avenir la raison du présent ;
L'espoir ferme après moi les portes du néant,
Et rouvrant l'horizon à mon âme ravie,
M'explique par la mort l'énigme de la vie.

Cette foi qui m'attend au bord de mon tombeau,
Hélas ! il m'en souvient, plana sur mon berceau.

О ней мечтал Платон — промчались сонмы лет —
 Мечтаю ныне я, но все предела нет!
 Еще пройдут века, и смертных поколенья
 Все будут странствовать во мраке заблужденья;
 От взоров истина скрывается в ночи,
 Лишь бог один в себе связал ее лучи.

Итак, когда навек смыкаться будут вежды,
 Их не утешит блеск живительной надежды,
 Душа, блуждавшая на свете, как призрак,
 Из мрака бытия сойдет в могильный мрак;
 И, кончив здесь мой путь, я буду пожран бездной
 Со тщетной благостью и с грустью безвозмездной.
 Ответствуй мне, злой рок! сам не дал ли ты прав,
 Когда ты не мечта, порочить твой устав?
 Наемник спит в тиши, окончив день рабочий,
 И плату должную он получает к ночи;
 А я, твоим ярмом согбен и удручен,
 Когда прошел мой день, я — смертью награжден.

.

Но между тем, как я, преследуем сомнением,
 Произношу хулы с преступным дерзновением,
 Вдруг Вера, пробудясь, как мысль протекших лет,
 На будущность мою бросает чудный свет;
 У гроба мне она в грудь проливает сладость,
 Преклонным дням моим внушает духа младость.
 В божественных лучах светильника ея
 С заката моего иду к восходу я;
 Объемлю в миг один племен людских судьбину,
 В грядущем сущего я нахожу причину;
 Везде пленяют взор союз и красота;
 Надежда, скрыв за мной ничтожества врата
 И новый мир явив душе воспламененной —
 Решает смертью мне загадку жизни тленной.

Согретый Верою, близ гроба я стою,
 Но помню свет ее на колыбель мою.

De la terre promise immortel héritage,
 Les pères à leurs fils l'ont transmis d'âge en âge.
 Notre esprit la reçoit à son premier réveil,
 Comme les dons d'en haut, la vie et le soleil ;
 Comme le lait de l'âme, en ouvrant la paupière,
 Elle a coulé pour nous des lèvres d'une mère ;
 Elle a pénétré l'homme en sa tendre saison ;
 Son flambeau dans les cœurs précéda la raison.
 L'enfant, en essayant sa première parole,
 Balbutie au berceau son sublime symbole,
 Et, sous l'œil maternel germant à son insu,
 Il la sent dans son cœur croître avec la vertu.

Ah ! si la vérité fut faite pour la terre,
 Sans doute elle a reçu ce simple caractère ;
 Sans doute dès l'enfance offerte à nos regards,
 Dans l'esprit par les sens entrant de toutes parts,
 Comme les purs rayons de la céleste flamme
 Elle a dû dès l'aurore environner notre âme,
 De l'esprit par l'amour descendre dans les cœurs,
 S'unir au souvenir, se fondre dans les mœurs ;
 Ainsi qu'un grain fécond que l'hiver couvre encore,
 Dans notre sein longtemps germer avant d'éclore,
 Et, quand l'homme a passé son orageux été,
 Donner son fruit divin pour l'immortalité.

Soleil mystérieux ! flambeau d'une autre sphère,
 Prête à mes yeux mourants ta mystique lumière,
 Pars du sein du Très-Haut, rayon consolateur.
 Astre vivifiant, lève-toi dans mon cœur !
 Hélas ! je n'ai que toi ; dans mes heures funèbres,
 Ma raison qui pâlit m'abandonne aux ténèbres ;
 Cette raison superbe, insuffisant flambeau,
 S'éteint comme la vie aux portes du tombeau ;
 Viens donc la remplacer, ô céleste lumière !
 Viens d'un jour sans nuage inonder ma paupière ;
 Tiens-moi lieu du soleil que je ne dois plus voir,
 Et brille à l'horizon comme l'astre du soir.

Наследство вечное земли обетованной,
Она дошла до нас из древности туманной.
Ее приемлет ум с младенческой поры,
Как жизнь и солнца блеск — сладчайшие дары;
Как пища для души, ее святая сила
С уст матери нам в грудь от детства нисходила;
Нам в утро наших лет к ней склонность внушена;
В сердца людей уму предшествует она.
Ребенок, от пелен едва освобожденный,
Лепечет сбивчиво символ ее священный
И чувствует, всходя незримо с каждым днем,
Что с добродетелью растет и Вера в нем.

Ах, если б истина была звездой земною,
Не крылась бы она под мрачной пеленою;
Она бы с Верою, от самых юных лет,
Лила на разум наш свой благодатный свет;
Как ясные лучи небесного светила,
От детства бы она к нам в душу нисходила;
Любовь была бы ей в сердца проводником;
Все озарялось бы благим ее лучом.
Подобно семени до наступленья лета,
В нас долго бы она входила до расцвета,
Ко времени ж, когда наш бурный век пройдет,
На ней бы созревал святой бессмертья плод.

Светило чудное! иных миров лампада,
Рассей пред смертью мрак тускнеющего взгляда!
Из недр Всевышнего отрадный луч сойди!
Звезда спасения восстань в моей груди!
Увы! ты все мое; у входа в тьму могилы
Тьме предали меня все умственные силы;
Рассудок гордый мой в кичении упал
И вместе с жизнью у гроба гаснуть стал.
Блесни, небесный свет! тяжка моя утрата —
Даруй мне вечный день без облак и заката;
Будь вместо солнца мне, взятого навсегда,
И в небесах сияй, как вечера звезда.

А. Я. Мейснер

XXI. LE GOLFE DE BAYA,
PRÈS DE NAPLES

Vois-tu comme le flot paisible
Sur le rivage vient mourir !
Vois-tu le volage zéphyr
Rider, d'une haleine insensible,
L'onde qu'il aime à parcourir !
Montons sur la barque légère
Que ma main guide sans efforts,
Et de ce golfe solitaire
Rasons timidement les bords.

Loin de nous déjà fuit la rive,
Tandis que d'une main craintive
Tu tiens le docile aviron,
Courbé sur la rame bruyante
Au sein de l'onde frémissante
Je trace un rapide sillon.

Dieu ! quelle fraîcheur on respire !
Plongé dans le sein de Thétis,
Le soleil a cédé l'empire
A la pâle reine des nuits.
Le sein des fleurs demi-fermées
S'ouvre, et de vapeurs embaumées
En ce moment remplit les airs ;
Et du soir la brise légère
Des plus doux parfums de la terre
A son tour embaume les mers.

Quels chants sur ces flots retentissent ?
Quels chants éclatent sur ces bords ?
De ces deux concerts qui s'unissent
L'écho prolonge les accords.
N'osant se fier aux étoiles,
Le pêcheur, repliant ses voiles,
Salue, en chantant, son séjour.
Tandis qu'une folle jeunesse
Pousse au ciel des cris d'allégresse,
Et fête son heureux retour.

ЗАЛИВ БАИЯ БЛИЗ НЕАПОЛЯ

Взгляни, как тихо исчезает
У берега светлая волна!
Как зефир ветренный играет,
Струями влагу одевает,
Где ясная лазурь видна.
Взойдем в ладью — спокойны воды,
Денницы луч пылает в них;
Прекрасен вид немой Природы,
О Байя, на берегах твоих.

Бежит нас берег молчаливый,
Меж тем рукою боязливой
Ты правишь легкою ладьей,
На шумное весло согбенный,
В пространстве влаги возмущенной
Я пеню волны за собой.

Какой зефир прохладой веет!
Склонилось солнце в лоно вод,
День ясный тихо вечереет,
Царица ночи восстает.
При бледном месяце сияньи
Несется роз благоуханье,
И воздух ароматом полн;
Поднялся ветерок прибрежный
И с берегов льет запах нежный
На влажную поверхность волн.

Но звуки радости промчались
На шумном берегу и волнах,
В единый глас они слиялись,
И эхо вторит их в горах.
Звездам свой челн не доверяя,
Рыбарь, ветрила собирая,
Встречает песнью мирный кров.
Меж тем, как юноши толпою
К нему бегут, манят с собою
Забыть усталость от трудов.

Mais déjà l'ombre plus épaisse
Tombe, et brunit les vastes mers ;
Le bord s'efface, le bruit cesse,
Le silence occupe les airs.
C'est l'heure où la mélancolie
S'asseoit pensive et recueillie
Aux bords silencieux des mers,
Et, méditant sur les ruines,
Contemple au penchant des collines
Ce palais, ces temples déserts.

O de la liberté vieille et sainte patrie !
Terre autrefois féconde en sublimes vertus !
Sous d'indignes Césars* maintenant asservie,
Ton empire est tombé ! tes héros ne sont plus !

Mais dans ton sein l'âme agrandie
Croit sur leurs monuments respirer leur génie,
Comme on respire encor dans un temple aboli
La majesté du dieu dont il était rempli.
Mais n'interrogeons pas vos cendres généreuses,
Vieux Romains ! fiers Catons ! mânes des deux Brutus !
Allons redemander à ces murs abattus
Des souvenirs plus doux, des ombres plus heureuses.

Horace, dans ce frais séjour,
Dans une retraite embellie
Par le plaisir et le génie,
Fuyait les pompes de la cour ;
Properce y visitait Cinthie,
Et sous les regards de Délie

Tibulle y modulait les soupirs de l'amour.
Plus loin, voici l'asile où vint chanter le Tasse,
Quand, victime à la fois du génie et du sort,
Errant dans l'univers, sans refuge et sans port,
La pitié recueillit son illustre disgrâce.
Non loin des mêmes bords, plus tard il vint mourir ;
La gloire l'appelait, il arrive, il succombe :

* Ceci était écrit en 1813.

Но вечер сумрак разливает,
 Темнеет грозный океан,
 Знакомый берег исчезает,
 Умолкнул шум — возлег туман.
 В часы таинственных видений
 Сидит задумчивости гений
 Среди развалин и гробов,
 Сидит, склонясь на камень хладный,
 И взор свой устремляет жадный
 На след промчавшихся веков.

Отчизна древняя героев и свободы!
 Бессмертной славою гремевшая в веках,
 Давно ль обильну дань несли тебе народы!
 Где верные сыны? — Их нет, и ты в цепях!*

Но след протекшего в развалинах священный
 Восторгом истинным певца воспламенит,
 Как храм, забвенью обреченный,
 О падшем божестве и в прахе говорит.
 Покойтесь тихим сном в обители безмолвной,
 Вы, Рима древнего отважные сыны!
 Бессмертье — ваш удел; но там, где шепчут волны
 И вьется плющ вокруг стены,
 Туда зовет меня мой дух, мечтанья полный.

Гораций, здесь уединенный,
 В брегах, где Анио течет,
 Играл на лире вдохновенной,
 Забыв и двор, и шум забот;
 Здесь, с умирающей денницей,
 Младую Цинтию Проперций ожидал,
 Здесь о любви своей на пламенной цевнице
 Неверной Делии Тибулл напоминал.
 Там пристань мирная, где песнию волшебной
 Гонимый Тасс смягчал суровый жребий свой,
 Когда, покорствуя судьбе, ему враждебной,
 Изгнанье преносил с бестрепетной душой.
 В безмолвьи сих берегов он скоро жизнь кончает,
 Воззванный славою, свой путь не довершил:

* Сие стихотворение написано в 1813. Ламарт./мн/

La palme qui l'attend devant lui semble fuir,
Et son laurier tardif n'ombrage que sa tombe

Colline de Baya ! poétique séjour !
Voluptueux vallon qu'habita tour à tour
 Tout ce qui fut grand dans le monde,
Tu ne retentis plus de gloire ni d'amour.
 Pas une voix qui me réponde,
 Que le bruit plaintif de cette onde,
Ou l'écho réveillé des débris d'alentour !

Ainsi tout change, ainsi tout passe
Ainsi nous-mêmes nous passons,
Hélas ! sans laisser plus de trace
Que cette barque où nous glissons
Sur cette mer où tout s'efface.

XXII. LE TEMPLE

Qu'il est doux, quand du soir l'étoile solitaire,
Précédant de la nuit le char silencieux,
S'élève lentement dans la voûte des cieux,
Et que l'ombre et le jour se disputent la terre,
Qu'il est doux de porter ses pas religieux
Dans le fond du vallon, vers ce temple rustique
Dont la mousse a couvert le modeste portique,
Mais où le ciel encor parle à des cœurs pieux !

Salut, bois consacré ! Salut, champ funéraire,
Des tombeaux du village humble dépositaire ;
Je bénis en passant tes simples monuments.
Malheur à qui des morts profane la poussière !
J'ai fléchi le genou devant leur humble pierre,
Et la nef a reçu mes pas retentissants.
Quelle nuit ! quel silence ! au fond du sanctuaire
A peine on aperçoit la tremblante lumière
De la lampe qui brûle auprès des saints autels.

Венец бессмертия поэта убегает,
И поздний лавр его могилу осенил.

Долина Баия! обитель песнопенья!
О холм пленительный, любезный для певцов,
Песнь громкой радости, любви и наслажденья
Твоих задумчивых не огласит берегов.

На них лежит рука забвенья,
И слышен там лишь томный шум валов
Иль пробужденный гул в долине разрушенья.

Все время алчное с собою
В полете гибельном влечет,
И наша жизнь, как тень, пройдет,
Как след, оставленный ладьею
На лоне тихоструйных вод.

Д. П. Ознобишин

ХРАМ

Из Ламартина

Люблю я в сумерки — меж тем, как из-за рощи
Восходит медленно светило тихой ночи —
И поздняя заря, с вечерней тишиной,
День исчезающий за горы провожает, —
Люблю я приходить пустынною тропой
К долине той, где храм свой купол возвышает.
Уж своды поросли мхом диким и травой —
Но в них невидимо присутствует святыня.
Приветствую тебя, безмолвная пустыня,
В которой вечным сном почивших тлеет прах!..
Вот крест обрушенный, вот памятник унылый...
Мир праху вашему, священные могилы!..
И горе смертному, который в сих местах
Бестрепетно — себе подобных попирает!..
Не всех ли нас равно истленье ожидает?..
Мы тратим жизнь свою в заботах, в суетах,
В борьбе страстей... меж тем часов не слышим бою;
Дни юности летят, за годом ловим год...

Seule elle luit encor, quand l'univers sommeille :
Emblème consolant de la bonté qui veille
Pour recueillir ici les soupirs des mortels.
Avançons. Aucun bruit n'a frappé mon oreille ;
Le parvis frémit seul sous mes pas mesurés ;
Du sanctuaire enfin j'ai franchi les degrés.
Murs sacrés, saints autels ! je suis seul, et mon âme
Peut verser devant vous ses douleurs et sa flamme,
Et confier au ciel des accents ignorés,
Que lui seul connaîtra, que vous seuls entendrez.

Mais quoi ! de ces autels j'ose approcher sans crainte !
J'ose apporter, grand Dieu, dans cette auguste enceinte
Un cœur encor brûlant de douleur et d'amour !
Et je ne tremble pas que ta majesté sainte
Ne venge le respect qu'on doit à son séjour !
Non : je ne rougis plus du feu qui me consume :
L'amour est innocent quand la vertu l'allume.
Aussi pur que l'objet à qui je l'ai juré,
Le mien brûle mon cœur, mais c'est d'un feu sacré ;
La constance l'honore et le malheur l'épure.
Je l'ai dit à la terre, à toute la nature ;
Devant tes saints autels je l'ai dit sans effroi :
J'oserais, Dieu puissant, la nommer devant toi.
Oui, malgré la terreur que ton temple m'inspire,
Ma bouche a murmuré tout bas le nom d'Elvire ;
Et ce nom répété de tombeaux en tombeaux,
Comme l'accent plaintif d'une ombre qui soupire,
De l'enceinte funèbre a troublé le repos.

О юноша! поток стремится с быстротою,
Но канув в океан, как капля в бездну вод,
Уже к источнику не возвратится снова...
Так вместе с временем исчезнув навсегда,
Потонем в вечности, увы! и никогда
Не посетим уже отечества земного...

Вот храма наконец ступеней я достиг.
Торжественная ночь! священное молчанье!..
О сколь Невидимый в безмолвье сем велик!..
Все мрачно... в алтаре лишь слабое мерцанье
Перед иконою трепещет золотой.
Меж тем, как все уже оделось темнотою,
Лампада теплится... так каждое мгновенье
Над миром суетным не дремлет провиденье.

Но вот преддверие... как мрачен к храму вход!
Как томно сквозь окно свет проникает лунный...
Все тихо — подо мной лишь стонет пол чугунный,
Звучит мой каждый шаг, и шепчет древний свод!..
Один, лишь тению своей сопровождаемый,
Иду вперед — уже в святилище вступил —
Святые алтари! таинственные стены!
Давно, давно уже я скорбь в душе таил...
Пред вами здесь, один, коленопреклоненный,
Хочу все горести сокрытые излить.
Кому доверить их? никто не сострадает...
Лишь вы им внимаете, лишь небо им внимает.

Но взор к превечному дерзну ли устремить
С душой, растерзанной любовью и страданьем?..
Страшись! разгневанный присутствием твоим,
Сей храм — отмстит тебе внезапным наказаньем.
Но нет! не постыжусь пред Существом благим
Признать ту смертную и страсть, которой сила
Любовь к небесному во мне одушевила!
Знал счастье, знал я скорбь — но чувств не изменил —
И опыт бедствия сей пламень осветил.
О царь судеб! в ней все, что в жизни я имею!
Перед лицом земли, перед Природой всею
И в сем святилище, где лик сияет твой,
Творец — я назвал бы ее и пред тобой!..

Adieu, froids monuments ! adieu, saintes demeures !
Deux fois l'écho nocturne a répété les heures,
Depuis que devant vous mes larmes ont coulé :
Le ciel a vu ces pleurs, et je sors consolé.

Peut-être au même instant, sur un autre rivage,
Elvire veille ainsi, seule avec mon image,
Et dans un temple obscur, les yeux baignés de pleurs,
Vient aux autels déserts confier ses douleurs.

XXV. ADIEU

Oui, j'ai quitté ce port tranquille,
Ce port si longtemps appelé,
Où loin des ennuis de la ville,
Dans un loisir doux et facile,
Sans bruit mes jours auraient coulé.
J'ai quitté l'obscur vallée,
Le toit champêtre d'un ami ;
Loin des bocages de Bissy,
Ma muse, à regret exilée,
S'éloigne triste et désolée
Du séjour qu'elle avait choisi.
Nous n'irons plus dans les prairies,
Au premier rayon du matin,
Egarer, d'un pas incertain,
Nos poétiques rêveries.
Nous ne verrons plus le soleil,
Du haut des cimes d'Italie
Précipitant son char vermeil,
Semblable au père de la vie,
Rendre à la nature assoupie
Le premier éclat du réveil.
Nous ne goûterons plus votre ombre,

И — побеждая страх, внушаемый святыней,
 Я имя милое под сводом произнес —
 И ропот, повторясь могильною пустыней,
 Как сетующий вздох, в окрестности исчез.
 Гробницы хладные! моления обитель!
 Мир с вами!.. слышу бой полуночных часов.
 Я скорбь доверил вам! Небесный утешитель
 Мой слышал вздох — и я терпеть еще готов.

Ал. Норов

ПРОЩАНИЕ

(Из Ламартина)

Уже я пристани спокойной
 Покинул мирные края,
 Где в сладкой тишине, безмолвной,
 Текла безбурно жизнь моя;
 Где средь приятного досуга,
 Вдали от скуки городской,
 Вкушал я радость и покой.
 Теперь, оставив все: и друга,
 И мрак долин, и сельский кров,
 Один, лишь с музою печальной
 И чуждый милых мне лесов,
 Плыву в путь неизвестный, дальний.
 Не буду в пристани моей
 Бродить безвестными стезями
 При блеске утренних лучей,
 В лугах, украшенных цветами,
 И сладкие питать мечты.
 Уж не увижу с высоты
 Простертых длинными рядами
 Прелестных Италийских скал,
 Зарю ранней Аполлона,
 Когда он жизненный фиал
 Лиет на спящий мир со трона,
 И мрачных сосн в тени немой —
 Густой дубравы украшенья;
 Я не приду вкушать покой

Vieux pins, l'honneur de ces forêts,
Vous n'entendrez plus nos secrets ;
Sous cette grotte humide et sombre
Nous ne chercherons plus le frais,
Et le soir, au temple rustique,
Quand la cloche mélancolique
Appellera tout le hameau,
Nous n'irons plus, à la prière,
Nous courber sur la simple pierre
Qui couvre un rustique tombeau.
Adieu, vallons ; adieu, bocages ;
Lac azuré, rochers sauvages,
Bois touffus, tranquille séjour,
Séjour des heureux et des sages,
Je vous ai quittés sans retour.

Déjà ma barque fugitive
Au souffle des zéphyrus trompeurs
S'éloigne à regret de la rive
Que m'offraient des dieux protecteurs.
J'affronte de nouveaux orages ;
Sans doute à de nouveaux naufrages
Mon frêle esquif est dévoué ;
Et pourtant à la fleur de l'âge,
Sur quels écueils, sur quels rivages
N'ai-je déjà pas échoué ?
Mais d'une plainte téméraire
Pourquoi fatiguer le destin ?
A peine au milieu du chemin,
Faut-il regarder en arrière ?
Mes lèvres à peine ont goûté
Le calice amer de la vie,
Loin de moi je l'ai rejeté ;
Mais l'arrêt cruel est porté,
Il faut boire jusqu'à la lie !

И негу пить отдохновенья.
Не буду более вверять
Я тайн своих древам знакомым;
Под гrotом наклоненным, темным
Прохлады не приду искать;
И вечером, когда сзывает
Всех томный колокол во храм,
И фимиама возлетает
Благоуханье к небесам,
С молитвой поселян невинной
Я не приду мою сливать
И скромный памятник могильный
Слезой не буду орошать.
Итак, простите же, долины,
Прости, безмолвный мрак лесов,
И скал пустынные вершины,
И тень отрадная дубов,
И озера кристалл спокойный,
И кров семейственный, укрomный
Любимцев счастья и муз!
Я боле к вам не возвращусь.
Уже мой челн несется быстро,
Гонимый Эвром в паруса,
По синеве морей волнистой,
От берегов, где небеса
Мне благосклонно улыбались
И где все блага на меня
Десницей щедрой изливались.
Теперь пускаюсь снова я
В пучины грозные, морские,
Где, без сомнения, мой челн
Неопытный предаст стихия
Всей ярости свирепых волн.
И сколько раз он на большие
Скалы подводны набегал,
И сколько раз шумящий вал
Его на берега морские
По прихоти своей бросал! —
Но для чего нам безрассудно
На Провидение роптать?
И должно ли смотреть назад
С полудороги многотрудной?

Lorsque mes pas auront franchi
Les deux tiers de notre carrière,
Sous le poids d'une vie entière
Quand mes cheveux auront blanchi,
Je reviendrai du vieux Bissy
Visiter le toit solitaire
Où le ciel me garde un ami.
Dans quelque retraite profonde,
Sous les arbres par lui plantés,
Nous verrons couler comme l'onde
La fin de nos jours agités.
Là, sans crainte et sans espérance,
Sur notre orageuse existence,
Ramenés par le souvenir,
Jetant nos regards en arrière,
Nous mesurerons la carrière
Qu'il aura fallu parcourir.

Tel un pilote octogénaire,
Du haut d'un rocher solitaire,
Le soir, tranquillement assis,
Laisse au loin égarer sa vue
Et contemple encor l'étendue
Des mers qu'il sillonna jadis.

Едва уста мои вкусить
Из чаши горести успели,
Как мнил сосуд я сокрушить;
Но мощные судьбы испить
Его до капли повелели.
Итак, когда мое чело
Украсит время сединами
И поприща я своего
Две трети робкими стопами
Под гнетом жизни перейду, —
Тогда, тогда лишь, друг, приду
Твой домик посетить смиренный,
Где небеса еще хранят
Твоей нить жизни драгоценной.
С какой приятностью взирать
Мы будем опыта очами,
В тени дерев, на запад свой;
Как протечет он перед нами
Спокойной, тихою струей!
Здесь, без боязни, упованья,
Перенесенные мечтой
На бурное существованье
И брося взор усталый свой
Назад, измеряем очами
Пространство мы своих путей,
Определенных небесами
Нам к совершенною в жизни сей.

Так сидя кормчий поседелый
Зарей вечерней на скале,
Блуждает взором в дальней мгле
И меряет еще пределы
Знакомых тех морей, где он
Носился некогда средь волн.

И. Е. Тюрин

XXVII. LE CHRETIEN MOURANT

Qu'entends-je ? autour de moi l'airain sacré résonne !
Quelle foule pieuse en pleurant m'environne ?
Pour qui ce chant funèbre et ce pâle flambeau ?
O mort, est-ce ta voix qui frappe mon oreille
Pour la dernière fois ? eh quoi ! je me réveille
Sur le bord du tombeau !

O toi ! d'un feu divin précieuse étincelle,
De ce corps périssable habitante immortelle,
Dissipe ces terreurs : la mort vient t'affranchir !
Prends ton vol, ô mon âme ! et dépouille tes chaînes.
Déposer le fardeau des misères humaines,
Est-ce donc là mourir ?

Oui, le temps a cessé de mesurer mes heures.
Messagers rayonnants des célestes demeures,
Dans quels palais nouveaux allez-vous me ravir ?
Déjà, déjà je nage en des flots de lumière ;
L'espace devant moi s'agrandit, et la terre
Sous mes pieds semble fuir !

Mais qu'entends-je ? au moment où mon âme s'éveille,
Des soupirs, des sanglots ont frappé mon oreille ?
Compagnons de l'exil, quoi ! vous pleurez ma mort ?
Vous pleurez ? et déjà dans la coupe sacrée
J'ai bu l'oubli des maux, et mon âme enivrée
Entre au céleste port !

XXIX. L'AUTOMNE

Salut ! bois couronnés d'un reste de verdure !
Feuillages jaunissants sur les gazons épars !
Salut, derniers beaux jours ! le deuil de la nature
Convient à la douleur et plaît à mes regards !

УМИРАЮЩИЙ ХРИСТИАНИН

Что слышу? Прозвучал священной меди звон!
Какой я плачущей толпою окружен?
Пылают факелы, собрался клир унылый...
Смерть неизбежная! я узнаю твой глас,
И пробуждаюсь еще в последний раз
На праге сумрачной могилы!

О искра яркая небесного огня!
Покинь сей мир, душа свободная моя!
Ты персти брэнная лишь срочная жилица!
Прочь цепи тяжкие, прочь низкий плен земной...
Нет, не ужасен гроб тому, над чьей главой
Взошла бессмертия денница!

Так, час уж мой пробил — и спал с чела туман!
О тайные вожди обетованных стран!
В какой чертог меня зовете вы с собою?
Уже я плаваю по огненным волнам,
Необозримый путь вдали предстал очам.
Исчез мир дольний подо мною...

Но что ж? в тот миг, когда горе летит мой дух,
Зачем рыдания и вопль терзают слух?
Изгнанья спутники! о смерти, вам безвестной,
Вы плачете! а я из чаши роковой
Испил забвенья бед — и радостной душой
Уже у пристани небесной!..

И. П. Бороздна

ОСЕНЬ

(Из Ламартина)

Мир вам, шумящие без зелени леса!
Вам, листья желтые, рассеянные в поле!
Мир вам, осенни дни! унылая краса
Прилична горести, и нравится мне боле.

Je suis d'un pas rêveur le sentier solitaire,
J'aime à revoir encor, pour la dernière fois,
Ce soleil pâissant, dont la faible lumière
Perce à peine à mes pieds l'obscurité des bois !

Oui, dans ces jours d'automne où la nature expire,
A ses regards voilés, je trouve plus d'attraits,
C'est l'adieu d'un ami, c'est le dernier sourire
Des lèvres que la mort va fermer pour jamais !

Ainsi, prêt à quitter l'horizon de la vie,
Pleurant de mes longs jours l'espoir évanoui,
Je me retourne encore, et d'un regard d'envie
Je contemple ses biens dont je n'ai pas joui !

Terre, soleil, vallons, belle et douce nature,
Je vous dois une larme aux bords de mon tombeau ;
L'air est si parfumé ! la lumière est si pure !
Aux regards d'un mourant le soleil est si beau !

Je voudrais maintenant vider jusqu'à la lie
Ce calice mêlé de nectar et de fiel !
Au fond de cette coupe où je buvais la vie,
Peut-être restait-il une goutte de miel ?

Peut-être l'avenir me gardait-il encore
Un retour de bonheur dont l'espoir est perdu ?
Peut-être dans la foule, une âme que j'ignore
Aurait compris mon âme, et m'aurait répondu ?...

La fleur tombe en livrant ses parfums au zéphire ;
A la vie, au soleil, ce sont là ses adieux ;
Moi, je meurs ; et mon âme, au moment qu'elle expire,
S'exhale comme un son triste et mélodieux.

Иду задумавшись по наклоненью гор,
Стезей поросшею, в глуши уединенной;
И, к солнцу устрема печали полный взор,
Последний луч его ловлю сквозь пар сгущенный.

Сей разрушенья вид, сей тусклый, бледный свет
Всегда приятен мне, всегда пленяет снова;
То речь прощальная, то дружеский привет
В устах, которы смерть запечатлеть готова!

Так жизни горестной на самый край ступив,
Прощаясь навсегда с несбывшимись мечтами,
Я обращаю — и счастья не вкусив,
Взираю на него завистными очами.

Земля, холмы, леса! лишь оставляя вас,
Я чувствую, что мир и дорог и прекрасен.
Как воздух сладостен, как тих вечерний час!
Для умирающих свет солнечный так ясен!

Хотелось бы теперь допить ту чашу мне,
Где с сладким нектаром желчь горькая мешалась.
Быть может, чаши сей скрываяся на дне,
И сладкая еще мне капля оставалась;

Быть может, будущность в таинственной дали
Минуты счастья еще мне сберегала;
Быть может, душу б ту я встретил на земли,
Которая мою бы душу понимала.

Прощаясь с жизнью, головку клонит цвет,
Последний запах свой зефирам отдавая:
Так и душа моя сей оставляет свет,
Еще звук жалобный, последний испуская.

П. А. Межаков

NOUVELLES MÉDITATIONS POÉTIQUES

III. SAPHO

Elégie antique

≤ *Fragment* >

L'aurore se levait, la mer battait la plage ;
Ainsi parla Sapho debout sur le rivage,
Et près d'elle, à genoux, les filles de Lesbos
Se penchaient sur l'abîme et contemplaient les flots :

Fatal rocher, profond abîme !
Je vous aborde sans effroi !

Vous allez à Vénus dérober sa victime :
J'ai méconnu l'amour, l'amour punit mon crime.
O Neptune ! tes flots seront plus doux pour moi !
Vois-tu de quelles fleurs j'ai couronné ma tête ?
Vois : ce front, si longtemps chargé de mon ennui,
Orné pour mon trépas comme pour une fête,
Du bandeau solennel étincelle aujourd'hui !
On dit que dans ton sein... mais je ne puis le croire !
On échappe au courroux de l'implacable Amour :
On dit que, par tes soins, si l'on renaît au jour,
D'une flamme insensée on y perd la mémoire !
Mais de l'abîme, ô dieu ! quel que soit le secours,
Garde-toi, garde-toi de préserver mes jours !
Je ne viens pas chercher dans tes ondes propices
Un oubli passager, vain remède à mes maux !
J'y viens, j'y viens trouver le calme des tombeaux !
Reçois, ô roi des mers, mes joyeux sacrifices !
Et vous, pourquoi ces pleurs ? pourquoi ces vains sanglots ?
Chantez, chantez un hymne, ô vierges de Lesbos !

Importuns souvenirs, me suivrez-vous sans cesse ?
C'était sous les bosquets du temple de Vénus ;
Moi-même, de Vénus insensible prêtresse,
Je chantais sur la lyre un hymne à la déesse :
Aux pieds de ses autels, soudain je t'aperçus !
Dieux ! quels transports nouveaux !...

.

НОВЫЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

САФО

Элегия Ламартина

Денница лишь взошла. Толпа лесбосских дев,
 Склонясь над бездною, внимала моря рев;
 А Сафо бедная, одна с своей тоскою,
 Пришла в валах седых искать себе покою:
 «Пучина грозная! нависшая скала!
 Так, я достигла вас без страха, без боязни;
 Я здесь избавлюся от той жестокой казни,
 Которой нас любовь, несчастных, обрекла:
 Я презрела ее, сию отраду смертных;
 Я не хотела знать сей сладкий дар бессмертных.
 Нептун! всем мукам я конца искать пойду
 В сих пенистых волнах: лишь там его найду.
 Смотри: чело мое печали злой следами
 Покрыто; но настал всех бед моих конец —
 И я украсила главу свою цветами
 И к смерти, как на пир, надела сей венец;
 Я слышала... но нет, не верю гласу лести,
 Что волны защитят меня от страшной мести;
 А если и узрю потом я синий свод,
 Безумный пламень мой угаснет в бездне вод.
 Но сколь бы ни были сих вод целебны силы,
 Страшись, Нептун, страшись спасать несчастной дни:
 Не исцеленья в них ищу я, нет — могилы.
 Прими мою мольбу! Но вздохи лишь одни,
 Лишь вопли слышу я, — пусть радости напевы
 Смерть Сафы возвестят, — гимн, гимн, Лесбоса девы!
 Несносные мечты! вы всюду ль вслед за мной?
 В притворе жертвенном, под тенью древ густою,
 Я, жрица слабая, усердною рукою
 Играла песнь богам на лире золотой;
 Там, у святилища божественной Венеры,
 Узрела я тебя, безжалостный Фаон!
 Восторги новые!

Н. Р.

VI. L'ESPRIT DE DIEU

*A L. de V***.*

Le feu divin qui nous consume
Ressemble à ces feux indiscrets
Qu'un pasteur imprudent allume
Aux bords des profondes forêts :
Tant qu'aucun souffle ne l'éveille,
L'humble foyer couve et sommeille ;
Mais s'il respire l'aquilon,
Tout à coup la flamme engourdie
S'enfle, déborde ; et l'incendie
Embrase un immense horizon !

O mon âme, de quels rivages
Viendra ce souffle inattendu ?
Sera-ce un enfant des orages ?
Un soupir à peine entendu ?
Viendra-t-il, comme un doux zéphyre,
Mollement caresser ma lyre,
Ainsi qu'il caresse une fleur ?
Ou sous ses ailes frémissantes,
Briser ses cordes gémissantes
Du cri perçant de la douleur ?

Viens du couchant ou de l'aurore !
Doux ou terrible au gré du sort,
Le sein généreux qui t'implore
Brave la souffrance ou la mort !
Aux cœurs altérés d'harmonie
Qu'importe le prix du génie ?
Si c'est la mort, il faut mourir !...
On dit que la bouche d'Orphée,
Par les flots de l'Ebre étouffée,
Rendit un immortel soupir !

Mais soit qu'un mortel vive ou meure,
Toujours rebelle à nos souhaits,
L'esprit ne souffle qu'à son heure,
Et ne se repose jamais !
Préparons-lui des lèvres pures,

ВОСТОРГ

(Из Ламартина)

Огонь небесный вдохновенья,
Когда он смертных озарит
И в час таинственный забвенья
Восторгом душу окрылит, —
Есть пламень бурный, быстротечный,
Губитель долов и лесов,
Который сын полей беспечный
Зажег внезапно среди снегов.
Как змий в листьях, сперва таится,
Едва горит, не виден он;
Но дунул ветер — и озарится
Багровым блеском небосклон.
Душа моя! В каких виденьях
Сойдет сей пламень на тебя;
Мелькнет ли тихо в песнопеньях,
Спокойных, чистых, как заря,
Или порывистой струею
По струнам арфы пробежит,
Наполнит грудь мою тоскою
И в сердце радость умертвит?
Сойди же, грозный иль отрадный,
О, вестник бога и небес!
Разочарованный и хладный,
Бесчувствен, я не знаю слез.
Невинной жертвою несчастья
Еще с младенчества я был,
Ни сожаленья, ни участия
Ни от кого не заслужил.
Перед минутой роковую
Мне смерть, страдальцу, не страшна;
Увы, за песнью гробовую,
Как сон, разрушится она.
Но смертный жив иль умирает —
Его божественный восторг,
Как гость внезапный, посещает:
Сей гость, сей дух — есть самый бог...
С улыбкой кротости и мира,

Un œil chaste, un front sans souillures,
 Comme, aux approches du saint lieu,
 Des enfants, des vierges voilées,
 Jonchent de roses effeuillées
 La route où va passer un Dieu !

Fuyant des bords qui l'ont vu naître,
 De Jéthro l'antique berger
 Un jour devant lui vit paraître
 Un mystérieux étranger ;
 Dans l'ombre, ses larges prunelles
 Lançaient de pâles étincelles,
 Ses pas ébranlaient le vallon ;
 Le courroux gonflait sa poitrine,
 Et le souffle de sa narine
 Résonnait comme l'aquilon !

Dans un formidable silence
 Ils se mesurent un moment :
 Soudain l'un sur l'autre s'élançe,
 Saisi d'un même emportement :
 Leurs bras menaçants se replient,
 Leurs fronts luttent, leurs membres crient,
 Leurs flancs pressent leurs flancs pressés ;
 Comme un chêne qu'on déracine
 Leur tronc se balance et s'incline
 Sur leurs genoux entrelacés !

Tous deux ils glissent dans la lutte,
 Et Jacob enfin terrassé
 Chancelle, tombe, et dans sa chute
 Entraîne l'ange renversé :
 Palpitant de crainte et de rage,
 Soudain le pasteur se dégage
 Des bras du combattant des cieux,
 L'abat, le presse, le surmonte,
 Et sur son sein gonflé de honte
 Pose un genou victorieux !

Mais, sur le lutteur qu'il domine,
 Jacob encor mal affermi,
 Sent à son tour sur sa poitrine

С невинным, радостным челом,
Как духи чистые эфира,
И в блеске славы неземном —
Его привет благословенный
Мы уготовимся приять;
Единым богом вдохновенны,
Дерзнем лицу его предстать.
Его перстом руководимый,
Израиль зрит в тени ночной:
Пред ним стоит непостижимый
Какой-то воин молодой;
Под ним колеблется долина;
Волнует грудь его раздор;
И стан, и мышцы исполина,
И полон мести ярый взор.
И сей и тот свирепым оком
Друг друга быстро обзрев,
В молчаньи мрачном и глубоком
Они, как вихрь, как гнев на гнев,
Стремятся и вступили в битву.

Не столь опасно совершить
Стрелку неверную ловитву,
Иль тигру тигра победить,
Как пасть противникам во брани.
Нога с ногой, чело с челом,
Вокруг рамен обвивши длани,
Идут, вращаются кругом;
Все жилы, мышцы в напряженьи,
Друг друга гнут к земле сырой —
И пастырь пал в изнеможеньи,
Врага увлекши за собой.
Из уст клубит с досады пена,
И вдруг, собрав остатки сил,
Трясет атлета и колено
Ему на выю наложил;

Le poids du céleste ennemi !...
Enfin, depuis les heures sombres
Où le soir lutte avec les ombres,
Tantôt vaincu, tantôt vainqueur,
Contre ce rival qu'il ignore
Il combattit jusqu'à l'aurore...
Et c'était l'esprit du Seigneur !

Ainsi dans les ombres du doute
L'homme, hélas ! égaré souvent
Se trace à soi-même sa route,
Et veut voguer contre le vent ;
Mais dans cette lutte insensée,
Bientôt notre aile terrassée
Par le souffle qui la combat,
Sur la terre tombe essoufflée
Comme la voile désenflée
Qui tombe et dort le long du mât.

Attendons le souffle suprême
Dans un repos silencieux ;
Nous ne sommes rien de nous-même
Qu'un instrument mélodieux !
Quand le doigt d'en haut se retire,
Restons muets comme la lyre
Qui recueille ses saints transports
Jusqu'à ce que la main puissante
Touche la corde frémissante
Où dorment les divins accords !

VII. BONAPARTE

Sur un écueil battu par la vague plaintive,
Le nautonier de loin voit blanchir sur la rive
Un tombeau près du bord par les flots déposé ;
Le temps n'a pas encor bruni l'étroite pierre,
Et sous le vert tissu de la ronce et du lierre
On distingue... un sceptre brisé !

Ici gît... point de nom !... demandez à la terre !
Ce nom ? il est inscrit en sanglant caractère

Уже рукой ожесточенной
Кинжал убийства он извлек,
И вдруг воитель побежденный
Его стремительно низверг...
Уже редел туман Эреба;
Луны последний луч потух;
Заря алела в сводах неба,
И с ним боролся... божий дух.
Так мы ничто, как звук *согласный*,
Как неожиданный восторг,
Персту всевышнего подвластный;
Мы — арфа, ей художник — бог.
Как в тучах яростных перуны,
Восторг безмолвствует в сердцах,
Но движет бог золотые струны —
И он летает на струнах.

А. И. Полежаев

БОНАПАРТЕ

(Из Ламартина)

Есть дикая скала на лоне океана...
С крутых ее берегов, под ризою тумана
Приветствует тебя — задумчивый пловец —
Гробница мрачная, обмытая волнами,
Вблизи ее лежат обросшие цветами
Разбитый скипетр и венец...

Кто здесь? Нет имени!.. Спросите у вселенной!
То имя начертал булат окровавленный

Des bords du Tanais au sommet du Cédar,
Sur le bronze et le marbre, et sur le sein des braves,
Et jusque dans le cœur de ces troupeaux d'esclaves
Qu'il foulait tremblants sous son char.

Depuis ces deux grands noms qu'un siècle au siècle annonce,
Jamais nom qu'ici-bas toute langue prononce
Sur l'aile de la foudre aussi loin ne vola.
Jamais d'aucun mortel le pied qu'un souffle efface
N'imprima sur la terre une plus forte trace,
Et ce pied s'est arrêté là !...

Il est là !... sous trois pas un enfant le mesure !
Son ombre ne rend pas même un léger murmure !
Le pied d'un ennemi foule en paix son cercueil !
Sur ce front foudroyant le moucheron bourdonne,
Et son ombre n'entend que le bruit monotone
D'une vague contre un écueil !

Ne crains pas, cependant, ombre encore inquiète,
Que je vienne outrager ta majesté muette.
Non. La lyre aux tombeaux n'a jamais insulté.
La mort fut de tout temps l'asile de la gloire.
Rien ne doit jusqu'ici poursuivre une mémoire.
Rien !... excepté la vérité !

Ta tombe et ton berceau sont couverts d'un nuage,
Mais pareil à l'éclair tu sortis d'un orage !
Tu foudroyas le monde avant d'avoir un nom !
Tel ce Nil dont Memphis boit les vagues fécondes
Avant d'être nommé fait bouillonner ses ondes
Aux solitudes de Memnom.

Les dieux étaient tombés, les trônes étaient vides ;
La victoire te prit sur ses ailes rapides
D'un peuple de Brutus la gloire te fit roi !
Ce siècle, dont l'écume entraînait dans sa course
Les mœurs, les rois, les dieux... refoulé vers sa source,
Recula d'un pas devant toi !

От скифского шатра до нильских берегов —
На бронзе, на груди бойцов ожесточенных,
В народных племенах, в миллионах изумленных
 Пред ним склонявшихся рабов.

Два имени векам переданы веками;
Но никогда ничье громовыми крылами
Не рассекало мир с подобной быстротой;
Нигде ничья нога сильнее не врезала
Следов в лицо земли — и грозную сковала
 Судьба над дикою скалой...

Вот здесь его дитя шагами измеряет;
Враждебная пята гробницу попирает;
Громовое чело объято тишиной;
Над ним в вечерней мгле жужжит комар ничтожный,
И тень его один внимает гул тревожный
 Волны, летящей за волной.

И мир тебе, о прах великого героя,
Ты цел и невредим в обители покоя.
Глас лиры никогда гробов не возмущал;
Всегда таила смерть убежище для славы;
Ничто не оскорбит удел твой величавый:
 Тебе потомство — трибунал.

Твой гроб и колыбель сокрыты в мгле тумана:
Но ты, как молния, возник из урагана,
И, безыменный муж, вселенную сразил.
Так точно славный Нил, под Мемфисом глубокий,
В Мемноновых степях струит свои потоки
 Еще без памяти, без сил.

Упали алтари, разрушились троны;
Ты миру даровал победы и законы,
Ты славой наречен над вольностью царем —
И век, ужасный век, который местью грянул
На царства и богов, перед тобой отпрянул
 На шаг, в безмолвьи роковом.

Tu combattis l'erreur sans regarder le nombre ;
Pareil au fier Jacob tu luttas contre une ombre !
Le fantôme croula sous le poids d'un mortel !
Et, de tous ses grands noms profanateur sublime,
Tu jouas avec eux, comme la main du crime
Avec les vases de l'autel.

Ainsi, dans les accès d'un impuissant délire
Quand un siècle vieilli de ses mains se déchire
En jetant dans ses fers un cri de liberté,
Un héros tout à coup de la poudre s'élève,
Le frappe avec son sceptre... il s'éveille, et le rêve
Tombe devant la vérité !

Ah ! si rendant ce sceptre à ses mains légitimes,
Plaçant sur ton pavois de royales victimes,
Tes mains des saints bandeaux avaient lavé l'affront !
Soldat vengeur des rois, plus grand que ces rois même,
De quel divin parfum, de quel pur diadème
L'histoire aurait sacré ton front !

Gloire ! honneur ! liberté ! ces mots que l'homme adore,
Retentissaient pour toi comme l'airain sonore
Dont un stupide écho répète au loin le son :
De cette langue en vain ton oreille frappée
Ne comprit ici-bas que le cri de l'épée,
Et le mâle accord du clairon !

Superbe, et dédaignant ce que la terre admire,
Tu ne demandais rien au monde, que l'empire !
Tu marchais !... tout obstacle était ton ennemi !
Ta volonté volait comme ce trait rapide
Qui va frapper le but où le regard le guide,
Même à travers un cœur ami !

Jamais, pour éclaircir ta royale tristesse,
La coupe des festins ne te versa l'ivresse ;
Tes yeux d'une autre pourpre aimaient à s'enivrer !
Comme un soldat debout qui veille sous les armes,
Tu vis de la beauté le sourire ou les larmes,
Sans sourire et sans soupirer !

Ты грозного числа врагов не утрашался;
Ты с призраком, второй Израиль, состязался,
И призрак изнемог под тяжестью твоей;
Возвышенных имен могучий осквернитель,
Ты с слабостью играл, как демон-соблазнитель
Играет с чашей алтарей.

Так, если старый век, при факеле могильном,
Терзает, рвет себя в отчаяньи бессильном,
Издавши вольный клик, в заржавленных цепях, —
То вдруг из-под земли, герой неблагодарный
Встает, разит его — и ложь, как сон коварный,
Падет пред истиной во прах.

Свобода, слава, честь — мечты очарованья —
Гремели для тебя, как бранные воззванья,
Как отзыв роковой воинственной трубы,
И слух твой, языком невнятным пораженный,
Внимал лишь одному волнению вселенной
И воплю смерти и борьбы.

И, чуждый прав людей, надменный, величавый,
У мира одного ты требовал — державы.
Ты шел... и пред тобой везде рождался путь,
И лавры на скалах пустынных зеленели;
Так меткая стрела летит до верной цели,
Хотя б сквозь дружескую грудь.

И никогда фиал минутного безумья
С чела не разгонял державного раздумья;
Ты пурпура искал не в чаше золотой;
Как воин на часах, угрюмый и бессонный,
Ни вздоха, ни слезы, ни ласки благосклонной
Ты не дарил красе молодой.

Tu n'aimais que le bruit du fer, le cri d'alarmes !
L'éclat resplendissant de l'aube sur les armes !
Et ta main ne flattait que ton léger coursier,
Quand les flots ondoyants de sa pâle crinière
Sillonnaient comme un vent la sanglante poussière,
Et que ses pieds brisaient l'acier !

Tu grandis sans plaisir, tu tombas sans murmure !
Rien d'humain ne battait sous ton épaisse armure :
Sans haine et sans amour, tu vivais pour penser :
Comme l'aigle régna dans un ciel solitaire,
Tu n'avais qu'un regard pour mesurer la terre,
Et des serres pour l'embrasser !

.
.
.
.

S'élançer d'un seul bond au char de la victoire,
Foudroyer l'univers des splendeurs de sa gloire,
Fouler d'un même pied des tribuns et des rois ;
Forger un joug trempé dans l'amour et la haine,
Et faire frissonner sous le frein qui l'enchaîne
Un peuple échappé de ses lois !

Etre d'un siècle entier la pensée et la vie,
Emousser le poignard, décourager l'envie ;
Ebranler, raffermir l'univers incertain,
Aux sinistres clartés de ta foudre qui gronde
Vingt fois contre les dieux jouer le sort du monde,
Quel rêve !!! et ce fut ton destin !...

Tu tombas cependant de ce sublime faite !
Sur ce rocher désert jeté par la tempête,
Tu vis tes ennemis déchirer ton manteau !
Et le sort, ce seul dieu qu'adora ton audace,
Pour dernière faveur t'accorda cet espace
Entre le trône et le tombeau !

Oh ! qui m'aurait donné d'y sonder ta pensée,
Lorsque le souvenir de ta grandeur passée
Venait, comme un remords, t'assaillir loin du bruit !

Войну, тревогу, стон, лучи зари багровой
На копьях и мечах любил твой дух суровый
И только одного товарища в боях
Лелеяла твоя десница громовая,
Когда широкий хвост и гриву воздымая,
Он бил копытом сталь и прах.

Не равный никому гордыней равнодушной,
Ты пал без ропота, судьбе твоей послушный;
Ты мыслил... и презрел и зависть, и любовь!
Как царственный орел, могучий сын эфира,
Один всевидящий ты взор имел для мира —
И этот взор был: смерть и кровь!

Внезапно овладеть победной колесницей,
Вселенную потрясть могучею десницей,
Попрять одной ногой трибунов и царей,
Сковать ярмо любви из зависти коварной,
Заставить трепетать народ неблагодарный,
Освобожденный от цепей.

Быть века своего и мыслию и жизнью,
Кинжалы притупить, рассеять бунт в отчизне,
Разрушить и создать всемирные столпы.
Под заревом громов, надежды неизменной,
Оспорить у богов владычество вселенной —
О сон!.. О дивные судьбы!..

Ты пал, однако, пал — на пиршестве великом,
И плащ властительный ты на утесе диком
Увидел, наконец, растерзанный врагом, —
И рок, единый бог, в которого ты верил,
Из радости сажень земли тебе отмерил
Между могилой и венцом.

О, если б я постиг глубокие мечтанья,
Ужасные плоды того воспоминанья,
Которое тебя покинуть не могло!..

Et que, les bras croisés sur ta large poitrine,
Sur ton front chauve et nu, que la pensée incline,
L'horreur passait comme la nuit !

Tel qu'un pasteur debout sur la rive profonde
Voit son ombre de loin se prolonger sur l'onde
Et du fleuve orageux suivre en flottant le cours ;
Tel du sommet désert de ta grandeur suprême,
Dans l'ombre du passé te recherchant toi-même,
Tu rappelais tes anciens jours !

Ils passaient devant toi comme des flots sublimes
Dont l'œil voit sur les mers étinceler les cimes,
Ton oreille écoutait leur bruit harmonieux !
Et, d'un reflet de gloire éclairant ton visage,
Chaque flot t'apportait une brillante image
Que tu suivais longtemps des yeux !

Là, sur un pont tremblant tu défiais la foudre !
Là, du désert sacré tu réveillais la poudre !
Ton coursier frissonnait dans les flots du Jourdain !
Là, tes pas abaissaient une cime escarpée !
Là, tu changeais en sceptre une invincible épée !
Ici... Mais quel effroi soudain ?

Pourquoi détournes-tu ta paupière éperdue ?
D'où vient cette pâleur sur ton front répandue ?
Qu'as-tu vu tout à coup dans l'horreur du passé ;
Est-ce d'une cité la ruine fumante ?
Ou du sang des humains quelque plaine écumante ?
Mais la gloire a tout effacé.

La gloire efface tout !... tout excepté le crime !
Mais son doigt me montrait le corps d'une victime ;
Un jeune homme ! un héros, d'un sang pur inondé !
Le flot qui l'apportait, passait, passait, sans cesse ;
Et toujours en passant la vague vengeresse
Lui jetait le nom de Condé !...

Comme pour effacer une tache livide,
On voyait sur son front passer sa main rapide ;
Mais la trace de sang sous son doigt renaissait !

На доблестную грудь бездейственные руки
Ты складывал крестом, и тягостные муки
Мрачили грозное чело.

Как пастырь на берегу реки уединенной,
Завидя тень свою в волне одушевленной,
Следит ее вблизи и в недрах глубины —
Так точно на скале, печальный и угрюмый,
Ты гордо вызывал торжественною думой
Дни величавой старины,

И, радуя твои внимательные взоры,
В роскошной красоте текли они как горы,
И слух твой утешал их ропот вековой,
И каждая волна, блестящую картину
Раскинув пред тобой, скрывалась в пучину,
И ты летел за ней душой.

Вот здесь ты на мосту, в огне, перед громами;
Там степи заметал враждебными чалмами;
Там стонет Иордан, узрев тебя в волнах;
Там горы подавил стопой неодолимой;
Там скипетр обменял твой меч непобедимый;
А здесь... но что за чудный страх?

Зачем ты отвратил испуганные очи?
Бледно твое чело!.. скажи, во мраке ночи,
Что бурная волна к стопам твоим несет?..
Не тяжелой ли войны печальные картины,
Не кровью ли врагов обмытые долины?
Но слава, слава все сотрет.

Загладит все она — все, кроме преступления;
Но перст ее, но перст... он кажет жертву мщенья —
Труп юноши в крови... и мутная волна
Несла его, несла и снова возвращалась,
И, будто судия, к убийце обращалась
С ужасной повестью она.

А он, как заклеял печатью громовую,
Он быстро закрывал чело свое рукою;
Но кровь из-под руки прозрачно и светло

Et, comme un sceau frappé par une main suprême,
La goutte ineffaçable, ainsi qu'un diadème,
Le couronnait de son forfait !

C'est pour cela, tyran ! que ta gloire ternie
Fera par ton forfait douter de ton génie !
Qu'une trace de sang suivra partout ton char !
Et que ton nom, jouet d'un éternel orage,
Sera par l'avenir ballotté d'âge en âge
Entre Marius et César !

.
.
.

Tu mourus cependant de la mort du vulgaire,
Ainsi qu'un moissonneur va chercher son salaire,
Et dort sur sa faucille avant d'être payé !
Tu ceignis en mourant ton glaive sur ta cuisse,
Et tu fus demander récompense ou justice
Au dieu qui t'avait envoyé !

On dit qu'aux derniers jours de sa longue agonie,
Devant l'éternité seul avec son génie,
Son regard vers le ciel parut se soulever !
Le signe rédempteur toucha son front farouche !...
Et même on entendit commencer sur sa bouche
Un nom !... qu'il n'osait achever !

Achève... C'est le dieu qui règne et qui couronne !
C'est le dieu qui punit ! c'est le dieu qui pardonne !
Pour les héros et nous il a des poids divers !
Parle-lui sans effroi ! lui seul peut te comprendre !
L'esclave et le tyran ont tous un compte à rendre,
L'un du sceptre, l'autre des fers !

.

Son cercueil est fermé ! Dieu l'a jugé ! Silence !
Son crime et ses exploits pèsent dans la balance :
Que des faibles mortels la main n'y touche plus !
Qui peut sonder, Seigneur, ta clémence infinie ?
Et vous, fléaux de Dieu ! qui sait si le génie
N'est pas une de vos vertus ?...

Являлась и текла струей неукротимой;
Багровое пятно, как царской диадимой,
Венчало бледное чело.

И вот, тиран, и вот за это вероломство
Восстанет на тебя правдивое потомство;
Кровавого пятна ничто не истребит!
Ты выше и славней соперника Помпея,
Но кто, скажи мне, кто и Мария-злодея
В тебе невольно не узрит?

И умер, наконец, ты смертью народной;
Уснул, как селянин на пажити бесплодной,
Без платы за труды, с притупленной косой,
Мечом вооружась, как будто для осады,
У высшего просить суда или награды
Явился ты с твоей рукой.

В последние часы, болезнью изнуренный,
Один с своим умом пред тайной сокровенной,
Казалось, он искал чего-то в небесах;
Невнятно лепетал язык его суровый,
Хотел произнести неведомое слово, —
Но замер голос на устах.

Окончи — это бог, владыка тьмы и славы,
Царь жизни и смертей; он силу и державы
Вручает и назад торжественно берет.
Ответствуй — он один поймет непостижимых;
Он судит и казнит царей несправедливых;
Ему рабы дают отчет.

Но гроб его закрыт... он там уже... молчанье!
Пред богом на весах добро и злодеянье!..
Он там... с лица земли исчез великий муж...
О боже, кто постиг пути твоих велений?
Что значит человек? Увы, быть может, гений
Есть добродетель падших душ.

А. И. Полежаев

IX. LE PAPILLON

Naître avec le printemps, mourir avec les roses,
Sur l'aile du zéphyr nager dans un ciel pur,
Balancé sur le sein des fleurs à peine écloses,
S'enivrer de parfums, de lumière et d'azur,
Secouant, jeune encor, la poudre de ses ailes,
S'envoler comme un souffle aux voûtes éternelles,
Voilà du papillon le destin enchanté !
Il ressemble au désir, qui jamais ne se pose,
Et sans se satisfaire, effleurant toute chose,
Retourne enfin au ciel chercher la volupté !

X. A EL ***

Lorsque seul avec toi, pensive et recueillie,
Tes deux mains dans la mienne, assis à tes côtés,
J'abandonne mon âme aux molles voluptés
Et je laisse couler les heures que j'oublie ;
Lorsqu'au fond des forêts je t'entraîne avec moi,
Lorsque tes doux soupirs charment seuls mon oreille,
Ou que, te répétant les serments de la veille,
Je te jure à mon tour de n'adorer que toi ;
Lorsqu'enfin, plus heureux, ton front charmant repose
Sur mon genou tremblant qui lui sert de soutien,
Et que mes doux regards sont suspendus au tien
Comme l'abeille avide aux feuilles de la rose ;
Souvent alors, souvent, dans le fond de mon cœur
Pénètre comme un trait une vague terreur ;
Tu me vois tressaillir ; je pâlis, je frissonne,

МОТЫЛЕК

Перевод из новых размышлений Ла-Мартина

С весною красною рождаться,
С душистой розой умирать,
Зефира на крылах по высотам порхать,
На стебельках цветочных колыхаться,
Приятством запахов и блеска упиваться,
И с юных крил своих стрясая прах,
Теряться в горних облаках,
Как легкое дыханье, —
Таков, о Мотылек,
Очаровательный твой рок.
Он на тебя похож, крылатое желанье:
Ничто — его не может удержать,
Ничем — не властен он плениться
И наслаждения искать —
Как ты — на небеса стремится.

П. К.

К АЛ... -НЕ -ОЙ

*Я знаю, милый друг Алина,
Что ты не раз стихи мои прочтешь,
Сей слабый отблеск Ламартина...
И не о будущем — о прошлом ты вздохнешь.*

Наедине с тобой рассеян я бываю!
Моя рука сплелась с твоей рукой,
Безмолвствуя, с твоей беседую душой,
Часы летят — я их не замечаю...
Когда с тобой сижу под тению дерев,
Твой каждый слышу вздох и каждое дыханье —
Я вновь тебе твержу вчерашнее признание,
Любовью вечною тебе клянуся вновь...
Или — блаженный час! главою утомленной
Когда покоишься ты на плече моем,
Когда мой томный взор, недвижный и смущенный,
Пьет радость чистую в твоём, —

Et troublé tout à coup dans le sein du bonheur,
 Je sens couler des pleurs dont mon âme s'étonne.
 Tu me presses soudain dans tes bras caressants,
 Tu m'interroges, tu t'alarmes,
 Et je vois de tes yeux s'échapper quelques larmes
 Qui viennent se mêler aux pleurs que je répands.
 «De quel ennui secret ton âme est-elle atteinte ?
 Me dis-tu : cher amour, épanche ta douleur ;
 J'adoucirai ta peine en écoutant ta plainte,
 Et mon cœur versera le baume dans ton cœur.»
 Ne m'interroge plus, ô moitié de moi-même !
 Enlacé dans tes bras, quand tu me dis : Je t'aime ;
 Quand mes yeux enivrés se soulèvent vers toi,
 Nul mortel sous les cieus n'est plus heureux que moi !
 Mais jusque dans le sein des heures fortunées
 Je ne sais quelle voix que j'entends retentir
 Me poursuit, et vient m'avertir
 Que le bonheur s'enfuit sur l'aile des années,
 Et que de nos amours le flambeau doit mourir !
 D'un vol épouvanté, dans le sombre avenir
 Mon âme avec effroi se plonge,
 Et je me dis : Ce n'est qu'un songe
 Que le bonheur qui doit finir.

XI. ÉLÉGIE

Cueillons, cueillons la rose au matin de la vie ;
 Des rapides printemps respire au moins les fleurs.
 Aux chastes voluptés abandonnons nos cœurs ;
 Aimons-nous sans mesure, ô mon unique amie !

Quand le nocher battu par les flots irrités
 Voit son fragile esquif menacé du naufrage,

Ах! и тогда грущу я — сердцу больно...
 Бледнею — весь дрожу... тоска в душе моей —
 Я на верху блаженства — но невольно
 Слеза катится из очей!
 И ты, смущенная, дрожащими руками
 Ты крепко жмешь меня в объятиях своих —
 И, вопрошая со слезами,
 Ты хочешь знать причину слез моих:
 «Скажи мне, милый друг! какую грустью тайной
 В моих объятиях томим?
 Я разделю тоску души твоей печальной,
 Я облегчу ее участием немым!»
 Не спрашивай меня, о друг мой, друг бесценный!
 Когда ты шепчешь мне: *люблю, люблю тебя*,
 Я забываю мир и самого себя!
 Когда на грудь твою склоняюсь утомленный,
 Когда мой томный взор пьет жизнь в твоих очах —
 Меня счастливее никто здесь быть не может,
 Но в этот самый миг невольно тайный страх
 Покой души моей тревожит —
 Меня преследует, мне шепчет, говорит,
 Что счастье мое мгновенно пролетит —
 Минутно страсти упоенье!
 Познай, о верный друг, души моей мученье:
 Невольно будущим мой грустный дух смущен —
 И мне твердит: блаженство сон,
 Когда так близко пробужденье...

Ю. И. Познанский

ЭЛЕГИЯ

К Ал.....

Вот роза — милый друг! сорвем ее скорей
 И запахом цветка подышим хоть весною;
 Наполним душу всю любовью одною —
 Без меры, милый друг, мы предадимся ей.

Пловец, застигнутый грозой, в неверном беге
 На углу челноке, среди кипящих волн —

Il tourne ses regards aux bords qu'il a quittés
Et regrette trop tard les loisirs du rivage.
Ah ! qu'il voudrait alors au toit de ses aïeux,
Près des objets chéris présents à sa mémoire,
Coulant des jours obscurs, sans péril et sans gloire,
N'avoir jamais laissé son pays ni ses dieux !

Ainsi l'homme, courbé sous le poids des années,
Pleure son doux printemps qui ne peut revenir.
Ah ! rendez-moi, dit-il, ces heures profanées ;
O dieux ! dans leur saison j'oubliai d'en jouir.
Il dit : la mort répond ; et ces dieux qu'il implore
Le poussant au tombeau sans se laisser fléchir,
Ne lui permettent pas de se baisser encore
Pour ramasser ces fleurs qu'il n'a pas su cueillir.

Aimons-nous, ô ma bien-aimée !
Et rions des soucis qui bercent les mortels ;
Pour le frivole appât d'une vaine fumée,
La moitié de leurs jours, hélas ! est consumée
 Dans l'abandon des biens réels.
A leur stérile orgueil ne portons point envie ;
Laissons le long espoir aux maîtres des humains !
 Pour nous, de notre heure incertains,
Hâtons-nous d'épuiser la coupe de la vie
 Pendant qu'elle est entre nos mains.

Soit que le laurier nous couronne,
Et qu'aux fastes sanglants de l'altière Bellone
Sur le marbre ou l'airain on inscrive nos noms ;
Soit que des simples fleurs que la beauté moissonne
 L'amour pare nos humbles fronts ;
Nous allons échouer, tous, au même rivage :

Напрасно сетует о невозвратном бреге
И, обращая вспять свой непокорный челн,
Взывает к родине: нет! счастье прямое
Жить на родном берегу среди своих друзей —
Не покидать бы мне отеческих полей —
И без опасностей, без славы жить в покое!..
Но поздно... поглощен он мутною волной...

Так старец сетует, покрытый сединой,
О юности своей, уже невозвратимой —
Зовет ее: о век неоценимый!..
Вернись, хотя на миг, мой возраст молодой —
Я не успел тобою насладиться!..
Ему внимают смерть... неумолимый рок
Влечет его — не может воротиться,
Чтоб на пути поднять им брошенный цветок.

Счастливая весна проходит незаметно —
Спешим ее ловить: друг друга любим мы...
В заботах, почестях пусть смелые умы
Хотят быть счастливы... но тщетно —
И половина жизни их
Проходит суетно в забвеньи благ прямых.

Не позавидуем их гордости бесплодной:
Надежды долгие оставим для других;
Для страсти пылкой, благородной
Жить поспешим: неверен каждый миг —
Грядущий, может быть, умчит восторги наши.
Мы бытия из полной чаши,
Пока у нас в руках она,
По капле выпьем все до дна.

Слепцы надменные, увенчанные славой,
Которых имена останутся потом
На хладном мраморе, на камне гробовом —
И на листах истории кровавой...
И неизвестные, забытые в глуши,
Которые, презрев высокие злодейства,
Живут для нежных чувств возвышенной души,
Для счастья мирного и доброго семейства...
Мы все равно плывем — и всем нам суждено

Sur un vaisseau fameux d'avoir fendu les airs ;
Ou sur une barque légère
D'avoir, passager solitaire,
Rasé timidement le rivage des mers ?

XII. TRISTESSE

Ramenez-moi, disais-je, au fortuné rivage
Où Naples réfléchit dans une mer d'azur
Ses palais, ses coteaux, ses astres sans nuage,
Où l'oranger fleurit sous un ciel toujours pur.
Que tardez-vous ? Partons ! Je veux revoir encore
Le Vésuve enflammé sortant du sein des eaux ;
Je veux de ses hauteurs voir se lever l'aurore ;
Je veux, guidant les pas de celle que j'adore,
Redescendre, en rêvant, de ces riants coteaux ;
Suis-moi dans les détours de ce golfe tranquille ;
Retournons sur ces bords à nos pas si connus,
Aux jardins de Cinthie, au tombeau de Virgile,
Près des débris épars du temple de Vénus :
Là, sous les orangers, sous la vigne fleurie,
Dont le pampre flexible au myrte se marie,
Et tresse sur ta tête une voûte de fleurs,
Au doux bruit de la vague ou du vent qui murmure,
Seuls avec notre amour, seuls avec la nature,
La vie et la lumière auront plus de douceurs.

De mes jours pâissants le flambeau se consume,
Il s'éteint par degrés au souffle du malheur,
Ou, s'il jette parfois une faible lueur,
C'est quand ton souvenir dans mon sein le rallume ;
Je ne sais si les dieux me permettront enfin
D'achever ici-bas ma pénible journée.
Mon horizon se borne, et mon œil incertain

Чрез море к пристани достигнуть

Тогда, о милый друг, пловцу не все ль равно:
Корабль ли крепкий и огромный
Погиб с ним в пропасти бездонной —
Иль потонул с ним легкий челн,
Скользивший тихо между волн?..

Ю. И. Познанский

ПЕЧАЛЬ

(Из Ламартина)

Отдайте берега мне той страны счастливой,
Где отражен волной Неаполь горделивый,
И холмы, и дворцы, и огнезвездный свод;
Где твердь безоблачна, где вечно все цветет.
Что медлите? — пойдем! — хочу узреть я снова
Везувий пламенный, из недр восставший вод,
И лилии чела рассвета молодого;
И при игре зари пленительных цветов
В мечтании сходить с смеющихся холмов.
Пойдем со мной блуждать на взморни спокойном;
Пойдем при берегу, нам милом и знакомом:
Здесь гроб Вергилия, там Цинтии сады,
Кипридин падший храм и камней мох седый.
Там апельсин златой, и лозы винограда
С молодыми миртами, сплетясь, манят прохладой
И ароматами под темный свод цветов.
При тихом плеске волн, дыханьи ветерков,
С природой нежною, с подругой юной, страстной
Как сладостно дышать, глядеть на свет прекрасный!..

Но гаснет пламенник моих унылых дней:
Его тоска своим дыханьем задувает;
Лишь грустно он порой свет слабый проливает,
Как оживит его в душе мечта о ней.
О долго ли, судьба! по горестной юдоли
Влачиться страннику?.. Что жизнь без сладкой доли!
Лазурь моя во мгле, и взор туманный мой

Ose l'étendre à peine au-delà d'une année.
Mais s'il faut périr au matin,
S'il faut, sur une terre au bonheur destinée,
Laisser échapper de ma main
Cette coupe que le destin
Semblait avoir pour moi de roses couronnée,
Je ne demande aux dieux que de guider mes pas
Jusqu'aux bords qu'embellit ta mémoire chérie,
De saluer de loin ces fortunés climats,
Et de mourir aux lieux où j'ai goûté la vie.

XIX. STANCES

Et j'ai dit dans mon cœur : Que faire de la vie ?
Irai-je encor, suivant ceux qui m'ont devancé,
Comme l'agneau qui passe où sa mère a passé,
Imiter des mortels l'immortelle folie ?

L'un cherche sur les mers les trésors de Memnon,
Et la vague engloutit ses vœux et son navire ;
Dans le sein de la gloire où son génie aspire,
L'autre meurt enivré par l'écho d'un vain nom.

Avec nos passions formant sa vaste trame,
Celui-là fonde un trône, et monte pour tomber ;
Dans des pièges plus doux aimant à succomber,
Celui-ci lit son sort dans les yeux d'une femme.

Le paresseux s'endort dans les bras de la faim ;
Le laboureur conduit sa fertile charrue ;
Le savant pense et lit, le guerrier frappe et tue ;
Le mendiant s'assied sur les bords du chemin.

Où vont-ils cependant ? Ils vont où va la feuille
Que chasse devant lui le souffle des hivers.
Ainsi vont se flétrir dans leurs travaux divers
Ces générations que le temps sème et cueille !

Дерзает вымолять еще весны одной.
 И если суждено увянуть мне так рано,
 И благ земных фиал, на долю мне избранный,
 Полн влаги сладостной и роз венком увит...
 Безропотно фиал оставлю недопит
 И лишь молю отдать край милый, безмятежный:
 Хочу приветствовать страну, где я любил,
 И умереть в стране, где жизнь вполне я пил,
 Любимый и любя любовью чистой, нежной.

А. Г. Шпигоцкий

СТАНСЫ

(Из Ламартина)

И я сказал в душе: к чему дар жизни тленной?
 Стремиться ли еще во след минувших дней,
 Как агнец вслед бежит за матерью своей,
 И подражать толпе, бессмертьем ослепленной?

Тот ищет в бездне вод Мемноновых даров,
 И алчная волна безумца поглощает;
 Другой за славою всю жизнь свою летает —
 И гибнет, оглушен ничтожным эхом слов.

На пагубных страстях воздвигнув замысл хилый,
 Сей трона жаждает, восходит, чтоб упасть;
 Другой, боготворя любви волшебной власть,
 Читает жребий свой во взорах девы милой.

Ленивец, враг забот, в объятых глада спит,
 Сын трудолюбия поля свои питает,
 Ученый умствует, герой врагов терзает,
 Убогий в рубищах на стогнах век сидит!

Скажите: что их ждет?.. Как бури дуновенье
 Далеко от дерев мчит легкие листья,
 Так и они падут добычей суеты:
 Под Кроновой рукой их бытие и тленья!

Ils luttai^{ent} contre lui, mais le temps a vaincu ;
Comme un fleuve engloutit le sable de ses rives,
Je l'ai vu dévorer leurs ombres fugitives.
Ils sont nés, ils sont morts : Seigneur, ont-ils vécu ?

Pour moi, je chanterai le maître que j'adore,
Dans le bruit des cités, dans la paix des déserts,
Couché sur le rivage, ou flottant sur les mers,
Au déclin du soleil, au réveil de l'aurore.

La terre m'a crié : Qui donc est le Seigneur ?
Celui dont l'âme immense est partout répandue,
Celui dont un seul pas mesure l'étendue,
Celui dont le soleil emprunte sa splendeur ;

Celui qui du néant a tiré la matière,
Celui qui sur le vide a fondé l'univers,
Celui qui sans rivage a renfermé les mers,
Celui qui d'un regard a lancé la lumière ;

Celui qui ne connaît ni jour ni lendemain,
Celui qui de tout temps de soi-même s'enfante,
Qui vit dans l'avenir comme à l'heure présente,
Et rappelle les temps échappés de sa main :

C'est lui ! c'est le Seigneur : que ma langue redise
Les cent noms de sa gloire aux enfants des mortels.
Comme la harpe d'or pendue à ses autels,
Je chanterai pour lui, jusqu'à ce qu'il me brise...

И тщетна с ним борьба: их время победит.
Как бурный водопад песчинку поглощает,
Так ненасытное все в мире пожирает, —
Родились, умерли — и что нам предстоит?

Творец! благословлю тебя моей хвалою
Под кровом тишины и в шумных городах,
На злачном берегу, на пенистых волнах,
При скате солнечном и с утренней зарею.

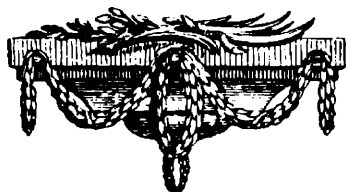
Природа мне гласит: скажи, кто этот бог?
Он тот — кто жизнь всему созданию вдыхает,
Он тот — чей шаг один вселенну измеряет,
Он тот — кто солнца огонь в тьме вечности зажег.

Он тот — кто естество извлек из запустенья,
Он тот — кто на морях вселенну утвердил,
Он тот — кто хлябям их пределы положил,
Он тот — кто создал день от дивного воззренья.

Он тот — пред кем ничто сегодня и вчера,
Кто вечен в бытии своем животворящем,
Безмерен в будущем, протекшем, настоящем,
В чьей длани движется всей вечности пора.

Так, это он, мой бог! Мой голос воспевает
Стократ величие небесного царя,
Как арфа на стенах святого алтаря,
Доколь надежды луч страдальца согревает.

П. А. Драгоманов

ΠΡΑΙΩΣΕΙΣ

НИКОЛА ЖИЛЬБЕР

ПРОЩАНИЕ С ЖИЗНЮ

(Из Жильбера)

На пышном празднике у жизни милой
Я, грустный, прогостил один лишь только день
И гасну медленно... и над моей могилой
Никто слезой мою не успокоит тень!

Простите, мирные поля и вы, дубравы!
Где, в милой ссылке мне, душой я отдыхал!
И небо звездное — шатер наш величавый.
Природа дивная, прости, мой час настал!

Живите долго вы для сих красот священных,
Глухие к жалобам души моей друзья!..
Ах, будь им в сладость — жизнь! и жизнью насыщенных
Сомкни глаза их друг и грустная семья!

Ф. Н. Глинка

ПОДРАЖАНИЕ ЖИЛБЕРТУ

Господь невинности в душе моей читал;
Зрел покаяния прямого токи слезны;
Раскаяньем целил, терпеньем укреплял...
Ах! злополучные ему сыны любезны.

Враги мои, кичась, во злобе изрекли:
«Погибнет он, и с ним вся память истребится...»
Спокойному в душе, мне рек Отец земли:
«Их ненависть — тебе в опору обратится.

Друзей против тебя озлобил их совет;
Все простоту твою обманом окружает...
И, вскормленный тобой, твой образ продает,
Который злобою, как тучей, омрачает.

Но стон твой внемлет бог, к кому тебя стремится
Спасительная скорбь прямого покаянья;
Сей бог рожденному от перстного... простит
Быть слабым в грозный час гонений и страданья.

Так и в грядущем... ты обрящешь мой покров;
Глас правосудия смягчится состраданьем...
И самые враги, тебе готовя ков,
Очистят дни твои, как золото, испытаньем».

О будь благословен, господь, вновь давший мне
Невинная души возвышенные силы,
Благий! Ты дашь покой в надежной тишине...
Ты — сам благословишь в безвестный путь могилы.

На жизненном пиру, несчастливый пришлец...
Мгновенно покажусь... и жизни свет затмится;
И к гробу хладному приближусь наконец...
И гроб... увы! ничьей слезой не оросится.

Мир вам!.. любимые поля, луга, цветы;
Древ сени, вод струи!.. прощание примите.
Величие небес! природы красоты!
Простите навсегда... в последний раз простите!

Пусть долго, долго зрят в красе священной вас
Друзья, отвергшие прощания унылы;
Пусть полны жизнью встречают смертный час...
И пусть, закрыв их взор... восплачет друг их милый.

С. И. Висковатов

ПОСЛЕДНЯЯ ОДА ЖИЛЬБЕРТА

Дерзаю вознестись на крыльях упования
К тебе, вселенная Творец!
Ты узришь скорбь мою и слезы покаянья:
Ты несчастливцев всех отец!

Враги мои твердят в их злобе безрассудной:
«Погибни с честью он своей!»
А сердцу моему Зиждитель правосудный
Речет: «Не бойся козни сей!

Смотри: твои друзья текут в их сонм коварный,
Все, все горят к тебе враждой!
Кого питаешь ты, и тот, неблагодарный!
Тебе уж платит клеветой...

Но бог, к которому болезненной душою
Ты, умиленный, воспарил,
Бог всепрощающий, с небесной правотою
И на тебя свой взор вперил!

Я повелю — и суд потомков справедливый
Заглушит все хулы людей;
И укротится враг надменный и кичливый —
Не омрачив души твоей!..»

О! будь благословен вовек, миров Содетель!
Всегда десницею святой
Столь защищающий прямую добродетель —
И в здешней жизни, и в другой!

На пиршестве земном гость скучный и унылый,
Мелькнул я — и мой час звучит!
Умру — и мной давно желанныя могилы
Никто слезой не оросит!

Простите же, поля моей отчизны мирной,
И вы, тенистые леса!
И ты, шатер людей, о неба свод эфирный,
И все природы чудеса!

Пусть долго вашу любуются красою
Толпа гонителей моих!
Пусть жизнь им будет рай, пусть дружною рукою
Навек сомкнутся очи их!..

И. П. Бороздна

НЕЗВАННЫЙ ГОСТЬ

Незванный гость на пире света,
Я встретил жизни у дверей
Холодность гордого привета
Меня чуждавшихся людей.
Я покраснел, взошел без зова,
И вышел, и за мною снова
Вином заискрился бокал,
И каждый пел и пировал...
Но имя гостя убылова
Никто в пиру не вспоминал.

А. А. Шишков

ЭВАРИСТ ПАРНИ

СКРОМНОСТЬ

Когда б с сих пор мы убегали
В любви, о друг мой, от людей,
Когда бы даже дни не знали
О сладких таинствах ночей!
С сих пор пусть из груди твоей
Малейший вздох не вылетает;
Меня увидя, не красней,
Пускай любовь себя скрывает;
Пускай небесный голос твой
В слух боле не влетает мой,
Пусть взор о неге позабудет
И мысль рассеянное будет.
Но ах, красавица моя!
На что я дал сии советы?
Вперед раскаиваюсь я;
Мне дороги любви приметы:
Я в них все счастье нахожу.
Нет! не старайся притворяться,
Все ложь, я сам себе скажу —
Но все нельзя мне не бояться.

Н. А. Маркевич

ПИСЬМО К ЛИДЕ

Лишь благосклонный мрак раскинет
Над нами тихий свой покров
И время к полночи придвинет
Стрелу медлительных часов,
Когда не спит в тиши природы
Одна счастливая любовь, —
Тогда моей темницы вновь
Покину я немые своды...
Летучих остальных минут
Мне слишком тягостна потеря —
Но скоро Аргусы заснут,
Замкам предательным поверя,
И я в обители твоей...
По скорой поступи моей,
По сладострастному молчанью,
По смелым, трепетным рукам,
По воспаленному дыханью
И жарким, ласковым устам
Узнай любовника — настали
Восторги, радости мой!..
О Лида, если б умирали
С блаженства, неги и любви!

А. С. Пушкин

СТИХИ,
ВЫРЕЗАННЫЕ НА КОРЕ ВЯЗА

Немый свидетель неги нашей,
Зеленый вяз! в тени твоей
Я пил любовь из полной чаши, —
Прими ж дар нежности моей
И сердца сохраняй признание,
Но молви тем, кого мечтанье
Под свод сей рощи заведет,
Что без любви блаженства нет!

В. И. Туманский

ПЛАН ВОСПИТАНИЯ

(Из Парни)

Забудь нескромное желанье,
Вредна ученость красоте.
Храни любезное незнанье,
Останься в милой простоте,
И ты найдешь очарованье,
Вверяясь сладостной мечте.

Мила ты в пляске сладострастной,
Божок любви тебя учил;
Как часто голос твой прекрасный,
С цевницей томною согласный,
Меня в смятенье приводил.

Презрев уставами и мненьем
Толпы коварной и слепой,
Со мною веры будь одной
И верь в Амура — в наслажденье
Невинной, пламенной душой;
Он всех под кров приемлет свой,
Пред ним измена — преступленье.

Неверной памяти своей
Не доверяй событий новых;
В деяньях древности суровых
Найдешь ты мало светлых дней;
Но лет златых существованье
В Назоне пламенном читай
И нежным сердцем поверяй
Пафоса древние преданья!

На карте сей, где пред тобой
Художник верною рукой
Изобразил пределы света,
Зачем искать тебе тех стран,
Где спасся бегством оттоман.
Знай берег милый для поэта,
Гнидос, Цитеру, Амафонт,
Леандра скрывший Геллеспонт,

Темпеи мирные долины
 И Пинда снежные вершины.
 Под небом Греции блуждай,
 В стране, обильной чудесами:
 Там был любви волшебный край,
 Там был земной, минутный рай,
 Он полн протекшего мечтами.

Вот что должно тебя занять
 В часы беспечности игривой
 И миг любви нетерпеливой,
 И наши игры упреждать.
 Зачем искать другие знанья,
 Без пользы память бременить, —
 Узнаешь новые желанья,
 Когда узнаешь, как любить!

Д. П. Ознобишин

ОСТРОВ

(Подражание Парни)

О милый друг! оставим здешний край,
 Где тратим дни то в страхе, то в надеже;
 Счастливым двум — повсюду рай.
 Не будем мы, как были прежде,
 Невинной жертвою людей:
 Оставим сих рабов и света, и страстей.
 Вблизи отсель есть остров опустелый,
 Счастливый уголок земли;
 Его гранитных скал страшатся корабли,
 И мимо с быстротой несется парус белый.
 Лужайки светлые, тенистые леса,
 Овраги, горы и долины
 Являют там волшебные картины;
 Там вечный май и ясны небеса.
 Чуть-чуть зефир листы колышит;
 Там нет уже давно следов ничьей руки,
 И юная природа негой дышит.
 По скату резвятся алмазны ручейки
 И в море синем исчезают...

Два раза в год душистый ананас
И сочный апельсин — цветут и созревают.
Что нужно более для нас?
Верь: только там, с любовью и свободой
Познаем жизни красоты.
Сей остров невелик; и матерью-Природой
Как будто сотворен для нежных четы:
Границы — океан. И тихими шагами
Сей малый свет мы обойдем раз в день.
Из миртовых ветвей сплетем прохладну сень;
Судьба — гонитель наш — там сжалится над нами.
Там каждый раз скажу, когда твой встречу взгляд:
«Я беден славою; но счастием богат!..»
И дни — как легкий рой крылатых сновидений
Незримо будут пролетать...
Забудем свет для наслаждений!
Мы любим — о мой друг! чего еще желать?
Пойдем... уж гаснет день — уж сумрак над полями.
Простимся навсегда с родными берегами,
На коих я удержан лишь тобой!
Смотри: где небосклон сливается с землей,
Затеplилась звезда блестящая Киприды:
Она взойдет — она вожатый будет мой...
Вот челн; мы поплывем — и шумною толпой
По морю светлому всплывут Океаниды...
Но вот Эол затих и стали корабли;
Чуть воды зыбкие зефир перебирает...
Плывем! — любовь счастливых призывает
В безвестный край земли. — —

Ал. Норов

ЗАПИСКА

Слушай, друг мой, час полночи
Только в городе пробьет
И твои прелестны очи
Сладкий сон едва сомкнет, —
Я, хранимый темнотою,
Подойду к тебе тайком,
Я нетрепетной рукою

Зазвучу твоим замком.
 И с забавою ревнивой,
 Не скрывая красоты,
 Чтоб взошел твой друг счастливый,
 Прикажи, мой ангел, ты,
 Очарованный любовью,
 Я приникну к изголовью;
 Пусть горит лампы свет!
 Тайны для счастливца нет.

Н. А. Маркевич

ГОРЕ-БОГАТЫРЬ

*Quelle chimère est-ce donc que
 l'homme! quelle nouveauté! quel
 chaos! quel sujet de contradic-
 tions!*

Pascal

Итак, я разорвал оковы,
 И к вам, друзья, явлюсь сей час!
 Во мне все чувства, мысли новы,
 Красавицы не стоят вас.
 Их ласки дорогой ценою
 Всегда придется покупать.
 Одна, игравши долго мною,
 Велела с горя умирать.
 Но, зная, судьбе угодно было
 Меня от смерти сохранить:
 Вино на помощь поспешило,
 И друг ваш начал снова жить.
 С умом любовь вредить не может,
 В вине лекарство нам дано:
 Как скоро сердце занеможет,
 Друзья, примитесь за вино.

Но что я говорю, несчастный!
 В душе тоски не утаишь!
 Ах, можно ль в бури, в день ненастный,
 Сказать, что красно солнце зришь?
 Нельзя веселым притвориться;

Наш взор и вздохи изменят:
Когда из глаз слеза катится,
Уста смеяться не хотят.

Сокройся от меня, напиток бесполезный!
Дай волю мне и ты, о дружба, тосковать;
Твой кроткий, нежный глас, мне некогда любезный,
Ужасный вопль страстей заставит ли молчать?
Мой жребий в мире жить, мечтой себя питая,
Свободу воспевать, а цепи все носить
И, слезы горьки проливая,
О счастье, радостях в элегиях твердить.

Дни юности, мечты, обмана, заблужденья
На крыльях времени, как миг сей, пролетят.
Друзья мои! придут дни мирны пробужденья
И сердце к вам мое в объятья возвратят;
Те дни, когда вздыхать престану,
Когда рассудок скажет мне:
«Проснись!» — И что ж? — Тогда я стану
Жалеть — о беспокойном сне.

Н. Д. Иванчин-Писарев

СЛАБОСТЬ

Все кончено: я разорвал
Постыдные любви цепи:
Красавицы коварны, слепы;
Ах, сколько я от них страдал!
Друзья мои! в объятья ваши
С надеждой в сердце возвращусь:
Я прежних слабостей стыжусь!
Увейте свежим плющем чаши;
Пусть светлое вино шумит,
Пусть брызгами и пеной снежной
Питомцев ночи окропит.
Веселый Вакх — наш бог надежный —
В меня веселие вдохнет;
Тогда изменниц позабуду,
Тогда на лоне дружбы буду

Я Бахуса и счастье петь!..
 Но что я говорю?.. несчастный!..
 Ах! и улыбки нет — коль слезы на глазах;
 Нет радости, коль в сердце тайный страх.
 Прочь нектар, для меня напрасный!
 О дружба! милая наставница людей,
 Ты сердца моего не улаждаешь боле:
 Увы! оно в неволе;
 Не слышен голос твой при голосе страстей;
 Напрасно мне свою подпору предлагаешь:
 Уж поздно, уж нельзя паденью пособить;
 Напрасно стонешь ты: желая исцелить,
 Ты рану сердца растравляешь!
 Оставь, не беспокой меня,
 Оставь мечтами наслаждаться,
 Грустить и заблуждаться,
 Любовь к себе маня;
 Свободу воспевать, оковы обнимая;
 С восторгом тень обманчиву ловить
 И о блаженстве говорить,
 Горючи слезы проливая!..

Придут, придут те тихи дни,
 Дни зрелости, дни пробужденья —
 И строгий разум наш любви рассеет сны,
 Любви разгонит заблужденья,
 И время, унося все радости людей,
 Умчит и юность невозвратно!
 Тогда, друзья мои! освободясь цепей
 Постыдной праздности — для сердца столь приятной,
 Столь сладкой для любви — я возвращуся вновь
 Навеки к вам, и с ясною душою!
 Забуду слабости, а с ними и любовь!
 И дружба опытной рукою
 Мою неопытность там станет охранять!
 Но с робкою слезой я буду вспоминать
 Прошедших лет мечты, восторги наслаждений,
 Невольно вздыхать, стыдиться заблуждений
 Дней юных, и стыдясь — жалеть о них опять.

В. И. Туманский

ДРУЗЬЯМ

Начнем, друзья, смеяться, петь;
Не станем времени мы тратить золотого;
На ропот черни не глядеть:
Друзья! до черни нам нет дела никакого!
В сем мире, в жизни сей земной,
Мы будем дружно жить с вином, с мечтой прелестной,
А в жизни будущей небесной
Мы будем жить одной душой.
Пускай в забавах исчезает
Минута каждая, как тень,
Пусть беспрерывно утекает
За днем веселия другой веселый день;
Пока не улетела младость,
Пускай гостят у нас Венера, Вакх и радость,
Пускай друзей понежит лень.
Наступит день, когда рукою
Тяжелой время нас согнет,
Простимся с жизнью молодою
И с кашлем старость к нам придет,
Тогда уж поздно веселиться!
Тогда придется нам скучать;
Теперь у старости, что только пригодится,
Мы постараемся отнять.

Н. А. Маркевич

МОЯ СМЕРТЬ

Когда в объятиях твоих
Я пеньем слух твой услаждаю
И, упоен вином, лобзаю
Твои красы, воспев о них,
Что мне тогда ничтожный свет,
Все предрассудки, заблужденья
И черни грозные сужденья?
Что мне до них? — Я не поэт!
Я не желаю ложной славы,
Она сопряжена с трудом,
Пред ней сокроются забавы,

Как ночь пред утренним лучом.
Я не пожертвую собою
В надежде после смерти жить;
Но славу я назвав мечтою,
Хочу у ног твоих забыть
Друзей парнасских вероломство,
Рукоплесканья, шум свистков,
Всех современников, потомство
И прелесть будущих веков.

Придет когда-то день разлуки,
Тебя с трудом я назову,
И обовьют прелестны руки
Мою поникшую главу;
К тебе, мой ангел, устремятся
Полуоткрытые глаза —
В твоих очах блеснет слеза;
Напрасно буду я стараться
Тебя холодною рукой
Обнять — она окаменеет;
И поцелуй последний твой
Мои уста запечатлеет.
Тогда пусть меди грозный стон
Всех стран окрестных не тревожит.
Толпа людей, со всех сторон,
Стека<я>ся, мне не поможет.
Я в жизни неизвестен был,
Всегда судьбой своей доволен,
Я был, как шумный ветер, волен,
Пускай же я умру, как жил.

Н. А. Маркевич

ЛЮБОВНОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ

Иду обнять ее, увидеть взоры милой,
И сердце пылкое забилося сильнее,
Жар сладострастия разлился с новой силой,
Желания любви меня уносят к ней.

Но не забудем мы, в пылу очарований,
 Обуздывать восторг неистовых желаний:
 Безумный пламень их лишь миг волнует кровь,
 С ним гаснет пылкость чувств и самая любовь.

Е. П. Зайцевский

К КЛЕНУ

(Подражание Парни)

Красивый, стройный клен! на что ты сохранил
 Два наши имена, которые Людмила
 Здесь, на твоей коре, в час неги начертила?
 Мне горько видеть их... я больше ей не мил!
 Пускай же мне ничто о ней не вспоминает,
 Изгладь сии черты, блиставшие вотще!
 Разлучены сердца, которые еще
 Твоя кора соединяет!

О. М. Сомов

К БЕРЕЗЕ

Береза дикая! к чему ты удержала
 Столь долго наши имена,
 Которые изображала
 Рукой неверною — она?
 Ты их напрасно сохранила:
 Неумолимою косою
 Судьба два сердца разделила,
 Соединенные тобой.

Н. А. Маркевич

ЭЛЕГИЯ

Из Парни

Страдания любви разлукой облегла —
Я думал прежде так; от милых мест бежал,
Которые моей жестокою гордятся.
Сокрытый в сих лесах, куда не проникал
Свет солнечный вовек, повсюду обретаю
Одно безмолвие; но где покой — не знаю.
Блуждая в тайной тьме излучистых путей,
Достиг я наконец вершины гор надменной,
Делящей облака, ходящие под ней.
Какое зрелище! — мой взор обвороженный
Летал в безмерности, расстланной предо мной;
Явилось море мне равниною чудесной,
Слиянную вдали с лазурию небесной!
Минута! — все цветет; и в ясности живой
Играющий зефир жар солнца прохладяет;
Но вдруг — повсюду тьма! и буря завывает!
Когда зима престол свой ставит на горах,
В то время летний зной свирепствует в полях!

В громовом шествии пылающая лавы
Погибли все весны забавы и труды;
Растопленный гранит являл ее следы.
Древа зачахли вокруг; в унынии дубравы.
Ни милый птичек глас, ни дикий рев зверей
Не смеют пробудить пустыни мрачной сей!
Все тихо, все мертво! — умрите ж, воздыханья!
Умрите, бурные желанья!
Моя надежда — призрак сна!
Жестокою навек забудем,
Злой пламень истребим иль будем
Непостоянны, как она!
Нет! нет! — нигде себя не скрою:
И здесь найдет меня любовь!
И здесь прелестная со мною.
Противлюсь — и пылаю вновь!
Довольно имени любезной —
И вновь поток лиется слезный!
О боги!.. ах! когда престану я страдать!

Сокройте от меня вы взор ее прекрасный!
Тушите страсть мою! — она, как грозный ад,
Свирепствует в груди. — Усилия напрасны!

Тогда бы перестать любить,

Когда престал ты милым быть!

Меж тем как в жалобах и пламенных слезах
Я изливал свои сердечные мученья,
Явились новые предметы удивленья,
И мрак уныния исчез в моих глазах!

Я зрел: передо мной, рождаясь, кружились

Повсюду быстры ручейки,

И в детской резвости, слившись, вновь стремились

В кипящей полноте свирепья реки;

Терзая грудь берегов, клубясь в ожесточенье,

Влекла она с собой потоп и разрушенье;

Дробимый ветром шум стонал в глуши лесов;

И древний океан, в величестве смущенный,

Приемлющий ее в объятия растворенны,

Казалось, уступал неистовству валов!

Я зрел: утесы обнажены,

Подъемляся челом,

Грозили досягнуть в пределы возвышенны,

Отколь свергался гром!

Там древность чудная везде изобразила

Священную печать... взор, мысль моя парила

Вослед ревущих вод — от гор к другим горам,

От облаков ко облакам,

Из бездны в бездну преносилась,

Но вдруг во ужасе своем остановилась!

Природа дивная! здесь, здесь твой тайный храм!

Я прикасаюсь ко матерним стопам.

О, как приятна мне унылость дебрей диких,

Начальные черты трудов твоих великих.

Я в чувствах сладостных, как отрок, веселюсь

И с трепетом дивлюсь!

Почто не можно мне в юдоли сей блаженной

От света утаить остаток скорбных дней,

Почто нельзя отдать ей горести своей!

Она везде со мной! — когда, ожесточенный,

Хочу неверную навеки позабыть,

Язык мой изменяет!

Он имя милое невольно повторяет;
Сказав однажды, я стремлюсь его твердить;
И дебрь пустынная, всех тайн моих могила,
Ему ответствует стенанием глухим;
Моя рука его на камне начертила

Со именем моим!

Быть может, странник здесь, на сих древах почтенных,
Найдет следы имен, любовью освященных,
Смутится он; и в миг восторга своего
Внезапно возгласит: «Чрезмерна страсть его!
Он пел любезную во тьме уединенья;
Он плакал без друзей, страдал без утешенья;
Прочтем его стихи, слезами их почтим:
Любовь, сама любовь рыдала вместе с ним!»

А. Ф. Мерзляков

* * *

В разлуке я искал смягченья тяжких бед;
Бежал от милых стран, тобою озаренных,
Бродил во мгле пустынь, ужасных и забвенных...
Повсюду тишина! нигде покоя нет!
По ребрам диких скал, извитою тропкою
Вхожу на сей утес со мшистою главою, —
Каким видением внезапно поражен!
Какая дивная безмерности картина!
Сей древний океан в брегах не заключен!
Вдали слиялась с ним лазурная пучина!
То свежий ветерок здесь веет надо мной,
То вихрей и громов внимаю треск и вой!
Горе, на грудах льдов, чертог зимы блистает —
А долу ярый зной поля опустошает!
Пылающий вулкан пожрал сии страны,
Я зрел его следы на камнях опаленных!
Умолкли хоры птиц! Поля обнажены!
Нет сеней на древах, на пепел наклоненных!
В ужасный, мнится, гроб весь мир преобразен!
Все пусто! все мертво! — Умри же, страстный стон!
Умрите, сладки вспоминанья,
Влекущие мой дух в протекши времена!

Умрите, буйные желанья,—
 Или меняйтесь, как она!
 Вотще во тьме лесов скрываюсь!
 И здесь могучей красотой
 Она блистает предо мной!
 И здесь слезами обливаюсь,
 Стремясь душою к ней одной!
 О небо, ниспошли страданьям утolenье!
 Погибни, страстный жар! Смирись, души волнение!
 Умри, умри, любовь, воскресшая опять!
 О вспоминание жестокой перемены!
 Ах! если б мы могли неверных забывать
 В минуту их измены!

 Природа, пред тобой, восторженный, смиряюсь!
 Коль страшен мрак лесов! коль дик пустыней вид!
 Как все, могущая, тебя благовестит!
 О грозные красы! Дивлюсь и содрогаюсь!

В. А. Жуковский

ЛЮБИТЬ И НЕ ЛЮБИТЬ

(Из стихотворений Парни)

В любви бывает смертный бог,
 Живет блаженством и восторгом.
 Но отжил тот, кто отлюбил;
 Тот, в сердце сожаленье кроя,
 Ценой сердечного покоя
 Печальну истину купил:
 Что страсть обманчивое чувство;
 Что клятва сердцу не закон,
 Невинность ложь, любовь искусство,
 А радость жизни — только сон.

В. В. Измайлов

ЛЮБОВЬ

Так, любовь есть дар святой,
 Нашей жизни усладитель,
 Наших горестей целитель,
 Неизменный и благой!..
 Но, друзья, несчастен в свете
 Тот, кому всеильный рок
 Юных лет в прелестном цвете
 Грустный подтвердил урок:
 Что надежда — обольщенье,
 Что любовь — пустой закон,
 Что невинность — принужденье,
 А блаженство — только сон!..

И. П. Бороздна

ЭЛЕГИЯ

Сказать «люблю» — очарованье,
 Сказать «любил» — хоть и не жить.
 Ах, это счастьем заплатить
 За то ужасное признание,
 Что в мире клятвы — ложь одна,
 Любовь — обманы, а не чувство,
 Невинность — только лишь искусство,
 А все блаженство — прелесть сна.

Н. А. Маркевич

〈ЭЛЕГИЯ VI〉

О ты, смущенная присутствием моим,
 Спокойся: я бегу в пределы отдаленны.
 Пусть избранный тобой вкушает дни блаженны,
 Пока судьбой храним.
 Но, ах! не мысли ты, чтоб новые восторги
 И спутник счастливый твоих весенних дней
 Изгладили меня из памяти твоей!
 О, нет! Есть суд небес и справедливы боги!

Душевные радости, делимые со мной,
Воспоминания протекших упований
И сладкие часы забвенья и мечтаний,
И я, я сам явлюсь тревожить твой покой!
Но уж не в виде том, как в дни мои счастливы,
 Когда, смущенный, торопливый,
Я плакал без укор, без гнева угрожал
И за вину твою, любовник боязливый,
Себе у ног твоих прощения искал!
Нет, нет! явлюсь опять, но как посланник мщенья,
 Но как каратель преступленья,
Свиреп, неумолим, — везде перед тобой:
И среди светского блистательного круга,
И среди семьи твоей, где ты цветешь душой,
В уединении, в объятиях супруга, —
 Везде, везде в твоих очах
Грозящим призраком, с упреком на устах!
Но нет!.. О, гнев меня к упрекам не принудит:
Чья мертвая душа тобой оживлена,
Тот благодати твои ужель когда забудет!
 Его богам молитва лишь одна:
 «Да будет счастлива она!..»
Но вряд ли счастье твоим уделом будет!

Д. В. Давыдов

ЭЛЕГИЯ ПАРНИ

...l'amour trompe tôt ou tard.

В печальной юности я жил одно мгновенье,
И за минутное сердечно наслажденье
 Мне суждено век слезы лить!
Надежда! смертным жизнь тобою только лестна!..
 Но нет, обманщица прелестна!
Меня твои мечты не могут обольстить.
В груди отчаянной исчезли ожидания,
 Со мной живут одни страданья!
Лишь сердце горестно в прелестнейших мечтах
 Ко дням прошедшим устремится,
 Еще, еще желая насладиться

Во угасающих счастливых дней зрях...
Вдруг настоящее является пред мною,
И слезы потекут из глаз моих рекою!
Всего лишился я! надежды больше нет!
Восторги пламенны, небесны восхищенья
И тихие, приятны наслажденья
Прошли! прошли! со мной одна любовь живет!

В. М. Перовицков

ЭЛЕГИЯ

Как медленно приходит счастье,
Как быстро кроется оно,
Дней юных в долгое ненастье
Мне было жить на миг дано!
Наказан я за то мгновенье!
Надежд пустое обольщенье
Всё горечь услаждает зла,
Но мне уж чуждо упоенье,
Надежда в сердце умерла!
В сем сердце, съеденном тоскою,
Больном, убитом, я горю
Бегущей возвратить мечтою
Блаженства прошлого зарю;
Но настоящее как туча
Во всех души несвязных снах,
И — вмиг блистает на глазах
Слеза невольная, горюча.
Я всё навеки потерял,
Я мене ветрен, пылок стал!
Доверенность к судьбе умчалась,
Огонь чувств, восторгов рай исчез,
И даром пагубным небес
Одна любовь со мной осталась!

А. Г. Родзянка

ГОСТЕПРИИМСТВО

Цвет любви — Нагандова,
Прелесть сердца и очей!
Отведи сего младого
Гостя к хижине своей.

Не богатыми коврами
Ложе радости покрой,
Но весенними цветами,
Равными тебе красой.

И со груди белоснежной
Скинь стыдливости покров;
Пусть узрит с улыбкой нежной
Он в глазах твоих любовь.

Если ж пламенно желанье
Огонь зажжет в его крови,
Сладко дай ему лобзанье
С тихим трепетом любви.

Если ж он в час томной лени
Скажет: время нам заснуть!
Сядь к нему ты на колени
И склонись лицом на грудь.

И пусть будет он счастливым,
Пусть твой будет сладок сон...
Но уже лучом стыдливым
Светит утра небосклон,—

Встань, проснись, беспечна младость!
Долго ль счастью ждать конца?
В юноше блистает радость,
В деве томность и краса.

А. Д. Илличевский

РАЗГОВОР

«Кто ты, дитя смешное?» — «Я Эрот!»
 «Как! ты Эрот?» — «Чему ж ты удивился?»
 «Но отчего ты так переменился?»
 «От времени, от моды, от хлопот».
 «Как похудел! и вид какой развратный!»
 «Он нравится — и мне весьма приятно...»
 «Приятно?» — «Да, я восхищен собой!»
 «Где ж стрелы, лук, опасный факел твой?»
 «Потеряны, да что в них!» — «А повязка,
 Которую в слезах ты проклинал?»
 «Изорвана». — «Прекрасно! я не ждал!..
 Бедняк, бедняк!.. но что это за маска
 Там у тебя со стороны висит?»
 «Они теперь любимые в народе».
 «Но козых две ноги?...» — «Ах! это в моде;
 А моде я обязан всем». — «О, стыд!..
 Где ж ты живешь?» — «Я всюду обитаю,
 Везде мой трон — и только пожелай,
 Все сделаю, я всеми управляю,
 Я бог!» — «Не для меня!» — «Для всех! Прощай!»

В. И. Туманский

* * *

Поверь, я знаю уж, Дорида,
 Про то, что скрыть желаешь ты...
 Твой тусклый взор и томность вида
 Отцветшей рано красоты
 Мне слишком много объяснили:
 Тебя, прелестная, пленили
 Любви неясные мечты.
 Они, везде тебя тревожа,
 В уединение манят
 И среди девственного ложа
 Отраду слабую дарят,
 Лишь жажду наслаждений множа.
 Как жертвуешь ты сим мечтам
 При свете дня или во мраке ночи,

Почти закрывшиеся очи
Склоняешь с робостью к дверям,
И если юная подруга
Иль кто другой к тебе войдет,
В одно мгновенье от испуга
Румянец нежный пропадет.
Потупишь взор... несвязность речи
И твой смущенный, робкий вид
И неожиданность сей встречи
Тебя кой в чем изобличит...
Но ты краснеешь, друг бесценный,
Меня давно ты поняла.
Оставь же сей порок презренный,
Доколь совсем не отцвела...
Беги! беги сего порока,
В мечтах себя не погуби,
Не будь сама к себе жестока
И хоть меня ты полюби.

К. Ф. Рылеев

* * *

Сижу на бреге шумных вод.
Все спит кругом; лишь воют рощи,
И Гелы тень во мгле ревет:
Не страшны мне призраки ночи,
Мой меч скользит по влаге вод!

Сижу на бреге ярых вод.
Страшися, враг, беги стрелю!
Ни меч, ни щит уж не спасет
Тебя с восставшею зарею...
Мой меч скользит по влаге вод!

Сижу на бреге ярых вод.
Мне ревность сердце раздирает.
Супруга, бойся! День придет,
И меч отмщенья заблестает!..
Но он скользит по влаге вод.

Сижу на бреге шумных вод.
Все спит кругом; лишь воют рощи,
Лишь Гелы тень во мгле ревет:
Не страшны мне призраки ночи,
Мой меч скользит по влаге вод!

К. Н. Батюшков

АНДРЕ ШЕНЬЕ

КРАСАВИЦА

Приди ко мне, Миртил молодой!
Ты мне любезен; я пригожа,
С самой Дианою равняюсь белизной,
И станом на нее, и гордостью похожа.
И под вечер, когда я мимо пастухов
Иду, потупя взор, едва их замечая,
То я кажуся им за нимфу сих берегов.
Они зовут меня, очами провожая:
«Корина! Берегись вверять себя волнам,
Чтоб не казаться в них богинею пловцам
И чтоб в мольбах они средь яростной пучины,
Фетиду позабыв, не стали звать Корины!»

Авр. Норов

НЕЕРА

(Из Шенье)

Люблю тебя, Хромид, спеши, я не дурна!
Диане в легкости и в белизне равна,
Такая ж стройная. — С склонением денницы,
Все наши юноши, как тихую стопой
Иду я мимо них, потупивши ресницы,—

Не верят, чтоб была я смертною простой,
 И тихо шепчутся, следя меня очами:
 «Ах, как она мила! как дышит красотой!
 Неера, берегись казаться над волнами,
 Чтоб не сочли тебя богиней, и порой
 Пловцы не стали б звать стихии в час мятежной,
 С Дорисой нежною, Нееры белоснежной!»

Д. П. Ознобишин

НЕЭРА

Люблю тебя, Хромис! иди поскорей.
 Я повсюду слышу красотую моею:
 Бела, как Диана, легка, как она,
 Величава осанкой и так же стройна;
 И если со стадом иду я вечер,
 Выступая надменно, потупя свой взор —
 То все пастухи, не замечены мной,
 Провожая очами, твердят меж собой:
 Не смертная то; как прекрасна она!
 Как богиня, горда, и мила, и стройна!
 Неэра! себя не вверяй ты волнам:
 Ах! и вправду ты будешь богинею там!
 И в бурю взывать уж сам-друг, наконец,
 Галатею с Неэрою будет пловец!

В. И. Любич-Романович

НАДИНА

(Посвящено Н. А. Ф.....вой)

Ах! юноши не мне понравиться хотят!
 Сестра счастливей тем, что старее годами,
 И если пастухи приходят к нам с цветами,
 То мне подносят их — а на сестру глядят...
 И часто в похвалу, что я собой пригожа,
 «Надина, — говорят, — как ты с сестрой похожа!»
 Никто из них еще мне песен не поет,

Никто не шепчет мне, что без меня умрет! —
Но я дождусь того... год за год: я прекрасна...
С такими прелестями, я знаю, я опасна!
И мне когда-нибудь пятнадцать лет придет!
Живое личико и кудри за плечами,
Жемчужин два ряда меж алыми устами,
Сквозь длинных двух ресниц небесный, нежный взгляд, —
Мне свежие венки из рук любви сулят.

Авр. Норов

ОТРОКОВИЦЕ

Не упреждай годов; зрей тихо; не вреди
Развитию красот, сокрытых впереди.
Утехи ранние отрава, а не сладость:
Лишь целомудрием цветет и блещет младость.
О милая! дозвожь златой твоей весне
Без искушения, в беспечной тишине
Допраздновать свой век. Дни счастья не изменят.
Придет твоя пора, и юноши оценят
Влюбленной думою все прелести твои:
Блеск утренний ланит, густых кудрей струи,
Уста цветущие с двойным жемчужным рядом
И светлые глаза с победоносным взглядом.

В. И. Туманский

ГЕРМИОНА

Элегия в древнем вкусе

*Socerumque patremque
Invocat, heu! frustra...
...quoties sinit hiscere fluctus,
Nominat Halcyonem. ipsisque immurmurat undis!*

Ovid. Metam. Lib. XI, v. 13

О вы, хранимые Фетидой, гальционы!
Стонайте жалобно, вийсь поверх валов!..

Ее уж нет, молодой, невинной Гермiony!
 Она чрез понт плыла родных небес под кров:
 Там флейты, там Гимен, там дев и юнош хоры
 Готовились ее к супругу проводить.
 Ключ бдительный уже венчальные уборы
 Из кедровых ларцов готов был свободить,
 И кольца редкие в наряд перстам прелестным,
 И миро для ее каштановых влосов...

Меж тем на палубе она к звездам небесным
 Взывала!.. бурный ветер терзал ее покров,
 Подъял ее, помчал, не внемля девы стона —
 И — изумленную — низринул в бездну вод...

Увы! она в волнах, младая Гермiona!..
 Холодный труп ее огромный вал несет...
 Фетида, вся в слезах, претит к нему касаться
 Чудовищам морским в бездонных глубинах;
 Наяды робкие поверх пучин толпятся
 И, нежный труп обняв, с слезами на очах
 На берег принесли пустой, уединенный —
 И гробом девы стал *Зефира* дикий мыс.
 Туда на вопль наяд со страхом привлеченны,
 Богини рощей, гор и светлых рек стеклись —
 И в перси белые бия себя, рыдали!..
 Их страшное «увы»! ветер в море разносил...

Увы! даров любви Зевес тебя лишил!
 Покровы брачные тебя не осеняли,
 С супругом перстень твой тебя не обручил
 И розы юного чела не увенчали!..

Авр. Норов

НЕВЕСТА

Элегия

(Вольное подражание Андрею Шенью)

О, что сбылось с тобой, невеста молодая?
 Увы! погибла ты, о радости мечтая!
 Она уже в тот край несется кораблем,

Где ждет ее любовь с ей милым женихом;
Где, песен свадебных услыша хоры,
Он встретил бы ее пленительные взоры.
Заботливой рукой под ключ положено
В узорных кружевах ночное полотно,
И дивный аромат для локонов небрежных,
И радужный жемчуг для персей белоснежных.
В раздумьи сладостном и негой смущена,
Прелестная стоит на палубе одна,
Пленясь ярких волн блестящей синевою
И полуночных звезд таинственной красою;
Но вихрь вдруг налетел и, вься в пеленах,
Схватил ее, помчал, — она уже в волнах!
Она уже в волнах, невеста молодая!
Уж над прекрасною шумит волна морская!
Один лишь тихий стон был вестью роковой
О жалкой участи любви ее земной;
И волны подняли, клубясь, вой унылый
Над раннею ее холодною могилой.

Увы! желанных дней прекрасной не видать!
Невеста!.. жениху тебя уж не встречать!
Утратил он с тобой любви своей надежду.
Не наряжалась ты в брачную одежду,
Не билась грудь твоя под светлым жемчугом,
И — не украсила ты локоны венцом.

И. И. Козлов

БЕДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Как часто, ощутив всю горечь бытия,
Вкусив от чаши зол, что жизнью называют,
И утомясь от бурь, как странничья ладья,
Зрю в гробе мирну сень, где вьюги затихают,
С восторгом смерть зову. Прошед песчану степь,
Там путник, жаждою и зноем изнуренный,
Ждет светлая струи... Подобно утомленный,
Молю себя дерзнуть расторгнуть тяжку цепь.
Вдруг сердце хладное невольно вострепнулось,
На милых, на родных внезапно оглянулось;

Воспоминания протекших ясных дней,
 Надежда воротить мечты очарованья,
 И юность лет еще, и будущность, а с ней
 И мыслей, чувств моих незрелы начертанья,
 Все манит, льстит, влечет, велит мне ждать и жить.
 Как часто слово, взор, улыбка заставляет
 Сносить всю тяжесть мук и слезы полюбить,
 Мирит с печалью и с горестью свыкает!
 Таится человек от самого себя!
 Вотще знакомится с печальной, холодной урной;
 Какое бремя зол ни пало б на тебя,
 Незримой связью ты прикован к жизни бурной,
 И ищешь вдалеке, скорей, чем умереть,
 Какой-нибудь предлог, чтоб жить и жизнь терпеть.
 Страдал, страдаешь — и, надеждою ведомый,
 До гроба добредешь с мучительной истомой;
 Вот близок к пристани, вот странник сень нашел:
 Вот смерть целебница... Страдальца спросите:
 Спокоен ли? Ах нет! — Все муки возвратите,
 Пусть стражду: смерть больней, ужаснее всех зол!

Н. Д. Иванчин-Писарев

ИЗ А. ШЕНЬЕ

ЛОНДОН 1782

Один, без земляков, без друга, без родных,
 Забытый на земле, далеко от своих,
 Волнами брошенный на остров сей угрюмый,
 Я к милой родине летаю частой думой...
 Здесь, в пасмурной стране, судьбу мою виня,
 Мне долог каждый час, желаю смерти я —
 И ни единый друг меня не ободряет,
 Не сядет близ меня; и видя, что пылает
 Лицо мое в слезах, исторженных тоской,
 Мне руку не пожмет, не спросит, что с тобой?

Н. И. Шубаев (?)

СПЯЩАЯ ДЕВА

(Из Шенье)

Приблизься к ней перед рассветом дня
И посмотри на милую украдкой,
Как, голову небрежно наклоня,
Она покоится дремотой сладкой;
Как белая лежит ее рука,
Как локоны, струясь от ветерка,
Спускаются на взор полуоткрытый,
И пламенно горят ее ланиты.

А. А. Шишков

* * *

Графине Э. И. Лепцельтерн

Над темным заливом, вдоль звучных зыбей
Венеции, моря царицы,
Пловец полуночный в гондоле своей,
С вечерней зари до денницы,
Рулем беззаботным небрежно сечет
Ленивую влагу ночную;
Поет он Ринальда, Танкреда поет,
Поет Эрминию младую, —
Поет он по сердцу, сует удален,
Чужого суда не страшится,
И, песней любимой невольно пленен,
Над бездною весело мчится.
И я петь люблю про себя, в тишине,
Безвестные песни мечтаю,
Пою — и как будто отраднее мне,
Я горе мое забываю,
Как ветер ни гонит мой бедный челнок
Пучиною жизни мятежной,
Где я так уныло и так одинок
Скитаюсь во тьме безнадежной...

И. И. Козлов

ГОНДОЛЬЕР И ПОЭТ

(Перевод неизданных стихов А. Шенье)

У стен Венеции, владычицы зыбей,
 Беспечный гондольер в мерцании ночей
 Скользит вдоль берегов без шума и без следа.
 Поет Эрминию, Ринальда и Танкреда.
 Он любит свой напев, без платы он поет,
 Без гордых умыслов, без страха, без забот;
 Поет — и сладостно объятый вдохновеньем,
 Свой путь на бездне вод увеселяет пеньем.
 Как он — без отзыва пою в стране чужой!
 И звуки тайные, придуманные мной,
 На море жизненном мой жребий улаждают,
 Где столько бурных волн ладью мою вращают!

В. И. Туманский

МЛАДАЯ УЗНИЦА

(Перевод из стихотворений Андрея Шенье)

«Серпы не трогают молодых колосьев в поле,
 Прозрачный виноград до осени по воле
 Привык расти и тихо зреть.
 Ах! столь же молода и, может быть, прекрасна,
 Я не хочу еще, хотя я и несчастна,
 Так рано умереть!

Пусть стоик видит смерть бесслезными очами!
 В слезах надеюсь я!.. Пред бурными ветрами
 Склонив главу, подьемлю вновь.
 Коль много горьких дней, то сколько ж и прекрасных?
 Всегда ль лазурь небес без облаков ненастных
 Иль море без валов?

Мечта прелестная душой моей владеет.
 Вотще темницы свод над мною тяготеет:
 Надежды крылья у меня!
 Так Прогна, свободясь от сети птицелова,

Вспорхнула — и летит в поля небесны снова
С хвалой светилу дня!

Ах! мне ли умирать? я тихо засыпаю
И, тихо пробудясь, в душе не открываю
 Ни угрызения, ни мук;
Меня приветствует румяный луч денницы;
При взгляде на меня свирепой стражи лица
 Теряют строгость вдруг!..

Мой светлый путь еще далек предназначенья:
Едва младенчества невинны вдохновенья
 Увы! оставить я могла —
И жизни на пиру к устам моим цветущим
Я чашу с нектаром, блаженство подающим,
 Едва лишь поднесла!

Дожив весны моей, ах! доживу ль и лета?
Как Феб по временам течет в долинах света,
 Так жизнь пройти желаю я;
Как роза, расцвести едва лишь я готова
И только видела луч утра золотого.—
 Увижу ль вечер дня?..

О смерть! повремени, не приходи за мною!
Беги утешить тех, которые тобою
 Хотят сокрыть порочный стыд;
Но я люблю еще древесны тени мирны,
И поцелуй любви, и нежны звуки лирны —
 И смерть меня страшит!..»

Сам грустный и в тюрьме, так пробуждал я гений;
Я слышал жалобы; я слышал сердца пени
 И вздохи пленницы молодой —
И, презря на меня наложенные узы,
Слова, летевшие из уст сей скорбной музы,
 Слагал на лирный строй.

Быть может, песнь сия, тоски моей свидетель,
Заставит некогда любовь и добродетель
Искать безвестной девы след —
Хариты и умом, и красотой своею.
Кто б мог найти ее, кто б мог любим быть ею,
Тот полюбил бы свет!

Авр. Норов

АНТУАН АРНО

ЛИСТОЧЕК

Куда, Листочек, ты летишь,
Иссохший, пожелтый?
— Не знаю, — говоришь, —
Сломила буря дуб дебелый,
Который верною подпорой мне служил
И рощи красотою был.
Носимый ныне Аквилоном
Или Зефиром, я лечу,
Куда предписано мне строгим их законом,
А не туда, куда хочу,
С холма на луг, с горы в долину,
Без страха, ропота на грозную судьбину.
Всему конец! Я помню сей урок,
Для всех равно суровый;
Несусь, куда летит и гордый лист лавровый,
И розы нежные листок.

В. Л. Пушкин

ЛИСТОК

От дружной ветки отлученный,
Скажи, листок уединенный,
Куда летишь?.. «Не знаю сам;

Гроза разбила дуб родимый;
С тех пор, по долам, по горам
По воле случая носимый,
Стремлюсь, куда велит мне рок,
Куда на свете *все* стремится,
Куда и лист лавровый мчится,
И легкий розовый листок».

В. А. Жуковский

ШАРЛЬ МИЛЬВУА

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕСНА

В полях блистает май веселый!
Ручей свободно зажурчал,
И яркий голос Филомелы
Угрюмый бор очаровал:
Все новой жизни пьет дыханье!
Певец любви, лишь ты уныл!
Ты смерти верной предвещанье
В печальном сердце заключил;
Ты бродишь слабыми стопами
В последний раз среди полей,
Прощаясь с ними и с лесами
Пустынной родины твоей.
«Простите, рощи и долины,
Родные реки и поля!
Весна пришла, и час кончины
Неотразимой вижу я!
Так! Эпидавра прорицанье
Вещало мне: в последний раз
Услышишь горлиц воркованье
И Гальционы тихий глас;
Зазеленеют гибки лозы,
Поля оденутся в цветы,
Там первые увидишь розы
И с ними вдруг увянешь ты.
Уж близок час... Цветочки милы,

К чему так рано увядать?
Закройте памятник унылый,
Где прах мой будет истлевать;
Закройте путь к нему собою
От взоров дружбы навсегда.
Но если Делия с тоскою
К нему приблизится, тогда
Исполните благоуханьем
Вокруг пустынный небосклон
И томным листьям трепетаньем
Мой сладко очаруйте сон!»
В полях цветы не увядали,
И Гальционы в тихий час
Стенанья рощи повторяли;
А бедный юноша... погас!
И дружба слез не уронила
На прах любимца своего:
И Делия не посетила
Пустынный памятник его.
Лишь пастырь, в тихий час денницы,
Как в поле стадо выгонял,
Унылой песнью возмущал
Молчанье мертвое гробницы.

К. Н. Батюшков

РОМАНС

Осень хладною рукой
Лес угрюмый обнажала,
Сердце Цинтия тоской
Все несноснее терзала;
Смолкнул громкий соловей;
Стонет ропотный ручей.

Цинтий в цвете пылких дней,
Тяжким изнурен недугом,
Расставался с жизнью сей,
С лесом, грусти верным другом.
«Лист уж вянет и падет,
Скоро смерть ко мне придет!

Гений молвил мне порой:
 «Цинтий, Цинтий, прочь надежда!
 Не увидишься с весной!
 Лишь с дерев спадет одежда,
 Жизни цвет твой опадет:
 Кипарис тебе растет...»

Ветер осени восстал,
 Столп вздымая вверх лиственный;
 Хладом сердце оковал;
 Сгибнул цвет ланит румяный!
 Ах, умчались вешни дни;
 Вмиг, как тень, прошли они!

Падай, падай, лист, скорей!
 Застели тропу унылу;
 Скрой от матери моей
 Мирну Цинтия могилу:
 Не умножь ее тоски,
 От стенаний отвлеки!

Но когда друг нежный мой
 Тихо в час придет полночный
 Оросить мой прах слезой,
 Данью Цинтию заочной,—
 Шумом друга примани,
 «Он с тобой», — ему шепни».

Цинтий, молвивши, ушел
 И опять не возвратился;
 Лист последний отлетел,
 Цинтий с жизнью простился!
 Прах его землей покрыт;
 Кипарис над ним шумит...

Друг о Цинтии забыл!
 Он забыл навек кручину.
 Мимо лишь пастух ходил
 С стадом в мирную долину
 И шумливою толпой
 Гроба возмущал покой!

В. Н. Григорьев

ПАДЕНИЕ ЛИСТЬЕВ

(Из Мильвуа)

С дерев на поздний злак полей
Листы поблеклые опали,
Дубравы без теней стояли,
Молчал пустынный соловей.
Недугом и тоской томимый,
Тех мест страдалец молодой,
В последний раз стране родимой
Вверял печальный голос свой.

«Простите, холмы и долины,
Прости, шумливая река,
Я слышу весть моей кончины
В паденье каждого листка.
О, роковое прорицанье!
Я не забыл твой страшный глас:
Узришь ты рощей увяданье,
Но их узришь в последний раз.
Трепещет кипарис священный!
Уже над головой твоей,
Суровой смерти обреченной,
Склонил он сень своих ветвей.
Твой краткий век — был сон лукавый:
Увянешь ты во цвете дней,
Скорей, чем лист твоей дубравы,
Скорей, чем злак твоих полей».
Сбылось! своим дыханьем хладным
Болезнь подула на меня;
И сном неясным, безотрадным
Промчалась молодость моя.
Шуми, валися, лист минутный,
Шуми, вались с родных ветвей,
Засыпь, сокрой мой холм уютный
От взоров матери моей.
Но если дева, мне драгая,
Под покрывалом, в тишине,
Как призрак из-за древ мелькая,
На грустный холм придет ко мне,

И плакать простодушно будет
 И робко вымолвит: люблю!
 Пусть легкий шорох твой пробудит
 Тень благодарную мою...

Сказал — и тихо удалился,
 Наутро — юноша погас;
 Но холм заветный, в тихий час
 От нежной матери не скрылся:
 Напрасен был страдальца глас!
 И часто зрелась там у древа
 Мать безутешная в слезах;
 А с милой лаской на устах
 Туда не приходила дева.

В. И. Туманский

СРУБЛЕННАЯ РОЩА

Элегия

(Подражание Мильвуа)

О нимфы! плачьте! рощи нет,
 Где вы под сению густою
 Всегда, как юный нежный цвет,
 Скрывались знойною порою —
 Где часто вы под вечерок
 Толпою шумною сбирались
 На пестрый, бархатный лужок —
 Резвились, прыгали, смеялись,
 Сплетались в легкий хоровод,
 Плескались светлыми струями,
 И вдруг, завидя за кустами
 Сатира дерзкого приход,
 Венками робко прикрывались,
 И в роще частой рассыпались,
 Как дуновеньем ветерка
 Листочки нежного цветка,—
 Где с каждой светлою весною
 Цвели вы новой красотою.

О, плачьте, плачьте же о ней!
Под истребительной рукою
Она сравнялася с землей.
Стонает иволга, порхая
Между порубленных ветвей,
И, над гнездом своим летая,
Молчит печальный соловей.
Напрасно путник утомленный,
Трудом и зноем изнуренный,
Спешит сюда в прохладну тень;
Иссохший дуб, ветвей лишенный,
Не призовет его под сень.
Напрасно юная Лилета
Хотела б луг тот посетить,
Где в первый раз она любить
Клялася украдкою от света,—
Где в тайне лиственной сени
Она для друга лишь дышала
И в сердце робком трепетала
От недоверчивой любви.
Она знакомого здесь луга
В тени древесной не найдет,
Не встретит милого ей друга,
Вздохнет и тихо отойдет.

Страшись, безжалостный губитель!
Есть бог лесов, полей блюститель,
И рощи сей он был покров.
Он, он с пришедшею весною
Долины кроет муравою,
Цветы лелеет средь лугов,
Невинных птичек охраняет
И мирны гнезда их качает
В прохладе тенистых кустов.
Всегда благих даров податель,
Сей бог — твой будет бог каратель,
И тиховой ветерок,
Изгнанный из тени древесной,
Отвечет вздох твоей любезной,
Как в роще брошенный листок.

И. Е. Великопольский

РАЗРУШЕННЫЙ ЛЕС

О сонмы Нимф! струите токи слез,
Лишился бор гостеприимной тени!
Амуров рой! столетний дуб исчез!
Не стало вам его прохладной сени!
Не внемлю я пернатых громкий хор,
Дубравы сей гостей всегда веселых;
И странника напрасно ищет взор
Пристанища в сих рощах опустелых.
Вотще сюда прекрасная спешит,
На память дни утех своих приводит:
Убежища привычного не зрит;
Безмолвствует, вздыхает и — проходит!
Пускай Зевес, ударив в облаках,
Страшит тебя, жестокий разрушитель!
Есть мощный Лар, присутственный в полях;
Ему и сад и огород обитель.
Он царствует, сидящий на горах,
И пастырей всегдашний покровитель.
Велит — и пчел покроет шумный рой
И юный цвет, и стебель в дубраве новый.
Когда ж блеснет луч месяца златой,
Не дремлет он, благотворить готовый;
Не престаёт зефиров преклонять,
Чтобы птенцов где скрыты колыбели,
С прохладой им сень зыбкую качать;
Не любит он, чтоб листья пожелтели,
Когда еще луг зеленью блестит,
И чтоб цветы пастушки затоптали!
Сей самый Лар тебе да отомстит!
И сих лесов, убежища печали,
Быв отчужден, игривый ветерок
Красы твоей любовь умчит с собою,
Как прежде он срывал в глуши листок
Дубравы сей, поруганной тобою.

Д. П. Глебов

НЕДОВЕРЧИВОСТЬ

Элегия

Не спрашивай, зачем я так уныл!
Ты знать должна вину моей печали:
Мой взор тебе давно ее открыл,
Когда об ней уста мои молчали.
Мне суждено по гроб тебя любить;
Но, знать, любви внушить я не умею!
Нет, счастье тобой любимым быть
Не для меня: я ждать его не смею!
Из жалости одной к моим слезам
Ты мне твердишь любовные обеты;
Не верю я пленительным словам:
Я не видал в тебе любви приметы!
Стою ль вдали, с безмолвною тоской,—
Твой взор меня в толпе не отличает;
Иль робкою коснусь к тебе рукой —
Твоя рука моей не отвечает.
Спокойна ты: встречаешь ли меня
Или даришь мне поцелуй небрежный,—
В глазах твоих нет пылкого огня
И на щеках румянца страсти нежной.
Когда я шел вчера, простясь с тобой,
Не для меня ты у окна стояла —
И тусклого стекла не отирала,
Чтобы взглянуть украдкой вслед за мной!
Досель я жил отрадой упования,
Я сам себя обманывать хотел,
И наяву коварные мечтанья
Любовь твою сулили мне в удел!
Но ты меня лишила наслажденья:
Мечты мои рассеялись, как дым,
Упала с глаз повязка заблужденья,
И опыт мне сказал: ты не любим!
Жестокая, ты хочешь быть мне другом —
Любви твоей, любви желаю я!
Когда меня ты назовешь супругом,
Без сердца мне на что рука твоя?
Где для меня цвели блаженства розы,
Там буду я лишь терния встречать;

В твоих глазах я должен видеть слезы
 И на лице уныния печать!
 Я, может быть, подстерегу случайно
 Твой тяжкий вздох в безмолвии ночном,
 И близь меня, забывшись тихим сном,
 Промолвишь ты признание в страсти тайной;
 Огонь любви заблещет на челе,
 И не супруг, другой тебе приснится;
 Ты будешь днем, потупя взор к земле,
 Передо мной мечты своей стыдиться.
 О милый друг! Прости моим словам,
 Забудь любви слепые подозренья,—
 Я им теперь еще не верю сам,
 Но в будущем ищу себе мученья!
 Пускай меня утешит голос твой;
 Пусть нежный взор тоску души рассеет
 И грудь мою надежды луч согреет!
 Когда же нет в тебе любви прямой,
 Когда я ждал несчастья не даром,
 Цепей моих из жалости не рви,
 Но обмани меня притворным жаром
 И дружбе дай название любви!

А. А. Крылов

СУМЕРКИ

(Из Мильвуа)

Хлоя милая! уж день
 Светлый образ свой скрывает
 И прохладный вечер тень
 По долинам расстилает.
 По долинам расстилает.
 Уж пора оставить нам
 Место тайного свиданья,
 Где любви очарованья
 Крылья придали часам!

Улыбнись, Амур, украдкой,
 Если Хлоя, ангел мой,

О минувшем с мыслью сладкой
Из леска пойдет домой!
Улыбнись, божок нескромный,
Коль увидишь пламень томный
В голубых ее глазах
И листочек — в волосах!

П. Г. Сиянов

УМИРАЮЩИЙ ПОЭТ

(Из Мильвуа)

Поэт уныло пел; и луч его лампы
Едва сверкал, бледнел... и тихо догорал!
Утратив жизни он все радости, отрады,
На лире песнь прощальную играл:
 «Свет ясных дней моих сокрылся;
 Я гость у жизни сей лишь был!
 Едва я с нею подружился,
И гений смерти мне час близкий возвестил!

 На берегу растет далеко
Ель — повреждения и гибели приют;
Несчастен, кто придет под сень ее уснуть!
Под деревом неча сим таится одиноким:
А я под гибельной сей тенью отдыхал!
Достоин я судьбы: я сам ее искал!..
 Погибни ж лира — восхищенье!
Ах, скоро сладкий звук умолкнет струн твоих!
 Их навсегда оставит вдохновенье,
Лишь только парка нить окончит дней моих!
Не буду славой жить в веках я отдаленных;
 Лавровых не дождать венков,
Мне беспристрастием потомства соплетенных,
Которых истребить не в силах злость веков!..
 Товарищи моих утех мгновенных,
О незабвенные и нежные друзья!
 Почтите вы хотя меня
Воспоминанием дней, с вами проведенных!

Придите в рощу ту,
Где рано поутру
При пеньи Филомелы
В беспечности, веселый,
Я с лирою в руках,
С отрадою в очах,
В венке, из роз сплетенном,
На бреге, осененном
Ветвями лип, сидел
И песнь хвалебну пел
Создателю вселенны.
Или — когда Селены
Рог в небесах блеснет
И к берегу утомленный
Рыбак, склав сеть, плывет, —
Я заунывной песнью
День ясный провожал!
Придите; и под сенью,
Где друг ваш пел, играл,
Вы все, рука с рукою,
Подобно как со мною,
Веселия фиал
По-братски осушите!..»

Так пел поэт!.. едва звучала лира;
Едва сверкал огонь в лампаде; вдруг
Раз вспыхнул и погас!.. и с ним певец потух:
Он тихо отошел в обитель мира!

В. Г. Розальон-Сошальский

ДРЕВО СМЕРТИ *

(Из Мильвеа)

«Постой! Куда стремишь ты бег свой торопливый?
О дева красоты! твой царь перед тобой.
Владыка сей страны, никем непобедимый,
Зарава, побежден твоею красотой!»

* Некоторые путешественники уверяют, что дерево Мансенісо в Индии имеет свойство наводить на людей, отдыхающих под его тению, сладкий сон, который неприметно приближает к сну смертному.

«В руках твоих, о царь, и жизнь и смерть *Заравы*;
Над сердцем и душой бессильна власть царей!
Заральда, красота и щит твоей державы,
Владеет уж давно любовью моей!»

«Могу ль перенести рабыни я презрень! —
Был деве трепетной властителя ответ. —
Но мощная любовь мое смиряет мщенье:
Я должен быть любим! Царям отказа нет!»

И голос нежностью притворною смягчает:
«Как вечер тень свою раскинет по холмам,
Нелуско счастливый *Зараву* ожидает
На западной стране, в лесу: *я буду там!*»

И удалился царь в веселом ожиданье.
Несчастливая спешит дубровы в мрачну сень,
Где гордый властелин назначил ей свиданье;
Бежит в немой тоске под *древа смерти* тень.

И неизвестное для смертных упоенье
С мечтами сладкими ее во гроб ведет;
И дева, радуясь кончины приближенью,
Последню смерти песнь лесам передает:

«Я жду тебя, тиран! Приди на пир веселый,
На адский пир любви, назначенный тобой!
Прими в объятия мой труп оцепенелый.
Тебе в удел тоска, мне — сладостный покой!

О радость чистая, всех чувств очарованье!
Тебя ль, дух благодати, встречает томный взгляд?
Твоих ли слышу крыл душисто помаванье,
Готовых несть меня к обители отрад?

А ты, кем красилась в очах моих вселенна,
О юный друг! спеши, спеши за мною вслед
В страну всех благ, где мне не скажет царь надменный:
„Я должен быть любим: царям отказа нет!“»

А. Ф. Раевский

ГРОБНИЦА БЕНАМАРА,
ПЕРСИДСКОГО ПОЭТА

«Заида! твой голос отрадней зефира,
Ты чувствам небесный восторг пролила;
Поведай, какая искусная лира
Изящной сей песни игру создала.
Поэзии дивной цветник ароматный
Из пышных сокровищ в Азийской стране
Впервые разносит столь запах приятный:
Твои поцелуи не сладостней мне».—

«Рабов повелитель! сей гимн — Бенамара,
Любимого славы бессмертной певца.
Но где же награда небесного дара?..
Там, там лишь, где благам не будет конца.
А здесь не внимали сим песням высоким! —
Несчастный блуждает, в Иранских песках,
С любимую дочерью — и вихрем жестоким
Разносятся звуки на бурных крилах».

«Эмир мне усердный! вот конь мой ретивый,
Он пустится птицы быстрее с тобой;
Лети ты в пустыни, как ветер игривый,
Вручи Бенамару мой перстень златой.
Клянусь темнотою ночной, повсеместной
Осыпать щедротой певца моего;
Несчетные звезды всей тверди небесной
Не будут равняться с дарами его.

Пусть вслед за тобою — глас дочери невинной
Составит веселый с родителем хор;
Цветущей во мраке сей пальмы пустынной
Как долго чуждался холодный мой взор!» —
Эмир, поспешая, пустился стрелою
Чрез дебри и горы на борзом коне,
И к ночи, он видит: как призрак, с тоскою
Бредет незнакомка при бледной луне.

«Почто, изнуренный от знойного жара,
Блуждаешь, мой странник, в глубоких песках?
Кого ты здесь ищешь?» — «Певца Бенамара,

Которого слава пребудет в веках!» —
 «О странник! мученья певца прекратились;
 Родитель мой кончил здесь славные дни:
 Вокруг кипарисы над прахом склонились,
 И я успокоюсь в их мирной сени».

«Довольно томился в пустыне унылой
 Цветок мой прелестный! омойся росой!
 Явись нам — и славы блестящей светило
 Взойдет над твоею расцветшей главой». —
 «Ты зришь пред собою сей гроб затворенный,
 Подобно и сердце закрылось навек!
 Отца не заменит дар злата презренный!
 Час близок кончины! ты тщетно притек!»

И в грустном безмолвьи, на прах упадая,
 Лобзает гробницу, желаний предмет,
 И ветер, кипарисы над нею качая,
 На черные кудри тень мрачную льет.
 Слабеющий голос к утихнувшей лире
 Еще перелился в восторге святом,
 Но песнь сию, — в здешнем начатую мире, —
 Свершила невинность там, в мире другом!

Д. П. Глебов

МОГИЛА ПЕРСИДСКОГО ПОЭТА

*Ta voix noble et touchante
 est un bienfait des Dieux!*

André Chénier

«Твой голос, Саида, журчанье зефира,
 Так сладко чарует все чувства мои!
 Но чья, мне поведай, искусная лира
 Тебе нанизала сии жемчуги?
 О, розы поэзии так ароматно
 Еще не дышали в азийских странах!
 Твой даже, краса, поцелуй благодатный
 Не так упоителен в страстных устах!»

— «То гимн Бенамара, султан благородный,
Несчастливого старца, дел славных певца!
Он в радужном образе богоугодно
Представил мир лучший и жизнь без конца;
Но песни его без награды звучали!
Пошел безутешный к иранским пескам
И юная дочь с ним — и только внимали
Безмолвные степи небесным струнам!»

«Эмир! вороную мою кобылицу
Бери поскорее и в степи ступай —
Она перегонит быстрейшую птицу;
Вот перстень — его Бенамару отдай.
Клянусь темнотою сей ночи прелестной,
Я благами щедро осыплю его!
Сих звезд миллионы на тверди небесной —
Ничто при сокровищах старца сего!

Да придет и дочь с ним, лет хилых опора,
С ним вместе счастливые звуки сливать!
Довольно сей пальме, укрытой от взора,
В пустынях бездушных в цвету увядать!»
Эмир кобылицу погнал из всей мочи,
Помчался, как из лука к цели стрела;
Вдруг видит он деву (уж близилось к ночи),
Дорогой одна шла, бледна, но мила.

«О путник! один ты в пустынях Ирана!
Иль ищешь кого, или сбился с пути?»
— «Певца Бенамара ищу для султана,
Не знаешь ли, где мне его здесь найти?»
— «О путник, уж нет Бенамара! напрасно
Его ты здесь ищешь: он кончил страдать!
Под сим кипарисом отец мой несчастный;
И мне уж недолго по нем горевать».

— «О цвет красоты! небеса благодатны.
Безвестности мрак ты покинь наконец;
Да снова возблещешь; и день беззакатный
Со счастьем тебе посылает творец!»
— «Вот, видишь, предмет моей грусти — могила?
Не вскроется сердце мое, как она!

С отцом я богатство мое схоронила;
И бедной умру я, его лишена...»

И пала на холм, и могилу слезами
Она орошает с лобзаньем, с тоской;
И тень кипариса слилася с кудрями
Густыми и черными девы молодой;
Еще умирающий голос излился
Прощальной песнью при звонких струнах;
Но, песнь ту не кончив, с землею простился
Сей дух неземной — чтоб допеть в небесах!

В. И. Любич-Романович

БЕДНЫЙ НЕГР

(Элегия)

С родимым берегом разлученный,
Негр бедный слезы проливал,
И вздох, бедами извлеченный,
Унылу песнь сопровождал:
«Чем виновен я, о провиденье?
Почто цепями отягчен?
Иль черный цвет мой преступленье?
Иль не тобой я сотворен?»

И я, как белый, жизнь и радость
От бога счастливых приял;
И я любил!.. и жизни сладость
В едином взоре обретал!..
Я был отцом... младенец милый!
И я не зрел твоих очей!..
Живи для матери унылой;
Напоминай о друге ей.

Кто без меня из ветви гибкой
Тебе для сна сплетет покров?
Кто будет с нежною улыбкой
Тебе готовить сок плодов?

Кто даст пример, как смелой дланью
Сражаться с змеями в лесах,
Летать на хищных тигров с бранью
Иль плавать в пенистых волнах?..

Я не узрю прохладной рощи,
Где жизнь и радость встретил я;
Там в бурный час ненастной ночи
Сказал я милой: будь моя!
Там мой приют уединенный,
Наследство мирное отцов,
И холм, где рождших прах священный
Покрит спокойствием гробов.

Однажды в роще ароматной
Я спал, прохладой окружен;
Недолго льстил мне сон приятный —
Приходом белых прерван он.
Я защищался — бич железный
Блеснул над бедной головой;
Глядя на море, токи слезны
Я лил и бури звал с собой.

Простите вы, родные степи!
Прости, о круг друзей родной!
Звучат неволей тяжки цепи —
И заглушают голос мой...
Прости, знакомая Природа!
Померкла ты в моих глазах...
Ах, как мила тому свобода,
Кто должен дни влачить в цепях!..

Терпите, негры! Испытанье
На краткий срок положено;
Терпите! — будет воздаянье!
В грядущем кроется оно;
Тираны, бойтесь! Нет спасенья!
К творцу доходит сирых глас:
Висит над вами меч отмщенья,
И настает свободы час!..»

Он пел... ветрилами несомый,
Корабль невольничий приплыл;
Он встретил друга взгляд знакомый
И, обнимая, спросил:
«Скажи, брат милый, где Нельзира?
Не ждет ли друга?» — «В небесах!» —
«Сын?..» — «С ней!» — «Прости, о вестник мира!»
И радость вспыхнула в очах.

Два дня без пищи, изнуренный,
Под зноем пламенных небес
Томился бедный; раздраженный
Хозяин грозный бич занес:
«Вставай к работе! — небо знойно...
Вставай: мученья ждут тебя!»
«В последний раз усну спокойно:
Злодей! страшись: свободен я!..»

А. И. Писарев

АЛЬФОНС де ЛАМАРТИН

ОДИНОЧЕСТВО

Элегия

Как часто на горе, в тени дубов ветвистых,
Сажу уныл перед закатом дня;
Блуждаю взорами в лугах, полях росистых —
Их красота раскрыта вокруг меня.

Река, клубясь волной в долине благовонной,
Извилиной в туману даль течет;
Там смолкло озеро с своей водою сонной;
Звезда, как гость, на небеса идет.

А там на теме гор, одетых мрачным лесом,
Последний луч украдкою блеснит.
Царица сумрака под дымным вокруг навесом
Идет в лазурь — и небосклон сребрит!

Вдали священный звук из сводов башни древней
Разносится в окрестности немой,
И сельский колокол, один в тиши вечерней,
Беседует задумчиво со мной.

Природы красота в душе моей унылой
Вновь радостей бывалых не родит:
Как тень, скитаюсь я в юдоли сей постылой —
Ах! солнца луч умерших не живет!

Напрасно взорами блуждаю одинокий
С холма на холм, с востока на закат;
Смотрю, задумавшись, на небосклон далекий:
Не встретить мне блаженства милый взгляд!

Чертоги пышные и хижины простые,
И неба свод, и прелесть мирных сел —
Меня не усладят все радости земные:
Одной здесь нет — и мир весь опустел!

Горит ли неба свод, иль сумрак ночь приводит —
Здесь ко всему взор равнодушен мой!
Пускай светило дня восходит и заходит —
Чего мне ждать в обители земной?..

Но, может быть, есть край за синевою дальней,
Где свет ясней на небесах других.
О если б я возмог совлечь покров печальный
И воспарить к предмету дум моих!

Там усладился б я источником желанным,
Там встретил бы надежду и любовь,
С блаженством сладостным, давно душою жданным,—
И с жизнью я примирился б вновь!..

Почто я не могу, взнесясь к вознице света,
Лететь к тебе в прозрачный терем твой:
К чему мне на земле скитаться без привета?
Уж не дышу я жизнью земной!..

Лист с дерева падет, и ветер пробужденный,
Схватив его, несет под небосклон —
И я, как лист сухой, землею отчужденный —
Умчи ж меня, о бурный Аквилон!..

В. Н. Григорьев

ОДИНОЧЕСТВО

Как часто на горе, под дубом наклоненным,
Печально я сажусь вечернею порой;
Блуждая взорами по долам омраченным,
Где вижу и поля и сёлы пред собой!

Здесь пенистый поток, журча между травкою,
Теряется в дали туманной на лугах;
Там плещет озеро ленивою струею —
И вечера звезда любитесь в водах!

Вершина мрачных гор, увенчанных лесами,
Бледнеющего дня лучом озарена;
И, окруженная седыми облаками,
Задумчиво плывет по небесам луна!

С последним шумом дня сливая звук священный,
Унылый благовест поля животворит.
Прохожий, слушая сей звон уединенный,
К селению во храм молитвенный спешит!

Но сих пленительных картин очарованье
Не может возратить мне чувства прошлых лет!
Как тень бродящая, смотрю на мирозданье —
И солнца жизни сей меня не греет свет!

А вы, родимые холмы, поля, дубравы,
Утешны ли тому, кто одинок и сир?
Вы можете ль смягчить рок злобный и лукавый?
Нет друга моего — и пуст мне целый мир!

Зрю: года времена сменяются чредою,
И Феб свершает путь в прелестной лепоте;
Но, как цветок долин, подсеченный косою,
Я равнодушен стал к природы красоте!

Когда ж, горе полет направляя легкокрылый,
Я б улетел под кров безвестных тех небес,
Где беззакатные и вечные светила
Рассеяли б густой туман моих очес...

Тогда, испивши там в источнике спасенья,
 Я б упованиям нашел конец благой,
 Тогда б познал добра святые наслажденья,
 Дотоль безвестные в обители земной!

Почто я не могу с грядущею зарею
 Достигнуть пристани обетованной сей,
 К которой смертные, сомнительной стопою,
 Спешат путями бед, печалей и скорбей!

Когда на чистый луг слетает лист дубравный,
 То шумный ветер кружит его над муравой;
 И я, и я гоним судьбою своенравной:
 О бури! и меня несите вы с собой!..

И. П. Бороздна

УНЫНИЕ

(Подражание Ла Мартину)

Темнеют небеса... день тихо погасает,
 Заря край неба золотит.
 Долина в сумраке — душа моя грустит —
 И мой печальный взор пространство пробегает,
 Где все сливается с безмолвной темнотой;
 Чуть зыблется река, стесненная берегами,
 И дремлет озеро с столетними дубами...
 Звезда вечерняя сверкнула предо мной,
 И в тучах северных свет месяца бледнеет!..

В безмолвии с унылою душой,
 Я видел: грустный день влачится, вечерет —
 Свершился!.. ночи мрак, унылый сей покой —
 Моя, моя судьба!.. так прелести творенья
 Теряют для меня столь прежде милый свет,
 Так счастья летят мгновенные виденья —
 И радость холодит суровость дряхлых лет!

Где ж вы, дни юности златые,
 Веселых призраков с обманчивой толпой!

Разочарованный, в мгновенья роковые,
 Гляжу на прежний мир!.. и бездна предо мной!
 Их нет, моих бывалых привидений!
 Надежды посох... ты изломан, брошен в прах —
 Спят думы гордые к великому стремлений —
 Воображение умолкло... всюду мрак!

Считать страданьем жизнь, ее желать свершенья,
 С холодною душой век грустный доживать,
 Для сердца с жизнью ждать в гробе примиренья,
 Туманами страстей блаженство заменять...
 Свершись, предел земных, ничтожных наслаждений,
 Будь избавитель мой, могилы крепкий сон!
 С тобой избегну я погибельных волнений —
 Я жизнью утомлен!

Так! буду смелою надеждой утешаться:
 Есть жизнь, *другая жизнь* — и счастья обет!
 Зачем мне в области изгнанья оставаться?
 Что в мире?.. он забыт — меня для мира нет.

В безвестные, далекие пределы,
 Осенний бурный вихрь! умчи, умчи меня,
 Как в осень хладную с дерев осиротелых
 Ты мчишь поблеклый лист в далекие поля!..

Н. А. Полевой

ПУСТЫНЯ

Нередко вечером, при солнечном закате,
 Неся в душе своей сокрытую печаль,
 Сажусь под древний дуб, крутой горы на скате,
 И взоры томные я простираю вдаль!

Здесь мутный ток шумит, умноженный от бури,
 И пенная на нем волнуется бразда;
 Там дремлет озеро — и тихих вод в лазури,
 Блестя, светится вечерняя звезда.

Вершины дальних гор, увенчанных елями,
Зари последний луч златит еще слегка;
И полная луна с сребристыми лучами
Встает — и катится сквозь тонки облака.

От колокольни там высокой и старинной
Протяжный, томный звон разносится вокруг;
Прохожий слушает — и колокол пустынный
С последним звуком дня свой смешивает звук.

Приятных видов сих холоднокровный зритель,
Я прелестей не зрю природы в красотах;
Скитаюсь по земле как чуждый посетитель,
Как призрак жалобный, холмов окрестных страх.

Напрасно мыслию стремлюсь в страну далеку,
И весь обширный сей я пробегаю свет,
От юга к северу, от запада к востоку, —
Напрасно! — счастье нигде меня не ждет!

О вы, любезные мне сельские картины!
Что изменило вас? где ваша красота?
Поля, холмы, ручей, прелестные долины!
Одной не стало здесь — и всюду пустота!

Взойдет светило дня и сядет в лес дремучий,
Что нужды? — все равно для сердца моего
Лазурь на западе или густые тучи —
Мне солнце новое не скажет ничего.

И если б мог ему сопутствовать в полете,
Везде увидел бы пустыни лишь одне;
Ничто меня не льстит во всем пространном свете,
Во всей подсолнечной ничто не нужно мне.

Но, может быть, его теченья за пределом,
Где солнце новое на новых небесах;
Когда бы не был я к земле прикован телом,
Узрел бы въяве то, что видел лишь в мечтах!

Там я нашел бы вновь любовь и упование
И тот душевных дум таинственный предмет.

К которому влечет невольное желанье,
Которому еще названья в мире нет.

Зачем же не могу парить к тебе по воле,
Неведомая цель желаний всех моих?
Зачем же остаюсь в плачевной сей юдоле?
Когда я отчужден всех радостей земных!

Падет иссохший лист с древесных вершины;
Вечерний дунет ветер и мчит его в поля.
И я отверженный, как лист среди долины;
О ветры бурные, умчите и меня!

П. А. Межаков

ОДИНОЧЕСТВО

(Перевод из Ламартина)

Как часто на горе, при солнечном закате,
Невольно я сажусь под тению дубов,
Рассеянно гляжу, как на зеленом скате
Картины разные мелькают меж кустов.

Струится там река кипящими волнами,
Извивисто течет, скрываясь в темну даль;
Там тихо озеро с недвижными водами,
А здесь — луна сребрит небесную эмаль.

Увенчаны холмы тенистыми лесами,
И сумерки златит последний солнца луч,
Украся горизонт багряными струями,
Царица мрака к нам спускается средь туч.

Благоговейный звон в долине раздается,
На башне колокол уныло прозвучал;
Теряясь в воздухе, далеко гул несется,
И путник, вняв ему, к покою поспешал.

Прелестных сих картин я зритель равнодушный;
Душа моя чужда всех радостей земных;

Рассматриваю мир, как призрак мрачный, скучный,
Я мертв, — а солнца луч животворит живых.

С утеса на утес бросаю тщетны взгляды,
С востока к западу, от севера на юг,
Во всем пространстве сем не нахожу отрады;
Нигде не ждет меня с улыбкой нежный друг!

Что в сих мне хижинах, долинах и палатах?
Очарованья нет! — Я зрю лишь пустоту;
Что в сих мне рошицах, реках, прелестных скатах?
Нет одного! — и все считаю за мечту.

И что мне солнца свет? С холодною душою
Я встречу ясное — и с грустью провожу:
Восходит, катится иль тухнет за горою, —
Что мне в теченьи дней? — Я ничего не жду!

Вотще за радостью стремлюсь в пределы дальны,
Все ту же нахожу для сердца пустоту;
Я чужд природе всей — беспечный и печальный,
Чем жил — чем счастлив был — нигде не обрету!

Ах! если б мог совлечь с себя покров мой тленный
И духом воспарить к неведомым местам,
Где истины престол, неложный, непременный,
О чем мечтаю здесь, нашел бы, может, там.

Нашел бы благо то, о коем вздыхаю,
Надежду ясную и чистую любовь!
Нашел бы то, что здесь я называть не знаю;
Для жизни лучшая душой расцвел бы вновь.

Почто ж я не могу на облаке с зарею,
О цель желанная! достигнуть до тебя?
Что общего теперь имею я с землею?
Увы! Я зрю на ней изгнанником себя!

Когда поблекший лист на землю упадает
И бурный ветер его разносит по полям,
Почто меня сей вихрь с собой не увлекает?
Я вяну — и не зрю конца печальным дням!

А. И. Готовцева

ОДИНОЧЕСТВО

(Из Ламартина)

Здесь часто на горе, с вечернею звездою,
Под дубом вековым задумчиво сижу;
Смотрю на пестрый луг с сердечною тоскою
И пламенный восторг в душе моей бужу.

Везде передо мной подвижные картины:
Здесь с грохотом река стремится в бездну вод,
Там стелет озеро лазурные равнины
И в зеркальных струях рисует неба свод.

Вершины этих гор, покрытые снегами,
Едва освещены; густеет ночи тень,
И в сумрачной тиши, с крылатыми мечтами,
Беспечно Цинтия сменяет ясный день.

И тишину долин внезапно прерывает
Из стен монастыря призыв к мольбе святой;
Прохожий слушает — и колокол сливает
С последним шумом дня пустынный голос свой.

Но к этим красотам погасло восхищенье
В обманутой душе; желаний в сердце нет!
Гляжу на здешний мир, как тень, как привиденье;
Умершего согреть бессилен солнца свет.

Напрасно по лесам, в смеющихся равнинах
Печальный бродит взор и ищет в их глуши
Отраду тихую в лугах, водах, долинах...
Невольню я шепчу: нет счастья для души!

Та ж прелесть тихая в местах уединенных:
В них резвятся еще и Фавны, и зефир;
Чего ж недостает для взоров утомленных?
Ее в сем мире нет, и пуст прекрасный мир!

Встречаю ясный день один, без умиленья,
И бури грозный рев души не возмутит;

И дожидаю ночь без сладкого волнения:
Сребристая луна мне счастья не сулит.

Коль с Фебом протекать я мог бы путь далекий,
Пустыни бы одни увидел средь полей;
Мне нечего желать! — На свете одинокий
Отрады не найдет для горести своей.

Но может быть, что там, за краем небосклона,
В местах, где страждущих ждет счастья венец,
Преплывши в челноке угрюмого Харона,
И сбудутся души мечтанья наконец.

Там, может быть, вкушу я нектар наслажденья,
Там, может быть, найду надежду и покой —
Где пламенник любви в источнике забвенья
Не гасится времен коварною рукой.

Зачем не в силах я с блестящею зарею
К вам, сладкие мечты, мгновенно долететь?
Давно простился я с обманчивой землею;
Но долго ль мне на ней мучения терпеть?..

Когда с дубравы лист слетает пожелтый,
То вихрь его несет за дальних гор поток —
И я душой увял, как лист осиротелый...
Умчи же и меня, осенний ветерок!..

Р. И. Дорохов

ОДИНОЧЕСТВО

(Из А. Ламартина)

Как часто я под дуб, летами наклоненный,
В раздумии сажусь вечернею порой
И в дол, последними лучами озаренный,
Печально-тусклый взор я устремляю свой!..

Здесь бурная река сердитыми волнами
Клубит и с пеною в седую даль течет,

Или над озера молчащими водами
Вечерняя звезда в лазури восстает!..

Там — на вершине гор, увенчанных лесами,
Последний солнца луч, скрываясь, чуть дрожит,
И бледная луна скользящими лучами,
Всплывая медленно, край неба серебит!..

Лишь колокола звон, по ветру разнесенный,
Гудит и с шумом дня сливает гул святой,
И путник набожный с душою умиленной
Стоит и к небесам подьмлет взор с мольбой!..

Но для всего мой взор померкнул равнодушный,
И зрелище красот меня не веселит;
Мир целый для меня тюрьме подобен душной,
И солнце яркое меня не оживит!..

От Юга к Северу, от Запада к Востоку
С сердечной пустотой бросаю я свой взор;
Мне счастья нет нигде — ни в стороне далекой,
Ни в родине, ни там — за цепью синих гор!..

Мне все постыло: лес, и реки, и дуброва,
Ищу ее везде — но ангел отлетел;
Мой взгляд опять потух, душа заныла снова,
И мир с своей красотой навеки опустел!

Восток ли, Запад ли багрянит дня светило,
Подернут тучами иль ясен неба свод —
Мне все равно! Всему я вслед гляжу уныло:
От жизни ничего душа моя не ждет!..

Когда б я мог следить путь солнца отдаленный,
Отчаянье б одно я зрел перед собой;
Я ничего не жду от счастья, от вселенной,
Я рока не гневлю докучною мольбой!..

Но может быть, что там, в странах нам неизвестных,
Где солнце в небесах других ярчей блестит,
О чем я так мечтал в видениях небесных,
О чем я тосковал — душа моя узрит!..

Туда стремлюся я восторгом насладиться
И муки сладкие любви опять узнать,
Найти тот идеал, к кому душа стремится
И тщетно на земле желает увидеть!..

Вечерний ветер шумит в поблекнувшей долине,
И быстро желтый лист с полей уносит он;
Как лист сей, и меня из грустной сей пустыни
Скорее ты умчи, свирепый Аквилон!..

М. М. Меркли

К БАЙРОНУ

(Из Ла-Мартина)

О ты, которого не мог постигнуть свет,
Сын вышней благости иль демона клевет,
Кто б ни был ты, Байрон! люблю твои творенья!
Их стройность дикая, порывы восхищенья
Приятны мне, как рев гонимых бурей вод,
Как гром, катящийся с покрытых мглой высот.
Твоя стихия — мрак; обитель — ужас хладный!
Тебе подобно, царь пернатых кровожадный
Витает в поле битв, на диких берегах,
Где тлеет без гробов жертв бурь бездушный прах;
Его убежище — громады скал гранитных,
Одетых вечным льдом, перунами изрытых —
И в те часы, когда воздушных стран Орфей
Поет в тени дубров с подругою своей —
Он носится, как вихрь, по высоте надзвездной,
Гнездится на скалах, нависнувших над бездной,
И там, с неистовым веселием в глазах,
С окровавленную добычею в когтях
Ее последний вопль с восторгом злым внемлет
И, бурей зыблемый, в приятной неге дремлет.

Подобен хищнику сему и ты, Байрон!
Ты внемлешь с радостью отчаяния стон;
Зло — зрелище твое; добыча — слабый смертный!
Твой взор, как падший дух, измерил глубь геенны;

Ты, мрачною душой проникнувши туда,
 С надеждой, с верою простился навсегда.
 Из царства ужасов твой непостижный гений
 Сверкает молнией сквозь мрак твоих творений
 И, в торжестве своем презревши мир земной,
 Гимн славы богу зла поет на адский строй.

М. П. Вронченко

К ЭЛЬВИРЕ

(Из Ламартина)

Так, Анио еще твердит
 О милой Цинтии средь диких скал Тибура;
 В Воклюзских рощицах еще живет Лаура;
 Векам Феррара говорит
 О страсти пламенной певца Ерусалима!
 Счастлива та, певцом которая любима:
 Он прелести ее поет!
 Пусть время свой стремится тубительный полет;
 Он имя милое потомству завещает
 И с ним к бессмертью воспаряет:
 Певцов бессмертье ждет.

Когда бы мой челнок, носимый непогодой,
 С попутною волной мог к берегу пристать;
 Когда б мне солнца луч блеснул отрадой новой,
 И в час страдания мог к сердцу бы прижать
 Я руку милую подруги драгоценной:
 Тогда бы, может быть, на лире восхищенной
 Дерзнул любовию я силы измерять
 И памятник любви воздвигнуть незабвенной!
 Так странник, уклонясь, полдневною порой,
 Под сень густых дерев, спокойно отдыхает;
 И прежде, чем пойдет желанною тропой,
 Он имя на коре свое там оставляет.

Смотри, как в мире все проходит, погибает!
 Земля плоды свои, одежду лес теряет;
 Река на дно морей струи свои катит;

Луг вянет, и зима морозами страшит.
 Как грозный исполин, мечом вооруженный,
 Сатурн с губительной косой
 Стремится — и лицо вселенной
 Приемлет новый вид под мощною рукой!
 Как цвет от хладных бурь в долине увядает,
 Как класы спелые склоняются главой
 Под блещущим серпом, как виноград златой,
 Отторгнутый от древ, в кошницы упадет, —
 Так вы погибнете, минуты жизни сей,
 Любовь и молодость с неверной красотою,
 Тогда талант рукой своей
 Не даст бессмертья вам и власти над судьбою!

Пусть юность резвая, с беспечною душой,
 Всю чашу радости в восторге осушает!
 Когда ж иссякнет все — что юность оставляет
 В прошедшем за собой?
 Увы! едва воспоминанье!..
 А там — и мрачный гроб и вечное молчанье!
 Тебе ж, о милый друг! безвестен смерти страх:
 Ты будешь вечно жить в грядущих временах.

А. А. Волков

К ЭЛЬВИРЕ

Так! имя Цинтии поднесь еще твердит
 Немолчный Анио среди долин Тибура,
 Еще Воклюз твое хранит,
 О незабвенная Лаура!
 И будет всем векам Феррара говорить
 Об участи Элеоноры!..
 Блаженна смертная, могущая пленить
 Своей красой поэта взоры!
 Она умрет — но Муз питомец сей
 Прославит милую — и, свыше окрыленный,
 Во храм бессмертия священный —
 Умчится вместе с ней!..
 Когда попутный ветр, средь волн неодолимых,

Мой донесет челнок к желанным берегам;
 Когда блеснет мне луч светил незаходимых;
 Когда подруги вопль, столь внятный и богам,
 Замедлит час моей кончины неизбежной...
 Тогда (о Аполлон! прости любовь мою!)
 Быть может, уравнить дерзну с сей страстью нежной
 Я гордость смелую свою:
 Ударю по струнам — и в звучном песнопенье,
 Изобразя сердец восторг и упоенье —
 Оставлю памятник любви моей былой!
 Так пешеход, устав в полдневный лета зной,
 Садится отдыхать дерев в тени приветной,
 И имя на коре заветной —
 Спеша в свой путь, чертит усердною рукой!

Смотрю на быстрые премены всей природы:
 Земля плодов, леса убранства лишены,
 Среди пучин морских река теряет воды,
 Дыханьем грозных бурь луга обнажены;
 И осень, шествуя привычную стезею,
 Пророчит ужасы и хлад зимы седой!
 Как мощный исполин, отмстительной стрелою
 Все сокрушающий под гневною стопой,
 Лихое время, сей гигант неукротимый,
 Со смертью неутомимой
 Над мирозданием парит;
 И, изменяя его непостоянный вид,
 Все на пути своем забвенью обрекает!
 Так лета быстрого златой венец спадает
 Под острым лезвием серпов,
 Так осень в сельские кошницы похищает
 С лоз виноградных дань их пурпурных плодов!
 И вы исчезнете, цветы сей жизни брэнной,
 О младость, о любовь, о прелесть, дар мгновенный,
 Завидный и самим богам!
 И вы исчезнете, коль Гений вдохновенный,
 Бессмертия не завещает вам!

Смотрю на юность я очами состраданья:
 Сколь к наслаждениям земным она жадна!
 Но чашу радости когда допьет она,
 Что ей останется? едва ль воспоминанья!

С ней самую любовь затмит печальный прах
Всеизменяющей могилы...
А ты, Эльвира, друг мой милый,
Ты будешь жить в моих стихах!..

И. П. Бороздна

ВЕЧЕР

(Из Ламаргина)

Я здесь один — на сей скале пустынной —
Беседую с вечерней тишиной.
Уж мрачный свод обители эфирной
Осеребрен задумчивой Луной.

И звездочка на небесах потухших
Затеплилась в таинственном огне,
Озолотив лицо полей, заснувших
В сторожевой, покойной тишине.

Я слышу шум меж мрачными дубами,
Украдкою виющийся в ветвях, —
Как иногда над сирыми гробами
Витают тень при месячных лучах.

Вдруг стихло все... и луч, как вестник тайный,
Сорвавшийся с чела звезды ночной,
Слетел ко мне, пришлец нежданный,
Чтоб усладить гонимого судьбой!

Заблудший свет из пламенной пучины,
О милый луч, зачем слетел ко мне?
Иль ты душе, игралищу судьбины,
Целебный блеск принес в своем огне?

Иль ты слетел, чтобы миров зажженных
Таинственность святую мне раскрыть
И сих светил, векам не покоренных,
Мне, брэнному, величие явить?

Иль тайный глас влечет тебя к несчастным,
Их усладить, согреть в их сердце хлад?
Иль ты блистешь для них по дням ненастным,
Как в вихре бед надежды милый взгляд?

Иль ты слетел, чтобы душе усталой
Разоблачить грядущего привет?
О луч святой, не ты ль, о гость бывалый,
Не ты ль зари желанной вечный свет?

Я чувствую восторг неизъяснимый,
Когда твой свет мне сердце озарит,
И думаю о вас, невозвратимы!
Не ваш ли дух в мерцаньи сем сокрыт?

Так — может быть — их счастливые тени
Смущают сон дряхлеющих дубов —
И мнится мне, что я в вечерней сени
Сижу близ них под говором листов.

Так — если вы, о тени незабвенных,
Вы точно здесь виетесь толпой —
Слетайтесь в час, думам посвященный,
Дарить меня беседою немой!

Разлейте мир и горестей забвенья
В душе моей, стесненной цепью дум, —
Как для полей росы ночной паденья,
Когда заснет украдкой света шум!

Слетайтесь... но небеса ночные
Заволоклись рядами мрачных туч,
Туман седой одел леса густые,
И скрылось все... и обольститель луч!

В. Н. Григорьев

ВЕЧЕР

(Из Ламартина)

В часы вечерней тишины
На высотах скалы угрюмой
Встречаю я глубокой думой
Пленительный восход луны!

Звезда Киприды уж горит!
У ног моих ее сияньем,
Как бы таинственным лобзаньем,
Она цветущий дерн живет!

И слышится в тени дубов
Шум листьев, ветром возмущенных,
Как призраков уединенных
Невнятный шепот меж гробов!

От лунных уклонясь лучей,
Вдруг отблеск над моей главою
Небесно-светлой красотою
Рассеял мрак моих очей!

О милый гость эфирных стран!
Зачем снисшел в сию обитель?
Ужель, блаженства возвеститель,
Ты мнишь разгнать души туман?

Или приникнул от высот
Открыть мне тайны мирозданья,
Мои вперя созерцанья
На пламенный созвездий ход?

Иль состраданья огонь святой
Всегда к несчастным ты питаешь
И в час невзгоды им бываешь
Лучом надежды дорогой?

Иль, сердца слушая привет,
Ему, гнетомому бедами,

Льстишь сладкой будущности днями —
Не ты ли счастья рассвет?

О луч! я в горести своей
Тех вспоминаю со слезою,
Кого навек лишен судьбою —
Ты не душа ль моих друзей?

Быть может, средь могил своих
Над тишиной дубравных сеней
Витает сонм мне милых теней?
Я, мнится, образ вижу их!

Коль это ты, воздушный рой,
Всегда под кров уединенья
В часы полночного виденья
Слетай беседовать со мной!

Слетай... но дальний небосклон
Густым туманом облачился;
Волшебный луч уже сокрылся —
Кругом безмолвие и сон!

И. П. Бороздна

ВЕЧЕР

(Из Ламартина)

Молчанье с сумраком нисходит;
На мшистых я сажу скалах,
И томный взор мой в высотах,
Одетых тьмой, уныло бродит.

И вот под дымной пеленою
Венера кротко восстает;
У ног моих она лиет
На зелень бледный луч струею.

В дубраве шорох меж ветвями
Порой тревожит робкий слух,

И чудится — в полете дух
Шумит воздушными крылами.

С полей эфирных покатился
Полночного светила луч;
Сверкнув из молчаливых туч,
Он предо мною раздробился...

О отблеск кроткого светила!
Желанный гость! что хочешь ты?
Или отраду принести
Спешишь душе моей унылой?

Иль таинство миров святое
Стремишься смертным ты открыть,
Иль в души страждущих излить
Спешишь блаженство неземное?

Спешишь сиять им утешеньем,
Надеждой скорбь их услаждать
И за терпенье обещать
Им в жизни лучшей награжденье?

Иль хочешь сладкие собою
Ты смертных оправдать мечты?
Волшебный луч! — Ужели ты
Дня будешь вечного зарею?

Святым восторгом неизвестным
Твой свет мне грудь воспламенил;
Я мыслю о сынах могил —
Не их ли дух ты, луч прелестный?

Быть может, легкие их тени,
Как ты, по высотам скользят
И мнится мне, они манят
Меня в небесные их сени.

Мечта ли? иль, о тени милых,
Вы вьетесь хором надо мной,
Примчась с небес ночной порой
Развеселить мой дух унылый?

Его порадовать собою,
 Беседой усладить меня,
 Как после пламенного дня
 Роса кропит цветы зарею?

Прелестный призрак! — но, парами
 Одеян, скрылся белый луч;
 Уж не блеснет он из-за туч,
 И мрак опять под небесами.

А. Н. Глебов

МЕЧТА

(Из Ламартина)

Простерла ночь свои крыле
 На свод небес червлёный;
 Туманы выются по земле...
 В сон легкий погруженный,
 На камне диком я сию
 В мечтаниях унылых
 И в горькой думе привожу
 На память сердцу милых.
 Вдруг из-за черно-сизых туч,
 Серебряной струею,
 С луны отторгнувшийся луч
 Блеснул передо мною.
 О милый луч, зачем рассек
 Ты горние туманы?
 Иль исцелить мой притек
 Неисцелимы раны?
 Или сокрытые судьбой
 Поведать тайны мира?
 О луч божественный, открой,
 Открой, пришлец эфира:
 Или к несчастливым влечет
 Тебя волшебна сила,
 И снова к счастью расцветет
 Душа моя уныла?

Так! Я восторгом упоен
И мыслью священной:
Не ты ли в образ облечен
Души мне незабвенной?
Быть может, вьется надо мной
Дух милый в виде тени;
Быть может, ивы сей густой
Он потрясает сени.
Ах, если это не мечта,
В час полночи священный,
Носися вокруг меня всегда,
О призрак драгоценный!
Хотя твоим полетом слух
Мой робкий насладится,
И изнемогший, скорбный дух
Внезапно оживится...
Но месяц посреди небес
Облекся пеленою.
Где милый луч мой? Он исчез —
И я один с мечтою!

А. И. Полежаев

ВЕЧЕР

(Из А. Ламартина)

В полях давно уж тишина,
А я один, с тоской глубокой,
Смотрю, как на небе высоко
В тумане плавает луна.

Восток сафирный освещая,
Венера яркая горит;
У ног моих звезда золотая
Полей покровы серебрит!..

Перерывая сон унылый,
Деревьев листья чуть шумят,
Как будто тени над могилой
В безмолвном сумраке парят!..

Луна во всем лучей убранстве
Горит далеко и светло,
И луч в безоблачном пространстве
Скользнув, упал мне на чело!..

Что хочешь ты, о луч прелестный,
Красою дивною своей?..
Иль ты надежды луч небесный
С собой несешь душе моей?..

Иль ты покинул свет лазурный,
В котором вечно б жить хотел,
Открыть мне тайну жизни бурной,
Миров таинственный удел!..

Или гармония немая
Тебя роднит с моей тоской,
И ты надеждой золотой
Горишь — пришлец иного края!..

Или — как радуга горя —
Ты вестник счастья неземного,
Иль ты дня вечности святого
Предвестник — алая заря?..

Твой свет мне душу наполняет,
Горит восторг в груди моей,
Мысль о друзьях в уме летает —
Ты не душа ль моих друзей?..

Быть может, тени их счастливы,
Крылом невидимым шумя,
Среди полночи молчаливой
Порхают тихо вокруг меня!..

Не ты ли, призрак мой прелестный?..
Ах! чаще, чаще прилетай!
Меня в тиши ночной, безвестной
Ты чаще, ангел, навещай!..

Твой взгляд меня обворождает
И открывает небеса;

Так землю знойную роса
Приветной влагой освежает!..

Приди!.. Но светлый небосклон
Уж обложился туч станицей...
Они вьются вереницей
И луч отрадный омрачен!..

М. М. Меркли

О БЕССМЕРТИИ

С Авроры наших дней луч жизни угасает.
Едва ли он, едва ль на чела нам бросает,
Борясь с темнотою глубокою ночей,
Незнатное число лишь косвенных лучей;
Густеет мгла, и день минует, протекает,
Сияние его средь мрака исчезает.

Пускай иной, стоя у бездны на краю,
Со страхом от нее в сей жизни удалится,
Тот, песнь вообразя надгробную свою,
Душой чувствительной и сердцем умилится;
Пускай, предчувствуя, как милая иль друг
Испустят тяжкий стон, поникнув на могилу, —
Он внемлет заживо, как весть гласит унылу
На башне городской печально-грозный звук.
Что ударение металла всем сказало?
Внемлите, — одного несчастного не стало.
Так прежде мыслили невежество и страх;
Но, смерть, приветствую тебя, ты искупитель!
Пусть земнородных ты жестокий истребитель, —
Всепоражающей косы не зрю в руках,
Бог милосердия — твой в мире предводитель;
Твой не лукавый взор и ясное чело
Сулят нам радостей несметное число.

Вещаю громко — смерть отнюдь не истребляет,
Но пленника от уз тяжелых избавляет,
От лютых горестей, от нестерпимых зол;
Она — с надзвездных мест всевышнего посол —

Невечеряющий приносит свет в деснице;
 Пусть мой, смежившись, взор блеск солнца не узрит,
 Она сиянием чистейшим озарит.
 Надежда — друг ее, печалься при гробнице,
 На веру опершись, оставя дом сует,
 Вдали прекраснейший мне представляет свет.

Приди, телесных уз сорви обремененье,
 Дай крылья, смерть! лечу туда, где мой Творец,
 К непостижимому направлю я паренье
 В обитель, где мое начало и конец.
 Начала моего, скажи мне, смерть, какую
 Я дерзновенною отторжен был рукою?
 Ответствуй мне, что днесь, что после буду я?
 Умру, — по смерти вновь восстану ли? не знаю;
 Тебя, безвестный гость, напрасно вопрошаю.
 Я не был, где ж могла обитель быть твоя?
 Мой дух заброшен в дол чьей мощною десницей?
 Кем персти тленные ты заключен в темнице?
 Какому приписать искусству, чудесам,
 Что плоть с тобой и ты сливался с плотью сам?
 Скажи, когда душа от тела отделится,
 В какой безвестный край с земли переселится?
 Забудет ли сей мир? вторично ли она
 Забыть прошедшее, переродясь, должна?
 Иль снова к бытию и к жизни обратится,
 Иль, сброся смерти цепь, из храмин вещества
 Не медля, воспарит в селенье божества,
 В отечество свое к началу совершенства —
 Вкусить сужденного от вечности блаженства?

Подруга чувств моих, внемли вещанье ты!
 Не ложною теперь надеждою питаюсь
 И в чайньи моем душою укрепляюсь.
 Пускай я зрю твои прелестные черты,
 Уже лишённые весенней красоты,
 Скорбь чувствуя твою, болезную, страдаю,
 Но смерть с улыбкою при юности сретаю;
 Последний взгляд лова, прощаясь с тобой,
 Лишь слезы радости пролью из глаз рекой.

«Не льстися, — стадо мне вещает Эпикура, —
 Мной рассеченная животного натура
 Вещает нам, что здесь все жизнь, все смерти прах.
 Смотри, завял цветок на пастве и в садах;
 В дубраву обратись, — столетний кедр кичливый
 Упал под игом лет, склонясь челом на нивы.
 Там суше отдали владычество моря,
 Там начала бледнеть самих небес заря,
 Там солнце, коего не знаем числ рожденью,
 Подобно нам самим, течет к уничтоженью,
 И люди некогда, рабы призраков злых,
 Не обретут его среди небес пустых.
 Увидят смертные, когда в природу вникнут,
 Что множеством веков на прахе прах воздвигнут,
 Что время быстрое, смиряя нашу спесь,
 Творенью своему гробницей будет здесь;
 Но узник человек... *высокое безумство!*..
 В могиле чает зреть жизнь новую и чувство,
 Влекомый к тлению, средь вихря воспарить,
 Сраженный временем, мечтает вечно жить».

Со лжеучителями не в прение вступаю,
 Ученье хитрое я сердцем проклиная.
 Дерзну ль из мутного потока вод вкушать?
 Вещаю им: люблю и буду уповать,
 В любви одной моя наука и искусство;
 Рассудок коль молчит — дополнит речью чувство.
 Пусть звезды, странствуя в назначенных кругах,
 Превратно потекут, блуждая в небесах,
 Земля рассядется, стеная, сокрушится,
 По влаге шар ее, носясь, уединится,
 Оплакивая нас, от солнцев удален,
 В пространствах вечной тьмы явится погружен,
 Пусть буду зрелищ сих последний я свидетель,
 Пусть смертью, хаосом и мраком окружен,
 Один остануся зреть ужасы и тлен, —
 Надежду на тебя я возложу, Содетель!
 Блеск вечных зари не усумнюсь встречать,
 Паденье мира зря, ее все буду ждать.

Любя твои красы и вместе добродетель,
 В счастливые любви и брака времена,

Ты помнишь, обоих прельщала мысль одна.
 По светлым озерам на лодке ли гуляли,
 Иль гор надоблачных при холмах отдыхали
 Или сретали блеск вечернего огня, —
 Все к утру ждали мы приятнейшего дня.

Ты обращала речь и простирала взоры
 От дола к небесам, с небес на земны горы,
 Ты говорила мне: природа — божий храм;
 Воззри, повсюду бог является очам;
 Сей мир есть совершенств всевышнего начало,
 Отлив его доброт и образ и зеркало,
 Свет дневный — взгляд его, улыбка — красота,
 К нему летят сердца, душа всевышним дышит,
 Вселенная ему хвалы поет и пишет.
 О беспредельный, сый! Ты благость, правота;
 Величеством твоим наш разум подавленный,
 Безмолвствуя, творцу возносит гимн хвалебный;
 Твоею волею покорствуя судьбе,
 Среди унынья дух стремится мой к тебе.
 Все существо мое в одной любви считаю
 И ею бога я постигнуть здесь желаю.

Коль с нетерпением обоих согласясь,
 Душа, избравши миг, разрушит тлена связь,
 Коль бог с высот небес, вняв наше бы моление,
 Послал одной стрелой обоим избавленье;
 Душами б понеслись к источнику всех дел.
 И, купно всех миров перелетя предел,
 На крыльях любви нетрепетно дерзали,
 Как солнца быстрый луч, эфир бы протекали,
 Достигнув горних мест, где обитает бог,
 На лоне Вышнего свой обрели чертог.

Д. И. Хвостов

ДОЛИНА

(Из Ламартина)

Полно мне, пленясь мечтаньями,
Здесь надеждам доверять
И напрасными желаньями
Злой судьбине докучать!

Ты ж, долина, где в беспечности
Начал я сей жизни путь,
Дай мне в ожиданье вечности
Ненадолго отдохнуть!

В чаще дикой, между ивами,
Тропка узкая идет
И знакомыми извивами
К бедной хижине ведет.

Из-под камня вырываяся,
Воды чистые, ключом
По песку перебираясь,
Обтекли ее кругом.

И, пройдя пределы тесные
Милых родины долин,
Пропадают неизвестные
Посреди морских пучин.

Так, несясь в пределы дальние,
Быстро дни мои прошли.
Безызвестные, печальные,
Невозвратно протекли!

Долго я с сердцами хладными
Сердце все хотел делить...
Дайте мне устами жадными
Ток забвенья проглотить!

Так, теперь в одном забвении
Призрак счастья нахожу
И в туманном отдалении
На прошедшее гляжу.

Здесь от горести усталое
Сердце успокою вновь;
Все в нем умерло бывалое,
Все — живет одна любовь!

Так нас в смутном сновидении
Поражает мысль одна
И живет в воображении
Долго, долго после сна!

П. А. Межаков

ПРОМЫСЛ ЧЕЛОВЕКУ

(Из Ламаргина)

Как!.. сын ничтожества! и — жизнь тебе не в радость?
Несчастный! тяготит тебя любовь моя?
Тебе горька моих лобзаний нежных сладость?
Ты ропщешь на меня?..

Несмысленный! ты был еще ничто: и мною
Тебе блаженства путь уже начертан был!
Ты в лоне спал моем, а дух мой — над тобою!
Ты был уже мне мил!

Так!.. счастье твое я искони готовил:
Ты жил во мне — и — я трудился для тебя!
Настал твой день!.. я рек: «родись! Я все устроил!
Будь счастлив, чти меня!»

Ты родился! и что ж?.. Рука моя благая
Не предала тебя в игралище судьбе —
Персть хладную твою незримо согревая,
Мой огонь горит в тебе.

Из недр моих млеко ефирное струится:
И ты — воспитан им! — состав твой я соткал;
Мой перст помог твоей зенице округлиться
И в ней весь мир вписал! —

Твой дух слепотствовал в темнице мрачной персти;
 Я рек тебе: прозри! — и ум отверзся твой;
 Проснулась мысль в тебе: звучат уста отверсты:

Ты — носишь образ мой.

И сколь блестящими чертами
 Изображаюсь я в тебе! —
 Ты зришь мой перст между звездами;
 Находишь след мой на земле!..
 Мир для тебя — мое зеркало!..
 Я — жизни вечное начало!
 Краса Природы — отблеск мой;
 Пространство — в узах бесконечность;
 Жизнь дольная — в оковах вечность;
 Судьба — цепь, сотканная мной!..

И — ты умел в сем свитке дивном
 Любовь и мощь мою читать!
 Умел в восторге непрерывном
 Край риз моих везде лобзать!
 Но — мрак смежил твои зеницы!
 Затмился блеск златой денницы,
 Водивший некогда тебя!..
 Ты паки слеп!.. опять — блуждаешь!..
 И — буйный раб! — еще дерзаешь
 Хулить и укорять меня:
 «Нет! нет! ты узел нерешимый,
 Слепою связанный судьбой!
 Сей дольний мир, твой образ мнимый —
 Обитель зол!.. Нет! он не твой!»
 Смирись! умолкни, безрассудный!..
 Тебе ль, твоей ли пяди скудной
 Мою безмерность измерять?..
 Познай! нас бездна разделяет!..
 Твои расчеты — день рождает;
 Моих советов — вечность мать!..

Слепец! поднять ли пред тобою
 Судеб таинственный покров?..
 И ты увидишь над собою
 Повсюду бдящую любовь! —
 Из мраков утро возникает,
 Из ила роза расцветает,

Из туч струится жизнь полям:
 Все свет, все благо в недрах мира:
 Зло — огонь небесного горнила,
 Златящий мира дольний храм.

Но сердце буйное еще мятется, ропщет;
 И тускло для твоих бунтующих очей:
 И дух твой, узник тьмы, враждебный свету, хочет
 Затмить блеск истины лучей
 Рукою дерзкою своей!..

Остановись!.. Среди глубокой, мрачной ночи
 Довольно для тебя и брезжущей звезды!
 Иди и не ропщи!.. она — надежный кормчий...
 Стыдись!.. безмолвная раба —
 Природа мне верней тебя!

Земля не ведает руки ее носящей;
 И бурный океан, смиряясь предо мной,
 Умеет ли следить за дланью вседержащей,
 В честь спутницы земли младой,
 Из бездны ропщущей, стнящей
 Валы кипящие гонящей
 И паки их кротящей вой?..

Сей светоч пламенный, златое око мира,
 Возжженное моим дыханьем над тобой,
 Предвидит ли стезю, среди пучин эфира
 Ему начертанную мной?..
 И, облакаясь мглой ночной,
 Ручается ли пред тобой
 Начать бег снова утром свой?..

Но взор мой бдит над всем: и держится все мною!
 Я пробуждаю вновь изнеможенный мир:
 И снова светлый день юнеет над тобою...
 На глас мой, бодрою стопою,
 Омытый утренней росой,
 Блестящий новою красою,
 Исходит паки вождь светил!..

И ты, мой сын, мой образ светлый,
Дыхание любви моей,
Венец творения бессмертный,
Зеница, свет моих очей!
Тебя ль рука моя забудет!
Нет! вечно вечный дух мой будет
Носиться над твоей главой!
Им возжжены миров лампы,
Он бурных волн дробит громады
И возмечает прах земной!

Иди ж, иди вослед надежды,
Доколе день сияет твой!
Мои присно-отверсты вежды —
И не воздремлют над тобой!..
Вся тварь благоговейно лобжет
Мой дивный перст: твой дух не хочет
Один почтить судьбы мои!..
Но гнев мой, благостью водимый,
Растопит хлад твой, сын строптивый,
В пучине пламенной любви!..

Н. И. Надеждин

ВОСПОМИНАНИЕ

(Подражание де ла Мартину)

Напрасно день за днем катится,
Следа не оставляет он.
В душе моей не истребится
Любви последний сладкий сон.

Я вижу: годы за годами
Несутся быстро предо мной.
Так дуб поблекшими листьями
Забросан видит корень свой.

Уже чело под сединами,
И хлад уже в крови моей, —

Подобно хладными руками
На воды цепь кладет Борей.

Но ах! твое изображение,
Все то, чем красен мне сей свет,
Не стареет в воображенье
И, как душа, не знает лет.

И ты меня не покидала,
Всегда была в моих глазах;
Лишь только на земле не стала,
Тебя узрел я в небесах!

Там вижу я тебя, конечно,
Как видел в тот последний час,
Когда ко славе, к жизни вечной
Ты на заре прешла от нас.

Твоя краса, о друг, с тобою
И в горний прелетела мир;
И очи с прежней красотою
Так чисты, светлы, как эфир.

И ветра лобызанье нежно
Еще власы твои живит
И по груди твоей небрежно
Их в длинны локоны струит.

Смерть на тебя покров простерла,
Но и под ним твой образ нов:
Ах! так мелькает нам Зимцерла
Сквозь утра раннего покров.

Огонь божественный светила
Бежит и возвратится с днем;
Но ночь души моей не тмила:
Ты светишь в ней любви огнем.

Тебя я зрю, твой глас внимаю
В долине, в тверди голубой,
В струях твой образ я встречаю,
В зефире слышу голос твой.

Внимаю ль тихий ветра ропот,
Промчавшийся между гробов, —
Мне кажется, твой слышу шепот,
Знакомый звук священных слов.

Когда люблюсь твердью звездной
Во время месячных ночей —
Встречается мне лик любезной
В звезде, которая милей.

Когда весной благоуханье
С цветов лиется в грудь мою,
Мне мнится, что твое дыханье
В сладчайших ароматах пью.

Во сне паришь ты надо мною,
Мечты души моей не тмят;
Ниспосылаются тобою,
Так сладостны — как милый взгляд.

П. Г. Волков

ВОСПОМИНАНИЕ

(Из Ламаргина)

Вотще уходит день за днем,
Времен в пучине исчезаю,
Душа, утрат не примечая,
Жива любви последним сном!

Как вяз, добыча непогоды,
Глядит на лист обитый свой,
Смотрю, как вокруг меня толпой
Отжитые теснятся годы!

Промчался век волшебный мой!..
По жилам кровь едва струится:
Так томно, медленно катится
Ручей, окованный зимой.

Лишь образ твой, молодой, прелестный
Черты любезные хранит
И, как душа твоя, блестит
Красой нетленною, небесной.

Ты все еще в моих очах!..
Сражен отчаяньем, унылый,
Блуждал я вокруг твоей могилы;
Но зрел тебя — на небесах!

Там ты явилась предо мною,
Как здесь еще, в последний день,
Готовясь в небесну сень
Сокрыться тайною стезею.

На милом образе твоём
Еще лежал туман печали;
Но очи томные сияли
Уже бессмертия огнем.

И тихий ветерок кудрями
На девственном челе играл,
Дыханьем легким рассыпал
На грудь младую их волнами.

Но сей струящийся покров
Твоих красот не похищает:
Так сладостный рассвет мелькает
Сквозь сеть прозрачных облаков.

Лучи небесного светила
Сияют днем лишь для очей;
Ты огонь любви без ночей
В душе страдальца засветила!

Она единою тобой
Сей мир и небо населяет:
Ручей мне лик твой отражает,
Зефир приносит голос твой.

Тогда, как сон покоит землю,
Коль слышу ветра тихий шум,

В волненьи непрерывных дум
Мне мнится, я твой ропот внемлю.

Ночных небес дивясь огням,
В звездах твой лик я примечаю
И кроткий блеск их обретаю
Еще любезнее очам.

Зефир ли крыльев трепетаньем
Цветов навеет сладкий пар, —
Прольется в сердце прежний жар,
Дышу как бы твоим дыханьем.

Когда ж с мольбой у алтарей
Повергнусь, грустный и забвенный,
Излить обеты сокровенны —
Надеждой ты душе моей!

Засну ль на миг в древесной сени,
Ты мой тогда блюдешь покой,
И сны, вдохнутые тобой,
Сладки, как взгляд любезной тени.

Ах! пусть покой отрадный сей
Умчит меня с земного круга!
Души небесная подруга!
Проснусь я на груди твоей!..

Как два луча зари в эфире,
Как вздоха два слились в одном —
Мой дух давно живет в твоём;
Но я томлюсь еще в сем мире!..

А. Д.

ВОСПОМИНАНИЕ

(Из Ламартина)

Вотще бегут за днями дни,
Их свет обманчивый изменит;

Ничто в душе тебя не сменит,
Последний сон моей любви!

Лета промчались как мгновенья;
На них взираю в грусти я,
Как дуб осенний вкруг себя
Поблекших листьев зрит паденье.

Уж иней лег на мне годов,
Кровь, прежде пылкая, немеет;
Так, облечен в кору снегов,
Источник быстрый цепенеет.

Но образ твой со мной всегда;
Душе подобно неизменный,
Он не стареет никогда
В моей груди воспламененной.

Неотразимая в мечтах,
Вослед тебе я взор подымаю!
Едва покинула ты землю,
Тебя я взвидел в небесах.

Ты там беседуешь со мною,
Как в тот была последний день,
Когда в безоблачную сень
Взлетела с юною зарею.

И та же все и в небесах
С тобой краса не разлучилась:
Угасла жизнь в твоих очах,
Но в них бессмертье засветилось.

К тебе ласкаясь горячо,
Власы зефиры воздымают:
На снего-белое плечо
Льняные кудри упадают.

Таинственной завесы тень,
Как флер взвевает пред тобою;
Так пар, восставший над водою,
Новорожденный нежит день.

Луч солнца, веселящий очи,
Со днем приходит и бежит;
Но для любви моей нет ночи,
Твой вечный луч во мне горит.

Повсюду взор тебя сретае,
Всему ты жизнь в душе моей!
Волна мне лик твой отражает,
Зефир приносит звук речей.

В тиши ль природы отененной
Листок дрожащий прошумит,
Мне мнится: голос твой священный
О чем-то сердцу говорит.

Зажжет ли звезды сумрак ночи,
Тебя я в каждой зрю из них,
Которой свет, пленяя очи,
Блится более других.

Брожу ль в задумчивом мечтанье
По пестрому ковру лугов,
В восторге пью твоё дыханье
В прелестном запахе цветов.

Ты мне ссылаешь утешенья,
Когда, сокрытый от людей,
У милосердых алтарей
Ищу в молитве наслажденья.

Когда я сплю, не ты ли сны
Мне шлешь, таясь в тени прохладной;
Прекрасные, как цвет весны,
Как милой тени взгляд отрадный!

О если б средь мечтаний сих
Я вдруг от жизни отделился,
С каким бы счастьем пробудился
В объятьях пламенных твоих!

Как два луча, слетясь в эфире,
Как страстный вздохов двух полет,
Слились в нас души — и живет
Еще твой друг, забытый в мире.

И. Е. Великопольский

ВДОХНОВЕНИЕ

(К В. П. М.)

Когда, незримое для глаз,
Ко мне слетает Вдохновенье
И настает священный час,
Час неземного упоенья, —
Тогда, в жару моих страстей,
Я трепещу, как лист осенний,
Страшусь пронзительных когтей
Орла могучих вдохновений.

Кто мог когда противустать
Его стремительности бурной?
Как ураган, летит сорвать,
Восхитить жертву в свод лазурный,
Иль, кровожадный, на скалах
Он разорвет ее когтями —
И ветер буйными устами
Развеет с гор минутный прах.

Взирай, о Муза! смерть примчалась,
Полмертвый, бледный, гасну я,
Едва ли искра бытия
Для сердца юного осталась;
Во всех чертах моих сокрыт
Страстей могучих след глубокий:
Так гром ударит в дуб высокий —
И с корнем крепкий дуб разбит!

Лучи небес и всей вселенной
Мы в луч один должны собрать
И пламень жизни вдохновенный
В душе невинной сохранять;

А нас так злобно упрекают!
 Но светоч, зависть всех людей,
 Кем так возвышенно сияют, —
 Зажжен, горит огнем страстей...

Огонь под пеплом истлевает,
 Ужель вновь пламень раздувать?
 Пусть струны ржавчина снедает —
 Не им под перстами звучать!
 Нет! лира дней моих не стоит,
 Любви восторг мой не отдам,
 Пусть Дружба сердце успокоит —
 Лишь ей воздвигну светлый храм!..

Д. И. Новиков

К СЧАСТЛИВЦУ-МУДРЕЦУ

*Que j'aime le mortel, noble dans ses penchants,
 Qui cultive à la fois son esprit et ses champs.*

Delille.

На счастливых берегах, где в лоне золотом
 Сребро катится струй ленивых,
 Ты, любомудрия приосенясь щитом
 От светской суеты и замыслов кичливых,
 В беспечности проводишь дни.
 Когда рассвет их был прекрасен,
 То сердца в тишине закат их будет ясен:
 Ты сладостно уснешь спокойствия в сени.

Все то, что мы зовем дней наших наслаждением,
 Подобно молнии в ночь грозную, блеснит;
 И жизнь-изменница когда от нас летит,
 Мудрец дарит лишь сожаленьем
 Любовь, одну любовь...
 Но что вещаю я? и в вечер дней унылый
 Сей огонь божественный, сей огонь душевной силы,
 Затихнув — все живит он сладостной мечтой
 И гаснет с жизнью одной.

Распространять ума познания
И бурные стеснять желанья —
Вот тайна, чуждая для суетной толпы,
Тебе ж открытая, счастливый!
В мечтаньи не стремишь ты дерзкие стопы
За счастливый рубеж отечественной нивы;
Но ум в безбрежности обзор расширил свой —
И факел мудрости пылает пред тобой.

На Тибрских берегах, иль Гангеса, иль Нила
В разнообразности личин
Природа смертного судьбы не пременила:
Все тот же видим ход и действий и причин.
Народы, веки и державы
Поглощены пучиною времен,
И блеск их счастья и славы,
И страх победных их знамен,
И храмы гордые кумиров заблужденья —
Пожрала все река забвенья.

Уничтожения при виде грозных туч
Скажи мне, что мудрец предпримет,
Ужели страх его сомнением обнимет
И взор утратит счастья луч?
Нет! добродетельный от бурь в сени спокойной
Укроет мало дней — но к благу их довольно.

Я мужа зрел сего — и, радостный, вкусил
Привет его гостеприимный;
Под тенью тополей, которые взрастил,
Он счастью пел простые гимны.
Благие небеса! склоняясь к его мольбам,
Продлите дни его — те дни очарованья:
Его смиренные желанья
Доступны будут к вам.
Супруга нежная, почтительные чада,
Собравшись с ним вокруг домашнего огня,
Пусть будут старости в младенчестве усадой.
Пусть туча грозная, его удел храня,
Пройдет с шумящим градом мимо;
Но пышные луга ручей его любимый
Жемчужной влагою всегда животворит.

Пусть небо ясное всегда ему блестит,
 Льет солнце тихий луч — и виноград румяный
 Усталым странникам цедит напиток рьяный...
 А я, от пристани далеко увлечен
 Надеждой лет молодых — игралище измен, —
 Еще опасность бурь стнящих презираю
 И дни свои мечтам вручаю!
 Но, утомясь борьбою с гневом волн,
 Когда приближусь сам к ночлегу,
 Причалою я свой утлый челн
 Жилища твоего к спасительному берегу.

Д. П. Глебов

НОЧЬ НА РЕКЕ

(Из Ламартина)

(Посвящается А. И. Тургеневу)

*And other day came back to me
 With recollected music...*

Lord Byron

Носимы бурю — в тумане край прибрежный —
 Мы в мрачность вечную стремимся навсегда
 И в океан веков наш якорь ненадежный
 Не бросим никогда!
 Река! и год один успел лишь миноваться,
 А та, с которой я здесь сживал вдвоем,
 Уж боле не придет тобою любоваться
 На берегу крутом.
 Ты так же и тогда шумела под скалами,
 Волнами грозными плескала в берег сей,
 И ветер бушевал, и брызги жемчугами
 Летели прямо к ней.
 Припомни: раз мы с ней вечернею порою
 Здесь плыли; смолкло все, и ветерок не дул,
 От весел лишь гребцов над звучною волною
 Носился ровный гул.
 Вдруг голос ангельский и берег, изумляя,
 И волны сонные заставил слух иметь,

И милая моя, мне руку пожимая,
В раздумье стала петь:
«О время, не спеши! летишь ты, и с собою
Мчишь радость жизни сей;
Дай насладиться нам минутной красотой
Любви прелестных дней.
Несчастливых много здесь, склонись на их моления —
Для них и пролетай,
С их днями уноси сердец их огорченья;
Счастливых — забывай!
Но жалобам моим ты мчишься не внимая:
Летит стрелою день;
Помедлить ночь прошу, — денница ж золотая
Ночную гонит тень.
Ах! будем же любить: дни счастья скоротечны,
Как дым их легкий след!
Без пристани мы здесь, а время бесконечно
Течет — и нас уж нет...»

Минуты радости, где с милою мечтою,
Как полная струя, нам счастье лилось,
Что мчитесь вы от нас с такой же быстротою,
Как дни тоски и слез?

И вот уже для нас и след их исчезает,
И нет уж их совсем, и нет их навсегда!
Их время даст, возьмет, но ах! — не возвращает
Нам больше никогда.

О, вечность страшная, о, таинства творенья!
Куда ж деваются минувши наши дни,
И душ святой восторг, и сердца упоенья? —
Воротятся ль они?..

Река, пещера, холм, и мрак в тени древесной,
Которых рок щадит иль может оживлять! —
Старайтесь ночь сию, старайся, мир прелестный,
Во всем напоминать!

Ревешь ли бурей, или течешь лениво, —
Пусть память все об ней, река, в тебе живет,
И в камнях, и в дубах, смотрящихся спесиво
В лазури светлых вод!

Вей ею, ветерок, украдкой пролетая;
Волна, шуми о ней, плескаясь в брегах;
О ней грусти, луна, свой лик изображая
В серебряных струях!

Тростник ли стал роптать, иль вихорь завывает,
Иль лег душистый пар над влажностью твоей, —
Пусть сердцу все, во всем, везде напоминает
Любовь минувших дней!

И. И. Козлов

ОЗЕРО

(Из Ламаргина)

Всегда влекомые к таинственным берегам,
Где ждет нас вечный мрак и нет нам возвращенья,
Ужель, скитаяся сей жизни по волнам,
Мы чужды ввек отдохновенья?

О озеро! едва промчался год, и я —
Смотри! один иду, убитый злой тоскою,
Воссесть на берег твой, где милая моя
Сидела некогда со мною!

Ты так же, как теперь, тогда средь диких скал
Сердитою волной о камни ударялось,
И так же, как теперь, тогда ветер бушевал
И лоно вод твоих вздымалось!

Однажды — помнишь ли? — был вечер, и кругом
Лежала тишина и небеса молчали,
Мы плыли; лишь пловец играл своим веслом
И резвые струи плескали.

Мгновенно сладкий звук, безвестный в сих местах,
Промчался по водам, и волны замолчали;
Проснулось эхо гор и село на берегах;
Уста прелестны так вещали:

«О время! удержи свой гибельный полет!
Часы крылатые! постойте! не спешите!
К вам сердце страстное свое моленье шлет:
Отрад его не уносите!

Пускай несчастные, гонимые судьбой,
В потере дней своих находят утешенье!
Теките вы для них, теките с быстротой!
Оставьте счастливых в забвенье!

Но тщетно я зову! но тщетен мой увет!
Злой старец* ничему не внимлет, убегает!
И тщетно говорю: помедли ночь! — и свет
Уже Аврора разливает!

И так, пусть поспешим, среди любви даров,
Ловить, о милый друг! бесценные мгновенья!
Здесь нет пристанища, и время без берегов —
Бежит, и мы добыча тленья!»

Возможно ли, чтоб дни, когда любовь струей
Нам в душу льет восторг и милые желанья,
Скрывались от нас с такою ж быстротой,
Как дни печали и страданья?

И мы не можем их следов здесь сохранить!
Мелькнут — и где они? — Все вечность похищает!
Вотще желали бы их сердцу возвратить:
Их время нам не возвращает!

Скажи, о вечность! мне, что будет с ними там,
Когда поглотят их безбрежные пучины?
Отдашь ли радости, восторги сердца нам?..
Завет безвестен нам судьбины!

Скалы безмолвные, пещеры, мрачный лес,
Которых рок щадит, иль время обновляет!
Пусть память ночи сей, как дар благих Небес,
Всегда здесь с вами обитает!

Да будет век она и в бурных сих волнах,
И в сладкой тишине над мирными холмами,
И в сем лесу густом, и в диких сих скалах,
Нависших грозно над водами!

* Время.

Да будет век она бродить здесь по берегам
 И в кротком веяньи зефиров разноситься,
 И в час полуночи, по скачущим волнам,
 С лучами Веспера струиться!

Пусть шепот ветерка и ропот камышей,
 И дубы древние, что берег осенили —
 Пусть все всегда твердит в полете быстрых дней:
 «Два сердца здесь любовью жили».

А. А. Волков

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

(Из Ламартина)

Во славе шествуя медлительной стопой,
 Блистательный Царь дня скрывался за горой.
 Покрылся горизонт струистыми волнами;
 Полнеба в пламени, горит зари лучами!
 И робкая луна — как факел золотой,
 Повешенный в дали огнисто-голубой,
 Чуть-чуть лучи свои по небу разливает
 И сумрак трепетно вечерний озаряет.
 Все тихо: ночь покров простерла свой в полях;
 Чуть зыблются листы на дремлющих ветвях.
 Вот час таинственный, когда в тиши Природа
 (Меж тем, как сходит день с полупомеркша свода
 И ночь в отверстую востока входит дверь),
 Послушная творцу, любимая им дочь,
 В красноречивейшем всех пышных хвал молчанье
 Приносит дань ему за все его созданье!

Вот жертва, каковой достоин Бог и Царь!
 Вселенна вся есть храм, земля — его алтарь;
 Небес лазурный свод есть купол в храме славном;
 Огнь ж, горящие в мерцании туманном, —
 Священны факелы, возжженны в храме сем.
 Златимы облака последним дня лучом
 (Как снежный в небесах атласно-белый пояс),
 Струимы ветерком, под свод небесный кроясь,

Венчая жертвенник и наполняя храм,
Есть к трону высшего летящий фимиам.

Но сей безмолвен храм. Где ж пение священо?
Кто гимны воспоеет содетелю вселенной?
В природе тихо все, творенье все молчит, —
Лишь сердце здесь мое в молчанье сем гласит;
Мой разум — мира глас: на крыльях быстра ветра,
На вечера лучах его престола светла
К подножию летит, как благовонный пар,
Питая сладостный ему любезный жар.
Я именем его исполнил дики степи,
Учением его смягчил сердца свирепы.
И тот, кто тварей всех под свой приемлет кров,
Кто внемлет с высоты гармонии миров, —
Глас также моего и разума внимает,
Его что славу зрит и имя прославляет!

С. Гельфрейх

ВОЗЗВАНИЕ

О ты, которая в сей горестной пустыне
Казалась мне посланницей небес,
Казалась гостьею минутной в сей чужбине,
Которой взгляд мне счастье в жизни нес!
О ты, которая в мрак ночи, как хранитель,
Светила мне лучом любви святой,
Явись опять очам, бывалый обольститель,
Скажи, кто ты и твой удел какой?
Земля ль была твоею колыбелью?
Иль ты небес дыхание благих?
Узришь ли завтра ты свет вечный — близость с целью —
Или еще в сем море бедствий злых,
В стране изгнания, печалью облеченной,
Должна ты вновь идти стезею бед?
Небес ли кротких дочь или земли сей тленной,
Прекрасная, с кем мил угрюмый свет,
Позволь мне в жизни сей, отринувши земное,
Пока во мне лиется жизни кровь,

Благоговеть к тебе, создание благое,
 И в жертву несть чистейшую любовь!
 Но если и тебе назначено Судьбою
 Как смертному окончить жизни путь —
 Позволь и прах лобзать мне под твоей стопой,
 Защитой мне, опорой будь!
 Ах... если улетишь ты в край своей отчизны,
 В край ангелов, навеки жить с родней —
 С тобой вкусившего минуту сладкой жизни
 Не позабудь и там в семье своей!..

В. Н. Григорьев

К N.....

(Подражание Ламаргину)

Едва пустынный мир узрел твое явление,
 Посланница небес и гостя в сих местах, —
 И озарилась ночь глубокая в мгновенье
 Лучом любви в моих очах!
 Зачем скрываешься от взоров восхищенных?
 Поведай имя мне и родину свою!
 Или ты смертных дочь, иль ангел воплощенный?
 Где обрету стезю твою?
 Должна ль ты отлететь в надзвездное селенье
 Или, подобно мне, здесь дни твои влачить?
 Но кто б ты ни была, природы украшенья,
 Позволь, мой друг, тебя любить!
 И здесь доколе ты, будь ангел мой хранитель;
 Когда ж на родину обратно воспарить
 Твой придет час, молю, прелестный неба житель,
 И там меня не позабыть!

Гамалея

ПРИЗЫВАНИЕ

*(Из Ламартина)**Посвящается М. Н. С-ой*

О ты, которой взор льет жизнь на мир унылый,
Разгнав пустыни мрак, глубокой ночи тьму,
Виталица небес, о призрак, сердцу милый!
Лучом любви блестишь ты взору моему.

Яви мне образ твой, таинственны покровы
Откинув от чела; поведай имя мне,
Отчизну, жребий свой, и персти ли оковы
Тягчат тебя, иль дух в надзвездной ты стране?

В Эдем ли воспаришь ты с утренней росой,
Скитаться ль суждено тебе в юдоли сей,
В жилище бед и слез, — пусть вечно за тобою
Стремится огонь души и огонь любви моей!

Ах! если и тебе, как нам, под небесами
Творец определил свершить тяжелый путь,
Позволь лобзать мне прах, взвешиваемый стопами,
Вождем, подпорою меня, страдальца, будь!

Но если, восприяв полет к странам эфира,
Заблещешь ангелом предвечного в лучах;
Любовью озарив дни мрачного мне мира,
Вспомни обо мне и там, на небесах!

А. Д.

ВОЗЗВАНИЕ

(Из Ламартина)

О ты, которая явилась предо мной,
Младая путница в стране пустынной мира!
О ты, которая горишь любви звездой
В безмолвии ночном с воздушного эфира!

Сними, сними покров таинственный с себя,
Скажи свою страну мне, имя, назначенье!
Была ли на земле сей колыбель твоя
Или чистейшее ты бога дохновенье?

И возвратишься ли ты в вечный свет когда?
Или всегда должна в юдоли сей изгнанья,
Печали, горести, несчастий и страданья
Свой трудный путь свершать? Но кто б ты ни была,
Хоть дочь земли или страны превечной —
Позволь на поприще сей жизни скоротечной
Священный огонь любви всегда к тебе питать!

Но если ты должна, подобно нам, скончать
Свой путь, то будь моим вождем, моей опорой.
Дозволь твоих следов лобзать мне прах, который
Блестящие лучи твои собой златят.
И если воспаришь к обители надзвездной,
Подруга ангелов, и явишься близ них,
То, видя некогда меня в краях земных,
Ты вспомни обо мне и в высоте небесной!..

И. Е. Тюрин

ПРИЗЫВАНИЕ

(Из Ламартина)

О ты, явившая себя в пустыне мира,
Благая неба дочь иль странница земли;
О ты, которая при мрачности эфира
Зажгла в глазах моих сердечный луч любви!

Явись глазам моим, восторженным тобою;
Скажи мне о стране, из коей ты пришла!
Счастливила ль ты мир в младенчестве собою?
Или божественный ты только дух была?

Сольешься ли опять с предвечным оным светом
Иль в грусти, в бедствии, в изгнании своем
Должна ты жить еще в печальном мире этом?..

Но кто б ты ни была, в отечестве ль твоём
Живешь ты — на земле; в обители ль небесной
Проводишь дни свои, — пускай в моей душе
Огонь любви горит к тебе, о друг безвестный!

Меж смертных шествуя назначенной стезей,
Опорой твердою, будь спутницей моей!
В местах, где ты прошла, для сердца незабвенных,
Позволь мне самый прах следов твоих лобзать!

Но ежели от нас, тобою восхищенных,
Подруга ангелов, слетишь ты к нам опять,
То, счастье любви дарив мне в здешнем мире,
Не позабудь меня в небесном ты эфире!

Кн. ****й

БАЙСКИЙ ЗАЛИВ, БЛИЗЬ НЕАПОЛЯ

Смотри, как плещет в молчаливый
Сей брег игривая струя;
Смотри, как ветер легкокрылый,
Лобзая спящие моря,
Волнует их кристалл спокойный!
Взойдем мы в этот челн покорный
И пустимся, мой друг, с тобой
Вслед за шумящею волной.

Уже залива брег пространный
От нас скрывался в мгле туманной...
Меж тем, как друг держал
Послушный руль рукой смятенной,
К шумящему веслу склоненный,
Я волны моря рассекал.

О боже! как все жизнью полно!
Как все здесь дышит и цветет!
В объятиях Фетиды томной
Покоясь, Феб, при плеске вод,
Свой уступал чертог спокойный
Уже задумчивой луне.

Цветы ночные по земле
Свой ароматный запах лили,
И ветры по морским зыбям
Его на крыльях разносили.

Но что за звуки по волнам
К нам быстро издали несутся
И что за песни раздаются
По усыпленным берегам?
Не смея ввериться звездам,
Рыбак, сложив свой парус белый,
Спокойный кров благословлял;
А там глас юности веселый
Восторгом воздух колебал,
Свой праздную возврат счастливый.

Но облакает мрак моря
Уже в покров свой молчаливый;
Скрываются берегов края;
Звук исчезает песни громкой
И воцарилась тишина...
Воссев, печальна и грустна,
Задумчивость, на одинокий
И безответный брег морской,
Среди развалин запустелых,
Бросает взор унылый свой
На скат холмов тех поседелых,
Где гордые столпы палат
И храмы древние стоят
В магическом очарованье.

О Древности святой и славы пребыванье!
Храм добродетелей и колыбель мужей!
О славный Рим! ты пал... и нет уже в твоей
Стране твоих героев несравненных...
Но ум возвышенный на монументах тленных
Не престаёт и днесь их гением дышать:
Так дышит он ещё во храмах, сокрушенных
Величием Творца... Но для чего смущать
Нетленным лавром осененных

Покой и тишину безмолвных сих могил,
Где под землю прах Катонов,
Героев Древности, великих Сципионов!
Приблизимся мы к сим стенам, где сохранил
Развалин скромный вид нам боле вдохновений
И где покоятся счастливейшие тени!

Вот здесь средь мира и прохлад —
Певец Гораций вдохновенный
От блеска пышного палат
В свой домик убежал смиренный,
Украшенный не золотом, не резьбой,
Но гения рукой нетленной
И милою, приятной простотой.

Там Делии в очах бесценной
Тибулл восторг любви вкушал.

Здесь Цинтию Проперций посещал.

А там... вот кров, куда творец Ерусалима —
Тасс — жертва гения, судьбы неумолимой,
С унылой по земле блуждающий душой,
Минутный наконец пришел вкусить покой;
Куда явился он на глас призывный славы,
Где, мнилось, пальмы ветвь победной, величавой
Готова уж главу его венчать собой,
Как вдруг под бременем он зол изнемогает,
И лавр бессмертия лишь камень осеняет
Его могилы роковой.

О Байский холм! о кров поэтов драгоценный!

Долина славная, где несколько веков

Изящное столь было совершенно!

Раздастся ли когда среди твоих лугов

Опять гром славы и любовь?

Я ждал ответа... все молчало...

Лишь эхо изредка шептало

С морской стенающей волной,

Полупрозрачной и сонливой,

Плескавшей в берег молчаливый!

Вот все как тленно под луной!

Как все проходит невозвратно!

Увы! так сами мы пройдем

Стезею жизни сей превратной!

Как в море след ладьи, в которой мы плывем
И ясну зыбь браздим, все в гладкий ток сольется,
И место на волнах, где мы скользим, сотрется.

И. Е. Тюрин

ХРАМ

(Из Ламаргина)

Как сладостно взирать на позднюю зарницу,
Когда, опередив Дианы колесницу,
Взойдет она на свод небесный, голубой, —
Природа сумрачной увьется пеленой!
Как сладко посещать, простясь дня с суетами,
Долину мирную — в ней сельский храм простой,
Которого *фронтон* венчает мох седой,
Но верные куда стекаются с мольбами!

Приветствую тебя, священный сердцу лес!
Приветствую тебя, печальное кладбище,
Умерших поселян безмолвное жилище!
Я дань почтения гробам твоим принес!
Несчастен, кто покой нарушит здесь лежащих!..
Я пал с смирением пред камнем гробовым, —
И встав, вступил во храм с молением святым.
Какая ночь, покой! Пред алтарем горячей
Лампады тусклой чуть приметен блеск лучей!
Одна она горит, когда все спит вокруг ней:
Так бодрствует Любовь небесная над нами,
Когда, увитая ужасными громами,
Рука несчастий нас готова поразить!..

В. Г. Розальон-Сошальский

ПРОЩАНИЕ

Я оставляю край блаженный,
Сей край, всегда любимый мной,
Где горестью не возмущенный
И не тревожим суетой —

Я жил в объятиях свободы!
Простите же, поля и воды,
Прости, о сельский друга кров!
Приюты мирные лесов,
Места священных вдохновений,
Средь коих небожитель-Гений
Животворил меня мечтой!

Прости, мой друг! Зари с явлением
Уж мы не встретим луч дневной
Согласной лиры сладкопеньем!
Уже не узрим мы с тобой,
Над злачными Десны брегами,
Как, запряженная часами,
Взнесется на лазурный свод
Златая Феба колесница,
И пташек мирная станица
Уже над рощами вспорхнет!
Не отдохнем в тени прохладной
Густых, развесистых дубов,
Где голос дружества отрадный,
Волшебной силой тайных слов,
Мне изрекал обет священный!

И в час, когда в мольбе смиренной
Вечерний благовест порой
Сзовет селян во храм родной,
Мы, преклонясь на камень мшистый,
Не оросим слезою чистой
Гроб тех, уж коих в мире нет!
Прости же, счастья обитель,
Где Провиденье в цвете лет
Мой был надежнейший хранитель!
Прости!.. без кормчего плывет
Мой челн, Бореями несомый
В края чужбины незнакомой...
И где он пристань обретет?
Когда ж в стране обетованной
Мне рок захочет дать приют, —
Тогда к обители желанной,
Где мирно друга дни текут,

Я возвращусь... заря яснее
 Взойдет для радостных очей,
 И луг мне будет зеленее,
 И тихий ручеек светлей!

Там станем мы, рука с рукой,
 Воспоминать молодые годы,
 Дни светлые и непогоды,
 Пока единою стезей
 Отыдем к вечности святой!..
 Так мореходец поседелый,
 С высот угрюмая скалы
 Спокойно мечет взор веселый
 На моря грозные валы...
 И видит бурные пучины,
 Через кои некогда преплыл...

И. П. Борздна

УМИРАЮЩИЙ ХРИСТИАНИН

(Перевод из Ламартина)

Что слышу? вокруг меня звучит священна медь!
 Лик набожный мой гроб, рыдая, окружает;
 Поют могильну песнь... К чему сей факел?.. Смерть!
 О смерть! не глас ли твой громовый поражает
 Мой слух в последний раз?.. Кто душу вновь мою
 Таинственный, живит могилы на краю?

О искра ясная священного огня!
 Длань хищной смерти твой расторгла плен суровый,
 Животворившая скудельного меня,
 Пари, душа моя! и сбрось с себя оковы!
 Низвергнут в прах ярем печалей и сует.
 Не это ль значит — сей навек оставить свет?

Уж время более не числит дней моих.
 Куда, послы небес, всей силою полета
 Несете вы меня на крыльях золотых?
 Уже я плаваю в волнах безбрежных света;

Пространство ширится, и мрачный шар земной,
Как точка, под моей скрывается пятой.

Но что? Когда мой дух парит к царю небес,
Я слышу вопли — глас сердечного мученья?
Друзья! над прахом вы струите токи слез!
Вы плачете; а я из чаши Искупленья
Испил забвенья бед... и из мятежных волн
В небесну пристань мой вбежал уж легкий челн!

В. Н. Олин

УМИРАЮЩИЙ ХРИСТИАНИН

(Подражание Ламартину)

Что внемлю? Вкруг меня священна медь звучит!
Толпа с рыданием обстала одр печальный!
Почто сей гимн святой, сей пламенный блестит?
Не глас ли, пробудясь, я слышу погребальный?

О ты, небесного огня бесценный свет,
Душа бессмертная, в земную персть одета!
Тебе свобода — смерть! Воспрянь, направь полет!
Кончина ль — тяжкие сложить оковы света?

Так! час ударил мой! В блистающих лучах
Надзвездны вестники влекут меня с тобою!
Уже я плаваю сияния в волнах;
Раскрылись небеса, и мир во мгле под мною!

Но что? И вопль и стон мой слабый слух разит!
Товарищи оков! почто сии рыданья?
Вы плачете; но смерть мне счастье дарит:
Там пристань тихая, там нет уже страданья.

/А. А./ Волков

УМИРАЮЩИЙ ХРИСТИАНИН

(Из Ламартина)

Что слышу? Надо мной звучит священна медь!
Какою окружен толпою я печальной?
Кому надгробный гимн и факел погребальный?
Не ты ль в последний раз ко мне зываешь, смерть?
Так точно: узнаю призыв я твой унылый —
И пробуждаюся в преддверии могилы.

О луч божественный благого Существа!
Душа, бессмертная жилища персти бренной!
Сбрось узы тяжкие, покинь ты мир сей тленный;
Пари свободною к престолу божества:
Кто ношу бед земных и горестей слагает
В могилу мрачную, — ужель тот умирает?

Уж время мой конец пробило на часах;
И лучезарные посланники небесны
Готовы несть меня в чертог, мне неизвестный!
Уж света вечного я плаваю в волнах;
Пространство ширится пред тусклыми очами,
И, кажется, земля исчезла под ногами!

Но что в тот миг, когда взношусь к Творцу душой,
Мне поражают слух и стоны и рыдания!
Вы плачете о мне, сопутники изгнанья!
А я меж тем испил из чаши роковой
Забвенье зол, и дух мой, полный восхищенья,
Уже у пристани небесного селенья!

П. Г. Сиянов

ОСЕНЬ

(Из Ламартина)

Древа, готовые лишиться ризы злачной!
Увядший, мертвый лист, рассыпанный в лесах!
Остаток ясных дней! привет вам! В доле мрачной
Милее вы красы, цветущей на полях!

Задумчивый, иду стезей уединенной
На бледный солнца свет последний кинуть взгляд:
Приятен вид, когда чрез свод древес сгущенный
По ветвям трепетным лучи его скользят!

Люблю я осени унылое мерцанье,
И сердцу сладостен Природы томный вид,
Как друга нежного прощальное лобзанье,
Усмешка милых уст, что смерть сковать грозит!

Готовый бед страну, сей мир, покинуть вскоре,
Оплавав тщетные надежды дней моих,
Смотрю на все теперь с прискорбием во взоре,
Что было радостью, утехами других!

Светило дня, древа, и холмы, и долины!
Примите в дань слезу! Сколь жертве бедствий, лет
Любезны сельские, печальные картины!
Сколь взорам гаснувшим отраден солнца свет!

Мне в чашу бытия судьба вмешала яду,
Но осушить ее теперь решился б я:
Ах! может быть, на дне, мучениям в усладу,
Небесных радостей утаена струя!..

В увядшем, может быть, страдальца встретит счастье,
Надежд обманутых пленяющий предмет;
Познаю, может быть, в бедах друзей участие;
Быть может, ждет меня еще любви привет!..

Ах! мертвого цветка уносят жизнь зефиры;
Он с солнцем и с землей свою разлуку зрит;
Но я умру — мой дух, как звук пустынной лиры,
В минуту смерти выпры к началу воспарит!

Н. Д.

ОСЕНЬ

(Из Ламаргина)

Привет вам мой, леса, долины обнаженны
И леса темного вид мрачный и нагой!
Привет вам мой! Душе, тоскою удрученной,
Отраден ветра шум ненастною порой!

Задумчиво в мечтах гуляю, одинокий,
Люблю в последний раз на солнце я взирать,
Которое едва блестит в выси далекой,
Как будто уж оно устало освещать!..

Осенняя пора наводит мне мечтанья,
И флером гробовым как будто дух одет:
То друга верного последнее прощанье,
То умирающих, холодных уст привет!..

И я, полуживой, стоящий над могилой,
Оплакав юных лет пропавшие мечты,
Смотрю еще назад, и с думою унылой
Природы радостной я вижу красоты!

Светило яркое! долины! лес отрадный!
Природа тихая! мне жаль покинуть вас.
Как ясен неба свод! как воздух свеж прохладный!
Как сладок для души свободных птичек глас!..

Теперь бы я желал изведать все страданья
И чашу горестей до дна опустошить,
Быть может, луч златой святого упованья
Мне мог бы счастье земное воротить!..

Быть может, что на дне сей чаши безнадежной
Был нектар схоронен, как солнца луч златой!
Быть может, средь толпы душа девицы нежной
Ответила бы мне любовью неземной!..

Поблекнувший цветок, отцветши, упадет,
И сладкий аромат уносит Аквилон;
Я в мрачный гроб схожу, и память исчезает,
Как в горней синеве воздушной арфы звон!

М. М. Меркли

ВОСПОМИНАНИЕ О БОНАПАРТЕ

(Из Ламартина)

На высоте скалы, забытой в океане,
Задумчивый пловец, окинув даль, в тумане
Могильный видит холм; волна его щадит;
Еще не налегли на свежий камень годы;
И в дикой зелени безжизненной природы
В куски раздроблен, скиптр лежит!

Кто сей? — Нет имени! — Оно знакомо с вами,
Знакомо и земле: кровавыми чертами
Написано оно от Акры до Москвы
На бронзах, мраморах, на персях у героев,
В сердцах у сих рабов, пред ним, при вихрях строев
Клонивших стаями главы.

Так, после двух имен, вещаемых веками,
До стольких стран, между земными именами
Перуны ни с одним не мчались никогда;
До сих времен никто, мир исследив стопою,
Не печатлел следов столь крепких за собою
И наконец ступил... туда!

На детских трех шагах земля его вместила;
Безмолвна тень его, и не страшна могила;
Нога противника покойно топчет прах;
Комар жужжит поверх чела молниевержца;
И вместо кликов, тень внимает самодержца
Волнам, стелящим при скалах!

Но не страшись, о тень, доныне не в покое,
Чтоб оскорбил твое величие немое:

На прах твой клеветать не станет голос мой!
Для славы смерть была эгидою от века;
И память быть должна за гробом человека
Подсудна — истине одной.

Твой гроб и колыбель покрыты облак мглою;
Но так, как молния, ты выброшен грозою:
Ты ужаснул весь мир — лишь появился в нем.
Таков обильный Нил: не черпал Мемфис в оном, —
Но и без имени — кипит он пред Мемноном
Пустынь в безмолвии глухом.

Упала вера... мощь престолы упразднила!
Победой принятый на быстрые ты крила,
Царем над Брутами поставлен славой был*.
Сей век, которого ток яростный и пенный
Мчал нравы, церковь, трон... в основе потрясенный,
Шаг от тебя назад ступил.

Ты не считал числа, сражаясь с заблуждением,
Без утомления — боролся с привиденьем**.
Бесплотный призрак пал под мышцею твоей.
Почетнейших имен высокий оскорбитель —
Играл ты оными, как хищник-истребитель
Святыню мечет с алтарей.

Так — в исступлении — и бешен, но без власти,
Коль век, состарившись, рвал сам себя б на части,
Свободы крик — в цепях — возвысив до небес;
То вдруг его герой, из персти встав мгновенно,
Ударил скипетром — он дрогнул, изумленный, —
И бред пред истиной исчез!

Свобода, слава, честь — слова волшебны мира —
Звенели для тебя, как медного кумира
Безумным эхом в даль переносимый стон.
Напрасно сей язык до слуха прикасался;

* Разумеются здесь виновники и вожди Французской революции.

** Т. е. с мечтою свободы, обуявшею Францию.

Лишь стук меча тебе понятен здесь казался
И ратных труб призывный звон.

Горд, презирающий что смертных обольщало,
Владычество — вот все, что дух твой занимало.
Ты шел... на меч идти — препоной быть твоей!
Как из руки стрелка, по глазу, к верной цели
Летит стрела — твои желанья так летели
И сквозь врагов, и сквозь друзей!

Чтоб прояснить чело от царских огорчений,
За чашей пиршества не пил ты наслаждений,
На чарах пурпура другого отдохнув.
Не прелести могли владеть твоей душою:
Ты видел красоту — и с лаской, и с слезою,
Не улыбнувшись, не вздохнув.

Любил ты только стук железа, вопли брани
Да перелив зарниц оружий в светлой грани;
Лишь ветроногого ласкать умел коня,
Когда он, распустив — как волны — космы гривы,
Взметал с тобою прах окровавленной нивы,
Забыв — что под стопой бронея.

Ты рос — не радуясь, ты падал — без упрёка,
В груди твоей была душа не человека;
Бесстрастный для всего, ты жил, чтоб первым быть.
Так степи царь, орел ширяет одинокой:
Чтоб землю высмотреть — на то имел ты око,
А когти были — чтоб схватить.

Как молния, взлететь к победе в колесницу;
С высот честей на мир перуны брать в десницу;
Все вкупе попересть, трибунов и царей;
Любовь и ненависть разжечь, чтоб цепи сплавить;
Под крепкою уздой дрожать в руках заставить
Народ — вчера судью властей!

Дать веку жизнь и мысль — в виду не у невежды;
С враждою зависть в тьму повергнуть без надежды;
Расстроить, утвердить оторопевший свет;

При роковых громах горящего эфира
Сто раз — в руке Судьбы — играть судьбою мира —
И это жребий твой — не бред!

О если б возвратил по долгу ты корону
Или б на месте зол приют создав закону,
Народа счастью поставил ты оплот —
С какой бы чистою, громчайшей похвалою
В скрижаль Истории был вписан ты молвою;
Как ни гремел ты от высот...

На дикий сей утес заброшен непогодой,
Упал однако ты, смирясь перед природой,
В глазах рвала твою порфиру длань врагов;
И рок — единый бог — твоею чтим гордыней,
Тебя, как милостью, сей подарил пустыней
Между престола и гробов.

О кто мне силу даст в его проникнуть думу,
Когда протекшее, являясь чуждым шуму,
Беседовало с ним, как совести укор;
Когда широкою объяв он грудь — смущенным
Стоял — и над челом нагим и преклоненным
Летали ужас и позор!

Как пастырь, от скалы к зыбям реки взирая,
Глядит на тень свою, простерту в край из края,
Когда под ней поток волнами опенен, —
Так, с верху опыта великих сновидений,
В туман минувших дней быв погружен, твой гений
Искал себя среди времен.

Искал — и дни сии теснились пред тобою,
Как в море, все в огнях, валы идут порою:
Их сладкогласный плеск сколь жадно слух твой пил!
И каждый, на тебя отбросив отблеск славы,
Тебе вид новый нес, вид дивный, величавый —
А ты? — ты весь вниманье был!

Там вихрем через мост перун тушил ты в длани;
Там степь священную будил ты стуком брани
И гордо Иордан твой конь переплывал;

Там пропускал тебя гигант непроходимый;
Там превратил ты в скиптр свой меч непобедимый;
Там... но почто ты бледен стал?

Почто лицо твое невольно отвратилось?
Ты содрогнулся... чем, чем сердце возмутилось?
Иль что ужасное волной к тебе несет?
Разгромленной страны печальную ль картину —
Всю в трупах, кровию дымящуюсь равнину? —
Но славою изглажен вред!

Все может слава скрыть, все, кроме злодеянья.
Но кто сей юноша ведется для закланья —
Кто падает в крови чистойшей? — кто? — Герой!
Его принесший вал прошел, шел, снова мчался,
И мститель — сколько раз убийце ни являлся —
И тень Конде являл с собой.

Как будто бы пятно стирал он торопливый,
Хватаясь за чело рукой нетерпеливой,
Но возрождался вновь след крови под перстом;
И капля, как бы знак, от неба наложенный,
Неизгладимую лежала под короной,
Злодейство сочетав с венцом.

Так, сим твоя, тиран, сим слава помрачится —
И в гении твоём заставит усомниться!
К потомству с кровию дела твои пойдут:
И будешь — вечная добыча непогоды —
Бросаем с Марием и Цезарем в народы,
Меж сих имен свой слышать суд!

Но в мраке ты почил — достойным сожаленья.
Как жнец — главой к серпу — заснув от утомленья,
Спишь в ожиданьи мзды завтра для себя:
Так, по бедру мечом перепоясав латы,
К награде, к казни ли пошел ты для расплаты
К творцу, пославшему тебя.

Вещают, что в конце болезней, при страданьи,
Пред вечностью с одним лишь гением, в молчаньи
Он с умилением на небо посмотрел;

Коснулся мрачного чела знак-искупитель;
И даже имени начало слышал зритель,
Которого свершить... не смел!

Сверши! Единый бог низводит и венчает;
Наказывает бог, но бог же и прощает!
Свой вес для каждого хранит он при весах!
Он, он тебя поймет... пади пред ним без страха!
Все свой дадут отчет — владыка и сын праха,
В венце ли жил иль жил в цепях!

Но Судия воссел... сонм Сил благоговеет!
Вина и подвиг — все на чашах тяготеет:
Да смертный не дерзнет коснуться сим весам!
Кто — с милостью творца — постиг судьбу творений?
А вы, бичи небес! — кто ведает — ваш гений
Не в доблесть ли дается вам?

Н. С. Бобрищев-Пушкин

БАБОЧКА

(Подражание Ламартину)

Родиться с розою прелестной —
И вместе с розою навеки умирать;
С зэфиром плавать в поднебесной,
В цветах беспечно отдыхать, —
И, неба светлого пленясь красотою,
Позабывая дольний мир,
В лазурный улетать эфир...
Вот бабочки удел, дарованный судьбою!
Так и душа в своих мечтах,
Изведав сладость упоений, —
Но ненасытная — стремится в небесах
Искать чистейших наслаждений!

А. М. Редкин

МОТЫЛЕК

(Из Ламартина)

Родиться с розами весной
И в светлых областях эфира
Беспечно плавать над землей,
Прильнувши к крылышку зефира;
На лоне девственном цветов,
Чуть развернувшихся, качаться;
Питаться запахом листков,
Лазурью, светом упиваться;
И, мигом взвившись в облака,
Сокряться в них, как дуновенье —
Вот золотого мотылька
Волшебное определение.
Он как желание — ни в чем
Не находя под солнцем счастья,
На небеса, взмахнув крылом,
Летит — искать там Сладострастья!

П. А. Межаков

БАБОЧКА

(Из Ламартина)

Принять с весною жизнь, а с розой окончать,
Играть с зефирами, резвиться с ветерками,
Колеблясь на цветах, с них нектар похищать
И ароматы пить, прильнувши к ним устами
И в цвете дней еще, сотряси прах с себя,
Сокряться в небесах, как сладкое мечтанье, —
Вот резвой бабочки завидная судьба.
Так наше быстрое, крылатое желанье,
Стремясь к разным все предметам и вещам
И не довольствуясь роз юных упоеньем,
Взлетает наконец к лазурным небесам
На крыльях ветерка за новым наслажденьем.

И. Е. Тюрин

БАБОЧКА

(Из Ламартина)

Родиться вдруг с весной и с розами скончаться,
Зефира на крылах летать под облака,
Порхать над прелестями весеннего цветка,
Дыханьем сладостным небес упоеваться
И в юности еще стряхать со крыльев прах,
Носиться с ветрами в эфирных сторонах —
Вот милой бабочки благое состоянье!
С ней близко сходствует несытое желанье;
Оно, ничем себя не могши напитать,
Стремится к небесам утех там искать.

Н. Девигте

ЗЛОБНЫЙ ГЕНИЙ

(Из Ламартина)

Когда задумчивый, унылый
Сижусь с тобой наедине
И, непонятной движим силой,
Лью слезы в сладкой тишине;
Когда во мрак густого бора
Тебя влеку я за собой;
Когда в восторгах разговора
В тебя вселяюсь я душой;
Когда одно твое дыханье
Пленяет мой ревнивый слух;
Когда любви очарованье
Волнует грудь мою и дух;
Когда главою на колена
Ко мне ты страстно припадешь
И кудри пышные гебена
С небрежной негой разовьешь,
И я задумчиво покою
Мой взор в огне твоих очей:
Тогда невольною тоскою
Мрачится рай души моей.

Ты окропляешь в умиленьи
Слезой горячею меня;
Но и в сердечном упоеньи,
В восторге чувств страдаю я.
«О мой любезный! ты ли муки
Мне неизвестные таишь?»
Вокруг меня обвивши руки,
Ты мне печально говоришь:
«Прошу за страсть мою награды!
Открой мне, милый, скорбь твою!
Бальзам любви, бальзам отрады
Тебе я в сердце излию!»
Не вопрошай меня напрасно,
Моя владычица, мой бог!
Люблю тебя сердечно, страстно —
Никто сильнее любить не мог!
Люблю... но змий мне сердце гложет;
Везде ношу его с собой,
И в самом счастье тревожит
Меня какой-то гений злой.
Он, он мечтой непостижимой
Меня навек очаровал
И мой покой ненарушимый,
И нить блаженства разорвал.
«Пройдет любовь, исчезнет радость, —
Он мне язвительно твердит, —
Как запах роз, как ветер, младость
С ланит цветущих отлетит!..»

А. И. Полежаев

ГЛ. ...Е

(Из Ламаргина)

Когда ты в неге сладкой
Сжимаешь руку мне задумчиво рукой,
Я счастлив, милый друг, и миг блаженства краткий
С невероятною проходит быстротой;
Когда, обняв тебя в тени ветвистой ивы,
Твой каждый вздох устами я ловлю,

Когда мне страстное люблю
 Твердит твой взор красноречивый,
 И клятвы прежние я повторяю вновь,
 Или когда в прохладе тени,
 Как дева райская, как юная любовь,
 Ты голову мне склонишь на колени,
 И взор мой, страстный взор, прильнет к твоим очам,
 Как в вешний день пчела к листочку розы, —
 Тогда — признаться ли? мне грустно; слезы
 Украдкою катятся по щекам;
 Я трепещу, смущаюсь и бледнею,
 И ты тоской пугаешься моею;
 Ты ищешь прочесть в глазах,
 Со вздохом нежного участия,
 Причину страшную грозящего несчастья;
 Ты говоришь: «мой друг, откуда страх?
 Какой удар бессмертные послали?
 Молю тебя, чистосердечен будь;
 Признайся, перелей мне в грудь
 Твою тоску, твои печали».

Блаженствую любовью нашей,
 Я с уст и пламенных очей
 Пью наслажденье полной чашей;
 Но в упоении любви,
 В живых восторгах сладострастья,
 Предвестник близкого несчастья,
 Какой-то страх живет в моей груди.
 Я вечно слышу голос тайный,
 Он неумолкно мне твердит,
 Что все пройдет, как сон случайный,
 Что радость сердцу изменит,
 И вместе с жизнью скоротечной
 Огонь страсти догорит.
 Предвестник страшный, друг сердечный!
 Всегда, везде меня пугает он;
 И я согласен: счастье сон.
 Когда оно не вечно.

А. А. Шишков

ЮНОСТЬ

(Из Ламартина)

О други, сорвемте румяные розы
Весной ароматною жизни младой!
И время летит, и напрасные слезы,
Увы, не воротят минуты златой!
Как плаватель робкий, грозой уstraшенный
И быстро носимый в пучине валов,
Готовится к смерти — и в думе смущенной
Завидует миру домашних богов;
И поздно желает беды неизбежной,
Терзаемый лютой тоской, миновать
И снова, не видя отрады надежной,
Безумец, дерзает судьбу порицать;
Так точно, о други, и старец, согбенный
Под игом недугов и бременем лет.
Стремится, приятной мечтой окриленный,
К весне своей жизни — и нет ее, нет!..
«Отдайте, отдайте мне юные годы
И младости краткой веселые дни!» —
Он вопит — и тщетно; как вихри, как воды,
В туманном пространстве исчезли они,
И грозные боги не слышат моления...
Он розы блаженства срывать не умел;
Беспечный, не мог изловить наслажденья,
И цвет на могиле — страдальца удел...
Сорвемте же, други, румяные розы
Весною цветущею жизни младой,
И время летит, и напрасные слезы,
Увы, не воротят минуты златой!..

А. И. Полежаев

ЭЛЕГИЯ

(Из Ламартина)

Пока еще цветем и дышим мы весной,
Друг милый! полетим вослед за быстрым счастьем,
Сорвем из-под косы цвет жизни молодой,

Пока он не увял, настигнутый ненастьем!
Как бедный плаватель, носимый по волнам,
Свой видя утлый челн игралищем пучины,
Напрасно взор стремится к оставленным брегам
И горько сетует о счастии долины!
И как бы он желал, вдали своих отцов,
Перенестись в свои края родные,
Где он спокойно б мог дни жизни золотые
Провести под тению отеческих богов;
Но что утрачено, не возвратится снова...
Так старец, охая под ношею годов,
Напрасно думает у времени скупого
Возврата испросить утраченной весны
Или богов томит бесплодными мольбами —
Отдать ему лета с их майскими цветами,
Которым он, увы! не знал тогда цены.
Лишь смерть ему ответ — и боги, не внимая
Моленью скучному седого старика
И в мрачный гроб его безжалостно толкая,
Уж не дадут ему сорвать из цветника
Весны его былой дрожащею рукою —
Увы! ни одного цветка.

Итак, подорожим сей жизнью молодою
И, скромно посмеясь безумству смертных чад,
Которые за тень, за призрак славы ложной,
В забвеньи верных благ полжизни не щадят,
Не позавидуем их участи ничтожной,
А лучше поспешим с тобой, бесценный друг,
Из чаши дней златых допить скорее сладость,
Пока на костылях прибредшая к нам старость

Ее не вышибла из рук.

Хотя б на мраморе чьи подвиги сияли
И свежий веял лавр над гордою главою
Иль скромные венки, сплетенные рукой
Признательной любви, нас просто украшали, —
Поверь мне: все придем мы к одному концу.
Да, впрочем, нужно ли и разбирать пловцу,
Спасенному от бури разъяренной,
На чем пристал к надежной он земле:
На гордом ли парящем корабле

Или в ладье смиренной?

И. Е. Тюрин

УНЫНИЕ

(Из Ламартина)

Туда влеки меня, послушная волна,
С безоблачных небес где светлая луна
И с мшистых берегов Неаполь горделивый
Рисуется в волне угрюмой и ленивой,
Влеки! я отдохну близ шумных берегов,
Везувий где встает среди седых валов;
Хочу зари восход узреть с его вершины,
Хочу еще взглянуть на мирные равнины.
Влеки по синеве меня спокойных вод,
К знакомой пристани, где нас свобода ждет;
Где Цинтии в садах Вергилия гробница
И где лежит его забытая цевница.
Туда, под сень олив и виноградных лоз,
Где дружно мирт цветет с кустами свежих роз
И над главой моей сплелись роскошно своды,
При сладком шуме вод и торжестве природы;
Прохладой оживясь раскинутых деревьев,
Мы пробудить придем безмолвие небес.

Но гаснет дней моих печальное светило —
Их бедствие рукой холодной осенило.
Мелькает изредка мне жизни новый свет,
Когда с мечтой моей блеснет любви привет.
Не знаю, суждено ль правдивыми богами
Мне век окончить здесь, с цветущими летами.
Тускнеет небосклон — и взор унылый мой
Не смеет и лететь за ласковой мечтой;
Но если суждено мне на заре склониться,
Но если счастье в глазах моих затмится
И чашу юности, и розовый венок
На камень гробовой положит смертный рок —
Я об одном молю богов в часы кончины:
Да пренесут меня под небеса чужбины!
Я поклонюсь тебе, знакомая страна,
Где протекла моя счастливая весна!

С. Степанов

Дополнение

СТИХИ РУССКИХ ПОЭТОВ, ПОСВЯЩЕННЫЕ АНДРЕ ШЕНЬЕ

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

БИБЛИОТЕКА

В хранилище веков, в святыне их наследства,
Творцов приветствую, любимых мной издетства,
Путеводителей, наставников, друзей.
Их пламень воспалил рассвет души моей;
Обязан вкусом им, занятием и забавой,
Быть может — как узнать? — обязан буду славой.

.....
 Андрей Шенье!¹ Певец и мученик свободы,
 На плаху в жертву ты принес младые годы
 И полное надежд грядущее принес,
 Когда тиранов серп, во дни гражданских гроз,
 Свирепо пожинал под жатвою кровавой
 Все, что грозило им иль доблестью, иль славой.
 Так умирая, ты сказать со вздохом мог,

¹ Андрей Шенье, одна из прекраснейших жертв тирании Робеспьера и французского Конвента, кончил жизнь свою на плахе революционной два дни до низвержения Робеспьера и кровавого владычества, тяготевшего над Францией. Готовясь на казнь, он, ударив себя в голову, сказал: «Однако же тут было что-то!» Вся поэтика его заключиться может в прекрасном его стихе из поэмы «Изобретение»:

Sur des pensers nouveaux faisons des vers antiques.
 < Мы облакаем новые мысли в старые стихи. >

Что многого еще хранил в себе залог.
 Твой стих — неполный звук души в мечтах обильной.
 Уныл и сладостен, как памятник умильный
 Надежд, растерзанных под бурю судеб.
 Феб древних алтарей и новых песней Феб
 Животворяет его согласным вдохновеньем.
 По древним образцам романтик исполненьем,
 Шенье! в трудах твоих решился бы тот спор,
 Что к музам внес вражду междоусобных ссор
 И вечно без конца, как подвиг Пенелопы,
 Не довершен ни мной, ни «Вестником Европы».

.

А. С. ПУШКИН

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ

Посвящено Н. Н. Раевскому

*Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
S'éveillait...*

Меж тем как изумленный мир
 На урну Байрона взирает,
 И хору европейских лир
 Близ Данте тень его внимает,

Зовет меня другая тень,
 Давно без песен, без рыданий
 С кровавой плахи в дни страданий
 Сошедшая в могильну сень.

Певцу любви, дубрав и мира
 Несу надгробные цветы.
 Звучит незнаемая лира.
 Пою. Мне внемлет он и ты.

Подъялась вновь усталая секира
 И жертву новую зовет.
 Певец готов; задумчивая лира,
 В последний раз ему поет¹.

Заутра казнь, привычный пир народу;
Но лира юного певца
О чем поет? Поет она свободу:
Не изменилась до конца!

«Приветствую тебя, мое светило!
Я славил твой небесный лик,
Когда он искрою возник,
Когда ты в буре восходило.
Я славил твой священный гром,
Когда он разметал позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Развевял пеплом и стыдом;
Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу,
Я слышал братский их обет,
Великодушную присягу
И самовластия бестрепетный ответ.
Я зрел, как их могущи волны
Всё ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибун предрек, восторга полный,
Перерождение земли.
Уже сиял твой мудрый гений,
Уже в бессмертный Пантеон
Святых изгнанников входили славны тени,
От пелены предрассуждений
Разоблачался ветхий трон;
Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равенство,
И мы воскликнули: *Блаженство!*
О горе! о безумный сон!
Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас! о позор!
Но ты, священная свобода,
Богиня чистая, нет, — не виновна ты,
В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа,
Сокрылась ты от нас; целебный твой сосуд
Завешен пеленой кровавой;
Но ты придешь опять со мщением и славой,—
И вновь твои враги падут;

Народ, вкусивший раз твой нектар освященный,
Все ищет вновь упиться им;
Как будто Вакхом разъяренный,
Он бродит, жаждою томим;
Так — он найдет тебя. Под сению равенства
В объятиях твоих он сладко отдохнет;
Так буря мрачная минет!
Но я не узрю вас, дни славы, дни блаженства:
Я плахе обречен. Последние часы
Влачу. Заутра казнь. Торжественной рукою
Палач мою голову подымет за волосы
Над равнодушною толпою.
Простите, о друзья! Мой бесприютный прах
Не будет почивать в саду, где проводжали
Мы дни беспечные в науках и в пирах
И место наших урн заране назначали.
Но, други, если обо мне
Священно вам воспоминанье,
Исполните мое последнее желанье:
Оплачьте, милые, мой жребий в тишине;
Страшитесь возбудить слезами подозренье;
В наш век, вы знаете, и слезы преступленье:
О брате сожалеть не смеет ныне брат.
Еще ж одна мольба: вы слушали стократ
Стихи, летучих дум небрежные созданья,
Разнообразные, заветные преданья
Всей младости моей. Надежды, и мечты,
И слезы, и любовь, друзья, сии листы
Всю жизнь мою хранят. У Авеля, у Фанни²,
Молю, найдите их; невинной музы дани
Сберите. Строгий свет, надменная молва
Не будут ведать их. Увы, моя глава
Безвременно падет: мой незрелый гений
Для славы не свершил возвышенных творений;
Я скоро весь умру. Но, тень мою любя,
Храните рукопись, о други, для себя!
Когда гроза пройдет, толпою суеверной
Сбирайтесь иногда читать мой свиток верный,
И, долго слушая, скажите: это он;
Вот речь его. А я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И сам заслушаюсь, и вашими слезами

Упьюсь... и, может быть, утешен буду я
Любовью; может быть, и Узница моя³,
Уныла и бледна, стихам любви внимая...»

Но, песни нежные мгновенно прерывая,
Младой певец поник задумчивой главой.
Пора весны его с любовью, тоской
Промчалась перед ним. Красавиц томны очи,
И песни, и пиры, и пламенные ночи,
Все вместе ожило; и сердце понеслось
Далече... и стихов журчанье излилось:

«Куда, куда завлек меня враждебный гений?
Рожденный для любви, для мирных искушений,
Зачем я покидал безвестной жизни тень,
Свободу, и друзей, и сладостную лень?
Судьба лелеяла мою златую младость;
Беспечною рукой меня венчала радость,
И муза чистая делила мой досуг.
На шумных вечерах друзей любимый друг,
Я сладко оглашал и смехом и стихами
Сень, охраненную домашними богами.
Когда ж, вакхической тревогой утомясь
И новым пламенем незапно воспалюсь,
Я утром наконец являлся к милой деве
И находил ее в смятении и гнев;
Когда, с угрозами, и слезы на глазах,
Мой проклиная век, утраченный в пирах,
Она меня гнала, бранила и прощала,—
Как сладко жизнь моя лилась и утекала!
Зачем от жизни сей, ленивой и простой,
Я кинулся туда, где ужас роковой,
Где страсти дикие, где буйные невежды,
И злоба, и корысть! Куда, мои надежды,
Вы завлекли меня! Что делать было мне,
Мне, верному любви, стихам и тишине,
На низком поприще с презренными бойцами!
Мне ль было управлять строптивыми конями
И круто напрягать бессильные бразды?
И что ж оставлю я? Забытые следы
Безумной ревности и дерзости ничтожной.

Погибни, голос мой, и ты, о призрак ложный,
Ты слово, звук пустой...

О нет!

Умолкни, ропот малодушный!
Гордись и радуйся, поэт:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет;
Ты презрел мощного злодея;
Твой светоч, грозно пламенея,
Жестоким блеском озарил
Совет правителей бесславных⁴;
Твой бич настигнул их, казнил
Сих палачей самодержавных;
Твой стих свистал по их главам;
Ты звал на них, ты славил Немезиду;
Ты пел Маратовым жрецам
Кинжал и деву-эвмениду!

Когда святой старик от плахи отрывал
Венчанную главу рукой оцепенелой,

Ты смело им обоим руку дал,
И перед вами трепетал
Ареопаг остервенелый.

Гордись, гордись, певец; а ты, свирепый зверь,
Моей главой играй теперь:

Она в твоих когтях. Но слушай, знай, безбожный:
Мой крик, мой ярый смех преследует тебя!

Пей нашу кровь, живи, губя:
Ты всё пигмей, пигмей ничтожный.
И час придет... и он уж недалек:
Падешь, тиран! Негодованье

Воспрянет наконец. Отечества рыданье
Разбудит утомленный рок.

Теперь иду... пора... но ты ступай за мною;
Я жду тебя».

Так пел восторженный поэт.

И все покоилось. Лампады тихий свет

Бледнел пред утренней зарею,

И утро веяло в темницу. И поэт

К решетке поднял важны взоры...

Вдруг шум. Пришли, зовут. Они! Надежды нет!

Звучат ключи, замки, запоры.

Зовут... Пстой, пстой; день только, день один:
И казней нет, и всем свобода,
И жив великий гражданин
Среди великого народа⁵.
Не слышат. Шествие безмолвно. Ждет палач.
Но дружба смертный путь поэта очарует⁶.
Вот плаха. Он взошел. Он славу именует...⁷
Плачь, муза, плачь!..

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Comme un dernier rayon, comme un dernier zéphyre
Anime le soir d'un beau jour,
Au pied de l'échafaud j'essaie encor ma lyre.

(V. *Les derniers vers d'André Chénier.*)

- 2 У Авеля, у Фанни.

Abel, doux confident de mes jeunes mystères (El. I) : один из друзей А. Ш.

Fanni, l'une des maîtresses d'An. Ch. Voyez les odes qui lui sont adressées.

- 3 И Узница моя.

V. La jeune Captive (M-lle de Coigny).

- 4 Voyez ses iambes.

Chénier avait mérité la haine des factieux. Il avait célébré Charlotte Corday, flétri Collot d'Herbois, attaqué Robespierre. — On sait que le roi avait demandé à l'Assemblée, par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre signée dans la nuit du 17 au 18 janvier est d'André Chénier.

(H. de la Touche.)

- 5 Он был казнен 8 термидора, т. е. накануне низвержения Робеспьера.

6 На роковой телеге везли на казнь с Ан. Шенье и поэта Руссе, его друга. Ils parlèrent de poésie à leurs derniers moments : pour eux après l'amitié c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers. Ils choisirent la première scène d'Andromaque.

(H. de la Touche.)

- 7 На месте казни он ударил себя в голову и сказал : pourtant j'avais quelque chose là.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ**ИЗ АНДРЕЯ ШЕНЬЕ**

За дело общее, быть может, я паду
Иль жизнь в изгнании бесплодно проведу;
Быть может, клеветой лукавой пораженный,
Пред миром и тобой врагами униженный,
Я не снесу стыдом сплетаемый венец
И сам себе сыщу безвременный конец;
Но ты не обвиняй страдальца молодого,
Молю, не говори насмешливого слова.
Ужасный жребий мой твоих достоин слез,
Я много сделал зла, но больше перенес.
Пускай виновен я пред гордыми врагами,
Пускай отмстят; в душе, клянуся небесами,
Я не злодей, о нет, судьба губитель мой;
Я грудью шел вперед, я жертвовал собой;
Наскучив суетой обманчивого света,
Торжественно не мог я не сдержать обета;
Хоть много причинил я обществу вреда,
Но верен был тебе всегда, мой друг, всегда;
В уединении, среди толпы мятежной,
Я все тебя любил и все любил так нежно.

САШКА*Нравственная поэма***Глава I**

.

79

И кровь с тех пор рекою потекла,
И загремела жадная секира...
И ты, поэт, высокого чела
Не уберег! Твоя живая лира
Напрасно по вселенной разнесла
Все, все, что ты считал своей душою —
Слова, мечты с надеждой и тоскою...

Напрасно!.. Ты прошел кровавый путь,
Не отомстив, и творческую грудь
Ни стих язвительный, ни смех холодный
Не посетил — и ты погиб бесплодно...

80

И Франция упала за тобой
К ногам убийц бездушных и ничтожных.
Никто не смел возвысить голос свой;
Из мрака мыслей гибельных и ложных
Никто не вышел с твердою душой, —
Меж тем как втайне взор Наполеона
Уж зрел ступени будущего трона...

.

Е. П. РОСТОПЧИНА

АНДРЕ ШЕНЬЕ

*Comme un dernier rayon, comme un dernier sourire
Anime la fin d'un beau jour,
Au pied de l'échafaud j'essaye encore ma lyre,
Peut-être est-ce bientôt mon tour?..*

André Chénier, le jour de sa mort,
7 Thermidor 1794

Есть имя — от него издавна сердце билось,
Когда ребенком я несведущим была,
Однажды, меж больших, речь грустная зашла
Об юном узнике; я в страхе притаилась,
Вникала всей душой в несвязный их рассказ,
Столь темный для меня, жилицы новой света,—
Была растрогана страданиями поэта,
Темницей, смертью... Рекой из детских глаз
Впервые полились возвышенные слезы...
Я только поняла, что мученик молодой,
Невинен и велик, пал гордо под враждой,
Презрев гонителей, их злобу и угрозы...
Я только поняла, что он прекрасен был,

Что плакали о нем, что страстно он любил...
 И возгорелось мое воображенье,
 И в память свежую он врезался навек,
 И для мечты моей он был не человек,
 А идеал, герой, предмет благоговенья!

Потом, — уж в девушку ребенок превращался, —
 Стихов его при мне читали невзначай
 Отрывки беглые, и мнилось, светлый рай,
 Давно обещанный, передо мною разврался!..
 Волшебно-сладостной гармонией его
 Пленялся юный слух; весь жар, весь пыл кипучий
 Его высоких чувств и мысли блеск могучий
 Легко открыли путь до сердца моего,
 Легко ответное в нем эхо пробудили.
 Но скоро чтение и чад мой прекратили,
 Напрасно раздражив мой любопытный ум...
 И тщетно, жаждущий, он рвался утолиться,
 Дослышать чудные напевы, допроситься
 Ключа к понятию певца тревожных дум, —
 Мне книги не дали!..

Годов поток бежал,
 Срок минул наконец завистливых запретов,
 Шенье любимец мой меж всех других поэтов,
 Меж прежних, нынешних!.. Суждёнью он сдержал,
 Что нетерпению, догадкам обещал!
 Предубеждение в пристрастье превратилось.
 Его судьбы, любви пленительный рассказ,
 Как друга исповедь читая много раз,
 Я с чувствами его и с мыслями сдружилась.
 Камиллы ветреной измены я клянусь
 И верность Авеля приемлю с умилением,
 Как будто бы он мне был верен! С восхищеньем
 Мечту моей души нашла я не одну
 В мечтах восторженных ленивца молодого.
 Да! я люблю его как брата дорогого,
 О ком бы мать в слезах рассказывала мне,
 Чтоб с памятью его, в сердечной глубине
 Моей, сокрыть навек заветные преданья!
 Да, я люблю его, как будто б мы должны
 С ним где-то встретиться, и оба суждены

На дружбу долгую!.. Его существованье
Неиссякаемый предмет моей мечты.
Так молод!... так хорош!.. Так жизнь и мир любивший,
Он утро дней воспел, до полдня не доживши!..
Он с древа жизни снял лишь ранние цветы!..
Он чувствовал в себе избыток свежей силы,
Невысказанных дум, священного огня,
Звал славу как венец трудов и бытия..
А слава лишь ему блеснула за могилой!..

II

HENRI de LATOUCHE

SUR LA VIE ET LES OUVRAGES D'ANDRÉ CHÉNIER

L'écrivain dont nous publions pour la première fois les ouvrages, n'avait laissé dans le souvenir de quelques amis des Muses qu'un nom promis à la célébrité, et une gloire moins fondée sur des titres que sur des regrets. Son talent n'était attesté que par quelques fragments du genre de l'Élégie ; mais ses vers étaient empreints de tant de grâce, ils avaient un tel parfum du génie antique, qu'il semblait que la mémoire des gens de goût et la tradition du plaisir qu'on éprouvait à les connaître, dût, sans les circonstances qui nous ont livré ses autres essais, remplacer pour lui les honneurs des éditions successives.

Peut-être fallait-il laisser à ce poète, à la fois inconnu et célèbre, le prestige de sa destinée : peut-être y a-t-il quelque chose d'irréligieux à soulever le voile qui couvre une renommée d'innocence et de mystère. Pourquoi livrer les fruits imparfaits de cette muse aux hasards de nos préoccupations, et demander deux fois au jugement des hommes ce qu'ils accordent si difficilement ? Nous eussions obéi à ces considérations, sans la crainte de n'être frappé de ces idées que parce qu'elles sont naturelles à ceux qui ne sont pas nés pour un grand nom, et de céder, par des abnégations faciles, à cette indifférence de la gloire qui ne suppose aucun sacrifice.

C'est surtout aux poètes que s'adresse l'espoir de notre zèle, en mettant au jour ce recueil ; c'est au peu d'hommes restés fidèles à un culte délaissé, que cette lecture peut offrir un sujet d'étude et de méditations profitables. Les livres ne manquent pas

aux idées positives de ce siècle ; pourquoi n'en apparaîtrait-il pas un pour ces esprits qui n'ont pas encore déserté tous les champs de l'imagination ? Leur estime peut consoler Chénier de l'indifférence qu'il doit attendre de la critique ; et c'est dans cette espérance que nous allons jeter un coup d'œil sur ses ouvrages et sur sa vie si rapide.

André-Marie de Chénier naquit à Constantinople, le 29 octobre 1762. Sa mère était une Grecque dont l'esprit et la beauté sont célèbres. Il fut le troisième fils de M. Louis de Chénier, consul-général de France. Le plus jeune des quatre frères était Marie-Joseph, auteur de *Fénélon*, de *Charles IX* et de *Tibère*.

Conduit en France à l'âge le plus tendre, André Chénier fut envoyé à Carcassonne et confié, jusqu'à neuf ans, aux soins d'une tante, sœur de son père. Il commença sous le ciel du Languedoc, aux bords de l'Aude dont les souvenirs le charmaient sans cesse, une éducation toute libre et toute rêveuse. Son père revint à Paris vers 1773 et le plaça, avec ses deux frères aînés, au collège de Navarre. Son goût pour la poésie se développa de très bonne heure ; il savait le grec à seize ans ; il traduisit au collège une Ode de Sapho ; et cette pièce, sans être digne de voir le jour, porte déjà le caractère d'un talent très original.

A vingt ans, il entra comme sous-lieutenant dans le régiment d'Angoumois en garnison à Strasbourg. Mais il y cherchait la gloire ; et ne trouvant dans cette vie oisive, dans les habitudes frivoles des officiers de ce temps-là, que de l'ennui et des dégoûts incompatibles avec son caractère, il revint, après six mois, recommencer à Paris des études fructueuses, parce qu'il les poursuivait sans distractions et sans maîtres.

Il recherchait le commerce de tout ce que les arts, les sciences, les lettres possédaient de talents distingués. Il mérita, dès cette époque, l'honorable amitié de Lavoisier, de Palissot, de David et de Lebrun. Animé de la passion de l'étude, il se levait avant le jour pour s'occuper de ses travaux : les seuls rêves de l'ambition qu'il ait connue étaient d'atteindre à l'universalité des connaissances humaines.

L'excès du travail lui causa une maladie violente. Les deux frères Trudaine, ses amis d'enfance, après avoir hâté sa guérison, le décidèrent à les accompagner en Suisse. Il fit ce voyage à vingt-deux ans. On a retrouvé quelques notes de ses impressions passagères, mais rien qui se rapporte à l'idée d'écrire un ouvrage. On y sent même l'embarras d'une admiration trop excitée, et

cette impuissance de l'enthousiasme qui a besoin pour créer de la magie des souvenirs.

Au retour de cette excursion toute poétique, le marquis de la Luzerne, ambassadeur en Angleterre, l'emmena avec lui. Il paraît qu'il passa à Londres des jours pénibles. Mécontent de son sort et de sa dépendance, déjà tourmenté d'une maladie qui l'obséda toujours, il épuisa en de fréquents voyages quelques années d'une vie errante, inquiète, incertaine, et ne se fixa enfin à Paris qu'en 1788.

C'est alors, à vingt-six ans, qu'il mit dans ses travaux commencés et dans le plan des ouvrages qu'il voulait faire, une suite et un ordre constants. Charmé des Grecs, il forma son style sur leurs divins modèles ; mais, frappé de l'intolérante obstination de quelques esprits à prétendre enfermer le vol des Muses dans le cercle de leurs étroites idées, il résolut de s'en affranchir, d'essayer des routes nouvelles, et consacra ce projet dans le poème intitulé *l'Invention*. L'amour de la nature et des vertus de cet âge naïf où l'on méconnut l'emploi de l'or, tourna ses idées vers l'Eglogue. C'est une vocation des âmes pures. Chatterton, dont la destinée présente avec celle de notre poète plus d'un rapport, s'exerça aussi dans ce genre. Cette sorte de composition était assez justement discréditée parmi nous, à cause des noms de Ronsard, de Fontenelle et quelques autres ; mais Chénier chercha les traces des maîtres, et quelquefois il les a rencontrées.

Un sentiment plein d'analogie avec la poésie s'empara des inspirations de ce cœur ; il retrouva pour le peindre toute la grâce oubliée des formes antiques. Amour, qui accables et soutiens les jours du poète, nul peut-être n'était destiné à te rendre avec plus d'éloquence. Il prend sur sa lyre des accents d'une vérité déchirante, ce sentiment qui tient à la douleur par un lien, par tant d'autres à la volupté.

Au milieu de ces agitations, il jeta les idées premières de plusieurs poèmes dont les plans n'étaient point arrêtés. Sous le titre vague d'*Hermès*, il voulait, comme Lucrèce, expliquer *la nature des choses* par le secours de nos connaissances modernes. Il voulait chanter *l'Amérique* pour faire de la faiblesse et de l'innocence ses héros ; retracer *l'Art d'aimer*, si profond, si étudié dans les mœurs françaises ; enfin, dans un poème de *Suzanne*, s'emparer de toute la poésie des livres saints et de la primitive élégance de Jacob.

Il ne confiait le secret de ces espérances qu'à bien peu de personnes. Son frère, Lebrun, MM. de Pange et de Brazais

étaient à peu près tout son aréopage. Il fuyait, comme un autre les cherche, les occasions éphémères de briller, mûrissait ses talents en silence et dédaignait l'éclair d'une réputation qui devance ses titres.

Il était livré à ces travaux assidus, quand d'imposants événements vinrent l'arracher à cette carrière. L'année 1789 venait de briller pour la France : les cœurs généreux palpitaient d'espoir ; et celui d'André Chénier ne pouvait demeurer indifféremment dans les intérêts des lettres, quand ceux de la patrie s'agitaient. Eût-il été digne de la poésie, s'il n'eût aimé la liberté ?

Il lui prêta son appui ; quitta la langue harmonieuse des Muses pour la pressante logique des discussions, et fit à la raison publique qui demandait à s'éclairer, le sacrifice de sa chère obscurité. Réuni à quelques écrivains de mérite, entre autres à ses amis MM. de Pange et Roucher, il établit dans le *Journal de Paris* une énergique opposition aux principes d'anarchie et aux résistances aristocratiques qui se développaient de toutes parts. C'était former sur sa tête cette tempête qui devait l'engloutir.

On a dit assez généralement que les deux Chénier avaient professé en politique, et montré dans le cours de notre révolution des opinions opposées. C'est ici le lieu de rectifier cette erreur. Leur dissidence ne s'établit que sur un point ; sur un point essentiel à la vérité, mais explicable par la seule différence de leurs caractères.

Lorsque les *Amis de la Constitution* fondèrent leur club, sous ce titre d'abord respectable, Marie-Joseph consentit d'en faire partie. Son frère, plus éclairé, plus âgé que lui (on l'oublie souvent), pressentit quelle sinistre influence allait exercer cette association et quel tort, peut-être irréparable, elle allait faire à une cause glorieuse. Il fut des premiers à combattre ses doctrines et son pouvoir sanguinaires par de courageux écrits. Marie-Joseph, qui trouvait dans cette assemblée d'ardents amis, peut-être quelques prôneurs, quelques appuis pour ses efforts à la tribune et au théâtre, se défendit quelque temps de croire à leurs coupables vues. Il imprima dans les feuilles publiques que les écrits de son frère ne renfermaient point sa pensée ; mais peu de temps après il s'éloigna avec horreur de cette société devenue trop célèbre sous la dénomination des *Jacobins*.

Son erreur avait été courte, car elle s'était dissipée avant les premiers excès de ses collègues. Mais c'en était assez pour avoir frappé les esprits. Divisés sur un point, on établit que les deux frères l'étaient sur tous ; et de là cette opinion, encore répétée,

qu'André Chénier appartenait à la cause des privilèges et des injustices. On conçoit qu'une telle conquête ait tenté l'ambition de certain parti ; mais là, comme ailleurs, ses prétentions s'évanouissent devant l'évidence.

Doué d'une raison supérieure et de ce courage civil, rare en France où la valeur est commune, André Chénier devait se placer dans les rangs peu nombreux de ces hommes que n'approchent ni l'ambition, ni la crainte, ni l'intérêt personnel. La plupart des esprits ne sauraient comprendre qu'on ne tienne à aucun parti, à aucune secte, et qu'on ose penser tout seul : c'est le propre des amis de la liberté. Ceux-là se placent au milieu des factions qui se combattent ; et il ne faut pas croire que s'ils suivent cette ligne, que s'ils s'exposent dans cette carrière, la plus périlleuse de toutes, ils en méconnaissent le désavantage. N'accusons point leur habileté pour nous dispenser d'honorer leur courage.

Le caractère d'André Chénier était armé contre toute hypocrisie et tout arbitraire ; il ne voulait pas plus, comme il l'a dit lui-même, des fureurs démocratiques que des iniquités féodales ; des brigands à piques que des brigands à talons rouges ; de la tyrannie des patriotes que de celle de la Bastille ; des privilèges des dames de cour que de ceux des dames de halle. Il eût rougi de choisir entre Coblantz et les jacobins. On le verra, au péril de cette vie qui lui fut arrachée, s'offrir à défendre Louis XVI ; et quand la cause d'une grande infortune lui parut sacrée, la plume qu'il lui prêta avait tracé les plus fortes paroles qu'on ait écrites contre cette résistance que le pouvoir monarchique voudrait opposer à la juste liberté des peuples.

Cependant les événements se précipitaient : Chénier avait mérité la haine des factieux ; il avait célébré Charlotte Corday, flétri Collot-d'Herbois, attaqué Robespierre ; et le procès de Louis XVI vint réveiller la vengeance de ses puissants ennemis. Après avoir épuisé, dans les journaux du temps, tout ce que la raison des âmes généreuses pouvait avoir de force pour faire changer les formes de cette procédure, il proposa à M. de Malesherbes de partager près du Roi les périls de sa tâche ; et lorsque la sentence mortelle fut prononcée, son dévouement sembla redoubler.

On sait que le Roi avait demandé à l'Assemblée, par une lettre pleine de calme et de dignité, le droit d'appeler au peuple du jugement qui le condamnait. Cette lettre, signée dans la nuit du 17 au 18 janvier, est d'André Chénier. Elle a été imprimée dans ce volume sur la minute écrite de sa propre main, et corrigée en plusieurs passages sur les avis de M. de Malesherbes.

Tant d'imprudentes vertus avaient compromis les jours de Chénier. On le décida à quitter Paris vers 1793. Il alla d'abord à Rouen, puis à Versailles où Marie-Joseph avait réuni des suffrages populaires. L'amitié des deux frères s'était entretenue par de continuel et de réciproques témoignages. Nous publions une lettre de l'auteur d'Henri VIII, où se peint la plus ancienne et la plus fidèle affection. C'est à son frère qu'il dédia sa tragédie de *Brutus et Cassius*. André, à son tour, prend sa défense contre les injurieuses déclamations de Burke ; il adresse à Marie-Joseph la première de ses Odes, et se plaît sans cesse à rappeler dans ses ouvrages le souvenir de leur mutuel appui.

A Versailles, son frère le protégea de son crédit ; il choisit lui-même la maison qui lui servit d'asile ; et là, dans ces murs devenus une solitude, abandonné à des jours de tristesse et de paix, notre poète eût été conservé à la France, sans le plus déplorable et le plus inattendu des événements.

André apprit qu'un de ses amis, M. Pastoret, venait d'être arrêté à Passy. Il y vole ; il veut offrir à sa famille quelques paroles de consolation. Des commissaires chargés d'une visite de papiers, jugèrent *suspectes* les personnes trouvées dans ce domicile, et les conduisirent toutes en prison. On rechercha l'origine de ce qu'on supposait un acte de quelque comité ; on voulut connaître de quel pouvoir il pouvait émaner, afin de le fléchir : ces démarches furent inutiles. Quelqu'un offrit une somme considérable pour cautionner la liberté du prisonnier ; nulle autorité n'osa la lui rendre, et il était arrêté sans ordre !*

Cependant les ennemis de la faction anarchique étaient tous recherchés, et les arrêts du tribunal révolutionnaire couvraient Paris de deuil. L'unique sauvegarde des prisonniers était l'oubli où ils tombaient à la faveur de leur nombre. Ceux qui sont sortis à cette époque de la terrible épreuve des cachots se souviennent que c'est à ce moyen de salut que tendait la sollicitude de leurs amis. Il fallait se faire oublier ou périr. Marie-Joseph, alors insulté à la tribune, devenu l'objet de la haine particulière de Robespierre qui redoutait ses principes et enviait ses talents, n'aurait eu que le crédit de faire hâter un supplice ; il s'abstenait même de paraître à la Convention. Il pouvait mourir avec son frère, non le sauver.

* La maison où Chénier fut arrêté, à Passy, est devenue la propriété d'un homme qui aime les lettres et les cultive avec succès. Il a consacré, dans ses jardins, un souvenir à ce funeste événement.

Heureux si l'on eût suivi ses conseils ! si l'on se fût renfermé, pour André, dans cette prudence qui conserva les jours de M. Sauveur de Chénier, détenu en même temps à la Conciergerie.

Nous n'expliquons point ces détails pour réfuter la basse calomnie qui essaya de rendre Marie-Joseph responsable du sort de son frère. Cette justification serait une injure à sa mémoire. Les plus violents adversaires de ses principes, les plus injustes détracteurs de son talent n'ont jamais trempé dans ces vils soupçons quand ils ont mérité l'honneur de le combattre. Certes, on ne connaît point à M. de Châteaubriand de raison d'aimer Chénier. Son successeur à l'Académie a peut-être, dans un discours fameux, laissé revivre trop de ressentiments contre lui ; mais dans ce discours, il ajoute : « Chénier a su, comme moi, ce que c'est que de perdre un frère tendrement aimé ; il serait sensible à l'hommage que je rends à ce frère, car il était naturellement généreux. » On sait que les amis de l'un furent ceux de l'autre jusqu'à la mort. Et sa mère, dit le respectable M. Daunou, en parlant de la victime si malheureusement immolée, sa mère qui l'a pleuré quatorze ans, demeura tant qu'elle vécut avec Marie-Joseph. C'était lui qui la consolait.

Mais le père des deux poètes fatiguait de plaintes inutiles les hommes puissants de cette sanguinaire époque. Imprudent vieillard ! il parvint à s'en faire entendre. « Quoi ! lui dit un de ces agents de terreur, que je ne nommerai point parce qu'il vit encore, est-ce parce qu'il porte le nom de Chénier, parce qu'il est le frère d'un Représentant, que depuis six mois on ne lui a pas encore fait son procès ? Allez, Monsieur, votre fils sortira dans trois jours. »

Hélas ! et en effet. Et quand le malheureux père allait parler aux amis de son fils, de ses espérances et de sa joie, on lui répondait : Puissiez-vous ne jamais accuser votre tendresse !

André Chénier retoucha, dans sa prison, des ouvrages que son frère aurait publiés sans doute, si le travail qu'il commença à ce sujet ne fût demeuré imparfait, à cause de la dispersion des manuscrits en plusieurs mains et en plusieurs lieux.

Oserons-nous dire quelle impression fut la nôtre, lorsque ces ouvrages, enfin rassemblés, tracés tous de sa propre main, nous furent confiés après vingt-trois ans d'oubli ? Chargé de ce précieux dépôt, avec quel recueillement je contemplais les traces fragiles d'une pensée peut-être immortelle ; je relus ces chants avec quelque chose de l'émotion que donne l'écrit d'une main chérie et les affections les plus près de notre cœur. Que d'affli-

geantes idées me rappelaient quelques-uns de ces caractères furtivement tracés ; ces lignes pressées sur d'étroits feuillets choisis pour être soustraits à l'inquisition d'un géôlier ! Le temps commençait de les attaquer ; et je les déployais avec un soin presque égal à celui que j'avais vu naguère employer à Naples à dérouler les manuscrits d'Epicure ou d'Anacréon. Une révolution de la nature avait presque anéanti ces beaux modèles ; et nos discordes, plus terribles encore, avaient longtemps menacé un de leurs glorieux disciples.

Toutefois, le jeune poète ne fut jamais satisfait de ses esquisses. Le sens quelquefois douteux d'une pensée, les tours trop elliptiques, les mots que pourra noter la critique, il les avait remarqués lui-même. Il se blâmait souvent ; et j'ai retrouvé des passages qu'il avait soulignés ou censurés de sa main. Ceux de nos juges pour qui la correction est le premier des mérites, et qui sont moins touchés des beautés d'un ouvrage qu'offensés de ses défauts, pourront trouver à exercer leur blâme dans ce Recueil, qui n'eût pas été si étendu sans des intérêts qu'il m'a fallu respecter. Mais ces esprits armés contre leur plaisir se souviendront peut-être que l'auteur ne parcourut de la carrière humaine que le temps des troubles et des passions. Si vous lui voulez une correction irréprochable, allez le redemander au tombeau qui se ferma sur lui à trente et un ans. Exigeront-ils les saveurs de l'automne d'un fruit naissant tombé sous les coups d'un orage ?

L'ensemble de sa poésie donne l'enchantement. Elle a ce qui est le caractère des œuvres du génie : le pouvoir de vous ravir à vos propres idées, et de vous transporter dans le monde de ses créations. J'ai vu partager cette ivresse enthousiaste aux esprits les plus difficiles et les plus accoutumés, par la réflexion, à calculer l'effet de la pensée. La plupart de ses Idylles sont des modèles dont Théocrite avouerait l'ordonnance, et ses Elégies semblent des inspirations où Tibulle a jeté sa flamme, où La Fontaine a mêlé sa grâce.

Mais j'oublie à parler des choses qui feront vivre son nom, que quelques jours dans la captivité lui restent encore, et qu'il convient d'achever une tâche douloureuse. Les deux Trudaine partageaient sa captivité. Suvée, prisonnier comme eux, s'occupait de faire son portrait. Cette peinture, possédée aujourd'hui par M. de Vérac, est la seule image qui reste de lui. C'est à Saint-Lazare qu'il composa pour mademoiselle de Coigny cette Ode, *La Jeune Captive*, que peut-être on n'a jamais lue sans attendrissement. La veille du jour où il fut jugé, son père le rassurait en-

core en lui parlant de ses talents et de ses vertus. « Hélas ! dit-il, M. de Malesherbes aussi avait des vertus ! »

Il parut au tribunal sans daigner parler ni se défendre. Déclaré *ennemi du peuple*, convaincu d'avoir écrit *contre la liberté* et défendu *la tyrannie*, il fut encore chargé de l'étrange délit d'avoir *conspiré* pour s'évader. Ce jugement fut rendu pour être exécuté le 7 thermidor (25 juillet 1794) ; c'est-à-dire l'avant-veille de ce jour qui eût brisé ses fers et qui délivra toute la France.

MM. de Trudaine demandèrent la faveur de périr avec lui, mais on les avait réservés à l'exécution du lendemain (du lendemain, 8 thermidor !) ; les bourreaux s'applaudissaient, alors, quand la victime pouvait reconnaître le sang de ses amis, à la place où ils allaient répandre le sien.

Chénier monta à huit heures du matin sur la charrette des criminels. Dans ces instants où l'amitié n'est jamais plus vivement réclamée, où l'on sent le besoin d'épancher ce cœur qui va cesser de battre, le malheureux jeune homme ne pouvait ni rien recueillir ni rien exprimer des affections qu'il laissait après lui. Peut-être il regardait avec un désespoir stérile ses pâles compagnons de mort : pas un qu'il connût ! A peine savait-il, dans les trente-huit victimes qui l'accompagnaient, les noms de MM. de Montalembert, Créqui de Montmorency, celui du baron de Trenck, et de ce généreux Loiserolles, qui s'empressait de mourir pour sauver un fils à sa place. Mais aucun d'eux n'était dans le secret de son âme ; cet esprit qui entendit sa pensée, ce cœur parent du sien, comme a dit le poète, Chénier l'appelait peut-être et frémissait de son vœu... quand tout à coup s'ouvrent les portes d'un cachot fermé depuis six mois, et l'on place à ses côtés sur le premier banc du char fatal, son ami, son émule, le peintre des Mois, le brillant, l'infortuné Roucher.

Que de regrets ils exprimèrent l'un sur l'autre ! « Vous, disait Chénier, le plus irréprochable de nos citoyens, un père, un époux adoré, c'est vous qu'on sacrifie ! — Vous, répliquait Roucher, vous, vertueux jeune homme, on vous mène à la mort, brillant de génie et d'espérance ! — Je n'ai rien fait pour la postérité, répondit Chénier ; puis, en se frappant le front, on l'entendit ajouter : *Pourtant j'avais quelque chose là !* » C'était la Muse, dit l'auteur de René et d'Atala, qui lui révélait son talent au moment de la mort. Il est remarquable que la France perdit sur la fin du dernier siècle trois beaux talents à leur aurore : Malfilâtre, Gilbert et André Chénier. Les deux premiers ont péri de misère, le troisième sur un échafaud.

Cependant le char s'avavançait. Et à travers les flots de ce peuple, que son malheur rendait farouche, leurs yeux rencontrèrent ceux d'un ami qui accompagna toute leur marche funèbre, comme pour leur rendre un dernier devoir ; et qui raconta souvent au malheureux père, qui ne survécut que dix mois à la perte de son fils, les tristes détails de leur fin.

Ils parlèrent de poésie à leurs derniers moments. Pour eux, après l'amitié, c'était la plus belle chose de la terre. Racine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière admiration. Ils voulurent réciter ses vers, pour étouffer peut-être les clameurs de cette foule qui insultait à leur courage et à leur innocence. Quel fut le morceau qu'ils choisirent ? Quand je fis cette question à un homme dont l'âge et les malheurs commencent à glacer la mémoire, il hésita à me répondre. Il me promit de rechercher ce souvenir, de s'informer près de quelques personnes à qui, autrefois, il avait pu le raconter. Je demeurai dans une pénible attente, jusqu'à ce qu'on me dît, après quelques jours, et avec l'accent d'une sorte d'indifférence qui était bien loin de moi : C'était la première scène d'*Andromaque*.

Ainsi, tour à tour, ils récitèrent le dialogue qui expose cette noble tragédie. Chénier, que cette idée avait frappé le premier, commença ; et peut-être un dernier sourire effleura ses lèvres, lorsqu'il prononça ces beaux vers :

Oui, puisque je retrouve un ami si fidèle,
Ma fortune va prendre une face nouvelle ;
Et déjà son courroux semble s'être adouci,
Depuis qu'elle a pris soin de nous rejoindre ici.

Ces sentiments étaient dans son cœur ; l'époque où il succomba les explique. Pouvait-il regretter l'avenir ? Il avait désespéré, en France, de la cause de la vertu et de la liberté.

Ainsi périt ce jeune cygne, étouffé par la main sanglante des révolutions. Heureux de n'avoir élevé de culte qu'à la vérité, à la patrie et aux Muses, on dit qu'en marchant au supplice, il s'applaudissait de son sort ; je le crois. Il est si beau de mourir jeune ! Il est si beau d'offrir à ses ennemis une victime sans tache, et de rendre au Dieu qui nous juge une vie encore pleine d'illusions !

КОММЕНТАРИИ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- Баратынский-1827 — Стихотворения Евгения Баратынского. М., 1827.
Баратынский-1835 — Стихотворения Евгения Баратынского. М., 1835. Ч. I.
Батюшков — Сочинения К. Н. Батюшкова. Т. I—III. СПб., 1885.
Батюшков-1964 — Батюшков К. Н. Полн. собр. стих. Л., 1964. — (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.).
Батюшков-1977 — Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Л., 1977. — («Лит. памятники»).
- Батюшков-1986 — Батюшков К. Н. Избранные сочинения. М., 1986.
БдЧ — Библиотека для чтения.
Белинский — Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. I—XIII. М., 1953—1959.
Бенедиктов — Стихотворения Бенедиктова. Т. III. СПб., 1884.
БЗ — Библиографические записки.
Бл. — Благонамеренный.
Бороздна — Опыты в стихах Ивана Бороздны. М., 1828.
ВЕ — Вестник Европы.
ВПК — Временник Пушкинской комиссии.
Вяземский — Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. Т. I—XII. СПб., 1878—1896.
Вяземский-1986 — Вяземский П. А. Стихотворения. Л., 1986. — (Б-ка поэта. Большая серия. 3-е изд.).
Вяземский. Эстетика — Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М., 1984.
Глебов — Элегии и другие стихотворения Дмитрия Глебова. М., 1827.
Давыдов-1984 — Давыдов Д. В. Стихотворения. Л., 1984. — (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.).
ДЖ — Дамский журнал.
Ежег. РОПД-72 — Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома. 1972. Л., 1974.
Жуковский — Жуковский В. А. Полное собрание сочинений / Под ред. А. С. Архангельского. Т. I—XII. СПб., 1902.
Жуковский-1980 — Жуковский В. А. Сочинения. В 3 т. Т. I—III. М., 1980.
Заборов — Заборов П. Р. Шарль Мильвуа в русских переводах и подражаниях первой трети XIX века // Взаимосвязи русской и зарубежных литератур. Л., 1983.
Зимцерла — Зимцерла. Альманах на 1829 год. М., 1829.
Иванчин-Писарев — Сочинения и переводы в стихах Н. Иванчина-Писарева. М., 1819.
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, рукописный отдел.
Козлов-1840 — Собрание стихотворений Ивана Козлова. 3-е изд. Ч. 1—2. СПб., 1840.
Кюхельбекер — Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. — («Лит. памятники»).
- ЛГ — Литературная газета.
ЛН — Литературное наследство.
ЛПРИ — Литературные прибавления к «Русскому инвалиду».
Маркевич — Стихотворения эротические Н. Маркевича. М., 1829.
МВ — Московский вестник.
Межаков — Стихотворения Павла Межакова. СПб., 1828.

- Меркли — Стихотворения Михаила Меркли. М., 1835.
- Милонов — Сатиры, послания и другие мелкие стихотворения Михаила Милонова. СПб., 1819.
- МН — Московский наблюдатель.
- МОЛРС — Общество любителей российской словесности при Московском университете.
- Морозов — Морозов П. О. Пушкин и Парни // Пушкин. Сочинения / Под ред. С. А. Венгерова. Т. I. СПб., 1907.
- МТ — Московский телеграф.
- НА — Невский альманах.
- НЛ — Новости литературы.
- ОА — Остафьевский архив кн. Вяземских. Т. I—V. СПб., 1899—1909.
- ОЗ — Отечественные записки.
- ОЛРС — Вольное общество любителей российской словесности.
- ОЛСНХ — Вольное общество любителей словесности, наук и художеств.
- Опыты — Опыты в стихах и прозе Константина Батюшкова. Ч. 1—2. СПб., 1817.
- Опыты в словесности — Опыты в словесности воспитанников благородного пансиона г. Коваленкова в Харькове. Харьков, 1823.
- П. в восп. — А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1—2. М., 1979.
- ПЗ — Полярная звезда.
- ПИМ — Пушкин. Исследования и материалы.
- Плетнев — Плетнев П. А. Сочинения и переписка. Т. I—III. СПб., 1885.
- Полежаев-1832 — Стихотворения Александра Полежаева. М., 1832.
- Полежаев-1987 — Полежаев А. И. Стихотворения и поэмы. Л., 1987. — (Б-ка поэта. Большая серия. 3-е изд.).
- Поэты 1820—30 — Поэты 1820—1830-х гг. Т. 1—2. Л., 1972. — (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.).
- ПС — Пушкин и его современники.
- Пушкин — Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. I—XVI и Справочный том. / М.—Л. / АН СССР, 1937—1949.
- Пушкин — ИАН — Сочинения Пушкина. Изд. имп. Академии наук. Т. I. 2-е изд. СПб., 1900.
- Пушкин-1855 — Сочинения Пушкина. Изд. П. В. Анненкова. Т. I—VII. СПб., 1855—1857.
- Пушкин-1956 — Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 1—10. 2-е изд. М., 1956—1958.
- РА — Русский архив.
- РВ — Русский вестник.
- Редкин — Цевница. Стихотворения А. Редкина. М., 1828.
- Реизов — Реизов Б. Г. История и теория литературы. Л., 1986.
- РИ — Русский инвалид.
- РМ — Российский музей.
- РП — Рукою Пушкина. М.—Л., 1935.
- РС — Русская старина.
- СВ — Северный вестник.
- СЗ — Северная звезда. СПб., 1829.
- СЛ — Северная лира на 1827 год. М., 1827.
- СМ — Северный Меркурий.
- СО — Сын отечества.
- Совр. — Современник.

Соревн. — Соревнователь просвещения и благотворения.

СЦ — Северные цветы.

Томашевский — Томашевский Б. В. Пушкин и Франция. Л., 1960.

Туманский-1912 — Туманский В. И. Стихотворения и письма. СПб., 1912.

УВ — Украинский вестник.

Уrania — Уrania на 1826 год. М., 1826.

Фридман — Фридман Н. В. Поэзия Батюшкова. М., 1971.

Шишков — Шишков А. А. Сочинения и переводы. Ч. I. СПб., 1834.

Тексты печатаются по автографам, последним прижизненным публикациям и (за исключением специально оговоренных случаев) по новейшим критическим изданиям: Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. М., 1982. — («Лит. памятники»); Батюшков-1977; Глинка Ф. Н. Избранные произведения. Л., 1957. — (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.); Гнедич Н. И. Стихотворения. Л., 1956. — (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.); Давыдов-1984; Дмитриев И. И. Полное собрание стихотворений. Л., 1967. — (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.); Жуковский-1980; Козлов И. И. Полное собрание стихотворений. Л., 1960. — (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.); Мерзляков А. Ф. Стихотворения. Л., 1958. — (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.); Полежаев-1987; Пушкин-1956; Рылеев К. Ф. Полное собрание стихотворений. Л., 1971. — (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.); Туманский-1912; Тютчев Ф. И. Лирика. Т. 1—2. М., 1965. — («Лит. памятники»).

AM — Almanach des Muses.

Barquissau — Barquissau R. Les Poètes créoles du XVIIIe siècle. P., 1949.

Chansons — Parny E. de. Chansons madécasses, suivies de poésies fugitives. P., 1787.

Ch-1819 — Chénier A. Oeuvres complètes. P., 1819.

Ch-1833 — Chénier A. Poésies posthumes et inédites. P., 1833.

Dimoff — Dimoff P. La Vie et l'œuvre d'André Chénier jusqu'à la Révolution française. P., 1936. Т. 1-2.

Ladoué — Ladoué P. Un précurseur du romantisme. Millevoye. P., 1912.

Lamartine-1915 — Lamartine A. de. Méditations poétiques. P., 1915. Т. 1-2.

Lamartine-1968 — Lamartine A. de. Méditations. P., 1968.

M-1812 — Millevoye Ch. H. Elégies, suivies d'Emma et Eginard. P., 1812.

M-1815 — Millevoye Ch. H. Elégies en trois livres. P., 1915.

MP — Méditations poétiques.

NMP — Nouvelles méditations poétiques.

P-1778 — Parny E. de. Poesies érotiques. [P.], 1778.

P-1779 — Parny E. de. Opuscules poétiques. Amsterdam, 1779.

P-1788 — Parny E. de. Oeuvres. P., 1788. Т. 1-2.

P-1802 — Parny E. de. Oeuvres diverses. P., 1802. Т. 2.

Potez — Potez H. L'Élégie en France avant le romantisme. P., 1898.

Sainte-Beuve—Sainte-Beuve Ch. A. Portraits contemporains. P., 1870. Т. 4.

Séché—Séché L. Lamartine de 1816 à 1830. P., 1905.

СПРАВКИ О РУССКИХ ПОЭТАХ-ПЕРЕВОДЧИКАХ

Баратынский (Боратынский) Евгений Абрамович (1800—1844) — после Пушкина наиболее значительный русский элегик 1820-х гг., в 1830-е гг. — создатель классических образцов философской лирики, автор романтических поэм. К переводам обращался в ранний период творчества; ориентировался на классическую и преромантическую французскую литературу, переводил Шатобриана, Ксавье де Местра (в прозе), Вольтера, Г. М. Ж. Б. Легуве; в пушкинском кругу считался усвоившим «правила французской школы» (Дельвиг А. А. Соч. Л., 1984. С. 285). Входил в образовавшийся вокруг Пушкина «союз поэтов» (Дельвиг, Кюхельбекер) и вместе с ним выступал с элегич. и анакреонтич. стихами (в т. ч. переводами из Лафара, Парни и в особ. Мильвуа), с сер. 1830-х гг. обратился к антологической лирике Шенье, которого интерпретировал также как философа и психолога. В 1843 г. в Париже состоялось знакомство Б. с Ламартином.

Батюшков Константин Николаевич (1787—1855) — один из непосредственных поэтических учителей Пушкина, участник «Арзамаса», сторонник карамзинской литературной реформы. О его переводах Парни и Мильвуа см. вступит. ст.; также: Эткинд Е. Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973. Обращался также к античной элегической поэзии (Тибулл), итальянскому Возрождению (Петрарка, Ариосто, Тассо), греческой антологии. Его послание «Мои пенаты» (1811—1812) варьировало ряд мотивов Грессе.

Бек Иван Александрович (1807—1842) — поэт, чиновник дипломатических миссий. В сер. 1820-х гг. находился с семьей за границей, в 1826 г. А. И. Тургенев сообщил Вяземскому о таланте Б. и его переводах с латинского (Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники. М.—Л., 1964. С. 19). Был знаком с И. И. Козловым, адресовавшим ему послание, позднее — Лермонтовым (был женат с 1837 г. на М. А. Столыпной). С сер. 1830-х гг. печатался в МН, БдЧ, ЛПРИ; в 1837 г. публикует в Совр. отрывки из перевода «Фауста» (по недоразумению приписанные Э. И. Губеру). В переводе из Шенье сказались и тяга Б. к элегич. творчеству, и интерес к личности Шенье.

Бенедиктов Владимир Григорьевич (1807—1873) — наиболее заметный представитель «неистового романтизма» в поэзии 1830-х гг. («бенедиктовская школа»), характеризующегося отходом от пушкинской поэтики «гармонической точности», смешением разнородных стилистических пластов, стремлением к личностному самовыражению любой ценой, что иногда приводило к безвкусию. Выступил как поэт в 1835 г., пользовался большой по-

пулярностью до конца 1830-х гг. К переводческой деятельности обратился, видимо, в 1840-е гг., переводил Шекспира (сонеты), Шиллера, Мицкевича, О. Барбье («Собачий пир»). Его переводы из Шенье очень точны и высоки по поэтическим достоинствам, но несколько прозаизированы, в соответствии с тенденциями его позднего творчества.

Бестужев Алексей Васильевич (ум. 1864) — симбирский помещик, поэт-дилетант, знакомый Д. В. Давыдова, родственник Н. М. Языкова; его имение Репьевка было одним из культурных центров в Симбирской губ. Стихи Б. печатались в журналах и встречаются в альбомах 1810-х гг. О Б. см.: Давыдов Д. В. Полн. собр. стих. Л., 1933. С. 291 (справка В. Н. Орлова).

Бобринцев-Пушкин Николай Сергеевич (1800—1871) — поэт, декабрист. Учился в Моск. унив. Благородном пансионе, в пансионском альманахе «Каллиопа» (1816—1817) поместил несколько стихотворений. Служил в Тульчине, в штабе Южной армии, где был принят в Южное общество. Его единственный перевод из Ламартина был результатом его социально-политических интересов. В 1826 г. арестован, осужден на 20 лет поселения в Сибирь; умер в состоянии клинического безумия.

Бороздна Иван Петрович (1804—1858) — поэт. Окончил Моск. унив. Благородный пансион (1823), жил в своем имени Медведово Черниговской губ., сотрудничал в ВЕ, МТ, СО, НЛ. Типичный элегик, Б. переводил Оссиана, Ламартина, Мильвуа, Парни, Т. Мура, но в то же время и Байрона. Переводы его вошли в сб. «Опыты в стихах» (1828), позднее удельный вес их резко падает.

Бунина Анна Петровна (1774—1829) — поэтесса. Самостоятельно изучила франц., нем., англ. языки, переводила Баттё, «Поэтическое искусство» Буало, в 1806 г. выступила в печати. Примыкала к кругу Российской академии и «Беседы любителей русского слова» (с 1811 г. — почетный член), пользовалась поддержкой А. С. Шишкова и Державина и одновременно Карамзина и Дмитриева. «Классик» и архаик, Б. была поэтессой широкого лирического диапазона, отдавшей дань и одической, и философской, и элегической поэзии, с чем связано и ее позднее обращение к Ламартину. Неизлечимо больная (рак груди), она в 1815—1817 гг. ездила в Англию для лечения; вернувшись, продолжала работать до самой смерти, несмотря на жестокие страдания.

Великопольский Иван Ермолаевич (1797 или 1798—1868) — поэт, драматург, автор элегий, посланий, басен, опытов в жанре «легкой поэзии». Член ОЛРС, участник Бл., Соревн., альманахов СЦ, «Календарь муз»; знакомый Пушкина, Дельвига, позднее Гоголя и Белинского. Переводил Вольтера, Мильвуа, Ламартина. Стихи В. отражают общий, довольно высокий, уровень «массовой поэзии» 1820-х гг. О В. см.: Модзалевский Б. Л. И. Е. Великопольский. (1797—1868). СПб., 1902.

Висковатов Степан Иванович (1786—1831) — драматург, переводчик, автор исторических трагедий в духе классицизма; получил известность переводом «Гамлета» Шекспира (1811, свободная обработка переделки Дюсиса). Член-сотрудник «Беседы любителей русского слова». Архаичность его сочинений вызывала резкую критику и насмешки «арзамасцев» (Жвковский,

Дашков). В архаизирующем ключе «переложений псалмов» выдержан и его перевод из Жильбера.

Волков Александр Абрамович (1788—?) — поэт, член МОЛРС, автор эпической поэмы «Освобожденная Москва» (1820). Эпигон классицизма, В. демонстративно отмежевывался от сентименталистов и романтиков, но сохранял лояльные отношения с Н. А. Полевым, П. И. Шаликовым и в особенности с И. И. Дмитриевым. На его творчестве также сказалось воздействие сентиментализма; так, в переводах из Ламартина он выступает как правоверный «элегик».

Волков Платон Григорьевич (1798—1850) — поэт, журналист, критик, участник Бл., газеты СМ, альманахов, позднее активный сотрудник БдЧ. Издавал в 1831 г. «Журнал иностранной словесности» (вышли №№ 1—2), где поместил большую рецензию на «Поэтические и религиозные созвучия» Ламартина. К творчеству Ламартина обращался неоднократно и как переводчик, тяготеющий к религиозно-философской лирике.

Вронченко Михаил Павлович (1801—1855) — один из наиболее значительных переводчиков 1820—1830-х гг. Переводил «Гамлета» Шекспира, Байрона, Т. Мура, «Фауста» Гёте, А. Мицкевича. В собственной поэзии ориентировался на «элегическую школу». Воспитанник училища для колонновожатых, в дальнейшем географ и геодезист, офицер Генерального штаба; сблизился (возможно, через своего друга Ю. И. Познанского) с Н. А. Полевым, участвовал в МТ. Переводы его из Ламартина принадлежат к числу наиболее ранних в русской поэзии. О В. см.: Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. Л., 1985.

Вяземский Петр Андреевич (1792—1878) — один из наиболее видных литературных деятелей пушкинского круга, поэт, критик, участник «Арзамаса», защитник и теоретик «истинного романтизма» Пушкина, сотрудник МТ, ЛГ и Совр. Литературная и общественная позиция молодого В. близка к декабристской. Воспитанный в традициях просветительства XVIII в., сохранил сочувственное отношение к Вольтеру; переводил Ж.-Ж. Руссо, Дидро, Рейналя, Фенелона, Лагарпа (1822). В 1820—1830-е гг. усваивает идеи романтической эстетики, философии и социологии (г-жа де Сталь и др.), пропагандирует Байрона, Мицкевича, выдвигает требования национальной специфики и общественного содержания лит.-ры. Об отношении его к франц. элегии см. вступит. ст.; из числа элегиков XVIII—XIX вв. В. более всего ценил Шенье и Мильвуа, последний, по его мнению, мог бы занять «едва ли не первое место в числе современных поэтов Франции» (Вяземский. Эстетика. С. 83).

Гамалея — автор перевода из Ламартина в НЛ (1822); личность его идентификации не поддается.

Гельфрейх Станислав — выпускник пансиона Г. Н. Коваленко, преподавателя франц. языка в Харькове, участник пансионских «Опытов в словесности» (1823), где поместил переводы из Галлера, Кондильяка, Блера, Ламартина; сотрудник «Украинского журнала».

Глебов Александр Николаевич (1803 — после 1852) — поэт, журналист,

критик. Учился в Моск. унив. Благородном пансионе (1819—1824), увлекался Байроном и Шиллером, печатался в ВЕ, с переездом в Петербург — в НЛ, «Славянине» и др. изданиях, представляя тип профессионализирующегося литератора 1830-х гг. Испытал воздействие гражданской поэзии. Из французских поэтов переводил Парни и Ламартина.

Глебов Дмитрий Петрович (1789—1843) — поэт из круга московских карамзинистов, знакомый В. Л. Пушкина, бр. Норовых, П. И. Шаликова и др. Окончил Моск. унив. Благородный пансион; печатался в ВЕ, затем в СО, НЛ и других изд., член МОЛРС. Его основные жанры — романс, медитативная элегия. Переводил «Воспоминания» Легуве, Мильвуа, Бертена, Парни, Шенье, Ламартина, выбирая образцы, свободные и от либертинажа XVIII в. и от явных примет романтической поэзии. Переводы Г. стилистически сглажены, романтическая критика отмечала в них лишь выдержанность вкуса.

Глинка Федор Николаевич (1786—1880) — поэт, драматург, прозаик, автор «Писем русского офицера» (1815—1816), участник войны 1812 г., один из руководителей Союза благоденствия и ОЛРС. В 1826 г. был арестован как причастный к деятельности тайных обществ, заключен в Петропавловскую крепость и затем сослан в Олонецкую губернию и позднее в Тверь (в ссылке до 1835 г.); автор описательных поэм («Карелия...», 1830), поэм и стихов в религиозно-дидактическом роде, народных идиллий, поэтических аллегорий гражданского содержания.

Гнедич Николай Иванович (1784—1832) — поэт, переводчик «Илиады» Гомера. Учился в Моск. унив. Благородном пансионе (1800—1802), с 1802 г. в Петербурге, где сблизился с Батюшковым; примыкал к демократическому крылу литературы. В юности увлекался Шиллером и Оссианом, переводил Шекспира, Вольтера, Байрона. Архаическая ориентация сблизжала его с «Беседой» и ставила в оппозицию к «Арзамасу», тяготение к «высокой» литературе гражданского содержания роднило его с декабристской эстетикой. Автор оригинальных элегий, Г. позднее сдержанно относился к элегической поэзии, осуждая, в частности, пристрастие Батюшкова к Парни. Его перевод из Жильбера сочетает элегию с традицией высокой псалмодической лирики, перевод из Шенье — дань античным интересам.

Готовцева Анна Ивановна (ум. 1871) — костромская поэтесса, знакомая Вяземского, адресат посланий Вяземского и Пушкина. Участвовала в МТ и альманахах (в т. ч. в СЦ на 1829 г., где напечатано ее послание к Пушкину). Известно лишь несколько ее стихотворений.

Греков Николай Порфирьевич (1807—1866) — поэт, получивший известность в 1850—1860-е гг. как сторонник «чистой поэзии», испытал воздействие А. А. Фета, тяготел преимущественно к любовной и медитативной лирике, хотя не был чужд и гражданским мотивам. Переводил А. Шенье, Гюго, Байрона, Гёте («Фауст», I часть), Гейне, «Роллу» А. де Мюссе (1864), Шекспира. Перевод из Ламартина — первое выступление его в печати; в это время Г. — студент Московского университета (окончил в 1827 г.).

Григорьев Василий Никифорович (1803—1876) — поэт, в начале 1820-х гг. близкий к декабристскому крылу ОЛРС, испытавший воздействие Рыльева, автор «дум», переложений псалмов, лирических стихов с граждан-

скими мотивами. Переводил Оссиана и немецких преромантических поэтов (Ф. Маттисон, Ф. Клопшток, И. Г. Салис, Ф. Л. Штольберг), а также Ламартина, явившись одним из ранних интерпретаторов его в русской поэзии. С середины 1820-х гг. к Ламартину не возвращался. Стилистически переводы Григорьева во многом опираются на Жуковского.

Давыдов Денис Васильевич (1784—1839) — поэт, мемуарист, военный историк, один из руководителей партизанского движения в войне 1812 г. К элегическому творчеству обратился в 1814—1818 гг., создав по образцу Парни книгу элегий с единым лирическим адресатом (при различии реальных адресатов); использовал мотивы и ситуации элегий Парни и Бертена (см. вступит. ст. и прим.), но увеличил драматизм и экспрессию в обрисовке лирического героя, придав ему черты «поэта-партизана», «гусара». К тому же времени относится и его перевод «Листка» Арно. В 1820-е гг., культивируя «малые жанры» — романс, песню, переоценивает свои прежние элегии, исключив некоторые из них из собрания своих стихотворений.

Девитте Николай Петрович (1812—1844) — композитор и музыкант-исполнитель. Вундеркинд, получивший известность концертным выступлением (игра на арфе) в присутствии императорского семейства в возрасте 10 лет (НЛ, 1826. Март. С. 134). С 1826 г. печатал стихи; в ДЖ поместил свои переводы из Шиллера и Ламартина. В дальнейшем выступал как композитор и арфист-виртуоз, был известен в России и за рубежом. Знакомый М. И. Глинки.

Дмитриев Иван Иванович (1760—1837) — глава сентименталистской поэтической школы на рубеже XVIII—XIX вв., ближайший друг и литературный соратник Н. М. Карамзина, автор басен, считавшихся классическими, сказок, мелких стихотворений, посланий, элегий, ориентированных на доромантическую французскую традицию. Его стих. «Люблю и любил» (опубл. 1805) — одно из самых ранних обращений к элегиям Парни в России. Его интересует не столько психология любовного чувства, сколько игра понятиями, характерная для «легкой поэзии». С начала XIX в. он обращается к литературному творчеству лишь эпизодически, однако сохраняет связи как со старшим, так и с младшим поколениями писателей.

Дорохов Руфин Иванович (1801—1852) — армейский офицер, известный своей отчаянной храбростью и бретерством, приятель Пушкина и Лермонтова. В 1820—1830-х гг. изредка выступал как поэт; печатался в «Украинском журнале» под инициалами «Р. Д.», в «Молве» (1832—1833), в СО (1837); переводил А. Ламартина и В. Гюго.

Драгоманов Петр Акимович (1802—1860) — поэт, переводчик, отец известного украинского культурного деятеля М. П. Драгоманова. В 1817 г. отправлен в Петербург, служил в Военном министерстве и в Провиантском департаменте; сотрудничал более всего в изданиях М. А. Бестужева-Рюмина (альманах СЗ, газета СМ, журн. «Гирланда»), переводил с франц., нем., англ. По воспоминаниям племянницы, «знал хорошо иностранные языки, печатал переводы старых французских романтиков, вроде Ламартина, Шатобриана, Леконт де Лилия» (последнее сомнительно) (Олена Пчілка. Оповідання з автобіографією. Харків, 1930. С. 7). Помимо «Стансов» опубликовал перевод «Отрывка из поэмы «Чайльд Гарольд» (из Ла-

мартина)» (СЗ на 1829. СПб., 1829. С. 133—146). См.: Айзеншток И. Я. // ЛН. Т. 60. Кн. I. М., 1956. С. 561—570.

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852). В творческом наследии Ж. — поэта и переводчика — франц. элегия занимает небольшое место, несопоставимое с наследием англ. и нем. поэзии. Он остался равнодушен к Парни, выбрав у него как раз наименее характерные притчево-дидактические стихи («Эпимесид», «Разговор»), прошел мимо Шенье и Ламартина (ср. свидетельство Вяземского — Вяземский. Т. VII. С. 470 и след.); исключение — перевод из Мильвуа «Песнь араба над могилою коня». В 1813—1818 гг. Ж. обращается к романской лирике Ф. О. П. де Монкрифа («Алина и Альсим», 1814), А. Беркена («Песня матери над колыбелью сына», 1813), Шатобриана («Там небеса и воды ясны», 1816), А. Арно, Ксавье де Местра («Узник к мотыльку») — поэтов разных эпох и направлений, интересуясь не столько их индивидуальностью, сколько конкретными текстами, которые обычно наполняет автобиографическим содержанием и подчиняет своей эстетической концепции.

Загорский Михаил Петрович (1804—1824) — поэт, студент историко-филологического факультета Петербургского университета, автор поэмы «Илья Муромец» (подражание Пушкину и Ариосто). Переводил Горация, Вергилия, Шиллера, немецких преромантических поэтов (И. Г. Фосс, Ф. Л. Штольберг), Байрона, Оссиана. Обращение З. к Ламартину («Слава») более или менее случайно и, по-видимому, определялось темой стихотворения.

Зайцевский Ефим Петрович (1801—1860) — поэт, морской офицер, герой русско-турецкой войны, адресат послания Д. Давыдова. В 1820—1830-е гг. печатал стихи (гл. обр. описательные элегии и философские медитации) в столичных журналах и альманахах; был связан с пушкинским кругом писателей. С конца 1830-х гг. жил преимущественно в Италии, служил при дипломатической миссии. Перевод из Мильвуа — единственное известное обращение З. к французской элегии.

Иванчин-Писарев Николай Дмитриевич (1790—1849) — прозаик, поэт, историк-дилетант, знаток изобразительного искусства, коллекционер. Служил в Московском почтамте; в 1814 г. вышел в отставку и поселился в деревне, занимаясь литературой и историей. Сотрудничал в ВЕ, РМ, ДЖ, МТ и других изданиях. Ревностный поклонник Карамзина. Писал послания, патриотические оды, романсы, басни, стихи на случай, исторические и этнографические сочинения. Владел франц., нем. и итал. языками, переводил сентименталистов и преромантиков (Э. фон Клейст, А. Галлер, И. Г. Гердер). Был знаком с И. И. Дмитриевым, Жуковским, Вяземским, А. И. Тургеневым, Баратынским, Пушкиным.

Измайлов Владимир Васильевич (1773—1830) — прозаик, критик, поэт, журналист, переводчик, последователь Руссо и Карамзина, автор «Путешествия в полуденную Россию» (ч. I—IV, 1800—1802, по образцу «Писем русского путешественника»). Получил домашнее образование, служил в гвардии; выйдя в отставку, поселился в деревне. Издатель ВЕ (1814), «Патриота» (1804), РМ (1815), где печатал стихи лицейстов, в т. ч. Пушкина. Последовательный сентименталист европейской ориентации; владел англ., нем.,

франц., лат. языками. Входил в окружение И. И. Дмитриева. Стихи его отличаются не столько талантом, сколько выработанным вкусом; ему принадлежит перевод «Стихотворная речь о независимости ученого мужа» Мильвуа (1806) и одного стих. Парни.

Илличевский Алексей Дамианович (1798—1837) — поэт, лицейский одноклассник Пушкина; в Лицее считался одним из первых поэтов. С 1814 г. систематически печатался в петербургских журналах. Творчество И. типично для лицейского культа «легкого стихотворства»; в 1827 г. он выпустил свой единственный сборник «Опыты в антологическом роде», в предисловии к которому вслед за Батюшковым пытался дать теоретическое обоснование «легкой поэзии». Переводил французских (реже немецких) поэтов XVIII в., преимущественно по двухтомной «Anthologie Française» (1816); его переводы отличаются непринужденностью, а иногда и виртуозностью формы. В Лицее перевел две «Мадагаскарские песни» Парни.

Козлов Иван Иванович (1779—1840) — поэт, переводчик. Начал писать, будучи поражен тяжелой болезнью (паралич ног, слепота) (1821). Зная итал. и франц. языки, изучил, уже будучи слепым, англ. и нем. С 1821 г. печатает переводы из Петрарки, Т. Тассо, Шиллера, Бёрнса, Вордсворта, Т. Мура, А. Мицкевича; одним из первых стал переводить в стихах Байрона. Автор очень популярной байронической поэмы «Чернец» (1825). Как поэт Козлов формировался под сильным влиянием Жуковского, своего близкого друга и покровителя. Романтизм Козлова вырастал на сентиментальной основе, что сказалось и на его переводах Байрона. Из французских поэтов переводил Ламартина («Озеро», фрагмент «Жослена»), А. Суме («Сельская сиротка», 1823), Шатобриана и более всего А. Шенье. По числу переводов из Шенье (объёмно очень вольных) К. превосходит всех др. поэтов 1830-х гг. Интересовали его преимущественно элегические стихи, отразившие драматическую судьбу поэта.

Крылов Александр Абрамович (1793 или 1798—1829) — элегик 1820-х гг., участник ОЛРС, знакомец Баратынского, Дельвига, Кюхельбекера, Плетнева. Первые опубликованные его стихи — вариации на темы Оссиана, переводы из Делиля, Вольтера, позднее — из Парни и в особенности Мильвуа; Крылов дал несколько превосходных интерпретаций его лирики. Переводы его способствовали выработке и нормализации языка «унылой элегии», они отличаются рационалистической ясностью и эмоциональной сдержанностью.

Лихачев Петр Александрович — поэт, участник московских журналов карамзинистской ориентации (ВЕ, «Журнал драматический», 1811). В 1799 г. издал вместе с кн. Г. И. Гагариным перевод сочинения Блера «О начале и постепенном приращении языка и изобретении письма» (с посв. И. П. Тургеневу). Знакомый Батюшкова и Жуковского; в 1816 г. Батюшков пересылал Жуковскому послание Л. с просьбой ответить ему в г. Каширу Тверской губ. и рекомендовал его в «Арзамас» (Батюшков. Т. III. С. 382); в 1828 г. Жуковский предполагал переслать с ним в Лондон книги А. И. Тургеневу (Письма В. А. Жуковского А. И. Тургеневу. М., 1895. С. 243).

Любич-Романович Василий Игнатьевич (1805—1888) — поэт, переводчик, учился в Нежинской гимназии высших наук, где познакомился с Гого-

лем; переехав в Петербург, сблизился с пушкинским литературным кругом, участвовал в ЛГ, а также в СО, ЛПРИ, БдЧ, Совр. и др. изданиях. Переводил с англ., франц., итал. и польск. языков (Байрона, Т. Мура, Ш. Нодье, А. Мицкевича и др.). Его поэзия эволюционирует от элегической школы к романтизму 1830-х гг. с его поисками экспрессии и драматизма; по-видимому, под воздействием В. Гюго он обращается к восточным темам, что сказалось и в выборе им для перевода «восточных» стихов Мильвуа.

Маркевич Николай Андреевич (1804—1860) — историк Украины, этнограф, поэт, в 1817—1820 гг. учился в Благородном пансионе при Царско-сельском лицее (с Л. С. Пушкиным, С. А. Соболевским, М. И. Глинкой); подростком начал писать стихи и был замечен Кюхельбекером, Пушкиным, Баратынским, Жуковским. В пансионе познакомился с поэзией Парни и ориентированными на нее лицейскими стихами Пушкина. В 1829 г. выпустил сборник «Стихотворения эротические», самое обширное собрание переводов из Парни на русском языке, выдержанное в пушкинской стилистической манере. Переводил также Байрона и писал элегии, баллады и «мелодии» на украинские темы.

Межаков Павел Александрович (1786—1865) — поэт, автор сборников «Уединенный певец» (1817) и «Стихотворения» (1828), переводил Тибулла, Проперция, Горация, Парни, Оссиана, Делиля, Ламартина, Шиллера. Тяготел к «элегической школе» сентиментальной ориентации, учителями своими считал Жуковского и Батюшкова. Был связан с петербургскими литературными кругами (Крылов, Державин, Гнедич и др.); живя в своем вологодском поместье, выступал как меценат и любитель искусств. Поэзия М., во многом подражательная и носящая печать дилетантизма, отличается довольно высоким уровнем поэтической техники. О М. см.: Батюшков. Т. III. С. 645—646; Кошелев В. А. Вологодские давности. Архангельск, 1985. С. 91—98.

Мейснер Алексей Яковлевич (1807—1882) — поэт, переводчик. Учился во 2-м кадетском корпусе (выпущен прапорщиком в 1826 г.), где подружился с Бенедиктовым, связи с которым сохранил до конца его жизни. В 1836 г. выпустил сборник стихотворений, отмеченных влиянием Бенедиктова и романтической лирики 1830-х гг., в частности В. Гюго; в него вошел и перевод «Веры» Ламартина, соответствовавший философско-религиозным устремлениям поздних романтиков. В конце жизни выступил как переводчик Г. Гейне (Стихотворения Хэйне. Пер. А. Мейснера, СПб., 1881).

Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830) — поэт, переводчик, критик, теоретик литературы. Сын купца, учился в Моск. унив. гимназии и Моск. университете; был близок с Жуковским и Андреем Тургеневым, входил в Дружеское литературное общество; увлекался Шиллером, античной литературой, фольклором. В раннем творчестве отдал дань элегической традиции (к этому времени относится его единственный перевод из Парни); в дальнейшем элегические темы развивает в своих имитациях народных песен, романсной лирике и в переводах римских элегиков (Гораций, Проперций, Тибулл, Овидий). С середины 1830-х гг. становится в оппозицию к романтическим веяниям. Перевел «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо. Как профессор Московского университета пользовался уважением, хотя

его архаистическая литературная позиция уже в 1820-е гг. выглядела анахронизмом.

Меркли Михаил Маркович (ум. 1846) — поэт (псевд.: Иероним Южный). В 1837 г. был студентом Медико-Хирургической академии (Рейт-блат А. И. // Сов. библиография, 1987. № 2. С. 43). В 1830-е гг. сотрудничает в ДЖ, где печатает ряд переводов из Ламартина, в 1835 и 1837 выпускает два сборника «Стихотворений»; печатался также в МН и ЛГ (1842). Лирика М. традиционна для 1830-х гг., эклектически сочетая элегические и философские мотивы с декламационной патетикой.

Милонов Михаил Васильевич (1792—1821) — сатирик и элегик, выпускник Моск. унив. благородного пансиона и университета, участник ВЕ и изданий ОЛСНХ (Цветник, Санктпетербургский журнал); один из предшественников гражданской поэзии 1820-х гг. В литературной борьбе 1810-х гг. выступал против «Беседы», однако держался обособленно и от карамзинского лагеря. Был связан с левым крылом ОЛСНХ. Переводил Шиллера, Леонара, римских классиков; в переводах, как и в оригинальном творчестве Милонова, сказались сентименталистские и преромантические симпатии поэта.

Надеждин Николай Иванович (1804—1856) — критик, эстетик, журналист, издатель «Телескопа» (1831—1836). Выходец из духовной среды, окончил Моск. духовную академию (1820—1824), где основательно изучил древние и новые литературы и философию. С 1826 г. живет в Москве, с 1828 г. — один из ведущих сотрудников ВЕ, где печатает ряд статей против новейшей романтической литературы (Пушкина, Баратынского, Байрона, Гюго); в 1832—1835 гг. профессор теории изящных искусств и археологии в Моск. унив. Стремился создать всеобъемлющую систему искусства на основе немецкого объективного идеализма (в т. ч. Шеллинга), что сближало его с русской философской эстетикой 1830-х гг.; сторонник синтезирующей поэзии, примиряющей позитивные стороны «классического» и «романтического» искусства. В юности писал стихи, подражая «классикам» XVIII в., позднее — элегикам; испытал воздействие Шиллера, Ж.-П. Рихтера, Козегартена, переводил античных поэтов (в т. ч. орфические гимны). В переводе из Ламартина сказались религиозно-философская ориентация Н., принимавшего телеологическое обоснование божественных законов мироздания.

Новиков Дмитрий Ипполитович (1800—1831) — поэт, издатель (с П. Н. Араповым) альманаха «Радуга» (1830), в котором принимали участие Пушкин, Вяземский, Баратынский и др., автор сборника «Песни золотого рожка...» (М., 1828).

Норов Авраам Сергеевич (1795—1869) — поэт, автор путевых записок, впоследствии академик, министр народного просвещения. Воспитывался в Моск. унив. благородном пансионе, участвовал в войне 1812 г., под Бородино потерял ногу. В 1813—1814 гг. усиленно занимался литературой и историей, изучил французский, английский, немецкий, испанский, итальянский, латинский, греческий, позднее древнееврейский языки. Член ОЛРС и ОЛСНХ, участник Бл, ВЕ, Соревн., СО, НЛ, ПЗ, СЛ и др. изданий. Тяготел к античной и итальянской поэзии, переводил П. Ролли, Петрарку, Дан-

те, Ариосто, одним из первых начал систематически переводить А. Шенье. Переводы Н. пользовались успехом у современников.

Норов Александр Сергеевич (1797 или 1798—1870) — поэт, переводчик, брат Авр. Н. Учился в Моск. унив. в благородном пансионе, служил в Моск. архиве Коллегии иностранных дел (с Д. В. Веневитиновым, И. В. и П. В. Киреевскими, В. Ф. Одоевским, С. П. Шевыревым), входил в общество Любомудров. Член ОЛСНХ, печатался в Бл., ВЕ, НЛ. Переводил Парни, Мильвуа, Ламартина; как переводчик был заметной литературной фигурой. О Н. см.: Эльзон М. Д. // РЛ, 1982. № 1. С. 168—176 (попытка переадресации ему перевода «Философического письма» Чаадаева в «Телескопе» необудительна).

Ознобишин Дмитрий Петрович (1804—1877) — поэт, переводчик. Окончил Моск. унив. Благородный пансион (1823), участвовал в ВЕ, МВ, МН, ОЗ, «Москвитянинах», соиздатель (с С. Е. Раичем) альманаха СЛ (1827). Полиглот: перевел с подлинника греческую антологию, персидских, арабских, древнеиндийских поэтов, в собственном творчестве культивировал ориентальные и анакреонтические темы, обращался к скандинавскому и русскому фольклору. Ознобишину принадлежат также переводы из Т. Мура, Байрона, Гюго, Беранже, Парни, Ламартина; обращался он и к А. Шенье в связи с увлечением эпикурейской, а затем и антологической лирикой.

Олин Валериан Николаевич (ок. 1788—1841) — поэт, прозаик, критик, журналист, переводчик, издатель «Журнала древней и новой словесности» (1818—1819), газет «Рецензент» (1821) и «Колокольчик» (1831, с В. Я. Никоновым). Член-сотрудник «Беседы любителей русского слова», затем сторонник романтического (по существу, сентиментального и преромантического) движения. Автор поэм в оссианическом духе, переделок Байрона, переводчик Т. Мура, В. Скотта, Виланда, Шиллера, Гёте, Ламартина. Собственные стихи О. — элегии, стансы — близки к медитациям Ламартина; в том же ключе сделан и его перевод «Умиряющего христианина».

Первошиков Василий Матвеевич (1786—1851) — поэт, переводчик, профессор российской словесности Казанского унив. (с 1814 г.). Учился в Казанском унив. (с С. Т. Аксаковым), в 1806—1809 гг. преподавал в Пензенской гимназии. Один из основателей Казанского общества любителей отечественной словесности. С 1820 г. — профессор Дерптского унив. (один из учителей Н. М. Языкова). Архаик по литературным вкусам, П. участвовал и в изданиях сентименталистской ориентации, переводил Ф. Кс. Броннера (идиллии), Шиллера и др. С 1830 г. живет в Петербурге, с 1835 г. член Российской академии, позднее — академик.

Писарев Александр Иванович (1803—1828) — водевилист, сатирик, участник полемики вокруг «Горя от ума», где он примыкал к противникам Грибоедова, Вяземского и Полевого. Круг П. — «классики», связанные более всего с театром (М. Н. Загоскин, А. А. Шаховской, С. Т. Аксаков и др.). Переводы из Мильвуа [«Бедный негр», «Феникс» («Каллиопа». Ч. IV. М., 1820)] относятся к периоду учебы П. в Моск. унив. Благородном пансионе. Позднее Писарев написал на сюжет из Мильвуа балладу «Выкуп Оссиана» (Соревн., 1824. Ч. 28. Кн. I).

Познанский Юрий Игнатьевич (1801—1878) — поэт, переводчик. Воспитанник Моск. унив. благородного пансиона, участник пансионского альманаха «Каллиопа». Окончил школу колонновожатых, служил на Украине. Поддерживал связи с Н. А. Полевым (печатался в МТ), А. Ф. Воейковым; был дружен с М. П. Вронченко. Познакомился с А. Мицкевичем, которого ввел в круг Полевых и систематически переводил. Переводы из Ламартина для П. более или менее случайны, хотя близки к оригиналу и выполнены на высоком уровне поэтической техники. О П. см.: Баскаков В. Н. // Славянские страны и рус. литература. Л., 1973. С. 33—46.

Полевой Николай Алексеевич (1796—1846) — журналист, критик, прозаик, драматург, историк, издатель МТ (1825—1834), одного из самых авторитетных русских журналов романтической ориентации; пропагандист французской романтической философии, историографии и литературы (В. Кузен, Ф. Гизо, В. Гюго). Как поэт выступал только в ранний период своей деятельности (позднее — только в пародийно-полюемических целях); известны лишь единичные стихи П., в т. ч. перевод «Одиночества» Ламартина.

Полежаев Александр Иванович (1804—1838) — поэт. Внебрачный сын помещика Л. Н. Струйского, вольнослушатель Моск. унив. (с 1820 г.). Автор бесцензурной поэмы «Сашка» (1825), за которую по распоряжению Николая I был отдан в солдаты; был в действующей армии на Кавказе, скончался в военном госпитале от чахотки после телесного наказания. О поэзии П. см. вступит. ст. Переводы П. — наиболее яркий пример русской романтической интерпретации Ламартина: он выбирает не элегические, а богоборческие медитации, где идея спиритуализма утверждается в конфликте со скепсисом и бунтом, с «демоническим» началом и обрисовываются герои с чертами титанизма (Байрон, Наполеон). П. также принадлежит перевод фрагмента из «Смерти Сократа» Ламартина (1826).

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837). Роль французской элегической поэзии в творчестве П. на разных этапах различна. В ранний период (1813—1820) определяющее значение для него имеют Буало, Мольер, Лафонтен; из писателей XVIII в. — Вольтер. Отчасти под влиянием Батюшкова растет его интерес к «несравненному Парни» («Тень Фонвизина», 1815); в 1816—1818 гг. он испытывает воздействие элегий Парни и отчасти его последователей — Бертена и Мильвуа. К середине 1820-х гг. П. отходит от французской элегической традиции и переоценивает ее; на юге он увлечен Байроном и почти одновременно А. Шенье, личность и судьба которого к 1824—1825 гг. вытесняют в его сознании образ Байрона (см. вступит. ст. и прим. к стих. «Андрей Шенье»). В середине 1820-х гг. П. отвергает элегию в ее традиционном понимании и негативно относится к растущей популярности Ламартина; будучи хорошо знаком с его творчеством и ценя его отдельные элегии (Вяземский утверждал, что П. знал их наизусть, — ЛН. Т. 58. С. 324), он явно предпочитает романтическую поэзию Сент-Бёва и А. де Мюссе. В 1836 г. Ламартин просил у А. И. Тургенева пушкинские стихи и позднее интересовался его творчеством (Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. Л., 1987, по указ.).

Пушкин Василий Львович (1766—1830) — поэт-сентименталист, дядя А. С. Пушкина и один из первых его литературных советчиков. В совершенстве владел французским языком; писал французские стихи, знал также

англ., нем., итал. и лат. языки. Служил в Измайловском полку; с 1797 г. в отставке, живет в Москве, входит в круг Карамзина и Дмитриева. В 1803—1804 гг. посещает Францию, Англию и Германию, собирает уникальную по ценности, преимущественно французскую, библиотеку. Пишет басни (б. ч. переводы из Лафонтена, Флориана и др.), послания, романсы, элегии (в их числе — переводы из Парни, Мильвуа, Арно). Лучшее произведение П. — бесцензурная поэма «Опасный сосед» (1811). Активный участник «Арзамаса». Считал себя «классиком», последователем Лагарпа, Вольтера, Буало, но откликался и на новые литературные веяния (Байрон).

Раевский Андрей Федосеевич (1794—1822) — поэт, старший брат «первого декабриста» В. Ф. Раевского. Воспитывался в Моск. унив. Благородного пансионе, участвовал в войне 1812 г. Член ОЛСНХ (с 1817 г.), печатался в Бл., ВЕ, УВ. Элегии и послания Раевского, в целом архаичные по языку, испытали влияние Жуковского и Батюшкова; по темам и этическому пафосу они близки к формирующейся гражданской поэзии декабризма. В 1821 г. Р. состоял при штабе начальника Чугуевских военных поселений. Умер от чахотки. О Р. см.: Николай Полевой. Материалы по истории рус. лит-ры и журналистики 30-х гг. Л., 1934. С. 371—372; ЛН. Т. 60. Кн. I. М., 1956 (по указ.).

Редкин Аполлон Михайлович — поэт, переводчик, связанный с литературными кругами Моск. унив., печатался в МТ (1826), «Атенее» (1829) и петербургских изданиях (Сев. пчела, 1827), СО (1828, 1831), в 1826—1827 гг. в Москве в его пер. шел водевиль А. В. Сент-Илера и Полена «Встреча в гавани...». Член Об-ва истории и древностей российских при Моск. унив. (с 1829 г.). В его сб. стихов «Цевница» (1828) традиционные послания и элегии перемежаются с переводами из Байрона, Т. Мура, восточной поэзии, а также Парни и Ламартина.

Родзянка Аркадий Гаврилович (1793—1846) — поэт, воспитанник Моск. унив. Благородного пансиона. С 1816 г. в Петербурге, служил в гвардии. Испытал воздействие идей Союза Благоденствия, был членом «Зеленой лампы», общался с молодым Пушкиным. Наряду со стихами гражданского содержания, культивировал эротическую, анакреонтическую и горацянскую лирику, в русле которой находится и его перевод из Парни. В целом как поэт Р. тяготел к архаистам и просветительству, называя себя «умеренным классиком»; испытал влияние Державина и В. В. Капниста, с кругом которого был связан.

Розальон-Сошальский Владимир Г. — поэт, учился в пансионе Коваленко в Харькове, затем в Харьковском унив., автор ряда стихотворений гражданского содержания и сочинения в прозе «Рылеев в темнице» (1825 или 1826). В 1827 г. был арестован и допрошен в Петербурге, но после «откровенного раскаяния» прощен и определен на службу в гвардейскую артиллерию. Последующая судьба его неизвестна. Еще пансионером Р.-С. переводил Шатобриана, Мильвуа, Леонара, Ламартина, Галлера, Шиллера; эти переводы напечатаны в «Опытах в словесности» пансионеров (1823). О Р.-С. см.: Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Лит. критика. / Сост. Вл. Орлов. М.—Л., 1951. С. 602—603.

Ротчев Александр Гаврилович (1806—1873) — поэт, переводчик драм

Шиллера, В. Гюго, «Макбета» Шекспира (с немецкого). Учился на нравственно-политическом отделении Моск. унив., принадлежал к кругу Полежаева, общался с оппозиционными студенческими кружками, печатался в «Галатее» и МТ. Писал политические стихи; в философской и любовной лирике (к которой относится и его перевод из А. Шенье) отдал дань романтическому ориентализму; перерабатывал мотивы Корана и Библии.

Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826) — наиболее значительный представитель гражданской поэзии декабризма, один из вождей восстания 14 декабря 1825 г., казненный после его поражения. В начале своей поэтической деятельности отдал дань увлечению Парни (переводы из «Взгляда на Цитеру» и «Иснелы и Аслегы», 1822; ряд мотивов в ранних элегиях, ср. «Заблуждение», 1820). В 1824 г. А. А. Бестужев просил Я. Н. Толстого прислать из Парижа издание Парни для Рылеева, «который здесь не мог достать его ни за какие деньги» (РС, 1889. № 11. С. 377).

Снянов Петр Гаврилович (ум. после 1846 г.) — поэт. Участник войны 1812 г., служил в гусарском полку гр. Мамонова. В 1827 г. будучи старшим адъютантом штаба 2 Уланской поселенной дивизии Борисоглебского уланского полка (в чине ротмистра), привлек внимание III отделения в связи с делом о распространении стихов Рылеева среди студентов Харьковского унив. Сотрудничал в МТ, «Славянин», ЛПРИ, ДЖ, посещал дом А. Ф. Воейкова. В 1831 г. — участник польской кампании, в Варшаве был приятелем Л. С. Пушкина. В 1840-е гг. — директор Люблинской губ. гимназии. Стихи С. типичны для массовой журнальной поэзии конца 1820-х гг., идущей в русле формирующейся романтической лирики. Переводил А. Мицкевича («Фарис», 1829) и Ламартина.

Сомов Орест Михайлович (1793—1833) — прозаик, критик, активный член ОЛСНХ и ОЛРС, примыкавший вначале к литературной группе А. Е. Измайлова, затем — Бестужева и Рылеева; позднее — сотрудник А. А. Дельвига по изданию СЦ и ЛГ. В 1819—1820 гг. был во Франции, ознакомился с современной литературой и театром. Переводил образцы «легкой» и анакреонтической поэзии (Парни, М.-А. Дезожье). В 1823 г. выпустил трактат «О романтической поэзии», отразивший знакомство с трудами Ж. де Сталь; испытал воздействие Байрона и гражданской лирики декабристов. В поздние годы обращался к поэзии лишь случайно.

Степанов Степан — поэт, переводчик. Биографических сведений о С. не сохранилось. Судя по пометам под стихами, в 1825 г. он жил в Саратове и посылал стихи в петербургские журналы; в середине 1830-х гг. находится в Петербурге (ср. его «Мадагаскарскую песню (Из Мильвуа)» — ЛПРИ, 1836. № 75. С. 599, с пометой: «С.П.Б-г. 2 сент., 1836»). В конце 1830-х гг. живет в Тифлисе (помета под 2-й ред. «Падения листьев» — ЛПРИ, 1839. № 16). В 1840-х гг. — активный участник БдЧ. Печатал традиционные для массовой романтической поэзии романсы, описательные стихи с экзотической тематикой («Терек», 1840), переводы из Ламартина и Мильвуа (см.: Заборов. С. 112).

Туманский Василий Иванович (1800—1860) — один из наиболее значительных элегиков 1820-х гг. Учился в Харьковской гимназии, затем в Петербурге; в 1819—1821 гг. был в Париже, слушал лекции в Collège de France.

По-видимому, здесь познакомился с поэзией А. Шенье, томик которого постоянно возил с собой. В раннем творчестве отдал дань французской и немецкой преромантической поэзии (Парни, Мильвуа, Тидге). Примыкал к декабристскому крылу литературы (Рылеев, Бестужев), в 1823 г. в Одессе сблизился с Пушкиным. Не открывая новых путей в лирике, Т. усовершенствовал традиционную элегию, добившись высокой степени ее гармонизации и стилистической упорядоченности. Немногочисленные стихи Т. 1830-х гг. — лучшая часть его наследия. Культивируя романс, песню, лирическую миниатюру, он обращается в это время и к антологической лирике, создав два стих. в духе Шенье («Приглашение», «Отроковице», 1832).

Тюрин Иван Е. — сын государственного крестьянина, служителя архиерейского дома в рязанской Троицкой слободе. В 1825 г. отлично окончил Рязанскую гимназию; к этому времени относятся его первые поэтические опыты, в т. ч. переводы из Ламартина. Печатался в МТ и ДЖ. В 1827 г. добился разрешения поступить вольнослушателем на словесное и нравственно-политическое отд. Московского унив.; окончил его в 1830 г. См.: Насонкина Л. И. Моск. унив. после восстания декабристов. М., 1972. С. 38. Дальнейшая судьба Т. неизвестна.

Тютчев Федор Иванович (1803—1873). Единственный французский элик, с которым у Т. обнаруживаются точки соприкосновения, — Ламартин. Т. принадлежит перевод «Одиночества» (см.); к Ламартину восходят и некоторые мотивы в его оригинальном творчестве, в частности космические образы в стих. «Как океан объемлет шар земной» (ср. «Les Etoiles»). Интерпретацию поэтической личности Ламартина содержит стих. Т. «Как он любил родные ели...» (1849), написанное под впечатлением книги Ламартина «Les Confidences» («Признания», 1849), (Тютчев Ф. Стих. М.—Л., 1962. С. 398—399; прим. Н. В. Королевой), а также его французское четверостишие «Lamartine» (1849?). См.: Сурина Н. // Поэтика. Т. III. Л., 1927. С. 148—167.

Хвостов Дмитрий Иванович, граф (1757—1835) — поэт, переводчик «Андромахи» Расина и «Поэтического искусства» Буало, баснописец, автор од, посланий, многочисленных стихов на случай, участник литературных объединений XVIII в., Российской академии, «Беседы любителей русского слова». Последовательный классик. Малоталантливый и необыкновенно плодовитый, Х. уже в 1810-е гг. стяжал репутацию графомана, став символом архаической бездарности и предметом насмешек нескольких поколений поэтов, в особенности связанных с «Арзамасом». Х., однако, упорно продолжал писать, откликаясь на все заметные литературные явления. Переводы Х. из Ламартина — образец интерпретации французского поэта в духе философского деизма XVIII в.; стилистически они выдержаны в традициях дидактической и одической поэзии.

Хотяинцов Павел И. — представитель «массовой поэзии» 1830-х гг., переводчик французских комедий и водевилей (Москва, 1826—1827; Петербург, 1834), сотрудник ЛПРИ в 1833—1834 гг.

Шибяев (?) Н. И. — поэт. Биографические сведения о нем отсутствуют, даже фамилия устанавливается предположительно, т. к. все свои стихи он подписывал «Н.Ш-б-в», «Н.И.Ш-б-в», или «Ш-б-ъ». Под этой анаграммой

напечатано (в СЦ, ЛГ и «Альционе») несколько стихотворений элегического характера с характерными «южными» мотивами; в их числе переводы трех элегий А. Шенье, выдержанные в духе последователей пушкинской школы.

Шипков Александр Ардалионович (1799—1832) — поэт, в 1816 г. офицер Гренадерского полка, знакомый лицеиста Пушкина, в 1818—1821 гг. служил в Грузии, в 1821—1826 гг. на Украине. За антиправительственные стихи был отправлен под строгий надзор в Динабург, где общался с заключенным Кюхельбекером, в 1829 г. как неблагонадежный уволен в отставку, жил в Твери; убит во время драки. Стихи Ш. отразили настроения последнекабрьского времени, отмечены влиянием Пушкина и Байрона. Ш. был переводчиком немецкой романтической драматургии и прозы (З. Вернер, Кернер, Раупах, в особенности Л. Тик); переводил Гёте, Шиллера, Мицкевича. Обращение его к Шенье случайно и является примером интерпретации антологической поэзии в романтическом духе.

Шпигоцкий Афанасий Григорьевич — украинский и русский поэт, входивший в кружок «харьковских романтиков» И. И. Срезневского; выступил в 1830-е гг. как автор нескольких оригинальных баллад, романсов, «малороссийских мелодий», переводчик Пушкина (на укр.), Мицкевича и французских поэтов (Ламартин, К. Делавинь). Печатался в ВЕ, ДЖ, «Украинском альманахе» (1831).

В. Э. Вацуро

КОММЕНТАРИИ*

NICOLAS JOSEPH LAURENT GILBERT
НИКОЛА ЖОЗЕФ ЛОРАН ЖИЛЬБЕР

(1751—1780)

Родился неподалеку от Ремирмона (Вогезы) в семье простых хлебопашцев, учился в коллеже города Доль. Автор сатир, направленных против энциклопедистов, к которым испытывал личную неприязнь из-за конфликта с Д'Аламбером, отказавшим ему в протекции. При падении с лошади получил травму черепа и лишился рассудка; умер, однако, в своей парижской квартире, а не в отделении для умалишенных городской больницы, как утверждал Ж. Ф. Лагарп в «Correspondance littéraire» (письмо 138). Ранняя гибель Жильбера и частые упоминания о гонениях и несчастьях в его стихах породили легенду о его смерти от голода и нищеты, хотя на самом деле поэт получал пенсии от нескольких знатных особ и журнала «Mercure de France». Канонизировал эту версию, по-видимому, Шатобриан в «Génie du christianisme» (1801. Ч. II. Кн. III. Гл. 6, примечание; см. эти слова в наст. изд., с. 585). Легенда о голодной смерти Жильбера отразилась в элегии Л. Бельмонте «Gilbert mourant» (1823), историческом романе Ш.П.П. де Сен-Мориса «Gilbert» (1832) и романе А. де Виньи «Stello» (1832); иную точку зрения русские литераторы могли найти в «Biographie universelle» Л. Г. Мишо (1816; статья Л.-С. Оже) и в предисловии Ш. Нодье к сочинениям Жильбера (1817; 2-е изд. 1823).

Биография Жильбера была включена в компилятивный труд Ж.М.Б. де Сен-Виктора «Великие поэты-несчастливцы» (1-е изд. 1802), переводы из которого систематически появлялись в русских журналах начала XIX в. (см.: Горохова Р. М. // От романтизма к реализму. Л., 1978. С. 122); очерк о Жильбере переведен не был, однако имя его было хорошо известно, в частности, в кругах ОЛСНХ. В 1811 г. Д. В. Дашков в полемической статье «Перевод двух статей из Лагарпа...» приводит эпиграмматические строки о Лагарпе из «Моей апологии», характеризую их автора как «одного из остроумнейших французских сатириков» (Цветник, 1810. № 11. С. 280). Есть основания думать, что «Моя апология», как и другая сатира Жильбера, «Восемнадцатый век», отразились в поэзии Лермонтова (Эйхенбаум Б. М. Статьи о Лермонтове. М.—Л., 1961. С. 329); «Восемнадцатый век» цитировал М. В. Милонов в переписке с Н. И. Гнедичем в 1818—1819 гг. (Топорков А. Л. // Памятники культуры. Новые открытия. 1983. Л., 1985. С. 40).

Тексты печатаются по изд. Oeuvres complètes de Gilbert. P., 1823.

LE POÈTE MALHEUREUX... — Послано на конкурс Французской академии в 1772 г., но награды не получило, в том же году опубликовано отдельной брошюрой с дерзким предисловием, полным нападок на Лагарпа,

* Комментарии к французским стихотворениям В. А. Мильчиной, к русским В. Э. Вацура.

чье стихотворение на сходную тему было отмечено Академией прежде (Лагарп со своей стороны отозвался на «Le Poète malheureux» одобрительной рецензией в «Mercure de France», октябрь 1772 г.). От последующих французских элегий о несчастном поэте стихотворение отличается выдвиганием на первый план темы честолюбия и зависти, весьма важной для литературной атмосферы XVIII в.

50. **Эпиграф** — «Сам я за варвара здесь: понять меня люди не могут» (лат.; Овидий. Скорбные элегии, V, 10, 37; пер. С. В. Шервинского).

54. **Condé** — Луи II де Бурбон, 4-й принц Конде по прозвищу «Великий Конде» (1621—1686), прославленный полководец.

56. ...**mon vaisseau mutilé**... — Традиционный образ жизни-моря, «бурь, символизирующих бедствия жизни (<...> берега или пристани как желанной цели» (Поэтическая фразеология Пушкина. М., 1969. С. 150); ср.: «Élégie V» Парни, «Près des bords où Venise...» Шенье, «La Retraite», «Adieu», «A El***» Ламартина.

58. **Burghus** — Афракий Бурр, начальник преторианцев при Нероне, персонаж трагедии Расина «Британик».

Перевод М. В. Милонова впервые / под назв.: «Несчастный поэт (Вольный перевод из Жильберта)» / — СО, 1816. № 31. С. 201. Печ. по: Милонов. С. 105. Свободная переработка подлинника.

Подробный сравнительный анализ подлинника и перевода Милонова дал О. М. Сомов (Разбор стихотворения М. В. Милонова «Бедный поэт» // Бл., 1821. № 23—24. С. 246—272). Сомов указывал на точки соприкосновения в биографиях поэтов: Жильбер «с самого своего появления на поприще словесности» «был гоним людьми и непостоянно богинею счастья; он умер в цветущих летах от помешательства ума, умер, томимый бедностию в богадельне» (об исторической достоверности этой легенды см. выше); в отличие от него Милонов «имел безбедное состояние», но в силу «некоторых частных обстоятельств его жизни» «охладил к людям и свету», хотя и был вознагражден дружбой нескольких соратников и ценителей. Отсюда, согласно Сомову, разная установка стихов: Жильбер жалется на равнодушные общества, Милонов — на утраты и разочарования, не имея в виду конкретного их виновника. Этим критик объяснял отказ Милонова от перевода начала стих. Жильбера, показывающего «крайнее негодование, крайнюю недоверчивость к людям»; применяя «положение *бедного поэта* к себе», Милонов уступает подлиннику «в силе выражений», но превосходит его «чувствительностию». «Милонов был переводчик-творец: он брал в своем авторе то, что близко было к его сердцу, дополнял собственными мыслями и одевал все сие в прекрасные, гармонические стихи» (с. 247—249); далее Сомов отмечал, что «Милонов умел заимствовать чужие мысли и пользоваться красотами подлинника, извлекая из него все лучшее и отбрасывая то, что строгая критика могла бы найти излишним» (с. 264).

51. **О дней моих весна! куда сокрылась ты?..** — Чрезвычайно популярная общеэлегическая формула, варьированная Милоновым, в частности, в переводе «Идеалов» Шиллера («К юности», 1812); наряду с другими использована Пушкиным в пародийной элегии Ленского (см. прим. к «Падению листьев» Мильвуа).

55. **И вот — корабль готов и парус мой направлен...** — По мнению Сомова, Милонов «чувствовал излишество» длинного отступления в этом месте элегии Жильбера «и заменил оное изображением того благородного движения души, которое влекло его к славе» (далее цитируется стих «Я гра-

жданин, за жизнь я обществу плачу» с ремаркой: «Последний стих достоин гражданина русского» (с. 258—259).

57. **Он прибыл — он один. — Кто вы? Где ваш отец?..** — «Здесь Милонов почти совершенно удаляется от подлинника. Пламенными чертами образа высокое назначение Поэта, жреца ума и славы, презирающего зависть, и сравня его с царем светил, помрачающим слабые звезды, противопоставляет он славной его цели низкую цель стихотворцев-ласкателей, которых бесславное раболепство, к сожалению, часто венчается счастливым успехом» (Сомов. С. 261).

63. **А ты, которой я, под игом скорби лютой...** — «Сии стихи изображают благороднейшую страсть души чувствительного Милонова, который словами и делами чтит дружество как нечто священное и был до конца жизни верным, нежным другом друзей своих» (Сомов. С. 270—271). В этой связи Сомов обращал внимание на заключительный стих перевода.

ODE IX, IMITÉE DE PLUSIEURS PSAUMES. — Написана незадолго до смерти, когда к Жильберу ненадолго вернулся рассудок. Впервые — АМ, 1781.

64. **...au banquet de la vie...** — Знаменитая строчка, оставшаяся в памяти потомков (ср.: «La Jeune captive» А. Шенье, пушкинское послание «Князю А. М. Горчакову» (1817) или письмо Ламартина к Г. де Бьенасси от 13.III.1810).

Salut, champs... — Такое обращение к неодушевленным объектам — поэтическое клише XVIII в., восходящее к античности (ср., напр.: Вергилий. Георгики, II, 172); ср. далее у Мильвуа («Le Souvenir») и Ламартина («Le Temple», «La Foi», «L'Automne»).

В русской поэзии ода Жильбера включалась в традицию «элегического псалма» и переводилась как поэтами архаической ориентации — в «высоком» стилистическом ключе (С. Висковатов, отчасти Гнедич), так и элегиками, выдвигавшими на передний план интимно-лирическое начало (И. Бороздна): По-видимому, именно эту оду («перевод последней Жильбертовой элегии») во второй половине 1819 г. представлял в ОЛСНХ М. В. Милонов (архив ОЛСНХ в ЛГУ); перевод этот в печати неизвестен. Оду Жильбера записал по памяти в свой дневник заключенный в крепость М. И. Муравьев-Апостол, вложив в нее автобиографическое содержание: «Я умру, как поэт, написавший эти стихи. Бедный Жильбер!» (франц.) (Декабрист М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма. Пг., 1922. С. 12, запись от 20 января 1826 г.). Последнее четверостишие как «знаменитую и классическую строфу» цитирует Ипполит в «Идиоте» Достоевского (ошибочно отнес ее к Мильвуа. — См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Художественные произведения. Т. 8. Л., 1973. С. 343; т. 9, 1974. С. 452).

Перевод Н. И. Гнедича впервые — СО, 1820. № 40. С 324—325. Дата авторская. Об этом стих. Пушкин писал Гнедичу 4 декабря 1820 г. из Каменки: «Видел я (...) вдохновенные строфы: Уже в последний раз приветствовать я мнил и проч.» (Пушкин. Т. XIII. С. 21). Перевод Гнедича в последних четырех строфах представляет собой самостоятельное стихотворение, по поэтической идее противоположное оригиналу: мотив «прощания с жизнью» заменен мотивом «возрождения к жизни».

Перевод Ф. Н. Глинка (последние три строфы) — Соревн., 1821. Ч. XV. Кн. 3. С. 337. Перевод С. И. Висковатова — НЛ, 1826. Апрель. С. 56. Перевод И. П. Бороздны — Бороздна. С. 42. Примечание переводчика: «Несчастный французский поэт Жильберт, гонимый и людьми, и судьбою, написал сию, переведенную мною, оду за несколько дней до своей кон-

чины. Известно, что он умер вне ума. Его биограф Нодье, стараясь всячески опровергнуть злословие Лагарпа, столь пристрастного в суждениях о жизни сего писателя, говорит между прочим: «Ce qu'il a de certain c'est que la folie de cet infortuné Gilbert, qui mourut *en donnant les plus étranges marques d'aliénation d'esprit*, produisit toutefois cette ode *imitée de plusieurs psaumes*, dont tous les amis des lettres ont retenu les admirables stances» (с. 165—166).

Вариация основной темы — в оригинальном стих. А. А. Шишкова — МВ, 1830. № 8. С. 314. Известен также более поздний (1837) перевод Н. Е. Вуича — Галатея, 1840. № 11. С. 189.

65. **Увы, минутный гость я на земном пиру...** — Эта формула, ставшая знаменитой во французской поэзии и отразившаяся у Пушкина (см. выше), варьировалась в русской лирике вплоть до 1840-х гг., наполняясь автобиографическим содержанием. В пародийном контексте («au banquet de la mort infortuné convive») ее перефразирует Вяземский в «арзамасской» речи 1816 г. (Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933. С. 136); в серьезном регистре она попадает в его стих. «К ним» (1828 или 1829): «За трапезой мирской непразднуемый гость, / Не обойден ли я пирующею чашей?» (Вяземский-1986. С. 222). В 1817 г. она появляется в «Сократизме» В. К. Кюхельбекера («вас, на пиру бытия быстрых, минутных гостей», — см.: Кюхельбекер В. К. Избранные произведения. Т. I. Л., 1967. С. 81; впервые — СО, 1817. № 45). В. А. Жуковский вводит ее в свой перевод «Шильонского узника» Байрона (1821—1822): «Без места на пиру земном, / Я был бы лишний гость на нем» (Жуковский В. А. Соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1980. С. 260). В том же году она становится и предметом пародирования: «Минутный гость на жизненном пиру, я вяну!» («Увы и ах! Прозаическая галиматья. Подражание новейшим элегическим поэтам». — Бл., 1822. № 37. С. 439). Тем не менее в поэзии конца 1820—1830-х гг. происходит ее возрождение; ср. в «Элегии» («Что вы печальны, дети снов...», 1829) А. И. Одоевского: «Как званный гость или случайный / Пришел он в этот чудный мир» (Одоевский А. И. Полн. собр. стих. Л., 1958. С. 81). К 1830-м гг. относится и публикуемое оригинальное стих., построенное на развертывании этой метафоры, — «Незванный гость» А. А. Шишкова и целый ряд вариаций, более или менее отдаленных, — у Полежаева, Лермонтова (см.: Эйхенбаум Б. М. Лермонтов. Л., 1924. С. 54—55), позднее у Э. И. Губера и др.

ÉVARISTE DÉSIRÉ DE FORGES de PARNY

ЭВАРИСТ ДЕЗИРЕ ДЕФОРЖ де ПАРНИ

(1753—1814)

Родился на острове Бурбон (ныне о. Реюньон), в ту пору французской колонии, в дворянской семье. В 1762 г. отправлен во Францию, где окончил Реннский коллеж ораторианцев. Затем вступил в гвардию, где вместе с братом и А. де Бертенем основал шуточный «орден Казармы», члены которого, молодые офицеры, «поклонялись всем искусствам и талантам, сочиняли музыку, кропали стишки, были ленивы, чувствительны и сладострастны» (Bertin A. de. Oeuvres complètes. P., 1824. P. 230). В 1773 г. отец отозвал Парни на родину, где он влюбился в тринадцатилетнюю Эстер Лельвер (1761—1822), которую обучал игре на арфе (см.: Barquissau. P. 32). Не полу-

чив от отца разрешения на брак из-за недворянского происхождения Эстер, Парни покинул о. Бурбон и в июне 1776 г. прибыл во Францию. Эстер в июле 1777 г. вышла замуж за врача Канарделя. В 1777 г. Парни публикует анонимно «*Épître aux insurgents de Boston*», в 1778 г. выпускает в Париже первое издание «*Poésies érotiques*» (см.: Barquissau. P. 32), а в следующем году сильно расширяет его. Деление на четыре книги с единым именем героини (Элеонора), превратившее «набор случайных стихотворений в рассказ об одной любви» (Томашевский Б. В. // *Аполлон*, 1915. № 6—7. С. 77), впервые введено в изд. 1781 г. (*Poésies de Sappho, suivies de différentes poésies dans le même genre*. Londres). В 1782—1786 гг. Парни живет на родине. В 1787 г. выпускает сборник «*Chansons madécasses*». Затем «соперник Тибулла* превращается в единомышленника Вольтера» (Parny E. *Oeuvres complètes et inédites*. P., 1827. Т. I. P. VI; слова П. Ф. Тиссо). В 1799 г. он выпускает антирелигиозную ироническую поэму «*La Guerre des dieux anciens et modernes*», к которой примыкают сатирические поэмы «*Paradis perdu*» и «*La Bible galante*» (обе в сб. «*Portefeuille volé*», 1805). В 1800-е гг. создает антианглийскую поэму «*Goddam*» (1803), оссианическую поэму «*Isnel et Asléga*» (1802, дополн. изд. 1808) и поэму в средневековом стиле «*Les Rossegroix*» (1808). К концу жизни Парни имел репутацию «одного из величайших французских поэтов» (некролог в «*Journal des Débats*»). Однако уже к середине 1820-х гг. всеобщие восторги сменяются скепсисом (ср. отзыв Ш. Нодье 1823 г.: «приторные улады Парни, весьма классического певца поэзии без любви и мифологии без бога» — цит. по: Ladoué. P. 328). Так же сурово оценил элэгии Парни и Ламартин в предисловии 1849 г. к очередному изданию МР (см.: Lamartine-1968. P. 307).

Тексты печатаются по изд.: *Oeuvres d'Evariste Parny*. P., 1808. Т. 1-2.

POÉSIES ÉROTIQUES ЭРОТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

LE LENDEMAIN (I, 1). — Впервые — P-1778. В переводе опущен финал:

Ah! laissons nos tristes censeurs
Traiter de crime impardonnable
Le seul baume pour nos douleurs,
Ce plaisir pur, dont un dieu favorable
Mit le germe dans tous les cœurs.
Ne crois pas à leur imposture.
Leur zèle hypocrite et jaloux
Fait un outrage à la nature:
Non, le crime n'est pas si doux.

Перевод Д. П. Ознобишина — Зимцерла. С. 66. Дата ("1821") в автографе (ИРЛИ. Ф. 213. № 24).

ÉGLOGUE (I,2). — Впервые — P-1778, под загл.: «*L'Heure du Berger*». Восходит к песне фр. поэта XVI в. Жака Гоори. До 1808 г. печаталась в разделе «*Mélanges*». Переведена 41 строка из 131.

Перевод А. Н. Глебова — ВЕ, 1824. № 16. С. 281.

* Сравнение Парни с Тибуллом — общее место современной поэту критики: Вольтер звал его наследником Тибулла, Экушар-Лебрен — «полу-Тибуллом» (Potez. P. 153).

LA DISCRÉTION (I,3). — Впервые — P-1778, под загл.: «A Eléonore». Источник: Ж.-Ж. Руссо. *Julie, ou La Nouvelle Héloïse* (Ч. I. Письмо 36).

Перевод В. Л. Пушкина впервые — ВЕ, 1810. № 15. С. 184, с датой: «1-го июля 1810. С.-Петербург». Печ. по: Стихотворения Василия Пушкина. СПб., 1822. С. 146.

Перевод Н. А. Маркевича — Маркевич. С. 7. В огл.: «Из Парни».

Существует также перевод С. В. Капниста «Излишняя осторожность. (Подражание Парни)» // Журнал древней и новой словесности, изд. В. Олиным, 1818. № 9. С. 71.

LE BILLET (I,4). — Впервые — P-1778, под загл.: «A Eléonore».

Перевод А. Бестужева — Бл., 1818. № 3. С. 291, с подп.: «Б.....в». Как и перевод стих. «Demain» (см. ниже), он иногда считается принадлежащим А. А. Бестужеву (Марлинскому) и включается в отдел «Dubia» в собрания его стих. См.: Бестужев-Марлинский А. А. Полн. собр. стих. Л., 1961. С. 298. Более вероятно, что автор обоих переводов (как и стих. «Беспечный» с неизв. франц. оригинала (Бл., 1818. № 6. С подп.: «Ал...ей Бе-жев») — Алексей Васильевич Бестужев (см.: Справки. С. 592). Подпись под стих. «Demain» — «Ал. Бе...жев» была расшифрована как «Алексей Бестужев» и в рукописном «ключе» Н. А. Маркевича (ИРЛИ. Ф. 488. № 18).

Перевод А. С. Пушкина впервые — Пушкин-1855. Т. II. С. 163 (стихи 1—13); т. VII. С. 54 (стихи 14—22). Текст — последняя лицейская редакция стихотворения, датированная 1817 г. В 1818 г. Пушкин начал ее сокращать и перерабатывать. «Письмо к Лиде» — не перевод, а скорее вариация на темы двух «Записок» Парни (I,4 и I,15). Пушкин сохраняет тему и экспозицию стихотворения, включая и мотивы, ставшие общими местами любовной элегии и восходящие еще к римским элегикам (упоминание затворов, запертой двери и т. п.). Вторая часть — описание любовных радостей — не имеет соответствия в оригинале. См.: Пушкин — ИАН. Т. I. С. 359—360. В заключительных стихах, возможно, отразилась концовка стихотворения «Vers gravés sur un oranger» (Французские лирики XVIII века. М., 1914. С. 292).

LA FRAYEUR (I,5). — Впервые — P-1778, под загл.: «A Eléonore». В изд. до 1808 г. в начале стих. Парни описывал, как под ним и его возлюбленной рхнуло ложе. Иным был и финал:

Au doux sommeil j'en donnerais un quart,
Le dieu du vin aurait semblable part
Et la moitié serait pour ma maîtresse.

Перевод К. Н. Батюшкова — ВЕ, 1810. № 11. С. 213, без подп.; с изменениями — Собр. рус. стихотворений. Ч. 5. М., 1811. С. 318. Стих. нравилось Пушкину; в его экземпляре «Опытов» текст отчеркнут начиная со ст. «Рано утренние розы...» до конца; против начальных стихов сделана помета «Очень мило»; против стихов «Если б Зевсова десница... Прогоняла черную тень» — «прекр. <асно>»; та же помета — против стихов «Долго б тени пролежали... Сладострастие в мечтах». К последнему стиху Пушкин предложил поправку: «Поделится бы» (Пушкин, Т. XII. С. 277—278).

75. **И амуры на часах.** — По указанию Пушкина, «стих Муравьева» (реминисценция из стих. М. Н. Муравьева «Богине Невы»).

VERS GRAVÉS SUR UN ORANGER (I,6). — Впервые — P-1778, под загл. «Vers gravés sur un myrthe». Надписи мадригального содержания на де-

реве, беседке, садовом памятнике были распространены в литературе и быту преромантической эпохи (ср. описание надписей в поместье Эрменонвиль, последнем пристанище Ж.-Ж. Руссо, в «Письмах русского путешественника» Карамзина). В жанре элегии надписи влюбленных — клише, восходящие к античности (см.: Вергилий. Буколики, X, 52; Проперций. Элегии, I, 18, 22). Ср. также «*Élégie III*», «*Élégie IV*», «*Élégie VI*», «*Élégie XX*» Парни (*livre III*) Бертена и «*A Elvire*» Ламартина.

Перевод Н. А. Маркевича — Маркевич. С. 35. В огл.: «Из Парни». Перевод В. И. Туманского — УВ, 1818. № 4. С. 107. Помета: «С. Пб.».

DEMAIN (I,9). — Впервые — P-1778, с подзаг.: «*A Euphrosine*». До 1808 г. печаталось в разделе «*Mélanges*». Одна из «чувственных» элегий Парни, вызвавшая нарекания критиков: так, публицист С. Н. А. Линге писал, что финалом автор оскорбляет «если не целомудрие, то деликатность» (см.: *Sainte-Beuve*. P. 443—444).

Перевод А. Бестужева — Бл., 1818. № 4. С. 12.; с подп.: «Ал. Бе...жев» (см. коммент. к стих. «*Le Billet*» — I,4).

LE REVENANT (I,10). — Впервые — P-1779, под загл.: «*Épître à M-me de V. écrite pendant une maladie*».

Перевод К. Н. Батюшкова впервые — ВЕ, 1810. № 6. С. 108—110, с подп.: «К. Б.». Написано в февр. 1810 г. В середине февр. Батюшков писал Гнедичу: «Посылаю тебе, мой друг, маленькую пьеску, которую взял у Парни, то есть завоевал. Идея оригинальная. Кажется, переводом не испортил, впрочем, ты судья! В ней какое-то особенное нечто меланхолическое, что мне нравится, что-то мистическое...» и далее: «Прочитай Парни Самаринной. Это в ее роде: любовь мистико-платоническая» (Батюшков. Т. III. С. 78, 79). В соответствии со своим пониманием подлинника Батюшков изменил его тональность: опустил галантно-иронические пассажи, придал стих. античный колорит (см. коммент. И. М. Семенко в кн.: Батюшков-1977. С. 539). Начальные строки не имеют соответствия в оригинале (ср. почти точное повторение начала этой элегии Парни в стих. Е. А. Баратынского «Элизийские поля» (1820 или 1821): «Бежит неверное здоровье»).

79. В час полуночных явлений. — Парафраза строки из «Людмила» Жуковского («В час полуночных видений»).

81. Если пламень потаенный... / Развязался и упал. — Против этих строк Пушкин в своем экземпляре «Опытов» пометил: «прелесть» (Пушкин. Т. XII. С. 261).

PLAN D'ÉTUDES (I,13). — Впервые — P-1779.

82. Gnide — Книд, город в Малой Азии, где находилось святилище богини любви Афродиты; популярен в галантной литературе XVIII в. благодаря поэме в прозе Монтескье «*Le Temple de Gnide*» (1725).

Paphos, Amathonte, Idalie — города на Кипре, центры культа Афродиты.

Léandre... Didon... — Леандр, утонувший на пути к возлюбленной, жрице Афродиты Геро, и Дидона, покончившая с собой от безответной любви к Энею, упомянуты как примеры несчастливых влюбленных.

...de Tempé les vallons enchantés... — В Темпейской долине (Северная Фессалия), по греч. преданиям, часто бывал Аполлон.

Перевод Н. А. Маркевича — Маркевич. С. 11. В огл.: «Из Парни».

Перевод Д. П. Ознобишина — МВ, 1827. № 5. С. 12, с подп.: «О».

PROJET DE SOLITUDE (I,14). — Впервые — P-1779.

84. **...je ne craindrai plus un père inexorable** — автобиографическая деталь.

Перевод Н. А. Маркевича — Маркевич. С. 24. В огл.: «Из Парни».

Перевод Ал. С. Норова — Бл., 1820. № 10. С. 288. Читано в ОЛСНХ 22 апреля 1820 г. Печ. по: ВЕ, 1821. № 18. С. 106 (исправленная автором ред.). Подп.: «А-р Нрв.».

BILLET (I,15). — Впервые — P-1779. Источники — Катулл, 32 (тема запертой или незапертой двери); Проперций, I,2 (противопоставление «природной прелести» и «покупной красоты» прически и одежды).

Перевод Д. П. Ознобишина — Урания. С. 13. Датируется 1821—1822 гг. (автограф под назв. «Совет. (К Лаисе)». — ИРЛИ. Ф. 213. № 22). Перевод Н. А. Маркевича — Маркевич. С. 8. В огл.: «Из Парни». Существует также перевод П. А. Драгоманова (СМ, 1830. 3. IX. № 106. С. 111).

LE REFROIDISSEMENT (II,1). — Впервые — P-1778.

Перевод Н. А. Маркевича — Маркевич. С. 34. В огл.: «Из Парни».

À LA NUIT (II,2). — Впервые — P-1778. В изданиях до 1788 г. первые четыре строки читались иначе: поэт обращался за помощью не к ночи, а к бутылке и стих. называлось «A ma bouteille».

Перевод Н. А. Маркевича — Маркевич. С. 36. В огл.: «Из Парни».

LA RECHUTE (II,3). — Впервые — P-1778.

90. **j'ai brisé mes chaînes...** — Элегическое клише для обозначения «любовного плена»; ср. у А. Шенье в «Élégie XXVI»: «Quel mortel... regrettera jamais sa triste liberté / Si jamais des amants il a connu les chaînes».

Le dieu... de la vengeance — Ср.: Проперций, III, 17.

...qu'il est difficile... dans le sein des douleurs... — Ср.: Тибулл, III, 6, 34—35.

Перевод Н. А. Маркевича — Маркевич. С. 49—50. В огл.: «Из Парни». Начало, по-видимому, ориентировано на «Элегию» Пушкина («Опять я ваш, о юные друзья»); опубликованная только в 1841 г., она, вероятно, была известна Маркевичу в рукописи (см. биогр. справку). «La Rechute» — одна из наиболее популярных в России элегий второй книги «Эротических стихотворений». Общая психологическая ситуация ее отразилась в элегическом цикле Пушкина 1816—1817 гг., вплоть до отдельных реминисценций. Ср. в его «Элегии» («Я думал, что любовь погасла навсегда...») стих: «Но что я говорил... несчастный», обозначающий поворот лирического сюжета (Пушкин. Т. I. С. 220) и ст. 15 у Парни (он воспроизведен во всех русских переводах). По-видимому, к «La Rechute» восходит и заключительный образ пушкинской элегии: «...в тягостных цепях / Мечтать о сладостной свободе» (ср. у Парни: «Tout courbé sous les fers chanter la Liberté»). Отметим, что соседний стих фр. оригинала отразился в пушкинском послании «Князю А. М. Горчакову» (1817): «И счастья тень, забывшись, обнимать» (Пушкин. Т. I. С. 255). Близкая Парни элегическая ситуация — и в упом. выше стих. Пушкина «Элегия» («Опять я ваш, о юные друзья»), где есть вариация ст. 27—28: «Оставь меня сердечному мученью, / Оставь меня молитвам и слезам». См.: Гаевский В. П. // Совр., 1863. Т. ХСVII. Отд. I. С. 174; Пушкин — ИАН. Т. I. С. 322—324; Морозов. С. 390.

Перевод Н. Д. Иванчина-Писарева впервые без загл. — Аглая, 1809. Сент. С. 36. С подп.: «Н. И.-П.» Печ. по: Иванчин-Писарев. С. 324.

Перевод В. И. Туманского — Бл., 1818. № 5. С. 145. Читалось в ОЛСНХ 14.III.1818.

DÉPIT (II, 5). — Впервые — P-1779. Перевод Н. А. Маркевича — Маркевич. С. 44—45. В огл.: «Из Парни».

A UN AMI, TRANI PAR SA MAÎTRESSE (II, 6). — Впервые — P-1778. Адресовано Бертену. Перевод Н. А. Маркевича — Маркевич. С. 42—43. В огл.: «Из Парни».

A MES AMIS (II, 8). — Впервые — P-1778, под загл.: «Le Délire», которое затем было передано 13-й элегии III книги. Восходит к античным стих., разрабатывавшим эпикурейскую тему *carpe diem* (Гораций. Оды, I, 11; I, 9); Овидий. Наука любви, III, 59—80). Ср. ниже «Le Songe» (III, 3).

Перевод А. С. Пушкина впервые — Соч. Александра Пушкина (по-смертное издание). Т. XI. СПб., 1841. С. 152. Написано в Петербурге, в послелицейские годы (1817—1820). На источник стих. впервые указал П. В. Анненков (Пушкин-1855, Т. II. С. 187). Анализ перевода см.: Федоров А. В. // Чуковский К., Федоров А. Искусство перевода. Л., 1930. С. 167.

Перевод Н. А. Маркевича — Маркевич. С. 46. В огл.: «Из Парни».

AUX INFIDÈLES (II, 9). — Впервые — P-1778.

98. ...*Caton vous encense...* — Возможно, имеется в виду эпизод биографии Марка Катона Старшего (234—149 до н. э.) который, несмотря на репутацию блюстителя нравственности, в преклонном возрасте, овдовев, вступил в связь с молодой служанкой (Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Марк Катон, XXIV).

Перевод Н. А. Маркевича — Маркевич. С. 39. В огл.: «Из Парни».

PALINODIE (II, 11). — Впервые — P-1779. Перевод Н. А. Маркевича — Маркевич. С. 47. В огл.: «Из Парни».

LES SERMENTS (III, 1). — Впервые — P-1778, под загл.: «A Eléonore». Перевод Н. А. Маркевича — Маркевич. С. 10. В огл.: «Из Парни».

LE SONGE (III, 3). — Впервые — P-1778. Перевод И. П. Бороздны — Бороздна. С. 68. В огл.: «Из Парни».

LE CABINET DE TOILETTE (III, 7). — Впервые — P-1779. Источник (вплоть до конкретных деталей) — «Julie, ou La Nouvelle Héloïse» Ж.-Ж. Руссо (ч. I, письмо 54). Перевод Н. А. Маркевича — Маркевич. С. 5. В огл.: «Из Парни».

MA MORT (III, 9). — Впервые — P-1778. Источники — Тибулл, I, 1; Проперций, II, 13. Перевод Ал. С. Норова — Бл., 1821. № 1. С. 79—82. Подп.: «А-р Н-в. Москва». Читано в ОЛСХХ 20. I. 1821 г. Перевод Н. А. Маркевича — Маркевич. С. 20. В огл.: «Из Парни».

RÉFLEXION AMOUREUSE (III, 11). Впервые — P-1779.

Перевод Е. А. Баратынского — Уралия. С. 101, под загл.: «Ожидание». С тем же загл. и подзаг. в огл.: «Подраж<ание> Парни» — в сб. Баратынский-1827. С. 60. («Элегия»). Стих. вызвало отрицательный отзыв Белинского (Белинский. Т. I. С. 326).

Перевод Е. П. Зайцевского — НЛ, 1825. Кн. 12. Апрель. С. 63. Подп.: «Е. З-ий. Одесса. 1824».

LE BOUQUET DE L'AMOUR (III, 12). — Впервые — P-1778, под загл.: «A Eléonore». Перевод Н. А. Маркевича — Маркевич. С. 9. В огл.: «Из Парни».

DÉLIRE (III, 13). — Впервые — P-1779, с подзаг.: «Перевод с латыни» и эпитафией «Scribere jussit Amor» (Писать приказала любовь. — лат.; Овидий. Героиды, IV, 10).

Перевод М. В. Милонова впервые — Санктпетербургский вестник, 1812. № 2. С. 159. С подп.: «М». Печ. по: Милонов. С. 192. Перевод очень свободный, приближающийся к вариации на темы оригинала.

LIVRE IV. — Все элегии, вошедшие в четвертую книгу, кроме «Élégie III», — впервые — P-1779.

ÉLÉGIE I. — Перевод П. Лихачева — ВЕ, 1810. № 11. С. 212. С подп.: «П. Л.». Подпись частично раскрыта в близких по времени публикациях в ВЕ (ср. в № 9: «П. Л...чев»). Общие контуры этой элегии и ее отдельные мотивы, как можно думать, отразились в ряде русских элегий (ср., напр., «Заблуждение» К. Ф. Рылеева (1821), «Элегия (Из Парни)» В. П. Шемиота (СЦ на 1827. СПб., 1827. С. 290 вт. паг. и др.).

117. Как обмануть того удобно... — Эта формула варьировалась в русской поэзии: ср. у Пушкина: «Ах, обмануть меня не трудно!.. / Я сам обманываться рад» («Признание», 1826).

ÉLÉGIE III. — Впервые — P-1778, под загл.: «A un myrthe». Перевод А. А. Крылова — СЦ на 1829. СПб., 1828. С. 186 вт. паг. Перевод О. М. Сомова — Бл., 1821. № 4. С. 205. Перевод Н. А. Маркевича — Маркевич. С. 35. В огл.: «Из Парни».

ÉLÉGIE IV. — Перевод Н. А. Маркевича — Маркевич. С. 37. В огл.: «Из Парни».

ÉLÉGIE V. — Перевод Д. В. Давыдова — Труды МОЛРС, 1816. Ч. V. Стихотворения. С. 84, под загл.: «Элегия». Позднее — СЗ. С. 293, под загл.: «Утро. Элегия» и с подп.: «Д. Д-в». Вошло в рукописный сборник Давыдова в составе цикла элегий. Впервые прочитано В. Л. Пушкиным в отсутствие Давыдова на заседании МОЛРС 26. V. 1816 г. Имя адресата не установлено.

123. Нигде! Ни в шумной сечи боя... — Автобиографическая деталь, отсутствующая у Парни.

ÉLÉGIE VI. — Парни описывает гору Берника близ его родного города Сен-Поль (ср. изображение этих мест в финале романа Ж. Санд «Индиана», 1832). Горный пейзаж во фр. литературе до 2-й пол. XVIII в. был малопопулярен; одним из первых внимание к нему привлек Ж.-Ж. Руссо (см.: Morinet D. Le Sentiment de la nature en France... P., 1907. P. 259—287).

Перевод Д. П. Глебова впервые, под загл.: «Элегия (Из соч. Парни)» — ВЕ, 1818. № 15—16. С. 193. Печ. по: Глебов. С. 60.

Переводы этой элегии — одно из наиболее ранних обращений русских поэтов к элегическому творчеству Парни. Перевод А. Ф. Мерзлякова впервые — ВЕ, 1806. № 9. С. 22. Одновременно к VI элегии обращается В. А. Жуковский, в начале 1800-х г. сохранявший с Мерзляковым тесные дружеские и творческие связи; возможно, что параллельная работа над переводом Парни (к которому ни Мерзляков, ни Жуковский позднее не обнаруживали специального интереса) — результат этих контактов.

453. Он имя милое невольно повторяет. — Один из сквозных мотивов любовной элегии, отразившийся и у раннего Пушкина; ср. в «Осеннем утре» (1816) строки, ближе воспроизводящие образность Парни: «Задумчиво бродя в тени лесов, / Произносил я имя несравненной; / Я звал ее — и глас

уединенный / Пустых долин позвал ее вдали» (Пушкин. Т. I. С. 198). Отзвуки элегии VI есть и в других стихотворениях раннего Пушкина — «К ней» (1817); «К мечтателю» (1818). См.: Щеголев П. Е. // ПС. Вып. XIV. СПб., 1911. С. 98—101.

Перевод В. А. Жуковского, относящийся к 1806 г. — к периоду зарождения в его творчестве нескольких элегических замыслов (см.: Янушкевич А. С. Этапы и проблемы творческой эволюции В. А. Жуковского. Томск, 1985. С. 53—55), — не был закончен. Впервые — Жуковский. Т. I. С. 25. Печ. по этому изд. Еще в 1822 г. А. И. Тургенев спрашивал Жуковского: «Зачем не кончил перевод элегии Парни?» (РА, 1902. № 6. С. 340).

ÉLÉGIE VIII. — Перевод И. И. Дмитриева — Соч. и переводы И(вана) Д(митриева). Ч. 3. М., 1805. С. 62. Перевод В. В. Измайлова — Аглая, 1808. Ч. III. Кн. II. Август. С. 40. Перевод И. П. Бороздны — Бороздна. С. 81. В огл.: «Подражание Парни». Перевод Н. А. Маркевича — Маркевич. С. 36. В огл.: «Из Парни».

ÉLÉGIE IX.

128. *Ici, je bravai la colère / D'un père indigné contre moi* — автобиографическая деталь (ср. «Projet de solitude»).

Перевод Батюшкова впервые — ВЕ, 1816. № 19—20. С. 204, с подп.: «Б.....». В тетради авторизованных копий (так наз. «Блудовская тетрадь», составленная к 1815 г., а может быть, и ранее: ср. упоминания о ней уже в письмах 1812 г. (Лернер Н. // Рус. библиофил, 1916. № 5. С. 78—81) — после ст. 31 («И страшно загремел над нами ярый гром») следовало:

Все небо в молниях зарделося кругом
И в роще сумрачной сверкало.
Напрасно! ты была в объятиях моих,
В объятиях любви, на ложе сладострастья,
Покрытая дождем холодного ненастья,
Для новых радостей ты воскресала в них!
О пламенный восторг! О страсти упоенье!
О нега томная! Источник сладких слез!
При блесках молнии разгневанных небес
О сладострастие... себя, всего забвенья...

(Батюшков К. Н. Соч. М.—Л., 1934. С. 453—454).

Батюшков свободно варьирует текст Парни, вводя распространенные описания, отсутствующие в оригинале (см. в начале элегии) и конкретизируя развитие чувства (как в приведенном фрагменте, также не имеющем соответствия в подлиннике). См.: Фридман. С. 135—136. Самая сцена страсти во время грозы явно ориентирована на знаменитую аналогичную сцену в «Atala» Шатобриана (1801), одном из любимейших произведений Батюшкова (ср. его признание: «Я всегда плачу: читая «Аталу» и «Paul et Virginie». «Атала» более стихотворна, нежели роман Ст. Пьера». — Батюшков-1986. С. 295); в стих. «Счастливец» (вольный перевод из Дж. Касти, 1810) он подобным же образом ввел шатобриановский образ крокодила, таящегося на дне колодца. Стих. подверглось резкой критике в пушкинских замечаниях на «Опыты»; ряд неточностей в рифмах и словоупотреблениях Пушкин отметил подчеркиваниями. Против стихов «Их помнят и леса <...> часто повторяет» он пометил: «Лишнее и вялое»; против стиха: «Здесь жертвы приносил у мирных алтарей». — «Что такое?»; против стиха «Тому сей дикий бор

немой свидетель был» — «Какой оборот!», около стиха «Где юность пылкая и взор считает твой» — «Темно». В двух случаях замечания Пушкина касались соотношения перевода и оригинала: рядом со стихами «Ты здесь <...> цвела невинностью близ матери твоей» — его замечание: «И у Парни это место дурно, у Б<атюшкова> хуже. Любовь не изъясняется пошлыми и растянутыми сравнениями». В заключительных строках Пушкин подчеркнул «в последний жизни час» и записал на полях: «Je dirai: qu'elle soit heureuse! Et se vœu ne pougta te donner le bonheur! Какая разница!» (Пушкин. Т. XII. С. 260—261). Ср. эти строки в переводе Д. Давыдова.

Перевод Д. В. Давыдова впервые — Труды МОЛРС, 1816. Ч. VI. Стихотворения. С. 33. Вторично — СЗ. С. 29 (под загл.: «Угрозы» и с подп.: «Д.Д.-в»). Читалось в МОЛРС 26.V.1816 г. Вольный и сокращенный перевод. Адресат неизвестен.

ÉLÉGIE XI. — Финальная строка восходит к «Julie, ou La Nouvelle Héloïse» Ж.-Ж. Руссо (ч. III, письмо 16). Ср.: Бертен. Les Amours, III, 20 (эта элегия Бертена написана позже «Élégie XI» Парни, поскольку не вошла в издание «Les Amours» 1780 г.) и Шенье. Élégie XXVI.

Перевод К. Н. Батюшкова — СВ, 1805. № 3. С. 338. Написано в 1804 или 1805 г. Первое известное нам обращение Батюшкова к Парни (и одно из самых ранних в русской поэзии). Батюшков не включил «Элегию» в «Опыты» как несовершенное и раннее свое произведение. Вольный перевод.

Перевод В. М. Перевощикова — Цветник, 1810. № 5. С. 162. С подп.: «В. Првцкв».

Перевод А. Г. Родзянки — Поэты 1820—30. Т. I. С. 166.

ÉLÉGIE XIV. — Перевод Д. П. Глебова — Глебов. С. 64.

CHANSONS MADÉCASSES МАДАГАСКАРСКИЕ ПЕСНИ

Впервые — Chansons. В предуведомлении Парни описывает государственное устройство Мадагаскара, нрав его коренных обитателей и заверяет, что его «песни» — образцы народного творчества мадагаскарцев, сочиняющих «тщательно отделанную прозу». На самом деле Chansons — стилизация в духе Оссиана-Макферсона, на что в 1844 г. указал, сославшись на знатока мальгашского фольклора Д. Лавердана, Сент-Бёв (Sainte-Beuve. P.448). В Chansons, как и в известном письме Парни к Бертену от 19.I. 1775 г., печатавшемся по воле автора вместе с его стихами и проникнутом возмущением по поводу бесчеловечного обращения с неграми-рабами, видно влияние сентименталистских представлений («Негры — люди, они несчастны, этого довольно, чтобы расположить к ним душу чувствительную»). У истоков этой «гуманной» линии во фр. литературе стоит Ж. А. Бернарден де Сен-Пьер, автор «Voyage à l'Isle-de-France» (1773) и повести «Paul et Virginie», вышедшей в один год с Chansons. Сочувственным вниманием к «дикарям» и Бернарден, и Парни обязаны чтению Ж.-Ж. Руссо.

В России знакомство с Chansons начинается в конце XVIII в. (см. вступит. ст.). В последующие десятилетия как норма утверждаются поэтические их переложения; прозаические переводы редки. Два из них принадлежат В. И. Туманскому (Бл., 1818. № 4. С. 44; перепечатаны в кн.: Фр. лирики XVIII века. М., 1914. С. 129); Туманский сохранил и аболиционистский пафос Парни.

CHANSON II

134. **la pagne** — ткань из древесных листьев (*прим. Парни*).

Перевод Д. П. Ознобишина публикуется впервые по автографу в его сборнике «Мечты» (1821—1822; ИРЛИ. Ф. 213. № 22).

Перевод А. Д. Илличевского (вместе со стихотворением «Победитель») — РМ, 1815. № 5. С. 139, с подзаг.: «Мадагаскарская песнь» и подп.: «— ийший —» сделан еще в Лицее; 28.XI.1815 г. Илличевский послал оба стих. своему приятелю П. Н. Фуссу, указав, что они переведены «с французского из сочинений Парни, у которого они, однако ж, написаны в прозе» (Грот К. Я. Пушкинский лицей (1811—1817). Бумаги 1-го курса, собранные академиком Я. К. Гротом. СПб., 1911. С. 57). Печ. по этому изд. Имя **Нагандова** заимствовано из «Chanson XII».

CHANSON III. — Перевод А. Д. Илличевского впервые — РМ, 1815. № 5. С. 137.

Существует перевод: Ра-в. Песнь мадекасская (Подражание Парни) — ВЕ, 1817. № 22. С. 102. Помета: 1817 года октября 28 дня. *Село Преображенское*.

CHANSON IV. — Перевод П. А. Межакова — ВЕ, 1814. № 23. С. 230. Печ. по: Межаков. С. 197.

CHANSON VI. — Перевод И. И. Дмитриева впервые — Дмитриев И. И. Соч. 3-е изд. М., 1810. Ч. 2. С. 47.

CHANSON VIII. — Перевод К. Н. Батюшкова впервые — ВЕ, 1811. № 3. С. 177. В «Опытъ» не вошло. В составленном Батюшковым «Расписании моих сочинениям» (1810) раздел «Смесь» заканчивается «Мадагаскарскими песнями»; по-видимому, поэт сделал и другие переводы, до нас не дошедшие (см. коммент. Н. В. Фридмана в изд.: Батюшков-1964. С. 260, 282).

CHANSON XII. — Перевод А. Редкина — Редкин. С. 34. Имя **Вайна** заимствовано из «Chanson VI».

LES TABLEAUX. КАРТИНЫ

LES TABLEAUX — цикл из десяти стихотворений с единой героиней. Впервые — Chansons.

TABLEAU VII. — Перевод А. Редкина — Редкин. С. 24.

MÉLANGES. СМЕСЬ.

DIALOGUE. — Впервые — АМ, 1788 и Р-1788. Диалогическая форма заимствована из античной антологической эпиграммы.

Перевод В. А. Жуковского — впервые — Жуковский. Т. I. С. 29. Датирован в автографе 11.X.1806 г. (Бычков И. А. Бумаги Жуковского. <...> СПб., 1887. С. 26—27).

Перевод В. И. Туманского — Бл., 1819. № 17. С. 271, с подп.: «Г». Авторство Туманского подтверждается списком представленных в ОЛСНХ сочинений за вторую половину 1819 г. (Архив ОЛСНХ в Научной библиотеке им. М. Горького в ЛГУ).

PORTRAIT D'UNE RELIGIEUSE. — Впервые — АМ, 1788 и Р-1788. Первоначально имя в последней строке печаталось полностью: *Sésile*. Обращение к художнику с описанием будущего портрета восходит к одам

XXVIII и XXIX Анакреона. Обыгрывание темы портрета характерно для фр. легкой поэзии XVIII в.

150. *Hébé* (греч. миф.) — Геба, богиня юности.

Перевод Д. П. Ознобишина публикуется впервые по автографу в его сборнике «Мечты» (1821—1822; ИРЛИ. Ф. 213. № 22). Концовка не имеет соответствия в оригинале.

Высказывалось мнение, что к «Portrait d'une religieuse» восходит лицевой стих. Пушкина «К живописцу» (1815) — см.: Пушкин-1855. Т. I. С. 38; т. II. С. 94; однако оно, как и ряд предшествующих и современных ему стих. на эту тему (Г. Р. Державин. «К Анжелике Кауфман», А. Д. Илличевский. «От живописца»), по-видимому, опирается непосредственно на переводы из Анакреона; прямую реминисценцию из Парни дает лишь концовка: «Представь мечту любви стыдливой — / И той, которою дышу, / Рукой любовника счастливой / Внизу я имя напишу». См.: Пушкин — ИАН. Т. I. С. 181—186; коммент. Л. Н. Майкова.

LE TORRENT. — Впервые — P-1802. Парни не раз обращался к жанру «стихотворений в прозе»; помимо «Chansons madécasses» назовем такие его миниатюры, как «Le Promontoire de Leucade» (1779) и «Les Ailes de l'Amour» (1780). Известны два стихотворных переложения «Le Torrent» Парни; одно из них принадлежит Мильвуа (впервые — «Almanach littéraire pour l'an 1805»), другое — Жюстен-Жансулю (AM, 1805).

Перевод К. Н. Батюшкова впервые — BE, 1810. № 17. С. 55, с подзаг.: «Персидская идиллия». 26.VII.1810 г. Батюшков послал это стих. Жуковскому с просьбой исправить и, если очень понравится, напечатать в «Собрании русских стихотворений», где оно и появилось (Ч. 5. М., 1811. С. 246—247) с изменениями. Батюшков просил не изменять лишь выражения «я к тебе прикасался»: «Оно взято у Тибулла и, кажется, удачно» (Батюшков. Т. III. С. 99). Строка восходит к VI элегии I книги Тибулла (Там же. Т. I. С. 342). Сдержанный отзыв о стих. дал Н. И. Гнедич в письме Батюшкову от 16.X.1810 г.: «Твоя персидская идиллия и другие напечатанные с нею пиэсы <...> ничего более не говорят, кроме того, что ты имеешь превосходное дарование для поэзии; но такие предметы ниже тебя» (Ежег. РОПД-72. С. 87). Пушкин в своем экземпляре «Опытов» подчеркнул ряд стихов и сделал приписку: «Не стоит ни прелестной прозы Парни, ни даже более слабого подражания Мильвуа» (Пушкин. Т. XII. С. 265).

Анализ «Le Torrent» Парни и перевода Батюшкова см.: Топоров В. Н. // Труды по знаковым системам. Вып. 4. Уч. зап. ТГУ, 1969. Вып. 236. С. 306—334.

Есть сведения о неизданном переводе В. И. Туманского (представлен в ОЛСНХ в 1819 г.): см.: Маслов В. И. Литературная деятельность К. Ф. Рыльева. Киев, 1912. С. 131.

LÉDA. — Впервые — Chansons. Сюжетная основа — античный миф о Зевсе, в образе лебедя соблазнившем Леду, жену лакедемонского царя Тиндарея. Сюжет был популярен во фр. литературе XVIII в. (ср. «Léda» Ж.-П. Бернара). В переводе опущено начало стих.:

Vous ordonnez donc, jeune Hélène,
Que ma muse enfin vous apprenne
Pourquoi ces cygnes orgueilleux,
Dont vous aimez le beau plumage
Des simples hôtes du bocage
N'ont point le chant mélodieux ?

Aux jeux frivoles de la fable
J'avais dit adieu sans retour,
Et ma lyre plus raisonnable
Était muette pour l'amour :
Obéir est une folie ;
Mais le moyen de refuser
Une bouche fraîche et jolie
Qui demande un baiser?

и конец:

Si vous trouvez de ce tableau
La couleur quelquefois trop vive,
Songez que la fable est naïve,
Et qu'elle conduit mon pinceau;
Ce qu'elle a dit, je le répète.
Mais elle oublia d'ajouter
Que la médisance indiscrete
Se mit soudain à raconter
De Léda l'étrange défaite.
Vous pensez bien que ce récit
Enorgueillit le peuple cygne;
Du même honneur il se crut digne,
Et plus d'un succès l'enhardit.
Les femmes sont capricieuses;
Il n'était fleuve ni ruisseau
Où le chant du galant oiseau
N'attirât les jeunes baigneuses.
L'exemple était venu des cieux;
A mal faire l'exemple invite:
Mais ces vauriens qu'on nomme dieux
Ne veulent pas qu'on les imite.
Jupiter prévint d'un tel goût
La dangereuse conséquence;
Au cygne il ôta l'éloquence:
En la perdant, il perdit tout.

154. *l'Eurotas* — Еврот, река в Лакедемоне (Спарта).

156. *Virgile a daigné nous l'apprendre...* — Вергилий. Энеида, VII, 699.

Перевод Е. А. Баратынского впервые — Мнемозина. Ч. IV. М., 1825. С.221, с подп.: «****». В прижизненные сборники не включалось. Написано, по-видимому, в конце 1824 г. (Путята Н. В. // РА, 1864. Вып.5—6. С.675—676). В письме Путяте от 29.III.1825 г. Баратынский выражал удивление, что цензура позволила напечатать «такую непристойную поэму, как „Леда“», и опасался, что издатели поставили его полную подпись (Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. М., 1951. С.480). Баратынский перевел только часть стих., опустив ряд деталей и усилив эротический колорит.

Со стих. Парни связывали также кантату Пушкина «Леда» (1814); см.: Пушкин — ИАН. С.43—45; однако текст ее не обнаруживает никаких следов воздействия стих. Парни (см.: Пушкин. Соч. / Под ред. С. А. Венгерова. Т.1. СПб., 1907. С.116—118, прим. С. А. Венгерова).

COUP D'ŒIL SUR CYTHÈRE. — Впервые — *Chansons*, под назв.: «*Radotage à mes amis*». Эта поэма — «рифмованная скандальная хроника»

(Potez. P.105), стихотворный свод галантно-эротических представлений, которые в прозе XVIII в. выразились в романах Кребийона-сына и «Опасных связях» П. Шодерло де Лакло. Переведены 44 строки из 236.

Перевод (по существу — вариация) Пушкина впервые — БЗ, 1858. № 11. С.341. Написано в 1819 г. Об этом стих. сообщил А. И. Тургенев Вяземскому в письме от 10.XII.1819 г. и послал его Вяземскому в Варшаву 28.I.1820 г.; в ответном письме Вяземский писал: «Стихи Пушкина — прелесть!» (ОА. Т.I. С.371, 377—378; т.II. С.11, 14). При подготовке сборника стихотворений в 1825 г. Пушкин исключил «Платонизм», пометив на полях рукописи: «Не нужно — ибо я хочу быть моральным человеком» (Пушкин. Т.II. С.1061).

Перевод К. Ф. Рыльева впервые — БЗ, 1861. № 19. С.585. Предположительно датируется 1821 г. по положению черного автографа.

VERS SUR LA MORT D'UNE JEUNE FILLE. — Впервые — P-1802. Стих. посвящено шестнадцатилетней дочери названной племянницы Вольтера, маркизы де Виллет (урожд. де Варикур). См.: Chateaubriand F. R. Mémoires d'outre-tombe. P., 1976. Т. 1. P. 186.

Перевод Д. П. Ознобишина — МВ, 1827. № XV. С.230.

ÉPHIMÉCIDE. — Впервые — P-1802. Начало стих. содержит жалобы в духе ветхозаветного Иова; троекратное исполнение желаний героя скорее напоминает волшебную сказку. Сюжет придуман Парни.

Перевод В. А. Жуковского впервые — РМ, 1815. № 2. С.129, с пометой: «(Из Парни)». Написано в 1813 г. Существует перевод — И. Покровского «Провидение (Из Парни)» — Бл., 1819. № 18. С.329.

ISNEL ET ASLÉGA. ИСНЕЛЬ И АСЛЕГА

Впервые — отдельное издание 1802; расширенное издание с делением на 4 песни — 1808. Подзаголовок «Imité du scandinav» — свидетельство ориентации на «северные» литературы. Источник — скальдические поэмы, известные во Франции по книге П. А. Малле «Monuments de la Mythologie et de la poésie des Celtes...» (1756).

В русской поэзии «Isnel et Asléga» была одним из посредников, через которых утверждались преромантические оссианические и скандинавские темы. В 1823 г. О. М. Сомов в трактате «О романтической поэзии» писал, что «эта поэма может назваться первою романтической поэмой во Франции» (Лит.-критич. работы декабристов. М., 1978. С.239). Из «Isnel et Asléga» черпают лиро-эпические и балладные элементы. Так, Батюшков в 1808—1811 гг. переводит отсюда «Сон воинов» и «Скальда» (см.: Фридман. С.138 и след.), лицеист Пушкин — балладу «Эвлега» (1814) и заимствует ряд мотивов для самостоятельной баллады «Осгар» (см.: Левин Ю. Д. Оссиан в русской литературе. Л., 1980. С.97—99). Отражения «Isnel et Asléga» прослеживаются в русской поэме вплоть до «Руслана и Людмилы»; переводом фрагмента из первой песни поэмы Парни является и отрывок Рыльева «На дальних берегах чужбины...» (1822). См.: Шарыпкин Д. М. // ВПК. 1970. Л., 1972. С.79—91; его же: Скандинавская литература в России. Л., 1980. С.129—131. Сам Сомов переводит из 2-й песни поэмы Парни «Песнь скандинавского воина» (Соревн., 1821. Ч.15. Кн. 2. С.240). Другой линией освоения поэмы было извлечение из нее фрагментов элегического характера, превращавшихся в отдельные романсы; их мы и отбираем для наст. изд.

Два романа, переведенные В. И. Туманским, впервые — Бл., 1819. № 10. С.212; № 15. С.141. Взятые из 2-й песни поэмы.

Перевод Д. Давыдова впервые — СЗ. С.233, под загл.: «Романс (подражание Парни)», с подп.: «Д.Д.-в». Датируется условно. Перевод романса Эрика из 3-й части поэмы. Перевод того же отрывка К. Н. Батюшковым впервые — в составе фрагмента «Сон ратников». Вольный перевод из поэмы «Иснель и Аслега» и с подп.: «Констант. Б.» — ВЕ, 1811. № 3. С.178. В наст. изд. — только текст романса. Эта часть стих. в «Опыты» не вошла. Написано не ранее 1808 г., так как опирается на текст 2-го фр. изд. «Isnel et Asléga» (1808) и не позже конца 1810 г., когда Батюшков сообщил Гнедичу, что перевел «большой отрывок» из Парни (Батюшков. Т. III. С.105). Перевод вызвал резкую критику Гнедича, осудившего и самое обращение Батюшкова к поэзии Парни. В письме от 13.III.1811 г. Батюшков защищает и перевод и подлинник. «Стихи, мною переведенные, внесены были профессором Ноэлем, членом Парижского института, в примеры прекрасного и живописной поэзии. (...) Кажется, перевод мой не хуже подлинника» (Там же. С.113—115). Гнедич остался при своем мнении (Ежег. РОПД-72. С.91); из его замечаний Батюшков принял только критику выражения «влага вод»; в остальном же сохранил убеждение, что «стихи написаны очень хорошо, сильно» и достойны его как поэта (Батюшков. Т. III. С.117). При отборе стихов для «Опытов» он, однако, отбросил всю заключительную часть переведенного отрывка, включая романс; из последующих изданий предполагал вовсе исключить стих. — возможно, под влиянием критики Гнедича.

LES DÉGUISEMENTS DE VÉNUS ПРЕВРАЩЕНИЯ ВЕНЕРЫ

Впервые в сб. «Portefeuille volé» (1805), с подзаг.: «Tableaux imités du grec». Поэма состоит из 30 «картин» с едиными героями — пастушком Миртилом и богиней Венерой, являющейся ему в облике разных нимф и богинь.

TABLEAU IX

170. *Erigone* — «Эригона, дочь Икария, которую обольстил Вакх, обратясь в виноградную кисть» (прим. Батюшкова в т. н. первой «Блудовской тетради», см. ниже); живописцы и скульпторы изображали ее в виде вакханки, в венке из виноградных лоз, с тирсом (жезлом Вакха) в руке.

Перевод К. Н. Батюшкова впервые — Опыты. С.175. Традиционно датировался 1814 или 1815 г., однако сделан не позднее 1812 г., т. к. вошел в первую «Блудовскую тетрадь», датируемую этим временем (Кошелев В. // ЛГ, 1987. № 22 (5140). 27 мая. С.6). Одно из очень популярных стих. Батюшкова; В. Н. Олин рекомендовал его живописцам в качестве эталона (Рецензент, 1821. № 10. 9 марта. С.37). Пушкин на полях «Опытов» против стиха «Нагло ризы поднимали» сделал помету «смело и счастливо», в последнем стихе подчеркнул «неги глас» и заметил: «м.<ожет> б.<ыть> слишком громкое слово». Под всем стихотворением он приписал: «Подражание Парни, но лучше подлинника, живее» (Пушкин. Т. XII. С.277). Очень высоко оценил «Вакханку» Белинский (Белинский. Т. VII. С.227—228). Батюшков перерабатывает оригинал, разрушая условную галантность стиля и рационализм в изображении любовного чувства. См.: Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965. С.102—103; Семенко И. М. Поэты пушкинской поры. М., 1970. С.34—37, 55—56.

TABLEAU XXV. — Продолжение картины XXI, где Ирида, по греч.

преданиям богиня радуги, посредница между людьми и богами, предлагает Миртилу выбрать из двух богинь — Геры и Афины — самую красивую; отсюда в картине XXV намек на ревность двух богинь к вестнице-Ириде, плевившей Миртилу.

Перевод Д. И. Новикова — [Новиков Д.] Песни золотого рожка. — Отысканная рукопись неизвестного сочинителя. М., 1828. С.68. В огл.: «Из Парни».

TABLEAU XXVII. — В основе — греч. предания о подземном царстве, царь которого Плутон, или Аид, похитил дочь Зевса и Деметры Персефону, когда та собирала цветы, и сделал своей супругой. В стих. упомянуты традиционные атрибуты подземного царства: окружающая его река Стикс, сторожащий его чудовищный пес Кербер, мудрый критский царь Минос, вершащий суд над мертвыми, богиня мщения Алектто и богиня человеческой судьбы Атропос.

174. ...d'où sortent les Songes heureux... — Согласно греч. преданиям, сновидения обитают в пещере на острове Лемнос (по Гомеру) или в Киммерийской земле (по Овидию), где царит бог сна Гипнос.

Перевод Пушкина впервые — СЦ на 1825 год. СПб. [1824]. С.293. В автографе вариант заглавия: «Подражание Парни». Первоначальный набросок сделан в апреле 1821 г., окончательный текст датирован 26.VIII.1824 г. Послано А. А. Дельвигу для альманаха в начале сентября 1824 г. 10.IX. 1824 г. Дельвиг писал Пушкину: «„Прозерпина“ не стихи, а музыка: это пень райской птички, которое слушая, не увидишь, как пройдет тысяча лет» (Пушкин. Т.ХIII. С.107). Сдержанно-положительные отзывы о «Прозерпине» дали рецензенты СЦ (СО, 1825. № 3. С.310; МТ, 1825. № 4. С.336). Пушкин сжал рассказ Парни, освободив его от мифологических подробностей, придав ему динамизм и энергию, чему служит, в частности, кольцеобразная композиция, отсутствующая в подлиннике. Возможно, что одним из образов при переработке ему послужила «Вакханка» Батюшкова (ср. замечание Л. Н. Майкова в кн.: Батюшков. Т.I. С.414). В изображении царства мертвых ощущается отзвук «Элизиума» Жуковского («Видит мирные луга; / Видит Летою кропимы / Очарованны брега»).

ANTOINE de BERTIN

АНТУАН де БЕРТЕН

(1752—1790)

Родился на о. Бурбон, губернатором которого в 1763—1767 гг. был его отец. В 1761 г. отправлен учиться в Париж, затем вступил в военную службу. Как и Парни, был членом «ордена Казармы» (см. справку о Парни). В 1789 г. отправился на о. Сан-Доминго к невесте-креолке, с которой познакомился во Франции, но в день венчания внезапно заболел и спустя семнадцать дней, в конце июня 1790 г., не приходя в сознание, умер.

Первые стихи опубликованы в 1772 г. в АМ. В 1777 г. выпустил анонимно «ироикомическое» произведение в стихах и прозе «Voyage de Bourgogne», адресованное Парни и пользовавшееся огромным успехом. Книга Бертена «Les Amours» (название восходит к «Любовным элегиям» Овидия) вышла в 1780 г. (2-е изд. в 1785 г. в сост. двухтомных сочинений). Прототип героини двух первых книг «Les Amours» — Мари Катрин Сантуари (1747—

1784), дочь бывшего губернатора о. Бурбон, изображенная Бертемом под именем Эвхарис. Не получив от отца разрешения выйти за Бертена, она стала женой богатого судовладельца из Бордо. Героиня третьей книги элегий носит имя Катилия; прототип ее неизвестен; судя по стихам, это была юная девушка из небогатой семьи.

Тексты печатаются по изд.: *Oeuvres complètes de Bertin*. P., 1824. В комментариях использованы примечания фр. филолога Ж. Ф. Буассонада к этому изданию.

LES AMOURS. ЛЮБОВНЫЕ ЭЛЕГИИ

LIVRE I. ÉLÉGIE VI

176. *Car les dieux à l'amante ont permis...* — Ср.: Овидий. Любовные элегии, III, 3, 12.

Quiconque a pu frapper... — Ср.: Тибулл, I, 10, 59.

Il faut oser. Vénus seconde le courage... — Ср.: Тибулл, I, 2, 15—20.

178. *...Affectait des rigueurs pour mieux se faire aimer...* — Ср.: Овидий. Любовные элегии, I, 5, 13—15.

180. *l'airain* — зд. колокол (частная в постклассицистической поэзии метонимия; ср. «Immortalité» Ламартина, ст. 11).

cet immense ombrage — парижские бульвары.

Moitié de moi-même. — Ср.: Гораций. Оды, I, 3, 8, где поэт называет Вергилия «часть моей души». То же выражение часто употребляет Ламартин (см.: «Immortalité», «Souvenir», «A El***»).

Перевод Д. В. Давыдова — Амфион, 1815. № 5. С. 66, под загл.: «Элегия» и с подп.: «Днс. Дадв». Адресовано Татьяне Ивановне Ивановой (ок. 1799 — после 1857), танцовщице московской балетной труппы, предмету длительного увлечения Давыдова. Позднее Давыдов скептически отзывался об этой элегии, как и о некоторых других, которые «от избытка эпитетов слишком много принадлежат школе Буше, Вандо <Ватто?>, Миньяра, т. е. фаянсовой живописи» (Письма поэта-партизана Д. В. Давыдова к князю П. А. Вяземскому. Пг., 1917. С. 36) и не включил ее в сборник своих стихотворений 1832 г. Элегия эта всегда считалась подражанием Тибуллу (I, 2), однако непосредственным ее источником является элегия 6, книги I «Les Amours» Бертена, в свою очередь во многом подражавшего римскому элигику. Оригинал у Давыдова переработан; вся вторая половина стихотворения опущена. Подобным же образом Давыдов воспользовался материалом нескольких других элегий Бертена, сохраняя общую ситуацию и иногда начальные строки: Ср.: «Les Amours», I, 3 («A Eucharis»):

Deux fois, j'ai pressé votre sein,
Et vous m'avez, deux fois, repoussé sans colère.
Vous avez rougi du larcin:
Ne fait-on que rougir, lorsqu'il a pu déplaire?
Ah! c'est assez: oui, je lis dans vos yeux,
Et ma victoire, et votre trouble extrême.
Mortel, à vos genoux, je suis égal aux dieux.
Vous m'aimez, je le vois, autant que je vous aime...

У Давыдова («Элегия IX»):

Два раза я вам руку жал;
Два раза молча вы любовию вздохнули...
И девственный огонь ланиты пробежал,

И в пламенной слезе ресницы потонули!
Неужто я любим?..

Дальнейшее развитие темы не имеет аналогий в подлиннике. Ряд мотивов элегии 3 книги II есть в «Элегии VII» Давыдова («Нет! полно пробегать с улыбкою любви...»); как и в печатаемой элегии, они контаминированы с оригинальными мотивами или восходящими к другим источникам.

177. **Угадывать окно обителя твоей.** — О «поэтическом окне театральной кельи Ивановой (Глушковской)» Давыдов вспоминал в письме П. А. Вяземскому от 22 марта 1833 г. (Рус. литература, 1980. № 2. С.157).

И свещет резкий ветер в власа оледенелы. — Парафраза строк из I песни «Isnel et Asléga» Парни:

Réveille-toi, Rusla, tiens ta promesse,
Ne tarde plus: un vent impétueux,
Un vent glacé siffle dans mes cheveux.

Ср. в «Осгаре» (1814) Пушкина:

«Ужели спишь теперь, Мальвина? — Мгла вокруг,
Валится снег, власы в тумане леденеют».

(Пушкин. Т. I. С.37).

179. **...мучитель твой.** — Имеется в виду реальное лицо — актер А. А. Украсов (1757—1839), которому был поручен надзор за воспитанниками театральной школы.

LIVRE I. ÉLÉGIE XII. — Начало стих. восходит к Горацию (Оды, I, 31).

182. **Périssent les trésors...** — Ср.: Тибулл, I, 1, 51—52.

...dételer moi-même / Des bœufs... — Ср.: Тибулл, I, 2, 73—74.

Triptolème (греч. миф.) — Триптолем, герой, получивший от Деметры зерна пшеницы и научивший людей выращивать ее.

...rois qui gouvernent le monde... — Ср.: Гораций. Оды, III, 1, 5—6; это речение обыграно во фр. поэзии также в оде Ж.-Б. Руссо «Pour la naissance du duc de Bretagne».

Перевод Д. П. Глебова — впервые — СО, 1817. № 33. С.26 (под загл.: «Элегия»). Печ. по: Глебов. С.45. Прим.:

«Сия элегия и некоторые другие переведены мною из Бертена. Движение, теплота, сила, голос страсти, поэзии, во всей силе слова, характеризуют его сочинения. Если можно в чем упрекнуть ему, то в несоблюдении иногда приличия в выражениях. Подобно Проперцию, в порыве страсти нередко срывает покрывало с невинности и оскорбляет стыдливость; иногда же увлекается плодовитостию воображения в подробностях описаний. Я выбрал те из его элегий, которые, как мне казалось, не имели сих недостатков. Из Парни мною переведены только две элегии. Блестящему таланту Батюшкова предоставлено было иметь соперничество с талантом певца Элеоноры. Чистота в слоге, зрелость в мыслях, точность в выражениях сохранены нашим Тибуллом во всей их силе и свежести» (с. 285).

LIVRE II. ÉLÉGIE XI. — Впервые — АМ, 1780, под загл.: «Les Voyages», в последующих публикациях без загл. Посвящено братьям Парни, товарищам Бертена по «ордену Казармы».

184. **...ton nectar divin... se tournait en larmes.** — Ср.: Тибулл, I, 5, 37—38.

D'accorder sous mes doigts la lyre de Chapelle. — Реминисценция из 92-го

послания Вольтера («Sur l'agriculture», 1761). Фр. поэт Шапель (наст. имя Клод Эммануэль Люилье, 1626—1686) — либреттен, острослов, любитель пирушек. Наиболее известное его сочинение «Voyage de Chapelle et de Vauxchaumont» (1663), по образцу которого написано «Voyage de Bourgogne» Бертена.

Et je sentais expirer tous mes feux. — Ср.: Тибулл, I, 5, 39—40.

...bronze adoré du plus grand des Henris... — памятник французскому королю Генриху IV на Новом мосту в Париже.

184-186. **Poussez-nous loin du bord... / Abandonnez la voile au souffle...** — Ср.: Проперций, III, 21, 9—14.

186. **des fils de Scipion** — эд. потомки воителей; Сципион — имя нескольких римских военачальников и государственных деятелей.

(le) **demi-dieu du Tibre** — Тиберин, бог реки Тибр, согласно римским преданиям спасший из воды Рею Сильвию, мать мифических основателей Рима Ромула и Рема.

Catulle... à côté d'Hypsithille... — Реминисценция из 32-го стих. Катуллы.

l'Anio grondant dans sa chute rapide... — Ср. у Горация (Оды, I, 7, 13): «Быстрый Анио ток». Об этой реке см. коммент. к стих. «A Elvire» Ламартина. С. 655.

...rit plus à mes regards que le reste du monde... — Еще одна реминисценция из 92-го послания Вольтера (см. выше).

188. **Calès** — Калес (ныне Кальви), город в Италии близ Фалерна, славившийся виноградниками.

Ne portent point envie... / Là, le printemps est long... — Ср.: Гораций. Оды, II, 6, 17—20.

Перевод Д. П. Глебова — Глебов. С. 69.

LIVRE III. ÉLÉGIE XXII

188. **...mon bras autour de toi passé / Nous entendons... la pluie...** — Ср.: Тибулл, I, 1, 45—48.

190. **oiseaux de Cypris** — голуби, посвященные Киприде (Афродите) как богине плодородия.

...portez... des trésors à l'avare... — Ср.: Тибулл, I, 1, 77—78.

Перевод Д. П. Глебова — Глебов. С. 56.

ANDRÉ MARIE CHÉNIER

АНДРЕ МАРИ ШЕНЬЕ

(1762—1794)

Родился в Константинополе. Отец, Луи Шенье, — коммерсант, доверенное лицо фр. посла в Турции графа дез Аллера, позднее фр. консул в Марокко. Мать, дочь богатого константинопольского антиквара, была воспитана мачехой-гречанкой (отсюда легенда о греческом происхождении поэта). С 1765 г. живет во Франции, сначала в Каркассоне у тетки, а затем в Париже, где учится в Наваррском коллеже. Затем поступает на военную службу, но в 1783 г., не прослужив и года, выходит в отставку. Совершив путешествия по Швейцарии (1784) и Италии (1786), в декабре 1787 г. отправляется в Лондон в качестве личного секретаря фр. посла маркиза де Ла Люзерна. В мае 1790 г., в разгар революции, возвращается во Францию, где стано-

вится членом клуба фельянов (умеренных конституционалистов) и занимается журналистикой. После свержения монархии 10.VIII.1792 г. и последовавшей затем расправы над аристократами решает бежать из Франции, однако в середине октября возвращается в Париж и в декабре 1792 г. принимает участие в действиях «умеренной партии», надеявшейся спасти жизнь Людовика XVI. После казни короля тайно поселяется в Версале и живет там в полном уединении. По чистой случайности Шенье был арестован как подозрительное лицо в Пасси, в загородном доме своего знакомого, маркиза де Пасторе. После четырехмесячного заключения казнен за участие в контрреволюционном «тюремном заговоре» (в котором на деле был замешан не он, а его брат Совер). Казнь свершилась 25.VII.1794, за два дня до падения якобинской диктатуры.

При жизни Шенье опубликовал только политическую оду «Le Jeu de Raume» (1791) и памфлетный «Hymne sur l'entrée triomphale des Suisses révoltés du régiment de Chateaueux» (1792), а также статьи политического характера.

Рукописи Шенье хранились сначала у отца (ум. 1796), а затем у младшего брата Мари Жозефа Шенье (1764—1811), члена Конвента, сочинителя прославленных трагедий (постановка в ноябре 1789 г. его пьесы «Charles IX, ou L'Ecole des goûts» воспринималась как революционная акция). Политические разногласия братьев не отразились на их личных отношениях. Тем не менее Мари Жозеф напечатал всего одно стихотворение брата («*Élégie dans le goût ancien*») в 1801 г. и других попыток не предпринимал. Два фрагмента из сочинений Андре Шенье опубликовал в примечании к «*Génie du christianisme*» (1802) Шатобриан, еще один фрагмент (из идиллии «*Le Mendiant*») увидел свет в 1816 г., в сборнике Файоля «*Mélanges littéraires*». В 1819 г. душеприказчик М.-Ж. Шенье историк и филолог П. К. Ф. Дову продал часть рукописей А. Шенье издателям братьям Бодуэн, которые пригласили для их подготовки к публикации литератора Анри де Латуша (см. коммент. на с. 674). Помимо стихов, проданных Бодуэнам, в издание 1819 г. (переизд. 1820, 1822) вошли некоторые стихи, хранившиеся у Совера Шенье, переписанные его рукой и предоставленные им Латушу. Еще несколько стихов из тех, что хранились в семье Шенье, были опубликованы в «*Revue de Paris*» (дек. 1829, март 1830) и в издании 1833 г. («*Poésies posthumes et inédites*»). В поле зрения русских поэтов, чьи переводы вошли в наст. изд., были только эти публикации, поэтому более поздних изданий А. Шенье мы не касаемся.

Шенье возлагал надежды прежде всего на описательные поэмы «*Nègres*» и «*Amérique*», окончить которые предполагал в зрелом возрасте. Однако посмертную славу ему принесли элегии и идиллии (по определению Латуша; сам Шенье называл свои «античные» стихи «буколиками»).

Издание 1819 г. стало крупным событием в литературной жизни Франции, однако далеко не все сразу приняли поэзию Шенье. Критиков смутило, во-первых, то, что Шенье широко вводил в стихи устаревшие слова и «кальки» с греческих и латинских конструкций. Во-вторых, Шенье пошел гораздо дальше своих современников по пути обновления александрийского стиха (о сходных попытках в конце XVIII в. см.: Dimoff. Т.2. Р. 473—474); благодаря обилию «переносов» стихи его казались «странной и отрывистой прозой» (слова поэта Ш. Луазона). Тем не менее Шенье сразу был признан «создателем истинной, образцовой элегии» (слова В. Гюго).

Тексты печатаются по изд.: *Oeuvres complètes d'André Chénier*. P., 1819; стих., опубликованные после 1819 г., — по первым публикациям. Порядок расположения стихов и жанровые характеристики соответствуют из-

данию 1819 г. и — для стихов, опубликованных позже, — изданию 1833 г. Латуш иногда исправлял тексты Шенье, боясь шокировать публику неприличным словом или оборотом; наиболее существенные авторские варианты приводятся в комментариях по последнему научному изданию Шенье (Chénier A. *Oeuvres poétiques*. P., 1950); разночтения в пунктуации и служебных словах не оговариваются. В комментариях использованы примечания Л. Бека де Фуьера к изд.: Chénier A. *Poésies*. P., 1872.

IDYLLES. ИДИЛЛИИ

«ACCOURS, JEUNE CHROMIS...» — Впервые в примечании к «Génie du christianisme» (Ч.П. Кн. III. Гл. 6), где Шатобриан писал: «Революция отняла у нас человека, обладавшего редкостным даром сочинения эплог, господина Андре Шенье. Мы видели рукописный сборник его идиллий, где есть вещи, достойные Феокрита». Шатобриан утверждал, что приводит стихи Шенье по памяти, однако точность воспроизведения заставляет предположить, что он имел возможность списать их. Он мог получить тексты от своей возлюбленной, Полины де Бомон, сестра которой была замужем за племянником покровителя Шенье, фр. посла в Лондоне маркиза де Ла Люзерна. В современном издании в соответствии с рукописью последние четыре строки помещены как отдельный фрагмент.

194. *Galatée* — морская нимфа, дочь морского бога Нерея (см.: Овидий. *Метаморфозы*, XIII, 740—897).

Nèere — женское имя, распространенное в античной поэзии (см.: Гораций. *Оды*, III, 14, 21; Вергилий. *Буколики*, III, 4, и особенно: Тибулл, III, 1 и 2). Обыгрывание звучных имен и топонимов античности — устойчивая черта поэтики Шенье.

Одно из наиболее популярных у русских поэтов стихотворений Шенье. Перевод И. И. Козлова — впервые — *Комета Белы*. Альманах на 1833 год. СПб., 1833. С.153 (ценз. разр. — 30.X.1832 г.). Перевод Авр. С. Норова впервые (вместе со стих. «Гермиона») — *ВЕ*, 1821. № 2. С.108, с подз.: «Отрывок» и подп.: «Норов». Печ. по: НЛ, 1824. № 6. С.95. Перевод Д. П. Ознобишина — СЛ. С.184. Датируется 1821—1822 гг., так как входит в рукописный сборник Ознобишина «Мечты» (1821—1822; ИРЛИ. Ф.213. № 24). В черновом наброске рецензии на СЛ Пушкин писал, что «г-ну Абр. Норову не должно было бы переводить Dante, а г-ну Ознобишину — Андре Шенье» (Пушкин. Т. XI. С.48), однако к данному переводу Ознобишина это замечание вряд ли могло относиться. Перевод В. И. Любича-Романовича — Стих. Василия Романовича. СПб., 1832. С.43. В огл. подзаг.: «Идиллия Андрея Шенье».

L'AVEUGLE. — Впервые — Ch-1819. Пушкинский перевод соответствует первым 26 строкам текста Шенье. Источник — «Жизнь Гомера» псевдо-Геродота.

194. *Claros* — Клар, город в Греции, где находился храм Аполлона.

Sminthée — Сминфей, «истребитель полевых мышей», культовое имя Аполлона.

Перевод Пушкина впервые — Пушкин А. С. *Соч. и письма* / Под ред. П. О. Морозова. Т. I. СПб., 1903. С. 339. Незаконченный черновой набросок. Датируется 1823 г. Первый перевод Пушкина из Шенье, содержащий вместе с тем и интерпретацию подлинника — попытку выделить и подчерк-

нуть античную, буколическую основу сюжета (ср. в том же 1823 г. его характеристику Шенье: «он истинный грек, из классиков классик <...> От него так и пахнет Феоκριтом и Анфологиєю» — письмо к П. А. Вяземскому от 4.XI.1823 г.; Пушкин. Т.ХІІІ. С.380—381). Этим замыслом диктуется и выбор гекзаметрической формы; работая над черновиком, Пушкин уделяет особое внимание звучанию стиха. Возможно, что одним из импульсов для перевода стало знакомство с «Терентинской девой» Шенье в переводе Н. И. Гнедича (см. коммент. к этому стих.). См.: Томашевский. С.79; Сандомирская В. Б. // ПИМ. Т.VII. С.167—184.

LYDÉ. — Впервые — Ch-1819. В современных изданиях в соответствии с рукописью два фрагмента, составлявшие это стихотворение, печатаются в составе поэмы из пяти фрагментов. Отрывок, начинающийся словами «O jeune adolescent!», стоял в рукописи в начале, а перед ним рукою Шенье помета: «Женщина, поэтесса поет так:» (Шенье часто делал такие пометы, превращая стихи в реплики собеседников-певцов). Источники: Феокрыт. Идиллия II; Вергилий. Энеида, песнь IV; Овидий. Метаморфозы, кн. IV (история нимфы Салмакиды, навязывающей свою любовь Гермафродиту). Первые 8 строк восходят к ветхозаветной Песни песней (I, 5—6).

Перевод А. Г. Ротчева впервые — Галатея, 1829. № 4. С.207. Предназначалось для «СЦ на 1827 год», но 14.XII.1826 г. было «решительно» запрещено петербургским цензурным комитетом. См.: Поэты 1820—30. Т.I. С.753.

EUPHROSINE. — Впервые — Ch-1819. Название дано Латушем. В рукописи перед текстом помета: «Девочка десяти лет, которую называют ребенком, а она сердится».

Перевод И. И. Козлова впервые — Утренняя заря. Альманах на 1839 год. СПб., 1839. С.51 (ценз. разр. 15.XI.1838 г.). В: Козлов-1840 подверглось незначительной стилистической правке В. А. Жуковского и получило название «Фанни» (может быть, тоже редакторское). В 1840 г. стих. высоко оценено Белинским (Белинский. Т.V. С.77).

Перевод Авр. С. Норова — НЛ, 1824. № 4. С.63.

Перевод В. И. Туманского — впервые — Совр., 1837. Т.8. С.65.

FRAGMENTS D'IDYLLES. ФРАГМЕНТЫ ИДИЛЛИЙ

«CETA, MONT ENNOBLI...» — Впервые — Ch-1819. Источник — Овидий. Метаморфозы, IX, 1—272; высказывалось также предположение, что Шенье опирался на XV книгу «Les Aventures de Télémaque» (1699) Фенелона (см.: Cherel A. // Revue d'histoire littéraire de France, 1910. P. 372-373). Геракл (другое имя — Алкид) убил посягнувшего на его жену Деяниру кентавра Несса; тот перед смертью посоветовал Деянире собрать его кровь, чтобы превратить в приворотное зелье. В припадке ревности Деянира послала Гераклу хитон, пропитанный кровью Несса, которая, однако, превратилась в яд. Не в силах терпеть боль, Геракл поднялся на гору Эта и взошел на костер, но спустившаяся с неба туча унесла его на Олимп, где он был принят в сонм бессмертных богов.

Перевод А. С. Пушкина впервые — Совр., 1836. Т.I. С.191, без подп. Первый набросок стих. сделан еще в 1825 г.; окончательная редакция — в 1835 г. Перевод Пушкина, довольно точный формально, меняет концепцию характера героя: Геракл Шенье ожидает смерти как приобщения к богам; Геракл Пушкина ищет в ней освобождения от мучений. Соответственно

подчеркнуто и «нействоство» его в припадке безумия. Художественная идея Пушкина восходит не только к Шенье, но и непосредственно к «Метаморфозам» Овидия. См.: Сандомирская В. Б. // ПИМ. Т. VII. С. 90—99. Нельзя исключить и побочные художественные ассоциации (напр., с описанием безумия Орlando в XXIII песни «Нействового Роланда» Ариосто; октавы, непосредственно предшествующие этой сцене, Пушкин переводил в 1826 г. — см.: Пушкин. Т. III. С. 14—18). У Ариосто Орlando в безумии вырывает с корнем дерева, чего нет у Шенье, но есть у Пушкина («исторгнутые пни»).

«J'ÉTAIS UN FAIBLE ENFANT...» — Впервые — Ch-1819. В рукописи с пометой: «Юноша скажет так:». Перевод Д. П. Ознобишина впервые — Урания. С. 82.

«JE SAIS, QUAND LE MIDI...» — Впервые — Ch-1819. Перевод Е. А. Баратынского впервые — СЛ. С. 26; почти одновременно — в СЦ на 1827 год. С. 330, под загл.: «Наяда». В Баратынский-1827 вошло с подзаг. в огл.: «Подраж. <ание> Шенье». 6.I.1827 г. Вяземский сообщил это стих. А. И. Тургеневу и В. А. Жуковскому: «А вот прелесть его, перевод из André Chénier» (Архив бр. Тургеневых. Вып. VI. Пг., 1921. С. 57).

203. Склонялся челом, венчаным осокой. — Этот образ в русской поэзии появляется задолго до Шенье. Ср. в «Ключе» (1779) Г. Р. Державина: «Седящ, увенчан осокою, / В тени развесистых древес...». Парафраза этих строк — в стих. А. А. Дельвига «На смерть Державина» (1816): «Венчан осокою ручей убежал от повергнутой урны...» Эти стихи были известны Баратынскому, в 1819 г. жившему вместе с Дельвигом; он воспользовался уже существовавшим образом, перевода Шенье. См.: Вацуро В. Э. // Рус. речь, 1988. № 4. С. 27—29.

«FILLE DU VIEUX PASTEUR...» — Впервые — Ch-1819. Примечание Шенье: «Увидено и сочинено в Катийоне, близ Форжа, 4 августа 1792 г., и записано назавтра в Гурне» (Форж и Гурне — местечки в Нормандии).

202. lent — эд. гибкий (от *lat.* lentus; ср.: Вергилий. Буколики, III, 38). Перевод В. Г. Бенедиктова — Бенедиктов. Т. III. С. 395. Датировке не поддается.

(TIRÉ DE MOSCHUS). — Впервые — Ch-1819. Источник — VIII эпиграмма древнегреч. поэта Мосха (II в. до н. э.).

Перевод В. Г. Бенедиктова впервые — Бенедиктов. Т. III. С. 394.

ÉLÉGIES. ЭЛЕГИИ

ÉLÉGIE V. — Впервые — Ch-1819.

204. ...qu'on peut cacher l'amour... — Ср.: Тибулл, I, 8, 1.

Перевод Пушкина впервые — Стихотворения А. Пушкина. СПб., 1826. С. 21 (разд. «Элегии»). В огл.: «Подражание Шенье». Написано в 1824 г. Эта элегия (возможно, через посредство перевода Пушкина) отразилась в «Элегии» («Ты восхитительна! Ты пышно расцветаешь...», 1829) Н. М. Языкова, включившей также мотивы «Эвфрозины».

ÉLÉGIE XI. — Впервые — Ch-1819.

Перевод И. А. Бека — Совр., 1837. Т. VII. С. 326.

ÉLÉGIE XIII, TIRÉE D'UNE IDYLLE DE MOSCHUS. — Впервые — Ch-1819. Источник — XVI идиллия Биона (древнегреч. поэта II в. до н. э.,

современника Москва); рус. пер. см. в кн.: Античная лирика. М., 1968. С. 259. В изд. 1826 г. («Oeuvres posthumes») с подзаг.: «Tirée d'une idylle de Bion», в изд. 1833 г. снова с отсылкой к Мосху. Эта идиллия Биона была популярна во фр. поэзии XVI в.; ей подражали поэты «Плеяды» Ронсар (Оды, IV, XX) и Баиф («De l'aimable Surlis ô lumière dorée...»).

Перевод И. И. Козлова впервые — БдЧ, 1835. Т.12. Отд.1. С.19.

ÉLÉGIE XIV. — Впервые — Ch-1819. Источники — Гораций. Сатиры (II, 6) и VI послание Буало.

208. **Dormir et ne rien faire...** — Реминисценция из стих. Лафонтена «Eripthe d'un paresseux».

L'épouse de Booz (библ.) — моавитянка Руфь, собиравшая колосья на поле богача Вооза и взятая им в жены.

Joseph qui dans Sichem... (библ.) — Иосиф, сын Иакова и Рахили; братья, пасшие скот в Сихеме, мстя за предпочтение, которое оказывал ему отец, бросили его в колодец.

Rachel... quinze ans d'esclavage... (библ.) — Чтобы получить в жены Рахиль, дочь Лавана Арамеянина, Иаков служил ему дважды по семь лет.

В переводе Глебова опущен финал:

Julie, amante faible, et tombée avec gloire;
Clarisse, beauté sainte où respire le ciel,
Dont la douleur ignore et la haine et le fiel,
Qui souffre sans gémir, qui périt sans murmure.
Clémentine adorée, âme céleste et pure
Qui parmi les rigueurs d'une injuste maison
Ne perd point l'innocence en perdant la raison:
Mânes aux yeux charmants, vos images chéries
Accourent occuper ses belles rêveries;
Ses yeux laissent tomber une larme. Avec vous
Il est dans vos foyers, il voit vos traits si doux.
A vos persécuteurs il reproche leur crime.
Il aime qui vous aime, il hait qui vous opprime.
Mais tout à coup il pense, ô mortels déplaisirs!
Que ces touchants objets de pleurs et de soupirs,
Ne sont peut-être, hélas! que d'aimables chimères,
De l'âme et du génie enfants imaginaires.
Il se lève; il s'agite à pas tumultueux;
En projets enchanteurs il égare ses vœux.
Il ira, le cœur plein d'une image divine,
Chercher si quelques lieux ont une Clémentine,
Et dans quelque désert, loin des regards jaloux,
La servir, l'adorer et vivre à ses genoux.

В отрывке упомянуты героини романов «Julie, ou La Nouvelle Héloïse» Ж.-Ж. Руссо, «Клариссы» и «Истории сэра Грандисона» С. Ричардсона, популярнейших книг преромантической эпохи.

Перевод Д. П. Глебова — Глебов. С. 27, с прим.: «Содержание сей элегии почерпнуто мною из А. Шенье, столь рано похищенного у муз, оплакивающих его безвременную кончину. Он погиб во время бывших смятений во Франции. Напитанный чтением древних, Шенье заимствовал всю силу и красоту их творений. Кто не знает его превосходного стихотворения «Младая узница», написанного им в темнице?.. Сия пизса переведена весьма

близко Аб. С. Норовым и заслужила одобрение многих любителей поэзии» (С. 281). Оригинал интерпретирован Глебовым в духе традиционных для русского сентиментализма руссоистских посланий и освобожден от библейских ассоциаций.

211. **И невозвратное еще дарит слезою...** — Реминисценция из «Сельского кладбища» Жуковского («Дарил несчастных он чем только мог — слезою»).

ÉLÉGIE XX. — Впервые — Mercure. 1 жерминаля IX года (22. III. 1801); за текстом — анонимная заметка: «Юноша, автор этих строк, подававший большие надежды на поприще словесности, был убит по приказу революционного суда. <...> Он любил поэзию и посвящал ей свои дни. Рукописи стихов, которые остались от него и которые он не успел перечесть, часто грешат отсутствием правильности и чистоты, но не раз обнаруживают в сочинителе вкус, достойный древних, и поэтический талант». Затем — в АМ, 1802; за текстом — заметка издателя: «Этот юноша, кроткий, честный, скромный и общительный, любимый сын достойного и добродетельного отца, рожденный, дабы прославить своими литературными познаниями и талантами имя Шенье, пал жертвой революционной тирании в III году» (С. 114). Печ. по: Ch-1819.

210. **Pleurez, doux Alcyons...** — Начало стих. восходит к Катулле (III, 1—2). Скорбь об утонувшей девушке — распространенная тема в греческой антологической поэзии.

...**Oiseaux chers à Thétis...** — Ср.: Вергилий. Георгики, I, 399.

Camarine — в древности город на о. Сицилия.

212. ...**sous le cèdre enrhumé.** — Ср.: Еврипид. Алкеста, 160—161.

Et le bandeau d'hymen — вариант первого издателя — М.-Ж. Шенье; в рукописи: «Les doux parfums n'ont point coulé sur tes cheveux».

Перевод Н. И. Гнедича впервые — ПЗ на 1823 год. СПб., 1823 (ценз. разр. 30. XI. 1822 г). С. 180, с загл.: «Герентинская дева. Элегия». Датировано автором 1822 годом. Это стих. нравилось Пушкину, который писал брату 30. I. 1823 г. из Кишинева: «Гнедич у меня перебивает лавочку — Увы, напрасно ждал тебя жених печальный и проч. — непростоительно прелестно. Знал бы своего Гомера, а то и нам не будет места на Парнассе» (Пушкин. Т. XIII. С. 56). Перевод Авр. С. Норова — ВЕ, 1821. № 2. С. 106—108 (вместе со стих. «Красавица», с подп.: «Норов»). Перевод И. И. Козлова — БдЧ, 1835. Т. 9. Отд. I. С. 126. В: Козлов-1840. Ч. 2 — незначительная стилистическая правка Жуковского.

ÉLÉGIE XXIII. — Впервые — Ch-1819 не полностью (без финальных 22 строк). А. А. Ахматова считала эту элегию источником пушкинского стих. «Ночь» (1823); см.: Вопросы лит-ры, 1978. № 1. С. 189.

212. **Ah! tantôt sur un flanc... une fièvre ardente...** — Ср.: Овидий. Любовные элегии, I, 2, 1—8.

214. **Camille** — Камилла, адресат многих любовных элегий Шенье (прототипом ее была креолка Мишель де Бонней, урожд. Сантуари, сестра «Эвхарис», прославленной Бертемом), однако в рукописи этой и некоторых других элегий стоит имя D'z.n. (лицо неустановленное).

Перевод В. Г. Бенедиктова впервые — Бенедиктов. Т. III. С. 400.

ÉLÉGIE XXXVI. — Впервые без первых четырех строк — в примечании к «Génie du christianisme» Шатобриана, затем полностью — в Ch-1819. Написано в апреле 1789 г. в Лондоне. Элегия была замечена сразу после выхода «Génie du christianisme». Стендаль в 1803 г. назвал ее самой трогатель-

ной из всех, им читанных, и сравнил с лучшими строками Вергилия (Реизов Б. Г. Стендаль. Годы ученья. Л., 1968. С. 96). В переводе Баратынского опущены 4 начальных и 4 финальных строки:

O nécessité dure! ô pesant esclavage!
O sort! je dois donc voir, et dans mon plus bel âge,
Flotter mes jours tissus de désirs et de pleurs
Dans ce flux et reflux d'espoirs et de douleurs!

Il a souffert, il souffre: aveugle d'espérance,
Il se traîne au tombeau de souffrance en souffrance;
Et la mort, de nos maux ce remède si doux,
Lui semble un nouveau mal, le plus cruel de tous.

216. ...**de boire la lie / De ce calice amer**... — метафора, восходящая к евангельскому образу чаши как символа скорби и страданий; подобное «идущее от библейской мифологии представление чувства как жидкости и переживания в образе чаши, из которой или которую пьет человек» (Виноградов В. В. Язык Пушкина. М.—Л., 1935. С. 257), характерно для поэзии классицизма и постклассицизма. Ср. у Ламартина в «Adieu» и «L'Automne», написанных до появления сборника Шенье.

...**du mépris... qui suit la pauvreté** — цитата из трагедии Вольтера «Mérope» (Акт II. Ст. 2).

Le fer libérateur... Déjà frappe... — Рукопись утрачена; по воспоминаниям наследницы Латуша Полины де Фложерг, в ней стояло: «Déjà le doux roignard... se présente».

633. **Il a souffert, il souffre**... — реминисценция из Лафонтена (Fables, I, XVI).

Перевод Е. А. Баратынского впервые — СЦ на 1829 год. СПб., 1829. С. 46 втор. паг. (ценз. разр. 27.XII. 1828 г.), под загл.: «Смерть. Подражание А. Шенье». О характере переработки текста Шенье Баратынским см.: Фризман Л. Г. // Искусство слова. М., 1973. С. 72—81. Ср. также: Реизов. С. 190—193.

Перевод Н. Д. Иванчина-Писарева — Иванчин-Писарев. С. 163. Первое известное нам обращение к переводу Шенье в России, еще до выхода сборника Латуша (ценз. разр. 19.XII. 1818 г.). Переведено по тексту, процитированному Шатобрианом. См.: Фризман Л. Г. // ВПК. 1976. Л., 1979. С. 144—146.

FRAGMENTS D'ÉLÉGIES. ФРАГМЕНТЫ ЭЛЕГИЙ

«TEL J'ÉTAIS AUTREFOIS...» — Впервые — Ch-1819. Первая строка восходит, вероятно, к шуточной поэме англ. поэта Мэтью Прайора (1664—1721) «Городская и полевая мышь» (у Прайора: «Such was I — such, by nature, still I am»). В 1750-х гг. поэма переводилась на фр. язык; фраза, употребленная Прайором в пародийных целях, неоднократно варьировалась в англ. и фр. поэзии (см.: Реизов. С. 189).

216. **Fanni** — В рукописи Laure.

218. **Plutus** — Плутос, бог богатства, выведенный в одноименной комедии Аристофана, чье творчество Шенье внимательно изучал в связи с собственными драматическими замыслами.

Lycée — Ликей, квартал Афин, по имени которого Аристотель назвал созданную им в 335 г. до н. э. школу философов.

Portique — Портик, школа философов, основанная ок. 300 до н. э. Зеноном из Китиона; его учение получило название «стоицизм» (от греч. *stoa* — портик).

soins m pl (усм.) — усилия.

Перевод В. И. Туманского впервые — Славянин, 1828. № 21. Отд. II. С. 312, с подп.: «Т» и пометой: «1826, Москва». Впервые атрибутирован Туманскому в изд.: Туманский В. И. Стихотворения (1817—1839). Биограф. очерк Г. А. Милорадовича. СПб., 1881. С. 129—130; вошло в изд.: Туманский-1912. С. 166. Оба издания включают многочисленные произвольные атрибуции, однако в данном случае в пользу авторства Туманского говорит не только инициал «Т.», которым он нередко подписывался, но и помета (см. коммент. к его переводу «Гондольер и поэт»), и сам факт обращения к Шенье, которым он в эту пору усиленно интересовался; наконец, вероятная связь стих. с пушкинским «Каков я прежде был, таков и ныне я», с эпиграфом из Шенье «*Tel j'étais autrefois et tel je suis encor*» (см. коммент. С. Н. Браиловского в: Туманский-1912. С. 366). Стих. Пушкина, последняя редакция которого относится к 1828 г., в автографе озаглавлено «Отрывок из Андрея Шенье»; в печатном изд. в оглавлении подзаг.: «Отрывок из Андрея Шенье». Тем не менее оно не перевод, а совершенно самостоятельное развитие одного из мотивов, едва намеченных у Шенье (поэтому оно и не включено в наст. изд.); возможно, что в нем содержится своеобразный отклик и на элегию «*Aux deux frères Trudaine*» (элегия XI в Ch-1819); см.: Резиов. С. 188—189. В данном случае существенно, однако, что первоначальный его замысел относится к сер. сентября — началу ноября 1826 г. (Пушкин. Т. III. С. 1174), то есть к тому же времени, что и стих. Туманского, включаясь, таким образом, в круг общих интересов поэтов.

«PARTONS, LA VOILE EST PRÊTE...» — Впервые — Ch-1819. Шенье постоянно помнил, что родился в Константинополе; он звал себя «византийским французом», мечтал побывать на Востоке, обдумывал восточные элегии и изучал книги о Востоке.

Интерпретация Пушкина впервые — МВ, 1830. № XI. С. 194, под загл.: «Элегический отрывок» и с датой: «23 декабря 1829». Вошло в «Стихотворения А. Пушкина». Ч. III. СПб., 1832. С. 21; подзаголовок «Элегический отрывок» — в оглавлении. Стих. Пушкина — самостоятельная вариация лирической темы, заданной у Шенье. Приводится нами как образец характерной для Пушкина поэтической переработки источника. В стих. прослеживаются автобиографические реалии: в конце 1829 г. Пушкин мучился неопределенностью своего положения, не получая решительного ответа на свое предложение Н. Н. Гончаровой; в начале 1830 г. он обращается к Бенкендорфу с просьбой о разрешении присоединиться к русской миссии, отправлявшейся в Китай. О соотношении этого стих. с элегией Шенье см.: Losinski G. // *Revue de littérature comparée*, 1937. No 1. P. 57; Громбах С. // Вопросы литературы, 1983. № 4. С. 204—210.

«TOUT MORTEL SE SOULAGE À PARLER DE SES MAUX...» — Впервые — Ch-1819. Источник, согласно помете самого Шенье, — 67-й фрагмент греч. поэта Каллимаха (310—240 до н. э.); Шенье читал его стихи по изд. 1697 г. с комментариями Шпанхейма. Первая строка восходит к Проперцию (I, 34) и Корнелию «*Polyeucte*» (Акт I. Сц. 3).

Перевод с подп.: «Ш-б-ъ» (Н. И. Шибаев?) — СЦ на 1832 год. СПб., 1832. С. 154 втор. паг.

«SANS PARENTS, SANS AMIS ET SANS CONCITOYENS...» — Впервые — Ch-1819. Написано в Англии зимой 1788—1789 гг. (см.: Dimoff. Т. I. P. 247). Перевод И. И. Козлова (неустановленного времени) впервые — Козлов-1840. Ч. 2. С. 333. Перевод Н. И. Шибаева (?) — Альциона. Альманах на 1831 год. СПб., 1831 (ценз. разр. 17. X. 1830 г.). С. 78 втор. паг. Подп.: «Ш-б-ъ».

«LA GRÂCE, LES TALENTS...» — Впервые — Ch-1819.

222. *Thersite* — Терсит (Илиада, II, 212—270); иносказательно — злобный и уродливый крикун.

Переводы этого и двух последующих стих. — Бенедиктов. Т. III. С. 397—399.

«LE COURROUX D'UN AMANT...» — Впервые — Ch-1819.

«VIENS PRÈS D'ELLE AU MATIN...» — Впервые — Ch-1819. Перевод А. А. Шишкова впервые — МВ, 1830. № 12. С. 288, под загл.: «Приближся к ней. (Из Андре Шенье)». Печ. по: Шишков. С. 25.

POÉSIES DIVERSES. РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

«PRÈS DES BORDS OÙ VENISE...» — Впервые в «*Mercur* du XIXe siècle» (1826. Т. XII. P. 241), под загл.: «Vers inédits d'André Chénier» (вышло в дек. 1825 г. или янв. 1826 г.) и в «*Œuvres posthumes*» 1826 г. (вышли в феврале), затем в сб. «*Annales romantiques*» (1827—1828). В изданиях 1833 и 1839 гг. не вошло. В изд. 1874 г. («*Œuvres poétiques*»), подготовленном по рукописям Габриэлем де Шенье, напечатано в более полном виде, чем в первых публикациях, где текст, очевидно, подвергся правке Латуша. Источник, как явствует из пометы самого Шенье, — сонет итальянского поэта Дж. Б. Ф. Цаппи (1664—1719), опубликованный в его «*Стихотворениях*» (Венеция, 1752. Т. 1. С. 29); по мнению Л. Бека де Фукьера, Шенье мог читать эту книгу в Лондоне, поскольку она имела в библиотеке маркиза де Ла Люзерна (см.: *Poésies de A. Chénier*. P., 1872. P. 427-428).

224. *Renaud, Tancrede... Herminie...* — персонажи поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим».

Перевод А. С. Пушкина впервые — НА на 1828 год. СПб., [1827]. Кн. IV. С. 53, под загл.: «Перевод неизданных стихов Андрея Шенье». Вошло в «Стихотворения А. Пушкина» (Ч. II. СПб., 1829. С. 102) с тем же подзаголовком и оглавлении. Датировано в черновом автографе 17.IX. 1827 г. Фр. оригинал Пушкин вписал в принадлежавшее ему издание Шенье 1819 г. (ПС. Вып. IX—X. СПб., 1910. С. 192); текст записи соответствует публикации в «*Mercur* du XIXe siècle»; сделана она, вероятно, осенью 1826 г. в период общения с В. И. Туманским (см. ниже). Предположения, что Пушкин воспользовался допечатным списком (Сандомирская В. Б. // ПИМ. Т. VIII. С. 103—105; Непомнящий В. С. // Вопросы лит-ры, 1978. № 1. С. 219—220), опираются на неточные сведения о времени первой публикации стихов Шенье (РП. С. 504).

Перевод И. И. Козлова впервые — НА на 1828 год. СПб., [1827]. Кн. IV. С. 54, под загл.: «Вольное подражание Андрею Шенье». Посвящено графине Зинаиде Ивановне Лещельтерн, урожд. Лаваль, жене австрийского посланника, знакомой Козлова. Напечатано в НА рядом с переводом Пушкина.

Перевод В. И. Туманского впервые — СЦ на 1831 год. СПб., 1830. С. 25. С пометой: «1826. Одесса». Перепечатано с небольшими разночтениями в ЛПРИ, 1835. 9.XI. № 90. С. 719, и «Молве», 1835. № 90. Печ. по: СЦ

(авторский текст, сохранившийся и в автографе в составе цензурной рукописи СЦ, — ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 8. № 36). Существует предположение, что этот перевод был привезен Туманским в Москву, прочитан в сентябре 1826 г. Пушкину и дал ему «толчок к переводу того же стихотворения» (Туманский-1912. С. 366). Однако в Одессе Туманский в первой половине 1826 г. провел не более трех недель (с начала до второй половины марта), после чего уехал в Ярославец и в Москву (Там же. С. 288—290). Более вероятно, что «неизданные стихи А. Шенье» (название их у Пушкина и подзаголовков у Туманского прямо повторяют название первой публикации оригинала) были получены в Москве осенью 1826 г., и здесь с ними познакомилась и Туманский, и Пушкин, сделавший с них список. Несомненно, стихи эти были предметом обсуждения во время общения поэтов в Москве (см. в указ. соч. С. Н. Браиловского и В. Б. Сандомирской; Переписка Пушкина. М., 1982. Т. 2. С. 163—165). Туманский интересовался Шенье с 1820 г. и возил с собой томик его стихов, со своими заметками (Начала, 1922. Т. 2. С. 262—263); однако перевод осуществил уже осенью или зимой 1826 г., когда вернулся в Одессу; оба стихотворения, таким образом, появляются независимо друг от друга. Фразеологические совпадения в них объясняются общностью источника.

«L'IMPUR ET FIER ÉPOUX...» — Впервые — Ch-1833.

224. ...*éroux que la chèvre désire...* — частое в античной поэзии перифрастическое обозначение козла (см., напр.: Феокрит. Идиллии, VIII, 49).

Перевод В. Г. Бенедиктовым этого и четырех последующих стих. — Бенедиктов. Т. III. С. 393, 396, 403, 392, 391.

«TOI! DE MOPSUS AMI!...» — Впервые — Ch-1833. Написано от лица пастуха, возражающего другому пастуху, сославшемуся в споре на свою дружбу с Мопсом (мастер игры на свирели, выведенный в V эклоге Вергилия).

226. *Bérécynthe* — Берекинф, один из горных хребтов фригийской Иды (в прибрежной Малой Азии).

Hyagnis — Гиагнис, фригиец, изобретатель новых способов игры на флейте (см.: Апулей. Флориды, III), сочинитель гимнов в честь фригийской богини Кибелы («матери богов»), которую именовали также Берекинфской богиней.

énergé — эд. в знач. латинского слова *semiviv* (полумужеский); жрецы Кибелы в экстазе нередко оскотпляли себя в ее честь.

des fanges du Méandre. — В рукописи: *du Sangar au Méandre*. Меандр — река в Малой Азии.

Les éloges railleurs... — намек на миф о Марсии, сыне Гиагниса, который посмел состязаться в игре на флейте с самим Аполлоном, и бог в гневе содрал с него кожу.

«TOUT HOMME A SES DOULEURS...» — Впервые — Ch-1833.

226. *Chacun... envie un autre humain...* — реминисценция из Лафонтена (Fables, VI, 12).

«BELLES, LE CIEL A FAIT POUR LES MÂLES CERVEAUX...» — Впервые — Ch-1833. Пропуск в 4-й строке заполнен по рукописи в изд. 1874 г.: «Les grâces badines». Объяснялся он, очевидно, отсутствием рифмы.

«OR VENEZ MAINTENANT, GRAVES COMPILATEURS...» — Впервые — *Revue de Paris*, 1830, mars. Фрагмент примыкает к наброскам большой сатирической поэмы «La République des Lettres». В современных изда-

ниях в соответствии с рукописью две первые строки читаются: «Or, venez maintenant, graves déclamateurs, / D'almanachs, de journaux savants compilateurs». Вместо строки точек следуют две строки: Citez de grands noms, éprouvantail des sots, / Aux lourds raisonnements joignez de lourds bons mots».

228. **Assurez que ma Muse est froide...** — Ср.: «Мизантроп» Мольера (Акт I. Сц. I).

...**ce bon roi de Phrygie.** — Фригийский царь Мидас был судьей на музыкальном состязании Аполлона и Марсия (см. коммент. к «Toi! de Mopsus ami!») и предпочел Марсия, за что Аполлон наградил его ослиными ушами. Мидас как олицетворение дурного критика выведен в IX сатире Буало (212—234).

ODES. ОДЫ

LA JEUNE CAPTIVE. — Впервые — *Décade philosophique*. 20 нивоза III года (9. I. 1795 г.). По форме (строфика) стих. относится к одам, однако, как сказал Мильвуа в примечании к своей элегии «*La Néréide*», оно «окрашено в тона элегии». Написано в тюрьме Сен-Лазар; рукопись сохранилась у находившегося там вместе с Шенье аббата Меллена. В 1796 г. стих. было перепечатано в АМ с примечанием к имени автора: «Казнен 7 термидора вместе с несчастным Руше и двадцатью другими узниками тюрьмы Сен-Лазар, также обвинявшимися в подготовке тюремного восстания либо в участии в нем. Андре Шенье было всего тридцать лет. Он много трудился, много писал, но опубликовал очень мало. Поэзия, философия и наука о древностях понесли с его смертью невосполнимую утрату» (С.181). Посвящено Эме де Куаньи (1769—1820), в замужестве герцогине де Флери. А. де Виньи в романе «*Stello*» (1832) канонизировал версию о глубоком чувстве Шенье к Эме де Куаньи, что не вполне соответствовало действительности.

230. **Au banquet de la vie...** — реминисценция из Жильбера (см. наст. изд. С. 64).

232. **Brillante sur ma tige... / Je n'ai vu luire encore...** — Ср.: Расин. *Esther* (Акт I. Сц.5).

Aux douces lois des vers... bouche aimable et naïve. — Эти две строки процитировал Пушкин в письме к А. А. Бестужеву от 8. II. 1824 г., рассказывая о создании «Бахчисарайского фонтана» (Пушкин. Т. XIII. С. 88).

Есть основания предполагать, что стих. «*La Jeune captive*» было замечено в России еще до выхода издания Латуша — может быть, по перепечатке в АМ, известном русским читателям. На это как будто указывают черновые варианты заметки Пушкина «Об Андре Шенье» (1825): «Долго он был известен двумя или тремя отрывками в др. «евнем» элегическом роде, Одою Младой Узницы и словами Шатобриана» (Пушкин. Т. XI. С. 301); затем, впрочем, Пушкин это указание вычеркнул.

Перевод И. И. Козлова впервые — НА на 1827 год. СПб., 1826. С. 46, с подзаг.: «Перевод из Андрея Шенье». Перевод Авр. С. Норова — НЛ, 1823. № 38. С. 187. С подп.: «Норов». Перевод считался удачным (ср. свидетельство Д. П. Глебова в прим. к «*Élégie XIV*» Шенье). Существует перевод — «Молодая узница. (Подражание Андрею Шенье)», подп.: «Г.С***» — Венок граций. Альманах на 1829 год. М. [1829]. С. 34.

IAMBES. ЯМБЫ

IAMBE IV. («*COMME UN DERNIER RAYON...*») — Впервые — Ch-1819 не полностью. Латуш разделил стих. на две неравные части и дал пер-

(авторский текст, сохранившийся и в автографе в составе цензурной рукописи СЦ, — ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 8. № 36). Существует предположение, что этот перевод был привезен Туманским в Москву, прочитан в сентябре 1826 г. Пушкину и дал ему «толчок к переводу того же стихотворения» (Туманский-1912. С. 366). Однако в Одессе Туманский в первой половине 1826 г. провел не более трех недель (с начала до второй половины марта), после чего уехал в Ярославль и в Москву (Там же. С. 288—290). Более вероятно, что «неизданные стихи А. Шенье» (название их у Пушкина и подзаголовков у Туманского прямо повторяют название первой публикации оригинала) были получены в Москве осенью 1826 г., и здесь с ними познакомилась и Туманский, и Пушкин, сделавший с них список. Несомненно, стихи эти были предметом обсуждения во время общения поэтов в Москве (см. в указ. соч. С. Н. Браиловского и В. Б. Сандомирской; Переписка Пушкина. М., 1982. Т. 2. С. 163—165). Туманский интересовался Шенье с 1820 г. и возил с собой томик его стихов, со своими заметками (Начала, 1922. Т. 2. С. 262—263); однако перевод осуществил уже осенью или зимой 1826 г., когда вернулся в Одессу; оба стихотворения, таким образом, появляются независимо друг от друга. Фразеологические совпадения в них объясняются общностью источника.

«L'IMPUR ET FIER ÉPOUX...» — Впервые — Ch-1833.

224. ...*éroux que la chèvre désire...* — частое в античной поэзии перифрастическое обозначение козла (см., напр.: Феокрит. Идиллии, VIII, 49).

Перевод В. Г. Бенедиктовым этого и четырех последующих стих. — Бенедиктов. Т. III. С. 393, 396, 403, 392, 391.

«TOI! DE MOPSUS AMI!...» — Впервые — Ch-1833. Написано от лица пастуха, возражающего другому пастуху, сославшемуся в споре на свою дружбу с Мопсом (мастер игры на свирели, выведенный в V эклоге Вергилия).

226. *Bérécynthe* — Берекинф, один из горных хребтов фригийской Иды (в прибрежной Малой Азии).

Hyagnis — Гиагнис, фригиец, изобретатель новых способов игры на флейте (см.: Апулей. Флориды, III), сочинитель гимнов в честь фригийской богини Кибелы («матери богов»), которую именовали также Берекинфской богиней.

énervé — эд. в знач. латинского слова *semivir* (полумужеский); жрецы Кибелы в экстазе нередко оскопляли себя в ее честь.

des fanges du Méandre. — В рукописи: *du Sangar au Méandre*. Меандр — река в Малой Азии.

Les éloges railleurs... — намек на миф о Марсии, сыне Гиагниса, который посмел состязаться в игре на флейте с самим Аполлоном, и бог в гневе содрал с него кожу.

«TOUT HOMME A SES DOULEURS...» — Впервые — Ch-1833.

226. *Chacun... envie un autre humain...* — реминисценция из Лафонтена (Fables, VI, 12).

«BELLES, LE CIEL A FAIT POUR LES MÂLES CERVEAUX...» — Впервые — Ch-1833. Пропуск в 4-й строке заполнен по рукописи в изд. 1874 г.: «Les grâces badines». Объяснялся он, очевидно, отсутствием рифмы.

«OR VENEZ MAINTENANT, GRAVES COMPILATEURS...» — Впервые — *Revue de Paris*, 1830, mars. Фрагмент примыкает к наброскам большой сатирической поэмы «La République des Lettres». В современных изда-

ниях в соответствии с рукописью две первые строки читаются: «Or, venez maintenant, graves déclamateurs, / D'almanachs, de journaux savants compilateurs». Вместо строки точек следуют две строки: Citez de grands noms, éprouvantail des sots, / Aux lourds raisonnements joignez de lourds bons mots».

228. *Assurez que ma Muse est froide...* — Ср.: «Мизантроп» Мольера (Акт I. Сц. I).

...ce bon roi de Phrygie. — Фригийский царь Мидас был судьей на музыкальном состязании Аполлона и Марсия (см. коммент. к «Toi! de Morsus ami!») и предпочел Марсия, за что Аполлон наградил его ослиными ушами. Мидас как олицетворение дурного критика выведен в IX сатире Буало (212—234).

ODES. ОДЫ

LA JEUNE CAPTIVE. — Впервые — *Décade philosophique*. 20 нивоа III года (9. I. 1795 г.). По форме (строфика) стих. относится к одам, однако, как сказал Мильвуа в примечании к своей элегии «La Néréide», оно «окрашено в тона элегии». Написано в тюрьме Сен-Лазар; рукопись сохранилась у находившегося там вместе с Шенье аббата Меллена. В 1796 г. стих. было перепечатано в АМ с примечанием к имени автора: «Казнен 7 термидора вместе с несчастным Руше и двадцатью другими узниками тюрьмы Сен-Лазар, также обвинившимися в подготовке тюремного восстания либо в участии в нем. Андре Шенье было всего тридцать лет. Он много трудился, много писал, но опубликовал очень мало. Поэзия, философия и наука о древностях понесли с его смертью невосполнимую утрату» (С.181). Посвящено Эме де Куаньи (1769—1820), в замужестве герцогине де Флери. А. де Виньи в романе «Stello» (1832) канонизировал версию о глубоком чувстве Шенье к Эме де Куаньи, что не вполне соответствовало действительности.

230. *Au banquet de la vie...* — реминисценция из Жильбера (см. наст. изд. С. 64).

232. *Brillante sur ma tige... / Je n'ai vu luire encore...* — Ср.: Расин. *Esther* (Акт I. Сц.5).

Aux douces lois des vers... bouche aimable et naïve. — Эти две строки процитировал Пушкин в письме к А. А. Бестужеву от 8.II.1824 г., рассказывая о создании «Бахчисарайского фонтана» (Пушкин. Т. XIII. С.88).

Есть основания предполагать, что стих. «La Jeune captive» было замечено в России еще до выхода издания Латуша — может быть, по перепечатке в АМ, известном русским читателям. На это как будто указывают черновые варианты заметки Пушкина «Об Андре Шенье» (1825): «Долго он был известен двумя или тремя отрывками в др. («внем») элегическом роде, Одою Младой Узницы и словами Шатобриана» (Пушкин. Т. XI. С.301); затем, впрочем, Пушкин это указание вычеркнул.

Перевод И. И. Козлова впервые — НА на 1827 год. СПб., 1826. С.46, с подзаг.: «Перевод из Андрея Шенье». Перевод Авр. С. Норова — НЛ, 1823. № 38. С.187. С подп.: «Норов». Перевод считался удачным (ср. свидетельство Д. П. Глебова в прим. к «Élégie XIV» Шенье). Существует перевод — «Молодая узница. (Подражание Андрею Шенье)», подп.: «Г.С***» — Венок граций. Альманах на 1829 год. М. [1829]. С.34.

IAMBES. ЯМБЫ

IAMBE IV. («COMME UN DERNIER RAYON...») — Впервые — Ch-1819 не полностью. Латуш разделил стих. на две неравные части и дал пер-

вой название «Iambe IV», а второй «Iambe III». Судя по рукописи, где на том же листе набросаны стих., далекие по тематике от предсмертных, это стих. написано не в последние минуты перед отправкой на казнь (как считали в первой половине XIX в.), а немного раньше. Жанровое определение восходит к античности, когда ямбами называли стих. обличительного (реже элегического) характера с чередованием длинных и коротких строк, написанные ямбом.

Перевод с подп.: «Ш-6-ъ» (Н. И. Шибаев?) — Альциона. Альманах на 1832 год. СПб., 1832. С.68 втор. паг. (ценз. разр. 20.XI.1831).

ANTOINE-VINCENT ARNAULT
АНТУАН ВЕНСАН АРНО
(1766—1834)

Родился в Париже. Прославился трагедиями, первая из которых, «*Marius à Minturnes*» (1791), принесла ему славу тираноборца. Соратник Наполеона, которому в 1820-е гг. посвятил два биографических сочинения. При I империи генеральный секретарь университета, в 1815 г., по возвращении на престол Бурбонов, изгнан из Французской академии, членом которой был с 1799 г., и вынужден покинуть Францию. Вернулся на родину лишь в 1819 г.; в 1829 г. снова принят в Академию, с 1833 г. ее непреременный секретарь. В конце жизни выпустил воспоминания: «*Mémoires d'un sexagénaire*» (1833).

Текст печатается по изд.: Arnault A. V. *Oeuvres*. P., 1825. Т.IV. P. 168 (Fables, V, XVI).

LA FEUILLE. — Стих. (или, по авторскому определению, «басня») связано с вынужденным изгнанием автора. Написанное в конце 1815 г., оно «из альбома одной прелестной дамы» перекочевало в столичные газеты, а оттуда — в газеты Бельгии, где с 1816 г. жил Арно. Поскольку никто не ожидал увидеть произведение изгнанника в парижских газетах, некоторые фр. литераторы приняли стих. за новонайденную басню Лафонтена (см.: Arnault A. V. *Oeuvres*. P., 1825, Т. IV. P. 371-374).

Перевод Д. В. Давыдова — впервые — БдЧ, 1837. Т.22. Отд. I. С.10. В одном из автографов назв. «Цветок». Первоначальный вариант перевода, видимо, сделан в 1816—1818 гг.; печатаемая нами поздняя редакция скорее всего относится к 1836—1837 гг. Текст Давыдова близок к переводу Жуковского (см. ниже). В 1836 г. Пушкин упомянул о стих. Арно и «Листке» Давыдова в статье «Французская академия»: «Участь этого маленького стихотворения замечательна. Костюшко перед своей смертью повторил его на берегу Женевского озера; Александр Ипсиланти перевел его на греческий язык; у нас его перевели Жуковский и Давыдов <...> Может быть, и сам Давыдов не знает стихов, которые написал ему Арно, услыша о его переводе. Он поместил их в примечаниях к своим сочинениям». Далее Пушкин цитировал примечание Арно (по кн.: *Oeuvres de A. V. Arnault... Fables et poésies diverses*. Paris, 1825. P. 373: «Листок удостоился перевода не на один язык. Перевод, сделанный на русский язык генералом Давыдовым, говорят, отличается изяществом и верностью. Д. Давыдов принадлежит к числу тех, кто, родившись с даром поэзии, предаются ей лишь по прихоти и для отдыха от войны и наслаждений. Автор этих басен, узнав о чести, ему оказанной, послал Давыдову один экземпляр своего сборника с таким посвящением: «*A vous, poète, à vous, guerrier, / Qui sablant le champagne au bord de l'Hippocrè-*

не, / Avez d'une feuille de chêne / Fait une feuille de laurier». («Тебе, поэт, тебе, воин, / Упиваясь шампанским на берегу Иппокрены, / Ты сотворил из дубового листа / Листок лавровый»). См.: Совр., 1836. Т. II. С.15; Пушкин. Т. XII. С.46, 476. По этому поводу Давыдов писал Пушкину 10 августа 1836 г.: «Ты по шерсти погладил самолюбие мое, отыскав бог знает где и прозу и стихи Арно, о которых я и знать не знал. Жалею, что перевод мой недостойн благосклонности и мадригала покойного академика. Этот перевод ужасно плох, так плох, что в издании стихотворений моих я не смел его поместить» (Пушкин. Т. XVI. С.151). О русских отношениях Арно см.: Оксман Ю. Г. // ПС. Вып. 28. Пг., 1917. С.76—87; см. также коммент. В. Н. Орлова в кн.: Денис Давыдов. Полн. собр. стих. Л., 1933. С.277—279.

Перевод В. Л. Пушкина — Труды МОЛРС, 1817. Ч. VII. Кн. 12. С. 66. Читано в МОЛРС 25. XI. 1816. Печ. по: Стихотворения Василия Пушкина. СПб., 1822. С. 94.

Перевод В. А. Жуковского — Для немногих, 1818. № 2. Февр. С. 24. Датируется январем-февралем 1818 г.

Существуют также переводы П. И. Шаликова (ВЕ, 1817. № 9. С. 23), Л. С. Пушкина (1821; см.: ПС. Вып. XVII—XVIII. СПб., 1913. С. 7), анонимный перевод (возможно, В. Н. Олина) в «Рецензенте» (1821. № 5. С. 20; перепечатан: РИ, 1822. № 28. 31. I. С. 112) и более поздний, перевод-вариация, с подп.: «М. С.» (Атеней, 1830. № 11. С. 337).

CHARLES-HUBERT MILLEVOYE

ШАРЛЬ ЮБЕР МИЛЬВУА

(1782—1816)

Родился в Аббевиле (Пикардия), в семье торговца льном. В 1798 г., окончив Аббевильский коллеж, отправляется в Париж, где служит в нотариальной конторе, а затем в книжной лавке Треттеля и Вюрца. Благодаря денежной помощи одной из теток полностью посвящает себя литературе. До 1806 г. живет в Париже, в 1806—1812 г. — в небольшом поместье в Виль д'Авре (близ Парижа), в 1812—1816 г. в деревне Эпаньет близ Аббевиле. В 1814 г. Мильвуа заболевает чахоткой, от которой он и умер спустя 2 года в Париже.

Мильвуа — автор эпических поэм «Charlemagne à Pavie» (1814) и «Alfred» (1815), нескольких трагедий, опубликованных посмертно, поэм, посвященных важнейшим политическим событиям современности: «La Bataille d'Austerlitz» (1806) и «La Fête des Martyrs» (1815). В начале своего литературного пути сочинял пародии и эпиграммы. При жизни был весьма знаменит, неоднократно (в 1806, 1807 и 1812 гг.) становился лауреатом конкурса Французского Института. Однако уже в 1830-е гг. все его сочинения, кроме элегий, были забыты.

Первое издание элегий Мильвуа («*Élégies, suivies d'Emma et Eginard*») вышло в 1812 г., второе — в 1813, третье, значительно расширенное («*Élégies en trois livres*»), — в 1815 г. (при допечатке тиража этого издания Мильвуа внес изменения в некоторые элегии, в частности в «*La Chute des feuilles*»). В бумагах Мильвуа сохранилась статья «*Sur l'Élégie*», которую он собирался предпослать задуманному им очередному изданию; в нем поэт намеревался разбить элегии на три части: любовные, «античные» и «восточные». замысел поэта был осуществлен в посмертном издании его сочине-

ний (1822; там же напечатана статья «Об элегии»); тот же порядок сохранен в наст. изд.

Тексты печатаются по изд.: Millevoye Ch. Oeuvres complètes. P., 1823. T.4, и Millevoye Ch. Oeuvres. P., 1880. T.I. Элегия «La Chute des feuilles» — по: Ladoué. P. 277—285. Сведения из пространных примечаний Мильвуа, помещенных в посмертном издании за текстом, использованы в комментариях. Наличие разных редакций текста оговаривается, лишь если это существенно для истории русских переводов.

ÉLÉGIES. ЭЛЕГИИ

LA CHUTE DES FEUILLES. — Впервые в сб. Тулузской академии 1811 г. (премия тулузских Jeux Floraux). Затем — каждый раз с изменениями — в изд. 1812, 1815 и 1822 гг. (вариант, сохранившийся в бумагах поэта). Мильвуа был «маниакально неуверен в себе» и прислушивался к любому, даже самому вздорному замечанию (см.: Nodier Ch. *Mélanges tirés d'une petite bibliothèque*. P., 1829. P.298). Наиболее очевидны различия в финале стих. В вариантах 1811 и 1812 гг. в финале упоминается подруга умершего юноши и пастух; в обоих вариантах 1815 г. появляется мать юноши, при этом во втором изд. 1815 г. отсутствует пастух и элегия кончается словами: «Et son amante ne vint pas» (по мнению Мильвуа, самой элегической строкой во всем стих.). Посмертный вариант близок (за исключением незначительных изменений) к первоначальному. Следовательно, из русских поэтов Милонов имел дело с редакцией 1811 г., Батюшков и В. Н. Григорьев — с ней же, либо с близкой к ней редакцией 1812 г., Баратынский — со второй редакцией 1815 г., Туманский — сразу с несколькими вариантами (финал в его стих. восходит ко второму варианту 1815 г., «кипарис священный» — к вариантам 1811 и 1812 гг., а образ девы под покрывалом — *voilée* — к вариантам 1812 и 1815 гг.).

Написанная в пору, когда Мильвуа был еще здоров, эта элегия, «сбывшаяся» в его реальной судьбе, стала самым известным стихотворением поэта. Тема «падения листьев» обыгрывается в «элегической песни» «Millevoye» (1824), сочиненной Ф. Сулье де Лавелане; Ш. Асселино в 1860-е гг. назвал эту элегию «„Марсельезой“ меланхоликов», а ее сочинителя — «автором одного стихотворения», подобно Руже де Лиллю (Ladoué. P. 342). «La Chute des feuilles» — пример трансформации, которую претерпел во второй пол. XVIII в. образ осени в поэзии. С античности (см., напр.: Феокрит. Идиллия VII) осень всегда изображалась как пора изобилия, сбора урожая (см.: «Гимн осени», 1564, П. Ронсара; «Времена года», 1730, Дж. Томсона). Однако от поэм Оссиана идет другая традиция, где осень — пора уныния и разочарования; см., напр., «Les Jardins» Делиля (1780). В преромантической литературе популярно сравнение человека с опавшим листом (восходящее, впрочем, к Библии: «Не сорванный ли листок ты сокрушаешь и не сухую ли соломинку преследуешь?» — Иов, 13, 25); см., напр., «Страдания юного Вертера» (1774. Кн.2, запись от 4 сент.) И. В. Гёте или «Репё» (1802) Шатобриана. В начале XIX в. это сравнение сделалось расхожим не только в поэзии, но и в быту; возлюбленная Ламартина Жюли Шарль 17.VI.1817 г. писала его другу Э. де Вирье: «А если горе иссушает нас и мы, бедные увядшие листья, падаем на землю...» (Lupré A.M.P. de. *Les Travaux et les jours d'A. de Lamartine*. P., 1942. P. 64), а убежденный «классик», неприменный секретарь Академии Андрие кричал, размахивая томом только что вышедших «*Méditations poétiques*» Ламартина: «А! плакса! Ты жалуешься, ты

сравниваешь себя с сухим чахоточным листком! А мне какое дело? Умирающий поэт! Так подыхай же, тварь: не ты первый, не ты последний!» (Albert M. La Littérature française sous la Révolution... P., 1891. P. 177-178).

238. **oracle d'Epidaure** (*метафор.*) — врач; близ древнегреч. города Эпидавра находился храм бога врачевания Асклепия.

240. **...la pierre isolée...** — Среди источников финальной сцены — предсмертная ода Жильбера (см. наст. изд.), идиллия Леонара «La Promenade du matin» (1775) и послание Делиля к жене, предпосланное его поэме «L'Imagination» (1806).

Перевод М. В. Милонова впервые — ВЕ, 1812. № 3. С.202, с датой: «25 октября 1811 г. С.П.бург.». Печ. по: Милонов. С.19. Перевод пользовался известностью; так, П. А. Плетнев считал, что он и при наличии более совершенного перевода Батюшкова «все остается в числе лучших на русском языке» образцов элегического творчества (Плетнев. Т.I. С.17).

239. **Рассыпан осени рукою...** — Элегический фразеологизм (отсутствующий у Мильвуа), закрепленный в русской поэзии очень популярной «Элегией» (1802) Андрея Ив. Тургенева («Угрюмой осени мертвячая рука...»); он встречается у раннего Пушкина, Жуковского, Вяземского, Рыльева и многочисленных элегиков 1810—1820-х гг. См.: Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941. С.153; Фризман Л. Г. // Zagadnienia Rodzajow Literackich, 1978. T.XXI. Zesz. 2. S. 11.

241. **Как призрак легкий, улетели...** — общеевропейский элегический мотив, отразившийся (через посредство перевода Милонова) в элегии Ленского в «Евгении Онегине». См., напр.: Виноградов В. В. Указ. соч. С.172—173.

Тогда буди ты легким шумом... — Плетнев указывал, что эти строки «более заключают в себе элегической красоты», нежели соответствующие строки в переводе Батюшкова. См.: Плетнев. Т.I. С.18.

Близь дуба юноши могила... — Концовка перевода Милонова была использована Пушкиным при описании могилы Ленского в «Евгении Онегине». См. об этом (и об отражении у Пушкина «Падения листьев»): Клебанская Е. // РС, 1902. № 12. С.603—604; Савченко С. // Пушкин в мировой лит-ре. Л., 1926. С.75—79, 362; Томашевский. С.90—91; Заборов. С.110. Парафраза строки Мильвуа («Et son amante ne vint pas!!!») — в подписи Пушкина к шутивому изображению могилы А. Лаптева, якобы умирающего от любви (РП. С.677).

Перевод К. Н. Батюшкова впервые — ВЕ, 1816. № 11. С.181. Написано, вероятно, в 1815 г. Переложение считалось удачным (см. отзыв Плетнева в коммент. к переводу М. В. Милонова и отзыв Белинского — Белинский. Т.VII. С.237). Отрицательный отзыв дал Пушкин в заметках на полях «Опытов», расценив стих. как «неудачное подражание Millevoeye». Против стихов «Закройте памятник унылый <...> навсегда» Пушкин написал: «черт знает что такое!», против стихов «Исполните благоуханьем <...> небосклон» — «дурно» (Пушкин. Т.XII. С.263). Тем не менее некоторыми художественными деталями стих. Пушкин воспользовался (см. ниже). В текст Мильвуа Батюшков внес изменения — в частности, заменил корреспондирующую «осеннюю» экспозицию контрастирующей «весенней» (также традиционный мотив).

474. **И яркий голос Филомелы...** — «Яркий» здесь в архаическом значении «громкий», «звонкий»; ср. у Пушкина: «яркий голос соловья» («Не дай мне бог сойти с ума», 1830); у Языкова: «с ярким хохотом» (Подражание псалму СXXXVI, 1830). У Пушкина, вероятно, прямая реминисценция

(// И. М. Семенко // Батюшков-1977. С.544). Само стих, Пушкина, как предполагается, навеяно впечатлениями от посещения безумного Батюшкова (Алексеев М. П. // Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и языка, 1949. Т.VIII. Вып.4. С.369—372).

Перевод В. Н. Григорьева — Бл., 1820. № 22. С.248.

Перевод Е. А. Баратынского — впервые — НЛ, 1823. Кн. III. № 11. С.186; в др. редакции — Баратынский-1827. С.41, с подзаг. в огл.: «Подражание Мильвуа», в составе раздела «Элегии» (№ 2). Перевод Баратынского вольный (особенно в публикуемой второй редакции).

Перевод В. И. Туманского — Соревн., 1823. Ч.22. Кн. 3. С.266. Написано 9 марта 1823 г. Стих. вызвало анекдотические придирки цензора А. И. Красовского, не пропустившего его в СО, т. к. «в один из первых дней великого поста весьма неприлично писать о любви девы, неизвестно какой» (Туманский-1912. С.343).

Существует также перевод Ст. Степанова (Бл., 1825. № 21. С. 258; в переработанной ред. — ЛПРИ, 1839. 22 апр. № 16. С. 339).

LA DEMEURE ABANDONNÉE. — Впервые — М-1812; вторая ред. — М-1815 (печатается в наст. изд.). Сюжетная ситуация элегии близка к «Le Cabinet de toilette» Парни. Перевод И. П. Бороздны — НЛ, 1826. Март. С.147. С подзаг.: «Вольный перевод из Мильвуа» и пометой: «Москва, 1822 года, января 1-го дня». Печ. по: Бороздна. С.90 (другая редакция). В огл. подзаг.: «Вольный перевод из Мильвуа». Перевод очень свободен; в концовке, принадлежащей самому переводчику, ощущается воздействие «La Chute des feuilles».

245. **И снят окрестности средь тишины ночныя...** — Описание ночного ландшафта восходит к первой редакции элегии (Заборов. С.114).

LE BOIS DÉTRUIT. — Впервые — М-1812. Источник — стих. П. Ронсара «Contre les bûcherons de la forêt de Gastine», 1584 (прим. Мильвуа).

246. **Nymphes, pleurez!**... — возможно, реминисценция из «Élégie dans le goût ancien» А. Шенье (Мильвуа ссылается на это стих. в примечании к элегии «La Néréide» — см. ниже).

Перевод А. А. Крылова — Бл., 1821. № 16. С.209. Перевод И. Е. Велюпольского — Бл., 1820. № 14. С.111. Перевод Д. П. Глебова — Глебов. С.30, с прим. (перевод прим. Мильвуа):

«Пизса Гонзара (ошибочно, вместо «Ронсара». — Ред.), имеющая подобное содержание, исполнена пиитическими красотами и носит отпечаток истинного таланта, но увлекаемого иногда ложными правилами.

Убежища привычного не зрит,
Безмолвствует, вздыхает и проходит.

Ничего нет приличнее для элегии, как воспоминание невозвратимого. Размышление любит бродить среди развалин. Сие чувство внушило две прекрасные поэмы на французском языке: *La Journée des Morts et la Chartreuse de Paris* (С.282). Упомянутые Глебовым поэмы принадлежат Ж.П.Л. де Фонтану (1759—1821).

LA FLEUR. — Впервые в альманахе «Chansonnier des Grâces», 1811. В М-1815 в новой редакции (две первые строфы первого варианта с новым продолжением). В наст. изд. — первоначальный вариант (вошедший в М-1812), который переводил Жуковский. Перевод В. А. Жуковского впер-

вые — Стихотворения Василия Жуковского. СПб., 1815. Ч. I. С. 203. Написано в 1811 г.

251. **Рукою осени жестокой.** — См. коммент. к «Падению листьев» Милонова. С. 641.

L'INQUIÉTUDE. — Впервые — М-1815. Список этой элегии сделал для себя Пушкин (см.: РП. С. 501—503). Переработку ее мотивов содержит элегия «Простишь ли мне ревнивые мечты» (1823); см.: Вацуро В. Э. // ВПК. 1978. Л., 1981. С. 5—21.

Перевод «...й» — Бл., 1820. Ч. 12. № 23—24. С. 327—328. Без достаточных оснований было приписано Туманскому (Туманский-1912. С. 77). Переводчик не установлен. Перевод А. А. Крылова — впервые — Соревн., 1821. Ч. 15. Кн. I. С. 87. Читалось в ОЛРС 23.V.1821 г. П. А. Плетнев приводил его в пример оригинального творчества («...„Недоверчивость“ ...исполнена первоклассных и свежих красот отечественной поэзии». — Соревн., 1823. Ч. 21. Кн. I. С. 102) и цитировал полностью в статье «Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах» (1825; Плетнев. Т. I. С. 190—192). Более сдержанный (не дошедший до нас) отзыв принадлежал Пушкину (Пушкин. Т. XIII. С. 140). Вольный перевод, переходящий в самостоятельную интерпретацию элегической ситуации оригинала.

LE RETOUR. — Впервые — М-1815. Перевод Е. А. Баратынского впервые — Бл., 1822. № 11. С. 444, под загл.: «Возвращение». С тем же загл. и подзаг. в огл.: «Подражание Мильвуа» — Баратынский-1827 («Элегии». С. 61). Перевод П. Г. Сянова — Славянин, 1829. № 1. С. 59, с пометой: «Волгода» и датой: 1829.

LE POÈTE MOURANT. — Впервые — М-1812. Перевод П. И. Хотяинцова — ЛПРИ, 1834. № 42. 26 мая. С. 331. Перевод В. Розальон-Сошальского — Опыты в словесности. С. 285.

COMBAT D'HOMÈRE ET D'HÉSIODE. — Впервые — М-1815. В основе — предание о поэтическом соревновании между легендарным Гомером и Гесиодом (VIII—VII в. до н. э.), автором поэм «Теогония» и «Труды и дни». Предание в развернутом виде изложено в греч. народной книге «Состязание Гомера и Гесиода» (VI—V в. до н. э.; записана не раньше царствования римского императора Адриана, 117—138). Рассказ о поэтическом состязании, устроенном на торжественных играх в память об Амфидаманте, полулегендарном царе Халкиды на острове Эвбея (VIII в. до н. э.), и о золотом треножнике, который получил победивший в этом состязании Гесиод, есть в поэме «Труды и дни» (650—662; Плутарх считал его позднейшей вставкой). Версию о том, что с Гесиодом в Халкиде состязался Гомер, разработали многие античные авторы, в том числе Плутарх в «Пире семи мудрецов». См.: Тренчени-Вальдапфель И. Гомер и Гесиод. М., 1956. С. 10—16; Плутарх. Соч. М., 1983. С. 669—670.

258. **Du laurier d'Hippocrène... poète d'Ascrée...** — Мильвуа в примечании ссылается на «Теогонию» Гесиода (ст. 30), где поэт рассказывает, как пастада у подножия горы Геликон, обители муз, и получил от них лавровую ветвь. См. также ниже прим. Батюшкова.

l'oiseau du tonnerre (греч. миф.) — орел, атрибут Зевса-громовержца, унесший Гомера с берегов Мелеса (реки, близ которой поэт родился) на Олимп; ср. сходную перифразу (l'aigle du tonnerre) в «L'Enthousiasme» Ламартина.

le Gargare — самая высокая из четырех вершин фригийской горной цепи Ида.

260. **Jupiter Néméen aux Parques t'a promis...** — «Дельфийский оракул сказал Гесиоду эти слова, которые я вложил в уста Гомера. Предсказание не замедлило исполниться. Юноши, заподозрившие Гесиода в том, что он соблазнил их сестру, убили его на эвбейских берегах, посвященных некогда Зевсу Немейскому. Случилось это в день праздника Ариадны» (*прим. Мильвуа*).

262. **Hyades** (*греч. миф.*) — Гиады (*греч.* дождливые), нимфы, умершие от горя после гибели своего брата и превращенные Зевсом в звезды из созвездия Тельца, видимые в Греции в дождливое время.

Перевод К. Н. Батюшкова — впервые — Опыты. Ч.П. С.91. Работа над переводом шла в 1816—1817 гг. 27.XI.1816 г. Батюшков сообщал Гнедичу, что «перевел прекрасную элегию Мильвуа «Гезиод и Омир», которая дышит древностью» (Батюшков-1986. С.417). В это время, однако, он не считал работу законченной и лишь 14.I.1817 г. сообщил Вяземскому: «Гезиод кончен довольно счастливо» — и о том же написал Гнедичу во второй пол. февраля (Батюшков. Т.П. С.413, 417). По-видимому, в конце января он «читал <...> Бой Гезиода и Омира» В. С. Филимонову (Батюшков-1986. С.420).

В «Опытах» стихотворению было предпослано примечание, исключенное при подготовке второго издания:

«Эта элегия переведена из *Мильвуа*, одного из лучших французских стихотворцев нашего времени. Он скончался в прошлом годе в цветущей молодости. Французские музы долго будут оплакивать преждевременную его кончину: истинные таланты ныне редки в отечестве Расина.

Многие писатели утверждали, что Омир и Гезиод были современники; некоторые сомневаются, а иные и совершенно оспаривают это предположение. Отец Гезиодов, как видно из поэмы «Труды и дни», жил в Кумах, откуда он перешел в Аскрею, город в Беотии, у подошвы горы Геликона: там родился Гезиод. Музы, говорит он в начале «Феогонии», нашли его на Геликоне и обрели себе. Он сам упоминает о победе своей в песнопении. Архидамий, царь Эвбейский, умирая, завещал, чтобы в день смерти его, ежегодно, совершались погребальные игры. Дети исполнили завещание родителя, и Гезиод был победителем в песнопении. Плутарх в сочинении своем «Пир семи мудрецов» заставляет рассказывать Периандра о состязании Омира с Гезиодом. Последний остался победителем и, в знак благодарности музам, посвятил им треножник, полученный в награду. Жрица Дельфийская предвещала Гезиоду кончину его; предвещание сбылось. Молодые люди, полагая, что Гезиод соблазнил сестру их, убили его на берегах Эвбеи, посвященных Юпитеру Немейскому.

Кажется, не нужно говорить об Омيره. Кто не знает, что первый в мире Поэт был слеп и нищий?

Нам музы дорого таланты продают!»

Центральная часть примечания восходит к автокомментарию Мильвуа. Стих. было высоко оценено Пушкиным: в замечаниях на «Опыты» Батюшкова он записал: «Вся элегия превосходна — жаль, что перевод» (Пушкин. Т.ХП. С.267). Белинский рассматривал ее как «памятник сочувствия и уважения Батюшкова к древней поэзии», как «поэму», которая «явилась более греческою, чем в оригинале» (Белинский. Т. VII. С.231). Об интерпретации Батюшковым фр. подлинника см.: Фридман. С.195—199.

Посвящение «А.Н.О.» (А. Н. Оленину), художнику и археологу, к

кружку которого были близки и Батюшков, и Гнедич, Батюшков дописал накануне публикации стих. (Батюшков. Т. III. С. 421).

257. **Народы, как волны, в Халкиду текли.** — В «Опытах» опечатка («в Колхиду»), исправленная в приложенном к книге списке «Погрешности и перемены». Пушкин (не взглянув в список) подчеркнул «Колхиду» и пометил: «Невежество непростительное!»

257—259. **Коней отгрешите... внемлите!** — Весь этот фрагмент отчеркнут Пушкиным с пометой: «прекрасно». Он был развернут в особую картину в «Песни о вешем Олеге» (1822). См.: Сандомирская В. Б. // ВПК. 1972. Л., 1974. С. 24—25.

259. **...гостеприимный мир...** — Помета Пушкина: «в конце сказано: рожденный в Самосе и проч. Противуречие».

Мне снилось в юности... обладатель. — Отчеркнуто Пушкиным с пометой: «прекрасно».

...суровой Мнемозины! — Помета Пушкина: «зачем суровой».

261. **Тенар** — Тенарский мыс, где, согласно мифу, находился вход в Аид.

Твой гений проник в Олимп: и вечны боги... — Помета Пушкина: „вот пример удачной перемены цезуры“.

И что ж? В юдоли сей страдалец искони... — Помета Пушкина: «Библиизм неуместный».

Слепец всевидящий. — Этот эпитет был употреблен и Гнедичем в поэме «Рождение Гомера», создававшейся одновременно с «Гезиодом и Омидом...». Получив текст поэмы, Батюшков писал Гнедичу 7. II. 1817 г., что он также «употребил выражение «слепец всевидящий», говоря об Омиде», и шутливо добавлял: «Как мы сошлись? Это, право, странно — и *потомство*? что скажет? Подумает, что я обокрал тебя! Это ужасно! Я целую ночь не мог спать, и голова разболелась от беспокойства». Между тем, как указал Д. Д. Благой, Батюшков, по-видимому, сам подсказал этот эпитет Гнедичу в письме от 27. XI. 1816 г.: «...Между тем, как ты поешь рождение сына Мелесова, всевидящего слепца, я пою его бой с Гезиодом...» (Батюшков-1986. С. 420; 417. Батюшков К. Н. Соч. М.—Л., 1934. С. 472).

263. **...быстрою Обиду...** — По предположению И. М. Семенко, этот образ восходит к «Слову о полку Игореве» (Батюшков-1977. С. 548).

265. **И где найдут его талант и нищета?** — Эта концовка принадлежит самому Батюшкову.

NOMÈRE MENDIANT. — Впервые — М-1815. В примечании Мильвуа, опубликованном в посмертном издании, указано на связь этой элегии с «L'Aveugle» А. Шенье и дана пространная цитата оттуда. Поэтому исследователи, как правило, подчеркивают заслугу Мильвуа, желавшего «открыть» публике стих. Шенье, в 1815 г. еще никому не известное. Однако, как отмечает П. Ладуэ, в изд. 1815 г. это примечание увидело свет без упоминания о Шенье; отсылка к «L'Aveugle» и цитата из него появились лишь в изд. 1822 г., спустя три года после того, как сочинения Шенье были опубликованы Латушем; в примечаниях Мильвуа, опубликованных при его жизни, то есть до 1819 г., упомянуты лишь те стих. Шенье, которые к этому времени уже были напечатаны. Поэтому не исключено, что пассаж о Шенье приписан Мильвуа издателями посмертного собрания его сочинений Жаном Дюма и Шарлем Нодье. Впрочем, Мильвуа мог познакомиться с неопубликованными произведениями Шенье благодаря посредничеству любовницы М.-Ж. Шенье госпожи Леспарда (см.: Becq de Fouquières L. Lettres critiques

sur André Chénier. P., 1881. P.38; Ladoué. P.235—240). Ясность могли бы внести рукописи Мильвуа, но они не сохранились.

264. ...l'antre prophétique... — В Кумах, поселении, основанном выходцами из Халкиды на острове Эвбея, находилась, по преданию, пещера, где обитала прорицательница Сивилла (см.: Вергилий. Энеида, песнь VII).

268. L'obole que la mort paie au fatal nocher... — По погребальному обряду древних, покойнику клали в рот мелкую монету для уплаты Харону за перевоз через реку Стикс.

Перевод Д. П. Глебова — ВЕ, 1821. № 17. С.21, с подп.: «Гл.б.в.». Печ. по: Глебов. С.73. К переводу были присовокуплены сопроводительные примечания переводчика, три последних абзаца которых — перевод примечаний Мильвуа к элегии:

«Сия пизса, в коей Мильвуа включил многие отрывки из гимнов, написанных самому Гомеру, служит продолжением другой его элегии, под названием: «Состязание Омира и Гезиода». Старец-слепец, жертва неправосудия, оставил берега Колхиды.

Рожденный в Самосе убогий сирота
Слепца из края в край, как сын усердный, водит;
Он с ним пристанища в Элладе не находит,
И где его найдут талант и нищета?

(см. *Опыты в стихах К. Батюшкова*)

Оракул, заключенный в сем последнем стихе, исполнился. Гомер с юным спутником своим прибыл в Эолиду. С ветвью просителя тщетно у врат богатых чертогов спрашивает он гостеприимства.

Содержание сей элегии согласно с неясным преданием о великом поэте, столь долго лишенном убежища, и коего колыбель и могилу столь много городов оспаривали между собою.

Его кончина должна быть столько же таинственна, как и рождение. Всего было приличнее Аполлону возвестить бессмертие Гомера и гармоническим Сиренам оживить божественного сына берегов Мелеса».

LES ADIEUX D'HELENE. — Впервые — М-1815.

270. O Pudeur! — «Эта строка — подражание Сафо: „Невинность моя, куда от меня уходишь?“» (*прим. Мильвуа*). Этому же стихотворению Сафо подражал А. Шенье в отрывке «Virginité chérie...» (изд. 1833).

272. l'arbre d'Hélène... — Источник — XVIII идиллия Феокрита «Эпиталямий Елены» (*прим. Мильвуа*).

Перевод А. Ф. Раевского — ВЕ, 1821. № 24. С.293. Печ. по: Украинский журнал, 1825. № 2. С.84 (исправленная редакция).

LA NÉRÉIDE. — Впервые — М-1815. В примечании Мильвуа указывает, что его вдохновила «„Элегия в древнем духе“ на смерть терентинской девы — замечательное сочинение Андре Шенье», цитирует со ссылкой на Шатобриана стих. Шенье «Accours, jeune Chromis...» и называет стих. «La Jeune saptive» «настоящей элегией, памятной тем немногим, кто еще читает стихи».

Перевод И. Е. Великопольского — Календарь муз на 1827 год. СПб., 1827. Стихотворения. С.74.

277. ...ноготок... — Известный желтый цветок сего имени (*прим. И. Е. Великопольского*).

LES DERNIERS MOMENTS DE VIRGILE. — Впервые в посмертном изд. 1822 г.

278. **Noble Auguste!... voyage...** — Работая над «Энеидой», Вергилий отправился в Грецию и на побережье Малой Азии, чтобы увидеть место действия поэмы; в Афинах он встретился с императором Августом (оба они некогда учились у риторика Эпидия), и тот, заметив нездоровый вид поэта, взял его на свой корабль. Однако, не доплыв до Неаполя, близ которого находилось его поместье, Вергилий скончался в калабрийском городе Брундизии, откуда его прах был перевезен в Неаполь и погребен при дороге в Позиллипо.

Перевод И. П. Бороздны впервые — ВЕ, 1826. № 6. С.99, с пометой: «1824 мая 22. С. Медведово». Печ. по: Бороздна. С.93, 167, с прим.:

«Напрасно возвращен тобою и богами
Мне уголок земли на отческих брегах!

Это относится к тому времени, в которое поля Кремонские и Мантуанские разделены были между ветеранами. Мантуа сделалась несчастною по причине соседства с Кремоною. Ибо когда в сей последней недоставало земли по числу поселяемых воинов, то для сего отрезаны были и земли Мантуанские, хотя владельцы их держали сторону Августа. Вергилий также лишен был своей наследственной земли; и возвращением оной обязан единственно поэзии, привлекая на него внимание знатнейших вельмож и самого Августа.

Меня не примет он — и чуждыми руками
Я буду погребен в незнаемых полях!..

Вергилий умер на половине пути в Рим, куда следовал он за Августом, возвращавшимся с Востока. Тело поэта перевезено в Неаполь, город, выстроенный на развалинах Партенопы.

Кремоны горестной соседство роковое
Да не страшит моих отческих полей!

Смотри примечание первое.

Когда угасну я, о Альмедон любезный!

Quelques traditions donnent ce nom au dernier hôte de Virgile.
Millevoye.

Сожги ты в жертву Муз сей труд, столь бесполезный.

Вергилий, всегда строгий к собственным произведениям, не успел по желанию своему исправить некоторые места «Энеиды»; почему в ней есть много недоконченных стихов. Он незадолго до смерти своей приказал сжечь сия бессмертную поэму, прославившую золотой век просвещенного Рима; и это бы, верно, было исполнено, если б друзья его *Тукк* и *Варий* не объявили ему, что Август на то не согласен. В предлагаемом стихотворении Мильвуа воспользовался сям случаем, выразивши негодование Вергилия при мысли, что главнейший из трудов его не доведен до того совершенства, к коему он его готовил».

LE BÛCHER DE LA LYRE. — Впервые — М-1815.

282. **Simonide... Théocrite...** — Симонид Кеосский (ок. 556—468 до н. э.) — древнегреч. поэт, «превосходно изображавший горестные чувствования» (*прим. Мильвуа*); Феокрит (кон. IV — 1-я пол. III в. до н. э.) — древнегреч. поэт, создатель жанра идиллии.

Aonie — древнее название Беотии, области в Древней Греции, где находились горы Парнас и Геликон — по древнегреч. представлениям, места обитания муз.

S'exhala... un son mélodieux — «Лирица поэта, приговоренная к сожжению за нескромные песни и поющая сама себе траурный гимн, — разве этот сюжет, облеченный в древнюю форму, не является достаточно новым? Мне показалось, что прощальные слова лиры, пересказанные стихами, будут не лишены очарования: „Novissima verba“» [последние слова. — лат.; Вергилий. Энеида, VI, 231] (прим. Мильвуа).

Перевод Ал. С. Норова — Бл., 1819. № 22. С.197—199. С подп.: «А-р Н ***» и датой: «Москва, 15 мая 1819».

L'ARABE AU TOMBEAU DE SON COURSIER. — Впервые — Moniteur, 22.I.1808 г., под загл.: «Le Tombeau du coursier, chant imité de l'arabe». В М-1815 без последней строфы; в нашем изд. — в первоначальном варианте, который переводил Жуковский.

В примечании Мильвуа писал: «Известно, как привязаны арабы к своим коням и какие услуги оказывают им эти простые и быстрые товарищи кочевой жизни и ратных подвигов» — и ссылался на описания арабских скакунов в ветхозаветной книге Иова (39: 19—25) и трагедии Ж. Ф. Дюсиса «Abufar, ou La Famille arabe» (1796; Акт I. Ст.5).

Перевод В. А. Жуковского впервые — ВЕ, 1810. № 7. С.190, с подп.: «Ж.». Написано в 1809 или 1810 г. Оригинал был распространен в русском читательском обиходе; так, он есть среди переписанных А. А. Воейковой фр. стихотворений (см. прим. Ц: Вольпе в кн.: Жуковский В. А. Стихотворения. Л., 1939. Т.I. С.371). Стих Жуковского также пользовался популярностью; поэт Н. М. Коншин вспоминал, что в ранней юности знал его наизусть (РС, 1897. № 2. С.274). П. А. Плетнев писал Жуковскому 2.III.1845 г.: «Я убежден, что вы [...] даже переводя — лучше самого автора сливаете с поэзией его предстателей. Вот отчего, наприм[ер], Мильвуа так не увлекателен, как вы в Плаче над могилою коня» (Плетнев. Т.III. С.552). Созданная Жуковским оригинальная строфа закрепилась в русской ориентальной поэзии: в IX «Подражании Корану» Пушкина, в «Трех пальмах» Лермонтова (см. вступит. ст.), в стих. П. М. Кудряшова «Влюбленный араб» (Славянин, 1826. № 11; см.: Турбин В. Н. // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С.580), в «Вифлеемских пастырях» С. Е. Раича (СЛ. С.203).

287. **И нежные длани... ласкали.** — Эта сцена, восходящая к подлинному тексту Мильвуа, отразилась в русской поэзии через посредство перевода Жуковского. Ср. у Батюшкова («Пленный», 1814), где возлюбленная героя «...робкою рукой Коня ретивого ласкает», и особенно у Лермонтова в монологе Зары в «Измаил-бее»: «его (т. е. коня. — В. В.) я гладила, ласкала...».

LE MANCENILLIER. — Впервые — М-1815. Образ антильского «древа яда», возможно, заимствован из сочинения миссионера-доминиканца Ж. Б. Дютертра (1610—1687) «Histoire générale des Antilles» (1667. Т.2. Р. 191-193), которое было весьма популярно во Франции в XVIII — начале XIX в.: Шатобриан в «Génie du christianisme» посвятил ему отдельную главу (Ч.IV. Кн.IV. Гл.7).

Перевод В. И. Туманского впервые — НЛ, 1825. Кн.13. № 7. С.60. Предназначался для ПЗ на 1824 год. З.Х.1823 г. К. Ф. Рылеев в письме к Туманскому выражал удовлетворение стих., но сожалел, что «Манценил»

«переведен не пятистопными стихами»; в приписке к тому же письму он сообщил, что цензор А. С. Бируков не пропустил стих, как слишком либеральное (Рылеев К. Ф. Сочинения. Л., 1987. С.306—307).

Туманский опустил последние строфы стих., содержащие счастливую концовку, что усилило антиираническое звучание и трагический колорит стих. (Саводник В. // РВ, 1902. № 2. С.557). То же сокращение текста — в переводе А. Ф. Раевского, на который, возможно, ориентировался Туманский (Заборов. С.123—124).

Приводим опущенные строфы:

Elle disait. Déjà sur sa paupière
Le long sommeil descendait lentement;
Lorsqu'à grands pas, traversant la bruyère,
Soudain parut Zéphaldi son amant.

Il la cherchait. O terreur! sous l'ombrage,
A peine il vit sa belle Zarina,
Qu'il reconnut le funeste feuillage,
Et que d'horreur tout son cœur frissonna.

Il la saisit sous l'arbre solitaire,
Et dans ses bras l'emportant plein d'effroi:
«O Zarina! parle, qu'allais-tu faire?
— Me dérober aux poursuites d'un roi».

Le lendemain la pierre accoutumée
Avait reçu leur serment nuptial;
Et l'humble toit de la hutte enfumée
Faisait envie au pavillon royal.

A leur passage en tumulte on s'élançait;
Et Zéphaldi répétait en chemin:
«J'ai la zagaie, et la flèche, et la lance,
Et tout rival périra de ma main.»

Le roi présent dévore la menace;
Son âme altière est contrainte à fléchir:
Tel un torrent frémit, écume et passe
Au pied d'un mont qu'il ne saurait franchir.

Тема «древа смерти» в русской поэзии развита в «Анчаре» Пушкина, несомненно знакомого и с подлинником Мильвуа, и с «Манценилом» Туманского (осенью 1823 г. Пушкин и Туманский близко общаются в Одессе, и Пушкин через него отправляет свои стихи в ПЗ), однако следов прямого воздействия Мильвуа в «Анчаре» нет.

Перевод А. Ф. Раевского — ВЕ, 1821. № 12. С.274. Печ. по исправленной редакции: Укр. журнал, 1825. № 3. С.173 (с подп.: «А.Р.»).

LE TOMBEAU DU POÈTE PERSAN. — Впервые — М-1815. В основе элегии — судьба Абулькаси́ма Фирдоуси (ок. 940—1020 или 1030), автора эпической поэмы «Шахнаме», не получившего за свой многолетний труд никакого вознаграждения от султана Махмуда Газневида. По преданию, однажды султан прислушался к совету покровителя Фирдоуси визиря Мейменди

и послал поэту вознаграждение, но Фирдоуси накануне скончался, а дочь его отвергла дар султана. В финале стих. Сент-Бёв увидел «пророческий отзвук первых стихов Ламартина» и сравнил его с финалом «Invocation» (см.: Sainte-Beuve Ch. A. Oeuvres. P., 1956. T.I. P. 1035).

Перевод А. А. Крылова — Соревн., 1821. Ч.14. Кн.3. С.299. Читалось в ОЛРС 17.1.1821 г.

Элегия Мильвуа и, возможно, ее переводы Крылова и Д. П. Глебова стимулировали в России интерес к личности Фирдоуси. В «СЦ на 1826 год» (СПб., 1826) была помещена анонимная статья «Фирдоуси» с эпиграфом: «Jamais roses de poésie, / Trésors charmants de grâce et de fraîcheur / De tels parfums n'embaumèrent l'Asie! (Millevoye)» и замечанием: «Его жизнь так необыкновенна и занимательна, что он сам может быть предметом поэмы. Мильвуа его имел в виду, когда писал прекрасную свою элегию: «Le tombeau du poète persan». Ситуация была изложена здесь несколько иначе: поэт получил за свое творение «шесть серебряных тем», в отличие от обещанных золотых; он демонстративно отказался от награды и скрылся, написав «самые обидные стихи на монарха» (эта сатира была опубликована по фр. переводу Журдена в ВЕ, 1815. № 10). Государь, «желая примириться с оскорбленным поэтом», «разослал за ним повсюду в своем государстве»; следы его отыскивались в Тузе, где жил отец Фирдоуси. Везя с собою «драгоценные подарки» «на девяти верблюдах», посланные являются в дом; отец «поднял с ковра покрывало, и предстоявшие увидели, что певец лежал пред ними мертвый. «Щедроты царские не воскресят его», — сказал садовник и, обливаясь слезами, склонился на труп сына своего». Царь в раскаянии «хотел излить свои милости на сестру» поэта, «но она отвергнула все предложения, осталась безбрачною и кончила жизнь близ гроба милого брата».

Современные исследователи, однако, придерживаются той версии легенды, какая использована Мильвуа (см.: Османов М. Н. Фирдоуси. Жизнь и творчество. М., 1959. С.26—27).

Перевод Д. П. Глебова впервые — НЛ, 1825. Кн. XI (февраль). С.93. Печ. по: Глебов. С.35. Прим. переводчика: «Мильвуа почерпнул сию пиэсу из Мальте-Брюна, который в свою очередь подражал г-же Гельмина де Шези, известной своими стихотворениями во вкусе восточных поэтов» (восходит к прим. Мильвуа). В журн. публикации дата: «1816». В этом переводе Глебов вслед за Жуковским стал передавать французский десятистишищник амфибрахийем (Заборов. С.125).

Перевод В. И. Любича-Романовича — Стих. Василия Романовича. СПб., 1832. С.23. Входит в раздел «Восточные стихотворения» с подзаг.: «Из Мильвуа». Эпиграф — из «L'Aveugle» А. Шенье.

LE PAUVRE NÈGRE. — Впервые — М-1815. Перевод Д. П. Глебова — впервые — СО, 1820. № 17. С.219. Печ. по: Глебов. С.39. Прим. переводчика:

«Сие стихотворение, как и предыдущее, помещены автором оных в числе элегий; но, следуя совету многих литераторов, в последнем издании назвал их элегическими песнями. Наружная форма последней песни всего ближе подходит к романсу; но по содержанию совершенно относится к элегии. Впрочем, название не придает внутреннего достоинства стихотворению. Есть много пиэс разного названия, в которых найдется много элегического, и наоборот, много элегий только по названию».

Перевод А. И. Писарева — Каллиопа. Труды благородных воспитанников унив. пансиона. М., 1820. Ч. IV. С.142.

BALLADES. БАЛЛАДЫ

LA FLEUR DU SOUVENIR. — Впервые в альманахе «Baiser d'amour, ou Chansonnier des Grâces», 1812. Перевод В. Л. Пушкина — впервые — РМ, 1815. Ч. II. № 5. С. 265. Печ. по: Пушкин В. Л. Стихотворения. СПб., 1822. С. 159. Вольный перевод.

DIZAINS ET HUITAINS
ДЕСЯТИСТИШИЯ И ВОСЬМИСТИШИЯ

LE FLEUVE D'OUBLI. — Впервые — Les Quatre saisons du Parnasse. Automne, 1808. Цикл «Dizains et Huitains» составлен из стихотворений в духе античных эпиграмм. Перевод Е. А. Баратынского — впервые — НЛ, 1823. Кн. 4. № 19. С. 93, под загл.: «К Лете». В: Баратынский-1827. С. 34, с подзаг.: «Подражание Мильвуа».

ROMANCES. РОМАНСЫ

PRIEZ POUR MOI. — Впервые в посмертном изд. 1822 г. Написано в июле 1816 г., за неделю до смерти. Перевод И. И. Козлова впервые — БдЧ, 1835. Т. 13. Отд. I. С. 6. В: Козлов-1840 несколько строк было отредактировано Жуковским (ст. 9: «Когда ж дубрава обнажится»; ст. 23: «Стою в слезах, к ней взор склоняю»; ст. 31: «Услыша звон под вечер дня»).

ALPHONSE MARIE LOUIS de LAMARTINE,
АЛЬФОНС МАРИ ЛУИ де ЛАМАРТИН
(1790—1869)

Родился в г. Маконе (Бургундия) в семье роялиста. Учился в лионском пансионе Пупье (1801—1802) и иезуитском коллеже г. Белле (1803—1808). По окончании коллежа он живет в Лионе и в отцовском поместье Милли, кутит, много читает и сочиняет стихи (в основном элегии в духе Парни); в 1810 г. становится членом Маконской академии, в 1811—1812 гг. совершает поездку в Италию и в Неаполе знакомится с восемнадцатилетней Антониеллой (Марией Антонией) Иакомино, работницей табачной фабрики, позднее выведенной им под именем Грациеллы в одноименной повести (1849). Узнав о смерти Антониеллы (31 мая 1816 г.), Ламартин создал ряд элегий, вошедших впоследствии в РМ.

В начале первой Реставрации (1814) Ламартин вступает в полк королевской гвардии, однако в ноябре 1815 г., не удовлетворенный службой, подает в отставку. В октябре 1816 г. на водах в Экс-ле-Бене он знакомится с Жюли Шарль (урожд. Бушар дез Эрет, 1784—1817), креолкой, женой знаменитого физика Ж. А. С. Шарля (1746—1823).

Образ этой женщины, умершей 18.XII.1817 г. от чахотки, вдохновил Ламартина на создание основного корпуса РМ, писавшегося зимой 1817—1818 г. В апреле 1819 г. издатель Дидо по просьбе поэта выпустил пробным тиражом несколько элегий (в том числе «L'isolement»), которые, по-видимому, имели успех. 5.I.1820 г. Ламартин заключил с издателем Николем контракт на издание сборника «Méditations poétiques». Это название впер-

вые появляется в его письме к Э. де Вирье от 24.VIII.1818 г.; до этого речь шла просто об элегиях. Среди возможных источников названия — книга англ. писателя Дж. Харви «Meditations» (1746, фр. перевод Летурнера, 1770), книга Вольнея «Ruines, ou Méditations sur les Révolutions des Empires, 1791), а также «Génie du christianisme» и «René» Шатобриана, где глагол méditer — одно из ключевых слов.

Первое издание МР с эпиграфом из Вергилия «Первый Юпитеру стих...» (Буколики, III, 60) поступило в продажу 11.III.1820 г. Вышедшее анонимно тиражом 500 экз., оно разошлось в десять дней. Второе издание, с именем автора, вышло 10.IV.1820 г. тиражом 1500 экз. и разошлось в две недели. Успех был так велик, что два года спустя, 28.XII.1822 г., вышло уже девятое издание МР, а в 1831 г. они были изданы в девятнадцатый раз.

В марте 1820 г. Ламартин получает назначение атташе фр. посольства в Неаполе, а 6 июня того же года женится на англичанке Мэри-Энн-Элизе Берч и отбывает в Италию. Во Францию супруги вернулись в октябре 1821 г. 15.II.1823 г. Ламартин заключает с издателем У. Канелем договор на издание нового сборника, куда, кроме стихов 1820—1823 гг., вошли и некоторые юношеские стихотворения. NMP вышли в свет между 22 и 25.IX.1823 г.; второе издание, с иным расположением стихов, вышло в конце декабря того же года. Эпиграфом служило окончание той строки Вергилия, что предвляла первый сборник: «...все полно Юпитером, Музы!» NMP не имели такого успеха, как первый сборник. Ламартин впоследствии объяснял это тем, что они не имели для читателей прелести новизны; сыграло свою роль и то, что к этому времени уже вышли в свет первые произведения новых поэтов — А. де Виньи, В. Гюго.

В 1849 г. в так называемом «Издании по подписке» (Edition des Souscripteurs) Ламартин дополнил МР одиннадцатью новыми стихотворениями, а NMP — двумя и снабдил оба сборника единым обширным предисловием и комментариями автобиографического характера.

Ламартину принадлежат также стихотворные сборники «Harmonies poétiques et religieuses» (1830) и «Recueils poétiques» (1839), поэмы «Jocelyn» (1836) и «La Chute d'un ange» (1838), исторические труды о Революции и Реставрации, многотомное историко-литературное сочинение «Cours familier de littérature» (1856-1869) и проч. С 1830 г. он — член Французской академии, с 1833 г. — член палаты депутатов, либеральный монархист и сторонник умеренных реформ. В 1848 г. — министр иностранных дел и глава Временного правительства, своим бездействием способствовавший падению республики. При II империи в знак несогласия с новым режимом отказывается от политической деятельности и полностью посвящает себя литературе.

Текст печатается по изд.: Lamartine A. de. Oeuvres poétiques complètes. P., 1963. МР воспроизводятся в том порядке, в каком они расположены в 9-м изд., куда вошли 4 новых стихотворения; NMP — в том порядке, в каком они расположены во 2-м изд. 1823 г. В комментариях использованы примечания Г. Лансона (Lamartine-1915) и Ф. Летессье (Lamartine-1968).

MÉDITATIONS POÉTIQUES ПОЭТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

I. L'ISOLEMENT. — Написано в августе 1818 г. в Милли. В 1849 г. Ламартин назвал источником стих. сонеты Петрарки, однако более вероятные его источники — английская «кладбищенская поэзия», наиболее ярко пред-

ставленная «Элегией, сочиненной на сельском кладбище» (1751) Т. Грея, и поэмы Оссиана (см.: Poplavsky T. A. von. L'Influence d'Ossian sur l'œuvre de Lamartine. Heidelberg, 1905).

304. **Mais à ces doux tableaux mon âme indifférente...** — Сходные чувства испытывает Вертер (см.: Гёте И. В. Собр. соч.: В 10 т. М., 1978. Т.6. С.71).

306. **Un seul être vous manque...** — П. А. Вяземский назвал эту строку одной из «меланхолических аксиом», наиболее ценных русскими почитателями и особенно почитательницами Ламартина (Вяземский. Эстетика. С.119—120). Наиболее вероятные из ее источников — элегия Н. Ж. Леонара «L'Absence» (1770) и «Julie, ou La Nouvelle Héloïse» Ж.-Ж. Руссо (Ч.IV, письмо 6). С этим романом (Ч.II, письмо 13) связана и следующая строфа стих.

Vague objet de mes vœux... — Строка восходит к «Génie du christianisme» Шатобриана — (Ч.II. Кн. III. Гл.9) — одной из книг, потрясших Ламартина в юности.

...semblable à la feuille flétrie — Мотив опавших листьев восходит, вероятно, к одноименной элегии Мильвуа.

Emportez-moi... orageux aquilons! — Реминисценция из повести Шатобриана «René», заглавный герой которой призывает «грядущие ураганы» унести его в мир иной.

Перевод Ф. И. Тютчева впервые: РИ, 1822. № 68. 17.III. С.271, с подп.: «Н.Тчв.» и подзаг.: «Из Ламартина»; затем — Труды МОЛРС, 1822. Ч.2. Кн.4. «Соч. в прозе и стихах». С.204, 231; Соревн., 1822. Ч.18. Кн.3. С.346, с подп.: «Н.Тчв.». Публикация в РИ в тютчевские не учтена, история ее не вполне понятна. Уже после ее появления стих. было прочитано в МОЛРС С. В. Смирновым (18.III. 1822 г., под загл.: «Уединение»), а также — 20.III. — в Петербурге, на заседании ОЛРС (одобрено «большинством голосов» — 12 против одного, с рекомендацией «исправить»). Представил перевод А. О. Корнилович; сам Тютчев был в Петербурге, но на заседании не присутствовал. Возможно, что издатель РИ А. Ф. Воейков получил стихи от самого Тютчева (может быть, при посредничестве общих знакомых: А. И. Остермана-Толстого или Жуковского, знавшего Тютчева еще в детские годы, — см.: БЗ, 1858. № 22. С.678) и поспешил напечатать, пока готовились чтения в литературных обществах. Текст РИ близок к окончательной редакции; он более поздний, чем текст Трудов МОЛРС и Соревн. Отзыв о переводе дал И. М. Снегирев в ОЗ: «Нельзя было не заметить очень хороших стихов «Уединение», соч. г. Тютчева, юного многообещающего поэта» (1822. Ч.10. № 25. Май. С.279); это был первый отклик в печати на стихи Тютчева. Название «Уединение» — может быть, первоначальный вариант авторского заглавия. Перевод вольный, конец сильно сокращен. См.: Сурина Н. // Поэтика. Л., 1927. С.149—151; Пигарев К. Жизнь и творчество Тютчева. М., 1962. С.35—36; Осповат А. Л. // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1986. Т.45. № 4. С.350—351.

Перевод В. Н. Григорьева — Бл., 1821. № 15. С.154. Читалось в ОЛСНХ 1.IX. 1821 г.

Перевод И. П. Бороздны — впервые — ВЕ, 1823. № 13—14. С. 15. С подзаг.: «Элегия из Ламартина» и пометой: «1822 г. Февраль 8. Москва». Печ. по: Бороздна. С.19. В огл. подзаг.: «Из Ламартина».

Перевод Н. А. Полевого — НА на 1825 год. СПб., 1825. С.30 (ценз. разр. 4.XII. 1824 г.).

Перевод П. А. Межакова — впервые — Бл., 1824. № 8. С.117, с подп.: «П.М-в». Печ. по: Межаков. С.15.

Перевод А. И. Готовцевой — СО, 1826. № 5. С.107. Помета: «1825 года, Кострома».

Перевод Р. И. Дорохова — Укр. журнал, 1825. № 10. С.219, с подп.: «Р.Д.» и пометой: «Чугуев». Об авторстве см.: Лосієвський І. Я. // Рад. літературознавство, 1985. № 6. С.49.

Перевод М. М. Меркли — впервые — ДЖ, 1833. № 10. С.156. Печ. по: Меркли. С.39.

Существуют также переводы, сделанные А. А. Волковым (ДЖ, 1833. № 31. С.77) и анонимными переводчиками (СЦ на 1827 год. СПб., 1827. С.318, с подп.: «I...8...»; Венок граций. Альманах на 1829 год. М., [1828]. С.172). В 1822—1823 гг. в ОЛРС представлялись переводы С. И. Висковатова и Ф. М. Рубца.

II. L'НОММЕ. — Написано в сент.-окт. 1819 г. Ламартин впервые прочел Байрона осенью 1818 г. Наибольшее впечатление на него произвела драматическая поэма «Манфред» (1817); в частности, характеристика Байрона в начале стих. Ламартина близка к словам аббата о Манфреде (Акт. III. Сц. I): «Царит в нем страшный хаос: свет и мрак, / Возвышенные помыслы — и страсти» (пер. И. Бунина). Интерес Ламартина привлекало и «Паломничество Чайльд Гарольда» (в 1825 г. он выпустил поэму «Le Dernier chant du Pèlerinage de Childe Harold»). Ламартин выступает против байронского богоборчества, против «сатанинской поэзии», но неприятие переплетается с искренним восхищением мощью таланта Байрона и его бунта. Аргументами против Байрона служат Ламартину многочисленные философско-поэтические клише, почерпнутые из «Опыта о человеке» (1734) А. Попа, «Ночных размышлений» (1742—1745) Э. Юнга, «Роème sur le désastre de Lisbonne» (1756) Вольтера, «De la Religion» (1742) Л. Расина и пр. Упоминание Сатаны восходит к книге II «Потерянного рая» (1667) Мильтона; представление о человеке как боге, низвергнутом с небес, но смутно помнящем о своем великом происхождении, — к «Мыслям» Паскаля (изд. 1670). Своеобразие позиции Ламартина в том, что христианское представление о греховности человека и усвоенную от Ф. Р. де Ламенне (автора книги «Essai sur l'indifférence en matière religieuse», t. 1 — 1817) убежденность в бессилии разума без веры он соединяет с действительным оптимизмом в духе «предустановленной гармонии» Лейбница и просветительской верой в бесконечное совершенствование человека.

Байрон был возмущен тем, что некий молодой француз назвал его «певцом ада» (см. его письма к Т. Муру от 1.VI и 13.VII. 1820), но позже, в 1821 или 1822 г., когда Т. Медвин перевел ему стих. Ламартина целиком, оценил его поэтическое мастерство.

308. ...*l'oiseau qui chante ses douleurs...* — Эта перифраза толкуется двояко: либо соловей-Филомела (ср.: Вергилий. Буколики, IV, 511—515), либо лебедь (так в переводе Полежаева). Противопоставление орла как эмблемы жизни деятельной и лебедя как эмблемы жизни созерцательной — тема стих. А. В. Шлегеля «Мелодии жизни», переведенного г-жой де Сталь в книге «De l'Allemagne» (1810, изд. 1813; ч. II. Гл. 13); эта символика впоследствии широко разрабатывалась фр. поэтами 1820-х гг. В XVIII в. бытовали иные представления, и лебедю мог быть уподоблен любой поэт (ср. у Парни в стих. «Dialogue entre un poète et sa Muse», 1780, определение *cugne mélodieux* применительно к Вольтеру).

Athos — Афон, гора в Македонии; у древних синоним устрашающей вершины (ср., напр.: Вергилий. Энеида, XII, 701).

310. *...répandu la poussière... semé... la lumière...* — реминисценция из «De la Religion» (I, 55—56) Л. Расина.

...faible atome emporté... (ср. также ниже: *atome pensant*) — реминисценция из Вольтера, который употребляет слово «атом» в значении «человек»; см.: «Discours sur l'homme», «Poème sur le Désastre de Lisbonne» и др.

L'insecte vaut un monde... — реминисценция из «De la Religion» (I, 149 и след.) Л. Расина.

314. *ce ciel d'airain* — реминисценция из Ж. Расина (Гофолия. Акт. I. Сц.1).

316. *Le néant te salue en naissant...* — Возможно, парафраза знаменитой римской формулы: «Ave, Caesar, morituri te salutant» (Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. Жизнь Клавдия, XXIII).

...ton ombre... — Ср. ниже: «La Providence à l'Homme»: «Ce soleil éclatant, ombre de ma lumière»; образ солнца как тени бога присутствует в «Манфреде» Байрона (Акт III. Сц.2) и в поэме фр. поэта Ш. Ж. Шендоле «Le Génie de l'Homme» (1807, песнь III). Кроме того, сам Ламартин в «Histoire des Constituants» (1855) ссылается на предсмертные слова Мирабо, который, указав на сияющее солнце, сказал: «Если это не Бог, то, без сомнения, его тень».

318. *J'ai crié, tu n'as pas répondu...* — парафраз основных мотивов Книги Иова.

Русскому читателю стих. Ламартина стало известно уже осенью 1820 г.: 22.IX будущий цензор К. С. Сербинович записал в дневнике: «Читаю Пушкина и Lamartine à Вурон» (ЛН. Т.58. С.249). Интерес к нему усилился после смерти Байрона в 1824 г., вызвавшей широкий резонанс в русской литературе. В 1825 г. Пушкин цитирует стих. Ламартина в письме Вяземскому (от 13.VII — Пушкин. Т.XIII. С.187). Концепция стих. соотносилась с идеями, распространявшимися и в русской критической литературе. В 1856 г. А. А. Григорьев указывал на него как на единственное, где поэт «признал в Байроне то, чем Байрон хотел казаться, — поэтического сатану» (Григорьев А. А. Эстетика и критика. М., 1980. С.72).

Перевод А. И. Полежаева впервые — Урания. С.269 (ценз. разр. 26.XI. 1825). Этот перевод Белинский считал лучшим из всех переводов Полежаева из Ламартина (Белинский. Т.I. С.78). Перевод М. П. Вронченко — печ. впервые по автографу ИРЛИ (19453/СХХХ6.I). Переведена только часть стих.

III. A ELVIRE. — Написано, вероятно, в 1814 г. Посвящено Антонилле Иакомино. В составе МР начиная с 9-го изд. Тема поэта, дарующего бессмертие тем, о ком он пишет, — поэтическое клише со времен античности. О происхождении имени Эльвира бытуют разные предположения; источник его находят у Оссиана (искаж. Эвиралин — имя жены легендарного барда), у Экушара-Лебрена («Elvire et Azor»), у Парни («Coup d'œil sur Cythère»).

322. *Anio* — Аниен, река в Сев. Италии, на которой стоял г. Тибур (ныне Тиволи).

Cinthie — Кинфия, поэтическое имя возлюбленной Проперция, просившей похоронить ее на берегу Аниена (Элегии, IV, 7).

Vaucluse — Воклюз, поместье близ Авиньона, где периодически жил Петрарка.

Eléonore — Элеонора д'Эсте, сестра феррарского герцога Альфонса II, возлюбленная Т. Тассо.

324. *maître de la lyre*. — По мнению П. М. Массона (1913), имеется в виду Парни.

...*comme tout change ou meurt dans la nature?* — Ср.: Гораций. Оды, IV, 7.

...*l'engloutit tout entière...* — возможно, реминисценция (от противного) из Горация (Оды, III, 30, 6).

Перевод П. Г. Сиянова — впервые — Славянин, 1830. № 6. С. 461—462. Перевод А. А. Волкова — МТ, 1825. № 6. С. 89. Печ. по: Сочинения в прозе и в стихах. Труды ОЛРС. Ч. VI. М., 1826. С. 244. Перевод И. П. Бороздны — Бороздна. С. 45.

IV. *LE SOIR*. — Написано, вероятно, в мае-июне 1819 г., одновременно со стих. «*Le Souvenir*». Восьмисложные четверостишия — популярный размер фр. «чувствительной» поэзии; популярна здесь была и тема возвращения возлюбленного или возлюбленной после смерти.

Перевод Н. Грекова — впервые — МТ, 1825. № 22. С. 161. Перевод В. Н. Григорьева — Бл., 1822. № 7. С. 275. Перевод И. П. Бороздны — ВЕ, 1824. № 11. С. 224. Помета: «С. Медведов. 1823 года 16 декабря». Перевод А. Н. Глебова — НА на 1826 год. СПб., 1825. С. 73. Перевод А. И. Полежаева — Полежаев-1832. С. 125. Вольный и сокращенный перевод. Перевод М. М. Меркли — ДЖ, 1833. № 49—50. С. 137. Печ. по: Меркли. С. 14. Существует также перевод П. Г. Сиянова «Вечер. (Из Ламартина)» (В альбом княжне Ал... Евгр... Мышецкой) // Славянин, 1828. № 24. С. 428. Помета: «Дехтярна».

V. *L'IMMORTALITÉ*. — Написано в середине ноября 1817 г., незадолго до смерти Жюли Шарль, и тогда же послано ей в письме. В числе источников — «Федон» Платона, «Мысли» Паскаля (194-я мысль по классификации Бруншвига), «Ночные размышления» Юнга, монолог Катона из одноименной трагедии Дж. Аддисона (1713), переведенный Вольтером («*Lettres philosophiques*», письмо 18); «*Profession de foi du vicaire savoyard*» и «*Julie, ou La Nouvelle Héloïse*» Руссо (см., напр., последнее письмо Юлии к Сен-Пре).

330. *Ô moitié de ma vie!* — См. прим. к Бертену (I, VI). С. 624.

332. *le troupeau d'Epicure* — слова Горация (Послания, 1, 4, 16); Эпикур (341—270 до н. э.) считал, что душа материальна и смертна.

...*du cerveau nouvellement décrit...* — намек на Франца Йозефа Галля (1758—1828), создателя френологии (в апреле 1813 г. Ламартин писал своему другу Э. де Вирье, что собирается слушать лекции Галля в парижском Атенее). В более широком смысле Ламартин подразумевает взгляды философов-«идеологов», убежденных материалистов.

...*quand je verrais dans les célestes plaines...* / *Seul je serais debout...* — Ср.: Гораций (Оды, III, 3, 7—8); вторая из этих строк Горация — эпиграф к XIX стих. МР «*Le Génie*».

334. ...*la nature est ton temple!* — Ср.: А. Поп, «Всеобщая молитва» (1738, фр. пер. Лефрана де Помпиньяна, 1739), «*De la Religion*» Л. Расина и «Ночные размышления» Юнга в переводе Летуэрнера (ночь XX). Ламартиновское восприятие мира как храма имеет немало общего с пантеизмом, чуждым ортодоксальному католицизму (в 1836 г. поэма Ламартина «*Jocelyn*» была внесена Римской курией в список запрещенных книг именно за близость к пантеизму).

Перевод Ал. Норова — впервые — НЛ, 1824. Октябрь. С. 181, с подп.:

«Норов младший». Посвящено, по-видимому, Авр. С. Норову (менее вероятно — В. С. Норову, будущему декабристу). Перевод Д. И. Хвостова — Полн. собр. стих. графа Хвостова. Переводы. СПб., 1830. Т. 6. С. 68. Читалось в ОЛРС 23. V. 1821 г.

VI. LE VALLON. — Начато, вероятно, в августе 1819 г. в Эксе, окончено в сент.-окт. того же года в Милли.

338. *J'ai... trop aimé dans ma vie...* — Ср.: Парни. *Poésies érotiques*, IV, XIV.

L'amour seul est resté... — Ср.: Парни. *Poésies érotiques*, IV, XI (см. коммент. к этой элегии).

340. *...l'écho qu'adorait Pythagore...* — Учение Пифагора (2-я пол. VI в. — нач. V в. до н. э.) проповедовало веру в музыкально-математическое устройство космоса и считало игру на лире способом приобщения к гармонии вселенной. Ламартин мог заимствовать эти сведения из стихотворного «*Essai sur l'astronomie*» (1789, изд. 1807) Ж. П. Л. де Фонтана и из «*Génie du christianisme*» Шатобриана (Ч. II. Кн. III. Гл. 4).

Мотивы этого стих., по-видимому, отразились в стих. Пушкина «Я возмужал среди печальных бурь» (1834). См.: Мерлин В. В. // ВПК. Вып. 20. Л., 1986. С. 174—177.

Перевод А. П. Буниной — Соревн., 1823. Ч. XXIV. Кн. 2. С. 159. Читалось в ОЛРС в 1823 г. Перевод П. Межакова впервые — Памятник отечественных муз... на 1828 год. СПб., 1828. С. 252 (ценз. разр. 21. XII. 1827). Печ. по: Межаков. С. 43. Метроритмическая форма восходит, по-видимому, к «Песне» («Отымает наши радости...»; опубл. 1822) В. А. Жуковского (перевод стих. Байрона «Стансы на музыку»). Существует также перевод А. А. Волкова (ДЖ, 1833. № 27. С. 13).

VIII. LA PROVIDENCE À L'HOMME. — 27. V. 1819 г. Ламартин писал графу де Сен-Мори, что накануне «против воли» (согласно автокомментарию 1849 г., по настоянию матери) закончил стих., где восславляет провидение, — опровержение «*Ode sur le malheur*», написанной сразу после смерти Жюли Шарль и вошедшей в МР под номером VII и заглавием «*Le Désespoir*». Во 2-м издании МР эти два стих. разделяла страница, где автор называл их «наброском поэмы об Иове» (в обоих стих. много реминисценций из Книги Иова). История Иова — человека, возроптавшего на Бога, близка Ламартину, поскольку его часто посещали сомнения в разумности миропорядка и доброте создателя. Его вера — «очищенное христианство» в духе Руссо, эмоционально окрашенный деизм, чуждающийся официальной религии. В период создания МР Ламартин — человек неверующий, но тянувшийся к вере (анализ такого душевного состояния, оказавший на Ламартина огромное влияние, дан в «*Essai sur l'indifférence...*» Ф. Р. де Ламенне).

Русский перевод «Отчаяния» не обнаружен; возможно, его и не существовало.

Перевод А. И. Полежаева — впервые — Полежаев-1832. С. 85, с цензурной купурой с. 54—58. Точная дата создания перевода не установлена. В сб. 1832 г. помещено перед стих. «Провидение» (1828), в котором звучит тема «отчаяния», приводящего героя на грань самоубийства; как и «*Le Désespoir*» Ламартина, оно содержит мотив вызова божеству, но заканчивается темой просветления и выхода из кризиса. «Провидение» — оригинальное стих. Полежаева; тесно связанное с другими стихами 1828 г. («Ожесточенный», «Осужденный», «Живой мертвец») со сквозной темой атеизма, одержимости «демоном» и пр. Возможно, что в изд. 1832 г. Полежаев

произвел циклизацию стихов вслед за Ламартином и по его модели, но с иной духовной биографией лирического героя (см. вступит. ст. С. 47—48).

Перевод Н. И. Надеждина — ВЕ, 1828. № 8. С. 293.

IX. SOUVENIR. — Написано в мае-июне 1819 г.; по размеру, колориту и кругу источников и ассоциаций близко к «Le Soir».

Перевод П. А. Вяземского впервые — НА на 1826 год. СПб., 1825. С. 85. Печ. по: Вяземский. Т. III. С. 417. Датируется 1820 г.; первый известный перевод элегий Ламартина на русский язык. 12. XII. 1820 г. Вяземский, находясь в Варшаве, просил А. И. Тургенева вернуть ему список этого стих. (ОА. Т. II. С. 119).

Перевод П. Г. Волкова — Бл., 1823. № 16. С. 264. Перевод А. Д. — ВЕ, 1825. № 21. С. 3—6. Помета: «1824 г. Декабря 30. С. Г.». Переводчик не установлен. Перевод И. Е. Великопольского — СЦ на 1827 год. СПб., 1827. С. 307. Существует также перевод Н. Карцева «Воспоминание. (Подражание Ламартину)» // Атений, 1829. № 4. С. 398, и более поздний перевод Траума (И. Бочарова) — БдЧ, 1838. Т. 29. С. 7. Первую строфу варьировал В. И. Туманский («Моя любовь», 1824).

XI. L'ENTHOUSIASME. — Две первые строфы написаны в 1817 г.; ими начинался первоначальный вариант медитации X «Ode» (или «Ode aux Français»); остальные — в 1819 г. Стих. написано традиционным одическим размером; по последнему авторскому определению — ода. Отсюда многочисленные классические клише и реминисценции, почерпнутые из Горация, Вергилия и, особенно, из оды Ж.-Б. Руссо «Au comte De Luc» (Odes, III, 1), а также из стихов Фр. Мануэля де Нашименто (см. коммент. к «La Gloire»). Однако содержание стих. — элегическое, на что указывает, среди прочего, полемика с классиком жанра оды Пиндаром в стихах 41—50. Слово «энтузиазм» в 1810-е гг. было ключевым в трудах Ж. де Сталь и ее единомышленников, где означало бескорыстный порыв души к идеалу. Ламартин употребляет его в более классическом значении — как творческий восторг, вселяющийся в поэта, создающего оду; ср. вселение бога в душу жрицы-прорицательницы у Вергилия (Энеида, песнь VI) и чувства одического поэта у Буало в «Ode sur la prise de Namur» (1693): *sainte ivresse* у Буало и *sainte horreur* у Ламартина.

352. *Ainsi, quand l'aigle du tonnerre...* — Первая строка повторяет начало оды Горация «К Риму» (IV, 4), содержание которой, однако, далеко от стих. Ламартина; начинать оду со сравнения вошло в традицию со времен Пиндара (см.: Гаспаров М. Л. // Пиндар. Вакхилид. Оды. М., 1980. С. 366—372).

356. *Eryx... Styx...* — Эрикс (ныне Сан-Джулиано), гора на о. Сицилия, названная, согласно преданию, по имени сына Венеры Эрикса. У Гомера (Илиада, I, 44—46) Аполлон спускается в гневе с горы, но не с Эрикса, а с Олимпа. Упоминание Стикса — результат контаминации с мифом об Ахилле, которого окунали в воды Стикса, дабы сделать неуязвимым.

...*Memnon...* — Сравнение поэта с египетской статуей Мемнона, издающей мелодичные звуки под лучами восходящего солнца, — настолько традиционный образ, что Мольер, создавая пародию на прециозный стиль, вложил его в уста комического персонажа Тома Диафуаруса (Мнимый больной, 1673. Акт II. Сц. 5).

La gloire est le rêve d'une ombre... — Сознательная реминисценция из Шекспира: «самая сущность честолюбца — всего лишь тень сна!» (Гамлет. Акт II. Сц. 2; пер. Б. Л. Пастернака); ср. сходное определение славы со

ссылкой на Шекспира в письме Ламартина к Женуду от 26. VI. 1819 г.

Перевод Д. И. Хвостова — Полн. собр. стих. графа Хвостова. Переводы. СПб., 1830. Т. 6. С. 75. Читалось в ОЛРС 6. II. 1822 г. Перевод Д. И. Новикова впервые — Славянин, 1828. № 10. С. 384, с подп.: «Дм... й Н.... в» и пометой: «Москва». Печ. по: [Новиков Д. И.] Песни золотого рожка. Отысканная рукопись неизвестного сочинителя. М., 1828. С. 29. В огл.: «Из Ламартина, вольный перевод». Переведено (очень вольно) немногим более половины стих., причем опущена или изменена очень существенная для его концепции часть, содержащая противопоставление поэтов одержимого вдохновением и спокойно-«бесчувственного». Апология «Дружбы», характерная для эпигона сентиментальной элегической школы, прямо противоречит тексту Ламартина (ср.: «Je veux le garder pour aimer» и «Люви восторг мой не отдам» в русской вариации). Строки «Son enthousiasme paisible ~ Ne retombe jamais du ciel» цитировал Кюхельбекер как характеристику элегического поэта («О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие», 1824; см.: Кюхельбекер. С. 454—455).

XII. LA RETRAITE. — Написано в конце августа 1819 г. в составе МР начиная со 2-го изд. Посвящено Ясенту Рамберу, барону де Шатильону (1758—?). Согласно позднейшему автокомментарию, Ламартин и двое его друзей, катаясь на лодке, были застигнуты бурей и оказались на острове, в замке г-на де Шатильона, с которым прежде не были знакомы. Некоторые мотивы этого стих., адресат которого — философ-эпикурец, носитель традиций XVIII в., близки пушкинскому посланию «К вельможе» (1830). Ср.: L'azur calme et serein du beau soir de ta vie — Свой долгий ясный век...; Tu vois qu'... en cet univers / Dans un ordre éternel tout passe et rien ne change... — И видишь оборот во всем кругообразный; ...rien, excepté nos amours, / N'y mérite un regret du sage... / cet heureux coin de terre / Renferme tes amours, tes goûts et tes plaisirs — Ты понял жизни цель: счастливый человек, для жизни ты живешь..., и наконец, венчающий оба стихотворения образ пристани, позволяющей на время укрыться от тягот жизненного пути.

358. ...sots préjugés que l'erreur déifie... — Обращаясь к представителю «века Просвещения», Ламартин охотно употребляет понятия, широко распространенные в эпоху Вольтера: «предрассудки», «заблуждения», «светоч наук» и проч.

...secret ignoré du vulgaire... — Ниже Ламартин перечисляет приметы горацанского идеала уединенной счастливой жизни в «уголке» на лоне природы.

Перевод И. П. Бороздны — впервые — МГ, 1826. № 3. С. 119. Помета: «Село Медведов. 1825 г. Июля 18». Посвящен Г. Г. Кулябке-Корецкому, адресату нескольких стих. Бороздны. Перевод Д. П. Глебова — Лит. музеум на 1827 год. М., 1827. С. 272 (ценз. разр. 28. XII. 1826 г.). Печ. по: Глебов. С. 251. Существует перевод А. А. Волкова (ДЖ, 1838. № 48. С. 121).

XIII. LE LAC. — Написано в сент. 1817 г. в Эксе, на берегу озера Бурже, где Ламартин через год после знакомства с Жюли Шарль тщательно ждал ее приезда. Тема возвращения поэта в места, где он некогда был счастлив, распространена в элегической поэзии (см., напр., «Élégie IX» Парни), однако основной литературный источник стих. Ламартина — «Julie, ou La Nouvelle Héloïse» (Ч. IV, письмо 17).

362. l'océan des âges — поэтическое клише 2-й пол. XVIII в.; см., напр., у Леонара в «Les Saisons» (песнь 2) и у Мануэля (см. о нем коммент. к «La Gloire»).

O Temps! suspends ton vol... — цитата из последней строфы широко известной (в том числе и в России) «Ode sur le temps» (1762) А.-Л. Тома (1732—1785).

364. **Aimons donc...** — Традиционный эпикурейский мотив (ср. «A mes amis» Парни), восходящий к Горацию (Оды, I, 9 и I, 11). Впрочем, эта же тема активно разрабатывалась и в христианской религиозной традиции (см.: Lamartine-1968. P. 557-558).

Tout dise: Ils ont aimé! — Возможно, реминисценция из «Poésies érotiques» (II, 12) Парни. Влияние последней строфы различимо в творчестве В. Гюго («Chant du crépuscule», XXIV; «Les Rayons et les ombres», XXXIV) и А. де Мюссе («Souvenir»). Мюссе засвидетельствовал популярность «Le Lac» в стих. «Lettre à M. de Lamartine» (1836): «Qui de nous, Lamartine, et de notre jeunesse, / Ne sait par cœur ce chant, des amants adoré, / Qu'un soir, au bord d'un lac, tu nous as soupiré?»

Перевод М. П. Вронченко печ. впервые по автографу ИРЛИ (19.453 / СХХХб. I). Помета: «Ост. 1822. Май».

Перевод И. И. Козлова — впервые — СО, 1821. № 49. С. 127, с подп.: «И. К-ъ» и примеч. издателей: «Не надобно, кажется, сказывать почтенным читателям «С<ына> О<течества>», что сие прекрасное стихотворение есть подражание Ламартину и написано меланхолическим певцом элегии *К Светлане*, напечатанной в № 44 нашего журнала. Сладость стихов и глубокое чувство горести сохранено в переводе страдальцем-поэтом». «Ночь на реке» — одно из первых известных стихотворений Козлова и первое его обращение к Ламартину; в свой сборник 1833 г. поэт его не включил. Перевод посвящен Александру Ивановичу Тургеневу (1784—1845), близкому другу Жуковского, Вяземского, А. А. Воейкова («Светлана»), Пушкина и самого Козлова; в ноябре или декабре 1821 г. Тургенев послал его Вяземскому (ОА. Т. II. С. 230, 520).

Перевод А. А. Волкова — МТ, 1825. № 8. С. 279.

XIV. **LA GLOIRE.** — Написано между концом дек. 1816 и нач. мая 1817 г. Посвящено Франсиско Мануэлю де Нашименто (1734—1819), португальскому поэту, переводчику Мильтона, Попа, Лафонтена, Мольера, Вольтера. В 1788 г. он был арестован инквизицией, но сумел бежать во Францию и до самой смерти жил в Париже, где с ним и познакомился Ламартин. 19. XII. 1817 г. Ламартин читал в Маконской академии «La Gloire», а 28. III. 1818 г. — свою заметку о Мануэле. Под загл.: «Stances à un poète portugais exilé» «La Gloire» впервые опубл. в 1818 г. в 5-м томе собр. соч. Мануэля (Париж, 1817—1819, т. 1—11, на португ. яз.; однотомник Мануэля во фр. пер. А. Сана вышел в Париже в 1808 г.). Тема стих. (противопоставление славы земному благополучию) и рисунок строфы восходят к стихам Мануэля.

366. **filles de Mémoire** — музы, дочери богини памяти Мнемосины.

...ce vieillard — Гомер.

Le Tasse, brûlé d'une flamme fatale... — Несчастливая любовь к Э. д'Эсте (см. коммент. к с. 322) привела Т. Тассо к душевному заболеванию; в 1579—1586 гг. он находился в Феррарской лечебнице для душевнобольных.

368. **la palme triomphale.** — Папа римский Климент VII решил в честь Тассо возобновить древний обычай короновать поэтов на Капитолии, однако Тассо скончался совсем незадолго до церемонии.

Перевод М. П. Загорского — впервые — ПЗ на 1824 год. СПб., 1824. С. 194 (ценз. разр. 20.XII.1823 г.).

XVI. **LA PRIÈRE.** — Начато в июле 1819 г., когда Ламартин гостил в

г. Шамбери (Савойя); закончено, по-видимому, в сент.-окт. того же года. В стих. проповедуется религия «сердца и разума». Один из главных источников — «Всеобщая молитва» (1738) А. Попа. Тема заката, пробуждающего меланхолию и религиозное воодушевление, характерна для англ. «кладбищенской поэзии»; во Франции она была развита Ж.-Ж. Руссо, Бернарденом де Сен-Пьером, Шатобрианом и к нач. XIX в. стала своеобразным клише (ср. поэмы Ж. Ф. Мишо «Le Printemps d'un proscrit» (1803), Г. Легуве «Mélancolie» (1798) и др.).

370. **mon intelligence** — зд. не рассудок, но чутье, «ум сердца».

Ame de l'univers, Dieu, père, créateur... — Ламартин, понимавший религиозное чувство неортодоксально, соединяет пантеизм с деизмом.

372. **Sans avoir besoin d'entendre ta parole** — мысль, близкая руссоистскому исповеданию веры, согласно которому человек не нуждается в священных книгах, поскольку творец запечатлел все свои заветы в Природе.

...**de remonter à sa source enflammée.** — Образ души, стремящейся к небу, восходит к Платону (ср. коммент. к «L'Immortalité»), ср. также «Génie du christianisme» (Ч. I. Кн. VI. Гл. I) Шатобриана. Идея *огненного* происхождения души восходит, вероятно, к «Ночным размышлениям» Юнга (пер. Летурнера, ночь XII).

...**quand la nuit... / Mon âme, de plus près, adore ta présence...** — Тема, подробно развитая в «Ночных размышлениях» Юнга (пер. Летурнера, ночь XII).

Перевод Д. П. Глебова — впервые — НЛ, 1823. № 35. С.140, с подп.: «-ов» и подзаг.: «Подражание Ламартину». Печ. по: Глебов. С. 7. В книге прим. переводчика: «Сие стихотворение по своему содержанию, без сомнения, принадлежит к духовным элегиям; оно заимствовано мною из Ламартина. Глубокие чувствования, высокие мысли, сила выражений суть неоспоримая принадлежность автора «Поэтических размышлений». Жаль только, что в порыве пламенного воображения он увлекался; но сия пиеса проникнута небесным упованием истинного христианина. В сем слабом подражании я старался, сколько мог, сохранить главное основание подлинника» (С. 279).

Перевод С. Гельфрейха — Опыты в словесности. С. 241.

XVII. INVOCATION. — Написано в окт. 1816 г. в Эксе, после знакомства с Жюли Шарль. Толчком к созданию стихотворения послужила фраза о женщинах, которые кажутся сосланными на землю с небес, записанная другом Ламартина Луи де Винье в блокнот Жюли 20. X. 1816 г. Любовь ангела к смертному существу, присутствующая здесь на уровне метафоры, сделалась вскоре сюжетообразующей в романтической литературе (ср. поэмы Т. Мура «Любовь ангелов», 1823, и А. де Виньи «Елоа», 1823).

Перевод И. П. Бороздны — Бороздна. С. 51. В огл. подзаг.: «Из Ламартина». Перевод В. Н. Григорьева — Бл., 1821. № 17 и 18. С. 263, с подп.: «С франц. В. Гр.». Читалось в ОЛСНХ 6. X. 1821 г. Перевод Гамалеи — НЛ, 1822. № 12. С. 191. С пометой: «Фклн. 13-го июля, 1822 года». Перевод А. Д. — ВЕ, 1824. № 24. С. 304. Помета: «Село Гус. 1824 г. ноября 22». Переводчик не установлен. Перевод И. Е. Тюрина — Зимцерла. Поэзия. С. 24. Перевод с подп.: Кн. ****й — ДЖ, 1831. № 18. С. 75—76. Переводчик не установлен. К строке 14 прим.: «Одного стиха нет и в оригинале». Существует также перевод: Б.....ский. (Бобановский?) «Призвание (Из Ламартина) // Заволжский муравей (Казань), 1832. № 9. С. 488.

XVIII. LA FOI. — Написано, вероятно, летом 1818 г. под влиянием

только что прочитанной книги Ф. Р. де Ламенне «*Essai sur l'indifférence en matière religieuse*».

376. **Salut, nouveau séjour... / Salut, sacré flambeau...** — Ср. коммент. к «*Ode IX, imitée de plusieurs psaumes*» Жильбера.

Terre, berceau de l'homme, admirable palais — Ср. в «*Ode...*» Жильбера: «*Ciel, pavillon de l'homme, admirable nature*».

378. **Zénon** — См. коммент. к «*Tel j'étais autrefois...*» Шенье; Ламенне в «*Essai...*» критикует стоицизм и эпикуреизм, отнимающие у человека надежду.

380. **Au grand flambeau du jour vas-tu te réunir?** — Намек на теории стойков, которые утверждали, что основа мира — огонь, или эфир, душа же есть «огневидное дыхание», часть огненного целого, и после смерти человека вновь воссоединяется с этим целым.

...mourant lorsque l'homme est détruit... — намек на философию эпикуреизма, согласно которой душа материальна и состоит из атомов особого свойства, а потому смертна, как и тело.

...tu crains de vivre et trembles de mourir. — Ср. в «*Сиде*» Корнеля (Акт II. Ст. 2): «*Es-tu si las de vivre? — As-tu peur de mourir?*»

382. **Platon à Sunium** — Беседы о сущности божественного, которые Платон ведет с учениками во время прогулки на мыс Сунион, изображены в 59-й главе романа Ж. Ж. Бартеlemi «*Voyage du jeune Anacharsis en Grèce vers le milieu du IVe siècle avant l'ère vulgaire*» (1788).

...le mercenaire... reçoit son salaire... — Ср.: Книга Иова (7: 2—3).

Перевод А. Мейснера — Стихотворения Алексея Мейснера. М., 1836. С. 177. В огл.: «Из Ламартина».

XXI. LE GOLFE DE BAÏA. — Написано, по-видимому, летом 1814 г., одновременно со стих. «*A Elvire*». В прим. к 48-й строке (впервые — 3-е изд. МР, янв. 1824) Ламартин датировал стих. 1813 г. ради того, чтобы фраза о бесчестных кесарях, поработивших Италию, читалась как относящаяся к Наполеону, а не к австрийцам.

386. **Baia** — Байя, город близ Неаполя, в древности аристократический курорт; эти места служат меланхолическим фоном действия в романе Ж. де Сталь «*Corinne*» (1807. Ч. XIII) и в эпосе Шатобриана «*Les Martyrs*» (1809. Кн. 5). Ламартин был в Байе 9 и 29. XII. 1811 г.

dans le sein de Thétis... — перифрастическое обозначение моря; Ламартин смешивает морскую нимфу Фетиду (Thétis) с Тетией (Téthys), женой бога Океана, всеобщей матерью, давшей жизнь всему сущему. Начиная с 1826 г. в этом месте печатается Téthys.

388. **La mélancolie / S'assoit... recueillie...** — традиционное аллегорическое изображение меланхолии (берущее начало в знаменитой гравюре Дюрера) с постоянным эпитетом *recueillie* — одно из преромантических клише (встречается у Баур-Лормиана, Лагарпа, Делиля и проч.).

Ton empire est tombé. — Меланхолические сожаления о раздробленности Италии восходят, возможно, к роману итал. писателя У. Фосколо «*Последние письма Якопо Ортиса*» (1798, оконч. изд. 1816).

Horace... Properce... Tibulle... — Гораций, хотя и бывал в Байях, предпочитал этому роскошному курорту свое скромное сабинское поместье (см.: Оды, II, 18, 13—22); Проперций также называл Байи «развратными» (Элегия, I, 11) и призывал свою возлюбленную Кинфию уехать оттуда; Тибулл коротко упоминает «байские священные струи» (III, 5, 4). Имена этих римских поэтов упомянуты здесь скорее как символы ушедших времен.

L'asile où vint chanter le Tasse... — Т. Тассо, выпущенный из лечебницы для душевнобольных, скитался по разным городам; в Неаполе он был с почетом принят в монастырях Монте-Оливето и Сан-Северино, но умер не в этих краях, а в Риме.

390. **Ainsi tout ... passe... sans laisser plus de traces... tout s'efface...** — Ср. IV духовное песнопение Ж. Расина («*Leur gloire fuit et s'efface / En moins de temps que la trace / Du vaisseau qui fend les mers*») и финал стих. Парни «*Vers sur la mort d'une jeune fille*».

Перевод Д. П. Ознобишина — Соревн., 1823. Ч. 22. Кн. I. С. 80, с цензурной купюрой и изменениями. Печ. по автографу (ИРЛИ. Ф. 213. № 22. Л. 28 об. — 30). Перевод И. Е. Тюриня — МТ, 1826. № 5. С. 126, с пометой: «Рязань. 1825» и прим. издателя: «Перевод из Ламартина. Один из первых опытов юного поэта, которому желаем дальнейших успехов».

XXII. LE TEMPLE. — Дата создания неизвестна; в янв. 1818 г. текст был уже у друга Ламартина Э. де Вирье. Неясно и к кому обращена элегия; слова об «иных берегах» отсылают к неаполитанке Антониелле, а общий тон — к Жюли Шарль.

392. **...je ne rougis plus du feu qui me consume...** — Мотив очищающего огня любви восходит, возможно, к «*Julie, ou La Nouvelle Héloïse*» (ч. I, письмо 50); в романе Руссо есть параллель и к финалу элегии (ч. I, письмо 26).

Перевод Ал. С. Норова — Уралия. С. 111. Перевод В. Розальон-Сошальского — Опыты в словесности. С. 254. Перевод сильно сокращенный.

XXV. ADIEU. — Написано в 1815 г. во время вынужденной эмиграции в Швейцарию и Савойю в период Ста дней. Ламартин гостил в Бисси (долина Шамбери) у полковника де Местра, дяди своего товарища по коллежу Луи де Винье; к этим гостеприимным хозяевам и обращено стих., созданное по возвращении во Францию.

398. **...sa crainte et sans espérance...** — Ср.: Гораций. Послания, I, 6, 9—10; Оды, II, 16, 15—16.

Перевод И. Е. Тюриня — ДЖ, 1825. № 21. С. 95. В примечании название местности ошибочно принято за фамилию адресата.

Перевод И. П. Бороздны — ВЕ, 1825. № 2. С. 132. С подзаг.: «Вольный перевод из Ламартина» и пометой: «15 декабря 1821 года. С. Медведов». Печ. по: Бороздна. С. 37, в огл. подзаг.: «Подражание Ламартину». Упоминание Десны — автобиографическая деталь, введенная переводчиком.

XXVII. LE CHRÉTIEN MOURANT. — Написано в конце апреля 1819 г. в Париже, после тяжелой болезни. Восходит к стих. А. Попа «Умиравший христианин к своей душе» (1713); различимы в стих. и следы чтения Ламенне.

Перевод И. П. Бороздны—впервые — ВЕ, 1827. № 7. С. 209, с пометой: «Село Медведов». Печ. по: Бороздна. С. 17. В огл. подзаг.: «Из Ламартина». Перевод В. Н. Олина — РИ, 1822. № 20. 23. I. С. 80. Подробный разбор этого перевода — там же. № 45. 18. II. С. 177—180 (подп.: Усолец <М. С. Шулепников>). Перевод А. А. Волкова — ДЖ, 1824. № 13. С. 17. Перевод П. Г. Сянова — Славянин, 1830. № 1. С. 70, с пометой: «Вологда». Существует также перевод В. Мальцева «Умиравший христианин (Из Ламартина)» // Сочинения в прозе и в стихах. Труды МОЛРС. Ч. VI. М., 1826. С. 221.

XXIX. L'AUTOMNE. — Написано в дек. 1819 г. Трактровка осени в стих. сочетает классическое восхищение праздником, пиром природы с меланхолическим сожалением о природе увядающей (см. коммент. к «La Chute des feuilles» Мильвуа).

402. C'est l'adieu d'un ami, c'est le dernier sourire... — Преромантическое клише, встречающееся в «Jour des Morts à la campagne» (1795) Фонтана, «L'Homme des champs» (1800, песнь II) Делиля, «De l'Allemagne» (Ч. П. Гл. 28) Ж. де Сталь.

...mon âme... / S'exhale comme un son triste et mélodieux — «Музыка сфер в ушах умирающего» и уподобление души человека перед кончиной музыкальному инструменту — распространенный мотив романтической литературы, в частности немецкой (см.: Эстетика немецких романтиков. М., 1987. С. 51, 574). Во фр. элегической традиции близкий мотив использован в финале «Le Bûcher de la Lyre» Мильвуа.

Перевод П. А. Межакова — Межаков. С. 63. Перевод Н. Д. — ВЕ, 1825. № 20. С. 277. Помета: «1824 г. Сентября 2. С. Г.». Переводчик не установлен. Перевод М. М. Меркли. — Меркли. С. 88.

NOUVELLES MÉDITATIONS POÉTIQUES НОВЫЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

III. SAPHO. — По-видимому, начато в 1815, а окончено в 1819 г. По преданию, использованному Овидием в XV героиде «Сафо к Фаону», древнегреч. поэтесса Сафо (VII в. до н. э.) покончила с собой из-за несчастной любви к прекрасному юноше Фаону. «Элегией, или героидой» называл свое стих. в позднейшем комментарии и Ламартин. В XVIII в. античный жанр героиды — вымышленного стихотворного послания мифологических или литературных героев — благодаря «Посланию Элоизы к Абеляру» А. Попа пережил новый расцвет, однако в XIX в. он выглядел архаично. Тема любви Сафо к Фаону использовалась в элегич. традиции неоднократно: «Lettre de Sapho à Phaon» Блен де Сенмора, 1766, стих. Парни «Le Promontoire de Leucade» и др.; некий Л. Горс из Монпелье в 1805 г. выпустил поэму о Сафо в 50 элегиях (см.: Potez. P. 362-366).

Перевод фрагмента элегии за подп.: «Н. Р.» (псевдоним удовлетворительному раскрытию не поддается) — Гирланда, 1831. Ч. I. № 3. С. 82.

VI. L'ESPRIT DE DIEU. — Написано в марте 1822 г. Посвящено Л. де Винье (см. коммент. на с. 663). Источники — диалог Платона «Ион» (533 e — 534 c), речение из Евангелия от Иоанна (3:8) и — для второй части стих. — ветхозаветный эпизод борьбы Иакова с Богом в образе ангела (Бытие, 32:24—32).

406. On dit que la bouche d'Orphée... — По Вергилию (Георгики, IV, 523—527) и Овидию (Метаморфозы, XI, 50—53), голова растерзанного вакханками певца Орфея, брошенная в воды реки Гебр, продолжала что-то жалобно шептать.

410. Nous ne sommes... / Qu'un instrument mélodieux. — Заветная мысль Ламартина; ср. его письмо графу де Сен-Мори от 26. VI. 1819 г.: «Нужно писать, как дышишь — сам не зная почему, просто оттого, что не дышать невозможно» (Lamartine A. de. Correspondance. P., 1873. T. 2. P. 381) — или стих. «Le Poète mourant», стоящее во 2-м изд. NMP перед «L'Esprit de Dieu»: «Je chantais, mes amis, comme l'homme respire, / Comme l'oiseau gémit, comme le vent soupire, / Comme l'eau murmure en coulant...» Эту строфу

Пушкин вспомнил в письме к брату от янв. (после 12) — начала февр. 1824 г.; ее отзвуки различимы в стих. «Поэт идет, открыты вежды...» (в составе «Египетских ночей»).

Перевод А. И. Полежаева впервые — ВЕ, 1826. № 2. С.81, с подп.: «А.П.». В изд.: Полежаев-1832 (с.118) вошло под загл.: «Восторг». Сохранился автограф стих. (ГПБ) с зачеркнутым посвящением Л. А. Якубовичу и пометами цензора. Уже после выхода изд. 1832 г., в 1838 г. неизвестным лицом была предпринята попытка перепечатать это стих. анонимно; текст был отправлен в духовную цензуру и запрещен как противоречащий православно-ортодоксии («г-н сочинитель <...> смешивает истину божью с прикрашенною человеческою ложью»). Есть основания предполагать, что из петербургского изд. NMP (1823) это стих. было исключено русской цензурой (оно в книге отсутствует). См. коммент. Н. Ф. Бельчикова (Полежаев А. И. Полн. собр. стих. Л., 1939. С.448—449) и В. Киселева-Сергенина (Полежаев-1987. С.553—554; данные этих комментариев в дальнейшем используются без специальных ссылок). Лукьян Андреевич Якубович (1805—1839), которому было посвящено стих., — поэт, близкий друг Полежаева.

407. Огонь небесный вдохновенья... — В русской поэзии 1820—1830-х гг. традиционная формула; однако вариация ее в стихах Л. А. Якубовича, вероятно, восходит к данному стиху. Ср. в его стих. «Водопад» (1833): «Огонь божественный души» (о поэте), в стих. «Шекспир» (1833): «Почти, о человек, поэта поклоненьем: / В нем проявился Бог небесный вдохновеньем» — Стихотворения Лукьяна Якубовича. СПб., 1837. С.15, 23.

Сойди же, грозный иль отрадный, / О, вестник бога и небес! — Эти стихи были отмечены как неприемлемые в заключении духовной цензуры.

Разочарованный и хладный... и т. д. — Автобиографическая интерполяция, далеко отступающая от оригинала.

Сей гость, сей дух — есть самый бог. — Помета цензора в автографе: «Восторг есть самый бог — это уж слишком грешно». Эти стихи были отмечены и в отзыве духовной цензуры (вместе с двумя следующими, 43—44, стихами и концовкой, начиная со стиха: «И с ним боролся <...> божий дух»).

VII. BONAPARTE. — Написано (либо окончено) 24.VI.1823 г. (дата в рукописи). Позже Ламартин утверждал, что стих. написано весной 1821 г., непосредственно под влиянием известия о смерти Наполеона (5.V.1821); меж тем истинным толчком к созданию стих. явилось чтение в феврале 1822 г. оды итал. писателя А. Мандзони «5 мая» (перечень заимствований Ламартина из этой оды см.: Séché. P. 147 и след.).

412. Tanaïs — древнее название Дона (намек на войну с Россией).

Cédar — Кедар, сын Измаила, основатель одноименного города в Аравии (намек на Египетскую кампанию Наполеона).

ces deux grands noms... — два великих завоевателя древности, Александр Македонский и Юлий Цезарь.

D'un peuple de Brutus la gloire te fit roi... — Имеется в виду завоевание Наполеоном Италии.

Ce siècle... — XVIII век, завершившийся Великой французской революцией.

418. le corps d'une victime. — Имеется в виду незаконный расстрел Наполеоном герцога Энгиевского (1772—1804), наследника рода Конде — одной из ветвей королевского дома Бурбонов.

la trace de sang sous son doigt renaissait. — Ср.: Шекспир. Макбет (Акт V. Сц.1).

420. **Entre Marius et César.** — Марий (157—86 до н. э.), талантливый римский полководец, был, однако, посредственным и жестоким политиком, инициатором массовых проскрипций; Юлия Цезаря Ламартин всю жизнь осуждал за покушения на свободу Рима.

...*ton glaive sur ta cuisse... / Un nom!... qu'il n'osait achever...* — После смерти Наполеона с ним рядом положили его шпагу; последние слова Наполеона были, по свидетельству очевидцев, не о боге, а о войне («во главе армии»), однако в конце жизни он в самом деле стал более набожным.

...*fléaux de Dieu...* — Возможно, отражение теории фр. философа Жозефа де Местра (1753—1820), который видел в общественных катаклизмах, и в первую очередь в якобинском терроре, мщение небес людям за их грехи («*Les Soirées de Saint-Pétersbourg*», 1821, беседа 4). Ламартин слышал эту книгу в чтении автора у своего друга Л. де Винье, племянника де Местра.

...*si le génie / N'est pas une de vos vertus?...* — В 1860 г. Ламартин изменил финал на более резкий: «*Et vous, peuples, sachez le vain prix du génie / Qui ne fonde pas de vertus!*»

По-видимому, наиболее ранний русский отзыв о «Бонапарте» принадлежит А. И. Тургеневу, уже осенью 1823 г. ознакомившемуся с NMP по экземпляру, полученному гр. И. С. Лавалем. 6.XI. 1823 г. он писал П. А. Вяземскому: «Ода Мартина на кончину Наполеона превосходна некоторыми строфами и строками. Есть и ералаш, и плоскости, например: *Tête chauve et nue, large poitrine etc.* Но много сильного, прекрасного. Прочие стихи во второй части *Méditations ne суть важны*» (ОА. Т. II. С. 365). Почти одновременно с книгой знакомится Пушкин (см. его письмо Вяземскому от 4.XI. 1823 г. из Одессы — Пушкин. Т. XIII. С. 381) и также обращает внимание Вяземского на «Бонапарта»: «Ламартин хорош в «Наполеоне», в «Умирающем поэте» — вообще хорош какой-то новой гармонией» (там же. С. 102; письмо от 5.VII. 1824 г.). В статье «О Ламартине и о современной французской поэзии» (1830) Вяземский перифразирует суждение Пушкина; указав на преимущества второй части МР (точка зрения, близкая пушкинской), Вяземский приводит в подтверждение стихотворения «Бонапарте», «Умирающий поэт» (Вяземский. Эстетика. С. 120). Более скептический отзыв о «Бонапарте» дал позднее Кюхельбекер.

Перевод А. И. Полежаева — Полежаев А. И. Кальян. М., 1833. С. 49. Строфа 10 подлинника выпущена (как и в переводе Н. С. Бобрищева-Пушкина) — вероятно, по цензурным причинам. Перевод Н. С. Бобрищева-Пушкина — СО, 1824. № 21. С. 29. Кюхельбекер записал в дневник 10.XI. 1833 г.: «Бобрищева-Пушкина «Наполеон» по слогу темному и сбивчивому такое стихотворение, которое, если бы было русским подлинником, никак не могло бы называться хорошим; но это перевод с Ламартина, и на сей раз переводчику пригодились собственные недостатки, ибо соответствуют недостаткам автора, с которого он списывал: дух поэзии и слог французского поэта совершенно отразились в переводе русского» (Кюхельбекер. С. 284). Существуют также перевод Н. Д. Иванчина-Писарева (в его анонимно изд. книге «Чем богат, тем и рад». М., 1832. С. 3) и анонимный перевод (Русский зритель, 1828. № 15 и 16. С. 196); отрывок (также анонимный) — Венок граций. Альманах на 1829 год. М., [1829]. С. 50 (ценз. разр. 14.XII. 1828).

IX. **LE PAPILLON.** — Написано в мае 1823 г.

Перевод П. К. — Лит. листки, 1824. № 7. С. 264. Перевод А. Редкина — Редкин. С. 12—13. Перевод П. А. Межакова — Межаков. С. 154. Перевод И. Е. Тюрина — Зимцерла. Поэзия. С. 48. Перевод Н. Девитте — ДЖ, 1829.

№ 27. С.9. Существуют также анонимный перевод в МТ (1826. № 5. С.8, подп.: ***), перевод И. Галанина (ЛПРИ, 1835. № 15. С.119) и А. Мейснера (Стихотворения. М., 1836. С.63).

Х. А EL ***. — Написано, по-видимому, в 1815 г. и посвящено Антониелле, хотя позднее Ламартин утверждал, что адресат стих. — Жюли Шарль. Заглавие «А El ***» могло в 1823 г. быть прочитано не только как «А Elvire», но и как «А Elise» (Элиза — третье имя жены поэта). Тема бренности земных радостей у Ламартина предстает не столько в христианском, сколько в эпикурейском и, по сути, пессимистическом толковании, согласно которому счастье конечно и ограничивается земным миром.

424. *Ce n'est qu'un songe...* — Ср. финал «Élégie VIII» Парни.

Перевод Ю. И. Познанского — МТ, 1826. № 10. С.68. Помета: «Москва, 3 июня». Перевод А. И. Полежаева — ВЕ, 1826. № 15. С.204, с подп.: «П.». Вошло в: Полежаев-1832. С.78 (оба текста с цензурными изменениями). Вольный перевод, где мотив сомнения, персонифицированный в виде «демона», приобрел автономный характер, явно под воздействием пушкинского «Демона» (1823), концепция которого была усвоена поэзией 1820-х годов (см.: Вацуро В. Э. // Сравнит. изучение литератур. Л., 1976. С.253—259). Перевод А. А. Шипкова — Шипков. С.22 (посмертная публикация).

XI. ÉLÉGIE. — Дата создания неизвестна, но, судя по позднему комментарию Ламартина, стих. написано еще до знакомства с Жюли Шарль. Начало стих. восходит к Ронсару («Mignonne, allons voir si la rose...» — Odes, I, XVII), стих. которого в свою очередь восходит к многочисленным античным источникам (ср., напр.: Овидий. Наука любви, III, 80; подробнее см.: Laumonier P. Ronsard poète lyrique. P., 1923. P.560-591).

426. *La moitié de leurs jours...* — Ср. начало «Projet de solitude» Парни.

Перевод Ю. И. Познанского — МТ, 1826. № 12. С.156. Помета: «Москва, 1826 года». Перевод А. И. Полежаева — ВЕ, 1826. № 15. С.206—207, с подп.: «П.». Перевод И. Е. Тюрина — ДЖ, 1827. № 23. С.187.

XII. TRISTESSE. — Одна из ранних элегий, посвященных Антониелле; написана не позже мая 1816 г.

428. *Je veux revoir encore / Le Vésuve enflammé...* — Ламартин совершил восхождение на Везувий в декабре 1811 г. Моде на такие восхождения способствовала повесть Шатобриана «René» (1802), заглавный герой которой поднимается на вершину Этны.

Cinthie — См. коммент. к с. 322.

(le) tombeau de Virgile — См. коммент. к с. 278.

Перевод А. Г. Шпигоцкого — ДЖ, 1831. № 31. С.77. Перевод Степанова — МТ, 1826. № 10. С.65. Авторство перевода (инициалы переводчика отсутствуют) неясно. Помимо С. Степанова, переводчика Мильвуа (см.: Справки. С. 603), перевод мог принадлежать А. П. Степанову (1781—1837), поэту и прозаику, губернатору Енисейской губ., или его сыну, Н. А. Степанову (1807—1887), поэту, карикатуристу, будущему сотруднику «Искры», в 1826 г. выпускнику Моск. унив. Благородного пансиона; не исключено и иное лицо, нам неизвестное.

XIX. STANCES. — Дата создания неизвестна; возможно, 1819 либо 1822 г.

430. *Avec nos passions... fonde un trône...* — Намек на Наполеона.

Иls vont où va la feuille... — Ср. коммент. к «La Chute des feuilles» Мильвуа.

432. **Иls sont nés, ils sont morts... ont-ils vécu?** — Ср.: Лабрюйер. Характеристики. XI, 48.

...je chanterai le maître que j'adore... — Вторая часть стих. и зачином и общим тоном близка к псалмам.

Je chanterai pour lui, jusqu'à ce qu'il me brise. — Ср. в Псалтири (103: 33): «Буду петь Богу моему, доколе есмь».

Перевод П. А. Драгоманова — СЗ. С.205, с подп.: «П.Д-в».

ДОПОЛНЕНИЕ

I. СТИХИ РУССКИХ ПОЭТОВ, ПОСВЯЩЕННЫЕ АНДРЕ ШЕНЬЕ

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ. БИБЛИОТЕКА

Впервые — альманах «Литературный музей». М., 1827. С.149 (ценз. разр. 28.XII. 1826), с подзаг.: «Отрывок из стихотворения „Деревня“». «Деревня» дошла до нас в виде нескольких фрагментов, опубликованных Вяземским в разных изданиях (см. коммент. К. А. Кумпан в изд.: Вяземский-1986. С. 485—487). «Библиотека» — третий по счету, с характеристиками Вергилия, Марциала, Парни, Шенье, Руссо, Вольтера, Шиллера и русских поэтов: Ломоносова, Петрова, Богдановича. Мы публикуем из «Библиотеки» только часть, посвященную А. Шенье.

567. Уныль и сладостен, как памятник умильный / Надежд, растерзанных под бурею судеб. — Возможно, эти строки отразились в стих. Баратынского «Из Андрея Шенье» («Под бурею судеб, унылый, часто я...»; см. в наст. изд. С. 217).

По древним образцам романтик исполняем... — Вслед за французской романтической критикой (В. Гюго, Ш. Нодье) Вяземский рассматривал Шенье как «романтика среди классиков» (см.: Козмин Н. К. // Язык и литература. Т. I. Вып. 1—2. Л., 1926. С. 351—360; Пушкин. Сочинения. Изд. АН СССР. Т. IX (2). Л., 1929. С. 153—155); возражая ему, Пушкин настаивал, что Шенье «из классиков классик» (Пушкин. Т. XIII. С. 380), ср. его письмо Вяземскому от 5 июля 1824 г. Одновременно в полемике с М. А. Дмитриевым и др. критиками ВЕ (ср. последнюю строку на с. 567) Вяземский настаивал на том, что античные писатели (Гораций, Гомер, Эсхил) — в большей мере предшественники «романтической» школы, нежели «классической»; эта мысль прямо подводит к концепции Шенье в «Библиотеке». (См.: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969. С.97—127). О новаторстве Шенье, который «в своей школе единственный поэт французский: он показал, что есть музыка, т. е. разнообразие тонов в языке французском», Вяземский писал Пушкину в 1825 г. (Пушкин. Т. XIII. С. 290). Наконец, в статье «О Ламартине и современной французской поэзии» (1830) Вяземский уточняет свою характеристику Шенье, отпавляясь от определения его в «Библиотеке»: «...классик не французский, но классик греческий, совершенно пластический, не довольствующийся одним подражанием списков, но созидающий формы новые по образцам древним» (Вяземский. Эстетика. С. 122).

А. С. ПУШКИН. АНДРЕЙ ШЕНЬЕ

Впервые опубликовано в изд.: Стихотворения Александра Пушкина. СПб., 1826. С. 29 и 190 (примечания), в отделе «Элегии», без ст. 21—64 и 150, исключенных по требованию цензуры. Полностью — Стихотворения

А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. Берлин, 1861.

Написано в 1825 г. Первое упоминание — в письме к П. А. Вяземскому от 13 июля 1825 г.: «Читал ли ты моего А. Шенье в темнице?» (Пушкин. Т. XIII. С. 188). Не ранее конца июня Пушкин послал элегию в Петербург для включения в готовящийся сборник стихов.

Стихотворение имеет автобиографический подтекст; облик Шенье проецируется на восприятие Пушкиным своей собственной судьбы. В литературном отношении элегия соотносится с «Думами» Рыльева и рядом элегий о «певце в темнице» (П. А. Плетнева, П. А. Габбе, В. Ф. Раевского), а также с элегиями Батюшкова.

Элегия воспринималась иногда как иносказательное изображение современных событий. В 1826 г. начали распространяться списки не пропущенной цензурой части (монолог Шенье) с надписью «На 14 декабря»; возникло политическое дело, в котором Пушкину пришлось давать показания. См.: Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд., испр. и доп. М.—Л., 1931. С. 95—126; Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы. М., 1979. С. 306—335.

567. **Посвящено Н. Н. Раевскому.** — По воспоминаниям Ек. Н. Раевской, Пушкин с помощью Н. Н. Раевского-младшего читал в Гурзуфе Байрона. «Здесь же Николай Николаевич первый познакомил Пушкина с поэзией Шенье» (П. в восп. Т. 1. С. 488). Знакомство Пушкина с лирикой Шенье началось ранее, еще в Петербурге, — однако именно на юге, в 1820 г., начинается период его длительного увлечения Шенье, в котором, очевидно, свою роль сыграл и Н. Н. Раевский.

Эпиграф — из стих. А. Шенье «Молодая узница» (см. в наст. изд.).

Меж тем как изумленный мир. — Л. С. Пушкин вспоминал, что брат его «радостно преклонился перед Байроном, но не был, как утверждают некоторые, его безусловным подражателем. Андрей Шенье, француз по имени, а, конечно, не по направлению таланта, сделался его поэтическим кумиром. Он первый в России и, кажется, даже в Европе достойно оценил его» (П. в восп. Т. 1. С. 64). Смерть Байрона в 1824 г. вызвала многочисленные поэтические отклики. Несмотря на настояния друзей, Пушкин не написал специальных стихов о Байроне, включив строфу о нем в стих. «К морю». Обращение к образу А. Шенье, таким образом, приобретало характер декларации и было связано с отходом Пушкина от своего юношеского байронизма.

568. **Приветствую тебя, мое светило!..** — Ср. у Шенье: «O soleil! ton char étonné / S'arrêta. Du sommet de ton brûlant solstice / Tu contemplassis ce divin sacrifice!...» («Le Jeu de raume...», строфа VIII).

Я славил твой священный гром, / Когда он разметал позорную твердыню. — «Взятие Бастилии, воспетое Андреем Шенье» (зд. и далее автокомментарий Пушкина в показаниях по делу об «Андрее Шенье», 1827 // РП. С. 745). Речь идет о XI строфе гимна «Le Jeu de raume...».

Я слышал братский их обет, / Великодушную присягу / И самовластную бестрепетный ответ. — «Присяга du jeu de raume и ответ Мирабо: „allez dire à votre maître etc.“» (РП). 20 июля 1789 г. депутаты от третьего сословия в Национальном собрании в ответ на слухи о роспуске собрания прошли в «залу для игры в мяч» (Jeu de raume) (единственное помещение, которое осталось открытым) и торжественно присягнули, что не разойдутся, не выработав конституционных принципов. 23 июня они отказались повиноваться королевскому приказу разойтись; О. Г. Мирабо ответил на приказ знаменитой речью, подтвердившей решимость депутатов.

И пламенный трибун предрек, восторга полный, / Перерождение земли. — «Он же, Мирабо» (РП). В черновых вариантах: «И дивный Мир.<або> <предрек>, надежды полный / Освобождение земли» (Пушкин. Т. II. С. 939). О какой именно речи Мирабо говорит Пушкин, неясно; термин «перерождение» (*régénération*) есть в нескольких его речах (напр., в речи от 19 апреля 1790 г.). — Томашевский. С. 188.

Уже в бессмертный Пантеон / Святых изгнанников входили славны тени. — «Перенесение тел Вольтера и Руссо в Пантеон» (РП). Прах Вольтера был перенесен в Пантеон 11 июля 1791 г.; Руссо — уже после казни А. Шенье, 11 октября 1794 г. (Томашевский. С. 186). Упоминание об эпизоде посмертного чествования Вольтера и «тени» (*l'ombre*) Мирабо есть у Шенье в стих. «*Sur les Suisses, révoltés du régiment de Chateauxvieux, fêtés à Paris sur un motion de Collot-d'Herbois*», о котором Пушкин вслед за Латушем упоминает в примечании («клеил Колло д'Эрбуа»); начало этого стих. было помещено в издании 1819 г. под загл.: «*Iambe I*». Существует предположение, что Пушкин мог быть еще до 1819 г. знаком с этим гимном, опубликованным Шенье в газете *Journal de Paris* в апреле 1792 г., и что впечатления от него отразились в «Вольности» и в стихах «Андрея Шенье»: «Твой стих свистал по их главам» и «Ты презрел мощного злодея...» (инвентивы против Робеспьера и Колло д'Эрбуа в издании 1819 г. были выпущены). См.: Слонимский А. Л. // ПИМ. Т. IV. М.—Л., 1964. С. 332—333. Предположение это не является, однако, обязательным. См. также: Гроссман Л. От Пушкина до Блока. М., 1926. С. 33.

Закон, / На вольность опершись, провозгласил равенство. — Речь идет об уничтожении сословных привилегий (4 августа 1789 г.) и принятии Декларации прав (20 августа). — Томашевский. С. 186.

Мы свергнули царей... — «В 1793» (РП).

Убийцу с палачами / Избрали мы в цари. — «Робеспьера и конвент» (РП).

Но ты, священная свобода... — Близкие мысли и формулы — в «*Le Jeu de paume*» (строфы XVIII, XXII и др.).

569. Народ, вкусивший раз твой вектар освященный... / Он бродит, жаждою томим. — Вероятно, парафраза формулы «жаждущий» (крови) («*la soif encore à la bouche*») в «*Iambe I*» («*Un vulgaire assassin va chercher les ténèbres*»).

И место наших ури заране назначали. — Ср. описание своей будущей могилы в послании Шенье «*Aux frères de Pange*», написанном еще до событий революции.

Оплачьте, милые, мой жребий в тишине. — Этот фрагмент опирается на дружеские послания А. Шенье (ср., напр., в послании «*Aux frères de Pange*»); Ю. Веселовский сопоставлял его с поэтическими идеями «Молодой узницы» (Пушкин и Шенье. // Пушкин. Сочинения / Под ред. С. А. Венгерова. Т. III. СПб., 1909. С. 584).

О брате сожалеть не смеет ныне брат — намек на М.-Ж. Шенье, которого обвиняли (иногда в спекулятивных, демагогических целях) в том, что он не воспрепятствовал казни брата. 26 сентября 1825 г. П. А. Плетнев писал Пушкину: «Козлов (...), выслушав твоего Шенье, просил тебе дать знать, если ты не помнишь, что брату Шенье, после, когда поднята была голова Андрея, подали безыменную записку: „Каин! где брат твой Авель?“» (Пушкин. Т. XIII. С. 236). Это предание, рассказанное в некоторых исторических трудах, восходило к монархическим памфлетам против М.-Ж. Шенье; сам М.-Ж. Шенье рассматривал казнь брата как начало кам-

пании против него самого, якобы развязанной Робеспьером (см.: Томашевский. С. 335, 352). Пушкин опирается здесь на очерк Латуша, защищавшего М.-Ж. Шенье от подобных обвинений.

570. **Рожденный для любви, для мирных искушений...** — Ср. начальные стихи элегии Шенье: «Je suis né pour amour, j'ai connu ses travaux...» (Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. II. М.—Л., 1961. С. 71).

Она меня гнала, бранила и прощала. — Ср. в элегии «Ah! des pleurs! des regrets! lisez, amis. C'est elle»: «On m'outrage, on me chasse, et puis on me rappelle».

571. **Твой бич постигнул их...** — образ, восходящий к «Ямбам» Шенье: «Chercher le triple fouet, le fouet de la vengeance / Déjà levé sur ces peervers...» («Que promet l'avenir? Quelle franchise auguste...»).

Сих палачей самодержавных. — Эпитет «самодержавные» не мог быть напечатан в России вплоть до 1880 г. и выпускался в тексте. Он опирается на фразеологию антиробеспьеровских памфлетов, где неизменно представление о нем как о «тиране», т. е. человеке, поставившем себя над законом. Ср. у Шенье: «Ces bourreaux barbouilleurs de lois, / Ces tyrans effrontés de la France asservie» («Que promet l'avenir?...»). Пушкин — ИАН. Т. IV. Пр., 1916. С. 48.

Ты пел Маратовым жрецам / Кинжал и деву-эмениду — Парафраза собственных строк Пушкина в «Кинжале» (1821). «Апостол гибели, усталому Аиду / Перстом он жертвы назначал, / Но выпшнй суд ему послал / Тебя и деву-Эмениду» (речь идет о Марате и кинжале Шарлотты Кордэ) (Городецкий Б. П. Лирика Пушкина. М.—Л., 1962. С. 311). В свою очередь эти строки опираются на оду А. Шенье «A Charlotte Corday, exécutée le 18 Juillet 1793» (Слонимский А. Л. // ПИМ. Т. IV. М. — Л., 1962. С. 328). Ср.: «O Vertu! le poignard, seul espoir de la terre, / Est ton arme sacrée, alors que le tonnerre / Laisse régner le crime et te vend à ses lois». Ср. также в этой оде упоминание Немезиды.

Когда святой старик от плахи отрывал... — Речь идет о Мальзербе (см. коммент. к с. 581) и письме Конвенту от имени короля.

Падешь, тиран!.. — Эти строки приобрели неожиданную актуальность после смерти Александра I в ноябре 1825 г. Пушкин писал П. А. Плетневу 4—6 декабря 1825 г.: «*Душа! я пророк, ей-богу пророк! Я Андрея Ш<енье> велю напечатать церковными буквами во имя от<ца> и сы<на> etc.*» (Пушкин. Т. XIII. С. 249).

572. **Плачь, муза, плачь!** — Ср. у Шенье: «Toi, Vertu, pleure si je meurs» («Que promet l'avenir?...»). Веселовский Ю. Пушкин и Шенье. С. 584.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ. ИЗ АНДРЕЯ ШЕНЬЕ

Впервые — СВ, 1889. № 1. Отд. I. С. 12.

Датируется 1830 или 1831 г.

У Шенье такого стихотворения нет. Фигура Шенье интерпретирована в автобиографическом плане; стих. входит в так называемый «провиденциальный цикл» стихов Лермонтова, в центре которого — лирический герой, преследуемый обществом и сохраняющий любовь к единственной избраннице; один из вариантов такого героя — поэт, оканчивающий жизнь на плахе («Когда твой друг с пророческой тоскою...» (неизв. годы) и др.). Мотивы эти имеют ряд конкретных источников, в т. ч. в лирике Байрона, Т. Мура и др., и варьируются в ряде стихотворений раннего Лермонтова; об-

раз же Шенье предопределен пушкинской элегией «Андрей Шенье». Лермонтов, по-видимому, знал и о вызванном ею политическом процессе (см.: Бродский Н. Л. М. Ю. Лермонтов. Биография. Т. I. 1814—1832. М., 1945. С. 158—159). Прямые реминисценции из «Андрея Шенье» прослеживаются во многих стихах Лермонтова, вплоть до «Смерти поэта» (см.: Герштейн Э. Г. // Лермонтовский сборник. Л., 1985. С. 136—139). Известно, что Лермонтов читал стихи Шенье в 1840 г. (М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972. С. 48). Очень вероятно, однако, что он был знаком со стихами Шенье в оригинале уже к 1830 г. Стих. «Из Андрея Шенье» обнаруживает с ними ряд точек соприкосновения. Так, мотив изгнания [ср. его в других стихах Лермонтова: «Послушай, вспомни обо мне...» (1831); «Романс к И...» (1831)] и поисков смерти находит соответствие в элегии «Aux frères de Pange»: «Peut-être errant au loin, sous de nouveaux climats, / Je vais chercher la mort qui ne me cherchait pas»; о теме самоубийства у Шенье см. прим. к стих. «O nécessité dure...». Формула «Ужасный жребий мой твоих достоин слез» (ср. вариации ее в стих. «Когда одни воспоминанья...» в драме «Странный человек»), как и последующие стихи, — переработка мотивов мелодии Т. Мура «When he, who adores thee...»; однако и эта формула есть у Шенье: «Nul forfait odieux, nul remords implacable / Ne déchire mon âme inquiète et coupable. / Vos regrets la vertont pure et digne de pleurs» («Aux frères de Pange»). Эта элегия непосредственно отразилась и в «Андрее Шенье» Пушкина.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ. САШКА

Впервые полностью — Русская мысль, 1882. № 1. С. 68. Критический текст установлен в изд.: Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. Т. 4. М.—Л., 1955.

Наиболее вероятное время написания — 1835—1836 гг. (см. прим. Э. Э. Найдича в изд.: Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. II. Л., 1980. С. 552).

573. **И кровь с тех пор рекою потекла / И загремела жадная секира.** — Ср. в «Андрее Шенье» Пушкина: «Подъялась вновь усталая секира / И жертву новую зовет».

574. **К ногам убийц бездушных и ничтожных.** — В «Андрее Шенье»: «Ты все пигмей, пигмей ничтожный».

Никто не смел возвысить голос свой. — Ср. в «Андрее Шенье»: «О брате сожалеть не смеет ныне брат».

Е. П. РОСТОПЧИНА. АНДРЕ ШЕНЬЕ

Впервые — Москвитянин, 1843. № 12. С. 281, с подп.: Г. Е. Р. и пометой: «Село Анна, октябрь 1842».

В творчестве Ростопчиной сохранились лишь отдельные следы ее юношеского интереса к А. Шенье. По-видимому, автобиографической деталью является круг чтения Марины Ненской в романе «Счастливая женщина»; в числе «сладкострунных поэтов», которых она «любила, знала, понимала», Шенье назван наряду с Жуковским, Пушкиным, Т. Муром и Гюго (Ростопчина Е. П. Сочинения. Т. II. СПб., 1890. С. 328). В письме к А. Дюма (1858) Ростопчина вспоминала, что около 1830 г. «пробовала заняться поэзией и

написала оду на Шарлотту Корде», которую потом уничтожила; несомненно, образцом для нее была ода Шенье «A Charlotte Corday, exécutée le 18 Juillet 1793». В 1835 г. к стих. «Последний цветок» Ростопчина берет эпиграфом слова: «J'avais pourtant quelque chose là, — dit-il en se frappant le front... (Mort d'André Chénier)» — эпизод, рассказанный Латушем (см. эту фразу у Пушкина и Вяземского). (См.: Ростопчина Е. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1986. С. 9, 68, 385—386).

576. Он утро двей воспел, до полдня не доживши. — Возможно, Ростопчина опирается здесь на элегию «Aux frères de Pange»: «Je meurs. Avant le soir j'ai fini ma journée / A peine ouverte au jour, ma rose s'est fanée» и т. д.

II. HENRI de LATOUCHE SUR LA VIE ET LES OUVRAGES D'ANDRÉ CHÉNIER

Анри де Латуш (наст. имя и фам. Ясент Табо; 1785—1851) был разно-сторонним литератором; он сочинял стихи, романы, пьесы, редактировал «Mercure du XIXe siècle» и «Figaro», переводил с немецкого Шиллера («Мария Стюарт», 1820) и Гофмана («М-ль де Скюдери», 1823, под загл.: «Olivier Brusso»), был литературным наставником Бальзака и Жорж Санд. И в литературе и в политике его отличала независимость и нежелание примкнуть к какой бы то ни было партии. Не приемля насилия, он с одинаковым гневом развенчивал и жестокости якобинского террора, и ужасы «белого террора» в Неаполе в 1799 г. при разгроме Парthenопейской республики (роман «Fragoletta», 1829). Латуш имел репутацию мистификатора (в 1827 г. он выпустил апокрифическую переписку папы Климента XIV с комическим актером Карленом Бертинацци), поэтому иные литераторы, в том числе поэт Беранже, не верили в подлинность стихов Шенье. Меж тем Латуш в целом обошелся с текстами Шенье вполне корректно. В конечном счете имя его осталось в истории литературы не столько благодаря оригинальным сочинениям, сколько благодаря изданию стихов Шенье.

Для русских литераторов пушкинской поры статья Латуша имела исключительное значение как основной (и часто единственный) источник биографических сведений об А. Шенье. Она давала исторический и психологический контекст его автобиографическим стихам, формируя общее представление о поэте; на этом субстрате выросла, в частности, поэтическая концепция Андре Шенье в стихотворении Пушкина. Очерк Латуша отчасти предопределил и отбор стихотворений Шенье русскими переводчиками (И. И. Козлов и др.). Характеристика Шенье, данная Латушем, вызвавшая споры во французской печати и стимулировавшая выступления романтиков в защиту Шенье (ср. мнение В. Гюго (1820), согласно которому Шенье был «романтиком среди классиков» в отличие от «классика среди романтиков» Ламартина), была поддержана и русской романтической критикой (см. прим. к «Библиотеке» Вяземского). Наконец, по биографии Латуша определялась общественная позиция Шенье: в соответствии с собственными политическими симпатиями Латуш сделал акцент на республиканских и революционных настроениях Шенье в 1789—1791 гг. Последующая борьба Шенье против якобинцев представляла, таким образом, как последовательное отрицание тирании. Отсюда возможность трактовки Шенье как революционного поэта — у Пушкина, Лермонтова и др.; подобно Латушу (хотя и вне всякой зависимости от него), Пушкин рассматривал якобинский террор как отход от позитивных завоеваний революции и описывал его в тер-

минах, обозначавших монархическую деспотию («палачи самодержавные», «убийцу с палачами избрали мы в цари»). Издание Латуша вышло в свет в августе 1819 г. и почти сразу же стало известно в России (цитата из него — в стих. Пушкина «Дориде», написанном в январе 1820 г., — Пушкин. Т. II. С. 1076). Издание 1819 г. неоднократно перепечатывалось; одновременно Латуш печатал в периодике вновь обнаруженные тексты. В 1833 г. он выпустил книгу «Vallée aux Loups, Souvenirs et fantaisies», куда включил главу о неизданных сочинениях А. Шенье и драматический рассказ «Le Sœur du poète» о М.-Ж.Шенье, где отводил от него обвинения в причастности к смерти брата (см.: Ségu F. H. de Latouche. 1785-1851. Paris, 1931. P. 87—107). С этой книгой познакомился в Женеве А. И. Тургенев, сообщавший П. А. Вяземскому 9 (21).VII. 1833 г., что нашел в ней «много любопытного» об А. Шенье и что «может быть, отыщутся еще два портфеля его сочинений из трех, кои он перед казнию уложил в тюрьме. Напечатан только 3-й, самый слабый, по мнению или по отметке самого Шенье на сих портфелях» (Архив бр. Тургеневых. Вып. 6. Пг., 1921. С. 244). Слухи эти оказались ложными. В том же 1833 г. Латуш выпустил «Poésies posthumes et inédites» Шенье, с расширенной биографией. 1.XI.1833 г. Вяземский просил А. И. Тургенева при случае прислать ему или Жуковскому «новое издание André Chénier с неизданными дополнениями» (Там же. С. 362).

В России знали и оригинальное творчество Латуша, прежде всего роман «Fragoletta». 25.IV.1830 г. Вяземский писал А. И. Тургеневу: «Я люблю французов в романтической прозе: <...> даже и в «L'Ane mort et la Femme guillotinée» (роман Ж. Жанена. — В.В.), в «Fragoletta», но в стихах их романтизм несносен» (ОА. Т. II. С. 193). Обе эти книги Вяземский рекомендовал для чтения Ф. И. Толстому, предлагая взять их у В. Ф. Вяземской или у Пушкина (письмо от 21.V.1830 г. — ЛН. Т. 58. С. 95). К 1833 г. относится и стих. В. Г. Теплякова «Фраголетта» (Тепляков В. Стихотворения. СПб., 1836).

578. *...naquit... le 29 octobre* — Известно, что А. Шенье был крещен 30.X.; дата рождения точно не известна.

Sa mère était une Grecque. — Неточность Латуша; здесь и далее точные сведения см. в биографической справке о Шенье.

...consul-général de France... — Консулом Л. де Шенье стал позже, в 1765 г.

«*Fénélon*» — трагедия М.-Ж. Шенье (1793).

«*Tibère*» — трагедия, сочиненная М.-Ж. Шенье при I Империи, однако запрещенная и при Наполеоне, и в эпоху Реставрации и сыгранная лишь в 1844 г. Сочинения М.-Ж. Шенье были изданы в 1818 г., поэтому Латуш стремился подчеркнуть родство издаваемого им поэта со знаменитым писателем-академиком.

...entra comme sous-lieutenant... — Неточность Латуша; надежда Шенье получить это звание и поправить свое материальное положение не оправдалась.

579. *...à Paris... en 1788.* — Неточность Латуша (см. справку о Шенье).

...Chatterton, dont la destinée... plus d'un rapport... — Из сопоставления А. Шенье с английским поэтом Т. Чаттертоном (1752—1770), подававшим большие надежды и покончившим с собой (от бедности), вырос знаменитый роман А. де Виньи «Stello», в основе которого — истории трех несчастных поэтов: Жильбера, Чаттертона и А. Шенье.

Lebrun — Понс Дени Экушар-Лебрен (1729—1807), «французский Пиндар», прославленный автор од и эпиграмм.

de Pange — Мари Франсуа Дени Тома де Панж (1764—1796), публицист; как и Шенье, умеренный конституционалист.

de Brazais — Александр Фердинанд дю Амель, маркиз де Бразе (1743—1817), поэт, автор описательной поэмы «L'Appée» (написана в 1766—1812 гг.).

580. **Roucher** — Жан Антуан Руше (1745—1794), поэт, автор описательной поэмы «Les Mois» (1779); казнен вместе с Шенье. Ср. перевод В. А. Жуковского: «Руше к своей жене и детям из тюрьмы» (1806).

581. *...il avait... flétri Collot-d'Herbois...* — Жан Мари Колло д'Эрбуа (1750—1796), актер и комедиограф, стал во время Революции радикальным членом Конвента и Комитета общественного спасения, сторонником террора. Он (как, между прочим, и М.-Ж. Шенье) был одним из инициаторов торжественной встречи в Париже 15.IV.1792 г. швейцарцев из полка Шатовье, взбунтовавшихся в августе 1790 г. (по-видимому, они требовали прибавки к жалованью) и отправленных на каторгу, но затем помилованных. Шенье, видевший в них наемников-мародеров, посвятил устроеному в их честь «празднику Свободы» язвительный «гимн» (опубл. в «Journal de Paris» 15.IV.1792).

M. de Malesherbes — Кретьен Гийом де Ламуаньон де Мальзерб (1721—1794), при монархии либеральный государственный деятель, покровитель энциклопедистов и проповедник религиозной терпимости; защищал Людовика XVI перед Конвентом; казнен 22.IV.1794 г.

582. *...d'un homme qui aime les lettres...* — Жюль Лефевр-Демье (1797—1857), поэт.

583. *Son successeur à l'Académie... dans un discours fameux...* — Шатобриан был избран в Академию 20.II.1811 г. на место покойного М.-Ж. Шенье, однако Наполеон запретил ему произносить вступительную речь из-за ее антидеспотической направленности; реально членом Академии Шатобриан стал лишь в 1816 г. Речь его, напечатанная впервые в его «Mémoires d'outre-tombe» (изд. 1848—1850), распространялась в списках.

...un de ces agents de terreur — Бертран Барер де Вьезак (1755—1841), член Конвента. В тот день, когда к нему пришел Шенье-отец, дело Андре уже было рассмотрено; слова Барера о «трех днях» были либо просто отговоркой, либо намеком на скорый антиякобинский переворот, одним из участников которого был Барер.

...dispersion des manuscrits. — На самом деле все рукописи А. Шенье хранились у М.-Ж. Шенье.

585. *...comme a dit le poète* — реминисценция из «Элегии, сочиненной на сельском кладбище» Т. Грея.

...j'avais quelque chose là! — Эти слова, процитированные Пушкиным в примечании к стихотворению «Андрей Шенье», впервые обнаружил Шатобриан в «Génie du christianisme» (Ч. II. Кн. III. Гл. 6). Ниже Латуш приводит примечание Шатобриана к этому фрагменту его книги (то самое, в котором были опубликованы два стих. Шенье).

В. Э. Вацура, В. А. Мильчина

TABLE DES MATIÈRES. СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	5
Французская элегия конца XVIII — первой четверти XIX века. <i>В. А. Мильчина</i>	8
Французская элегия XVIII—XIX веков и русская лирика пушкинской поры. <i>В. Э. Вацуро</i>	27

NICOLAS GILBERT. НИКОЛА ЖИЛЬБЕР

Le Poète malheureux, ou Le Génie aux prises avec la fortune	50
<i>М. В. Милонов</i> . Бедный поэт. <i>Вольный перевод из Жильберта</i>	51
Ode IX, imitée de plusieurs psaumes	62
<i>Н. И. Гнедич</i> . К Провидению	63
<i>Ф. Н. Глинка</i> . Прощание с жизнью	436
<i>С. И. Висковатов</i> . Подражание Жилберту	436
<i>И. П. Бороздина</i> . Последняя ода Жильберта	438
<i>А. А. Шишков</i> . Незванный гость	439

ÉVARISTE PARNY. ЭВАРИСТ ПАРНИ

POÉSIES ÉROTIQUES. ЭРОТИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

livre I. Книга I

1. Le Lendemain. A Éléonore	66
<i>Д. П. Ознобишин</i> . Елеоноре	67
2. Églogue. <Fragment>	68
<i>А. Н. Глебов</i> . Боязнь любви (<i>Отрывок из Парни</i>)	69
3. La Discretion	70
<i>В. Л. Пушкин</i> . Скромность. <i>Подражание Парни</i>	71
<i>Н. А. Маркевич</i> . Скромность	440
4. Billet	72
<i>А. В. Бестужев (?)</i> . Извещение	73
<i>А. С. Пушкин</i> . Письмо к Лиде	441
5. La Frayeur	74
<i>К. Н. Батюшков</i> . Ложный страх. <i>Подражание Парни</i>	75
6. Vers gravés sur un oranger	76
<i>Н. А. Маркевич</i> . К дубу	77
<i>В. И. Туманский</i> . Стихи, вырезанные на коре вяза	441
9. Demain	76
<i>А. В. Бестужев (?)</i> . Завтра! К Лиде	77

10. Le Revenant	78
<i>К. Н. Батюшков. Привидение</i>	79
13. Plan d'études	80
<i>Н. А. Маркевич. Курс наук</i>	81
<i>Д. П. Ознобишин. План воспитания</i>	442
14. Projet de solitude	84
<i>Н. А. Маркевич. Пристань любви</i>	85
<i>Ал. Норов. Остров (Подражание Парни)</i>	443
15. Billet	86
<i>Д. П. Ознобишин. К Лайсе</i>	87
<i>Н. А. Маркевич. Записка</i>	444

Livre II. Книга II

1. Le Refroidissement	86
<i>Н. А. Маркевич. Охлаждение</i>	87
2. A la nuit	88
<i>Н. А. Маркевич. К ночи</i>	89
3. La Rechute	90
<i>Н. А. Маркевич. Возвращение</i>	91
<i>Н. Д. Иванчин-Писарев. Горе-богатырь</i>	445
<i>В. И. Туманский. Слабость</i>	446
5. Dépit	92
<i>Н. А. Маркевич. Досада</i>	93
6. A un ami, trahi par sa maîtresse	94
<i>Н. А. Маркевич. Измена</i>	95
8. A mes amis	96
<i>А. С. Пушкин. Добрый совет</i>	97
<i>Н. А. Маркевич. Друзьям</i>	448
9. Aux Infidèles	96
<i>Н. А. Маркевич. Неверным красавицам</i>	97
11. Palinodie	100
<i>Н. А. Маркевич. Палинодия</i>	101

Livre III. Книга III

1. Les Serments	102
<i>Н. А. Маркевич. Клятвы</i>	103
3. Le Songe	104
<i>И. П. Бороздна. Сон</i>	105
7. Le Cabinet de toilette	106
<i>Н. А. Маркевич. Уборная любви</i>	107
9. Ma mort	108
<i>Ал. Норов. Моя кончина. Подражание Парни</i>	109
<i>Н. А. Маркевич. Моя смерть</i>	448
11. Réflexion amoureuse	110
<i>Е. А. Баратынский. «Она придет! к ее устам...»</i>	111
<i>Е. П. Зайцевский. Любовное размышление</i>	449

12. Le Bouquet de l'amour	112
<i>Н. А. Маркевич. Поздравление</i>	113
13. Délire	112
<i>М. В. Милонов. Блаженство. (Подражание Парни)</i>	113

Livre IV. Книга IV

Élégie I	116
<i>П. Лихачев. Элегия (Подражание Парни)</i>	117
Élégie III	118
<i>А. А. Крылов. К клену. Подражание Парни</i>	119
<i>О. М. Сомов. К клену (Подражание Парни)</i>	450
<i>Н. А. Маркевич. К березе</i>	450
Élégie IV	118
<i>Н. А. Маркевич. Исправление</i>	119
Élégie V	120
<i>Д. В. Давыдов. <Элегия V></i>	121
Élégie VI	122
<i>Д. П. Глебов. Отчужденный</i>	123
<i>А. Ф. Мерзляков. Элегия</i>	451
<i>В. А. Жуковский. «В разлуке я искал смягченья тяжких бед...»</i>	453
Élégie VIII	126
<i>И. И. Дмитриев. Люблю и любил</i>	127
<i>В. В. Измайлов. Любить и не любить</i>	454
<i>И. П. Бороздна. Любовь</i>	455
<i>Н. А. Маркевич. Элегия</i>	455
Élégie IX	128
<i>К. Н. Батюшков. Мщение</i>	129
<i>Д. В. Давыдов. <Элегия VI></i>	455
Élégie XI	130
<i>К. Н. Батюшков. Элегия</i>	131
<i>В. М. Перевощиков. Элегия Парни</i>	456
<i>А. Г. Родзянка. Элегия</i>	457
Élégie XIV	132
<i>Д. П. Глебов. К дружбе</i>	133

CHANSONS MADÉCASSES. МАДАГАСКАРСКИЕ ПЕСНИ

Chanson II	134
<i>Д. П. Ознобишин. Мадагаскарская песня</i>	135
<i>А. Д. Илличевский. Гостеприимство</i>	458
Chanson III	136
<i>А. Д. Илличевский. Победитель</i>	137
Chanson IV	138
<i>П. А. Межаков. Смерть юноши. Мадагаскарская песня</i>	139
Chanson VI	140
<i>И. И. Дмитриев. Мадекасская пленница</i>	141
Chanson VIII	144
<i>К. Н. Батюшков. Мадагаскарская песня</i>	145

Chanson XII	146
<i>А. М. Редкин. Мадагаскарская песнь</i>	147

LES TABLEAUX. КАРТИНЫ

VII. Le Lendemain	148
<i>А. М. Редкин. Утро. (Подр.<ажание> Парни)</i>	149

MÉLANGES. СМЕСЬ

Dialogue	148
<i>В. А. Жуковский. Разговор</i>	149
<i>В. И. Туманский. Разговор</i>	459
Portrait d'une religieuse	150
<i>Д. П. Ознобишин. Монахиня</i>	151
Le Torrent. <i>Idylle persane</i>	152
<i>К. Н. Батюшков. Источник</i>	153
Léda. <Fragment>	154
<i>Е. А. Баратынский. Леда</i>	155
Coup d'œil sur Cythère. <Fragment>	158
<i>А. С. Пушкин. Платонизм</i>	159
<i>К. Ф. Рылеев. «Поверь, я знаю уж, Дорида...»</i>	459
Vers sur la mort d'une jeune fille	160
<i>Д. П. Ознобишин. Смерть красавицы</i>	161
Éphimécide. Imitation du grec	162
<i>В. А. Жуковский. Эпимесид</i>	163

ISNEL ET ASLÉGA. ИСНЕЛЬ И АСЛЕГА

«Pardonne, Isnel; un père inexorable...»	166
<i>В. И. Туманский. Романс («Прости, Иснель! Отец неумолимый...»)</i>	167
«Belle Asléga, belle, mais trop sourable...»	168
<i>В. И. Туманский. Романс («Аслега, друг преступный, но прекрасный...»)</i>	169
«Je suis assis sur le bord du torrent...»	168
<i>Д. В. Давыдов. «Сяду на берегу потока...»</i>	169
<i>К. Н. Батюшков. «Сяду на бреге шумных вод...»</i>	460

LES DÉGUISEMENTS DE VÉNUS. ПРЕВРАЩЕНИЯ ВЕНЕРЫ

Tableau IX	170
<i>К. Н. Батюшков. Вакханка</i>	171
Tableau XXV	172
<i>Д. И. Новиков. Миртил</i>	173
Tableau XXVII	172
<i>А. С. Пушкин. Прозерпина</i>	173

ANTOINE de BERTIN. АНТУАН де БЕРТЕН

LES AMOURS. ЛЮБОВНЫЕ ЭЛЕГИИ

Livre I. Книга I

Élégie VI	176
<i>Д. В. Давыдов. «Элегия II»</i>	177

Élégie XII. A Eucharis	180
<i>Д. П. Глебов. К Делии</i>	181

Livre II. Книга II

Élégie XI. Les Voyages. A Messieurs de P.	184
<i>Д. П. Глебов. Отъезд</i>	185

Livre III. Книга III

Élégie XXII. Éloge de la campagne. A Catilie	188
<i>Д. П. Глебов. Сельская жизнь</i>	189

ANDRÉ CHÉNIER. АНДРЕ ШЕНЬЕ

IDYLLES. ИДИЛЛИИ

«Accours, jeune Chromis, je t'aime et je suis belle...»	194
<i>И. И. Козлов. Вольное подражание Андрею Шенье</i>	195
<i>Авр. Норв. Красавица</i>	462
<i>Д. П. Ознобишин. Неера</i>	462
<i>В. И. Любич-Романович. Неэра</i>	463
L'Aveugle. <Fragment>	194
<i>А. С. Пушкин. «Внёмли, о Гелиос...»</i>	195
Lydé	196
<i>А. Г. Ротчев. Песнь вакханки</i>	197
Euphrosine	198
<i>И. И. Козлов. Идиллия</i>	199
<i>Авр. Норв. Надина</i>	463
<i>В. И. Туманский. Отроковице</i>	464

FRAGMENTS D'IDYLLES. ФРАГМЕНТЫ ИДИЛЛИЙ

«Oeta, mont ennobli...»	200
<i>А. С. Пушкин. Из А. Шенье</i>	201
«J'étais un faible enfant qu'elle était grande et belle...»	200
<i>Д. П. Ознобишин. Потерянные поцелуи</i>	201
«Je sais, quand le midi leur fait désirer l'ombre...»	202
<i>Е. А. Баратынский. «Есть грот: няяда там в полдневные часы...»</i>	203
«Fille du vieux pasteur, qui d'une main agile...»	202
<i>В. Г. Бенедиктов. «Седого пастуха дочь юная! Слегка...»</i>	203
(Tiré de Moschus)	202
<i>В. Г. Бенедиктов. «Амур взялся за плуг — и, земледелец новый...»</i>	203

ÉLÉGIES. ЭЛЕГИИ

Élégie V («Jeune fille, ton cœur, avec nous veut se taire...»)	204
<i>А. С. Пушкин. «Ты вянешь и молчишь; печаль тебя снедает...»</i>	205
Élégie XI («Ah! portons dans les bois ma triste inquiétude...»)	204
<i>И. А. Бек. Подражание Шенье</i>	205
Élégie XIII, tirée d'une Idylle de Moschus	206
<i>И. И. Козлов. Элегия</i>	207
Élégie XIV («O Muses, accourez; solitaires divines...»)	208
<i>Д. П. Глебов. К Музам</i>	209

Élégie XX (Dans le goût ancien)	210
<i>Н. И. Гнедич. Терентинская дева</i>	211
<i>Авр. Норв. Гермiona. Элегия в древнем вкусе</i>	464
<i>И. И. Козлов. Невеста. Элегия. Вольное подражание</i>	465
Élégie XXIII («O nuit, nuit douloureuse! ô toi, tardive aurore...»)	212
<i>В. Г. Бенедиктов. «Мучительная ночь! Да скоро ли заря...»</i>	213
Élégie XXXVI («Souvent, las d'être esclave et de boire la lie...»)	216
<i>Е. А. Баратынский. Из А. Шенье</i>	217
<i>Н. Д. Иванчин-Писарев. Бедный человек</i>	466

FRAGMENTS D'ÉLÉGIES. ФРАГМЕНТЫ ЭЛЕГИЙ

«Tel j'étais autrefois et tel je suis encore...»	216
<i>В. И. Туманский. Отрывок («...Таков я был, таков и буду я!...»)</i>	217
«Partons, la voile est prête, et Byzance m'appelle...»	218
<i>А. С. Пушкин. «Поедем, я готов; куда бы вы, друзья...»</i>	219
«Tout mortel se soulage à parler de ses maux...»	220
<i>Н. И. Шибаев (?). Утешение</i>	221
«Sans parents, sans amis et sans concitoyens...»	220
<i>И. И. Козлов. Стихи Андрея Шенье на пребывание его в Англии. Вольное подражание</i>	221
<i>Н. И. Шибаев (?). Из А. Шенье</i>	467
«La grâce, les talents, ni l'amour le plus tendre...»	222
<i>В. Г. Бенедиктов. «Измена милой нам всегда горька, обидна...»</i>	223
«Le courroux d'un amant n'est point inexorable...»	222
<i>В. Г. Бенедиктов. «Нет, гнев любовника не стоек...»</i>	223
«Viens près d'elle au matin; quand le dieu du repos...»	224
<i>В. Г. Бенедиктов. «Приблизься утром к ней, когда Морфей сновторно...»</i>	225
<i>А. А. Шишков. Спящая дева</i>	468

POÉSIES DIVERSES. РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

«Près des bords où Venise est reine de la mer...»	224
<i>А. С. Пушкин. «Близ мест, где царствует Венеция золотая...»</i>	225
<i>И. И. Козлов. «Над темным заливом, вдоль звучных зыбей...»</i>	468
<i>В. И. Туманский. Гондольер и поэт</i>	469
«L'impur et fier éroux que la chèvre désire...»	224
<i>В. Г. Бенедиктов. «Влюбленных коз супруг брадатый и зловонный...»</i>	225
«Toi! de Mopsus ami! Non loin de Bérécynthe...»	226
<i>В. Г. Бенедиктов. «Раз, луга злчного переходя границу...»</i>	227
«Tout homme a ses douleurs. Mais aux yeux de ses frères...»	226
<i>В. Г. Бенедиктов. «Все страдают; но в глазах другого каждый рад...»</i>	227
«Belles, le ciel a fait pour les mâles serveaux...»	228
<i>В. Г. Бенедиктов. «Красавицы! Мужским оставьте головам...»</i>	229
«Or venez maintenant, graves compilateurs...»	228
<i>В. Г. Бенедиктов. «Зоилы! Критики венчаные! Идите!...»</i>	229

ODES. ОДЫ

Ode XI. La Jeune captive	230
<i>И. И. Козлов. Молодая узница</i>	231
<i>Авр. Норв. Младая узница</i>	469

IAMBES. ЯМБЫ

Iambe IV («Comme un dernier rayon...»)	232
<i>Н. И. Шибаев (?). Последние стихи А. Шенье</i>	233

ANTOINE-VINCENT ARNAULT. АНТУАН АРНО

La Feuille	236
<i>Д. В. Давыдов. Листок</i>	237
<i>В. Л. Пушкин. Листочек</i>	472
<i>В. А. Жуковский. Листок</i>	472

CHARLES-HUBERT MILLEVOYE. ШАРЛЬ МИЛЬВУА

ÉLÉGIES. ЭЛЕГИИ

Livre I. Книга I

La Chute des feuilles (1811)	238
<i>М. В. Милонов. Падение листьев</i>	239
<i>К. Н. Батюшков. Последняя весна</i>	474
<i>В. Н. Григорьев. Романс</i>	475
La Chute des feuilles (1815, 2-me variante)	240
<i>Е. А. Баратынский. Падение листьев</i>	241
<i>В. И. Туманский. Падение листьев</i>	477
La Demeure abandonnée	244
<i>И. П. Бороздна. Оставленное жилище</i>	245
Le Bois détruit	246
<i>А. А. Крылов. Истребленная роща</i>	247
<i>И. Е. Великопольский. Срубленная роща. (Подражание Мильвуа)</i>	478
<i>Д. П. Глебов. Разрушенный лес</i>	480
La Fleur	250
<i>В. А. Жуковский. Цветок. Романс</i>	251
L'Inquiétude	250
<i>...й. К Делии (Подражание Мильвуа)</i>	251
<i>А. А. Крылов. Недоверчивость</i>	481
Le Retour	252
<i>Е. А. Баратынский. «На кровы ближнего селенья...»</i>	253
<i>П. Г. Сиянов. Сумерки</i>	482
Le Poète mourant	254
<i>П. И. Хотяинцов. Умирающий поэт</i>	255
<i>В. Г. Розальон-Сошальский. Умирающий поэт</i>	483

Livre II. Книга II

Combat d'Homère et d'Hésiode	256
<i>К. Н. Батюшков. Гезиод и Омир — соперники</i>	257
Homère mendiant	264
<i>Д. П. Глебов. Странствующий Гомер. Элегия в древнем вкусе</i>	265

Les Adieux d'Hélène	270
<i>А. Ф. Раевский. Бегство Елены</i>	271
La Néréide	274
<i>И. Е. Великопольский. Нерейда</i>	275
Les Derniers moments de Virgile	278
<i>И. П. Бороздна. Умирающий Виргилий</i>	279
Le Bûcher de la Lyre	280
<i>Ал. Норов. Лира, принесенная в жертву</i>	281

Livres III. Chants éleégiques.

Книга III. Элегические песни

L'Arabe au tombeau de son coursier	284
<i>В. А. Жуковский. Песнь араба над могилою коня</i>	285
Le Mancenillier <Fragment>	288
<i>В. И. Туманский. Манценил</i>	289
<i>А. Ф. Раевский. Дерево смерти</i>	484
Le Tombeau du poète persan	290
<i>А. А. Крылов. Могила персидского поэта</i>	291
<i>Д. П. Глебов. Гробница Бенамара, персидского поэта</i>	486
<i>В. И. Любич-Романович. Могила персидского поэта</i>	487
Le Pauvre nègre	292
<i>Д. П. Глебов. Негр в неволе</i>	293
<i>А. И. Писарев. Бедный негр</i>	489

BALLADES. БАЛЛАДЫ

La Fleur du souvenir	296
<i>В. Л. Пушкин. Романс</i>	297

DIZAINS ET HUITAINS. ДЕСЯТИСТИШИЯ И ВОСЬМИСТИШИЯ

Le Fleuve d'oubli	298
<i>Е. А. Баратынский. Лета</i>	299

ROMANCES. РОМАНСЫ

Priez pour moi	300
<i>И. И. Козлов. Сельская элегия</i>	301

ALPHONSE de LAMARTINE. АЛЬФОНС де ЛАМАРТИН

MÉDITATIONS POÉTIQUES. ПОЭТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

I. L'Isolement	304
<i>Ф. И. Тютчев. Одиночество</i>	305
<i>В. Н. Григорьев. Одиночество</i>	492
<i>И. П. Бороздна. Одиночество</i>	494
<i>Н. А. Полевой. Уньские</i>	495
<i>П. А. Межаков. Пустыня</i>	496
<i>А. И. Готовцева. Одиночество</i>	498
<i>Р. И. Дорохов. Одиночество</i>	500
<i>М. М. Меркли. Одиночество</i>	501
II. L'Homme	308
<i>А. И. Полежаев. Человек. К Байрону</i>	309
<i>М. П. Вронченко. К Байрону</i>	503

III. A Elvire	322
<i>П. Г. Сиянов. К Эльвире</i>	323
<i>А. А. Волков. К Эльвире</i>	504
<i>И. П. Бороздна. К Эльвире</i>	505
IV. Le Soir	326
<i>Н. П. Греков. Вечер</i>	327
<i>В. Н. Григорьев. Вечер</i>	507
<i>И. П. Бороздна. Вечер</i>	509
<i>А. Н. Глебов. Вечер</i>	510
<i>А. И. Полежаев. Мечта</i>	512
<i>М. М. Меркли. Вечер</i>	513
V. L'Immortalité	328
<i>Ал. Норов. Бессмертие. Подражание Ламартину</i>	329
<i>Д. И. Хвостов. О бессмертии</i>	515
VI. Le Vallon	336
<i>А. П. Бунина. Долина</i>	337
<i>П. А. Межаков. Долина</i>	519
VII. La Providence à l'Homme	340
<i>А. И. Полежаев. Провидение человеку</i>	341
<i>Н. И. Надеждин. Промысл человеку</i>	520
IX. Souvenir	348
<i>П. А. Вяземский. Воспоминание</i>	349
<i>П. Г. Волков. Воспоминание (Подражание де ла Мартину)</i>	523
<i>А. Д. Воспоминание</i>	525
<i>И. Е. Великопольский. Воспоминание</i>	527
XI. L'Enthousiasme	352
<i>Д. И. Хвостов. Восторг</i>	353
<i>Д. И. Новиков. Вдохновение</i>	530
XII. La Retraite	358
<i>И. П. Бороздна. Счастливец</i>	359
<i>Д. П. Глебов. К счастливцу-мудрецу</i>	531
XIII. Le Lac	362
<i>М. П. Вронченко. Озеро</i>	363
<i>И. И. Козлов. Ночь на реке</i>	533
<i>А. А. Волков. Озеро</i>	535
XIV. La Gloire	366
<i>М. П. Загорский. Слава</i>	367
XVI. La Prière	368
<i>Д. П. Глебов. Ночное размышление</i>	369
<i>С. Гельфрейх. Вечерняя молитва</i>	537
XVII. Invocation	374
<i>И. П. Бороздна. Призвание</i>	375
<i>В. Н. Григорьев. Воззвание</i>	538
<i>Гамалея. К N..... (Подражание Ламартину)</i>	539
<i>А. Д. Призывание</i>	540
<i>И. Е. Тюрин. Воззвание</i>	540
<i>Кн. ****й. Призывание</i>	541
XVIII. La Foi	376
<i>А. Я. Мейснер. Вера</i>	377

XXI. Le Golfe de Baya, près de Naples	386
<i>Д. П. Ознобишин. Залив Баяя близ Неаполя</i>	387
<i>И. Е. Тюрин. Байский залив, близь Неаполя</i>	542
XXII. Le Temple	390
<i>Ал. Норов. Храм</i>	391
<i>В. Г. Розальон-Сошальский. Храм</i>	545
XXV. Adieu	394
<i>И. Е. Тюрин. Прощание</i>	395
<i>И. П. Бороздна. Прощание</i>	545
XXVII. Le Chrétien mourant	400
<i>И. П. Бороздна. Умиравший христианин</i>	401
<i>В. Н. Олин. Умиравший христианин</i>	547
<i>/А. А./ Волков. Умиравший христианин</i>	548
<i>П. Г. Сиянов. Умиравший христианин</i>	549
XXIX. L'Automne	400
<i>П. А. Межаков. Осень</i>	401
<i>Н. Д. Осень</i>	549
<i>М. М. Меркли. Осень</i>	551
NOUVELLES MÉDITATIONS POÉTIQUES НОВЫЕ ПОЭТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ	
III. Sapho. <Fragment>	404
<i>Н. Р. Сафо</i>	405
VI. L'Esprit de Dieu	406
<i>А. И. Полежаев. Восторг</i>	407
VII. Bonaparte	410
<i>А. И. Полежаев. Бонапарте</i>	411
<i>Н. С. Бобрищев-Пушкин. Воспоминание о Бонапарте</i>	552
IX. Le Papillon	422
<i>П. К. Мотылек</i>	423
<i>А. М. Редкин. Бабочка</i>	557
<i>П. А. Межаков. Мотылек</i>	558
<i>И. Е. Тюрин. Бабочка</i>	558
<i>Н. Девитте. Бабочка</i>	559
X. A E1 ***	422
<i>Ю. И. Познанский. К Ал...-не -ой</i>	423
<i>А. И. Полежаев. Злобный гений</i>	559
<i>А. А. Шишков. Гл.....е</i>	560
XI. Élégie	424
<i>Ю. И. Познанский. Элегия</i>	425
<i>А. И. Полежаев. Юность</i>	562
<i>И. Е. Тюрин. Элегия</i>	562
XII. Tristesse	428
<i>А. Г. Шпигоцкий. Печаль</i>	429
<i>С. Степанов. Уныние</i>	564
XIX. Stances	430
<i>П. А. Драгоманов. Стансы</i>	431
ПРИЛОЖЕНИЕ	435

ДОПОЛНЕНИЕ	565
I. Стихи русских поэтов, посвященные Андре Шенье	
<i>П. А. Вяземский. Библиотека</i>	566
<i>А. С. Пушкин. Андрей Шенье</i>	567
<i>М. Ю. Лермонтов. Из Андрея Шенье</i>	573
<i>М. Ю. Лермонтов. Из поэмы «Сапка»</i>	573
<i>Е. П. Ростопчина. Андре Шенье</i>	574
II. <i>Henri de Latouche. Sur la vie et les ouvrages d'André Chénier</i> . . .	577
КОММЕНТАРИИ	
Условные сокращения	588
Справки о русских поэтах-переводчиках. <i>В. Э. Вацуро</i>	591
Комментарии. <i>В. Э. Вацуро, В. А. Мильчина</i>	606

**ФРАНЦУЗСКАЯ ЭЛЕГИЯ XVIII—XIX ВЕКОВ
В ПЕРЕВОДАХ ПОЭТОВ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ**

Сборник

*На французском языке с параллельным
русским текстом*

Составитель
ВАДИМ ЭРАЗМОВИЧ ВАЦУРО

Издательский редактор *Р. Кабина*
Художник *И. Захаров*
Художественный редактор *П. Иващенко*
Технический редактор *С. Сизова*
Корректоры *Т. Козлова, Г. Кухтина, Г. Иванова*

ИБ № 4458

Сдано в набор 6.06.88. Подписано в печать 23.02.89. Формат
84×108/32. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсет-
ная. Условн. печ. л. 36,12. Усл. кр-отг. 72,87. Уч.-изд. л. 37,21.
Тираж 26 000 экз. Заказ № 2119. Цена 4 р. 10 к. Изд. № 4018.

Издательство «Радуга» В/О «Совэкспорткнига» Государствен-
ного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли.
Москва, 119859, ГСП-3, Зубовский бульвар, 17

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфиче-
ский комбинат Государственного комитета СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли. 170024, г. Кали-
нин, пр. Ленина, 5.